

КАПИТАЛИЗМ

на изходе
столетия

Политиздат

КАПИТАЛИЗМ на исходе столетия

КАПИТАЛИЗМ

Научная редакция
члена-корреспондента АН СССР
А. Н. ЯКОВЛЕВА

на исходе столетия

Москва
Издательство
политической
литературы
1987

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

А. Н. Яковлев (руководитель), *А. В. Аникин, Г. А. Боровик, Е. В. Бугров, А. А. Галкин, Л. М. Громов, И. Е. Гурьев, В. В. Загладин, И. Д. Иванов, А. А. Кокошин, Ю. А. Красин, В. А. Мартынов, Г. И. Мирский, Ю. Ф. Олещук, Ю. К. Островитянов, В. Ф. Петровский, Э. П. Плетнев, В. В. Рымалов, Р. А. Фарамазян, И. Т. Фролов, А. И. Шапиро, Г. Х. Шахназаров, Р. М. Энгов.*

Ученый секретарь монографии — *Л. М. Зонова.*

В подготовке рукописи к изданию участвовали научные сотрудники Института мировой экономики и международных отношений АН СССР: *Е. А. Бирюкова, С. А. Кочарян, Т. М. Краснополянская, Л. В. Максимова, В. Д. Миловидов, Ю. К. Осипов, С. В. Пятенко, М. Ю. Тууль, Н. Н. Чехунова.*

Ряд научно-вспомогательных материалов был подготовлен коллективом под руководством *М. А. Портного* (отдел информации ИМЭМО АН СССР). Статистическая база графиков и диаграмм подготовлена *Б. М. Болотиным* (ИМЭМО АН СССР).

На горизонте истории — грань, разделяющая век XX и XXI. Событие скорее символическое — «non plus ultra»¹. И все же оно побуждает к размышлениям, раздумьям. Недалеко то время, когда люди станут говорить: «Это было в XX веке». На исходе столетие бурных социальных перемен, революций и войн, стремительного научно-технического прогресса. Столетие, в котором образовался и развивается новый общественный строй — социализм, демонстрируя реальную альтернативу буржуазной цивилизации. Столетие всестороннего и углубляющегося кризиса капитализма, продолжающего нести человечеству войны, страдания, голод и духовную пустоту. Кризис его очевиден, но этот строй пока обладает ресурсами для выживания. Столетие, когда исчезла на земле колониальная система. Столетие, когда появилось ядерное оружие, способное уничтожить саму цивилизацию, — и этот факт активно используется правящими силами империализма для шантажа человечества.

Насыщенность века глубокими, принципиальными сдвигами в производительных силах, социальной организации, познавательных возможностях человека исторически беспрецедентна. Пожалуй, именно XX век поставил перед цивилизацией самый трудный вопрос, требующий прямого и честного ответа: каковы долговременные последствия действий людей, правительств, партий, массовых движений, рабочих и крестьян, ученых и писателей, когда на повестке дня конца XX столетия главная общечеловеческая проблема — проблема жизни и смерти.

Мир, как известно, движется. Эволюционируют все его составные части: материальные и духовные, практические возможности человека и его интеллектуальный горизонт, общественные структуры и международные отношения. Одни эволюционируют медленнее, другие быстрее, но в любом случае прогрессивные, революционные силы эпохи стремятся привести общественную практику в оптимальное соответствие с общественным благом, общественным

¹ И ничего более (лат.).

сознанием. Реальности конца нынешнего века таковы, что практика мировых общественных отношений, отягощенных угрозой ядерного уничтожения, а также бурное развитие научно-технической мысли и технологии, как бы сжимающих человечество в единое целое, взаимосвязанный и взаимозависимый организм, потребовали и нового мышления, новых подходов, отказа от устаревших догм и стереотипов, вредоносных традиций и предрассудков.

Исходя из марксистско-ленинского анализа новых условий мирового развития, составляющих его факторов, *XXVII съезд КПСС дал реалистическую картину современного мира, сделал выводы, отвечающие кардинально изменившейся обстановке.* В Политическом докладе М. С. Горбачева съезду были выдвинуты принципиальные положения политического и теоретического характера, вытекающие как из сложившейся на планете ситуации, так и из задач, стоящих перед всеми силами прогресса и демократии. *Два тезиса можно выделить как особые в творческом анализе противоречий и тенденций мирового развития. Это прежде всего тезис о диалектической целостности мира, его возросшей и продолжающей усиливаться взаимосвязанности, взаимозависимости происходящих в нем процессов, судеб стран и народов. И второй — о необходимости нового политического мышления в ядерную эпоху.* Оба эти положения идейно и нравственно восходят к наиболее глубоким традициям коммунизма как общественного движения. Традициям непрерывного и смелого поиска, созидательного отношения к жизни.

Когда философия перестает только созерцать или даже только объяснять мир и начинает активно участвовать в его преобразовании, ее категории становятся категориями политическими. Диалектика реальной жизни — в ее сложном, противоречивом характере, в том, что противоречия общественного развития, социального прогресса нельзя искусственно разложить по полочкам, сколь бы поместительны они ни были. Искать новые, нестандартные пути и средства управления процессами жизнедеятельности общества, переосмысливая заново, казалось бы, знакомое и известное, открывая продиктованные временем, ходом событий дополнительные его черты и качества, — непрременное требование и условие эффективной политики.

Примеров жизненной диалектики более чем достаточно. Приводились они и на съезде. Гений человека, его труд создали небывалые производительные возможности, но они же могут и уничтожить цивилизацию. Знания и вооруженность человека таковы, что уже сегодня на планете могло бы не быть голодных, но социальные условия в значительной части мира препятствуют этому. Наличествуют все материальные предпосылки, чтобы, не откладывая, повести борьбу с нищетой, отсталостью, болезнями, но груз устарев-

ших представлений и социальных порядков и тут оказывается препятствием, преодолеть которое — очень нелегкое дело.

Первый шаг на любом пути, в том числе и на самом долгом и трудном, делается в сознании человека. Новое политическое мышление, на необходимость которого указал съезд советских коммунистов и к которому он призвал, на глазах современников превращается в такой первый шаг, обретает материальную силу.

Новое мышление справедливо отождествляют прежде всего с вопросами международной безопасности, с избавлением от постоянной угрозы мировой ядерной войны, от бессмысленной и все более опасной гонки вооружений, с поиском нетривиальных подходов, смелых и дальновидных решений. Но новое политическое мышление не ограничивается только этим. Движение общественных сил, сил истории нельзя остановить — и это необходимо признавать не только в теории, но и на практике, в политике. Проблемы человека и человечества решаются в первую голову трудом, созиданием, а вовсе не силой, тем более военной. Из этого тоже необходимо делать практические выводы. Небезграничны и ресурсы планеты, значит, и распоряжаться ими сегодня необходимо крайне ответственно. Новое политическое мышление — это сознание людей, зрелых в мыслях и поступках, отдающих себе отчет в собственной мощи и в том, ради каких интересов и целей, в каких формах эта мощь используется, какие плоды она может принести. Это конец эпохи эгоистических интересов, которые взращивались столетиями на почве системы частной собственности.

Но оно, это мышление, потому и называется новым, что еще только начинает утверждать себя в практике международных и межгосударственных отношений. Препятствий на его пути немало. И главное из них — империализм с его культом голой силы, эгоистической моралью. С его готовностью рисковать чем угодно, включая все человечество, во имя собственных привилегий.

Цель исследования — попытаться определить потенциал современного капитализма как главного препятствия на пути к социальному освобождению и обновлению, на пути к прогрессу. Авторы стремились дать многомерную картину современного мира. Поскольку исследование носит комплексный характер, в нем приняли участие ученые разного профиля — экономисты и философы, историки и социологи.

Капиталистический строй создал и продолжает создавать немалые материальные и духовные ценности. Ему пока удастся затормаживать на том или ином этапе развития тенденции и явления своего распада. Но падение его в конечном счете неизбежно. Законы истории неумолимы, их не уговорить и не опрокинуть. По убеждению коммунистов, истоки закономерного перехода к новому типу цивилизации находятся внутри каждого общества, а не вне

его. На смену цивилизации буржуазной идет цивилизация более высокого типа — коммунистическая, этапом становления которой является социализм. Этот объективный закон, ставший жизненным фактом, усиливает страх правящих сил империализма перед грядущим исчезновением формации, столь старательно и успешно служащей интересам богатого эгоистического меньшинства. Империализм все чаще прибегает к силовым способам самосохранения, но тот факт, что ядерное оружие кардинально изменило ситуацию, сдерживает империализм от рокового шага — от политической конфронтации к ядерной войне. Все глубже становится понимание того, что атомная война означала бы гибель человечества, его надежд и страстей, доброты и гениальности, всего, что называется жизнью.

В контексте предварительных итогов развития буржуазного общества в XX в. продолжают активно обсуждаться вопросы о том, что капитализм конца столетия отличается от капитализма начала и середины века; насколько серьезны и обоснованны утверждения буржуазных теоретиков, будто он принципиально изменился, обрел «второе дыхание»; что на деле представляют собой система и методы приспособления его к меняющимся историческим условиям; каковы перспективы революционного процесса в мире капитала или эволюции последнего под влиянием социалистического опыта общественного развития; какие важнейшие экономические, социальные, политические, культурные процессы идут и будут идти в капиталистическом мире и как они могут отразиться на жизни ближайших поколений; что в развитии освободившихся стран объективно содействует укреплению капитализма, а что подрывает его устои; какая угроза для мирового сообщества таится в распространении современной американской массовой культуры и всего буржуазного образа жизни.

Предлагаемая читателю книга — не история последних десятилетий, но естественной точкой отсчета для анализа процессов стало окончание второй мировой войны. Точно так же данная работа — не опыт футурологии и прогностики, но практически во всех главах читатель обнаружит те или иные соображения о ходе вероятного развития ситуации до конца текущего столетия, а в некоторых случаях — и далее.

О состоянии и перспективах мирового капитализма на Западе изданы горы литературы — как серьезные исследования, так и примитивная апологетика. В разной степени, но те и другие служебны по своему характеру, имеют ясную классовую сущность и заданность. Апологию своего строя монополистическая буржуазия возвела в ранг государственной политики, создав многослойный фронт его защиты. Здесь наука и массовая культура, средства массовой информации и тысячи правых организаций,

терроризм и подрывная деятельность против всего прогрессивного, демократического и революционного.

Сто лет назад производительные силы капитализма были на подъеме. Всемирная Парижская выставка 1889 г. и ее символ — Эйфелева башня — демонстрировали впечатляющие технические достижения XIX в. Казалось, что эпохе господства буржуазии несть конца. Но и в этом бурлящем потоке стремительного развития К. Маркс и Ф. Энгельс на основе научного анализа увидели обреченность строя и те общественные силы, которые должны преодолеть его. «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней», — писал К. Маркс еще в 1867 г.¹ Капитализм мчался вперед, безжалостно сокрушая консерватизм, невежество и сопротивление средневековья. Он упивался своим торжеством. Но чем дальше продвигался этот строй, тем теснее становилось производительным силам в оковах капиталистических производственных отношений, а внутренняя и внешняя политика буржуазного класса усиливала, наращивала свои реакционные начала. Но такое положение бесконечным быть не могло.

На рубеже XX и XXI столетий человечество живет в неимоверно усложнившемся мире, и можно определенно предвидеть его дальнейшее усложнение. Многообразием отличаются общественные процессы и в современном капиталистическом обществе. Сохраняя свою сущность, оно во многом отличается от прежнего — как по уровню развития производительных сил, так и по механизму действия кризиса производственных отношений. В послевоенное время сложилась ситуация, во многих отношениях не имеющая аналогий в истории.

В Политическом докладе М. С. Горбачева на XXVII съезде КПСС выделены главные характеристики современного капитализма, определяющие положение в отдельных его сферах и регионах, странах и общественных группах.

Прежде всего современный капитализм — это монополистический капитализм, или империализм, сложившийся еще на рубеже прошлого и нынешнего столетий. В нем действуют фундаментальные закономерности, открытые В. И. Лениным. Но, разумеется, конкретные условия и формы проявления этих закономерностей изменились и продолжают развиваться на наших глазах.

Буржуазия как класс достаточно опытна, чтобы понять социальный смысл прозвучавшего в 1917 г. набата революции. Октябрь 1917 г. ударил по самим основам капиталистического строя, подорвал его экономический, политический, идеологический, духовный фундамент, развеял легенды о незыблемости экономической и поли-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 772—773.

тической власти буржуазии. Миф о вечных ценностях общества капитала и их совершенстве был повержен. Наступила новая эра. То, что еще вчера было «призраком», смелой теорией, мечтой, стало реальностью. Октябрь показал, что приход новой общественной формации на смену капитализму — не только теоретическая возможность, но историческая неизбежность, сущность которой не меняется от того, произойдет ли это несколькими десятилетиями раньше или позже, в одних или других формах, но обязательно на основе и по мере вызревания внутренних условий данной конкретной страны для крутых социальных поворотов.

Империалистические правительства двояко отреагировали на появление нового общественного строя. Во-первых, был использован весь силовой арсенал: интервенция, контрреволюция, блокада, разного рода провокации — военные и экономические. Однако влияние социалистической революции в России оказалось настолько мощным, что правящие круги империализма вынуждены были искать пути к тому, чтобы приспособиться к новой ситуации, извлечь уроки для себя, сгладить наиболее очевидные уродства собственного строя, скорректировать международное поведение с учетом новой расстановки сил.

Силовые, разрушительные действия против СССР, а затем и против других стран социализма были безуспешными, хотя нанесли им большой ущерб. Интервенция, экономическая блокада, политическая изоляция, нападение фашистской Германии, послевоенная агрессивная политика США требовали и требуют от советского народа всех необходимых затрат на оборону. Теперь известны многочисленные планы ядерного уничтожения СССР. «Чариотир», «Когвилл», «Ганпаудер», «Флитвуд», «Дропшот» — это кодовые названия сценариев ядерной войны против СССР в 50—70-х годах. Провалились организованные империализмом контрреволюционные выступления в Венгрии (1956 г.) и Чехословакии (1968 г.).

Но борьба есть борьба. В ней бывают и поражения. Под пулями и штыками погибли революции в Германии и Венгрии в 1918 г. Растерзаны империализмом народные режимы в Чили в 1973 г., в Гренаде — в 1983 г. Немало пролитой крови в антиколониальных революциях народами Африки, Азии, Латинской Америки.

Список преступлений империализма можно продолжить. И в самом существовании таких фактов, в их постоянном пополнении новыми трагическими примерами нельзя не видеть главного — того, что наиболее агрессивные круги империализма не оставляют надежд на уничтожение силой социализма, освободительных движений.

Но остановить прогрессивный, оздоровительный процесс в мире эта деструктивная политика не в состоянии. Социализм как эко-

номическое и общественно-политическое образование продолжал развиваться, набирать силу, крепнуть. Происходили крупные изменения и на мировой социально-экономической карте. От мира капитализма отпала, встала на новый путь большая группа государств, образовалась социалистическая система. При новой расстановке сил капитализм не смог сохранить свою прежнюю структуру: рухнула практически вся система классического колониализма.

Смысл этих исторических уроков не мог не повлиять на правящую военно-экономическую и политическую элиту империализма. Резко возросли ее космополитизм, классовая солидарность, чему способствовали и сдвиги в развитии и характере производительных сил. Изменилась и тактика борьбы. Ни в коей мере не отказываясь от военного давления на мир социализма, выводя гонку вооружений на все новые высоты, чтобы затормозить развитие социализма и ослабить влияние его примера, капитализм на старте 60-х годов сделал заметный упор на адаптивные элементы своей классовой стратегии, особенно на мобилизацию внутренних резервов.

Маневрирование, адаптация были свойственны капитализму всегда, с первых его шагов. Свойственны его внутренней и внешней политике. Но особая полоса в этом плане была открыта именно с победой Великой Октябрьской социалистической революции. Одна только борьба против социализма — независимо от того, велась ли она военными средствами, мерами экономического давления, психологической войны непосредственно против СССР, других стран нового мира, или же средствами социально-экономической политики, пропаганды и культуры против трудящихся капиталистических государств, — одно только это требовало от капитализма перемен и в содержании политики, и в формах, способах, механизмах ее осуществления.

Были и иные важные причины для усиления политики адаптации. Одна из них — значительный размах, который приобрело рабочее движение в мире капитала в 20-е годы. Движение, развивавшееся под решающим воздействием идейно-морального и социально-экономического примера социалистического строительства в нашей стране. Другая — всемирный капиталистический экономический кризис 1929—1932 гг., глубина и масштабы которого ясно показали: без внутренней структурной перестройки капитализм не только не сумеет противодействовать утверждению новых общественных отношений, но просто не сможет достаточно эффективно функционировать в новых условиях.

По следам «великой депрессии» сложилась система государственно-монополистического регулирования. Ее развитие происходило неравномерно, зигзагообразно, в непрерывных столкновениях интересов и воззрений различных монополистических группировок. Новый импульс этому процессу придали уже в после-

военные десятилетия образование и развитие мировой системы социализма, а также практически полный развал прежней колониальной системы империализма.

Объективно это ставило перед капитализмом задачи, с которыми он никогда ранее не сталкивался. Рядом со старой общественной системой, все еще сильной, но уже прошедшей пик своего могущества, развивалась новая, динамичная система, в целом успешно решающая «вековые» проблемы человечества. Каждое ее достижение — это напоминание капитализму о его исторической обреченности. Не реагировать на такой поворот событий империализм не мог.

В то же время развал колониальных структур ставил проблему: чем и как возместить возможные для метрополий экономические потери, удержать бывшие колонии если не в политической, то хотя бы в экономической орбите капитализма? Достигнуто это было, как известно, созданием системы неоколониальной эксплуатации. Ее отличительная черта — не только новые формы экономических отношений между центрами империализма и развивающимися государствами, новые инструменты империалистического ограбления народов этих стран, но и вытеснение прежних хозяев новыми. Ключевую роль во всем комплексе неоколониализма — в экономическом, политическом, идеологическом и военном планах, особенно в военном, — играют, несомненно, США.

Все эти процессы развивались в условиях сохранения и углубления межимпериалистических противоречий. Последовали серьезные изменения во внутреннем содержании и функционировании механизмов капиталистического господства там, где оно сохранялось. Закономерности развития капитализма уже не могли осуществляться в «чистом» виде, они модифицировались под воздействием мирового социализма, под влиянием изменений в соотношении сил на мировой арене. Теперь мы имеем дело с развитым государственно-монополистическим капитализмом, и это определяет многие социально-экономические, политические и другие элементы современного буржуазного общества.

В эволюции государственно-монополистического капитализма очевидным образом проявляется феномен приспособления современного буржуазного строя к новой обстановке. Сама тенденция к приспособлению по-прежнему пробивает себе дорогу в сложных внутрисполитических столкновениях, развивается под влиянием большого числа факторов. В предвоенный период государственно-монополистический капитализм заявил о себе в двух главных формах: американской, когда соответствующий курс проводился государственными институтами традиционного, буржуазно-демократического типа; и фашистской, утвердившейся в Италии, Германии, Испании. Первая делала во внутренней политике упор

в основном на практику подкупа определенных слоев трудящихся, социальное маневрирование, прибегая, однако, в случаях острых классовых противоречий и к репрессивным мерам; вторая — на использование самых крайних, террористических методов принуждения и подавления, на разжигание шовинизма.

Сокрушительное поражение фашизма во второй мировой войне, ставшие достоянием гласности его чудовищные преступления, в том числе и против собственного народа, в решающей мере предопределили тот факт, что развитие государственно-монополистического капитализма пошло в ведущих империалистических центрах по пути использования традиционных институтов буржуазной демократии, но с одновременным неуклонным движением к реакции. Формируется новое явление: приспособительная и реакционная тенденция в политике империалистических государств сначала как бы сочетаются, а затем и сливаются. Во внутреннем и международном курсе Вашингтона это проявилось в максимальной степени и в крайних выражениях. Однако на первых порах преобладали попытки приспособления. Но все больше такая политика опиралась на самоуверенную убежденность правящих кругов США, господствующего класса этой страны в их исключительности, неоспоримом могуществе, военной неуязвимости, мессианском предназначении Соединенных Штатов.

Современная специфика этого явления в том, что приспособительные и реакционно-силовые тенденции проявляются в разных формах на различных направлениях политики империализма. То, что по тем или иным причинам изжило себя внутри капиталистических государств или в отношениях между ними, переносится в зону развивающихся стран, где еще может применяться в течение какого-то времени. Но — и это еще один важнейший аспект такой специфики — осуществляется все более тесная координация политики империализма на всех ее направлениях, между этими направлениями и между главными центрами империализма. Другое дело, что такая координация на деле оказывается не всегда эффективной, должна пробиваться через межимпериалистические и иные противоречия, сама становится нередко средством достижения эгоистических целей лидера капитализма — США. Но несмотря на своего рода издержки, в господствующих классах Запада теперь уже, видимо, необратимо утвердилось понимание необходимости такой координации, как условия обеспечения классовой стратегии в современном мире.

Акценты и приоритеты на основных, магистральных направлениях политики империализма, разумеется, неодинаковы. В ведущих центрах империализма — социальное маневрирование, развитие антикризисного государственно-монополистического регулирования, стимулирование научно-технического прогресса. Но

и постоянная готовность капитала к жесткому наступлению на права и интересы трудящихся, разработка и принятие в этих целях соответствующего государственного законодательства.

Главное для империализма в отношениях между этими центрами (всеми вместе и каждым в отдельности) и молодыми развивающимися государствами — обеспечить политико-экономическую инфраструктуру неокOLONиализма, призванную заменить традиционный колониализм, повысить интенсивность эксплуатации народов освободившихся стран, удерживать их в орбите капитализма. И тут в постоянной готовности все «кнуты» и «палки», которыми располагает империализм: непрестанное вмешательство во внутренние дела народов, разжигание конфликтов и распрей, прямые военные агрессии.

Политика маневрирования в целом приносит капитализму определенные результаты, дает ему время, чтобы передохнуть, попытаться найти пути для нового маневра. Степень адаптации оказалась приемлемой для этого строя, она сохранила, а кое в чем и упрочила ткань капиталистических отношений. Но на разных направлениях дивиденды этого курса весьма неравнозначны. Наиболее результативны они для капитализма в ведущих империалистических центрах. Собственно, этого и надо было ожидать: здесь позиции капитализма изначально наиболее сильны. Социальное маневрирование позволяет буржуазии ослаблять временные накалы классовой борьбы, снижать атакующий потенциал антимонополистических сил посредством их раскола, а когда нужно — путем преследований и репрессий.

В мощное средство шантажа рабочего класса превращена безработица, масштабы которой существенно выросли. Путем изощренных махинаций бизнеса, полиции, спецслужб в армию безработных выбрасываются прежде всего политически активные трудящиеся, часть которых, сломавшись, отходит от политической борьбы. Увольнения и прием на работу все в большей степени обуславливаются политическими мотивами.

Развитие государственно-монополистического регулирования ослабило амплитуду кризисных колебаний, а в совокупности с прогрессом науки и техники дало в распоряжение господствующих классов новые материальные средства, которыми они ранее не располагали.

Империализм сумел за два с половиной десятилетия создать систему неокOLONиализма, позволяющую выкачивать из «третьего мира» столько, сколько и не снилось колонизаторам былых времен. Используя экономическую зависимость развивающихся стран, он новыми средствами проводит старую политику «разделяй и властвуй», препятствует преодолению социально-экономической отсталости, а тем самым и повышению роли этих государств

в мировом развитии. Эта линия позволила капитализму несколько ослабить болезненность политического краха колониализма. Более того, оказалось, что пути колониальных отношений в определенной мере сдерживали развитие самого капитализма. Их устранение стимулировало в течение какого-то времени экономическую конъюнктуру империализма.

Но природа капитализма и его внутренняя неустойчивость брали свое. Ни на одном из направлений присущие капитализму противоречия преодолеть не удалось. Социальные и иные болезни общества лишь загонялись вглубь. Иначе и быть не могло: политика социального маневрирования, несколько снизив остроту классовых битв, не могла решить такие взрывоопасные проблемы, как кризисы, безработица, бедность, отсталость, бесправие, голод, преступность, духовная деградация. Гигантским районом бедствия стал практически весь развивающийся мир. Сложились новые узлы и комплексы противоречий капитализма, вскрытые и глубоко проанализированные на XXVII съезде КПСС.

Следствием и подтверждением углубления и обострения общего кризиса капитализма стали во второй половине 70-х годов антиимпериалистические революции в Анголе, Афганистане, Мозамбике, Зимбабве, Никарагуа и других странах. Небывалого накала острота внутренних противоречий достигла в этот период в самих центрах империализма. Особо обращают на себя внимание три обстоятельства. **Во-первых**, даже в условиях беспримерного ограбления развивающихся стран и народов ведущие капиталистические державы, и в первую очередь США, оказались не в состоянии удержать такие темпы экономического роста, которые позволяли бы и впредь наращивать политику подкупа достаточно широких слоев населения в этих государствах, как делалось в 60-е и первой половине 70-х годов. Данное обстоятельство стало одной из главных движущих причин массированного наступления капитала на права трудящихся с конца 70-х годов. **Во-вторых**, кризисные явления глубоко поразили валютно-финансовую сферу — свитая святого капитализма, область, дававшая (и продолжающую давать) главные средства государственно-монополистического регулирования. **В-третьих**, выявилась и «обратная сторона» неокOLONиализма: гигантский долг развивающихся государств, тяжелые и обостряющиеся проблемы этой группы стран камнем повисли на современном капиталистическом хозяйстве. Дальнейшее обострение противоречий здесь неизбежно. Грабительская политика неминуемо содержит эффект бумеранга.

Не удалось империализму осуществить задуманного и по отношению к социалистическим странам. Конечно, навязанная миру социализма гонка вооружений, экономическое и военное давление, подрывные действия, спровоцированные здесь кризисы отрица-

тельно сказываются на темпах строительства нового мира. Это так. И тем не менее социализм идет вперед, преодолевая преграды: и объективные, и субъективные, и те, которые воздвигаются классовым противником. Отразив военные провокации, одержав победы в войнах, навязанных империализмом, социализм вышел на паритет с империализмом в области стратегических вооружений, что создало принципиально новую обстановку в мире, исключающую установление имперской диктатуры США. Гонимая за химерой военного превосходства, американский милитаризм своими действиями фактически добился такого положения, когда территория США окончательно и бесповоротно перестала быть неуязвимой от возмездия. Стремясь сделать ядерным заложником весь мир, милитаризм, военно-промышленный комплекс США сделали таким заложником народ Америки. Более того, действиями, направленными на расширение и ускорение гонки вооружений, на перенесение ее в космос, они еще более усугубляют и без того сложную и опасную ситуацию, наращивают и степень своей безответственности, и меру вины перед всем человечеством, включая и американский народ.

Трагическая опасность в силу имперской политики США остается. Исторические обстоятельства во второй половине века сложились таким образом, что империализму США в результате выгодной ему экономической и политически мировой войны и после нее удалось сконцентрировать у себя огромную экономическую и военную мощь, и это породило опаснейшую иллюзию возможности достигнуть мирового господства, иллюзию смертоносную, самоубийственную. Тот факт, что эта химера положена в основу американской практической политики, создает реальную угрозу мировой катастрофы, угрозу, исходящую от США — метрополии современного империализма.

Человечество оказалось перед возможностью гибели цивилизации. В принципе о самой этой возможности люди задумывались давно, еще в древние века, но в основном в религиозно-мистическом ключе. Ближе к нашему времени, в XIX в., многие ученые с естественнонаучных и философских позиций рассматривали возможность «финала истории» вследствие какой-то стихийной катастрофы. «Кто нам обеспечил вековечность планеты?»¹ — спрашивал А. И. Герцен.

Но даже самые выдающиеся из мыслителей не могли предвидеть, что угроза существованию человека как биологического вида возникнет вследствие его собственной деятельности и что великие научно-технические достижения будут поставлены на службу корыстным интересам монополистической буржуазии.

¹ Герцен А. И. Собр. соч. В 30 т., т. 6, с. 37.

Первыми это поняли ученые, обнаружившие дьявольски разрушительную силу атома и создавшие на этой основе оружие, которое смертью нависло над человечеством, испытывая его нервы и разум, но одновременно вызывая к необходимости подняться над иррациональностью сложившейся ситуации. Начали постепенно осознавать нависшую опасность и политики, но пока еще далеко не все в буржуазном мире пришли к ее осознанию. По-прежнему достаточно влиятельны те, кто видит возможность продолжить свое существование, законсервировать свою власть силой, милитаризацией жизни, войной. Это обстоятельство во многом определяет международную ситуацию на рубеже столетий. Убедительным примером борьбы между силами старого мира — мира войны, насилия, гонки вооружений — и силами, которые взяли на свои плечи историческую миссию спасения человечества от ядерной гибели, является современная международная обстановка, главная характеристика которой — битва за будущее. Наиболее выразительной демонстрацией двух подходов к решению проблемы сохранения жизни на Земле явились встречи на высшем уровне в Женеве и Рейкьявике. В них широкий общечеловеческий подход и ответственность за судьбы мира столкнулись с обнаженным классовым эгоизмом и исторической слепотой.

Но у сложившегося положения есть и другая сторона. Поставив мир перед возможностью ядерного уничтожения, империализм заложил тем самым основы для образования поистине общечеловеческой по масштабам коалиции, способной объединить всех, кто видит будущее не через контуры ядерных взрывов, кто все глубже осознает необходимость остановить сползание к бездне. Коалиции, объективно неизбежной и объективно антиимпериалистической. Самоуверенность и аморальность силы, доведенные до крайних пределов, рождают закономерное и растущее сопротивление народов, наталкиваются на растущее осуждение даже в самом мире капитализма. Подтверждения тому — в небывалом еще на Западе подъеме антивоенного движения. В нежелании даже ближайших союзников США слишком тесно связывать себя с политикой старшего партнера. В разоблачениях «ирангейта», который высветил не только традиционный и слепой авантюризм правящих кругов Вашингтона, зараженных ветрянкой антикоммунизма, но и их не столь уж прочные претензии на лидерство в системе капитализма.

Последствия событий 70-х годов для политики империализма оказываются двоякими. Возможности капитализма, его достижения в научно-технической сфере, предельная мобилизация шовинизма и милитаризма породили у реакции к началу 80-х годов новые надежды и расчеты на использование силовых факторов в борьбе против социального прогресса.

Однако при всех ставках на силу, на военно-экономическое изматывание социализма империалистическая политика вынуждена считаться и с реальным положением дел в мире. Жизнь развеяла апологетические мифы капитализма 60-х годов, которыми вздохнули капитаны капиталистического корабля и его почитатели от науки, информации и культуры. Представители господствующих классов Запада, еще способные взглянуть в лицо фактам, признают масштабы обнажившихся проблем современного капитализма, недостаточность имеющихся у него средств преодоления этих проблем. Деятели реалистического лагеря все больше понимают, что военные решения сегодня непригодны, что силовая политика свидетельствует вовсе не о силе, а о слабости, способна принести и приносит капитализму и его политике лишь новые трудности, поражения и кровоточащие противоречия.

Такова диалектика общего кризиса капитализма. Его исторический выбор предельно сузился. Если на рубеже XIX и XX вв. империализм, по существу, лепил по своей воле социально-экономическое и общественно-политическое лицо мира, то в преддверии XXI столетия у него остались лишь две возможности: либо и дальше приспосабливаться к новым и новым реалиям, либо обречь на катастрофу весь мир, включая и свою систему. И в этом — главное выражение тотального кризиса социальной системы, которая так много дала цивилизации в прошлом, но исторически обанкротилась уже тем, что довела человечество до страшной реальности — угрозы собственной гибели.

События середины 80-х годов неоспоримо подтверждают справедливость такой оценки. Именно в этот период правящие круги США, стран — союзников по блоку НАТО зажгли зеленый свет перед новым, самым масштабным и дорогостоящим, наиболее опасным по его потенциальным последствиям витком гонки вооружений — космическим. Сделали все для того, чтобы не допустить реального ограничения и сокращения вооружений, прежде всего ядерных. Рейкьявик обнажил это до предела. В Вашингтоне зашли беспрецедентно далеко в попытках демонтировать саму основу процесса ограничения гонки вооружений, заложенную на протяжении 70-х годов. Зашли в угоду СОИ, в угоду всем тем имперским амбициям, корыстным интересам, иллюзорным надеждам и несбыточным мечтаниям, которые реакция связывает с программой «звездных войн».

Движущими силами этого откровенного шабаша милитаризма были традиционные мотивы империалистической политики: погоня за небывалыми, «космическими» прибылями; стремление вернуть себе утраченное военное превосходство над СССР, социалистическим содружеством; не менее сильное стремление навязать социализму такое военно-экономическое соперничество, которое

на десятилетия задержало бы его развитие, сорвало бы осуществление социально-экономических преобразований в Советском Союзе, других социалистических странах.

Здесь нет необходимости напоминать о том, что именно от социализма мир услышал своевременные предупреждения. Именно социализм глубоко проанализировал происходящее и возможное, дал пример решительной, новаторской, смелой борьбы против античеловеческой стратегии милитаризма. На XXVII съезде КПСС, в выступлениях и беседах М. С. Горбачева, в том числе и на встречах с американским президентом, аргументированно и твердо говорилось: подходы, рожденные в доядерную эпоху, ныне недопустимы, они противоречат новым реальностям, они опасны.

Известен и ответ со стороны Вашингтона: длинная череда бесконечных «нет», вопиющий разрыв между словом и делом, отход от собственных, время от времени декларируемых позиций. Все это — во имя сохранения и продолжения гонки вооружений ради обеспечения прибылей монополий и осуществления имперских замыслов правящих сил. Ведают ли в США, что творят? Видимо, да. Но классовые интересы капитала ставятся выше общечеловеческих, эгоизм торжествует.

Как все это понимать? По-видимому, так, что социальная узость целей, авантюризм в выборе средств и методов их достижения, готовность идти при этом на недопустимый уровень риска, ставя под удар судьбу всех людей земли, перестали быть качествами только отдельных политиков и группировок, превратились в устойчивую характеристику системы в целом. Отсутствие ощущения исторической перспективы — одновременно и важный признак углубляющегося кризиса капитализма, и самая угрожающая черта империализма и его политики конца XX в.

Общий кризис капитализма в наше время — это небывалое нагромождение, переплетение, обострение всех противоречий частнособственнической формации. Это появление столь же острых новых противоречий в ответ на попытки преодолеть или смягчить старые. Это отсутствие у капитализма исторической перспективы: и объективно, ибо он не может справиться с порождаемыми им самим проблемами; и субъективно, поскольку его господствующие классы, многие политики озабочены лишь сохранением собственных позиций, не видят и не хотят видеть путей решения действительных задач, стоящих перед человечеством.

Капитализм остается еще сильным, мощным строем — и в экономическом и в военном отношениях. Но необходимо различать силу молодого, растущего социального организма, последовательно раскрывающего свои возможности, и силу стареющего общества, боящегося своего будущего, лихорадочно ищущего резервы, которые позволили бы сохранить достигнутое, продлить его существо-

вание. Он неуклонно теряет былую привлекательность. Его эгоизм, жажда наживы, бездуховность, весь образ жизни становятся все более нетерпимыми. Весь его путь полит кровью и слезами, отмечен безразличием к человеку труда.

Капитализм развивается ныне в условиях нового этапа научно-технической революции, имеющего важнейшие социальные последствия. XXI век будет веком информатики, компьютеров, роботов, биотехнологий, термоядерной энергии, невиданно эффективных средств связи и транспорта. Что это сулит человеку?

НТР придает новый материально-технический облик милитаризму, который в последние десятилетия стал подлинным бедствием. Он угрожает ввергнуть человечество в войну, подрывает экономику, налагает печать на все стороны жизни общества. В империалистических странах, прежде всего в США, сложился военно-промышленный комплекс, который выступает как альянс производящих вооружения монополий, генералитета, государственной бюрократии, милитаризованной науки и подчиненного им идеологического аппарата, прежде всего средств массовой информации. Этот зловеющий союз служит опорой крайней реакции в общественной жизни, полицейско-тоталитарных методов управления, является постоянным источником военной опасности, орудием угнетения народов развивающихся стран.

Становится все более очевидным, что характер и особенности военно-политического курса США во многом объясняются той ролью, которую играют в его разработке и проведении военно-промышленные корпорации. Именно они подводят под этот курс конкретную материально-техническую базу, провоцируя все новые витки гонки вооружений. А это и предопределяет возможности и границы внешнеполитического курса США, эволюцию милитаристских доктрин. Весьма «соблазняет» милитаристов и надежда на то, что СССР окажется в перспективе экономически или технически неспособным выдержать какой-либо очередной качественный виток гонки вооружений.

Одна из определяющих характеристик современного капитализма — превращение США в его военно-экономическую метрополию. Это — не только непосредственный и главный источник военной угрозы для всего мира. Это еще — и движущая сила формирования материального потенциала и инфраструктуры того, что можно назвать совокупной мощью империализма и реакции. Глобальная военно-полицейская машина, опирающаяся на союз национальных военно-промышленных комплексов капиталистических стран, все чаще предстает как орудие империализма США, средство обеспечения интересов Вашингтона, в том числе и по отношению к его союзникам и конкурентам.

В формировании подобной структуры милитаристские круги

США усматривают в перспективе практически единственный, как им представляется, безотказный способ сохранения американского «лидерства» в капиталистическом мире. Гегемония США будет в этом случае обеспечиваться сочетанием американского военно-технического превосходства над другими капиталистическими государствами, политическим руководством и диктатом Вашингтона и системой транснациональных корпораций — орудием неокOLONиального ограбления многих народов развивающихся стран. И все это под лозунгом единства в борьбе против «коммунистической» и «советской угрозы». Если довести силовую тенденцию в межимпериалистических отношениях до ее логического завершения, то это означало бы не что иное, как военно-политическое закабаление Соединенными Штатами всего капиталистического мира, небывалое повышение военной опасности.

70-е — начало 80-х годов ознаменованы качественным сдвигом в развитии общего кризиса мировой капиталистической системы. Относительно «благополучная» конъюнктура 60-х годов сменилась значительным осложнением условий воспроизводства, процессами серьезной экономической и политической дестабилизации капитализма. На глазах стала «сбрасывать обороты» его хозяйственная машина. Замедлился подъем производства, резко снизились темпы роста производительности труда, падает фондоотдача, невиданные размеры приобрела безработица, участились циклические кризисы, переплетающиеся со структурными, возросли их продолжительность и разрушительная сила. Все это вызывает ужесточение конкурентной борьбы и соперничества государственно-обособленных империализмов и их союзов, обостряет и усиливает экономические, социальные и политические противоречия мирового капитализма, становится преградой на пути решения реальных проблем, возникших перед человечеством.

Каковы перспективы мировой капиталистической экономики, какими темпами она будет развиваться? Сумеет ли она приспособиться к новым условиям своего существования, реализовать назревшие структурные сдвиги? Насколько далеко может зайти разрыв между центрами и периферией капиталистического хозяйства? Возможно ли постепенное сближение уровней их экономического и социального развития? Как будет идти дальше дифференциация развивающихся стран, в том числе на путях их собственного социального развития? Все эти вопросы имеют громадное значение для всего человечества и, разумеется, для социализма как созидательной альтернативы общественного устройства.

Общество представляет собой живую, пульсирующую и развивающуюся систему. Бесконечно многообразны и сложны образующие его структуры. Современное буржуазное общество по составу и расстановке классовых сил значительно отличается от общест-

ва конца XIX в., что всячески пытаются использовать и буржуазные идеологи, и социал-реформисты для опровержения теории научного коммунизма, как если бы эта теория стояла на позициях некой неподвижности, замороженности общества. Совсем наоборот. Марксизм-ленинизм обладает научным инструментарием для анализа современной расстановки социальных сил, новых условий и форм классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом, роли и места промежуточных общественных групп.

Вопрос о перспективах классовой борьбы теснейшим образом связан с политической ситуацией, с движением политического корабля влево или вправо. В последние годы наблюдается поляризация политических сил в ведущих капиталистических странах, выражающаяся одновременно и в заметном «сдвиге вправо», повышении активности консервативных партий и движений, и в укреплении, нарастании левых и общедемократических тенденций. В этих процессах сложным образом взаимодействуют внутривнутриполитические и внешнеполитические факторы. Каковы основы и перспективы право-консервативного сдвига? В какой мере выборы и парламентская борьба отражают глубинные социально-экономические процессы? Какие новые возможности открываются перед левыми силами в 80—90-е годы? При каких внутренних условиях и в каких странах мыслимо формирование эффективной антимонополистической коалиции, реальной альтернативы современной политике государственно-монополистического капитализма? Все это вопросы, требующие ответа.

Позиции и политику правительств, партий и деятелей можно и нужно оценивать с разных углов зрения. Но есть критерий, который в современных условиях приобретает абсолютное значение: увеличивает ли деятельность данного правительства, партии, руководителя опасность войны или уменьшает ее? Кто они, эти группы, партии, лидеры, — пророки апокалипсиса или ответственные деятели, способные трезво оценить перспективы человеческой цивилизации? Чему они отдают приоритет: общечеловеческим или эгоистическим интересам?

Со времен революций XVII—XVIII вв. альфой и омегой политической организации западного общества является буржуазная демократия. Фашизм доказал, что буржуазия с легкостью откачивается от нее, когда это ей выгодно. Но в современных условиях в большинстве развитых стран буржуазная демократия продолжает считаться одним из устоев капитализма. Однако последние годы выявили признаки ее новой деформации и подрыва. Последовательно ограничиваются права и свободы, все чаще возникают реакционные формы политической власти, усиливаются репрессии. Для манипуляции общественным мнением в интересах правящего класса активно используются и достижения НТР.

Теряют независимость, даже относительную, буржуазные средства массовой информации.

Кризис буржуазной цивилизации проявляется в области морали, культуры, искусства. Современная эпоха характеризуется на Западе распадом вековых ценностей, которые империализму нечем заменить. Индивидуализм, бездуховность, вседозволенность, коррупция, преступность и терроризм — лишь некоторые хорошо известные черты современного западного образа жизни.

Капитал всегда подчинял себе и уродовал развитие науки, литературы, искусства. Но никогда еще этот процесс не принимал таких чудовищных размеров. Культ силы и насилия, рекламный дурман, порнография пронизывают «массовую культуру», предназначенную для миллионов людей, которых хотят лишить общественного лица. обрека на культурную неполноценность. «Цивилизованный дикарь есть самое отвратительное зрелище», — говорил Н. К. Рерих. Добавим: и крайне опасное явление.

«Массовая культура», контркультура захватила ключевые позиции в духовной жизни современного капиталистического общества, она в разнообразных формах атакует в последние десятилетия и социализм. Ее возникновение и развитие связано с феноменом «общества потребления» и одновременно с развитием научно-технической революции, утвердившей средства массовых коммуникаций как бытовую норму современной жизни.

Но «поп-культура» — не просто продукт «потребительского общества», она в значительной мере и создатель, демиург, творец его. Могучие средства новейшей техники массовых коммуникаций и индустриального производства предметов культуры брошены на разжигание в душах людей потребительских настроений и утверждение перевернутой, дегуманизированной системы ценностей, на формирование спасительных для капитализма бездуховных стереотипов обыденного массового сознания, на разложение масс. «Масс-культура» — порождение и принадлежность буржуазного, и прежде всего американского, образа жизни. Ее социальный смысл — в утверждении ущербной иерархии ценностей, удушении активных социальных начал. Страх капитализма перед будущим оказался настолько велик, что буржуазия пошла здесь на самое гнусное в истории человеческой культуры преступление — на то, чтобы ампутировать у людей совесть, мораль, гуманизм.

Последние главы книги в большей мере, чем остальные, посвящены будущему, которое в решающей мере зависит от исторического соревнования двух систем, хода смены капитализма новой общественно-экономической формацией. При этом социализм, как указывалось в Программе КПСС, «доказывает свои преимущества не силой оружия, а силой примера во всех областях общественной

жизни — динамичным развитием экономики, науки и культуры, повышением жизненного уровня трудящихся, углублением социалистической демократии»¹.

Центральную роль в определении судьбы человеческой цивилизации, как уже подчеркивалось, играют вопросы войны и мира, жизни и смерти. Отвести угрозу ядерного уничтожения — главная миссия социализма. Имеются и другие проблемы глобального, общечеловеческого порядка: обеспечение растущего населения планеты энергией и продовольствием; защита и сохранение окружающей среды во всемирном масштабе; освоение Мирового океана и космического пространства; достижение удовлетворительного уровня здравоохранения и образования во всех частях мира; преодоление отсталости бывших колоний и полуколоний и многое другое.

Решение этих проблем осуществляется неодинаково в странах различных социальных систем. Однако оно требует объединения усилий и сотрудничества всех государств. Советский Союз и другие социалистические страны на деле доказывали и доказывают готовность к такому сотрудничеству. Иную политику проводят монополистическая буржуазия и империалистическая дипломатия. Исходя из узкоэгоистических интересов, они используют сложные мировые проблемы как средство давления на молодые государства, саботируют соответствующие международные договоренности. Наглядный пример тому — отказ США и ряда других западных стран от присоединения к подписанной более чем ста государствами Конвенции ООН по морскому праву, выход США и Англии из ЮНЕСКО, использование продовольственной проблемы в целях политического шантажа, отказ США подписать Декларацию о правах человека и многое другое.

Международная обстановка, в которой живет и действует наша страна, сложна и изменчива. Чтобы правильно ориентироваться в ней, необходимо подходить к многообразным фактам действительности творчески, открыто, без предвзятостей. Этого требует мир, в котором мы живем в преддверии третьего тысячелетия. Мир, полный надежд, ибо никогда прежде люди не были столь всесторонне оснащены для дальнейшего развития цивилизации. Но это и мир, подчеркивал М. С. Горбачев, перегруженный опасностями и противоречиями, побуждающими говорить о едва ли не самой тревожной полосе истории².

Эту полосу тревог, полосу беспрецедентных в истории угроз и опасностей породил капитализм. И объективно — через свои

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 176.

² См. там же, с. 10.

противоречия, саму природу общества, где каждый конкурирует с каждым. И субъективно — через упорное нежелание господствующих классов поступиться своими привилегиями, властью, привилегиями.

Преодолеть эту полосу, вывести мир из тупика, в который загоняет его имперский милитаризм, — вот задача исторического масштаба. В социалистических странах твердо убеждены: гонка вооружений должна быть остановлена. Затянувшееся лихорадочное состояние международных отношений — особенно в преддверии возможных новых научно-технических прорывов — таит угрозу внезапного и губительного для всех земель кризиса. Требуются реальные шаги в сторону от ядерной пропасти, усилия всего мирового сообщества во имя радикального оздоровления международных отношений. Требуется неустанное нарастающее внимание к подлинным проблемам человечества: обеспечению достойной, социально справедливой жизни всем живущим на нашей планете. Прогресс цивилизации, само ее выживание неотделимы от избавления ее от груза прошлого, от наследия частнособственнической формации. Это и есть реальная диалектика жизни. В ее понимании — корни того оптимизма, с которым мы всматриваемся в приближающийся XXI век, работаем ради лучшего, более справедливого и безопасного завтра. Вопреки любым конвульсиям старого мира.

**Век социального
перелома**

Капитализм как общественная система болен, и болен неизлечимо. Диагноз болезни давно поставлен марксистами: *общий кризис*. Это не случайный поворот и не кратковременный зигзаг истории, не результат ошибок или просчетов буржуазных государственных деятелей, не «рука Москвы» или «происки мирового коммунизма». Жизнь подчиняется не благопожеланиям, а законам общественного развития; история общества — это закономерный поступательный процесс, но никак не простая сумма случайных слагаемых. Глубокий и всеобъемлющий кризис, переживаемый последним классово-антагонистическим строем, — неотвратимый и перманентный процесс, в котором в концентрированной форме выражается упадок капиталистической системы. Он представляет собой неизбежное следствие непримиримых противоречий, имманентных этой формации. Последние 10—15 лет дали много подтверждений у г л у б л е н и я общего кризиса капитализма. Не располагая позитивными целями и ориентирами, выражающими интересы трудящихся масс, подчеркивается в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, капитализм сталкивается ныне с таким количеством социальных и прочих тупиков, какого он не знал за все века своего развития, с небывалым переплетением и взаимоусилением всех групп его противоречий. К их числу в первую очередь относятся противоречия между трудом и капиталом; между монополиями и громадным большинством населения в капиталистических странах; между транснациональными корпорациями и национально-государственной формой политической организации общества; между империалистическими государствами; между основными центрами современного империализма; между империализмом и развивающимися странами и народами; наконец, противоречия глобального масштаба, затрагивающие самые основы существования цивилизации.

Марксистско-ленинский вывод о том, что неотвратимо сужается сфера господства империализма и становится все более оче-

видной его историческая обреченность, получает широкое международное признание. Даже среди откровенных апологетов капитализма порой заметны уныние и нервозность, скептицизм и пессимизм. Об этом свидетельствуют, например, заголовки статей в популярных на Западе журналах. «Можно ли еще спасти капитализм?»¹ — спрашивает западногерманский «Штерн». «Может ли капитализм выжить?», «Не перестала ли работать машина капитализма?», «Можно ли еще починить систему, или она уже не поддается ремонту?»² — такими вопросами задается американский «Тайм». И хотя ответы на подобные вопросы далеко не однозначны, все же «Штерн» признает, что «большинство граждан ФРГ склонно считать, что эта система не имеет больше шансов». Французский журнал «Нувель обсерватор» также полагает, что «в рамках существующей системы выхода нет». Разумеется, это не значит, что тем самым принимается социалистическая альтернатива. Строятся новые концепции, под разными наименованиями сохраняющие принципы капиталистической частной собственности.

Общим кризисом поражена не какая-либо одна страна, группа или коалиция государств, а весь мировой капитализм от основания до вершины: его базис и надстройка, экономика и социальные отношения, политика и государственный строй, идеология и культура, мораль и образ жизни, все стороны межгосударственных связей. Кризис охватил саму основу этого способа производства — капитал как систему общественных отношений. «Господство капитализма прекратить было бы невозможно, — подчеркивал В. И. Ленин, — если бы к этому не вело все экономическое развитие капиталистических стран»³. Идейно-политический кризис, кризис буржуазной демократии, который разлагает политическую машину капитала, захлестывая институты власти и буржуазные партии, разрушает и элементарные нормы нравственности. Даже в высших эшелонах государственного механизма все более явной становится безудержная коррупция, стяжательство. Традиционные формы консерватизма уступают место авторитарным тенденциям.

Именно в самом капитализме, а не где-то вне его вызревают объективные и субъективные предпосылки его крушения, революционной смены более высоким общественно-экономическим строем. Отметив, что проблемы и кризисы, переживаемые миром капитала, возникают в его собственных недрах, XXVII съезд КПСС подчеркнул актуальность марксистского положения, что капитализм, развиваясь, отрицает сам себя. Такое развитие не устраняет

¹ Stern, 1975, Heft Nr. 38, 11. bis 17. September, S. 70.

² The Time, 1975, July 14, p. 38; 1980, April 21, p. 40.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 99.

присущих этому строю антагонизмов, одновременно вызывая к жизни все новые, не менее, а порой и значительно более глубокие и острые. Оно создает все большие препоны для решения глобальных проблем, вставших перед человечеством в последние десятилетия нынешнего века, и главнейший из них — проблемы его выживания. Наконец, капиталистическое развитие со всей неизбежностью готовит материальную базу идущей на смену капитализму коммунистической формации.

Благодаря гигантскому прогрессу техники, колоссальному росту капитала и банков, писал В. И. Ленин, «капитализм созрел и перезрел», стал «реакционнейшей задержкой человеческого развития»¹. Никогда раньше «перезрелость» капитализма, превращение буржуазных производственных отношений в оковы общественного развития не были столь очевидны и рельефны, как в современную эпоху. Кризис мирового капитализма развернулся как объективный и необратимый процесс расшатывания экономических и социально-политических устоев буржуазии, сужения сферы ее господства, ограничения и подрыва ее монополии в международных делах, воздействия на ход событий на нашей планете. Империализм утрачивает былую власть над основной массой человечества.

XX век — век бурный, сложный, социально переломный. Он не имеет себе равных по скорости развития, остроте социальных конфликтов, стремительности и масштабу революционных преобразований. Поразительный в истории науки и общества факт: в 1916 г. В. И. Ленин, раскрыв экономическую и политическую сущность империализма, пришел к выводу о возможности победы социалистической революции первоначально в одной или нескольких отдельно взятых странах и о невозможности ее победы одновременно во всех или в большинстве государств. И уже в следующем году этот вывод блестяще подтвердился — в России разразилась революция, вначале буржуазно-демократическая, которая вскоре же переросла в социалистическую.

С тех пор не минуло еще и семидесяти лет, а социализм уже утвердился на огромных пространствах земли, дорогой коммунистического созидания идут сотни миллионов людей. Открытый Великим Октябрем процесс революционного обновления человечества, его вхождения в эпоху подлинной истории всемирной цивилизации успешно продолжается. С отношениями между государствами двух систем, двух социально-экономических формаций связана наиболее важная с точки зрения судеб человечества группа противоречий современного мира, пронизанного противоборствующими тенденциями, сложнейшими альтернативами. Эти системы

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 116.

принципиально расходятся как в оценках настоящего, так и во взглядах на мировую социальную перспективу. В сравнении с социализмом капиталистический строй оказывается все менее готовым и способным осмысливать возникающие проблемы, а главное, находить их разумные решения. Поэтому, как говорится в Программе партии, «все новые и новые народы отказывают капитализму в доверии, не хотят связывать с ним перспективы своего развития, настойчиво ищут и находят пути к социалистическому преобразованию своих стран»¹.

Мировой империализм находится под мощным воздействием, могучим натиском таких главных движущих сил общественно-го развития, как мировой социализм, международное рабочее и коммунистическое движение, силы национального освобождения, массовые демократические движения. Постоянный рост этих сил и их взаимодействие определяют важнейшие черты и направления общего кризиса капитализма, его периодизацию, этапы. Они ведут к кардинальным количественным и качественным сдвигам в соотношении сил на мировой арене между социализмом и капитализмом — в пользу социализма, между национально-освободительным движением и империализмом — в пользу сил национального освобождения (см. таблицу на с. 30).

Неотвратимо ведут они и к углублению классовой борьбы в капиталистических цитаделях, все большему возрастанию экономической неустойчивости капитализма, обострению старых и появлению все новых внутренних и внешних, antagonистических и неантaгонистических противоречий. Главным межимпериалистическим противоречием, обострившимся на почве научно-технического прогресса, отныне стало остроконфликтное соперничество между основными центрами империализма — США, Западной Европой и Японией, которое возникло и развилось наряду с традиционным межгосударственным противостоянием и над ним.

Отпадение от капитализма все новых стран; крушение колониальной системы; процесс экономической деколонизации освободившихся стран; обострение противоречий империализма с развитием государственно-монополистического капитализма и небывалым ростом милитаризма; усиление внутренней неустойчивости капиталистической экономики, проявляющееся в растущей неспособности капитализма использовать полностью и рационально производительные силы (снижение темпов роста производства, участвовавшие периодические и острые структурные кризисы, постоянная недогрузка производственных мощностей, хроническая массовая безработица, кризис природопользования); выявившаяся неэф-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 128.

Экономическая и социально-политическая картина мира
(в % к общемировому итогу)

	Годы	Социалистические страны	Развитые капиталистические страны	Развивающиеся страны
Территория	1919	16,0	84,0 *	—
	1940	16,5	83,5 *	—
	1970	25,9	15,4	58,7
	1985	26,2	12,2	61,6
Население	1917	7,7	92,3 *	—
	1940	7,8	92,2 *	—
	1970	33,6	19,5	46,9
	1985	32,1	16,7	51,2
Промышленное производство	1917	менее 3,0	более 97,0 *	—
	1940	10,0	90,0 *	—
	1970	прим. 38,0	54,0	7,0
	1985	более 40,0	около 50,0	прим. 7,0
Среднегодовые темпы прироста (в %):	1961—1985			
	национального дохода	5,5	3,7	5,2
	промышленной продукции	6,9	3,9	4,6
	продукции сельского хозяйства	3,5	1,8	2,8

* Весь капиталистический мир, включая колонии и зависимые страны.

Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1980 г. Статистический ежегодник. М., 1981, с. 56—57; Народное хозяйство СССР, 1922—1982 гг. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1982, с. 89; Народное хозяйство СССР в 1985 г. Статистический ежегодник. М., 1986, с. 578—581.

фektivность государственно-монополистического регулирования экономики; длящаяся годами инфляция и разбухание государственного долга; нарастание борьбы между трудом и капиталом; резкое обострение противоречий мирового капиталистического хозяйства; тенденция к усилению политической реакции по всем направлениям; наступление на конституционные права и свободы; установление в ряде стран тиранических режимов; кризис буржуазного образа жизни — все это многогранные проявления углубляющегося на современном этапе общего кризиса капитализма. Они нашли четкое марксистско-ленинское обоснование и обобщение в Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду партии, в Программе КПСС.

Резервы капитализма За последние десятилетия мировая капиталистическая система и ее экономический фундамент претерпели глубокие изменения. Ни для кого, естественно, не секрет, что капитализм конца XX в., капитализм века электроники и информатики, компьютеров и роботов, далеко не тот, каким

он был в начале и даже в середине столетия. Этот бесспорный факт зафиксирован в программных документах КПСС и братских партий, международного коммунистического движения.

Разумеется, современный государственно-монополистический капитализм продолжает оставаться, хотя и на значительно сузившихся пространствах земного шара, капитализмом, империализмом. *Его эксплуататорский характер и антигуманная природа неизменны*, ибо сохраняются господство капиталистической собственности на все основные средства производства, эксплуатация наемного труда, засилье монополий, присвоение капиталом прибавочной стоимости, погоня за максимизацией прибыли, политическая тоталитарная власть монополистической буржуазии.

Стало быть, капитализм и в эпоху общего кризиса не утратил своих коренных черт и особенностей, выявленных К. Марксом, Ф. Энгельсом, В. И. Лениным. В невиданных масштабах продолжается накопление богатств на одном полюсе, нищеты и необеспеченности масс — на противоположном; растет социально-классовая поляризация буржуазного общества. Политическая реакция по всей линии, экспансионизм и агрессивность полной мерой характеризуют и сегодняшний империалистический капитализм. Развитие капитализма на протяжении всего нашего века полностью подтвердило правильность ленинского анализа его заключительной стадии.

С 1917 г. капитализм перестал быть замкнутой системой. Он развивается ныне под воздействием не только внутренних закономерностей — объективных потребностей производительных сил и антагонизмов, обостряемых далеко зашедшими процессами монополизации и государственно-монополистического перерождения всей его структуры и определяющих в первую очередь углубление его общего кризиса, — но также и внешнего фактора. Общество, где господствует финансовая олигархия, испытывает сильное и все нарастающее давление, которое вызвано упрочением мирового социализма, углублением основного противоречия нашей эпохи — между социализмом и империализмом, натиском международного рабочего движения и национально-освободительных революций, последствиями ликвидации колониальных империй.

Глобальное противоборство двух социальных систем, их сосуществование и соревнование, прямые и обратные связи, лежащие в основе такого взаимодействия, накладывают сильнейший отпечаток на состояние и развитие буржуазного общества, на новые явления и глубинные процессы, характерные сегодня для мирового капитализма. Иными словами, капитализм просто не мог — ни политически, ни экономически, ни социально — не считаться с российской революцией, взорвавшей капиталистические порядки и создавшей строй, обращенный к человеку труда.

Окончательный исход противоборства двух систем исторически предрешен: *общий кризис капитализма есть процесс разрушения капиталистического способа производства и революционной замены его социализмом*. Но еще в 1916 г. В. И. Ленин предупреждал, что «представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, не-научно, теоретически неверно»¹.

Эпоха общего кризиса мировой капиталистической системы показала, что обострение антагонизмов буржуазного общества, неминуемо ведущее к его краху и революционному переходу к высшему типу общественного хозяйства, происходит в противоречивых, часто латентных (скрытых) формах. Развитие этого кризиса протекает зигзагообразно, неравномерно, скачками, приступами, или, говоря ленинскими словами, через «долгие и тяжелые перипетии»², в ходе которых революционные приливы чередуются с отливами, временными неудачами и отступлениями, с рядом «поражений отдельных революций»³. Это естественно, ибо в силу неравномерности капиталистического развития степень остроты противоречий в разных странах и группах стран несоциалистического мира в различные отрезки времени далеко не одинакова.

Предположение, будто социальная революция пролетариата совершается в одночасье, что она есть одноразовый штурм бастионов капитализма и может надвигаться одной сплошной лавиной, — карикатура на марксизм и ленинскую теорию социалистической революции. Никто так убедительно, как Ленин, не подчеркивал, что развитие монополистического, а затем и государственно-монополистического капитализма уже несет в себе отрицание капитализма как общественного строя. В то же время никто убедительнее Ленина не обосновывал положение, что ниспровержение капитализма во всемирном масштабе, становление и утверждение коммунистической формации занимают целую историческую эпоху, что это чрезвычайно сложный, многообразный и длительный процесс, сроки окончания которого точно установить невозможно. В. И. Ленин писал, что социальная революция не может произойти иначе как в виде эпохи, соединяющей пролетарские революции в передовых странах и «целый ряд демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях»⁴.

Марксизму-ленинизму органически чужды теория «автоматического краха капитализма», представление, будто общий кризис капитализма в своем развитии ведет к непрерывному — из года

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 6.

² Там же, т. 27, с. 305.

³ Там же, т. 37, с. 64.

⁴ Там же, т. 30, с. 112.

в год — ослаблению капиталистического строя. На международной конференции, посвященной 50-летию выхода в свет ленинской работы «Империализм, как высшая стадия капитализма», не без основания отмечалось, что «механическое, бездумное повторение слов о непрерывном углублении противоречий, становясь похожим на заклинание, лишается убедительности и иногда может вызвать просто чувство неудовлетворенности»¹.

Буржуазное общество даже в эпоху его заката неправомерно рассматривать как строй стагнации производительных сил, который застыл в своем развитии и где исчерпаны экономические потенции, внутренние источники подъема хозяйства. В. И. Ленин в докладе на II конгрессе Коминтерна, говоря о том величайшем революционном кризисе, который переживает буржуазный строй во всем мире, вместе с тем утверждал, что «абсолютно безвыходных положений не бывает», что «пытаться «доказывать» наперед «абсолютную» безвыходность было бы пустым педантством или игрой в понятия и в словечки»². Не закупорка, а, напротив, рост производительных сил — наиболее подвижного, революционного и определяющего элемента способа производства — усугубляет решающий для судеб капитализма конфликт между гигантски выросшими производительными силами и сковывающей их развитие оболочкой — капиталистическими производственными отношениями. Этот конфликт под влиянием и на фоне научно-технической революции становится все более острым.

Почему общий кризис капитализма сильнее всего поразил американское буржуазное общество, его экономику и социальную структуру? Прежде всего потому, что именно оно достигло наиболее высокого в капиталистическом мире уровня развития производительных сил — потолка, максимума того, чего смог пока добиться капитализм в этой области. Но именно потому, что производительные силы развились в США наиболее мощно, экономические и политические противоречия, социальные контрасты и социальная несправедливость, имущественное и иное неравенство классов, групп и слоев населения сказываются здесь с особой силой. Обращая внимание на быстрое экономическое развитие США в начале нынешнего века, В. И. Ленин подчеркивал, что «как раз *благодаря* этому паразитические черты новейшего американского капитализма выступили особенно ярко»³.

И в наши дни полностью сохраняет значение ленинское положение о двух тенденциях в развитии капиталистического производства в эпоху империализма — к росту и к загниванию. На

¹ Учение В. И. Ленина об империализме и современность. М., 1967, с. 168.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 228.

³ Там же, т. 27, с. 423.

различных отрезках исторического пути верх берет то одна, то другая из этих тенденций, но в общем преобладает первая. Монополия при капитализме порождает тенденцию к застою, однако под давлением конкурентной борьбы империалистические монополии зачастую становятся генераторами научно-технического прогресса. На своей высшей стадии капитализм в целом растет неизмеримо быстрее, чем прежде, а его загнивание не исключает периодов ускоренного развития отдельных отраслей производства и стран. И чем заметнее экономический рост, тем глубже и острее противоречия.

В документах XXVII съезда КПСС дается диалектическая трактовка противоречий поступательного процесса мирового развития, новых форм их движения. Они не только выражают приговор старому миру, но и являют собой движущую силу общественного прогресса, который разворачивается в условиях борьбы, неизбежной, пока существуют эксплуатация и эксплуататорские классы. Подготавливая смену капиталистической формации социализмом, они могут одновременно выступать и как источник ее самодвижения, обуславливая качественные сдвиги в развитии производительных сил и производственных отношений, определенную корректировку хозяйственного механизма.

Таким образом, у капиталистического общества, сходящего с исторической сцены, у общества, лишенного будущего, есть еще немалые силы. Главный резерв империализма заключен в том, что, утратив былую хозяйственную и политическую гегемонию на земном шаре, он продолжает господствовать в значительной группе высокоразвитых стран, производящих до половины мировой промышленной продукции, и прежде всего в «большой семерке» (США, Япония, ФРГ, Франция, Англия, Италия, Канада), на которую приходится около 43% промышленного производства всего мира.

Материальные предпосылки перехода к социализму раньше всего сложились именно в промышленно развитых государствах. Однако в большинстве из них империалистической буржуазии удалось сохранить свою власть. Хотя мир капитализма и прошел точку своего зенита, находится в нисходящей фазе развития, он все еще продолжает оставаться сильным и опасным противником социализма. Империализм пытается извлекать уроки из понесенных им поражений, приспособляясь к принципиально новой исторической обстановке противостояния двух систем и мировой классовой борьбы, к требованиям научно-технической революции, влияние которой на мировые общественные процессы углубляется.

Крупный ресурс современного капитализма — накопленное материальное богатство, мощные индустриальный, научно-тех-

нический и интеллектуальный потенциалы, налаженный и организованный производственный аппарат, высококвалифицированная рабочая сила, вышколенный государственный аппарат подавления и манипулирования общественным мнением. Располагая ими, монополии сохраняют способность мобилизовывать материальные, трудовые и финансовые резервы, достаточные для того, чтобы пройти тот или иной отрезок времени, добиваясь довольно высоких темпов роста производства.

После второй мировой войны капиталистическая экономика прошла в своем развитии три заметно отличающихся друг от друга периода: восстановительный — примерно до середины 50-х годов, относительной стабильности — до 70-х годов и, наконец, период резкого замедления экономического роста.

На протяжении первых двух периодов капиталистическое хозяйство приобрело такие новые черты, которые во многом изменили его облик по сравнению с довоенным, не говоря уже о более ранних стадиях империалистического развития. Оно сохранило неустойчивый, неравномерный и циклический характер, однако почти трем десятилетиям после окончания войны были свойственны, как правило, удлинение и интенсификация повышательных фаз капиталистического цикла, уменьшение глубины и продолжительности кризисов общего перепроизводства. В этом временном интервале не было ни одного по-настоящему глубокого и разрушительного мирового экономического кризиса, хотя сохранялись циклические колебания производства и в отдельных странах, и во всей системе мирового капиталистического хозяйства.

Серьезно видоизменилась структура экономики, народнохозяйственные, воспроизводственные и отраслевые пропорции. В сфере материального производства возникли и быстрее других стали расти новые отрасли и подотрасли, знаменующие его переход к более высокому техническому уровню: радиоэлектронная и микроэлектронная, авиаракетно-космическая, лазерная, атомная энергетика, новейшие направления химии, биотехнология и генная инженерия, современные виды транспорта, получают все более широкое распространение многокомпозиционные материалы, информационно-вычислительная техника. Появились принципиально новые продукты и источники энергии, развилась искусственная сырьевая база промышленности. Капиталистическое производство могло опираться в своем развитии на относительно дешевые энергоресурсы и сырье. В конечном общественном продукте сокращался удельный вес сельского хозяйства (в США, например, доля его условно чистой продукции в общем объеме материального производства упала с 10,5% в 1960 г. до 7,7% — в 1970 г. и до 5,8% — в 1985 г.) при существенном увеличении абсолютных показателей его роста, индустриализации и завершении пе-

рехода к системе машин. Из импортеров продовольствия многие развитые государства превратились в его экспортеров. Огромное значение приобрела непродовольственная сфера, зависимость от которой материального производства намного возросла.

Существенные изменения претерпели принципы и методы управления капиталистическим хозяйством на всех уровнях. Их общая направленность, пробивающая себе дорогу, несмотря на частые зигзаги экономической политики правительств,— все большее дополнение, а в ряде случаев и прямое замещение стихийно-рыночных регуляторов воспроизводства централизованными, растущая государственно-монополистическая централизация управления производством. Главным механизмом, который стихийно регулирует пропорции общественного воспроизводства в соответствии с законом стоимости, остается конкуренция. Но капиталистическая неполная планомерность и воплощающие ее в жизнь регулирование, программирование либо индикативное планирование тоже стали неотъемлемой частью хозяйствования при высокоразвитом государственно-монополистическом капитализме. Это, естественно, проявилось как в расширении экономической функции буржуазного государства, так и в серьезных сдвигах в организационной структуре частных корпораций, особенно транснациональных.

Корни этих изменений уходят в эволюцию капиталистической собственности, которая стала гораздо более концентрированной. Еще более высокой степени достигло капиталистическое обобществление производства. Несмотря на рост мелкого и среднего предпринимательства, интенсивно продолжается процесс концентрации, централизации и монополизации производства и капитала. Этот процесс вышел за государственные границы, приобрел интернациональный характер и привел к образованию *транснационального капитала*, занявшего доминирующие позиции в мировом капиталистическом хозяйстве. Транснациональные корпорации подминают и монополизуют целые отрасли производства и сферы как в отдельных странах, так и в международном масштабе.

Гораздо большую роль, чем раньше, в развитии капиталистической экономики стали играть международное разделение труда и основанные на нем мирохозяйственные связи — экономические и научно-технические: внешнеторговые, производственные, патентно-лицензионные, экспорт и импорт капитала, инженерно-консультационные и управленческие услуги. Возросла взаимосвязанность и взаимозависимость государств и народов. Усиление антагонизмов воспроизводственного процесса и неспособность обеспечить адекватное современным производительным силам расширение внутреннего рынка толкали империалистические государства на поиск дополнительных источников экономического роста за

пределами национальных границ. Внешняя торговля возрастала в капиталистических странах вдвое быстрее производства. На мировом рынке теперь реализуется в среднем треть суммарной продукции отраслей материального производства капиталистических стран против 17,5% в 1950 г.

Следствием всех этих немаловажных изменений явился скачок в развитии производительных сил капитализма. В свою очередь он вызвал к жизни очередную волну «реабилитации» капиталистического строя его буржуазными и реформистскими приверженцами. В конце 50 — середине 60-х годов стали возникать всевозможные конкурирующие друг с другом теории «трансформации» и «омоложения» капитализма, «супериндустриального» и «постиндустриального» общества. Все они сеяли иллюзии, будто буржуазное общество вступило в некую эру бескризисного развития, «всеобщего благоденствия» и «классового мира», будто оно способно обеспечивать гармоничный рост производства в условиях полной занятости населения и всех производственных ресурсов и вообще чуть ли не перестало быть капиталистическим.

Это был, даже по признанию самих буржуазных идеологов, период эйфории. «Итоги развития в третьей четверти XX в. показали,— писал тогда американский экономист П. Самуэльсон,— что обогащенная государственным планированием и макроэкономическим контролем рыночная экономика вполне способна к успешному функционированию сравнительно как с прежними эпохами капиталистического развития, так и с коммунистическим развитием»¹. Другой американец — М. Харрингтон в свою очередь заявлял, что капитализм «продемонстрировал великолепную способность быстро восстанавливать свои силы, а потому непременно «найдет выход из сложившейся ситуации»².

Но если всерьез говорить об особенностях экономики империализма, выявившихся к концу 60-х годов, о приобретенных ею новых чертах, то они заключаются отнюдь не в ее принципиальной трансформации, не в утрате эксплуататорской природы, а в дальнейшем глубоком государственно-монополистическом переустройстве буржуазного общества, на фоне которого развернулась научно-техническая революция.

По сути дела, все экономические и политические факторы, лежавшие в основе увеличения в первые послевоенные десятилетия объемов капиталистического производства, сводились к дальнейшему развитию государственно-монополистического капитализма, а также к научно-техническому прогрессу. Было бы в принципе неверно полагать, что это — факторы конъюнктурного порядка,

¹ *Samuelson P. A. Economics. N. Y., L., Toronto etc., 1973, p. 734.*

² *The Time, 1975, July 14, p. 39.*

что они не являются внутренне присущими современному капитализму. Напротив, широкое использование этих рычагов составляет основу экономической стратегии адаптации империализма к новой исторической обстановке в мире, стратегии его самосохранения и выживания. Они будут и впредь оказывать самое серьезное воздействие на ход и характер капиталистического воспроизводства.

Еще один существенный резерв капитализма — это возможность, опираясь на государственно-монополистическое регулирование, использовать в своих интересах плоды достижений науки и техники и таким путем дальше развивать производительные силы, несмотря на углубление экономических, социальных и политических противоречий. Один из выводов XXVII съезда КПСС состоит в том, что «и нынешний этап общего кризиса не несет с собой абсолютного застоя капитализма, не исключает возможностей роста его экономики, освоения новых научно-технических направлений. Он «допускает» удержание конкретных экономических, военных, политических, иных позиций, а на каких-то участках — даже возможность социального реванша, возвращения ранее утраченного»¹.

Милитаризм в значительной мере направляет технический прогресс в русло гонки вооружений. Усилиями военно-промышленного комплекса самая передовая научно-техническая мысль переплавляется в оружие массового уничтожения, создавая этим смертельную угрозу человечеству. Научно-техническая революция, с которой непосредственно связан прогресс человечества и которая оказывает огромное влияние на все идущие в мире процессы, его противоречия, естественно, не может отменить законов общественного развития. Как подчеркивалось на съезде, только социальное и духовное раскрепощение человека делает его подлинно свободным.

Способность современного капитализма обращать достижения научно-технической революции на созидательные цели ограничена, и это — яркое свидетельство его развития по нисходящей линии. Однако, хотя производственные отношения капитализма узки для современной научно-технической революции, в особенности для наступившего ныне нового ее этапа, хотя технический прогресс все чаще упирается в пределы, которые ставит ограниченное капиталистическими рамками потребление основной массы населения, все же нельзя не считаться с тем, что возможности увеличения масштабов и темпов роста общественного производства объективно расширяются. Речь идет о том, что в ближайшей четверти столетия экономика ведущих капиталистических

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 13.

государств, благодаря овладению новейшими достижениями научно-технической революции, осуществлению радикальных структурных сдвигов в производстве и его интенсификации, широкому использованию современных форм международного разделения труда, может быть переведена на совершенно новую технико-технологическую базу.

В настоящее время научно-технический прогресс, овладение достижениями науки и техники стали решающей сферой мирного противоборства двух систем, представляющего собой *особую форму современной классовой борьбы на международной арене*. Именно на научно-техническую революцию делает империализм ставку в своей борьбе за выживание. В ней он увидел якорь спасения, средство для ремонта капиталистической системы, а возможно, для победы в соревновании с социализмом. Но эти надежды по меньшей мере обманчивы. Однако и здесь какого-либо автоматизма нет и быть не может. Марксисты всегда утверждали, что борьба с исторически отживающим строем требует все новых усилий в каждый период, на каждом отрезке истории.

К числу факторов, используемых капитализмом в историческом соревновании двух систем, следует отнести и то, что он пока сохраняет перевес над социализмом по общему объему производства товаров и услуг, а также в некоторых конкретных сферах хозяйственной жизни. В наиболее развитых странах он располагает еще преимуществами, обусловленными более высоким уровнем производительности общественного труда. В Программе КПСС выдвинута жизненно важная задача — достичь высшего мирового уровня производительности общественного труда и эффективности производства и таким образом лишить капитализм этого преимущества.

До сих пор речь шла главным образом о ресурсах и факторах материально-технического порядка. Находясь на службе частно-капиталистических либо государственно-монополистических интересов, эти ресурсы являются орудием капиталистической эксплуатации и потому продолжают оставаться реальным резервом капитализма.

Но на практике в распоряжении этой формации имеются и иные, так сказать, нематериальные резервы. К ним, обобщенно говоря, можно было бы отнести следующие.

Во-первых, вследствие неразвитости экономики и сохраняющейся неокOLONиальной эксплуатации стран «третьего мира» капитал смог без особых потерь для себя пойти на удовлетворение ряда первейших потребностей рабочего класса, обеспечить сравнительно высокий прожиточный минимум основной его массе, хотя и при перманентном сохранении нищеты значительной части населения развитых капиталистических стран, многомиллионной

безработицы, а также голода, болезней и высокой смертности на периферии капиталистического мира.

Во-вторых, капитализм господствует в группе стран с длительными «демократическими» традициями, характерной чертой которых является развитая парламентская политическая демагогия, прикрывающая всевластие монополий, военно-экономической и политической элиты. Капитализм достаточно умело проводит политику раскола и разложения рабочего и демократических движений.

В-третьих, монополистический капитал с помощью средств массовой информации сохраняет возможность манипулировать общественным сознанием, воздействовать на психику людей.

В-четвертых, современный капитализм все чаще использует менее открытые, более изощренные и утонченные формы эксплуатации как «собственного» рабочего класса, так и народов бывших колоний и полуколоний.

Все эти резервы могут временно, причем дорогой ценой для человечества, отсрочить неотвратимый исход на том или ином участке капиталистического мира, деформировать общественный процесс в той или другой капиталистической стране, исказить с точки зрения исторической перспективы пути ее развития. Но устранить историческую обреченность старого мира они не в состоянии.

Полоса дестабилизации

Определяющее значение для перспектив и конечного исхода соревнования и противоборства двух социальных систем имеет в целом более быстрый, устойчивый и качественный рост социалистической экономики, благодаря чему чаша весов в материальном балансе противостоящих мировых сил постепенно все больше склоняется не в пользу империализма. Конечно, полезность сравнения конкретных экономических параметров капитализма и социализма не вызывает сомнений. Однако гораздо больший интерес представляет сопоставление ресурсов каждой системы и ее слабых мест, а также, что самое важное, тенденций развития. В нашу революционную эпоху мир меняется необычайно быстрыми темпами, и решающее влияние на соотношение сил оказывает не столько, если можно так выразиться, материальная и финансовая масса, сколько социальное развитие, способное перемещать эту массу в политическом пространстве. Измеряя тот же экономический или военный потенциал каждой группы стран, нельзя быть уверенным, что через какой-то промежуток времени те или иные его слагаемые не окажутся нейтральными или даже вольются в другой лагерь.

Историческое противоборство двух мировых систем все больше приобретает социально-экономический характер. Поэтому «набор»

его показателей призван быть в полном смысле слова комплексным и включать наряду с количественными параметрами объемов и темпов роста производства также качественные характеристики: научно-технический прогресс, эффективность и интенсификацию хозяйства, производительность труда и качество продукции и, кроме того, качество жизни, социальные услуги, духовные и личностные факторы. .

Поскольку современный государственно-монополистический капитализм остается и ныне, как и в прошлом, капитализмом, постольку и наиболее «слабые места» в его экономике обусловлены прежде всего серьезнейшим обострением традиционных противоречий этого способа производства, действующих, правда, на более широкой основе. Речь идет прежде всего о таких неизменно присущих капитализму явлениях, как стихия рыночного механизма и анархия производства, сохраняющихся несмотря на распространение государственно-монополистических форм хозяйствования, а также воспроизводственные, отраслевые и иные диспропорции, усиливаемые циклическим характером экономического развития.

Свойственные общему кризису капитализма хроническая безработица, недогрузка основного капитала и в целом растрата производственных ресурсов достигли таких гигантских масштабов, которые не идут ни в какое сравнение с тем, что было прежде. Во время циклических кризисов 1974—1975 и 1980—1982 гг. в США не использовалось от одной четвертой до трети производственных мощностей в сравнении с 8% в 1966 г. Такой степени недоиспользования основного капитала, даже с учетом необходимого в хозяйстве резерва мощностей, эта страна не знала более 40 лет. Как никогда раньше, капитализм сегодня «походит на волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями»¹.

Конфликт производительных сил с производственными отношениями капитализма и раньше и теперь наиболее полно выражает коренной классовый антагонизм буржуазного строя между общественным характером производства и капиталистическим присвоением результатов обобществленного труда. Из него и сейчас «вытекают все те противоречия, в которых движется современное общество»², в нем «содержатся в зародыше все коллизии современности»³ и внутри капиталистических стран, и в их взаимоотношениях.

С возникновением социалистической системы главным антагонизмом эпохи стало историческое противоборство между социализ-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 429.

² Там же, т. 19, с. 228.

³ Там же, с. 214.

мом и империализмом, охватывающее все стороны и сферы общественной жизни на нашей планете, а основное экономическое и политическое противоречие капитализма утратило былую тотальность. Однако, действуя в капиталистической зоне, оно целиком сохраняет фундаментальное значение в иерархии всех противоречий, присущих капитализму как общественной формации. Оно остается первоосновой антагонизма между трудом и капиталом, классовой борьбы пролетариата, антимонополистических выступлений трудящихся. В его углублении и конечном разрешении революционным путем заложена неотвратимость гибели капитализма.

К извечным формам движения и проявления этого антагонизма, таким, например, как противоречия между стремлением к безграничному расширению производства и ограниченной покупательной способностью масс, между анархией всего общественного производства и организованностью, планомерностью на отдельных предприятиях и в корпорациях, в эпоху общего кризиса капитализма добавились и новые. К ним можно было бы отнести, скажем, противоречие между необычайными возможностями, открываемыми научно-технической революцией, и препятствиями, которые капитализм ставит на пути их использования в интересах всего общества; противоречие между общественным характером современного производства и государственно-монополистическим характером его регулирования. Это не только рост противоречия между трудом и капиталом, но и углубление антагонизма между интересами подавляющего большинства нации и финансовой олигархией.

Наиболее слабые стороны современного капиталистического хозяйства связаны, кроме того, с возникновением многообразного спектра новых негативных процессов. Что это за процессы?

Прежде всего, невиданное в истории буржуазного общества одновременное сплетение в один узел многих острокризисных ситуаций циклического и структурного, конъюнктурного и хронического, внутреннего и международного порядка. В циклическом кризисе середины 70-х годов общее перепроизводство товаров и перенакопление капитала впервые теснейшим образом слились со структурными кризисами разного порядка и типа. К их числу относятся кризисы топливно-энергетический и сырьевой, которые были тогда связаны с относительным недопроизводством нефти, других энергоресурсов, ряда видов сырья; продовольственный и в широком смысле экологический; длящиеся долгие годы, а в отдельных случаях и десятилетия отраслевые кризисы перепроизводства в черной металлургии, горнорудной, судостроительной, автомобильной, текстильной промышленности; в сфере обращения — кредитно-денежный и валютно-финансовый, кризис внешнеторговых и платежных балансов, мирохозяйственных свя-

зей в целом. Все они сопровождались конфликтными ситуациями в системе межгосударственных отношений. Им сопутствовали и острые социально-политические кризисы в странах капитала.

Столь необычный «букет» кризисных процессов самого различного характера, происхождения, природы и калибра, который совершенно четко выделил экономические, политические и социальные потрясения 70-х и последующих годов из серии предшествующих, вызвал глубокие нарушения всего воспроизводственного механизма.

Далее. Инфляция из эпизодической и преимущественно национальной превратилась в длительную и трудноизлечимую мировую болезнь капитализма. Не только ее динамика приобрела невиданную крутизну, но и, что еще важнее, она стала сопутствовать развитию капиталистической экономики и в военное и в мирное время, как в годы сравнительно быстрого восхождения, так и в периоды топтания производства на месте и даже его стремительного спуска.

Инфляция переплелась и стала расти одновременно с увеличением многомиллионной безработицы. Она сводит на нет частичные и вынужденные подачки капитала трудящимся, вызывает резкое повышение стоимости жизни, замедление роста, а иногда и прямое падение реальной заработной платы рабочих и служащих, реальных доходов других слоев населения, в особенности с фиксированным заработком. Если во время кризиса 1974—1975 гг. реальная заработная плата сокращалась только в США и Англии, то в ходе кризиса 1980—1982 гг. — в подавляющем большинстве капиталистических стран.

Воспользовавшись экономическими неурядицами, а также неблагоприятно сложившейся для рабочего класса ситуацией на рынке труда, господствующий класс с середины 70-х годов перешел в контрнаступление, вернулся к политике социального реванша, стремясь с лихвой компенсировать те уступки, которые он оказался вынужденным сделать раньше, в ходе социального маневрирования. У трудящихся отобрали значительную часть их социальных завоеваний. По ряду показателей уровня жизни они оказались отброшенными на много лет назад. Рекордной для всего послевоенного периода является безработица: научно-техническая революция при капитализме выбрасывает за ворота предприятий миллионы людей, в том числе молодых и образованных. Снижается уровень реальной заработной платы, ухудшаются также условия предоставления социальной помощи, постепенно ликвидируются завоевания трудящихся в области здравоохранения, образования и т. д. Правоконсервативные силы, пришедшие к власти в США и ряде других крупных капиталистических стран, развернули массированное и ожесточенное наступление на права

трудящихся, подвергают травле профсоюзы, делают ставку на ужесточение тоталитарных методов управления обществом, не колеблясь, прибегают к политическому шантажу, репрессиям, к террору, карательным акциям.

Капитализм переживает острейший приступ своего общего кризиса. К 70-м годам в значительной степени иссякли факторы, благоприятная комбинация которых временно давала импульс экспансии производительных сил, и среди них структурная перестройка капиталистического хозяйства. Обострение глобальных проблем — энергетической, сырьевой, экологической — вызвало колоссальные трудности с ресурсным обеспечением воспроизводства, сделало экономический рост гораздо более дорогостоящим и потребовало новой переориентации хозяйственной структуры, причем на этот раз куда менее выигрышной и более капиталоемкой, тогда как связанные с новым этапом научно-технической революции структурные сдвиги в экономике на базе развертывания ее наукоемких отраслей и производств, перехода к ресурсосберегающему высокоинтенсивному типу воспроизводства были еще впереди. Начала снижаться экономическая эффективность научно-технического прогресса в сложившихся к тому времени направлениях. Утратили былую силу факторы циклического обновления основного капитала. Заметные осечки стал давать и внешнеэкономический стимулятор производства: почти вдвое по сравнению с предыдущим периодом упал темп прироста физического объема международной капиталистической торговли. Сильные потрясения в сфере материального производства и других областях хозяйства сопровождались расстройством финансов и денежно-кредитной системы капиталистических стран.

«Слабых мест» в экономике капитализма становится все больше из-за гигантского расточения ресурсов общества милитаристской машиной. Милитаризм, разбухающий на гонке вооружений, понижает всю жизнь буржуазного общества, стремится шаг за шагом овладеть политическими рычагами власти. Естественно, он оказывает сильное влияние на экономику. Что бы ни твердили адвокаты военно-промышленного комплекса, милитаризм, обогащая отдельные группы монополистической буржуазии, в конечном счете ведет к истощению наций, разорению народов, изнывающих под бременем налогов и растущей дороговизны. Через каналы милитаризации уничтожается значительная часть общественного богатства. Ставя человечество на грань катастрофы, милитаризм на протяжении длительного периода существенно сдерживает рост производства, ослабляет базу расширенного воспроизводства, отвлекает от производительного использования колоссальные трудовые, материальные и финансовые ресурсы.

Военная машина пожирает все больше плодов научно-техни-

ческой мысли, бессмысленно растрчивает не только нынешний, но и будущий потенциал человеческого общества. Расчеты, произведенные в Институте США и Канады АН СССР, показали: суммарный ущерб, нанесенный экономике США милитаризацией их хозяйства и выраженный в объеме недопроизведенной конечной продукции, за 33-летний период (1946—1979 гг.) составил в общей сложности 3,4—5,3 трлн. дол. (в ценах 1972 г.), что соответствует 2,4—3,7 величины валового национального продукта этой страны в 1979 г.¹ По подсчетам специалистов Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, реализация предложений, содержащихся в Заявлении М. С. Горбачева от 15 января 1986 г., дала бы США до 2000 г. экономию примерно в 1 трлн. дол., Западной Европе — около 300 млрд. дол. Однако пока в военный бюджет США из социального перекачано в 1986 г. 51 млрд. дол., в 1987 г. — планируется 83 млрд. дол.

Даже буржуазным экономистам и социологам теперь видно, чего стоили архипозитивистические утверждения о некоем «неокапитализме», способном к планомерному и бескризисному развитию. «Мы совершенно сбились с курса»², — заявил финансовый директор одной крупной ТНК. Мировая капиталистическая экономика «вступила в последнюю четверть XX в. с таким грузом проблем, неясностей, источников расстройств и пессимизма, с коим она почти никогда ранее не сталкивалась», — писал западногерманский журнал «Интерэкономикс». — Царившую до недавнего времени непоколебимую уверенность в непрерывном росте сменило предчувствие обреченности и скепсис»³. «Спазматическая экономика на грани катастрофы»⁴, — писал О. Тоффлер.

В этих условиях буржуазные идеологи оказались вынужденными переориентировать доктрину экономического роста с быстрых на замедленные темпы, причем в качестве предлога для такой трансформации используется и необходимость радикального обновления экономико-экологической системы современного мира. Новой парадигмы «умеренного, не слишком быстрого экономического развития» придерживаются уже многие эксперты. С подобными идеями не раз выступали политические лидеры капиталистического мира, в частности, на совещаниях руководителей «большой семерки». Безоблачный оптимизм оказался не столь уж долговечным.

В капиталистических странах ведется непрекращающийся, но в общем безуспешный поиск путей преодоления глубокого кризи-

¹ США: военное производство и экономика. М., 1983, с. 48.

² Le Nouvel Observateur, 1980, du 24 au 30 Mars, No. 802, p. 24.

³ Intereconomics, 1975, No. 2, p. 34.

⁴ Toffler A. Eco-Spasm Report. Toronto, N. Y., L., p. 51.

са всей системы государственно-монополистического регулирования экономики, ее кардинальной перестройки. Если в фазе циклического подъема 60-х годов такое регулирование давало определенный эффект, то в сменившей ее полосе хозяйственного развития оно оказалось совершенно «неработоспособным». И это закономерно. Совпадение двузначной инфляции и массовой безработицы, циклических и структурных кризисов создало в экономике мирового капитализма не только необычную, но и необычайно сложную обстановку, делающую труднопреодолимыми возникшие проблемы и нерезультативным государственно-монополистическое регулирование экономики и социальных отношений. В самом деле, невозможно одновременно проводить политику антициклического стимулирования роста производства в целях борьбы с кризисами, застоем и безработицей, и в то же самое время — дефляционную политику торможения экономического роста, чтобы сдерживать или по возможности погасить инфляцию.

В условиях общего кризиса капитализма возможности экономического и социального маневра буржуазного государства весьма ограничены. Кризисные процессы, которые множатся в сложившейся за послевоенный период высокоразвитой государственно-монополистической экономике, наглядно выявили слабую эффективность и противоречивость государственного вмешательства в хозяйственную жизнь капиталистических стран. Обнаружилась неадекватность механизма государственного регулирования проблемам, возникшим в принципиально новой обстановке 70-х и последующих годов, когда усложнились и в целом существенно ухудшились условия воспроизводства, обострилась проблема реализации, участились и стали более глубокими и продолжительными циклические экономические кризисы.

Сложившаяся ситуация, как прожектором, высветила бессилье государственно-монополистического капитализма в решении всеобъемлющих задач гармонизации и обеспечения пропорционального развития капиталистического производства, в преодолении его неравномерного и циклического характера. Государство не в силах справиться со стихией капиталистического рынка, вызвать «трансформацию» капитализма в том смысле, как ее понимает или, во всяком случае, декларирует буржуазная политическая экономия. «Никакие «модификации» и маневры современного капитализма не отменяют и не могут отменить законов его развития, не могут устранить острый антагонизм между трудом и капиталом, между монополиями и обществом, вывести исторически обреченную капиталистическую систему из состояния всеохватывающего кризиса,— подчеркивается в Программе КПСС.— Диалектика развития такова, что те самые средства, которые капитализм пускает в ход с целью укрепления своих позиций,

неминуемо ведут к обострению всех его глубинных противоречий»¹.

На противоречия внутри национальных экономик накладывается кризис мирового капиталистического хозяйства. В усилении его трудностей тоже рельефно проявляется неспособность сложившейся системы государственно-монополистического капитализма приспособиться к новой обстановке в мире. Подорваны основы прежней структуры международного капиталистического разделения труда, кризисные процессы распространяются на всю систему мирохозяйственных и межгосударственных отношений капитализма. Три года подряд во время мирового экономического кризиса начала нынешнего десятилетия сокращался физический объем международной капиталистической торговли, что привело к обострению конкурентной борьбы за рынки сбыта, к росту демпинга и протекционистских тенденций в старых и новых формах.

Острота кризиса, переживаемого мировым капиталистическим хозяйством, во многом вызвана тем, что его гораздо сильнее, чем когда-либо, подтачивают и в значительной мере дезинтегрируют два вида противоречий: во-первых, внутри системы империалистических государств и, во-вторых, между империализмом и его хозяйственной периферией, т. е., другими словами, между двумя главными зонами системы капитализма — развитой и развивающейся.

Сеть неокOLONиалистских отношений зависимости, подчинения и эксплуатации, которой империализм связывает страны, завоевавшие национальный суверенитет, рвется во многих местах. Из объекта империалистической политики освободившиеся государства превратились в самостоятельный и все более мощный фактор международных отношений, их позиции и влияние в мировых делах усиливаются. Объективным интересам даже тех недавних колоний и полуколоний, где утвердился капиталистический строй, противоречит агрессивная политика господства и диктата, проводимая неокOLONизаторами, прежде всего американскими.

Диалектика всемирного общественного процесса заключается в том, что политически самостоятельное развитие государств Азии, Африки и Латинской Америки не усиливает, а, напротив, ослабляет империализм, в значительной мере лишившийся колониальных тылов и резервов, а вместе с ним и весь мировой капитализм, порождает в нем все новые слабые места, углубляет общий кризис этой социально-экономической системы.

Становится все яснее, что империализм не способен справиться с социально-экономическими и политическими последствиями

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 133.

деколонизации и небывалой по глубине и масштабам научно-технической революции. Капиталистический строй вступил в полосу глубокой дестабилизации, хотя у него еще остаются немалые резервы. Сейчас правящие силы империализма все настойчивее примериваются к военным средствам сохранения своей системы. Но их использование в ядерный век сулит не победу, а всеобщую катастрофу. Постепенное осознание этого обстоятельства, если оно не опоздает, не может не оказать огромного влияния на все стороны социально-экономического и духовного развития современного капитализма.

Осмысление особенностей и перспектив капиталистического развития составляет существенную предпосылку реализации внешнеполитического курса и международной стратегии Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства. Капитализм — то общество, с которым нам приходится соседствовать в ядерный век, искать пути к сотрудничеству и взаимопониманию, вести исторический спор за социальное и мирное будущее человечества. Это и общество, к опыту хозяйствования и развития производительных сил которого необходимо объективное, строго взвешенное и критическое отношение.

В документах и материалах XXVII съезда КПСС дан глубоко научный, новаторский анализ капиталистического общества, основных направлений и особенностей мирового развития, диалектического единства и противоположностей двух общественных систем — капиталистической и социалистической. Теоретические и политические выводы и положения, сформулированные съездом, послужили стимулом для дальнейшего плодотворного, творческого исследования учеными-обществоведами тенденций и противоречий современного мира.

Верность марксистско-ленинскому учению — в его творческом развитии на основе накопленного опыта. Косность, застой мысли просто нетерпимы. «Именно та конкретная экономическая и политическая обстановка, в которой мы находимся, именно та особая полоса исторического процесса, через которую проходят советское общество и весь мир, — говорил М. С. Горбачев на XXVII съезде КПСС, — требуют от партии, от каждого коммуниста творчества, новаторства, умения выйти за рамки привычных, но уже отживших представлений»¹.

Поставленная съездом задача — по-новому взглянуть на некоторые теоретические представления и концепции, обобщить развивающиеся в современном мире явления и процессы — может быть реализована лишь на основе творческого подхода к новым реальностям.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 5.

**Капитализм
и научно-технический
прогресс**

Научно-технический прогресс, не отменяя законов общественного развития, его социального смысла и содержания, подчеркивалось в Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза, «оказывает огромное воздействие на все идущие в мире процессы, его противоречия»¹. Развитие науки и техники в последние два десятилетия создало новые возможности для роста экономики капитализма, но вместе с тем углубило присущие ему антагонизмы и вызвало в нем новые противоречия.

Вспомним, с чего все начиналось. Капитал, господствовавший ранее в ростовщичестве и торговле, в XVIII столетии начал овладевать сферой материального производства. Созревали условия для промышленной революции, проявившейся прежде всего в создании рабочих машин, прядильной и ткацкой, а затем — универсальной паровой машины. «...Именно создание рабочих машин сделало необходимой революцию в паровой машине»², — писал К. Маркс в «Капитале». И далее: «В качестве машины средство труда приобретает такую материальную форму существования, которая обуславливает замену человеческой силы силами природы и эмпирических рутинных приемов — сознательным применением естествознания»³. Промышленная революция произвела подлинный переворот в буржуазном обществе и завершилась в XIX в. развертыванием производства машин с помощью машин, т. е. созданием промышленного машиностроения.

Рабочие машины, паровой двигатель, паровоз и пароход — все эти детища XIX в. колоссально расширили возможности и увеличили эффективность воздействия человека на силы и вещества природы, невероятно повысили производительность человеческого труда. Конечно, и на этом этапе развития общественных произ-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 10.
² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 386.

³ Там же, с. 397.

водительных сил капитал руководствовался не бескорыстным стремлением к прогрессу, а желанием увеличить свои прибыли. Так, на самой заре машинного производства «эти силы, по праву принадлежащие человечеству, стали, под воздействием частной собственности, монополией немногих богатых капиталистов и средством порабощения масс»¹. Созданная крупным капиталом промышленность «отделяет науку, как самостоятельную потенцию производства, от труда и заставляет ее служить капиталу»².

Уже первые, основанные на новой технике и технологии шаги капитализма в материальном производстве привели к разорению сотен тысяч ремесленников и их массовой пролетаризации, растущей эксплуатации на фабриках женского и детского труда, к наступлению капитала на широкие слои трудящихся. Лишь упорная борьба рабочих за свои права, сначала экономическая, в рамках профессиональных союзов, а затем и политическая, под знаменем пролетарских партий, позволила несколько облегчить давление железной пяты капитала.

Созревание промышленного капитализма стало одной из важных предпосылок рождения подлинно научной теории общественного развития, соединяющей в себе материалистическую философию, политическую экономию и научный коммунизм. Эта теория, созданная Марксом и Энгельсом, открыла трудящимся не только законы капиталистического строя, но и пути его революционного преобразования в бесклассовое общество. «Коммунистический манифест» стал научной программой сознательных трудящихся, а I Интернационал — первой формой организации международного, подлинно революционного рабочего движения.

В XIX в. естественные науки, развиваясь все более стремительно, не были, однако, еще тесно связаны между собой и с производством. Наука во многом была делом индивидуальных исследователей, путь их открытий в технику, технологию, практику был, как правило, долог и извилист. Тем не менее именно научные открытия и технические изобретения конца прошлого и начала нынешнего века подготовили новый этап познания и преобразования мира, знаменующий коренное изменение и совершенствование материальной базы производства и быта. Выдающиеся открытия в области химии и физики, математики и биологии, первые технические изобретения в области получения и использования электроэнергии, жидкого горючего, радиоволн и рентгеновских лучей стали базой для нового научно-технического взлета капиталистического производства. Началось массовое изготовление двигателя внутреннего сгорания и автомобиля, электромотора

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 615.

² Там же, т. 23, с. 374.

и разнообразных электрических приборов, искусственных и синтетических предметов труда, стало общедоступным радиовещание и кино.

Развитие новой техники и технологии массового изготовления продукции стало одной из основ концентрации и централизации производства, формирования монополий — господствующего социально-экономического субъекта капиталистического общества в XX в.

Однако этот прогресс науки, техники, производства, информации массового пользования, совершенствуя материально-техническую базу человеческого общества, изменяя вроде бы к лучшему условия труда и быта, при капиталистической форме общественных отношений оборачивался для трудящихся новыми бедами и лишениями. Как писал В. И. Ленин, «технический прогресс, повышая производительность труда, позволяет капиталистам повышать уровень эксплуатации рабочих...». А это, в свою очередь, ведет «к росту безработицы, нищеты, эксплуатации, гнета и принижения»¹.

Новую стадию научно-технического прогресса империализм использовал для создания небывалых по мощи средств истребления людей. «...Первый раз в истории самые могучие завоевания техники, — говорил В. И. Ленин, — применяются в таком масштабе, так разрушительно и с такой энергией к массовому истреблению миллионов человеческих жизней»². Эта смертоносная функция науки и техники в условиях капитализма нарастала в течение всего XX в. Она проявилась во время первой и особенно второй мировой войны, реализовалась в последующей гонке вооружений, навязанной народам империализмом, в нарастающей ориентации научно-технического развития на совершенствование средств разрушения и уничтожения. Такие выдающиеся научно-технические открытия XX в., как освобождение энергии атомного ядра, познание лазерного и нейтронного излучений, создание разнообразной космической техники и многие другие, империализм стремится превратить в средства вооруженного насилия.

После второй мировой войны началась *эра научно-технической революции*, которая характеризуется интенсивным сближением науки, техники и производства. Независимо от того, где она получила пока наиболее заметное развитие, НТР объективно связана с революцией социальной, ставшей знаменем XX в. Она совершается в условиях укрепления и расширения позиций социализма в историческом противоборстве и соревновании двух мировых систем, и общепризнанный вклад в нее вносят СССР и другие

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 419.

² Там же, т. 36, с. 396.

страны социализма. Сочетание глубочайших сдвигов в области общественных отношений с революцией в науке и технике — отличительная черта нашего времени. Новому, более высокому уровню технологии производства должна соответствовать новая, более высокая ступень развития общества и самого человека в их взаимодействии с природой.

Первый этап современной научно-технической революции был отмечен особенно быстрым развитием химии и химической технологии, науки о строении атома и ядерной техники, теоретической и практической космонавтики, микроэлектроники и ЭВМ. Конечно, это далеко не исчерпывает всего даже наиболее существенного содержания прогресса науки и техники в этот период, но, думается, отражает наиболее крупные и долговременные их сдвиги.

В самом деле, прогресс теоретической и практической химии привел к созданию сотен тысяч новых «промежуточных» и конечных продуктов, а также материалов с заранее заданными свойствами, к разработке и применению все новых способов химической технологии обработки сырья и полуфабрикатов. Использование энергии атомного ядра заложило основы атомной энергетики, техники разделения и комбинирования отдельных первичных частиц материи. Создание мощных электронно-вычислительных машин, прошедших путь быстрого совершенствования, обусловило колоссальные сдвиги в вычислении и измерении, в накоплении имеющейся и создании новой числовой информации, в управлении производством и другой общественной деятельностью на различных ее уровнях. Наконец, скачок от теоретической космонавтики к реальному освоению космического пространства не только расширил горизонты изучения Солнечной системы и всей Вселенной, но позволил лучше понять и использовать нашу планету и окружающее ее пространство в практических целях.

Рассматриваемый период знаменовался для человечества и массовым распространением той производственной и бытовой техники, в которой нашли воплощение открытия и изобретения настоящего и прошлого. Автомобиль и самолет, радио и телевидение, холодильник и стиральная машина за два-три десятилетия стали привычными материальными спутниками и помощниками человека, характеристиками его образа жизни. Жидкое топливо и электричество стали главными источниками энергии для тех стран, которые наиболее быстро шли по пути индустриализации производства, распределения и потребления.

Двадцатый век преобразовал и научно-техническое творчество, ускорил превращение его результатов в технику и технологию, в материальные условия жизни людей.

Процесс все более глубокого познания мира, проникновения в тайны его микро- и макроустройства и динамики усложнялся,

делался комплексным, единым, сочетавшим анализ и синтез. На грани между традиционными науками рождались и новые методы и области познания, новые научные направления и отрасли науки. Теоретические и экспериментальные исследования получили мощную индустриальную базу, оснащались все более сложной техникой, догоняя и даже перегоняя на важнейших направлениях по технической вооруженности многие сферы производства. Изготовление научной аппаратуры становится самостоятельной, быстро растущей промышленной отраслью во многих индустриально развитых странах, а ее продукт — важным товаром в международном обмене.

Весьма существенным для развития человечества оказалось и изменение характера связи науки с практикой. В нашем веке реализовалась мечта великого Д. И. Менделеева о том, что между наукой и практикой должен быть переброшен мост, движение по которому идет в обе стороны.

В развитых капиталистических странах монополии и буржуазное государство все шире и глубже овладевали процессом научного и технического творчества, подчиняя исследования и разработки интересам господствующего класса. В рамках монополий вырастали мощные научно-производственные подразделения, нацеленные на создание новой и совершенствование выпускаемой продукции, техники и технологии ее изготовления. Во многих, прежде всего военно-технических, областях крупнейшие концерны становились более мощными исполнителями многомиллиардных заказов буржуазного государства на новые средства разрушения и уничтожения. Капитал все больше и все чаще участвует в финансировании фундаментальных исследований в высших учебных заведениях и академических институтах, ориентируя их на новые достижения и открытия прежде всего в областях, сулящих в дальнейшем получение преимуществ в конкурентной борьбе на национальной и международной аренах.

Именно поэтому вопрос, в каких целях используются плоды научно-технической революции, стал одним из основных в современной социально-политической борьбе. Не наука и техника, как указывается в новой редакции Программы КПСС, сами по себе несут угрозу миру, обращаются против человека, а империализм и его политика. «...Только социализм, — отмечал В. И. Ленин, — освободит науку от ее буржуазных пут, от ее порабощения капиталом, от ее рабства перед интересами грязного капиталистического корыстолюбия»¹.

Но и в этих условиях, ограничивающих и искажающих ее роль, ее место в жизни человечества, научно-техническая революция в капиталистическом мире продолжалась. В 70-е годы начался

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 381.

новый ее этап. В ходе этого этапа в развитии техники и технологии производства произошли такие кардинальные изменения, которые оказывают существенное воздействие на настоящее и будущее человечества.

Наука и техника сегодня и завтра

Чем характеризуется современный этап научно-технического развития? При всей многоплановости этого процесса нужно выделить прежде всего *электронную автоматизацию самого научно-технического творчества, материального производства, сферы обращения и быта.*

Создание и быстрое совершенствование электронно-вычислительной техники, ее миниатюризация, фантастическое увеличение скорости и объема операций, удешевление основы ЭВМ — обрабатывающего блока, процессора — открыли неограниченные возможности дальнейшей автоматизации различных сторон человеческой деятельности. Электронно-вычислительные устройства берут на себя все большую часть управления машинами и механизмами по заранее разработанным программам, учитывающим нормативные требования к той или иной трудовой операции или их комплексу. Началось массовое производство и распространение станков и обрабатывающих центров с числовым программным управлением. Появились и все шире применяются разнообразные электронно-механические манипуляторы, еще 60 лет назад окрепшие известным чешским писателем К. Чапеком «роботами».

Наряду с автоматизацией управления отдельными машинами и группами машин, совершающими ряд операций в определенной технологической последовательности, наряду с роботами-манипуляторами постепенно развивалась электронная автоматизация процесса управления и на более высоком уровне. Под управление ЭВМ были поставлены предприятия, компании, отдельные формы человеческой деятельности в локальных, национальных и международных рамках. Однако в той сфере, где решения и действия редко носят нормативный, автоматический характер, электронно-вычислительная техника используется прежде всего для накопления, хранения и выдачи по первому требованию обширной и разнообразной информации. Электронно-вычислительные машины используются и для быстрого выполнения громоздких вычислений и расчетов. Выступая в этой роли, ЭВМ все быстрее и в нарастающем объеме создают новую количественную информацию — основу прогресса всех наук и технического творчества.

Менее чем за 40 лет после своего появления электронно-вычислительная техника прошла поистине беспримерный путь качественного совершенствования, повышения эффективности и приспособления к нуждам человека. Каковы же основные вехи

на этом пути? Что вырисовывается на нем до конца нашего века? Вот одна из распространенных «хронологий» этого процесса.

Первое поколение ЭВМ монтировалось на таких же лампах, которые использовались в довоенных радиоприемниках. Одна из машин этого типа — ЭНИАК, построенная в США в 1946 г., занимала площадь в 150 м^2 и весила 30 т. Она включала 18 тыс. отдельных ламп, из которых ежедневно выходило из строя несколько сотен, и стоила 5 млн. дол. (по нынешним ценам — 20 млн. дол.). Несмотря на свои огромные размеры, этой машине были по силам лишь простые вычисления, с успехом выполняемые ныне на карманных калькуляторах.

Рождение *ЭВМ второго поколения* стало возможным после изобретения в 1947—1948 гг. в США транзистора — относительно небольшого полупроводника, заменившего в ЭВМ лампу. С введением полупроводников цены, размеры и энергопотребление вычислительных аппаратов сразу же резко сократились, а их мощности столь же резко возросли. В 60-е годы транзисторы тысячекратно уменьшились в размерах, резко увеличилась «память» ЭВМ, ускорился и поиск накопленной в ней информации.

Третье поколение ЭВМ родилось и развивалось в связи с созданием и быстрым совершенствованием так называемых интегральных схем. В каждой такой схеме совмещалось на единой монолитной основе множество компонентов, преобразующих и обрабатывающих поступающую информацию. При этом если уровень интеграции компонентов в одной схеме в первой половине 60-х годов был еще сравнительно невысок («малоразмерная интеграция») и измерялся несколькими десятками, то во второй половине этого же десятилетия наступил этап «среднеразмерной» (несколько сотен компонентов), а в 70-е годы — «большеразмерной» (от нескольких тысяч до миллиона компонентов) интеграции. Прогресс на этом направлении не исчерпан, и в дальнейшем можно ожидать интеграции многих миллионов полупроводников в каждой из «сверхбольших» интегральных схем. Именно на таких «сверхбольших» схемах стали создавать и «сверхбольшие» быстродействующие ЭВМ, широко применяемые теперь в различных областях информационной и вычислительной работы. Уже в 1975 г. вычислительные машины новой конструкции могли выполнять чудовищную работу — до 100 млн. операций в секунду.

Четвертое поколение ЭВМ пришло с изобретением микропроцессора — разновидности интегральной схемы, представляющей собой кремниевый кристалл («чип») размером менее 1 см^2 . С помощью комбинации фотолитографических и химических процессов (а теперь и посредством лазера) на «чипе» фиксируются многие тысячи полупроводников. Микропроцессор — ЭВМ на «микрочипах» — был впервые создан в 1971 г. и состоял из 2250 полупро-

водников. Фантастическую миниатюризацию претерпело и запоминающее устройство ЭВМ, также перешедшее на «микрочипы». Кристалл площадью в 1 см^2 может с помощью магнитных волн «запоминать» уже до 5 млн. бит¹ информации, но и это не предел; полагают, что емкость памяти может быть утроена.

Миниатюризация основных блоков электронно-вычислительных устройств позволила включить их в очень малые мини-ЭВМ и микро-ЭВМ (их в США называют «профессиональные персональные ЭВМ»), а также, что еще более важно, в любые механизмы и машины в качестве их управляющей части. Именно миниатюризация процессоров и блоков памяти, при быстром их удешевлении, открыла путь к массовому производству и использованию карманных калькуляторов, роботов, электронных управляющих блоков в производственной и бытовой технике.

Однако на этом революционное развитие электронно-вычислительной техники не останавливается. Еще более совершенствуются ее количественные характеристики — скорость, информационная емкость, надежность. Растет гибкость и автономность работы этой техники без вмешательства человека, становятся все более разнообразными формы, в которых воспринимается и выдается информация.

Именно на этом пути ведется интенсивная разработка ЭВМ *пятого поколения*, прежде всего в США и Японии — главных государств, конкурирующих в данной области. Эти ЭВМ будут наделены способностью обрабатывать нечисловую информацию — «понимать» речь, снимки, графики и другие символы, которыми пользуется человек. По мнению японских специалистов, такая ЭВМ, которую удастся создать примерно к 1990 г., будет иметь «словарный» запас в 10 тыс. слов, а в использовании будет не сложнее телефона. Вместе с тем она будет меньше своих предшественников и быстрее их в действии.

Речь идет, таким образом, о дальнейшем прогрессе в создании «искусственного интеллекта». Практические результаты этого развития будут, по-видимому, ощущаться уже к концу нашего — началу будущего веков. Более того, в перспективе вырисовывается формирование молекулярной электроники, где носителем «единицы памяти» и обработки информации станет молекула, в том числе, возможно, живого организма («биочип»).

Изготовление электронно-вычислительной техники и оснащенных ею машин стало сферой приложения огромных капиталов. Благодаря ЭВМ наукоемкость множества отраслей и производств существенно возросла. Кроме того, электронно-вычислительная техника с самого начала вызвала к жизни новый вид интеллект-

¹ Единица количества информации в цифровой форме.

туальной и профессиональной деятельности — преобразование части мыслительной работы человека в операции ЭВМ. Речь идет, прежде всего, о создании разнообразных «языков», переводящих внешнюю информацию на «понятную» ЭВМ цифровую речь, о разработке и размножении быстро растущего числа программ все увеличивающейся сложности, по которым ЭВМ и производит операции, нужные человеку. Программированием работы электронно-вычислительных машин уже ныне заняты в мире сотни тысяч специалистов: только в США их насчитывается около 400 тыс. Программы и их целевые наборы («пакеты») стали неотъемлемой частью всех электронно-машинных комплексов, массовым продуктом специализированных именно в этой области предприятий и фирм, товаром, создание которого привлекает все большие капиталы, а реализация (в 1985 г. она составила во всем капиталистическом мире 13 млрд. дол.; в 1986 г. оценивается в размере 17 млрд. дол.) дает крупные и быстро растущие доходы.

Наконец, электронизация управления на всех его уровнях потребовала создания, совершенствования и увеличения выпуска разнообразных устройств, связывающих человека с ЭВМ, — как вводящих в нее информацию, так и использующих ее (всевозможные передающие и «конечные», терминальные устройства).

О масштабах производства и использования электронно-вычислительной техники в капиталистических странах, о доходах, которые приносит капиталу эта сфера его приложения, говорят следующие примеры. Продажи этой техники в 1984 г. составили в США почти 163 млрд. дол., в Западной Европе — около 82 млрд. дол. и в Японии — более 75,7 млрд. дол. Только «персональных ЭВМ» в 1985 г. было продано на мировом капиталистическом рынке американскими фирмами на сумму 21,4 млрд. дол.

Каковы перспективы дальнейшего роста использования ЭВМ при капитализме?

Остановимся прежде всего на роботах, которые характерны для современного и грядущего этапов электронной автоматизации материального производства.

Следует сразу же отметить, что до сих пор нет даже единого определения робота, и в разных странах в этот термин вкладывается различное содержание. Так, по определению американского Института роботов, которое нам представляется достаточно точным, это «программируемый многофункциональный манипулятор», предназначенный для перемещения материалов, частей, инструментов или специальных устройств с помощью изменяемых программированных движений¹. Основные технологические процессы и операции, в которых используются манипуляторы, оснащенные элек-

¹ American Machinist, 1982, December, p. 73.

тронно-вычислительным устройством (а в нем и заложена программа работы робота), это — точечная и дуговая сварка, окраска (методом распыления) и зачистка поверхностей, серийная сборка деталей и некоторых механизмов, загрузка машин, плавка и литье (под давлением) металла, перемещение предмета труда и готовой продукции, технический контроль. Хотя робот пока еще довольно примитивен (и не может полностью имитировать движение рабочего, которого он заменяет), этот электронно-механический манипулятор способен выполнять множество производственных операций точнее и быстрее, чем человек. Так, подсчитано, что рабочий-сварщик тратит на непосредственное выполнение сварки не более 30% своего трудового времени. Робот же занят этой операцией в течение 90% времени своего «рабочего цикла».

Роботов немало уже сегодня, и будет гораздо больше завтра. По данным зарубежной статистики, на начало 1985 г. парк промышленных роботов (ПР) насчитывал в Японии 65 тыс., США — 14,5 тыс., ФРГ — 6,6 тыс. и в Великобритании — 2,6 тыс. Сумма продаж ПР во всем капиталистическом мире в 1981 г. впервые составила больше 1 млрд. дол., а уже к 1990 г., как ожидается, увеличится до 10 млрд. дол. По американским оценкам, в США она вырастет со 100 млн. дол. в 1980 г. до 3 млрд. дол. в 1995 г. Перспективная численность парка ПР в этой стране, как предполагается, будет быстро расти. Весьма вероятно, что к концу нашего века в США будут использоваться сотни тысяч промышленных роботов.

Конечно, роботы — огромный шаг вперед в автоматизации производственных процессов, принципиально новая надстройка над механической, электромеханической и иной автоматизацией, которая была распространена в «доэлектронный» период прежде всего в массовом и крупносерийном изготовлении продукции. Развитие электроники не отменяет, естественно, такую автоматизацию. Вместе с тем современные роботы пока еще не могут выполнять большинство задач, возникающих в ходе промышленного производства. Для них эти задачи «слишком сложны и неструктурированы, их решение включает слишком много неопределенностей или требует слишком больших способностей — видеть, чувствовать или приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам»¹.

Именно на путях снятия этих существенных ограничений в конструкции и «способностях» роботов ожидается их дальнейшее совершенствование до конца нашего века. Предполагается, что робот XXI в. будет обладать искусственными «органами чувств» (прежде всего «зрением» и «слухом»), учиться на собственном

¹ The Futurist, 1983, February, p. 23.

«опыте» и самостоятельно менять программу действий. Специалисты отмечают, что реализация этой цели потребует больших исследовательских и конструкторских усилий. В результате же откроется широкий путь к использованию таких роботов в различных отраслях производства.

Предстоящее совершенствование и распространение роботов — важный шаг к появлению комплексно автоматизированных машиностроительных заводов. Другим шагом в этом же направлении является создание и нарастающее использование так называемых гибких автоматизированных систем (ГАС). В наиболее развитом виде ГАС представляет собой группу станков с электронным (программным) управлением, объединенных автоматической транспортно-накопительной линией (в частности, с роботизированными тележками). Эти системы «гибкие» в том смысле, что позволяют обрабатывать детали разных размеров, в течение разных периодов времени, партиями различной величины. Пока гибких систем в странах капитала немного (в США, например, в 1985 г. их насчитывалось около 70 общей стоимостью свыше 250 млн. дол.). Однако им пророчат сравнительно быстрое распространение, что произведет настоящую революцию в производстве машин и различного оборудования. Эти системы приспособлены для осуществления среднесерийного электронно-автоматизированного производства, в то время как предшествовавшие им отдельные станки с числовым программным управлением использовались в мелкосерийном выпуске продукции.

Электронизация затрагивает не только материальное производство. Развитие электронной техники ведет, в частности, к преобразованию информационной деятельности на всех ее уровнях, к формированию мощных индустриально-информационных комплексов в национальных и межгосударственных рамках.

Быстро нарастающий в последние десятилетия поток всевозможной информации часто называют «информационным взрывом». Если говорить о «взрыве» только научной информации, то его можно характеризовать следующими данными: в начале XIX в. сумма научных знаний росла темпом, приводящим к удвоению их объема в течение 50 лет, в 50-е годы нынешнего века — за 10 лет и в 70-е годы — за 5 лет. По прогнозам советских ученых, число научно-информационных документов, передаваемых только через так называемые формальные каналы (научные переводы, книги, брошюры и т. д.), лишь в одном 2000 г. составит почти 60 млн.

Быстрыми темпами растет объем информации экономического, политического, социального характера. Она важна не только для управления производством, фирмой, государством, но и для личной жизни каждого, для поведения общественных групп и коллективов. Без нее нельзя принимать решения, важные не только сегодня,

но и для сравнительно отдаленного будущего. Подобная информация имеет разную форму — словесную и числовую, зримую и слышимую.

В целом, по оценкам солидных буржуазных прогнозистов, выступавших на четвертой Генеральной ассамблее «Общества мирового будущего» (июль 1982 г.), к 2000 г. до 71% всей рабочей силы, занятой в промышленно развитых странах, будет использоваться в информационном и «коммуникационном» секторах экономики (в начале 80-х годов — 50—55%). Электронизация данной деятельности, имеющей дело не с материальными объектами, а с «символами» в их числовой, словесной, образной и иной формах, рассматривается в качестве одного из главных и важнейших по последствиям направлений современного этапа научно-технической революции.

Одна из важных составных частей индустриально-информационного комплекса ведущих капиталистических стран — крупные центры и узлы накопления, систематизации и выдачи многообразной информации: сотни банков данных, в частности специализированных по отдельным направлениям развития науки и техники, а также вычислительные центры, оснащенные большими ЭВМ. Их обслуживают общие и специальные сети связи, в том числе через искусственные спутники Земли, по которым принимается и передается соответствующая информация. На «выходе» комплекса — огромная сеть абонентных точек, использующих информацию в научных, производственных, коммерческих, финансовых и иных целях. Индустриальная основа этого комплекса — вся совокупность его материально-технической и технологической инфраструктуры, а также мощная группа отраслей материального производства, выпускающих информационную технику.

В капиталистических странах каждое звено индустриально-информационного комплекса, каждый результат его деятельности становится все более важной сферой приложения капитала. В «ходовой» товар превратилась сама целевая информация. Ученых и научные коллективы интересуют сведения о проводимых в мире исследовательских и экспериментальных работах, их результатах, рефераты и копии соответствующих публикаций, фактографические данные о Земле и космосе. Для руководителей производственных, торговых и финансовых предприятий важны данные о динамике выпуска той или иной продукции, сбыте ее в национальных и мирохозяйственных масштабах, о курсе акций и валют, о движении капиталов на разных уровнях и т. д. Огромную внешне- и внутривнутриполитическую роль играют государственные информационные центры и службы, действующие в интересах военной касты и аппарата классового угнетения. Возник специальный «рынок» расчетов и прогнозов, выполненных по математи-

ческим моделям различных процессов. Сами модели — а они используются тысячами — наряду с программами работы электронных устройств являются важной частью интеллектуальной инфраструктуры всего индустриально-информационного комплекса.

Наконец, быстро растет «бытовая составляющая» индустриально-информационного комплекса — обширная сеть информационных точек на дому. Домашнее «справочное бюро» позволяет владельцу выполнять ряд денежных и торговых операций, быстро получать необходимые сведения о работе транспорта, зрелищных и иных общественных учреждений на настольных устройствах — терминалах, дисплеях и т. д., не покидая свое жилище.

Все это стало возможным и реальным лишь благодаря охарактеризованному выше развитию электронной техники и технологии в виде ЭВМ огромной мощности и быстродействия, электронных средств и систем связи, в том числе космической, «потребительских» информационных устройств.

Все большее значение для экономики капиталистических стран приобретают новые формы денежных расчетов, при которых чеки и другие типы финансовых документов заменяются сигналами, посылаемыми по автоматизированным локальным и общенациональным сетям.

Электронизация особенно быстро вторгается в сферу канцелярского и секретарского труда, всякой административно-канторской работы. Электронные сети и устройства, обеспечивающие быстрое получение, обработку и выдачу информации в факсимильном и распечатанном видах, в словесной и числовой формах, неизмеримо повышают скорость, надежность и эффективность труда в различных бюро.

О реальных масштабах информационного комплекса говорят следующие показатели. Во всем несоциалистическом мире насчитывается свыше 1300 «банков данных», из них более $\frac{3}{4}$ в США. Объем рынка информационных услуг оценивается в несколько миллиардов долларов.

Электронная индустриализация информационной деятельности на всех ее уровнях требует колоссальных капиталовложений и текущих затрат. Так, по нашим ориентировочным подсчетам, расходы на создание и использование различных информационных систем составили в США в 1970 г. более 20 млрд. дол., в 1975 г. — свыше 40 млрд. дол. и в 1980 г. превысили 80 млрд. дол. Даже если в дальнейшем до конца века эти расходы не будут удваиваться каждое пятилетие, как в 70-е годы, их величина к 2000 г. составит, видимо, несколько сотен миллиардов долларов. Понятно, что капитал не шел бы на огромные затраты, если бы они не сулили больших прибылей. Точный подсчет получаемых и ожидаемых прибылей

по различным сферам производства и использования информации, изготовления и реализации электронно-информационной техники, естественно, крайне затруднителен. Но впечатляют даже отдельные оценки. По ориентировочным данным, электронная информатика дает возможность отдельным фирмам и предприятиям сэкономить до 7—10% управленческих расходов, до 7—20% общих накладных издержек. Значительная часть этой экономии достигается благодаря заметному сокращению запасов сырья, полуфабрикатов и готовой продукции в результате более быстрого и точного согласования размеров спроса и предложения на конкретные товары и услуги.

Большое будущее в капиталистических странах, в частности в США, предсказывается работе на дому, т. е. выполнению служебных обязанностей без выхода из квартиры, на рабочем месте, оборудованном всевозможными электронными устройствами и аппаратурой связи со множеством учреждений, в том числе со своим работодателем и его центральным компьютером, куда передается все, что сделано дома. В настоящее время в США работают на дому (для них используется термин «телеработники») лишь несколько тысяч служащих. Но некоторые прогнозисты полагают, что уже к 1990 г. их число вырастет чуть ли не до 10 млн. человек. В Японии также проводятся эксперименты с организацией электронно-обеспечиваемой работы на дому. Предполагается, в частности, что такая форма организации труда прежде всего целесообразна для переводчиков, программистов и ряда других специалистов, постоянное присутствие которых на рабочем месте не требуется и не влияет на результаты их деятельности. Среди преимуществ «домашнего труда» отмечается возможность маневрировать личным рабочим временем, уменьшение утомляемости и, что немаловажно в современных условиях, экономия горючего на поездках личным и общественным транспортом.

Здесь нет надобности подробно останавливаться на всех объектах и формах происходящей и ожидаемой электронизации жизни и деятельности человека. Упомянем лишь о широком распространении электронно-вычислительной аппаратуры и технологии в медицине (в частности, в диагностике), в проектно-конструкторской работе, в преподавании (в США, например, в школах широко распространены мини- и микро-ЭВМ), в индустрии развлечений.

Начал преобразовываться на электронной основе и быт, разумеется, прежде всего состоятельных семей. По мнению Энгелберге-ра, известного как «отец» робототехники (он построил своего первого робота почти 25 лет назад), к концу нынешнего века робот дома «будет выполнять все работы по уборке помещений. Он даже сможет мыть окна... Утром, уходя на работу, вы назовете роботу номер рецепта, по которому вы хотите приготовить ужин,

и к вашему приходу он приготовит все ингредиенты и приборы, требуемые для изготовления соответствующего блюда. Можно даже представить себе робота в роли няни, не говоря уже об использовании его в качестве сигнализационной системы на случай пожара и других чрезвычайных обстоятельств. И помните, робота не надо спать. За ночь он может выполнить за вас целый ряд домашних работ»¹.

Вторым наряду с электронизацией научно-технологическим революционным сдвигом в производительных силах человечества вполне оправданно считаются открытия в области биологических наук и их практическое освоение — биотехнология, которая получила новые направления развития, в особенности в связи с возникновением так называемой генной и клеточной инженерии.

Во всяком случае, оба эти направления прогрессируют на основе развития целого ряда биологических и смежных наук — биохимии (в т. ч. биоорганической химии), биофизики, клеточной биологии и технологии, генетики и ряда других. Перспективы биотехнологии, в частности генной инженерии, просто фантастичны.

Совершенствование и все более широкое применение биотехнологии на традиционных ее направлениях охватывает использование различных биокатализаторов, микроорганизмов, живых клеток, ферментов и др. в промышленном производстве. Здесь позитивные перспективы связываются, в частности, с разработкой непрерывных процессов на базе создания биокатализаторов длительного действия, т. е. предназначенных для многократного использования (рециклирования) вместо преобладающего теперь одноразового. Это нововведение сулит значительное снижение издержек производства во многих технологических процессах. Большое внимание уделяется улучшению технологии и расширению масштабов биологической переработки различных сельскохозяйственных отходов, бытовых отходов и сточных вод. Продуктом переработки может быть немалое количество промышленных химикатов и энергоносителей.

Однако главные перспективы «биологической революции», в том числе и для прогресса химической промышленности, раскрываются в связи с рождением и бурным развитием генной инженерии, которая позволяет создавать новые организмы с заранее планируемыми генетическими качествами.

Уже сейчас достигнуты впечатляющие результаты на этом пути, которые вносят существенный вклад в производственную биохимию, медицину, сельское хозяйство. Но главные успехи в этой области ожидают в ближайшие 10—20 лет.

Целенаправленное и наследуемое изменение ряда характеристик бактерий уже вышло из стен научных лабораторий и широко

¹ U. S. News and World Report, 1983, December 5, p. 64.

используется в производстве для получения новых лекарств и химических. В частности, именно таким путем получают в промышленных масштабах столь важные для человека вещества, как инсулин и некоторые другие гормоны, интерферон, витамин В₂ и целый ряд новых используемых в медицине органических соединений. До этого их приходилось выделять из обитающих на планете живых существ путем сложной и дорогой переработки, добываясь лишь мизерного, недостаточного для массового применения выхода конечной продукции.

На пути генетического преобразования микроорганизмов ожидаются и, несомненно, будут достигнуты значительные успехи в получении множества органических химических медицинского и продовольственного назначения. Однако наибольшие перспективы предвидятся в связи с изменениями с помощью методов генной инженерии наследственных качеств сельскохозяйственных растений и животных, вплоть до создания совершенно новых их видов с улучшенными свойствами, полезными для человека. Предвидится новая «зеленая революция» на основе наделения сельскохозяйственных растений свойствами фиксации азота непосредственно из воздуха, увеличения количества и качества содержащихся в них веществ, усваиваемых человеком, — белков, сахаров, витаминов и т. д. Ученые-генетики предсказывают, что лет через двадцать на полях можно будет увидеть культуру со съедобными листьями, как у шпината, семенами, богатыми белком, как бобовые, с картофелеподобными питательными клубнями, корнями, усваивающими азот из воздуха, со стеблем, дающим полезное волокно.

Генная инженерия может произвести настоящую революцию в животноводстве. На основе селекционно-генетического процесса уже значительно усовершенствованы такие методы улучшения породы скота, как искусственное осеменение, пересадка эмбрионов, контроль за полом и ряд других. Многовековая техника селекции домашних животных коренным образом трансформируется: на получение результатов, требовавших ранее сотни лет, уходит теперь несколько месяцев. По некоторым оценкам, усовершенствованная на основе познания механизма наследственности селекция позволит резко увеличить надой молока от каждой коровы.

Правда, пока перестройка генного аппарата высших животных не вышла за рамки отдельных лабораторных экспериментов. Несомненно, однако, что в ближайшие десятилетия реально можно ожидать больших успехов в этой области. Широкое практическое использование этих достижений коренным образом преобразует современное индустриальное животноводство, резко повысит его эффективность.

Мы пытались рассказать о двух направлениях научно-техни-

ческого развития, сулящих на ближайшие десятилетия кардинальные, во многом революционные сдвиги в производстве и во всей общественной жизни. Но и во многих других областях науки и техники будут за это время, несомненно, получены и практически реализованы существенные результаты.

Космическое пространство будет «оживаться» с помощью длительно функционирующих орбитальных станций, все более многонаселенных, а также аппаратов многократного использования и т. д. Космическая техника поможет лучше распознавать, понимать и учитывать многое из того, что делается на Земле. В космосе будет производиться все больше особо чистых и специфических продуктов, которые нельзя изготовить в земных условиях. Через космос будет передаваться все больше информации и на все более дальние расстояния. Но в этой связи уместно подчеркнуть, что и в области освоения космоса империализм играет разрушительную роль. Так, военно-промышленный комплекс США и в космосе видит возможность расширения сферы милитаризма. Он ведет работы над совершенствованием и созданием космического оружия, готовится к «звездным войнам». И можно лишь сожалеть, что реакция общественного мнения в капиталистическом мире все еще не является адекватной той смертельной угрозе, которую несет человечеству американский империализм как на Земле, так и из космоса.

Далеко не исчерпаны возможности мирного атома. Если не к концу столетия, то вскоре после этого можно ожидать, например, создания промышленных термоядерных реакторов, которые станут генерирующей основой электростанций совершенно нового типа, существенно продвинут вперед атомную энергетику. Это позволит сделать топливно-энергетический комплекс более экономичным, безопасным и менее зависимым от ископаемого горючего.

Несомненно также, что до конца века распространится существенно усовершенствованная энергоэкономичная техника и технология всех видов, в том числе оснащаемая электроникой. Для получения электричества все шире будет использоваться энергия Солнца, тепло земных недр, разница температур океанских вод. Развивается и распространяется производство искусственного жидкого топлива из угля, битуминозных песчаников и других потенциальных источников этого горючего.

Значительный прогресс ожидается в области создания и обработки различных материалов. Так, интенсивно ведутся разработки и получены значительные практические результаты в изготовлении таких необычных материалов, как керамика и полимеры, обладающие электропроводимостью, как пластичная керамика, которую можно прессовать подобно металлу. Пластмассы станут получать не только из нефти и продуктов ее переработки. Широкое приме-

нение найдут новые полимерные комбинированные материалы, усиливаемые волокнами. Разрабатывается технология воздействия сверхнизких температур на расплавленный металл, в результате чего он приобретает не кристаллическую (как при обычном охлаждении), а аморфную, стекловидную структуру и тем самым повышенную прочность и устойчивость против коррозии. Что же касается композиционных материалов, то им пророчат такое же блестящее будущее, которое предсказывалось алюминию в 20-е годы и реализовалось в последующие десятилетия.

Совершенствуются и распространяются новые методы обработки поверхности металлических изделий, в частности на молекулярном уровне, что позволит обойтись без специальных антикоррозионных покрытий. Ведь борьба с коррозией — одно из важных направлений технического прогресса: только в США, например, ежегодные потери от этой «болезни металла» оцениваются в 70—90 млрд. дол.

В целом к третьему тысячелетию наука и техника сделают существенный шаг вперед на самых различных направлениях. Попробуем теперь представить себе, как это скажется на обществе и человеке.

Некоторые социальные проблемы на новом этапе НТР

Прежде всего напомним известное положение марксизма-ленинизма о том, что современный человек — результат общественной жизни. Как писал К. Маркс, «индивид *есть общественное существо*. Поэтому всякое проявление его жизни — даже если оно и не выступает в непосредственной форме *коллективного*, совершаемого совместно с другими, проявления жизни, — *является* проявлением и утверждением *общественной жизни*»¹.

Несомненно, что и общественная (прежде всего, трудовая) и личная жизнь человека находится под возрастающим воздействием развития науки и техники, массовой практической реализации результатов этого процесса. Проявление нового этапа научно-технической революции в человеке буржуазного общества происходит в специфических формах, присущих социальному строю, основным законом существования которого является эксплуатация человека человеком, извлечение максимальных прибылей ради бесконечного обогащения меньшинства этого общества, его экономической и политической элиты. В этой связи прежде всего важен вопрос, как новый этап научно-технической революции может повлиять на изменение количества наемного труда, потребного

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 119.

капиталу? Каковы перспективы безработицы, которая стала хроническим бедствием людей в несоциалистическом мире?

Среди буржуазных ученых и публицистов на этот счет не существует единого мнения. Дело в том, что электронная автоматизация — это наиболее важная особенность научно-технического прогресса, которая будет преобладать, по крайней мере, до конца века, существенно повышая производительность живого труда в отраслях материального производства, сферы обращения и услуг, информации, вытесняя тем самым из них рабочих и служащих. В то же время электронизация труда и жизни влечет за собой расширение производства соответствующей новой техники, ее обслуживания, что создает дополнительные возможности для использования наемного труда. Итоговый — к концу века — количественный баланс этого «выталкивания» и «притяжения» не находит однозначной оценки, в том числе из-за неопределенности темпов, которыми будут развиваться означенные процессы.

«Оптимисты» считают, что электронная автоматизация постепенно переместит наемный персонал в другие, новые отрасли и виды деятельности (что, конечно, потребует переподготовки и дополнительного обучения рабочей силы). При этом отмечается, что рыночные силы замедлят процесс технических сдвигов в связи с нежеланием значительной части капиталистов преждевременно списывать в лом старую технику, которая либо еще не вернула вложенные в нее средства, либо физически способна функционировать как уже окупивший себя и поэтому представляет собой «бесплатно» работающий капитал. В результате, например, такая организация, как «Robotics International», опросившая 100 крупных производителей и потребителей роботов в США, пришла к выводу, что последние заменят в этой стране к 1990 г. «только» 440 тыс. рабочих, из которых лишь 5% будут уволены, а остальные — переобучены. «Оптимисты» предполагают также, что электронизация конторского труда скорее изменит его характер, чем приведет к росту безработицы среди служащих.

С другой стороны, имеется немало специалистов, предвидящих значительный рост безработицы в связи с развитием «электронной революции» в капиталистических странах. Так, если говорить только о роботах, то, по подсчетам ряда американских специалистов, уже к 1990 г. распространение этих технических устройств в промышленности США уменьшит число рабочих, занятых в этой отрасли, на 4 млн. человек. По другой оценке, даже применяемые ныне роботы первого поколения заменят 1,2 млн. человек, а роботы второго, победное шествие которых только начинается, — еще 3,8 млн. трудящихся. К 2000 г., как предполагается «пессимистами», в США на основе электронизации наемного труда исчезнут рабочие места в промышленности для 10—15 млн. человек и, воз-

можно, для такого же числа работников сферы обслуживания. По оценке американского сенатора Харта, до начала следующего века новая техника и технология (прежде всего, электронная) затронет в этой стране 45 млн. рабочих мест¹.

Серьезная угроза для занятости в связи с новым этапом научно-технической революции ожидается рядом специалистов и в странах Западной Европы. Так, по результатам одного исследования, проведенного в Великобритании, предполагается, что только в связи с дальнейшей автоматизацией производства на базе новой электронной техники уровень безработицы в этом регионе может достичь к началу 90-х годов 16% трудоспособного населения.

Нам представляется, что действительный баланс динамики численности занятой рабочей силы в капиталистическом хозяйстве в связи с электронизацией производства, сферы услуг и управления будет лежать где-то ближе к середине между крайними значениями приведенных величин, хотя, конечно, правы те специалисты, которые подчеркивают неопределенность соответствующих оценок. Однако, на наш взгляд, рассматриваемая проблема более глубока и носит прежде всего качественный характер (как тут не вспомнить слова Гёте о том, что между крайними точками зрения лежит не истина, а проблема).

Во-первых, несомненно, электронные устройства будут вытеснять рабочую силу из сферы капиталистического производства, обращения, обслуживания, управления. Значительная (а может быть, и большая) часть этих людей не сможет в условиях интенсивной электронной автоматизации найти своему труду применения, ибо не будет в состоянии переподготовиться для деятельности, определяемой новой техникой и технологией. Так, заменяемые роботами женщины и «цветное» население средних лет не смогут в большинстве случаев из-за своего возраста, социального положения и уровня образования переучиться для обслуживания электронной техники. Кроме того, вряд ли капитал и буржуазное государство пойдут на необходимые дополнительные усилия и затраты. «В теории всех безработных можно обучить новой профессии,— пишет американский журнал «Тайм».— Но программы переподготовки не занимают особо важного места в национальных планах. Кроме того, многие новые рабочие места потребуют умения обращаться с компьютерами, и перекалфикацию, необходимую для этого, придется повторять, поскольку техника продолжает совершенствоваться. В итоге молодые негры, среди которых безработица составляет сейчас 50%, столкнутся еще с одной преградой»².

¹ The Futurist, 1983, February, p. 10.

² The Time, 1983, January 3, p. 12.

Во-вторых, электронная автоматизация затрагивает почти все сферы трудовой деятельности в капиталистических странах. Поэтому если раньше рост производительности труда в сельском хозяйстве, ряде отраслей материального производства и сопровождался вытеснением рабочей силы, то часть ее находила работу в сферах обращения, обслуживания, управления, где производительность труда была относительно более низкой и расширение объема деятельности сопровождалось наймом дополнительного числа рабочих и служащих. Новый этап научно-технической революции существенно затронет и сферу нематериального производства капиталистических стран, которая не сможет поэтому играть прежнюю роль аккумулятора для части относительно избыточной рабочей силы.

Наконец, в-третьих, в какой мере рост занятости в производстве и обслуживании электронной техники сможет компенсировать одновременное вытеснение рабочей силы в сферах ее применения? В связи с этой проблемой представляется интересным суждение известного американского экономиста В. Леонтьева. Он обращает внимание на тот факт, что новая электронная техника оказывается, как правило, относительно (т. е. на единицу своей технической эффективности) дешевле, чем заменяемая ею, и что этот процесс удешевления продолжается. Поэтому в отличие от промышленной революции начала прошлого века, когда квалифицированный труд, создающий машину и работающий с ней, заменил в материальном производстве вытесненный неквалифицированный труд, но общая занятость возросла, теперь, в век микроэлектроники, вытесняется живая рабочая сила, используемая в «умственных» функциях. В результате, как считает В. Леонтьев, общая потребность в живом труде, как в производстве, так и в использовании новой электронной техники, далеко не компенсирует потерю рабочих мест в связи с ее применением¹. На это же обращает внимание и Харт. Он отмечает, что если за 1970—1977 гг. сфера услуг в США создала дополнительно 7 млн. рабочих мест, то «ныне многие из работ в этой сфере — в банковском деле, страховании, розничной торговле, секретарском и конторском труде — становятся главной мишенью микропроцессора»².

Таким образом, представляется очевидной неизбежность усиления действия до конца века тех факторов, которые обуславливают высокий уровень безработицы в развитых капиталистических странах. Это, в свою очередь, вызовет дальнейшее обострение социальных противоречий капиталистического общества. Важное влия-

¹ Правда, вскоре В. Леонтьев пополнил ряды «сверхоптимистов», подсчитав, что электронная автоматизация в США (без учета других аспектов НТР) может создать к 2000 г. нехватку рабочей силы.

² The Futurist, 1983, February, p. 11.

ние на сферу занятости может оказать исход борьбы трудящихся ряда капиталистических стран за сокращение рабочей недели при сохранении заработной платы, снижение возраста выхода на пенсию, за участие профсоюзных организаций в определении сроков и масштабов замены живого труда машинами, переподготовки вытесняемых кадров, в установлении порядка оплаты затрат на их переобучение.

Каковы же вероятные изменения качества и содержания труда в связи с развитием науки и техники, нарастающим использованием практических результатов этого процесса?

С одной стороны, несомненно, возрастет число инженеров, конструкторов, техников, которые будут двигать вперед научно-техническую революцию, сосредоточиваться на творческих элементах этого процесса. Большие возможности для проявления своих знаний и интеллекта в связи с использованием электроники появятся у ученых, врачей, преподавателей.

Вместе с тем значительная часть деятельности, связанная с обслуживанием электроники, будет носить столь же нетворческий, монотонный характер, как и в «доэлектронный» период машинного разделения труда.

Электронизация трудовой деятельности влечет за собой и другие изменения в ее характере, в том числе неблагоприятные для человека. Зарубежная пресса отмечает, что длительная работа человека «один на один» с ЭВМ, системой автоматического управления производственными процессами действует психически угнетающе, зачастую приводит к еще более распространенному явлению киберфобии — ненависти к «электронному чудовищу», отталкиванию от него. Перспективы развития упомянутой выше работы на дому, обеспечиваемой электронной техникой, также мало радуют. Сама работа, особенно в отраслях, связанных с информатикой, требует стимулирующего эффекта личного контакта и обмена идеями. Такая же проблема встает и в связи с электронизацией значительной части деятельности в сфере управления, где, кроме того, общение людей признается весьма важным источником выработки решений.

Поэтому встает вопрос не только об ожидаемых преимуществах перспективного превращения робота в «человека», но и об опасности своеобразной трансформации при капитализме человека в подобие робота.

Капитализм наших дней характеризуется нарастанием и других негативных явлений в социальной и духовной жизни буржуазного общества. Это разрастание духа национальной и расовой исключительности, вседозволенности, восхваление денег и богатства как главного показателя значимости личности, а отсюда — углубление бездуховности ее существования, рост преступности

и многое другое. Конечно, главный источник этих явлений — экономическая и социальная природа капитализма, углубляющийся кризис этой исторически обреченной общественной системы. Вместе с тем и современная научно-техническая революция вносит свой вклад в рост социальной неустойчивости, в процесс деградации личности в буржуазном обществе.

Так, развертывающаяся электронизация быта увеличит время, которое может быть затрачено людьми для отдыха, развлечений, туризма и т. д. Однако сама «модель западной культуры» от этого не претерпит, очевидно, каких-либо изменений. Напротив, электронизация массовой культуры вдохнет новую жизнь в такие ее формы и последствия, как стимулирование культа насилия, примитивизма в самых разнообразных его формах, эгоизма и социального отчуждения.

Нарастает увлечение значительной части населения капиталистических стран видеофонией, делающей доступным в любое время и в любом месте многократный просмотр телепередач и кинофильмов. Однако при этом все в большей мере пропагандируются «герои» насилия, вседозволенность и порнография. Известно победное шествие электронных игровых автоматов, которые оупляют человека, будят и развивают в нем самые темные инстинкты в соответствии с замыслом их создателей и предпринимателей — организаторов «игр». Как правило, эта техника, этот бизнес приносят своим владельцам многомиллиардные доходы. Реальные перспективы и прямой «электронной наркомании». Ростки такого явления — налицо. Вспомним, например, сведения об экспериментах «электронного воздействия» на психику, проводимых под эгидой Пентагона.

Можно полагать, что для извлечения новых и новых прибылей, для отвлечения масс от тягот реального бытия буржуазного общества, от его нарастающих социальных противоречий капитал будет стремиться использовать разные «электронные радости», в том числе и кажущиеся ныне порождением фантазии.

Электронная автоматизация ознаменовалась появлением и распространением преступности нового вида — использованием ЭВМ для незаконных выплат и прямого грабежа (в условиях прогрессирующей бескасовости экономики), межфирменного шпионажа. Эта проблема стала настолько острой, что стимулировала интенсивную разработку целого ряда систем «охраны ЭВМ» от постороннего использования заложенных в них данных и программ.

Совершенствование и распространение электронной техники открыло невиданные ранее возможности классового шпионажа, политического контроля в отношении населения буржуазного общества. Почти поголовная «регистрация» основных характеристик жителей капиталистических стран в памяти ЭВМ, непрерывное

пополнение этих досье все новыми данными, организация электронной слежки за лицами, неблагонадежными с точки зрения правящего класса и его государства,— все это важные инструменты укрепления власти капитала.

Особо следует отметить тот факт, что революционное преобразование материально-технической базы информатики создает дополнительные возможности для все более широкого использования разнообразных «mass media» (средств массовой информации) в интересах монополистического капитала. Возрастание быстроты и дальности передачи массовой информации во всех ее формах, возможность ее приема почти в любой точке земного шара в сочетании с подчинением этой сферы монополиям позволяет господствующему классу буржуазного общества все более интенсивно воздействовать в нужном ему направлении на массовое сознание жителей планеты. Это явление, получившее название «информационный империализм», представляет собой важное социальное и политическое оружие современного финансового капитала, военно-промышленного комплекса, буржуазного государства, источник дополнительных крупных доходов для монополий.

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что современный этап научно-технической революции имеет для буржуазного общества огромное значение. Электронная автоматизация многих видов деятельности, выполнявшихся ранее человеком, дальнейшее проникновение науки в природу живой и неживой материи и реализация этих достижений НТР в средствах и методах производства, продуктах и формах потребления — все это коренным образом меняет материально-техническую основу и образ жизни человека, всего общества.

Вместе с тем нынешний этап научно-технической революции, и в частности ее «микроэлектронная ветвь», создает при капитализме новые социальные проблемы и коллизии, еще более изощренные методы усиления эксплуатации трудящихся, их духовного подавления. Осуществление НТР империализмом в целях получения максимальной прибыли, в том числе от производства и применения средств насилия и истребления людей, от удовлетворения примитивных, подчас низменных потребностей, несет для основной массы населения капиталистических стран неисчислимые негативные последствия, углубляющие общий кризис капитализма.

Именно обусловленность негативных сторон НТР природой капитализма, раскрытую марксизмом-ленинизмом, стараются не замечать или даже отвергать большинство ученых, футурологов и публицистов Запада. Они либо приписывают такие явления самому научно-техническому прогрессу, рассматривая их как временные и автоматически им преодолеваемые, либо связывают их с

различными недоработками и недостатками в политике и практике государственных учреждений.

Особенно далеко в этом отношении зашел американский футуролог Г. Кан, взгляды которого широко пропагандируются его последователями и сторонниками. Так, в своей получившей известность на Западе работе (написанной с двумя соавторами) «Ближайшие 200 лет: сценарий для Америки и мира» он выражает уверенность в том, что капитализм успешно преодолет все современные и ближайшие трудности, в том числе связанные с НТР. При этом он позволяет себе ссылаться... на Маркса и Энгельса, приводя длинную цитату из «Коммунистического манифеста» о прогрессивных сдвигах в экономике, которые принес капитализм («не замечая», конечно, что в этом великом документе речь идет о сопоставлении капитализма с феодализмом и что родоначальники научного социализма одновременно раскрывают эксплуататорскую сущность капиталистической общественной формации, то новое и еще большее угнетение, которое она несет народным массам, и неизбежность ее замены коммунистическим строем). При этом Г. Кан и иже с ним утверждают, что в рамках капитализма научно-техническому прогрессу внутренне присущи «лечебные функции», а обеспечиваться они будут «растущим значением транснациональных корпораций как новаторов и распространителей экономической активности, моторов быстрого роста».

Очевидно, что эти положения противоречат как фактам, так и их научному объяснению марксистско-ленинской теорией.

Мы привели в главе примеры, демонстрирующие двойственность научно-технической революции при капитализме: и как дальнейшего шага в прогрессе человеческой цивилизации, и, вместе с тем, как источника дополнительных, не подвластных никакому «самолечению» тягот для трудящихся капиталистического мира. Что же касается «двигательных функций монополий», то они несут нищету и голод сотням миллионов жителей развивающихся стран, калечат и уничтожают мир животных и растений, почвы и воды, развертывают грозящую уничтожением человечества «новаторскую» деятельность в области гонки вооружений.

Действительно, при всей важности развития науки и техники для прогресса человечества решающим является вопрос о том, кто и во имя чего осуществляет это развитие. Удастся ли капиталу и его исполнительным комитетам — правительствам полностью использовать к своей выгоде новый этап НТР, покажет будущее, ход борьбы трудящихся буржуазного общества за свои права, социальный прогресс.

**Современная
монополия:
общий облик**

На рубеже XX в. в главных капиталистических странах на смену свободной конкуренции пришли монополии и союзы монополистов. Произошло сращивание капитала гигантских промышленных предприятий и банков в *финансовый капитал*. Вскоре сложился их альянс с буржуазным государством.

По традиции мы нередко измеряем позиции отдельных капиталистических стран в мировой экономике и политике силой и потенциалом их национально обособленных империализмов. Но процессы концентрации и централизации капитала отнюдь не останавливаются на национальных границах. Осуществляется предвидение В. И. Ленина о выходе монополий на «ступень всемирной концентрации капитала и производства»¹. Ее формой стали *транснациональные корпорации (ТНК)* и *транснациональные банки (ТНБ)*, усиление которых, как указывается в новой редакции Программы КПСС, является прямым результатом капиталистической концентрации и интернационализации производства.

В середине 80-х годов ТНК контролировали более трети промышленного производства, более половины внешней торговли, около 80% патентов на новую технику и технологию в капиталистическом мире. При этом львиную долю международных операций держат в своих руках около 400 корпораций — мультимиллиардеров, с оборотом свыше 2 млрд. дол. каждая. ТНБ распоряжаются ныне средствами, превышающими государственные бюджеты крупных капиталистических стран.

Подражая бардам эпохи колониализма, менеджеры ТНК и ТНБ любят повторять, что над их империями, рассредоточенными в разных концах Земли, «никогда не заходит солнце». Действительно, ТНК и ТНБ выступают ныне, на исходе XX в., как наиболее представительные капиталистические хозяйственные пред-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 364.

приятия, причем их влияние распространяется не только на экономику, но и на политику. Буржуазный мир недвусмысленно связывает с ТНК и ТНБ надежды на «обновление» капитализма, на перелом в свою пользу в соревновании двух систем. Однако они выступают не только как воплощение международной мощи современного монополистического капитала. ТНК и ТНБ рельефно отражают также противоречия и пороки капитализма, ту цену, которую платит общество за господство этого строя.

В настоящее время командные высоты в экономике и финансах капиталистических стран захватила относительно небольшая группа сверхкрупных промышленных компаний и банков. В США, например, 200 крупнейших корпораций контролируют около половины промышленного производства страны. В Японии удельный вес четырех крупнейших фирм в 96 подотраслях промышленности превышает 60%, в 67 подотраслях — 70%, в 46 — 80%. В Англии две компании производят $\frac{3}{4}$ всех ЭВМ, в Италии одна — 90% автомобилей, другая — 94% чугуна.

Росту концентрации помогает ускоренное накопление крупными компаниями собственного капитала. Большие деньги, как известно, идут к большим деньгам. Но не меньшую роль ныне играет в таких процессах и централизация капитала. Жертвами поглощений и слияний становится не только мелкий и средний бизнес, но и компании высшего, монополистического эшелона. Монополии, как и все другие фирмы, вынуждены постоянно вступать в конкурентную борьбу, испытывают на себе удары кризисов. В США из 500 крупнейших компаний списка 1900 г. в 70-е годы сохранили самостоятельность только 70, из 100 крупнейших компаний 1917 г. — только 23, из 200 наиболее преуспевавших в 1940 г. — только 30. Другими словами, никакая монополия не вечна. Она сохраняет себя, только постоянно вступая в конкурентную борьбу.

На ранних этапах концентрации конкуренция, а с ней и поглощения и слияния носили по преимуществу внутриотраслевой характер. Однако потребности дальнейшего накопления стали ориентировать капитал на межотраслевое соперничество. Показатели отраслевой концентрации примерно с 60-х годов застыли на месте и уже не служат адекватным показателем этого процесса. Наоборот, на авансцену вышла диверсификация операций крупнейших компаний, их проникновение сразу в несколько отраслей. Кроме объективных потребностей комбинирования современного производства это объясняется стремлением монополий уменьшить риск узкой специализации, облегчить себе перелив капитала и использование отраслевых различий в норме прибыли.

Поэтому каждая из 200 крупнейших корпораций США в начале 80-х годов оперировала в среднем в 22 подотраслях производства против 13 на рубеже 60-х годов, а у 140 корпораций из 500 круп-

нейших основная и первоначально профилировавшая специализация давала лишь около 40% продаж. Уровень подобной межотраслевой концентрации правильнее измерять уже по доле крупнейших компаний в ВВП страны в целом. В середине 80-х годов на 30 компаний Великобритании и 180 компаний США приходилось около $\frac{2}{5}$ ВВП этих стран.

Диверсификация изменила хозяйственный облик и систему управления корпораций. Типичной их формой ныне является концерн с децентрализованным управлением по основным группам продукции (или регионам) и с большим объемом внутрифирменных поставок. Централизованными в нем остаются обычно лишь капиталовложения, научные исследования и опытно-конструкторские работы (НИОКР) и финансы. Диверсификация также позволила вскрыть определенные новые резервы производства. Но, развиваясь по капиталистическим законам, она породила и свою уродливую форму — конгломераты. Их создатели и владельцы специализировались на простом собирании (в т. ч. впрок) высокоприбыльных компаний без всякого учета их технологической совместимости, бесконечно «тасовали» эти наборы, обращаясь с предприятиями как с пакетами акций. В итоге в рамках конгломератов законы движения фиктивного капитала начали брать верх над законами движения капитала производительного, промышленно-техническая политика заменялась нравами биржевых спекуляций. Неудивительно, что кризисы 70—80-х годов с особой силой ударили именно по этим разношерстным спекулятивным объединениям, вызвав либо их банкротство, либо обратный процесс — сужение круга их деятельности.

Доминирующие позиции в экономике реализуются промышленными и банковскими монополиями через монополистическое ценообразование и ограничительную деловую практику (искусственное ограничение конкуренции). Контролируя большие сегменты рынка, индивидуальные компании получают возможность в значительной мере регулировать соотношение спроса и предложения, а тем самым и цены. Это регулирование облегчается, когда налицо сговор нескольких крупнейших фирм, предпочитающих его взаимной разорительной конкуренции. Не подпуская к рынку других конкурентов при помощи патентной, кредитной, сбытовой и пр. политики, эти корпорации получают возможность закладывать в свои операции «целевую норму доходности» на уровне монопольной прибыли. Другими словами, они на постоянной основе и целенаправленно вторгаются в процесс распределения прибавочной стоимости, реализуя не только причитающуюся им часть и не только дополнительные прибыли от технических усовершенствований, но и захватывая часть прибавочной стоимости немонополизированного бизнеса, а также доходов основной массы населения.

Концентрация производства и рост капиталистического обобществления сопровождались установлением все более тесных хозяйственных связей между крупными промышленными компаниями и кредитными учреждениями. В обстановке утвердившегося монополистического господства такие связи привели к сращиванию промышленных монополий с банковскими и формированию финансового капитала. В настоящее время основными формами такого слияния по-прежнему являются переплетение акционерного капитала («система участия») и личная уния. Вместе с тем сегодняшняя разветвленная кредитная система обеспечивает многочисленные новые каналы и формы хозяйственных связей между крупнейшими промышленными корпорациями и монополистами кредита. В условиях научно-технической революции «сплочению» участников финансовой группы способствуют, в частности, совместные капиталовложения в новых отраслях, исследования и опытно-конструкторские работы, в которых одновременно участвует ряд промышленных фирм и которые получают материальную поддержку «головного» банка. Хозяйственные связи в рамках финансовой группы становятся более прочными благодаря переходу к денежным расчетам с помощью ЭВМ, которые «автоматически» обеспечивают концентрацию важнейшей хозяйственной информации в вычислительных центрах крупнейших банковских монополий. В последнее время развивается координация операций промышленных и банковских монополий с целью более прибыльного использования дорогостоящей специализированной техники, совместная подготовка математического обеспечения (превратившегося в один из «ходовых» товаров), налаживание системы производственно-финансовых телекоммуникаций и т. п.

Следует особо отметить, что при всей закономерности прогресса капиталистической концентрации ее масштабы и степень не беспредельны и исторически обусловлены. Сейчас, как и ранее, речь отнюдь не идет о подходе к образованию какого-то одного-единственного «ультраимпериалистического» треста. В конечном счете любая концентрация не может «выскочить» за границы, диктуемые степенью обобществления современных производительных сил и их готовности к такому обобществлению. В частности, к середине 70-х годов стало ясно, что во многих отраслях, при данном уровне техники, предприятия уже достигли предела своих единичных оптимальных мощностей. Более того, структурные сдвиги в капиталистической промышленности, в т. ч. переспециализация производства, идут сейчас нередко методом проб и ошибок на базе небольших предприятий, «мини-заводов», способных более чутко реагировать на требования рынка. В капиталистических странах сохраняется и, несмотря на массовые банкротства, регулярно воспроизводит себя прослойка мелкого и сред-

него бизнеса. В некоторых странах общедемократическое, анти-монополистическое движение смогло добиться национализации ряда предприятий, принадлежащих монополиям. Наконец, под давлением всего класса капиталистов государство ввело определенные нормы конкуренции и пределы концентрации, нарушение которых может быть пресечено (антитрестовское законодательство).

В числе прочего это означает, что «внутригосударственные» возможности концентрации тоже имеют свои пределы. Именно поэтому предприниматели все чаще обращают взоры за границы национального рынка. Объективно этому способствует и усиливающаяся тенденция к интернационализации хозяйственной жизни. Практически любая современная монополия ныне оперирует за рубежами своей страны, перерастает в транснациональную корпорацию или транснациональный банк.

**От национальных —
к транснациональным
монополиям и банкам**

Производительные силы общества в эпоху НТР давно уже переросли «ограниченные рамки национально-государственных делений...»¹. Достигнутые масштабы производства требуют перехода на глобальное снабжение сырьем и топливом, массового экспорта продукции как необходимого условия ее реализации.

Импортное сырье и топливо составляют ныне около $\frac{1}{3}$ его потребления в США, около $\frac{2}{3}$ в Западной Европе и около $\frac{4}{5}$ в Японии. На экспорт идет около $\frac{1}{10}$ ВВП в США и Японии, $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{5}$ в Канаде, Франции, ФРГ, Англии, Швеции, Италии, от $\frac{1}{3}$ до половины в Голландии, Бельгии, Дании и т. д. Как следствие, внешнеэкономические связи расширяются быстрее внутрихозяйственных, становятся важным, самостоятельным фактором экономического роста, структурных сдвигов, повышения эффективности производства.

Естественно, что капитал не мог не реагировать на такие процессы интернационализации, с самого начала стремился овладеть ими в своих интересах. Рассматривая границы государств как «подлежащее преодолению ограничение»², как «случайность», капиталистический предприниматель очень быстро «развивается в космополита»³.

Начавшись с экспорта товаров, внешняя предпринимательская экспансия в эпоху империализма переходит к вывозу капитала. Магнитом для этого выступает прежде всего более высокая зарубежная норма прибыли, которая, например, у американских ТНК

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 162.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 385.

³ Там же, т. 13, с. 134.

в 1983 г. составляла в других развитых капиталистических странах в среднем 8,9% и развивающихся — 10%, против 6% внутри США. Во Франции у десяти крупнейших транснациональных промышленных групп она колебалась за рубежом в пределах 6—83% против 1—11% внутри страны.

Вместе с тем критерий нормы прибыли в операциях ТНК уже отнюдь не единственный. Еще В. И. Ленин отмечал, что при империализме капитал вывозится «не только ради *сверхприбылей*»¹. В конкретной торгово-экономической обстановке послевоенных лет отдельные корпорации все чаще достигают пределов в возможностях расширения производства, даже диверсифицированного, в рамках национальных рынков (либо ввиду ограниченности объемов этих рынков, либо ввиду установления на них конкурентного статус-кво) и потому ищут приложения капитала за рубежом. Внешняя экспансия стимулируется и асинхронным характером капиталистического цикла, при котором экономические кризисы в разных странах подчас не совпадают во времени, а это делает зарубежные операции «отдушиной» при национальных кризисных ситуациях. Дополнительную свободу маневра заставляет искать за рубежом и усилившаяся нестабильность и неравномерность развития капиталистической экономики в целом. Это особенно касается банков, которые ныне стремятся максимально разнообразить круг клиентов, не замыкаясь на отдельных отраслях, могущих попасть в структурный кризис, или странах, накапливающих большую задолженность.

Свою специфику имеет и современная конкуренция. В области цен она требует налаживания производства в странах с наименьшими издержками, в области качества — международной производственной специализации. В сфере торговли сырьем преимущества имеют «вертикально интегрированные» компании, деятельность которых включает последовательные стадии его обработки при прямом выходе и на источники этого сырья, и на его конечных потребителей. В торговле машинами и оборудованием императивом становится создание за рубежом баз подработки (сборки), хранения, сбыта и обслуживания машинной продукции, т. е. какой-то местной инфраструктуры даже для обычного экспорта этих товаров с отечественной территории. Правительства многих стран, особенно развивающихся, требуют от иностранных поставщиков замены импорта производством данной продукции на месте. Рост протекционизма подчас не оставляет корпорациям иного выхода, кроме «десантирования» своих предприятий вовнутрь рынка конкурента, минуя его протекционистский барьер. Наконец, свобо-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 368.

ду движения капиталов предусматривает империалистическая интеграция.

Все эти обстоятельства объясняют, почему объем прямых иностранных инвестиций, служащих базой операций ТНК, возрос с 41,6 млрд. дол. в 1914 г. до 108 млрд. дол. в 1967 г. и около 600 млрд. дол. в 1984 г. Сами же ТНК предстают как системы международно-рассредоточенных производственных, сбытовых и иных предприятий, которые управляются из одного центра по принципу обеспечения прибыльности по всей глобальной совокупности их операций.

**ТНК: основные
формы деятельности**

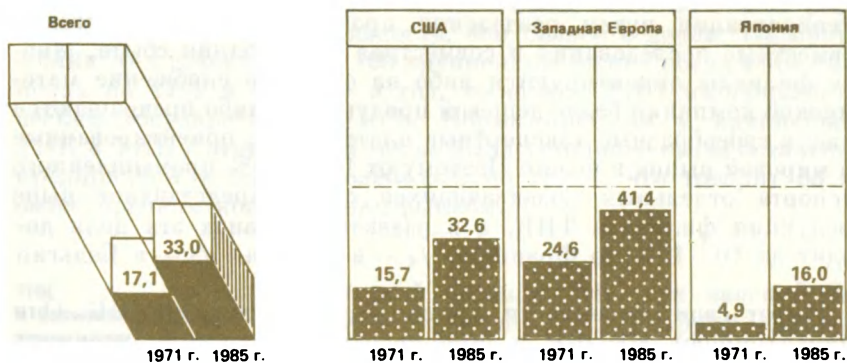
В 20-е годы промышленно-финансовая империя барона Ноэля Шудлера из романа М. Дрюона «Сильные мира сего», несмотря на весь свой размах, могла легко погибнуть из-за падения на бирже курса акций всего одного из своих звеньев — Соншельских сахарных заводов. Нынешние ТНК стоят на ногах гораздо крепче. Удерживая командные высоты в экономике своих стран базирования, они сумели захватить прочные позиции и в экономике принимающих стран. По подсчетам экспертов ОЭСР, к концу 70-х годов их филиалы преимущественного владения (с долей акций более 50%) контролировали около $\frac{1}{5}$ производства в обрабатывающей промышленности в Англии, Италии, ФРГ, Франции, Австрии, Австралии и более половины в Канаде. В развивающихся странах им принадлежит $\frac{1}{4}$ объема промышленной продукции Чили, $\frac{1}{3}$ — Аргентины, $\frac{2}{5}$ — Бразилии, Перу, Колумбии, Мексики, Малайзии, $\frac{4}{5}$ — Сингапура и т. д. С учетом же торговых операций узкий круг ТНК контролирует 60% мирового рынка сахара и фосфатов, 70—75% рынков риса, бананов, натурального каучука, нефти, олова, 80—90% — пшеницы, кофе, кукурузы, какао, ананасов, тропической древесины, хлопка, джута, табака, меди, железной руды, бокситов и т. д. Так оказываются «захваченными... монополистами в отношении финансовом, в отношении права собственности, частью в отношении производства целые отрасли промышленности, и не только в отдельных странах, но по всему миру»¹.

В свою очередь зарубежный бизнес занимает все большее место в общих операциях таких корпораций. У крупнейших транснациональных компаний доля зарубежных операций в общих продажах может достигать 30 и более процентов.

ТНК проникают уже не только в сферу производства и традиционной торговли, но и все активнее в сферу услуг и в международный обмен ими. Этот последний сектор капиталистической

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 216.

ДОЛЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ОПЕРАЦИЙ В ОБОРОТАХ КРУПНЕЙШИХ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ США, ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И ЯПОНИИ (в процентах)

экономики особенно быстро растет прежде всего в развитых странах, но также и в развивающихся. Объем международной торговли услугами вырос с 77 млрд. дол. в 1970 г. до 540 млрд. дол. в 1985 г., далеко обогнав по своей динамике оборот товарной торговли. Основные позиции в этом секторе держат ТНК — либо специализированные, либо сочетающие здесь свою деятельность с производством.

На современном этапе НТР растущую, а зачастую решающую роль в конкурентной борьбе играет научно-технический потенциал. ТНК доминируют и в этой области, сосредоточив в своих руках большую часть НИОКР и патентного фонда капиталистического мира, а также основной объем лицензионной торговли. Последняя превратилась в важный самостоятельный источник зарубежных доходов ТНК.

В промышленности контроль ТНК особенно активно распространяется на отрасли обрабатывающей индустрии, и прежде всего на новейшие, технологически сложные виды производства. В начале 80-х годов до половины общих, в том числе зарубежных, продаж ТНК было сосредоточено в химической и электронной промышленности, общем и транспортном машиностроении.

Хозяйственные империи ТНК управляются в соответствии с целями и структурой головной корпорации. В том случае, если ТНК оперируют в сырьевых отраслях или их предприятия в принимающих странах работают на импортозамещение, филиалы действуют достаточно автономно, будучи связанными с материнской компанией в основном лишь финансовыми узами и получением от нее новой технологии. Но такой тип организации все более уходит в прошлое. С переходом в сферу обрабатывающей промышленности и началом одновременной работы филиалов

и на местный рынок, и на экспорт (или преимущественно на экспорт) между ними и материнской компанией налаживается производственная кооперация в виде обмена узлами, частями, специализация путем разделения производственных программ, совместные исследования и совместная организация сбыта. Многие филиалы ориентируются либо на обратное снабжение материнской компании более дешевой продукцией, либо превращаются даже в своеобразные «экспортные платформы», ориентированные на мировой рынок в целом. Поэтому от 10 до 90% промышленного экспорта отдельных развивающихся стран представляет ныне продукция филиалов ТНК, а в развитых странах эта доля доходит до 10—15% во Франции, $\frac{1}{4}$ — в Англии, $\frac{1}{3}$ — в Бельгии и т. д.

Имеет свои особенности и техническая политика ТНК. Они концентрируют НИОКР в штаб-квартирах, стремясь удержать их результаты в орбите своей собственности и контроля. Новая технология используется сначала материнской фирмой, затем ее филиалами и лишь затем в некоторых случаях передается, в уже устаревшем виде, независимым производителям. Так, филиалы американских ТНК в развитых капиталистических странах получают новую технологию в среднем через 5,8 лет после начала ее использования в США, в развивающихся странах — через 9,8 лет, а лицензиаты и партнеры по смешанным обществам — через 13,1 лет, т. е. уже после истечения сроков патентной защиты. Аналогично обстоит дело с опытом управления и коммерческой информацией, которые являются важным козырем в современной конкурентной борьбе.

Географически зарубежные инвестиции ТНК гнездятся в странах с крупным внутренним рынком или же большими запасами полезных ископаемых. Поэтому на $\frac{3}{4}$ их объем размещен в развитых капиталистических странах, а из остатка, размещенного в развивающихся странах, около 60% приходится всего на несколько государств — Бразилию, Мексику, Аргентину, Перу, Малайзию, Индию, Гонконг, Сингапур и Филиппины. Малые и бедные ресурсами страны ТНК обычно обходят стороной. Туда их привлекает только дешевая рабочая сила.

Набравшие силу ТНК пытаются прибегать к монополистическому ценообразованию даже в масштабах мирового рынка — как индивидуально, так и путем сговоров. Главными формами таких сговоров выступают картели, лидерство в ценах и совместные действия на торгах. Например, международный картель по электропроводу, объединяющий ТНК 20 стран, в середине 70-х годов сбывал $\frac{2}{3}$ своей продукции дороже мировых цен. Международный картель по тяжелому электрооборудованию функционировал с двумя целями: держать цены на свои товары на возможно более

высоком уровне и сохранять возможно большую долю рынка за своими участниками. Такие примеры можно продолжить.

Не случайно ТНК имеют обычно более высокие темпы роста и более высокую рентабельность, чем бизнес в целом. На протяжении 70-х годов обороты 100 крупнейших из них росли в текущих ценах на 17% в среднем в год, тогда как ВВП империалистических государств — на 15%. Норма прибыли у крупнейших ТНК и ТНБ в этот период также была устойчиво выше остальных предприятий и слабее колебалась по годам, что говорит об их более прочном контроле над рынком.

ТНК и капиталистическая экономика

При всей новизне ТНК как явления они сами по себе не конституируют перехода капитализма в какую-то новую, «транснациональную» стадию. Национальные монополии в их лице растут пока в основном вширь, еще слабо переплетаясь друг с другом. Поэтому рано говорить и о появлении какой-то новой, «транснациональной» финансовой олигархии или о «транснациональном» государственно-монополистическом капитализме. Однако ТНК, безусловно, порождают в экономике современного капитализма серьезные изменения. Так, *производительные силы*, в значительной своей части находясь под контролем ТНК, все более *формируются и функционируют как интернациональные* производительные силы, вписанные в систему международного разделения труда.

Новые черты приобретает и процесс *обобществления производства*. Его назревшему огосударствлению противопоставляется частнособственническая альтернатива в лице ТНК. Апологеты капитала и менеджеры ТНК уповают на возможность при их помощи вновь направить процесс дальнейшего обобществления производительных сил вширь, на просторы мирового рынка, не доводя до классово-конфликтной ситуации его развитие вглубь внутри отдельных капиталистических стран. Таким образом, появляется шанс хотя бы частично и на какое-то время удержать это растущее обобществление в прежней, частнособственнической оболочке.

В сфере *производственных отношений* ТНК, эксплуатируя за рубежом свыше 30 млн. рабочих, прежде всего делают интернациональным сам непосредственный процесс извлечения прибавочной стоимости. Этим частично снимаются национальные пределы для накопления и концентрации капитала. В свою очередь международные производственные отношения, которые К. Маркс, в применении к XIX в., рассматривал всего лишь как «*производные*» и «*перенесенные*»¹, все более начинают приобретать элементы

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 735.

первичности, опосредуют уже не только обмен, но и сам глубокий конфликт между трудом и капиталом.

В сфере самих международных производственных отношений ТНК выступают как главный проводник неоколониализма, воспроизводят своей деятельностью зависимое, неправомерное положение освободившихся государств в капиталистической системе хозяйства.

Изменения затрагивают и современный *воспроизводственный процесс*. ТНК во все большей степени ориентируют его на внешние экономические связи. Через каналы этих корпораций поступает 48% общего импорта США, вывозится $\frac{1}{3}$ общего экспорта развитых капиталистических стран. Интернационализация придает воспроизводственному процессу новые импульсы. Однако тем самым возрастает возможность несоответствия спроса и предложения теперь уже в масштабах всего капиталистического хозяйства, а «следовательно, возможность кризисов»¹. Действительно, ТНК внесли немалый вклад в движение послевоенного цикла, и не случайно, что вслед за расцветом их деятельности последовал самый глубокий и продолжительный кризис начала 80-х годов. Зарубежный контроль над целыми секторами отечественной экономики в громадной степени затрудняет и проведение суверенными государствами национальной экономической политики, что порождает острый конфликт «нации — корпорации», о котором будет сказано ниже.

Далеко идущие последствия деятельность ТНК имеет для *международного разделения труда*. С одной стороны, обогащаются его формы, возрастает вариантность проведения внешнеэкономических операций. В международный оборот включаются новые хозяйственные зоны. Вместе с тем идет и противоречивый процесс наложения внутрифирменного разделения труда ТНК на сложившееся международное, что порождает диспропорции, противоречия и конфликты. «Специализация государств в международной торговле, — указывает французский экономист Ш. Мишале, — перестает быть результатом их сравнительных преимуществ и становится следствием решений конкурирующих международных фирм»². Одновременно на базе международных внутрифирменных поставок ТНК на мировом рынке образуются обширные замкнутые зоны (около $\frac{1}{3}$ оборота международной торговли готовыми изделиями), что в сочетании с контролем ТНК над другими звеньями обмена существенно сокращает в мировой торговле размеры свободных рынков и сферу рыночной конкуренции.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 48, с. 141.

² Цит. по: Les multinationales en mutation. Edité par A. Cotta et M. Chertman. IRM, 1983, p. 80.

Таким образом, ТНК вновь наглядно подтверждают основополагающий вывод К. Маркса о том, что при капитализме каждое явление «как бы чревато своей противоположностью»¹. Открывая определенные новые возможности развития и интернационализации производительных сил, они вместе с тем всюду несут с собой монополистические начала, интернационализируя и их негативные последствия. Опросы, проведенные в Англии, Франции и Канаде, показали, что, соответственно, 50,2%, 45,8% и 58,2% опрошенных считали влияние ТНК на их экономику негативным, а 46,7%, 44,1% и 52,8% полагали, что их деятельность в целом противоречит национальным интересам.

**Паутина
банковского контроля
в век «электронных
платежей»**

Переход от свободной конкуренции к господству финансового капитала означал вместе с тем превращение банков из многочисленных «скромных посредников» в горстку монополистов кредита. Уровень концентрации капитала в кредитной сфере ныне существенно превышает аналогичные показатели в других секторах экономики. Сумма активов 100 крупнейших американских коммерческих банков в 1985 г. составила 1751 млрд. дол., превосходя аналогичный показатель для 500 крупнейших промышленных корпораций. Современный крупный банк — это поистине суперфирма; он ворочает уже не миллионы, а десятки, подчас даже сотнями миллиардов. В середине 50-х годов в капиталистическом мире существовал лишь один банк, активы которого превышали 10 млрд. дол. («Бэнк оф Америка»). К 1985 г. 42 американских банка и 100 банков в других странах имели активы, превышающие 17 млрд. дол.

Возвышение крупнейших банков ускоряется процессами централизации капитала. Почти все они на протяжении послевоенного периода активно участвовали в слияниях. При этом объектом поглощения сегодня могут выступать и весьма солидные банки.

В большинстве стран Западной Европы и в Японии преобладающая часть банковских ресурсов сосредоточена в 3—6 крупнейших банках. Так, в Великобритании на долю «большой четверки» приходится около $\frac{3}{4}$ банковских вкладов, а в Бельгии на три крупнейших банка приходится более 90% всех банковских счетов. В Японии 6 крупнейших банковских фирм сосредоточивают примерно $\frac{2}{3}$ депозитов всех японских коммерческих банков. Примечательно, что банковские гиганты Западной Европы и Японии на протяжении последних десятилетий расширяли свои операции еще быстрее, чем крупные американские банки.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 4.

Рост финансовой мощи крупнейших банков сопровождался обострением монополистической конкуренции между ними. К тому же с начала XX столетия серьезными соперниками коммерческих банков стали специализированные кредитно-финансовые институты (страховые компании, сберегательные учреждения, инвестиционные компании и др.). На протяжении первых послевоенных десятилетий им удалось существенно усилить свои позиции, потеснив банковские фирмы. Доля страховых учреждений в совокупных активах кредитной системы развитых капиталистических стран увеличилась с 10,8% в 1881—1900 гг. до 22,8% в 1949—1963 гг., а доля коммерческих банков за то же время уменьшилась с 42,2% до 28,8%. Однако на протяжении 70-х годов в обстановке резко возросшей экономической неустойчивости, лихорадочных колебаний спроса на заемные средства и ссудного процента банковским монополиям в ряде развитых капиталистических стран удалось не только сдерживать активное наступление конкурентов, но и перейти в контратаку. Особенно заметно эти процессы протекали в тех странах, где развитие банковской системы непосредственно опиралось на поддержку государства (Италия, Франция). В США длительное падение удельного веса коммерческих банков в совокупных балансах кредитной системы со второй половины 60-х годов сменилось некоторым укреплением их позиций.

В ходе соперничества усиливается тенденция к универсализации операций коммерческих банков. Полтора-два десятилетия тому назад, когда банки выступали в роли скромных посредников, их часто называли «лавочкой, торгующей деньгами». Сегодня крупнейшие банки превратились в гигантские комплексы, ядро которых образуют кредитно-финансовые «универмаги». Они могут обеспечивать своих клиентов 100—200 различными видами услуг. Так, западно-германские гроссбанки предоставляют кредиты как на короткие сроки, так и на продолжительное время. Они акцептуют и учитывают коммерческие векселя, занимаются выпуском и реализацией ценных бумаг, а также доверительными операциями. Ведя контокоррентные счета и расширяя сферу бухгалтерского и прочего обслуживания промышленных фирм и сравнительно более мелких кредитных учреждений, гроссбанки стали крупнейшими расчетными центрами в экономике ФРГ. Они осуществляют начисление и удержание налогов, ведение счетов амортизационных отчислений и другие бухгалтерские и расчетные операции для клиентов.

Крупные банки все активнее вторгаются в сферу кредитования населения. Быстрый рост потребительской и ипотечной задолженности, разрастание банковских операций, связанных с «розничным» обслуживанием потребителей, открывают многочисленные возможности расширения финансовой эксплуатации и усиливают

неустойчивость материального положения трудящихся. В условиях, когда все более значительная часть текущих доходов должна направляться на оплату фиксированных обязательств по задолженности, падение дохода особенно болезненно сказывается на положении многих рабочих и служащих.

Особую роль играет следующее обстоятельство: коммерческие банки наделены правом выпуска платежных средств — чеков. В США, ФРГ и некоторых других капиталистических странах фирмы прямо переводят заработную плату многих рабочих и служащих на депозитные счета банков. С помощью чеков расходует сколько-нибудь крупные суммы большая часть населения; тем самым на банковских счетах фиксируются все основные расчетные операции населения.

В старинных преданиях и сказках лишь немногие волшебники были наделены особой магической способностью: глядя с большой высоты через печные трубы, они могли определить, что варится в котле у каждого горожанина. Сегодня такие возможности уже не кажутся столь фантастичными: обрабатывая ежегодно десятки миллиардов чеков (к началу 80-х годов в США ежегодно выписывалось около 35 млрд. чеков) и платежных документов, выписываемых при покупке товаров с помощью кредитных карточек, крупнейшие банки могут получить самую подробную информацию о размерах и структуре расходов большинства семей. Вместе с тем расширяется и круг возможностей, которыми располагает финансовый капитал: ведь полная информация о всех финансовых операциях клиента — это первый шаг, позволяющий крупным банкам расширить сферу своего влияния и контроля.

Наряду с традиционными кредитными операциями все большее значение приобретают (особенно в отношениях с предпринимателями) консультационные и информационные услуги. Мощные банки располагают штатом технических экспертов. Банковские специалисты непосредственно участвуют в выборе важнейших инвестиционных проектов промышленных и торговых фирм, в процессах их организационной перестройки и модернизации производственного аппарата, применения новых форм маркетинга и ведения финансового хозяйства.

Для оказания таких услуг крупнейшие банки все шире используют свои вычислительные центры, обладающие мощными ЭВМ. Особенно важную роль в электронной автоматизации «розничных» банковских операций в последнее время играют автоматические кассовые устройства, которые устанавливаются не только в помещениях кредитных учреждений, но и в аэропортах, на автобусных стоянках, в крупных магазинах и т. д. Быстро увеличивается число автоматических расчетных палат как центров безналичных денежных перечислений. К концу нынешнего столетия в США,

по некоторым оценкам, примерно 95—96% всей суммы платежей будет осуществляться с помощью переводов в рамках системы ЭВМ, банковских чеков, кредитных и дебитовых карточек, а также перечислений, автоматически проводимых кредитными учреждениями по поручению клиентов. Центрами, в которых фокусируются все эти потоки безналичных расчетов и «электронных денег», будут, разумеется, крупнейшие банки.

Тем самым современные банковские гиганты постепенно превращаются в центры сосредоточения и обработки важнейшей хозяйственной информации. Раскрывая методы господства финансового капитала, В. И. Ленин отмечал, что один из трех крупнейших французских банков, «Лионский кредит», имел особое «отделение сбора финансовых сведений». В настоящее время этот банк накапливает такую информацию не только в указанном отделе, но и активно использует ряд дочерних компаний, специализирующихся в сфере деловых консультаций, информационного обслуживания, ведения финансовых счетов и т. д. Если в начале века в отделе сбора финансовых сведений банка «Лионский кредит» работало около 50 человек, то сейчас лишь одна из дочерних компаний, занимающихся консультационной деятельностью, насчитывает более 600 человек.

Паутина зависимости, которой финансовый капитал обволакивает самые различные сферы хозяйственной деятельности, становится все более густой. При этом крупнейшие банки перерастают, как подметил в свое время еще В. И. Ленин, в учреждения поистине «универсального характера»; в ходе осуществления многообразных операций они используют свое монополистическое положение для обеспечения монопольно высоких доходов. Статистические исследования свидетельствуют о том, что более высокий уровень концентрации банковского капитала на денежных рынках неизменно предполагает более низкие доходы, выплачиваемые владельцам денежных вкладов, более выгодные для монополистов кредита условия предоставления займов или услуг различного рода.

Интенсивное развитие капиталистической банковской системы позволяет аккумулировать самые мелкие сбережения и вовлечь их в активный хозяйственный оборот, используя в интересах крупного капитала. На протяжении последнего десятилетия крупные банки играли важную роль в обеспечении кредитными ресурсами таких быстро развивающихся новых отраслей, как производство средств электронной автоматизации, телекоммуникационного оборудования. Кредитные учреждения проявляют особую активность в финансировании наукоемких отраслей. Под влиянием энергетического кризиса огромные банковские ссуды устремились в проекты, предусматривающие разведку и шельфовую добычу нефти, интенсивную модернизацию угледобывающей промыш-

ленности, разработку новой энергосберегающей техники и технологии.

Ссудные операции играли жизненно важную роль еще на пороге нового времени. Достаточно напомнить слова весельчака Панурга из романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»: «Природе легче было бы питать рыб в воздухе и пасти оленей на дне океана, чем терпеть скаредный мир, где никто не давал бы в долг». С развитием капитализма значение кредитных учреждений постоянно возрастало. В послевоенные годы с особой отчетливостью выявилась тенденция к увеличению доли кредитных ресурсов в финансировании хозяйственных операций¹. В настоящее время практически ни одна крупная компания не может на протяжении сколь угодно продолжительного времени обойтись без расчетных, финансово-ссудных и прочих услуг кредитных учреждений. Осуществление той или иной инвестиционной программы сегодня больше, чем в прежние времена, зависит от того, сможет ли промышленная фирма получить крупную ссуду у банка, помогут ли ей кредитные учреждения разместить большую партию ценных бумаг.

Существенные изменения в системе акционерного контроля, осуществляемого финансовым капиталом, связаны с интенсивным развитием во многих капиталистических странах доверительных операций банков. Наибольших масштабов эти операции достигли в США. В начале 80-х годов общая сумма управляемых по доверенности банками капиталов оценивалась колоссальной величиной — 570 млрд. дол.

Свыше половины всей суммы активов доверительных (или «трастовых») отделов приходится на акции. Не располагая юридическим правом покупки акций, коммерческие банки США на практике оказываются крупнейшим институциональным «хранителем» титулов собственности. Благодаря доверительным операциям коммерческих банков образуются стабильные центры сосредоточения акций, обладающих правом голоса. Тем самым как бы завязываются важнейшие узлы акционерного контроля, формируются командные позиции многоступенчатых систем участия. И здесь снова выявляется все та же картина: чтобы провести в жизнь какое-либо решение, многие корпорации должны согласовать его с крупнейшими банками, хранящими в доверительных фондах значительную часть «голосующих» акций.

¹ Так, в США, по расчетам американского экономиста Р. Таггарта, удельный вес заемных средств в совокупном приросте активов (в масштабах всей экономики) в 1923—1929 гг. составлял 26%, в 1946—1959 гг. — 30, в 1960—1969 гг. — 36, а в 1970—1979 гг. — 45% (*Taggart R. Secular Patterns in Corporate Finance. 1982, September, Table 4*). Особенно велика роль кредита в финансировании инвестиций в таких странах, как Япония, Италия, Франция. За счет заемных средств в 70-х годах финансировалось до $\frac{4}{5}$ всех капиталовложений японских фирм.

Как правило, банки располагают полномочиями, позволяющими распоряжаться большей частью имущества, в том числе денежными средствами, находящимися в доверительном управлении. Особенно важно при этом следующее обстоятельство: в последние десятилетия все более широкое распространение получает практика доверительного управления пенсионными фондами частных корпораций, ликвидными средствами инвестиционных фондов и фондов денежного рынка¹. В результате фактическая концентрация кредитных ресурсов у крупнейших банков намного превосходит их долю в общей сумме банковских депозитов.

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что банки, которые благодаря таким доверительным операциям сосредоточивают в своих «резервуарах» огромные дополнительные ресурсы, используют их с наибольшей выгодой для себя, не слишком заботясь об интересах обслуживаемых ими кредитно-финансовых учреждений. В 1983 г. некоторые инвестиционные фонды подали в суд на «Бэнк оф Америка», обвинив его в своекорыстном использовании денежных ресурсов, которыми он должен был распоряжаться. Так, стремясь предотвратить быстрое ухудшение собственной ликвидности, банковские гиганты просто помещают большие суммы вверенных им средств на беспроцентные текущие вклады.

В современных условиях сфера влияния наиболее мощных банков оказывается шире, чем на любом из предшествующих этапов развития капитализма. Крупные банки и специализированные кредитно-финансовые институты выступают в роли монополистов, сосредоточивающих в своем распоряжении (или под своим контролем) преобладающую часть денежного капитала. Банковские учреждения, быстро расширяющие круг своих операций, постепенно превращаются в финансово-кредитные комплексы поистине универсального характера. Усложнившаяся система расчетных, кредитных и доверительных отношений позволяет гигантским банкам накапливать и использовать в своих интересах все больший объем хозяйственной информации. Занимая ключевое место в сложной системе хозяйственных отношений, банки оказываются не только центрами эмиссии платежных средств и аккумуляирования денежного капитала, но и центрами кассовых и безналичных расчетов. Вместе с тем крупнейшие банки, чаще всего

¹ В США, например, 25 крупнейших частных кредитных учреждений к началу 1983 г. распорядились ресурсами пенсионных фондов на сумму, превышающую 325 млрд. дол. Самая поразительная черта, характеризующая инвестиционные операции американских пенсионных фондов в настоящее время, — это исключительно высокая степень концентрации указанных операций в руках сравнительно небольшого числа кредитных учреждений.

Кроме того, банки управляют по доверенности капиталом инвестиционных фондов, превышавшим к концу 1983 г. 130 млрд. дол.

являющиеся центрами финансовых групп, концентрируют в своих руках значительную часть акций, что позволяет им осуществлять эффективный контроль над многими корпорациями.

Транснациональные банки

Вывоз капитала всегда предполагал обширный круг финансово-кредитных операций — операций, осуществляемых уже не в национальных, а в международных масштабах. Поскольку капиталы промышленных и банковских монополий главных империалистических стран тесно сращены, такие связи постепенно утверждаются и в рамках мировой капиталистической системы. Так, зарубежные операции промышленных ТНК США обслуживают крупнейшие американские банки. Интенсивное сращивание капитала международных промышленных и банковских монополий знаменует новый этап в развитии системы международного господства финансового капитала.

Штаб-квартиры транснациональных финансовых групп обзаводятся за границей все большим числом не только промышленных, но и банковских филиалов. К началу 80-х годов более 150 американских банков имели иностранные отделы, число их зарубежных филиалов приближалось к 800. Международные депозитно-ссудные и расчетные операции американских и западноевропейских банков на протяжении последних десятилетий расширялись гораздо быстрее, чем аналогичные внутренние операции. «Центр тяжести» многих международных кредитных операций стал постепенно перемещаться с основных контор американских транснациональных банков на их зарубежные филиалы.

Расширение возможностей интернационализации банковского дела связано с развитием новейших средств накопления, передачи и обработки информации. Для международных денежных переводов все шире используется система телекоммуникационных спутников Земли. Автоматизированные информационные системы, использующие разветвленную сеть ЭВМ, ускоряют оформление платежей и перевод денежных сумм, с их помощью удастся более оперативно следить за состоянием международных рынков капитала. Современные средства коммуникации позволяют наладить достаточно оперативные связи между основной конторой транснационального банка и его многочисленными филиалами.

Весьма примечателен и принцип географического расположения зарубежных филиалов и отделений. Они концентрируются прежде всего в тех странах, в которых можно рассчитывать на полную «свободу действий» (никаких сколько-нибудь существенных правительственных ограничений!) и на самые низкие ставки налогового обложения своих доходов. Транснациональные банки США и Англии сочли особенно привлекательными для размещения

своих заграничных филиалов Багамские и Каймановы острова. Активы, которыми располагали здесь отделения ТНБ США к началу 80-х годов, превосходили средства всех филиалов американских банков в Западной Европе, Африке и Латинской Америке, вместе взятых. Примем во внимание также, что крупнейшим международным финансовым центром капитализма по-прежнему остается Лондон. На Англию, Багамские и Каймановы острова сегодня приходится свыше $\frac{2}{3}$ всех межбанковских операций ТНБ.

Вместе с тем после второй мировой войны резко активизировались операции международных банковских группировок. В центре многих из них стоят крупнейшие лондонские банкирские дома. Монополистическому объединению западноевропейских банков существенно способствовали интеграционные процессы в рамках ЕЭС.

Таким образом, к настоящему времени сложилась разветвленная система монополистического господства в сфере международного кредита. О различных участках современной мировой капиталистической системы платежных и кредитных отношений можно сказать, используя выражение М. Е. Салтыкова-Щедрина, что они «как тенетами покрыты банками, так что ни одному зайцу нет надежды проскочить, не попав головою в одну из петель».

Интернационализация кредитных операций способствовала интенсивному сближению национальных рынков капитала. Из обширного круга вопросов, связанных с возросшей ролью ТНБ в международном платежно-кредитном механизме капиталистического мира, выделим лишь один — развитие многоярусной системы кредитного посредничества.

На начальных этапах развития монополистического капитализма вывоз капитала осуществлялся преимущественно в форме «внешней эмиссии», т. е. реализации ценных бумаг, выпущенных частными компаниями, на рынках капитала стран-кредиторов. Крупнейшие банки всегда активно участвовали в этом процессе, выступая в роли организаторов (посредников): ведь в прямые переговоры с заграничными владельцами капитала могли вступить лишь самые крупные компании. И все же отношения, складывавшиеся в результате размещения ценных бумаг, предполагали еще более или менее прямую связь между заемщиками и иностранными владельцами ссудного капитала.

Размещение ценных бумаг в крупнейших международных финансовых центрах и сегодня остается важнейшей формой вывоза капитала. Вместе с тем на протяжении последних десятилетий особенно стремительными темпами развивался другой сектор международного рынка капиталов, неотъемлемым элементом которого служат депозитно-ссудные операции ТНБ и интернациональных банковских группировок. В свое время К. Маркс показал, что

с развитием капиталистического кредита неизбежно происходит «удвоение», «утроение» и т. д. денежного капитала, поскольку одно и то же долговое требование принимает самые различные формы. Указанная тенденция наглядно проявлялась в операциях кредитных посредников, в практике хранения резервов, принадлежащих специализированным кредитным учреждениям, в коммерческих банках и т. д. Но никогда еще, пожалуй, число посредников, стоящих между владельцем денежного капитала и конечным заемщиком, и, соответственно, масштабы внутреннего оборота денежного капитала в рамках кредитной системы не были так велики, как в функционировании сформировавшегося сравнительно недавно особого международного рынка капиталов — рынка так называемых евровалют. Сам термин «евровалюта» постепенно приобрел весьма общий характер — сегодня чаще всего так называют вклад в банк любой капиталистической страны (или заем, предоставленный этим банком) в валюте какого-либо другого государства¹.

Даже специалисту подчас бывает непросто разобраться во всех хитросплетениях международных банковских операций, находящих отражение в «кредитной тарабарщине денежного рынка» (К. Маркс). Попытаемся отыскать в этом сложном механизме лишь некоторые наиболее существенные связи. Выше уже отмечалось, что ТНБ, и прежде всего крупнейшие американские банки, располагают разветвленной сетью заграничных отделений. Это позволяет им «улавливать» большую часть накапливающихся в международном платежном обороте долларовых ресурсов.

При этом немалая часть подобных вкладов, помещенных в заграничные отделения американских ТНБ, принадлежит кредитным учреждениям; иначе говоря, временно высвободившиеся денежные средства, ставшие депозитами евробанков, предварительно «прошли» через одного или нескольких банковских посредников. В крупнейших финансовых центрах они становятся объектом интенсивных межбанковских сделок. Статистические оценки свидетельствуют о том, что такой внутренний оборот денежных ресурсов в каналах банковской системы исчисляется поистине астрономическими величинами — триллионами (тысячами миллиардов) долларов. Из крупнейших финансовых центров ТНБ

¹ Поясним смысл этого термина на примере евродолларов, играющих центральную роль среди всех евровалют (на них приходится $\frac{3}{4}$ всех евровалютных вкладов). На рынке евродолларов кредитные операции в американских долларах осуществляют банки, расположенные за пределами США. Из этого, однако, не следует, что евробанки обязательно должны быть неамериканскими: ими могут быть — и чаще всего действительно оказываются — зарубежные филиалы ТНБ США. Интенсивный евродолларовый оборот сегодня можно также наблюдать, скажем, в Нассау (Багамские острова) или в Сингапуре.

направляют полученные евродолларовые ресурсы в те заграничные отделения, которые особенно тесно связаны с национальными денежными рынками. На этом этапе перераспределения ссудного капитала существенную роль играют также банковские группировки и частные кредитные учреждения, нуждающиеся в краткосрочных позаймствованиях и прибегающие к услугам наиболее мощных ТНБ. К концу 70-х годов примерно $\frac{3}{4}$ всех кредитов, которые были выданы заграничными отделениями американских банков, размещенными в Швейцарии, Франции или в Голландии, представляли межбанковские кредиты. Так выстраивается цепочка кредитных связей, срединные звенья которой представлены оптовыми операциями ТНБ и их заграничных филиалов.

Интенсивное развитие транснационального банковского предпринимательства и тесное сплетение кредитных и валютных операций резко расширили возможности для быстрого перемещения из одной страны в другую гигантских денежных ресурсов. Накопление огромных масс чрезвычайно подвижного ссудного капитала в резервуарах международной банковской системы заметным образом сказалось на формах послевоенного экономического развития капитализма.

Большая часть указанных банковских ресурсов направлялась на финансирование международного товарооборота, расширение которого существенно опережало темпы роста производства в капиталистическом мире. В 70-е годы, по примерным оценкам, $\frac{2}{3}$ мировой капиталистической торговли финансировалось с помощью ссуд на рынках евровалют.

Преобладающая часть евровалютных ссуд, предоставляемых конечными кредиторами, носит краткосрочный характер; поэтому рынок евровалют всегда выступал в качестве важнейшего источника ресурсов при обострении потребности частного бизнеса в платежных средствах. Но наряду с этим следует выделить активную роль ТНБ в превращении («трансформации») краткосрочных денежных накоплений в среднесрочные и даже долгосрочные ссуды. Концентрация большого числа краткосрочных вкладов позволяет транснациональным финансовым учреждениям выделить устойчиво «осаждающиеся» суммы и направить их по каналам среднесрочного кредита. Международные банковские группировки сравнительно недавно впервые стали создавать кредитные учреждения, специализирующиеся на предоставлении среднесрочных (до 5—7 лет) кредитов в иностранной валюте.

Густая сеть заграничных отделений ТНБ и евродолларовых банковских группировок обеспечивала финансовую инфраструктуру для дальнейшего развития процессов интернационализации капиталистического производства. Крупнейшие кредитные учреждения предлагают сегодня транснациональным промышленным

гигантам чрезвычайно широкий спектр новых кредитных и валютных услуг, в том числе ведение сложной системы внутрикорпорационных расчетных отношений между отделениями и филиалами ТНК, разбросанными по всему капиталистическому миру. Тем самым намечается тенденция к постепенному превращению ведущих транснациональных финансовых посредников в центры общественного счетоводства уже не только в национальных, но и в международных масштабах. Используя многочисленные рычаги экономического влияния, крупнейшие ТНБ добиваются все более активного участия в процессах принятия решений в остальных фирмах, и прежде всего в корпорациях, занимающих ключевые позиции в промышленности и строительстве.

В условиях господства капиталистической собственности на средства производства указанные процессы неизбежно ведут к дальнейшему нарастанию экономических и политических конфликтов. Так, хозяйственное сближение капиталистических государств, обеспечиваемое интенсивной международной миграцией денежных капиталов, в современных условиях означает более активный, чем когда-либо раньше, экспорт инфляции, а также чрезвычайно быстрое распространение кризисных потрясений из одних капиталистических стран в другие. Вместе с тем гигантски возрастают масштабы спекулятивных операций на международных евровалютных рынках. В подобных операциях все активней участвуют крупнейшие ТНБ, что неизбежно влечет за собой дальнейший рост неустойчивости кредитной системы (достаточно напомнить о крупнейшем крахе послевоенных лет — банкротстве запутавшегося в спекуляциях американского банковского гиганта «Фрэнклин»).

Формирование комплекса разносторонних хозяйственных связей между ТНБ и промышленными ТНК усиливает взаимодействие финансово-олигархических группировок ведущих капиталистических стран и расширяет сферу господства финансового капитала в рамках всей мировой капиталистической системы. Прочные связи с транснациональными промышленными гигантами, ключевое место, занимаемое ТНБ в международном кредитном и платежном механизме, концентрация капитала и «оптовые масштабы» кредитных операций — все это предопределяет превращение крупнейших банков во всемогущих монополистов кредита, экономическое могущество которых выходит далеко за рамки тех стран, в которых расположены их штаб-квартиры.

На базе роста транснациональных корпораций и банков за последние десятилетия колоссально расширились масштабы ведущих финансовых империй — групп компаний, более или менее жестко контролируемых из единого центра. В США совокупные активы восьми ведущих финансовых групп могут быть оценены

на 1985 г. в 1400 млрд. дол., что превышает 20% активов всех промышленных и финансовых фирм страны. Главные места среди этих империй занимают старые группы, центрами которых являются гигантские нью-йоркские банки «Дж. П. Морган энд компани» (группа Морганов) и «Чейз Манхэттен корпорейшн» (группа Рокфеллеров). Каждая из них располагает активами, превышающими 400 млрд. дол. Вместе с тем быстро растут группы регионального характера (Калифорнийская, Чикагская и др.)¹.

Росту империй соответствует увеличение личного богатства семей и кланов финансовой олигархии. Эти данные оглашаются редко и неохотно, тем не менее в американской литературе имеются достаточно надежные оценки. Так, состояние двух братьев Хантов, разбогатевших первоначально на нефти, оценивается в 600—1200 млн. дол., а оценка для всего клана достигает 6 млрд. дол. Состояние Дэвида и Лоренса Рокфеллеров достигает 400—600 млн. дол., а насчитывающий 83 человека клан располагает богатством, которое оценивается в 3,5—5 млрд. дол. Семья Меллонов в узком составе имеет 900—1600 млн. дол., а в широком — до 5 млрд. дол. Оценка состояния семьи химических королей Дюпонов составляет более 1300 млн. дол., автомобильных магнатов Фордов — до 1 млрд. дол. Далее следуют семьи Херстов, Пью, Розенвальдов и другие, у которых «только» по 300—600 млн. дол.²

Сравните эти чудовищные богатства с положением десятков миллионов рядовых тружеников, которые едва сводят концы с концами (не говоря о безработных и бездомных!), и вы ясно увидите, насколько справедлива социально-экономическая система главной капиталистической страны.

Финансовый капитал на международной арене В современных условиях финансовый капитал выдвигает транснациональные корпорации и банки в авангард защиты интересов капитализма на важнейших направлениях.

Главным из этих направлений является *соревнование двух систем*, где решается вопрос о выживании капитализма как общественного строя. В своем противостоянии мировому социализму ТНК выступают одновременно и как основа производственного потенциала современного капитализма, берущая на себя главную тяжесть в экономическом противоборстве, и как активный по-

¹ Расчеты ИМЭМО АН СССР. Данные об активах по журналу «Форчун»; состав групп по книгам: *Меньшиков С. М.* Миллионеры и менеджеры. Современная структура финансовой олигархии США. М., 1965; *Котц Д.* Банковский контроль над крупными корпорациями в США. М., 1982.

² *Харт Х.* Техасские богачи. М., 1984; *Fortune*, 1986, August 4.

мощник буржуазного государства в проведении им реакционной, антисоциалистической политики.

В своей первой функции деятельность ТНК во многом определяет общие позиции капитализма в соревновании двух систем. Но дело ныне даже не столько в сводных количественных показателях. Спецификой включения ТНК в экономическое соревнование является то, что они стремятся дать бой социализму прежде всего на качественных рубежах, выступают как непосредственные соперники социалистических предприятий во всем, что касается организации производства, технического прогресса, качества и эффективности продукции. Причем руководители ТНК всерьез надеются добиться перелома в ходе соревнования двух систем, оставить социализм на вторых ролях в научно-технической революции. Эту сторону деятельности транснациональных корпораций, на которую у нас пока обращается недостаточно внимания, нельзя недооценивать.

Что касается поддержки антисоциалистической политики буржуазного государства, то ТНК создают для нее материальную базу, а также выступают как непосредственные участники ее проведения, хотя их конкретное поведение в этой области неоднозначно. «ТНК и их быстро растущие зарубежные доходы, — указывает американский политолог Р. Гэлпин, — являются главным источником... обеспечения американских глобальных гегемонистских притязаний необходимыми средствами»¹.

Такая позиция интернационального монополистического капитала имеет и свои «традиции». Верхушка американского бизнеса входит во многие экстремистские группировки вроде «Комитета по существующей опасности», итальянского — входила в ложу «П-2» и т. д. Монополии повсюду финансируют реакционные, профашистские и реваншистские организации.

Однако конкретные акции отдельных ТНК в отношениях с социалистическими странами могут выпадать из этой стратегической линии, демонстрировать свою двойственность ввиду наличия у корпораций одновременно и классово-стратегических, и конкретных коммерческих интересов. Будучи заинтересованы в экономических связях с миром социализма, многие менеджеры ТНК выступают против санкций в торговле, за мирное сосуществование, позитивно воспринимают идею разрядки. Со своей стороны, помня ленинские указания о необходимости отличать империалистических авантюристов от здравомыслящих прагматиков, Советский Союз в своих внешних экономических связях идет на деловые контакты с такими ТНК, включая и формы долгосрочного, крупномасштабного хозяйственного сотрудничества.

¹ *Gulpin R. US Power and Multinational Corporations. L., 1976, p. 140.*

С отношением ТНК к социализму непосредственно связаны их позиции по вопросу о *войне и мире*. Ссылаясь на международно-рассредоточенный характер операций ТНК и нажитые ими богатства, многие их апологеты выставляют транснациональный бизнес чуть ли не как главного сторонника и гаранта мира. Действительно, стратегический паритет и возрастание разрушительной мощи современного оружия усиливают среди владельцев и менеджеров ТНК (которым есть что терять) реалистически мыслящее крыло. Далеко не все из них связаны и с гонкой вооружений. Характерна в этом отношении книга президента американской фирмы «Вилшоп» Г. Вилленса «Эффект закрылка». Считая, что военные расходы подрывают американскую экономику и усиливают авантюризм администрации, он призывает бизнесменов использовать свое влияние для того, чтобы повернуть военную политику США в сторону благоразумия, подобно тому как закрылок стабилизирует полет самолета.

Однако остается бесспорным факт, что среди ТНК сильно и агрессивное, милитаристское крыло. Кроме того, многие корпорации, испытывая очевидный страх перед *применением* современного ядерного оружия, отнюдь не возражают против его *накопления*, видя в этом и средство «сдерживания» социализма, и высокоприбыльный бизнес. Границы между пацифистским и милитаристским крылом в стане ТНК подвижны, идет и миграция отдельных корпораций между ними. Наконец, государственная военщина попросту не может не опираться на ТНК как на свою производственно-техническую базу. «Если политики определяют, *почему* должно расти военное производство... — подчеркивают финские экономисты Е. Туоми и Р. Вайринен, — то промышленники определяют, *как* это производство будет расти и *как* будут разработаны эти вооружения»¹.

ТНК выступают и как *противники коммунистического, рабочего и массовых демократических движений*. Они вносят в конфликт между трудом и капиталом космополитическую солидарность буржуазии, стараясь разобщить и противопоставить друг другу различные национальные отряды рабочего класса, что Ф. Энгельс расценивал как «самое сильное оружие буржуазии против пролетариата»². В частности, ТНК в последние годы проводят крупномасштабный маневр по переводу своих предприятий из стран с высокой заработной платой и сильными профсоюзами в районы с минимальной зарплатой и слабо развитым рабочим движением. Разумеется, новые рабочие места нужны и в развивающихся стра-

¹ Tuomi H., Väyrynen R. Transnational Corporations, Armaments and Development. Tampere, 1980, pp. 4, 5.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 311—312.

нах. Однако здесь ТНК чувствуют себя вправе творить любой произвол, добиваться резкого повышения нормы эксплуатации.

Практикуют ТНК и прямые антипрофсоюзные акции. Это, например, непризнание местных профсоюзов («ИБМ», «Кодак»), отказ от местных обычаев коллективных переговоров (американские ТНК в Англии) и внедрение импортированных форм организации труда (японские ТНК в США), перенос заказов на другие филиалы как средство борьбы с забастовками, лоббизм против социального законодательства и т. д.

Солидарность монополистической буржуазии наглядно проявляется в борьбе против левых, демократических сил, если они близки к завоеванию политической власти. К опыту «дестабилизации» революционных режимов в Чили и Португалии ныне добавляется пример Италии, против которой ТНК применили инвестиционную блокаду с целью не допустить коммунистов в правительство, и особенно их борьба против правительства левых сил во Франции. Ответом на его меры по национализации был открытый саботаж предпринимателей в форме отказа от капиталовложений внутри страны и контрабанды капиталов за границу. Уступая этому саботажу, французские социалисты начали дрейфовать вправо, что побудило компартию в 1984 г. выйти из правительства.

ТНК выступают *против национально-освободительного движения*, особенно на его нынешнем этапе борьбы за экономическую деколонизацию. Они играют в развивающихся странах роль своего рода «экспедиционного корпуса» неокOLONиализма. ТНК целенаправленно возвращают там класс местной буржуазии как своего потенциального союзника и залог сохранения этих стран в капиталистической системе хозяйства.

Нередко командные высоты в экономике развивающихся стран открывают для ТНК и путь к диктату, в том числе политическому. Условия соглашения о добыче меди и никеля между Ботсваной и консорциумом «Сашэ» с 1975 по 1982 г. пересматривались в пользу последнего три раза. Американская бокситовая компания «Суралко», оперирующая в Суринаме, в контакте с ЦРУ восемь раз пыталась свергнуть местное правительство. За сепаратистской деятельностью группировки УНИТА в Анголе стоят интересы монополий «Лонро» и «Англо-американ».

Конечно, международная солидарность монополистической буржуазии имеет свои пределы. Среди прочего появление ТНК чрезвычайно обострило *межимпериалистические противоречия*. Эти корпорации выходят на передний край борьбы за передел капиталистического рынка, причем здесь идет заметное наступление компаний Западной Европы и Японии на позиции их американских конкурентов. Если в 1964 г. в списке крупнейших компаний капиталистического мира на долю США приходилось

60%, Западной Европы — 30 и Японии — 9%, то в 1976 г. — уже соответственно 52, 31 и 12%, а в 1980 г. — 47, 34 и 13%¹.

ТНК ныне выступают для стран базирования как главные добытчики сырья, экспортных доходов и прибылей. Однако, верные логике монополистического хозяйствования, эти корпорации наносят им и очевидный ущерб. В. И. Ленин подчеркивал, что вывоз капитала «способен приводить к некоторому застою развития в странах вывозящих...»², и ныне это общепризнанный факт. Очень важно и то, что «экспорт» рабочих мест усугубляет безработицу. Результатом наступления западноевропейского капитала на рынок США было явное оскудение денежного рынка Западной Европы, что задержало ее выход из кризиса 1980—1982 гг. и вызвало падение курсов западноевропейских валют.

В высшей степени неверно было бы рассматривать ТНК одной страны как какую-то единую команду, преследующую общенациональные цели. Между ними сохраняются свои острые конкурентные противоречия. «Мы все ненавидим «Тексако», — откровенничал один из менеджеров «Экссон». — Если бы мне пришлось умирать на ее заправочной станции, я попросил бы, чтобы меня перетащили через дорогу»³. Та же конкуренция, в том числе международная, своими нравами усугубляет моральный кризис буржуазного общества, ибо нередко сопряжена с коррупцией, деловой преступностью, дезинформацией. Например, итальянский консорциум перекупил за взятку заказ на сооружение ГЭС в Перу, на который претендовали его английский и западногерманские конкуренты. Французская компания «Марсель Дассо» предлагала взятку в 2,4 млн. фр. депутатам парламента Голландии за закупку ее истребителя «Мираж» вместо американского «Ф-16». Американская «Интернэшнл систем энд контрол» заплатила брату бывшего шаха 22,3 млн. дол. за получение контракта на бумажную фабрику в Иране.

Подобная конкуренция подчас открывает для стран, где оперируют ТНК, возможности добиться лучших условий сделок. В частности, выход на рынок в 60-е годы более 20 новых компаний-аутсайдеров помог ОПЕК перейти в наступление на международный нефтяной картель. Однако бывает, что страна, выступающая как объект межимпериалистической конкуренции, попадает в трагическую ситуацию. Так было, например, в Нигерии, спор за

¹ Подсчитано по: U. N. Transnational Corporations in World Development. Third Survey. N. Y., 1983, p. 357—363; U. N. Transnational Corporations in World Development. A Re-examination. N. Y., 1978, p. 288—311.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 362.

³ Sampson A. The Seven Sisters. The Great Oil Companies and the World They Made. N. Y., 1975, p. 196.

нефтяные богатства которой вели ТНК Англии и Франции, причем последние пытались решить его, создав в 60-е годы сепаратистскую «республику Биафра».

**ТНК все активнее
вторгаются в политику**

Политизация деятельности транснациональных корпораций не оспаривается никем, включая и их менеджеров. Она принимает обычно тройкую форму, включающую участие в выработке внешнеполитического курса своих правительств, выступления ТНК в качестве проводников этой политики за рубежом и претензии на проведение ими собственной «корпоративной дипломатии».

ТНК осуществляют свою деятельность через ряд каналов. Это личная уния бизнеса с органами власти и ротация между ними; финансирование политических партий и примыкающие к этому лоббизм и коррупция; содержание или подкуп средств массовой информации, журналистов и, наконец, консультирование властей по вопросам, представляющим для них и ТНК общий интерес.

Буржуазная дипломатия выступает как верный друг финансового капитала. Государство финансирует операции ТНК, страхует их иностранные инвестиции, «показывает флаг» в их конфликтах с принимающими странами, ставит им на службу органы разведки и т. д. Например, посольства Франции и Италии оказывали давление на испанское правительство с целью не допустить открытия в Испании филиала «Дженерал моторз», который составил бы конкуренцию «Рено» и «Фиат». Вывоз нефтяными ТНК нефти из Персидского залива охраняет морская армада США, Англии и Франции. ЦРУ организовало свержение прогрессивных антимонополистических правительств Арбенса в Гватемале, Мосаддыка в Иране, Мэнли на Ямайке, Альенде в Чили и т. д.

Но и ТНК не остаются в долгу у государства. По определению индийского журнала «Коммерс», они уже превратились в «четвертый рычаг», наряду с дипломатией, армией и разведкой, при помощи которого буржуазные правительства проводят свою внешнюю политику, тем более что за рубежом ТНК имеют чрезвычайно разветвленный аппарат и вхожи в местные коридоры власти. Они вербуют себе в акционеры и в директорат местных политических деятелей и связанных с ними лиц, оказывают давление на местные исполнительные, законодательные и военные органы, берутся за выполнение таких миссий, от которых официальная дипломатия предпочитает оставаться в стороне. Например, ряд транснациональных банков записали своим акционером президента Габона О. Бонго. В правление англо-южноафриканской компании «Лонро» входили сын тоголезского президента С. Олимпиио и племянник президента Кении Д. Кениаты. В Венесуэле на содержании

нефтяных ТНК находился президент национальной нефтяной компании А. Тередино, передававший им конфиденциальную информацию¹. Через закрытые каналы связи транснациональных корпораций идет и развединформация, как это было в Нигерии, где у одной из нефтяных ТНК был обнаружен тайный пункт связи, включенный в систему африканского отдела ЦРУ. Несмотря на санкции ООН, именно ТНК перевооружают военщину ЮАР.

Нередко с позиции силы ТНК принимаются проводить за рубежом собственную «корпоративную дипломатию», вмешиваясь во внутренние дела тех суверенных государств, где они оперируют. «Транснациональные корпорации подрывают суверенитет как развивающихся, так и развитых капиталистических стран, — отмечалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии. — Они активно используют государственно-монополистическое регулирование, когда это им выгодно. И жестоко конфликтуют с ним, если усматривают в действиях буржуазных правительств малейшую угрозу своим прибылям»². Так, в Бельгии и Голландии вмешательство американских ТНК затруднило реализацию «политики доходов», в ФРГ и Франции — осуществление программ участия профсоюзов в управлении предприятиями, в Италии — создание собственной атомной энергетики взамен импорта нефти. Но дело не ограничивается экономикой. На Мадагаскаре агентура ТНК стояла за убийствами прогрессивных политических деятелей и финансировала «частную армию» местного авантюриста Ресампы. «Галф ойл» через марионеточную сепаратистскую группировку ФЛЭК пыталась отторгнуть от Анголы территорию Кабинда.

Не случайно на фоне участвовавших случаев такого политического бандитизма Комиссия ООН по ТНК решила разработать «кодекс поведения» для ТНК, в числе прочего запрещающий им незаконную политическую деятельность в принимающих странах. Против этого не возражают и правительства стран происхождения ТНК, причем здесь нет ничего парадоксального. Все более отрываясь от национальной почвы, ТНК бросают вызов и «своим» властям, если их интересы расходятся. Например, очень велик нелегальный перевод средств из Италии в Швейцарию, что тянет книзу курс лиры. ТНК идут на крупномасштабные антинациональные акции, если это им выгодно. Так, в период энергокризиса корпорация «Ройал датч-Шелл», вопреки прямой просьбе правительства, сократила снабжение английского рынка нефтью на 10—15%. Французские нефтяные компании предлагали местным потребителям даже более жесткие условия поставок, чем американские.

¹ Business Week, 1983, September 12, p. 34.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 15.

Состав антимонополистического движения достаточно разнообразен: в его ряды входят профсоюзы, средние слои, демократическая интеллигенция, часть мелкого и среднего бизнеса и крестьянство, испытывающие гнет ТНК, и даже отдельные фракции государственного аппарата, особенно на местах. Наиболее последовательными борцами против монополий являются коммунисты. С критикой ТНК выступают также социал-демократы, участники движения за сохранение окружающей среды, часть религиозных кругов. В развивающихся странах это движение во многом совпадает с движением за экономическую деколонизацию и новый международный экономический порядок. Против ТНК выступают также либерально-критические и леворадикальные органы массовой информации.

Активную повседневную борьбу с ТНК ведут профсоюзы. Они добиваются организации своих ячеек на предприятиях ТНК, включения рабочих организаций этих последних в рамки национальных профцентров и ликвидации «хозяйских профсоюзов». Множатся и формы международной солидарности трудящихся в противовес антипрофсоюзным акциям ТНК: отказ от выполнения заказов, перенесенных с бастующих предприятий, забастовки солидарности, обмен информацией, создание международных секретариатов профсоюзов, работающих на предприятиях отдельных ТНК, борьба за выравнивание условий труда на различных филиалах по их высшему уровню и т. д. Такая работа особенно активно идет в металлообрабатывающей, автомобильной, химической промышленности. Но следует признать, что ТНК в интернационализации своей деятельности ушли дальше, чем международное рабочее движение. И одна из причин здесь, безусловно, в отсутствии единства последнего, в соглашательской и сепаратистской тактике Международной конфедерации свободных профсоюзов и Всемирной конфедерации труда, уклоняющихся от единых антимонополистических действий с Всемирной федерацией профсоюзов, хотя на низовом уровне это единство и пробивает себе дорогу.

Крестьяне также выступают против эксплуатации со стороны ТНК, поскольку последние прибирают к рукам агропромышленный комплекс. Мелкий и средний бизнес выступает за гарантии своего существования и т. п. Главным антимонополистическим лозунгом в развивающихся странах является возврат им национального суверенитета над природными ресурсами и экономической деятельностью.

Различны и конечные цели и лозунги этого движения. Если левобуржуазные и мелкобуржуазные партии выдвигают подчас утопические проекты «обуздания» ТНК путем возврата к «свободной конкуренции», что явно противоречит тенденции к растущему обобществлению производства, а социал-демократы считают, что

злоупотребления ТНК могут быть излечены законодательным путем, то на иных позициях стоят коммунисты. В зависимости от конкретных условий отдельных стран их национальные антимонополистические программы различны. Общим в них является то, что компартии отнюдь не выступают против крупного производства как такового. Оно — неизбежное следствие прогресса производительных сил, с ним неразрывно связано развитие современного промышленного пролетариата. Однако компартии требуют усиления общественного контроля над высокообобществленным производством, с тем чтобы оно служило не эгоистическим интересам узких групп владельцев и менеджеров ТНК, а всему народу.

Соответственно, они выдвигают лозунги национализации ТНК (что и было частично сделано левыми силами во Франции и Португалии), установления над их деятельностью демократического контроля на предприятиях, сохранения рабочих мест, улучшения условий труда и т. д. При этом данные меры рассматриваются не как самоцель, а как звенья в общей борьбе труда и капитала, прокладывающие дорогу достижению конечных целей рабочего и коммунистического движения.

Практика показывает, что ТНК в своей деятельности вполне могут быть призваны к порядку, что есть реальная возможность использовать их технико-экономический потенциал, не допуская негативных социально-политических последствий. Это уже доказано государствами социалистической ориентации. «Если есть страны, где ТНК наиболее трудно оперировать, так это страны, придерживающиеся социалистической идеологии, — пишет иранский экономист Р. Бассири. — Следуя такой идеологии, делающей упор на социальной справедливости и перераспределении богатства, правительства могут поставить на пути ТНК такие ограничения, которые способны обуздать их силу и сократить прибыли»¹. На это в конечном счете направлены и действия массового демократического движения.

Итак, возникновение ТНК — результат ряда объективных процессов в капиталистической экономике. Своими специфическими способами ТНК добиваются повышения производительности труда, двигают вперед, хотя и противоречиво, технический прогресс. Это относится и к деятельности крупного капитала в развивающихся странах. Здесь, видимо, допустима аналогия с Россией XIX в., где В. И. Ленин считал «прогрессивной работу нашего капитализма, когда он стягивает... мелкие раздробленные рынки в один всероссийский рынок, когда он создает на месте бездн мелких благонамеренных живоглофов кучку крупных «столпов отечества»,

¹ Bassiry R. Power vs. Profit. Multinational Corporation — Nation State Interaction. N. Y., 1980, p. 79.

когда он обобществляет труд и повышает его производительность, когда он разрывает это подчинение трудящегося местным кровопийцам и создает подчинение крупному *капиталу*. Это подчинение является прогрессивным... потому, что оно **БУДИТ МЫСЛЬ РАБОЧЕГО**, превращает глухое и неясное недовольство в сознательный протест, превращает раздробленный, мелкий, бессмысленный бунт в организованную классовую борьбу...» ¹.

Научный анализ всей практической деятельности ТНК, их идей и планов, ценностей и амбиций показывает, что признание прогрессивности их роли вполне совместимо «с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма, с полным признанием неизбежно свойственных капитализму глубоких и всесторонних общественных противоречий, вскрывающих исторически преходящий характер этого экономического режима» ². Эта ленинская формулировка позволяет ответить и на вопрос о будущем ТНК. Свободная конкуренция, о которой грезят некоторые буржуазные «неоромантики» и леворадикалы, уже невозможна после того, как она родила монополию. Вливая в капитализм определенные силы, выступая как один из его резервов, ТНК на достигнутой стадии обобществления производства могут отмереть только с самим капитализмом, когда в ходе соревнования двух систем и классовой борьбы будет доказана как их социальная, так и хозяйственная несостоятельность.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 241.

² Там же, т. 3, с. 597.

Немного истории

Проблема взаимоотношений государства и экономики является одной из центральных в жизни буржуазного общества. В 70-е и 80-е годы в государственном-монополистическом капитализме появились новые важные явления, которые продолжают развиваться. Это во многом определяет основные черты капитализма конца столетия.

В XVII в. английский философ Т. Гоббс дал своей знаменитой книге о политике и политиках заглавие «Левиафан». Название библейского морского чудовища он использовал, чтобы отразить ту роль, которую играет в жизни человеческого общества государство. С тех пор этот образ сросся с идеей могущества власти. Конечно, во времена Гоббса это был карлик по сравнению с современным государством, выполняющим важнейшие функции в системе классового господства буржуазии. Наряду с социально-политическими функциями резко возросла экономическая роль государства.

В эпоху домонополистического капитализма буржуазия главных капиталистических стран не нуждалась в активном и всестороннем вмешательстве государства в экономику и порой даже противилась ему. Но в XX в., особенно в период общего кризиса капитализма, положение принципиально изменилось. Возник феномен соединения силы государства с силой монополий в единый механизм. Деятельность частного капитала стала практически невозможна без всестороннего участия государства.

Современная экономическая роль государства является итогом длительной эволюции, в ходе которой условия, формы и методы его воздействия на экономику постоянно менялись.

Развитие государственно-монополистического капитализма (ГМК) есть объективный процесс, обусловленный в конечном счете растущим капиталистическим обобществлением производства. Те силы, которые вызваны к жизни образованием монополистических производственных и финансовых комплексов, закономерно способствуют развитию и усилению экономической роли

государства. Но вместе с тем эволюция ГМК есть *политический процесс*. Он протекает в конкретных формах, связанных со спецификой государственной власти в данной стране, расстановкой классовых сил, национальными особенностями и традициями, международной обстановкой.

Буржуазия идет на усиление вмешательства государства в свои дела не от хорошей жизни. Каковы бы ни были виды этого вмешательства, оно всегда способно породить в умах людей вопрос: а нужен ли вообще особый класс частных собственников средств производства, присваивающий значительную долю национального дохода, если с делами могут справиться органы государства? Поэтому в США, например, в буржуазных кругах распространено мнение, что государственные предприятия, социальное обеспечение, ограничение прав предпринимателей — это уже нечто вроде «социализма», но со всем этим приходится мириться, как с неизбежным злом.

Зарождение ГМК связано с первой мировой войной 1914—1918 гг. Война обострила противоречия капитализма и вызвала в воюющих странах необходимость невиданной ранее концентрации ресурсов в руках и под контролем государства. В. И. Ленин в связи с этим писал: «Войной и разрухой все страны вынуждены идти от монополистического капитализма к государственно-монополистическому капитализму»¹. Исключительную роль в формировании инструментария государственного вмешательства сыграл мировой экономический кризис 1929—1933 гг. В условиях, когда объем производства в главных странах капитализма упал почти вдвое, замерла международная торговля, безработными оказались десятки миллионов людей и резко обострились классовые конфликты, буржуазные государства были вынуждены взять на себя широкие экономические функции в борьбе с кризисом.

Американский вариант ГМК был в этот период связан с буржуазным реформизмом, с определенным отступлением и маневрированием правящего класса перед грозной действительностью и требованиями народных масс. Был принят ряд законов, несколько ограничивающих власть капитала и защищающих интересы трудящихся (введение минимума зарплаты, социального обеспечения и пособий по безработице, государственное страхование банковских вкладов и ссуд, меры поддержки фермерского хозяйства, расширение прав профсоюзов и т. д.). Стала в какой-то мере проводиться государственная антициклическая политика путем организации общественных работ, изменений в налоговой и кредитной системе. Одновременно в Германии, а отчасти также в Японии и Италии осуществлялся милитаристский и фашистский вариант ГМК, при котором вся экономика страны подчинялась задачам

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 373.

подготовки к войне, а безработица сокращалась путем огромного роста военного производства. Одновременно жестоко подавлялись коммунистическое и рабочее движения, ликвидировалась буржуазная демократия, вводился режим тотального террора и угнетения. Этот исторический опыт указывает на то, сколь различным может быть при определенных условиях как экономическое, так и особенно социально-политическое содержание ГМК, каким разным лицом он поворачивается к трудящимся массам.

Во второй мировой войне экономика еще более была подчинена целям войны, чем в первой. В период первой мировой войны прямые военные затраты составили лишь 14% национального дохода США, а за годы второй мировой войны — 43%, для Германии соответственно — 42 и 68%, для Великобритании — 37 и 56%. Во всех воевавших странах был создан или усовершенствован государственный аппарат управления экономикой, который функционировал в тесной взаимосвязи с частными монополиями.

Послевоенный ГМК в США и других странах НАТО неразрывно связан с формированием и функционированием военно-промышленного комплекса. Господство этого комплекса вызывает тревогу даже у людей, которые сами приложили руку к укреплению его позиций. Любопытно, что термин «военно-промышленный комплекс» впервые употребил генерал Эйзенхауэр. Покидая в 1960 г. пост президента США, он счел нужным предупредить американский народ об опасности тесного союза промышленников, военных и политиков, для которых гонка вооружений и балансирование на грани войны становится источником наживы и власти.

При отдельных изменениях в методах государственного вмешательства послевоенный период в целом характеризуется усилением государственно-монополистических тенденций. Отличительными чертами послевоенного капитализма являются широкое использование достижений научно-технической революции и интернационализация производства и капитала. Отсюда проистекают, например, такие важнейшие формы современного ГМК, как решающая роль государства в организации научных исследований и опытно-конструкторских разработок (НИОКР) и межгосударственная экономическая интеграция, особенно западноевропейский «Общий рынок».

Существование и воздействие мировой социалистической системы на капитализм — фактор огромного значения. Ответом старой общественной системы на этот исторический вызов является расширение экономических и социально-политических функций государства, постоянное приспособление к меняющимся условиям мирового развития. Когда успехи СССР в космосе в 1957—1958 гг. выявили отставание США, то последние реагировали очень остро. Была принята многомиллиардная космическая программа, реорга-

низована система образования, усилено государственное стимулирование научных исследований. Государство предприняло меры, направленные на ускорение экономического роста.

Так на протяжении десятилетий складывались современные формы ГМК. В настоящее время они находятся в состоянии кризиса и перестройки. «Великая депрессия» 30-х годов подорвала веру во всеильную и благотворительную роль «рынка» и покончила с абсолютным преобладанием частномонополистического начала в капиталистической экономике. Ныне на Западе господствует скептицизм в отношении сложившихся форм и методов государственно-монополистического регулирования. Действительно, оно серьезнейшим образом подорвало себя. Но каковы бы ни были провалы этого регулирования, без него современный капитализм не может существовать. В этом одно из острейших противоречий действительности.

Буржуазные экономисты и социологи признают факт увеличения экономической роли государства, однако, конечно, отказываются принять как марксистский термин «государственно-монополистический капитализм», так и его содержание. Они отвергают марксистский тезис о сращивании государства с монополиями, утверждают, что государство носит внеклассовый или надклассовый характер и что оно якобы заботится о нуждах всех слоев населения. Многие буржуазные и реформистские идеологи видят в увеличении деятельности государства элементы мирного, эволюционного «социализма», который они противопоставляют идеям революционного преобразования общества. На самом деле государство остается органом классового господства буржуазии при определяющей роли финансовой олигархии. Расширение его функций, в том числе экономических, обусловлено обострением противоречий капитализма и новыми условиями и формами классовой борьбы. Вместе с тем рост сознательности и организованности широких масс увеличивает возможности давления прогрессивных сил на буржуазное государство.

«Смешанная экономика»: Увеличение хозяйственных функций государства получило в буржуазной науке и литературе последних десятилетий название «смешанная экономика».

Имеется в виду, что в современной капиталистической экономике «смешаны» частные и государственные элементы. *Наиболее осязаемо сочетание частнокапиталистических и государственных элементов проявляется в области собственности.* В эпоху домонаполистического капитализма государство тоже было собственником определенных элементов национального богатства. Но в XX в. в этой области происходит решительный сдвиг. Во-

первых, роль государственного сектора практически во всех странах резко возрастает. Во-вторых, меняется структура государственного сектора: в нем, как правило, увеличивается роль сферы материального производства.

Расширение государственного сектора в экономике при сохранении власти в руках буржуазии не меняет природу капиталистической собственности. Тем не менее для рабочего класса и его партии небезразличны масштабы и формы развития государственного сектора. Ряд его элементов в сфере образования, здравоохранения и других отраслей социальной инфраструктуры могут в известных пределах функционировать в интересах трудящихся. На государственных предприятиях условия труда нередко лучше, чем на частных. Наконец, функционирование государственного сектора может служить длительно действующим фактором дискредитации и подрыва позиций частных собственников средств производства. Вокруг проблем формирования государственного сектора (особенно если речь идет о национализации) и его функционирования ведется обычно острая политическая борьба.

Характерно, что в США — стране, где монополистический капитал особенно силен, а в рабочем движении преобладает реформизм и оппортунизм, — государственный сектор в экономике наименее значителен. По оценкам конца 70 — начала 80-х годов, доля государственного сектора в материальном национальном богатстве страны составляла около 20%. Однако не менее $\frac{2}{5}$ государственного сектора — это разного рода военные сооружения, снаряжение и имущество. Конечно, лишь в сугубо статистическом смысле можно, скажем, пусковую установку ракеты с ядерной боеголовкой считать элементом национального богатства! Другой важнейший компонент государственного сектора составляет инфраструктура — производственная (шоссейные дороги, порты, линии связи и т. п.) и социальная (сооружения и имущество в сфере образования, здравоохранения, культуры, организованного отдыха). Эти объекты находятся главным образом в собственности не федерального правительства, а штатов и местных органов власти. В обрабатывающей промышленности государству принадлежит не более 1% производственных мощностей, да и те нередко сданы в аренду частным корпорациям.

Во многих странах Западной Европы положение иное. В Великобритании государственный сектор оценивается в 35—40% национального богатства, причем государству принадлежат полностью железные дороги, электростанции, угольная промышленность, значительная часть предприятий черной металлургии и ряд предприятий в других отраслях. Во Франции государственная собственность превышает 40% национального богатства. В частности, государство полностью владеет железными дорогами,

авиалиниями и угольными шахтами, почти полностью — предприятиями в сфере производства и снабжения электроэнергией, газом и водой, примерно одной третью нефтеперерабатывающей и автомобильной промышленности. В результате национализации 1982 г. в руки государства перешли предприятия ведущих отраслей обрабатывающей промышленности, таких, как черная и цветная металлургия, химия, электроника. В государственный сектор во Франции входят также крупные банки и страховые компании. (После прихода к власти правительства Ж. Ширака осуществляется поворот к денационализации.) В Италии, где государственный сектор сложился еще до второй мировой войны и развивался после войны, значительна доля государства в энергетике, металлургии, машиностроении и некоторых других ключевых отраслях. Существенную роль государственный сектор играет в Австрии и Скандинавских странах.

Япония по размерам и характеру государственной собственности скорее ближе к США, чем к Западной Европе, если не считать того, что имущество военного назначения занимает в ее национальном богатстве значительно более скромное место, чем у США. Доля государства в национальном богатстве Японии оценивается в 20%, но в так называемом производительном капитале (практически — отрасли добывающей и обрабатывающей промышленности, сельское хозяйство) едва превышает 2%.

Во многих странах существуют предприятия, находящиеся буквально в смешанной собственности: одна часть акций принадлежит государству, а другая — частному сектору. Такие предприятия образуются как в тех случаях, когда государство приобретает акции частных компаний, так и, напротив, при распродаже принадлежащих государству акций. Система управления и хозяйственная деятельность смешанных и даже чисто государственных предприятий близка, а иногда просто неотличима от аналогичных характеристик крупных частных корпораций. Так, в современных условиях невелика разница в положении трудящихся на государственных и частных предприятиях. Поэтому они применяют аналогичные методы борьбы за свои интересы и права как против капиталистов, так и против администрации государственных предприятий.

Нередко государственные предприятия используются для обеспечения частного сектора искусственно дешевой электроэнергией, транспортными услугами и т. п. Их убытки в этом случае покрываются из бюджета. На государственных предприятиях процветают бюрократизм, расточительство.

Государственная собственность является лишь одним из элементов «смешанной экономики». Сращивание государства с монополиями имеет многообразные формы. Частные военно-промышленные корпорации работают в основном по государственным

заказам. В обмен на высокие прибыли и дивиденды они фактически передают некоторые права управления органам правительства. Как заметил Дж. К. Гэлбрейт, в таких корпорациях «вывеска частного предприятия есть лишь прикрытие для обильного и бесконтрольного доступа к государственной кормушке»¹.

Отчасти под воздействием роста военных заказов, отчасти в связи с финансированием инфраструктуры доля так называемого государственного потребления (закупок товаров и услуг органами государства) возросла в среднем по 7 главным капиталистическим странам (США, Япония, ФРГ, Франция, Великобритания, Италия, Канада) с 16% в 1960 г. до 18% в 1982—1984 гг. Высший показатель (в Великобритании) составлял в 1984 г. 22%, низший (в Японии) — 10%. Любые прогнозы в этой области исходят из вероятности дальнейшего возрастания роли государства как покупателя и заказчика.

Во всех капиталистических странах государство взяло на себя львиную долю финансирования и организации НИОКР. Около половины расходов всех капиталистических стран на НИОКР приходится на США. В свою очередь, доля федерального правительства в финансировании этих расходов составила в 1985 г. свыше 47%. Таким образом, правительство США финансирует около четверти совокупных расходов капиталистического мира на научные исследования и разработки. Милитаризация этой сферы в США чрезвычайно велика. В 1985 г. 67% расходов федерального правительства на НИОКР проходило по военным статьям, а вместе с затратами на космические исследования, где военный элемент фактически преобладает, — около 75%. За 1979—1985 гг. доля затрат в гражданских отраслях резко снизилась. Государство дает деньги на исследования и разработки и осуществляет над ними определенный контроль. В 1985 г. собственно государственные научно-исследовательские учреждения осуществили лишь менее 12% всех работ в этой области, тогда как частная промышленность — 73%. Чрезвычайно велика концентрация НИОКР в лабораториях крупнейших корпораций, для которых они являются важнейшим источником прибылей и влияния.

Но американские корпорации все же с завистью смотрят на своих собратьев в Японии и Западной Европе, где государство еще более активно поддерживает научные исследования и разработки, особенно в новейших прогрессивных отраслях. В Японии промышленность полупроводников помимо налоговых льгот ежегодно получает государственные субсидии в сумме 400 млн. дол. Во Франции государство «подбрасывает» фирмам этой же отрасли 140, в Великобритании — 110, в ФРГ — 150 млн. дол. в год. Аме-

¹ Galbraith J. K. *Annals of an Abiding Liberal*. N. Y., 1979, p. 81.

риканские же фирмы получают «всего лишь» 55 млн. дол. в год, и притом исключительно на военные исследования. Япония и Западная Европа в большей мере, чем США, зависят от вывоза своих товаров на внешние рынки. В этих странах деятельность государства в значительной мере ориентирована на содействие внешней экспансии монополий.

Сложные формы переплетения интересов государства и монополий возникают в условиях, когда те или иные отрасли и частные компании оказываются в тяжелом финансовом положении, перед лицом банкротства. Уже в 30-е годы правительства некоторых стран были вынуждены взять в свои руки предприятия, особенно тяжело пострадавшие от мирового экономического кризиса. Опыт 70—80-х годов показал, что государство, игнорируя, как правило, факты банкротства мелких фирм, стремится не допустить краха фирм монополистического типа. Действительно, как может правительство США согласиться на банкротство и ликвидацию «Локхид» или «Крайслера», если обе гигантские корпорации выполняют в крупных размерах военные заказы? Для действий государства по спасению подобных фирм могут быть и другие мотивы, такие, как социальная опасность выбрасывания на улицу тысяч рабочих и служащих. Если крупные фирмы оказываются на грани банкротства, государство приходит на помощь, предоставляя экстренные крупные ссуды или выступая гарантом ссуд частных банков. В других случаях оно организует или по крайней мере активно участвует в реорганизации и «санации» (оздоровлении) попавших в беду компаний.

В начале 70-х годов длительный структурный кризис в области железнодорожного транспорта США привел к фактическому банкротству нескольких частных железнодорожных компаний, в том числе крупнейшей — «Пенн сентрал корпорейшн». Компания подверглась коренной реорганизации, в итоге которой она вообще вышла из транспортной отрасли. Ее железнодорожные линии, предприятия и связанная с этой сферой собственность перешли к созданной в 1976 г. государственной корпорации «Консолидейтед рэйл корпорейшн (Конрэйл)». В руки «Конрэйл» перешли также линии, принадлежавшие 5 другим частным компаниям. В результате железнодорожный транспорт стал в США сферой смешанного предпринимательства. Только на протяжении 1976—1979 гг. «Конрэйл» получила от государства 2,7 млрд. дол. в виде ссуд и покупки ее акций.

Другой пример «санации» попавшей в беду частной монополии касается крупной французской фирмы «Крезо-Луар» (машиностроение, металлургия и др.). Ее финансовое положение ухудшалось почти непрерывно с 1977 г. Программа спасения «Крезо-Луар» разрабатывалась в 1982—1983 гг. руководителями концерна

«Ампен-Шнейдер», который держит контрольный пакет акций «Крезоз-Луар», и банкирами вместе с представителями правительства и государственных концернов. В итоге фирма подверглась реорганизации, участие государства в которой выразилось в следующем: «Крезоз-Луар» передает государству 20% акций дочерней фирмы «Фраматом» (НИОКР и производство оборудования для атомных электростанций), в результате чего правительство и «Крезоз-Луар» становятся ее совладельцами на паритетных началах. Правительство предоставляет «Крезоз-Луар» специальную ссуду в сумме 500 млн. фр., концерн «Ампен-Шнейдер» дает правительству конкретные гарантии в отношении финансирования «Крезоз-Луар». Это позволяет частной монополии получить также дополнительную поддержку от банков.

Подобные примеры отражают новую стадию развития взаимоотношений монополий и государства. Американский ученый М. Уэйденаbaum (одно время — председатель совета экономических консультантов при Рейгане) даже писал: «В отношениях между бизнесом и правительством в США происходит фундаментальный сдвиг. Он столь глубок, что по существу равнозначен второй «управленческой революции»¹. Оставим на совести автора это сравнение, тем более что увеличение роли наемных управляющих в управлении корпорации незачем называть революцией. Но и при этой оговорке к высказыванию Уэйденаbaum необходимо подойти со всей серьезностью, причем оно может быть отнесено не только к США, но и к другим развитым капиталистическим странам. Чрезвычайно характерен и другой его вывод: «Важно понимать, что эта тихая бюрократическая революция не направлена на подрыв капиталистической системы»². В этих словах выражена суть происходящих перемен. Более того, именно переплетение монополий с государством является сейчас важнейшим средством приспособления капитализма к новым условиям мирового развития, способом его выживания. Но диалектика развития такова, что одновременно эти сдвиги объективно ведут к увеличению капиталистического обобществления производства, причем «конфликт между гигантски выросшими производительными силами и капиталистическими производственными отношениями становится все острее»³. А это неумолимо ставит перед обществом вопрос о его социально-экономическом преобразовании.

¹ Weidenbaum M. L. Business, Government and the Public Interest. N. Y., 1981, p. 372.

² Ibid., p. 374.

³ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 130.

**Расходы, налоги,
дефициты и долги**

Расходы (государства) не случайно поставлены в заголовке на первое место. Государственный бюджет иногда уподобляют бюджету семьи, и известное сходство здесь, возможно, есть. Но если семья в нормальных условиях вынуждена «по одежке протягивать ножки», т. е. приспосабливать свои расходы к доходам, то государство нередко действует в обратном порядке. Оно прежде всего определяет свои потребности в денежных средствах, а затем уже изыскивает источники их покрытия. Это свойство бюджета известный английский социолог и сатирик Паркинсон изобразил в следующих ироничных фразах: «Раз у министерства есть бюджет, никто не спросит, быть этому министерству или не быть. Оно тратит, следовательно, существует». Отсюда следует обоснованный вывод: «Ни о какой экономии не может быть и речи, пока государственный доход подгоняется под государственные расходы»¹.

Это не значит, что расходы государства могут расти неограниченно: для них имеются реальные, хотя и гибкие, пределы экономического и социально-политического характера. Но увеличение доли национального дохода и продукта, изымаемого государством из хозяйства, является важнейшей тенденцией последних десятилетий и представляет собой фундаментальное выражение развития ГМК.

**Доля государственных расходов¹
в валовом внутреннем продукте (в %)**

Страны	1965 г.	1980 г.	1983 г.	1985 г.
США	25,3	33,5	36,9	37,5
Япония	14,2	25,0	27,5	27,0
ФРГ	30,7	42,9	44,4	44,0
Франция	33,7	43,0	48,6	50,0
Великобритания	30,7	41,8	44,2	45,2
Италия	30,6	41,5	51,5	52,0
Канада	25,0	37,8	43,1	44,0
В среднем по 7 странам	26,4	35,7	38,4	40,2

¹ Включая местные бюджеты.

Источники: OECD Economic Outlook, 1986, Май; национальная статистика.

Как видно из данных таблицы, в среднем по семи главным капиталистическим странам около 40% валового внутреннего продукта (ВВП) проходит теперь через бюджет, а в ряде стран этот показатель достигает 50%. До начала 30-х годов он в мирных условиях не превышал 10%. Произошло резкое количественное

¹ Паркинсон С. Н. Закон Паркинсона и другие памфлеты. М., 1976, с. 150, 168.

изменение, которое дает новое качество экономической роли государства. Процесс относительного увеличения бюджетных расходов продолжался в США при администрации обеих партий, в том числе при Рейгане, который клялся проводить политику экономии государственных средств. По размерам доли государственных расходов в ВВП США занимают, однако, одно из последних мест среди главных стран капитализма, превосходя несколько лишь Японию. Рейган сделал своим козырем в борьбе за голоса буржуазных и средних слоев свое стремление выступить против «расточительства» государства на бедняков, хотя расходы на социальные нужды в США относительно гораздо ниже, чем практически во всех остальных странах.

Чудовищное расточительство в бюджетах капиталистических стран связано в первую очередь с военными расходами. Хорошо известна дороговизна и неэффективность аппарата государственного управления. Факты такого рода носят настолько вопиющий характер, что французские экономисты в книге о государственных финансах этой страны не без иронии предлагают в бюджете статью под заглавием: «Средства, потерянные вследствие неправильных политических решений, очевидных неудач и плохого управления»¹.

Большой рост бюджетных расходов капиталистических стран в 60—70-х годах связан также с расширением социальных функций государства. В общей сумме доходов населения определенное место занимают различные виды доходов, которые представляют собой результаты бюджетного перераспределения (так называемые трансферные платежи). Это, прежде всего, различные формы социального обеспечения, включая пенсии, пособия по бедности, стипендии учащимся и т. д. Кроме того, сюда относятся частично оплачиваемые государством услуги в виде медицинской помощи, дошкольного воспитания детей и т. д.

Перераспределение доходов через бюджет, даже если оно в известной степени осуществляется в пользу бедной и беднейшей части населения, не меняет классовой природы буржуазного государства и его бюджета. Буржуазный тезис о «государстве благосостояния» носит апологетический характер и отражает стремление изобразить частичные уступки трудящимся как превращение капитализма в какой-то новый строй, в котором исчезают отрицательные черты буржуазного общества.

Увеличение социальных функций и расходов государства на деле представляет собой форму приспособления капитализма к меняющимся условиям мирового развития. Отчасти это происходит под прямым и косвенным воздействием мировой социалисти-

¹ Bonnefous E., Blanc J. A la recherche des milliards perdus. P., 1980, p. 36.

ческой системы: эффективное социальное обеспечение и расширение общественных фондов потребления является одним из важнейших ее принципов и завоеваний. Многие виды государственных расходов связаны с объективными потребностями самого капитала в здоровой, грамотной, квалифицированной рабочей силе. Полагаясь в сферах здравоохранения, образования, профессионального обучения лишь на частное предпринимательство и коммерческие принципы, государство не выполнило бы своих функций по обеспечению капиталу оптимальных условий эксплуатации наемного труда. Относительно высокие темпы роста экономики в 50—60-е годы облегчали правительствам ряда стран увеличение социальных расходов. Так сказать, по инерции эта тенденция развивалась и в 70-е годы.

Денежные средства, которые расходуются на социальные цели, государство черпает посредством налогов. Считается, что берут у богатых и состоятельных, а дают бедным и слабым. Однако на деле это далеко не так. Подавляющую часть взносов по социальному страхованию и обеспечению, из которых выплачиваются пенсии и пособия, платят сами трудящиеся. Изменения в налоговых системах в значительной степени сводятся к тому, что база обложения расширяется за счет семей и лиц с невысокими и низкими доходами.

Маркс дал классическую формулу: «В налогах воплощено экономически выраженное существование государства»¹. В современную эпоху, с увеличением экономических функций государства, закономерно растут и значения налогов. Налоги стали кошмаром современного человека на Западе. Налоговое законодательство запутано так, что простые люди в нем совершенно не в состоянии разобраться. Зато крупные фирмы и богачи, пользуясь услугами юристов, нередко весьма успешно используют многочисленные лазейки в законах и практике, чтобы уменьшить для себя реальное бремя налогов.

Одним из принципов буржуазной демократии и «государства благосостояния» является прогрессивность налогов: чем выше доход фирмы или лица, тем большую его долю они должны отдавать государству. На бумаге это, как правило, действительно так. Но многочисленные обследования и отдельные факты, проникающие в печать, показывают, что на деле степень прогрессивности налогов гораздо меньше официальной, а при определенных условиях переходит в собственную противоположность: богатые отдают меньшую долю дохода, чем бедняки и средние слои. Один из самых видных английских буржуазных экономистов, Н. Калдор, пишет, что вопрос о подлинно прогрессивной системе подоходного обло-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 308.

жения остается открытым. Нынешняя система формировалась в условиях политического процесса, дающего состоятельным группам населения явные преимущества, и потому далека от подлинно прогрессивной¹. В США проводится налоговая реформа, которая значительно уменьшит степень прогрессивности подоходного налога.

С вопросом о налогах теснейшим образом связана чрезвычайно актуальная и активно обсуждаемая в последнее время на Западе проблема подпольной («теневой», нелегальной) экономики. Имеется масса предприятий, которые не регистрируются в государственных органах с целью избежать налогообложения. Эта сфера экономики не охватывается статистикой, и существуют лишь самые грубые оценки ее размеров и величины теряемых государством налогов. Известно, например, что масштабы подпольной экономики чрезвычайно велики в Италии. Это связано с рядом исторических особенностей развития страны, большой численностью мелкой буржуазии, коррупцией в государственном аппарате. Незарегистрированные предприятия дают до 30% общей массы производимых товаров и услуг.

Проблема недобора налогов с подпольного сектора является довольно острой в США. Этот сектор, тесно связанный с организованной преступностью, настолько прочно врос в ткань американского общества, что любые планы, разрабатываемые в области налогового законодательства, представляются в высшей степени сомнительными.

Чтобы изымать из хозяйства, из карманов населения гигантские денежные суммы, все капиталистические страны создали сложные налоговые системы, включающие множество форм обложения. Эти системы все время эволюционируют и приспособляются к меняющейся ситуации. За период 60—80-х годов в налоговых системах произошли более или менее общие для капиталистических стран изменения. Назовем важнейшие из них.

1. В общей сумме налоговых поступлений возросла доля прямых налогов (взимаемых непосредственно из доходов) при уменьшении доли косвенных (взимаемых в цене товаров и услуг). Косвенные налоги были унаследованы XX веком от эпохи раннего капитализма, а отчасти еще от феодализма. Однако возможности изъятия с их помощью финансовых (а значит, и материальных) ресурсов государством ограничены. Поскольку косвенные налоги включаются в цены товаров и услуг, их повышение сразу усиливает инфляцию. Уменьшение доли косвенных налогов объясняется также относительным падением значимости таможенных пошлин — важнейшего их вида.

¹ What Should Be Taxed: Income or Expenditure? Ed. by J. A. Pechman. Wash., 1980, p. 155.

2. Уменьшилась доля налогов, поступающих в местные бюджеты, тогда как доля общегосударственного бюджета возросла. Отчасти этот сдвиг совпадает с первым, поскольку в местных бюджетах особенно велика роль косвенных налогов. Но он имеет и самостоятельное значение, отражая растущую централизацию деятельности буржуазного государства.

3. В общей массе государственных доходов значительно возросла доля обязательных взносов в фонды социального обеспечения. Во всех странах эти взносы производятся частично самими трудящимися и практически ничем не отличаются от подоходного налога, частично предприятиями-нанимателями. Особенно велика доля взносов по социальному обеспечению в таких странах, как Франция и Италия, где оно получило большое развитие.

4. В сумме прямых налогов существенно возросла доля налогов с населения, особенно главного из них — подоходного, тогда как доля налогов на корпорации (акционерные общества) снизилась. Эта тенденция отражает превращение подоходного налога в подлинно массовый налог, которым облагается практически все население. Уменьшение доли налогов на корпорации объясняется снижением налогообложения прибылей и расширением разного рода льгот, а также неблагоприятной экономической обстановкой 70-х и начала 80-х годов, которая обусловила низкий уровень прибылей в невоенных отраслях.

По широко распространенному среди западных экономистов и политиков мнению, налогообложение при его нынешнем уровне близко к пределу, за которым налоги грозят подорвать экономическую эффективность, стимулы к труду и предпринимательству, склонность к сбережению. В социальном плане главный объект их беспокойства — капиталистические предприятия с падающей в последние годы нормой прибыли и ослабленной финансовой базой, средние и богатые слои населения, чьи сбережения играют существенную роль в общенациональном фонде накопления. Консервативные силы в США, Великобритании и других странах успешно используют эту ситуацию и настроения.

Однако реальные возможности современного буржуазного государства по маневрированию налогами жестко ограничены необходимостью обеспечивать нормальные, неинфляционные доходы для покрытия бюджетных расходов. В конце 60-х и начале 70-х годов все главные капиталистические страны более или менее успешно покрывали налогами и другими обычными доходами расходы государства, и бюджетные дефициты не играли серьезной экономической роли.

Но уже в ходе экономического кризиса середины 70-х годов положение изменилось, поскольку в условиях спада производства налоговые поступления сократились, а расходы продолжали расти.

В ряде стран (США, ФРГ, Франция, Италия) дефициты достигли максимума в 1975—1976 гг., после чего несколько снизились. В 80-е годы дефициты стали нарастать как снежный ком. В США дефицит федерального бюджета составляет 4—5% валового внутреннего продукта, а его абсолютные цифры громадны — порядка 200 млрд. дол. в год. Это имеет отрицательные последствия для экономики. В условиях длительно низкой общенациональной нормы денежного накопления (сбережений) изъятие государством сотен миллиардов долларов с рынка ссудных капиталов оставляет мало ресурсов для финансирования частного сектора. В этом — одна из важнейших причин крайне высоких ставок ссудного процента, которые в последние годы держатся в США и усугубляют экономические трудности. В относительно слабой экономике Италии огромные бюджетные дефициты вызывают заметно усиливающуюся инфляцию. Обесценение итальянской лиры идет быстрым темпом, что обостряет социально-политическую обстановку в стране и имеет негативные последствия для Европейского экономического сообщества и Европейской валютной системы, членом которых Италия является.

Отношение бюджетного дефицита к валовому внутреннему продукту (в %)

Страны	1970 г.	1980 г.	1981 г.	1982 г.	1985 г. ¹
США	0,3	2,3	2,0	3,4	4,1
Япония	0,9	5,4	5,5	4,1	3,1
ФРГ	0,1	1,9	2,6	2,3	2,7
Франция	—	—	1,0	2,6	3,8
Великобритания	—	4,9	2,8	2,0	2,7
Италия	5,1	11,0	13,2	15,5	12,0
Канада	1,1	3,4	2,8	6,2	6,8

¹ По данным за I—III кварталы.

Рассчитано по: IMF. International Financial Statistics. OECD Economic Outlook (за соответствующие годы).

Бюджетные дефициты вызывают рост государственных долгов. Ни одно правительство теперь всерьез не помышляет об уменьшении государственного долга. Это потребовало бы создания в бюджете существенного превышения доходов над расходами, что практически невозможно. Но и неуклонный рост долга наталкивается в ряде стран, особенно в США, на серьезные экономические и политические препятствия. Ирония судьбы заключается в том, что именно правительство Рейгана, который объявил ликвидацию дефицита и стабилизацию долга важнейшими принципами своей политики, неуклонно наращивает долг и требует на это

санкции конгресса. Во всех капиталистических странах рост напряженности государственных финансов ограничивает поле маневра для правительств, какой бы курс они ни проводили. Он компрометирует экономическую политику консервативного толка и ставит жесткие пределы «дирижистскому» курсу тех правительств, которые хотели бы использовать налоги и расходы как орудие регулирования экономики.

Цели и методы регулирования

Государственное регулирование является одной из форм ГМК наряду с такими его формами, как государственная собственность и государственные финансы. Конечно, собственность и налоги могут использоваться и реально используются как орудия (инструменты, методы) регулирования. Однако их использование не есть регулирование, это видно хотя бы из того, что они существовали задолго до того, как возникла сама идея государственного регулирования экономики. Последнее же можно понимать как *целенаправленную деятельность государства, подчиненную в конечном счете интересам правящего класса и ставящую задачей достижение тех или иных конкретных результатов в области экономики страны в целом*. Эти желательные результаты могут носить самый различный характер, начиная от обеспечения приемлемых темпов экономического роста и кончая соблюдением стандартов качества товаров или охраны окружающей среды. Определение целей регулирования, разумеется, ничего еще не говорит о том, достигаются ли они на деле и даже могут ли вообще быть достигнуты.

В связи с употреблением термина «государственное регулирование» в немарксистской литературе и буржуазной хозяйственной практике надо отметить, что там он носит обычно узкий характер и относится только к воздействию государства на отдельные предприятия и фирмы через механизм ограничений, предписаний, стандартов и т. п. При этом практически исключаются из регулирования такие важнейшие направления деятельности государства, как антициклические мероприятия и программирование (капиталистическое планирование) экономики. Поэтому такое узкое толкование регулирования неприемлемо, хотя само по себе регулирование, проводимое на уровне предприятий и фирм, имеет важнейшее значение в общей системе ГМК.

Существенный смысл имеет выделение двух важнейших аспектов государственного регулирования — краткосрочного и долгосрочного. К первому типу можно отнести антициклическое регулирование, теоретической основой которого обычно является кейнсианская концепция, и антиинфляционное регулирование, осуществляемое практически в виде «политики доходов» (контроля

над заработной платой и ценами). В 60-е годы многие экономисты США утверждали, что антициклическое регулирование может быть доведено до уровня «точной настройки» экономики, практически исключая кризисы и вообще резкие колебания конъюнктуры. В очередном издании своего известного учебника, опубликованном в 1967 г., П. Самуэльсон писал: «С помощью соответствующей кредитно-денежной и бюджетной политики наша смешанная предпринимательская система может избежать эксцессов бума и кризиса и рассчитывать на здоровый прогрессивный рост»¹. Эти претензии, однако, потерпели полный провал.

Долгосрочное регулирование преследует стратегические цели и использует отчасти иные орудия и методы, например программирование (капиталистическое планирование). В системе долгосрочного регулирования центральное место обычно занимает целенаправленное воздействие на объем и направление капиталовложений. Ставятся задачи экономически рационального изменения структуры народного хозяйства, а также развития отстающих районов страны и т. д.

Различают, наконец, прямое (административное) регулирование, осуществляемое посредством законодательных актов и основанных на них действий исполнительной власти, с одной стороны, и косвенное регулирование, которое опирается на использование различных финансовых рычагов, с помощью которых правительство стремится побудить частный сектор к определенному поведению, с другой стороны.

Между системами регулирования в отдельных странах имеются существенные различия, обусловленные особенностями исторического развития, структурой экономики, спецификой частнокапиталистического сектора, формой государственного устройства и т. д.

Государственное регулирование является той сферой, где наиболее выпукло проявляется роль буржуазной экономической науки в выработке рекомендаций для действий правительства. Это не означает односторонней зависимости методов регулирования и экономической политики от теории и вырабатываемых на ее основе рекомендаций. Объективная основа как того, так и другого — конкретное развитие экономики и противоречия этого развития. Но формирующаяся на этой основе политика взаимосвязана с теорией и в известных пределах опирается на нее. Трудности и противоречия развития капиталистической экономики в 70-е и 80-е годы лежат в основе как кризиса буржуазной теории государственного регулирования, так и кризиса сложившихся в предшествующий период форм и методов регулирования.

¹ *Samuelson P. A. Economics: An Introductory Analysis. N. Y., 1967, p. 352.*

Период после 1973—1974 гг. характеризовался ухудшением условий развития экономики мирового капитализма. Большой экономической и социальной проблемой стала массовая безработица. Обострились проблемы структурного развития народного хозяйства. Они имеют различные аспекты. Примером проблем подобного типа является энергетика, где в полной мере сказались результаты стихийного хозяйничанья частных монополий и выявилась жизненная необходимость перестройки и реориентации. Проблема несколько иного типа — увеличение разрыва между передовыми, относительно быстро развивающимися отраслями и рядом крупных традиционных отраслей, оказавшихся в состоянии длительного кризиса. Таково положение в металлургической и автомобильной промышленности США. Да и в других странах эти отрасли отнюдь не процветают. Тяжелой болезнью капиталистической экономики стала инфляция. Новым оказалось то, что инфляция не только не уменьшалась, но иногда усиливалась даже в периоды экономических спадов. Для обозначения этого явления был придуман известный теперь термин «стагфляция» (т. е. соединение стагнации и инфляции). Эта ситуация сковала традиционное антициклическое регулирование.

В этих условиях возник параллельный кризис государственного регулирования экономики и кризис буржуазной экономической теории. По существу это широко признается на Западе. Для иллюстрации приведем лишь одну цитату из американской книги: «Со времен Великой депрессии (кризиса 1929—1933 гг.) невозможно вспомнить момент, когда было бы меньше согласия насчет того, что делать с нашими экономическими трудностями»¹. Традиционные теории экономического роста и регулирования оказались неспособными дать действенные рекомендации ни для борьбы со стагфляцией, ни для долгосрочной структурной политики. Никакое сочетание бюджетной и кредитно-денежной политики не смогло ослабить циклические колебания и инфляцию, не говоря уже об обеспечении удовлетворительного долговременного роста и занятости.

В буржуазной идеологии и политике всегда существовало два лагеря: сторонники усиления и совершенствования государственного регулирования и сторонники «свободного рынка» и «свободного предпринимательства» при минимальном государственном вмешательстве. В обстановке 70—80-х годов оба течения как бы сдвинулись к крайним частям своих спектров и выступили с более определенными рекомендациями для политики.

¹ The Federal Budget: Economics and Politics. Ed. by A. Wildavsky, M. J. Boskin. San Francisco (Calif.), 1982, p. 357.

Еще в 1978 г. влиятельный американский экономист Р. Хейлбронер писал: «Происходит сдвиг в сторону экономического планирования — единственной институциональной трансформации, которая, по моему мнению, может дать капитализму новый период жизни, хотя и ограниченный»¹. Критикуя противников государственного вмешательства, он также говорит: «Быть против планирования, как такового, означает быть за хаос, а не за *laissez faire* (систему свободного предпринимательства)»². Группа американских экономистов заявляет, что «для современной экономики планирование — не дело предпочтения или идеологии, а одна из самых насущных потребностей. При его отсутствии мы все будем нести серьезный ущерб»³.

Речь у этих экономистов идет, в сущности, об усилении всестороннего государственного регулирования. Они предлагают целенаправленно использовать традиционные методы антициклического регулирования — бюджетную и кредитно-денежную политику, но дополнить их эффективной политикой доходов, сделав упор на ограничение роста цен товаров и услуг, производимых крупными корпорациями. Необходима также, по их мнению, координированная структурная (промышленная) долгосрочная политика. В подобных взглядах нередко содержится критика роста милитаризации и поддержка социальных функций государства. Эта буржуазно-реформистская концепция целей и методов государственного регулирования и теперь довольно популярна.

Активная бюджетная политика, рекомендуемая буржуазно-реформистской концепцией, предусматривает маневрирование государственными расходами и налогами для воздействия на платежеспособный спрос. При недостатке спроса предлагается срочно подключать программы государственных капиталовложений и других расходов, а также снижать налоги. Снижение налогов должно касаться в особенности получателей средних и невысоких доходов, которые были бы склонны немедленно использовать полученную выгоду на потребительские товары и услуги, что эффективно стимулировало бы общий уровень спроса в экономике. При инфляционном избыточном спросе рекомендуется, наоборот, ограничение государственных расходов и повышение налогов. Однако эта общая схема бюджетного регулирования оказалась отчасти неприемлимой в конкретной экономической обстановке последнего десятилетия, отчасти неэффективной. Структура бюджета обычно определяется сложной суммой экономических и социально-политических факторов и потому оказывается слишком косной для

¹ Heilbroner R. L. *Beyond Boom and Crash*. N. Y., 1978, p. 79.

² Ibid., p. 84.

³ *Public Policy. Issues, Analysis and Ideology*. Ed. by E. F. Paul and Ph. A. Russo. New Jersey, 1982, p. 299.

такого маневрирования. Проведение мер стимулирования спроса имеет тенденцию усиливать инфляцию, а антиинфляционное регулирование усугубляет застой. При наличии хронически крупных дефицитов маневрирование расходами и налогами практически невозможно.

Кредитно-денежное регулирование опирается на косвенные и гибкие способы воздействия на хозяйство. Оно проводится центральными банками через систему имеющихся в их распоряжении рычагов. Непосредственными объектами регулирования являются денежная масса в обращении и ставки ссудного процента, а через них оказывается воздействие на экономику в целом. В рамках буржуазно-реформистской концепции кредитно-денежной политике отводилась в основном вспомогательная роль по отношению к бюджетной политике. Благодаря своей оперативности, кредитно-денежная политика должна была выполнять функцию краткосрочного и постоянного воздействия на экономику. Однако в условиях неэффективности бюджетной политики эта функция кредитно-денежной политики тоже оказалась под вопросом.

Уже в 50-е годы выявилось, что оба названных метода регулирования мало пригодны для борьбы с инфляцией, одним из главных источников которой является монополистическое ценообразование. Необходимость борьбы с инфляцией заставила многие капиталистические страны ввести в действие разные варианты политики доходов. Основная ее форма — ограничение темпов роста заработной платы путем установления различного рода пределов и норм. При проведении политики доходов государство стремится выступать посредником между капиталом и трудом, между крупными компаниями и профсоюзами. Главная цель политики доходов — ввести экономическую классовую борьбу в легальные, упорядоченные рамки, исключить острые и опасные для буржуазии формы этой борьбы. Политика доходов выдается за спасительный для всего общества курс борьбы с инфляцией. При этом правительства всячески стараются связать профсоюзы участием в ее осуществлении и во многих случаях добиваются этого.

В 60—70-е годы практически все развитые капиталистические страны проводили в той или иной форме политику доходов. Как важное средство замедления роста заработной платы, эта политика остается необходимым элементом государственного регулирования и теперь. Однако ситуация 70-х годов подорвала веру в ее эффективность как метода борьбы с инфляцией. В ряде случаев эта политика стала обременительной для крупного капитала, который предпочитает свободно устанавливать цены, а вопросы заработной платы решать самостоятельно, тем более что в 80-е годы экономический кризис и массовая безработица ослабили позиции трудящихся. В США прямой контроль государства над заработной пла-

той и ценами применялся в 1971—1974 гг., в последующие годы он был заменен неформальной системой рекомендаций и ориентиров, а приход к власти администрации Рейгана ознаменовался ликвидацией правительственного органа, ведавшего этими вопросами. Наметились определенные изменения в целях и методах бюджетной и кредитно-денежной политики. Уменьшается краткосрочный и конъюнктурный аспект этих способов регулирования с целью усилить их долгосрочный характер: они должны лишь способствовать действию стихийных сил экономического развития.

Капиталистическое планирование

Тенденция к планомерности реализуется в рамках крупных частномонополистических хозяйственных комплексов. Однако в общественном масштабе она наталкивается на анархию производства, отсюда возникает объективная необходимость вмешательства государства. Как отмечал Ф. Энгельс, «в конце концов государство как официальный представитель капиталистического общества вынуждено взять на себя руководство производством»¹.

Этот процесс расширения государственного руководства производством закономерно приводит на определенном этапе к капиталистическому планированию. Оно принципиально отличается от социалистического планирования, которое опирается на общенародную собственность на средства производства и на общепредельное государство. Но опыт показывает, что в жестких пределах, налагаемых частнокапиталистической собственностью и другими основными элементами буржуазного общества, планирование в капиталистических странах не только возможно, но и объективно необходимо. В отличие от социалистического планирования в нем отсутствуют комплексность и директивность. В условиях общества, основанного на эксплуатации человека человеком, оно имеет принципиально иное социально-экономическое содержание и подчинено интересам крупного капитала. Учитывая эти принципиальные отличия, в советской литературе часто для капиталистического планирования применяется термин «программирование».

Сам вопрос о возможности и необходимости программирования (капиталистического планирования) был поставлен советским экономистом Е. С. Варгой. Отмечая пределы такого рода деятельности государства, он писал: «Но это не означает, что при капитализме невозможен любой вид «планирования». Конечно, можно свести дело к спору о словах, утверждая, что все мероприятия капиталистического государства, с помощью которых оно пытается воздействовать на объем и характер производства, распределение

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 221—222.

капиталовложений и т. д., не являются «планированием». Но тем самым мы лишаем себя возможности осуществлять дальнейший конкретный анализ»¹. В современной капиталистической экономике не может быть, конечно, подлинной и полной планомерности, ибо она непрерывно подрывается стихийностью и анархией всего общественного производства. Чтобы отразить особенности планирования при капитализме, его иногда называют индикативным, т. е. основанным не на установленных государством обязательных нормах, а на ориентировочных показателях и рекомендациях, не обязательных для выполнения.

За послевоенное 40-летие во многих капиталистических странах сложилось огромное многообразие программ и планов. Можно классифицировать их по двум главным критериям: 1) степени обязательности и подкрепленности сопутствующими мероприятиями государства; 2) степени охвата экономики страны.

С одной стороны, существуют планы-прогнозы, не подкрепленные реальными мерами государства в области финансов, административного регулирования и т. д. С другой стороны, в ряде случаев планы обеспечиваются более или менее развитой системой таких мероприятий. Реальность планов второго типа обычно больше, чем первого.

Программой можно назвать поставленную государством цель, для достижения которой предусмотрены определенные средства, методы, последовательность действий. В реальных условиях послевоенного капитализма хорошо известны отраслевые, многоотраслевые, региональные программы и, наконец, общенациональные программы. В США высока степень программирования, если учесть масштабы и обеспеченность государственных военно-технических, космических программ и т. п. Однако на общенациональном уровне планирование в США никогда не выходило за рамки прогнозов или намеченных правительственными органами целевых ориентировочных показателей экономики, не имеющих никакой обязательной силы и подкрепляемых лишь самыми общими средствами экономического регулирования, главным образом бюджетной и кредитно-денежной политикой. Это объясняется важнейшими особенностями развития американского капитализма — мощью и влиянием частномонополистического сектора и его огромными возможностями, незначительностью государственного сектора в экономике, традициями минимального вмешательства федерального правительства в дела бизнеса, относительной слабостью реформистского направления в стратегии правящего класса.

Напротив, в Западной Европе (в известной мере и в своеобразном виде также и в Японии) в послевоенный период сложи-

¹ Варга Е. С. Очерки по проблемам политэкономии капитализма. М., 1965, с. 47.

лись более благоприятные условия для внедрения элементов общенационального планирования. Среди этих условий надо отметить: упадок народного хозяйства в итоге войны и необходимость чрезвычайных мер для преодоления разрухи; относительную слабость национального капитала и его стремление опереться на государство; наличие во многих странах значительного государственного сектора и традиции активной экономической деятельности государства; процесс западноевропейской интеграции и поиски путей «гармонизации» национальной экономической политики; нахождение у власти в ряде стран левых и левоцентристских правительств.

Наиболее развитые формы планирования приняло в 50—60-е годы во Франции и в Голландии, а также распространилось на многие другие страны Западной Европы. Во Франции планы, которые обычно охватывали периоды около 5 лет, разрабатывались генеральным комиссариатом планирования и содержали систему количественных показателей в области производства и ряд качественных параметров. Оценить эффективность французского индикативного планирования чрезвычайно трудно. Большинство специалистов полагает, что в первые два послевоенных десятилетия планирование сыграло определенную роль в выведении экономики из полосы послевоенных трудностей, в значительной модернизации ее структуры, в увеличении конкурентоспособности на мировом рынке. Французский опыт индикативного планирования вплоть до середины 70-х годов воспринимался в капиталистическом мире положительно, и некоторые его элементы продолжали распространяться в ряде стран.

Приблизительно в середине 70-х годов в области планирования наметился определенный поворот, охвативший многие страны. Он тесно связан с кризисом теории и практики государственного регулирования в целом. Возникла и укрепилась тенденция отрицать или преуменьшать значение планирования и всячески подчеркивать его недостатки. Французский опыт стали все чаще оценивать как эксперимент, который мог быть уместен лишь в конкретных условиях первых послевоенных десятилетий.

Тенденция к уменьшению и сужению роли общенационального планирования объясняется тем, что мощные западноевропейские и японские монополии, выйдя на международную арену, стали меньше нуждаться в прежних формах помощи и начали тяготиться планами, с которыми им так или иначе приходится считаться. С ростом экономической взаимозависимости капиталистических стран, особенно в Западной Европе, национальные системы планирования оказались недостаточными и неадекватными этим условиям, а к какой-либо наднациональной системе планирования капиталистические страны не смогли даже приблизиться.

В последние годы во всех капиталистических странах идут поиски новых форм сочетания «плана и рынка». Общенациональные планы там, где они составляются и утверждаются, имеют тенденцию все более сводиться к прогнозам, к определению общих рамок развития экономики без прямого обеспечения конкретными финансовыми и другими программами. Государственное планирование стремится все более опираться на различные «смешанные» институциональные формы, на взаимодействие государства и частного сектора.

Энергетика представляет собой наиболее характерный пример отраслевого программирования, которое имеет тенденцию теснить и лишать реального значения общенациональное планирование. Отраслевой подход в целом сильно укрепился за последнее десятилетие и выдвинулся на передний план. Во многих случаях он приобретает форму так называемой *промышленной политики*, под которой понимают целенаправленную и обычно формализованную в виде долгосрочной программы деятельность государства по осуществлению, на основе тесного взаимодействия с частным сектором, структурных сдвигов в экономике ради повышения ее эффективности. В основе промышленной политики лежит согласование интересов государства и крупного капитала, к которому нередко стремятся пристегнуть и профсоюзы. Проводимая таким путем промышленная политика изображается как система преобразований, осуществляемых в интересах всей нации. На деле эта политика проводится в интересах буржуазии. В ней все чаще проявляется в рамках капитализма тенденция к плановости, выходящая за пределы отдельных капиталистических фирм.

Значительный интерес представляет опыт промышленной политики в Японии. Общие рамки этой политики очерчены в национальном плане — «Новый план экономического и социального развития» на 1979—1985 гг. В этом плане была сформулирована проблема экономии материальных ресурсов как приоритетная для страны. При ее решении ведущая роль отдавалась независимым действиям частного предпринимательства и рыночному механизму. Государству отводится функция содействия повороту в сторону уменьшения материалоемкости производства и облегчения социальных и региональных последствий этого поворота. Среди направлений промышленной политики первое место занимает энергетика. Деятельность государства в этой области многообразна и включает самые различные средства — от прямого административного регулирования до организации и финансирования НИОКР, направленных на экономию и разработку новых источников энергии. Другое важнейшее направление промышленной политики — планомерное свертывание производства в ряде материалоемких и энергоемких отраслей и отбор в этих отраслях наиболее рентабельных

предприятий. В 1978 г. был принят первый закон о «структурно-депрессивных отраслях», а в 1983 г. — второй закон, который будет действовать до 1988 г. Целью этой политики является решительное совершенствование структуры японской экономики и создание благоприятных условий для ее интенсификации, для ускоренного развития передовых наукоемких отраслей.

Японская промышленная политика содержит сложную и тщательно разработанную систему государственных мер финансового, административного и иного характера и включает ряд форм сотрудничества правительственных органов и частных фирм. Одним из ее принципов является постепенный перенос материалоемких и энергоемких (отчасти также трудоемких) отраслей в развивающиеся страны на основе экспорта японского капитала.

Реальные трудности и препятствия на пути осуществления японской промышленной политики чрезвычайно велики. Одна из самых больших трудностей — обеспечение работой трудящихся, которые высвобождаются в свертываемых отраслях. Обостряются противоречия между Японией и ее основными торговыми партнерами в связи с экспансией японских фирм на рынках высокотехнологичных товаров. Трудно предвидеть, в какой мере японский капитализм сможет преодолеть эти трудности. Но, во всяком случае, очевидно, что своей промышленной политикой японское правительство способствует формированию новой экономической структуры, которая по ряду характеристик уже превосходит будущие черты капиталистических производительных сил.

**Правые консерваторы:
что нового
в экономической
политике!**

Консервативную экономическую политику проводят английские тори, правые республиканцы в США, новая коалиция в ФРГ, либерально-демократическая партия в Японии, находящиеся у власти в ряде малых стран правые и правоконсерватистские партии.

Современный консерватизм иногда называют на Западе радикальным, чтобы подчеркнуть выпирающие из него крайне правые черты, его агрессивность. В экономической и социальной политике его активность в отдельных странах имеет много общего, хотя конкретные формы во многом определяются национальными условиями. Это — всемерная поддержка капитала, особенно крупного, на основе предоставления ему максимальной свободы действий и наступление на интересы и права трудящихся. Вместе с тем это — попытка преодолеть экономические трудности путем оживления и стимулирования стихийных сил капиталистического развития, сил «рынка».

В консервативном варианте экономической политики нашла

также отражение реакция на происшедшую за последние 2—3 десятилетия огромную интернационализацию производства и капитала. В условиях переплетения национальных экономик, деятельности транснациональных корпораций, формирования и роста международного рынка ссудных капиталов неэффективность традиционных форм ГМК стала выявляться все более отчетливо. Это укрепило позиции консерватизма с его лозунгом дерегулирования.

Необходимость какого-то нового подхода особенно сильно ощущалась в Великобритании, где стагфляция приняла свои классические формы. Специфика ситуации на рубеже 70-х и 80-х годов привела к выработке такого подхода под знаменем «нового» консерватизма, названного в печати тэтчеризмом.

Стремясь стимулировать частнокапиталистическое предпринимательство, накопление капитала и процесс рационализации и модернизации в промышленности, правительство тори снижает прямые налоги на прибыли компаний и на доходы буржуазии и средних слоев, проводит жесткую экономию на социальных расходах, борется с инфляцией с помощью ограничительных мер кредитно-денежной политики. Особое место в тэтчеризме занимает приватизация государственных предприятий. В 1981—1985 гг. были распроданы акции нескольких крупных государственных компаний, в числе которых «Бритойл» — производитель нефти и газа на промыслах Северного моря, «Бритиш Эйрспейс» — производитель самолетов, ракет и космических систем. При этом правительство сохранило за собой участие в капитале компаний в размере 45—50%. Проводятся и готовятся другие крупнейшие сделки. В разных формах и в разной мере привлекается частный, в том числе иностранный, капитал в гигантские государственные концерны в сфере электроснабжения, телекоммуникаций, природного газа, металлургической промышленности. Там, где речь идет об убыточных предприятиях, приватизация оказывается нелегким делом. Государству едва ли удастся избавиться от угольных шахт, судостроительных и автомобильных заводов, которые приносят убытки.

Возврат большей части государственного сектора в руки частного капитала в Великобритании — важное событие в истории развития ГМК. Анализируя этот процесс, автор статьи в американском журнале «Форчун» комментирует: «Оказывается, в известной мере все же *можно* повернуть стрелки часов назад»¹. Это указывает на сложность структуры и политики современного ГМК, на многовариантный характер его развития в современном противоречивом мире. Одной из первых мер правого правительства во Франции, пришедшего к власти в 1985 г., было принятие закона о дена-

¹ Fortune, 1983, October 31, p. 84.

ционализации значительного числа предприятий государственного сектора.

Еще большее значение для формирования ведущего типа ГМК в 80-е годы имеет экономическая политика Рейгана, прозванная на Западе рейганомикой. В начале ее проведения западноевропейский экономист Х. Зиберт писал: «Успех или неудача экономической политики Рейгана в любом случае будет иметь значение как пример для других стран, которые пытаются определить свой курс во внутренней экономической политике»¹. На рельсы подобной экономической политики перешла ФРГ. В правительственном заявлении от 4 мая 1983 г. канцлер Коль утверждал: «Весь исторический опыт нашего столетия учит нас, что экономика развивалась тем успешнее, чем более государство воздерживалось от вмешательства... Мы хотим не расширения сферы действия государства, а ее сужения». Среди первых мероприятий правительства западногерманских консерваторов было сокращение социальных расходов бюджета и налоговые льготы для крупных предприятий в целях стимулирования капиталовложений.

Как в Великобритании и ФРГ, правые консервативные силы в США, выражая интересы монополий и военно-промышленного комплекса, опираются вместе с тем на значительные слои средней и мелкой буржуазии, наиболее обеспеченные группы служащих и рабочих. Недовольство этих слоев вызывала политика предшественников Рейгана, повышавших налоги, а также сильная инфляция. Кроме того, назрело недовольство бюрократизмом и «расточительством» государства в отношении социальных программ. Меры в этих областях были поставлены в центр экономической программы республиканской партии.

Однако стержнем рейганомики, который определяется военной и внешней политикой правительства, является резкое увеличение военных расходов. Военное производство стало неотъемлемой частью экономики, и ни одна важная проблема в ней не может рассматриваться без учета его роли. Нарастивая военные расходы, правительство рассчитывает, что огромные ресурсы американской экономики позволят Соединенным Штатам «иметь пушки и масло», обеспечивать военный сектор без ущерба для капиталовложений и потребления. Наиболее циничные политики и публицисты не скрывают, что ставка делается на истощение Советского Союза в гонке вооружений.

Важное место в рейганомике занимает налоговая реформа. Три года дозами в 1981—1983 гг. подоходные налоги с населения были снижены в среднем на 23%. Вокруг этого была подня-

¹ Siebert H. La politique économique du Président Reagan peut-être réussir.— *Problemes économiques*, 1981, 6 Mai, p. 32.

та большая пропагандистская шумиха. Снижены также ставки налога на прирост капитальной стоимости имущества. Реформа проведена таким образом, чтобы дать максимальную выгоду семьям и лицам с высокими и средними доходами. Основная ее цель состоит в том, чтобы увеличить у этих социальных слоев склонность к сбережению и вложению капитала и таким путем повысить общенациональную норму накопления, которая в США существенно ниже, чем в других крупных странах, особенно в Японии и ФРГ. Созданы также новые налоговые льготы для корпораций, чтобы стимулировать их к капиталовложениям.

Сокращение невоенных и социальных статей бюджета диктуется, во-первых, необходимостью финансирования военных затрат, во-вторых, общей идеологией уменьшения благотворительных функций государства. Урезаются такие социальные программы, как пособия по безработице и инвалидам, субсидии почте и общественному транспорту. Эти сокращения сознательно проводятся так, что они затрагивают преимущественно низы американского общества.

Большая роль в осуществлении рейганомики придается кредитно-денежной политике Федеральной резервной системы (ФРС). Еще в 1979 г. ФРС официально провозгласила, что будет руководствоваться единственным принципом в своей деятельности — удерживать невысокий и относительно стабильный темп роста денежной массы. При правительстве Рейгана этот курс получил свое полное развитие. Чтобы нейтрализовать инфляционное воздействие огромных бюджетных дефицитов и ограничить рост денежной массы, ФРС проводит жестко ограничительную кредитно-денежную политику, удерживая резервы банков и их кредиты народному хозяйству на низком уровне. Важнейшим следствием этой политики является высокий уровень процентных ставок. В отличие от кейнсианских рецептов, согласно которым в обстановке спада необходимо удерживать процентные ставки на возможно более низком уровне, проводится линия так называемого монетаризма, который рекомендует предоставлять определение этих ставок стихии рынка. Однако высокий уровень процентных ставок является одним из факторов, готовящих новый спад.

Замена административных рычагов косвенными финансовыми методами регулирования соответствует общей идеологии консерватизма. Среди отраслей, где были приняты меры дерегулирования, видное место занимает грузовой автотранспорт, гражданские авиалинии, банковское дело, железные дороги, телефонная связь. Однако эти меры создают одновременно новые противоречия и проблемы — растут цены и тарифы, вытесняются менее рентабельные предприятия, ухудшается качество обслуживания. Как сообщает деловая печать, уже возникло сильное давление на пра-

вительство и конгресс в пользу частичного восстановления регулирования названных выше отраслей¹.

Областью, где дерегулирование и приватизация идут в значительных масштабах, является охрана природы. Федеральные расходы на эти цели попали под «топор экономии», проводимой ради высвобождения средств для военных целей. Это означает гораздо более строгий отбор экологических проектов, финансируемых государством, с упором на коммерчески рентабельные проекты. Ряд контрольных и регулирующих функций в экономической сфере передается местным органам власти, которые, однако, не имеют финансовых средств для их осуществления. Все в большей мере частные предприятия регулируют в этой сфере сами себя, применяя к природоохранным мерам чисто коммерческий принцип. Естественно, все это приводит к ослаблению всей экологической политики, ставшей на протяжении 60—70-х годов важнейшим элементом государственного регулирования. Частным предприятиям даются разного рода послабления в области экологических стандартов и процедур государственного контроля. Приостановилась разработка новых законодательных мер в природоохранной сфере.

Усиление стихийно-рыночного начала в современном капитализме, конечно, не означает возврата к «laissez faire». История не повторяется, такой возврат вообще невозможен. Речь идет не столько об уменьшении, сколько об изменении форм государственного вмешательства в экономику.

Монополистический капитал, опираясь на экономическую и военно-политическую мощь государства, пытается в последнее время проводить линию социального реванша. Идет наступление на завоевания трудящихся. Усиление реакционных тенденций в современном государственно-монополистическом капитализме представляет собой серьезную угрозу. Это ставит новые большие задачи перед прогрессивными силами капиталистических стран. В ближайшем будущем, как и сейчас, государственно-монополистический капитализм и осуществляемое им регулирование экономики будут той реальностью, с которой постоянно придется иметь дело рабочему движению и коммунистическим партиям.

¹ U. S. News and World Report, 1983, October 31, p. 22.

**Милитаризм —
надежда на выживание**

Для последних десятилетий XX в. характерны гигантские масштабы военных приготовлений империализма, его открытая ставка на милитаризм как главное орудие классового господства и агрессии. Поэтому выявление основных особенностей и тенденций развития милитаризма занимает в анализе современного капитализма важное место.

Марксизм-ленинизм рассматривает милитаризм как продукт раскола общества на антагонистические классы, как орудие классового господства. Развитие милитаризма составляет неотъемлемую часть истории классовых общественно-экономических формаций, особенно капиталистической. В современном капиталистическом мире он превратился в страшную силу, требующую все больших человеческих страданий и жертв, растраты огромных ресурсов на военные нужды.

Из одной западной энциклопедии в другую кочует утверждение о том, что милитаризм представляет собой преобладающее влияние военных в государственной жизни и является опирающейся на армию политической системой. Такая трактовка милитаризма — скольжение по поверхности. Она отражает стремление рассматривать милитаризм как некий универсальный феномен, характерный для самых различных стран, независимо от их социально-экономического строя. Без ответа остаются вопросы о происхождении, природе и эволюции милитаризма. Буржуазная апологетика и в не меньшей степени буржуазная критика милитаризма едины в отрицании его классового характера, в отрицании принципиальной связи между милитаризмом и капитализмом, особенно на империалистической стадии его развития.

Милитаризм, как общественное явление, многолик. Он представляет собой создание эксплуататорскими классами военной мощи для проведения агрессивного курса на международной арене и подавления трудящихся масс внутри страны. В милитаристских целях широко используются политические, экономические и идеологические средства. «Современный милитаризм,— писал В. И. Ле-

нин, — есть результат капитализма. В обеих своих формах он — «жизненное проявление» капитализма: как военная сила, употребляемая капиталистическими государствами при их внешних столкновениях («*Militarismus nach aussen*», как выражаются немцы) и как оружие, служащее в руках господствующих классов для подавления всякого рода (экономических и политических) движений пролетариата («*Militarismus nach innen*»)»¹. Две мировые войны и история империализма последних десятилетий показали мощную активизацию этого «жизненного проявления» современного капитализма.

Возросло значение *внутренней функции милитаризма*. Использование военной силы в интересах эксплуататорских классов не только приобрело широчайшие масштабы, но и отличается многообразием «силовых» приемов подавления недовольства и протеста трудящихся. Сохранение и укрепление строя классового угнетения обеспечивается не только путем использования национальных вооруженных сил, но и координацией действий в рамках военно-политических блоков империализма.

В огромной степени усилилась роль *внешней функции милитаризма*. Экономические и политические корни милитаризма XX столетия уходят в самую природу империализма, который «отличается наименьшим миролюбием и свободолюбием, наибольшим и повсеместным развитием военщины»². Новейшая история характеризуется вместе с тем теснейшим переплетением захватнических и контрреволюционных черт милитаризма в условиях нарастающего общего кризиса последней эксплуататорской социально-экономической формации.

Буржуазные политические деятели и ученые бессильны опровергнуть такой концептуальный подход, не могут противопоставить марксистским оценкам ничего, кроме тезиса о «глобальности» милитаризма как общественного явления, намеренно игнорируя тот факт, что в условиях социализма нет ни классов, ни социальных слоев, которые были бы экономически и политически заинтересованы в войне и подготовке к ней. Это не что иное, как поиск способов освободить империализм от ответственности за милитаризм, превратившийся в наиболее уродливое и опасное чудовище XX в.

Милитаризм в современную эпоху, основное содержание которой составляет начатый Октябрьской революцией переход от капитализма к социализму, имеет существенные особенности:

— направленность милитаризма своим острием против Советского Союза и социалистического содружества в целом, против

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 187.

² Там же, т. 37, с. 248.

рабочего и коммунистического движения, народов освободившихся государств, массовых демократических движений;

— использование в военных целях новейших достижений научно-технической революции, включение в военный арсенал ракетно-ядерного и других видов оружия массового уничтожения, их количественное накопление и качественное совершенствование, превращение производительных сил человечества в средства разрушения, растрата огромных ресурсов на военные нужды;

— развитие милитаристских процессов на постоянной основе, сохранение массовых армий и крупной военной промышленности в мирное время, возрастающее отвлечение людских, материальных и финансовых ресурсов на военные цели;

— перемещение центра милитаризма после второй мировой войны из Западной Европы в США, которые стали лидером среди империалистических государств по уровню и темпам наращивания военной мощи, ее использованию в агрессивной внешней политике; ориентация милитаризма США на завоевание мирового господства;

— распространение военных приготовлений в невиданных масштабах на всю мировую капиталистическую систему, развитие военно-интеграционных процессов, прежде всего внутри военно-политических группировок.

Черты современного милитаризма и американский вклад в его развитие тесно связаны с особенностями участия США в мировой экономике и политике как главной империалистической державы. Лидерство США в качественном совершенствовании и количественном накоплении вооружений во многом объясняется их агрессивной политикой и жандармскими функциями в борьбе с освободительными движениями, их ролью крупнейшего международного эксплуататора, их имперскими амбициями и общим реакционным влиянием на международные дела. Американский милитаризм с такими его корнями, с опорой на традиции культа силы и насилия внутри страны особо опасен для человечества.

Милитаризм с его реакционно-агрессивной сущностью неотделим от существования классов и классовой борьбы в национальных масштабах и на международной арене. В основе милитаристских процессов в США и других империалистических странах лежат интересы и потребности господствующего класса. Этот принципиальный вывод марксистско-ленинской науки помогает глубже понять внутренние пружины современного милитаризма. В Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза указывалось: «Империализм в силу своей общественной природы постоянно генерирует агрессивную, авантюристическую политику. Здесь можно сказать о целом комплексе побудительных мотивов: хищнических

аппетитах фабрикантов оружия и влиятельных военно-бюрократических группировок, корыстной заинтересованности монополий в источниках сырья и рынках сбыта, страхе буржуазии перед происходящими переменами, наконец, попытках решить за счет социализма собственные обостряющиеся проблемы»¹.

Проблема его классовых корней имеет еще один исключительно важный аспект, относящийся к самому механизму милитаристских процессов в капиталистическом мире, к деятельности *военно-промышленных комплексов* как особого звена в этом механизме. В новой редакции Программы КПСС сформулировано следующее важное положение: «Монополии, производящие оружие, генералитет, государственная бюрократия, идеологический аппарат, милитаризованная наука, слившиеся в военно-промышленный комплекс, стали наиболее рьяными проводниками и организаторами политики авантюризма и агрессии. Зловещий союз фабрикантов смерти и империалистической государственной власти — это опора крайней реакции, постоянный и возрастающий источник военной опасности, убедительное подтверждение политической и социально-нравственной несостоятельности капиталистической системы»².

Тесные взаимосвязи крупнейших монополий, участвующих в производстве оружия, с государственным аппаратом, прежде всего его высшими военными звеньями, существуют не только в США, но и в других развитых капиталистических странах. Однако в американских условиях деятельность ВПК и ее негативные общественные последствия приобрели значительно более крупные масштабы, чем в остальном капиталистическом мире. В многообразной системе отношений монополий и государства США партнерство военного бизнеса и военного истеблишмента имеет уникальные черты и особенности. Это не просто типичное для гражданской сферы государственное регулирование в той или иной форме деятельности монополий, а государственно-монополистический союз, который действует как механизм переплетения экономических и политических интересов и практического сотрудничества основных партнеров по военно-промышленному комплексу.

Крупнейшие американские военно-промышленные корпорации, действующие в роли генеральных подрядчиков Пентагона и организаторов военного производства, образуют устойчивую группу компаний. У них военная продукция составляет преобладающую или существенную часть общего производства. Эта группа компа-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 11.

² Там же, с. 133.

ний занимает прочные позиции в деловом мире США и обеспечивает высокие доходы акционерам и менеджерам путем прибыльного участия в выполнении государственных военных заказов. Около 25 крупнейших военно-промышленных корпораций («Дженерал дайнэмикс», «Макдоннелл-Дуглас», «Хьюз эйркрафт», «Грумман», «Локхид», «Юнайтед технолоджиз», «Боинг», «Мартин-Мариетта» и др.) составляют ядро американского военного бизнеса и осуществляют в соответствующих отраслях групповое монополистическое господство.

Послевоенная история США и других империалистических государств дает убедительные свидетельства исключительно высокой прибыльности военного бизнеса. Организация военного производства на базе частной собственности, в наибольшей степени характерная для США, предполагает возможность и реальность получения более высокой нормы прибыли при выполнении военных заказов по сравнению с доходностью при выпуске продукции гражданского назначения. Представители Пентагона открыто выступают с заявлениями об особой стимулирующей роли прибыли для привлечения частного сектора к решению задач дальнейшей милитаризации страны. Военное производство превратилось в высокодоходную сферу монополистической деятельности. Экономическая заинтересованность корпораций в военных заказах и прибылях влечет за собой раздувание военного бюджета, усиление гонки вооружений.

Верхушка военных ведомств США также заинтересована в сохранении и увеличении военных расходов. В американских публикациях эту заинтересованность нередко сводят к престижным соображениям и властолюбивым устремлениям военного руководства страны. Подобные утверждения, вероятно, имеют под собой какую-то основу, но не они главные. Нельзя игнорировать прямые и косвенные экономические интересы, связанные с милитаризмом. И это не только высокие должностные оклады, пенсии и льготы за счет федерального военного бюджета. Скандальные разоблачения обнаруживают причастность военной верхушки к особо высоким прибылям военных промышленников, использующих самые разнообразные способы оплаты услуг тех, кто помогает получению и выполнению военных контрактов. Не последнюю роль в этом плане играет широко распространенная практика предоставления «теплых местечек» в военно-промышленных концернах выходящим в отставку военным чинам.

Классовая сущность современного милитаризма имеет, таким образом, двоякое проявление. С одной стороны, военная машина и военная промышленность возникают и развиваются как порождение общеклассовых потребностей буржуазии в развитии милитаризма и служат орудием внутренней и внешней политики в руках

господствующего класса. С другой стороны, на протяжении последних трех-четырех десятилетий становится реальностью слияние интересов и активное партнерство руководства военных звеньев государственного аппарата и крупнейших, преимущественно частных, военно-промышленных компаний. Возникающие таким образом военно-промышленные комплексы уже не только выполняют служебную по отношению к господствующему классу милитаристскую роль, но и стремятся овладеть политическими рычагами власти, превратились в активнейший самостоятельный фактор ускорения милитаристских процессов. В Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза подчеркивалось: «Локомотивом милитаризма остаются США, их военно-промышленная машина, которая пока не собирается сбрасывать обороты. Это, конечно, надо принимать в расчет. Но мы хорошо понимаем: интересы и цели военно-промышленного комплекса — совсем не одно и то же, что интересы и цели американского народа, подлинные национальные интересы этой великой страны»¹.

Разграничение общеклассовой и групповой, узкоклассовой заинтересованности в развитии милитаристских процессов имеет немаловажное политическое значение и в том плане, что деятельность ВПК оказывается одним из факторов размежевания сил не только в той или иной стране, но и в ее правящем классе. В США нередко выступления представителей буржуазии, критикующих гипертрофированный милитаризм и требующих резко уменьшить военный бюджет страны.

Борьба против милитаризма, за прекращение гонки вооружений и разоружение стала на исходе XX столетия общедемократическим движением, в котором участвуют самые широкие слои населения на всех континентах. Трезво оценивают негативные политические и социально-экономические последствия милитаризма и те буржуазные круги, которые склонны к политическому реализму и не заинтересованы в военном бизнесе.

Горы оружия

Для милитаризма второй половины XX в. характерны небывалые масштабы. Возросшие в результате быстрого развития производительных сил, особенно в условиях научно-технической революции, экономические возможности используются современным государственно-монополистическим капитализмом для того, чтобы бросать на военные цели огромные ресурсы.

Империалистические государства во главе с США развязали

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 64.

послевоенную гонку вооружений — процесс ускоренного накопления запасов оружия и военной техники и их качественного совершенствования на базе все более широкого применения в военных целях научно-технических достижений. Развитие милитаризма проявляется прежде всего в систематическом усилении военной машины, в разбухании аппарата военных ведомств, усилении влияния военщины на политическую, социально-экономическую и духовную жизнь капиталистических стран.

Буржуазные государства после второй мировой войны постоянно содержат крупные вооруженные силы. Только регулярные войска (без резервных и многочисленных военизированных формирований) стран НАТО насчитывали в 1985 г. 5,4 млн. человек. Современные армии отличаются от вооруженных сил прошлых времен не только своей массовостью, но и неизмеримо более высоким уровнем технической оснащенности и разрушительной мощи.

Хотя с переходом капитализма в империалистическую стадию в орбиту мировых войн втягиваются десятки стран, все же до второй мировой войны очагами милитаризма было сравнительно небольшое число буржуазных государств. В современных условиях в капиталистическом мире происходит глобализация милитаристских приготовлений, гонка вооружений охватила все континенты, возникли новые центры милитаризма. Неизмеримо более мощные вооруженные силы поддерживаются в современных условиях значительно большим числом государств.

Главным центром современного милитаризма стали США. Американский империализм создал огромную военную машину. В вооруженных силах США в настоящее время насчитывается около 3 млн. человек, в том числе свыше 2 млн. — в регулярных войсках и около 1 млн. человек — в организованных резервах. Кроме того, Пентагон содержит примерно 1 млн. гражданских служащих. США создали многочисленные военно-стратегические базы на территории многих государств. Американские вооруженные силы располагают примерно 1500 базами и военными объектами в 32 странах. В конце 1985 г. за пределами США находилось 513 тыс. американских военнослужащих, в том числе 322 тыс. — в Западной Европе, 115 тыс. — в зонах Тихого океана и Дальнего Востока. Иностранные военные базы — это опорные пункты американского империализма. Они служат постоянным источником усиления напряженности и межгосударственных конфликтов, угрозой миру и безопасности народов.

Основой военной мощи США являются стратегические наступательные силы, включающие межконтинентальные баллистические ракеты, стратегическую авиацию и атомные ракетные подводные лодки. С учетом находящихся в резерве и законсервированных тяжелых бомбардировщиков США в общей сложности

имеют для стратегических наступательных сил 2208 носителей ядерного оружия. США располагают также огромными силами общего назначения, к которым относятся сухопутные войска, тактическая авиация ВВС и военно-морские силы.

В послевоенные годы США постоянно выступают в качестве инициатора гонки вооружений. Они первыми создали и приняли на вооружение ядерное оружие (середина 40-х годов), межконтинентальные стратегические бомбардировщики (середина 50-х годов), атомные подводные лодки (середина 50-х годов), разделяющиеся головные части индивидуального наведения (конец 60-х годов), крылатые ракеты (середина 70-х годов) и другие новые системы оружия. С их агрессивными планами и акциями непосредственно связан и современный тур форсирования милитаристских приготовлений империализма. Еще в период пребывания у власти президента Дж. Картера США активизировали наращивание военной мощи. Но военные приготовления достигли особо опасных размеров с приходом к власти нынешней американской администрации.

Взяв курс на прямое противоборство с Советским Союзом на глобальном и региональных уровнях, эта администрация приняла самую крупную в истории программу перевооружения США. По официальным данным, прямые военные расходы США в текущих ценах за годы президентства Р. Рейгана почти удвоились. Они выросли со 134 млрд. дол. в 1980 фин. г. до 252,7 млрд. дол. в 1985 фин. г., а в 1988 фин. г. достигнут 300 млрд. дол.

Погоня за военно-техническим превосходством, стремление создавать все более «эффективные» средства уничтожения обуславливают особенно высокий уровень и относительно быстрые темпы роста американских затрат на закупки новых видов вооружения и на военные исследования и разработки. Общие расходы на эти цели выросли с 42,1 млрд. дол. в 1980 фин. г. до 97,5 в 1985 фин. г. и составят 117,8 млрд. дол. в 1988 фин. г.

Принятая администрацией Рейгана военная программа предусматривает модернизацию всех компонентов вооруженных сил, повышение способности военного вмешательства США в события в любом районе земного шара, объявленном сферой американских «жизненных интересов», обеспечение превосходства США на море и постоянного доступа к важнейшим источникам сырья, повышение степени боеготовности и способности обычных вооруженных сил вести длительные военные операции и т. д.

О беспрецедентных масштабах гонки вооружений в США свидетельствуют созданная и непрерывно наращиваемая военная мощь, огромные арсеналы накопленного оружия и боевой техники. На протяжении многих лет американские правящие круги в своих агрессивных планах особый упор делают на создание качественно

новых систем оружия. В стадии разработки и производства находится большое число систем оружия. По данным Пентагона, общая стоимость только 93 крупных программ создания оружия, по состоянию на сентябрь 1985 г., составила 778 млрд. дол.

США планируют существенно увеличить свой ракетно-ядерный потенциал. В октябре 1981 г. администрация Рейгана приняла программу модернизации всех компонентов триады стратегических сил. На эту крайне опасную для дела мира программу наращивания средств массового истребления выделяются огромные суммы. Создаются и развертываются межконтинентальные баллистические ракеты «МХ» (стоимость программы разработки и производства оценивается в 21,5 млрд. дол.), подводные лодки с баллистическими ракетами «Трайидент-2» (стоимость программы около 53 млрд. дол.), стратегические бомбардировщики В-1В (стоимость более 28 млрд. дол.). США намечают создание новых систем вооружений: малогабаритных мобильных баллистических ракет «Миджитмен», стратегического бомбардировщика «Стелс» и др.

Большое внимание в планах строительства американских вооруженных сил уделяется разработке и производству обычных видов оружия. Осуществляются крупные программы переоснащения армии новыми, более совершенными видами самолетов, бронетанковой техники, артиллерийско-стрелкового вооружения. Существенно расширены масштабы кораблестроения. Предусматривается увеличить корабельный состав ВМС США с 479 единиц в начале 1981 г. до 600 единиц в 1990 г., закупить до 1988 г. для армии более 7 тыс. танков «Абрамс», резко расширить выпуск артиллерийско-стрелкового вооружения и боеприпасов.

США продолжают расширять и обновлять арсенал химического оружия, при этом большое значение придается производству так называемых бинарных боеприпасов.

Предпринимаются меры для повышения мобильности сил общего назначения. В этих целях не только совершенствуются средства переброски войск, но и развиваются транспортные системы, которые могут быть использованы в военных целях. Созданы специальные «силы быстрого развертывания», предназначенные для выполнения международных жандармских функций, военного вмешательства во внутренние дела других стран.

Чрезвычайную опасность для дела мира представляет курс США на милитаризацию космоса. Выдвинутая в марте 1983 г. президентом Р. Рейганом так называемая стратегическая оборонная инициатива (СОИ), известная как программа «звездных войн», направлена на то, чтобы через космос попытаться добиться военного превосходства над СССР. Названная для прикрытия «оборонной», эта программа в действительности направлена на создание нового класса вооружений — ударного космического ору-

жия, которое резко усилило бы военную опасность. Милитаризация космоса подорвала бы ряд международных соглашений, направленных на ограничение военных приготовлений, привела бы к возникновению новых, практически непреодолимых препятствий на пути переговоров по обузданию гонки ядерных вооружений.

Осуществление программы СОИ неизбежно повлечет за собой усиление гонки вооружений. Она потребует исключительно больших затрат. По некоторым американским оценкам, общая стоимость этой программы составит более триллиона долларов. По другим подсчетам, ее реализация обойдется еще дороже. Например, сенатор У. Проксмайр заявил, что создание оружия «звездных войн» обойдется более чем в 1 трлн. дол., а общие расходы на эту программу составят свыше 2 трлн. дол.¹ Втягивание в работы по реализации американской программы других стран повлечет за собой резкое увеличение военных расходов в мире.

О роли США как локомотива милитаризма свидетельствует создание, функционирование и систематическое укрепление в стране военно-промышленной базы, способной не только удовлетворять текущие военные потребности, но и при необходимости резко расширять производство вооружения и другой военной продукции.

В целях оправдания гонки вооружений таких масштабов и одновременно осложнения переговоров по ограничению и сокращению вооружений Пентагон и его партнеры по военно-промышленному комплексу организуют массированные пропагандистские кампании, обрушивающие на население США и других стран потоки клеветнических измышлений о «военном превосходстве СССР» и о «советской военной угрозе». По насыщенности фальсифицированными данными выделяется регулярно переиздаваемая Пентагоном брошюра «Советская военная мощь», материалы которой широко используются в качестве «руководящих» западными средствами массовой информации. Организуя такие милитаристские кампании и используя на их проведение средства федерального бюджета, Пентагон действует рука об руку с частным бизнесом, делающим прибыли на милитаристском поприще, например путем выпуска милитаристских кино- и телелент, таких, как «Красный рассвет», «Железный орел», «Вторжение в США», «Рэмбо, Первая кровь, часть II», «Америка». Это — ориентация Вашингтона на обстановку милитаристского психоза, облегчающую проталкивание военных программ и отказ от практических мер в области разоружения.

По пути быстрого наращивания военной мощи идут и другие империалистические государства, в первую очередь партнеры США по НАТО. Это относится прежде всего к ФРГ, которой отво-

¹ Aerospace Daily, 1985, Vol. 136, No. 14, November 27, p. 109.

дится роль оплота милитаризма и антикоммунизма в Европе. ФРГ стала самым сильным в военном отношении союзником США. Бундесвер превратился в главную ударную силу НАТО в Западной Европе, его численность доведена до 495 тыс. человек, он является наиболее оснащенной современной военной техникой армией среди армий других европейских стран блока. На долю ФРГ приходится около 50% всей численности войск НАТО в Центральной Европе, 50% войск противовоздушной обороны, 30% боевых самолетов, около 70% военно-морских сил в Балтийском море и до 10% всей морской авиации. Военные расходы ФРГ выросли с 37,6 млрд. марок в 1975 г. до 59,7 млрд. марок в 1985 г. Западная Германия приняла широкую программу модернизации и укрепления всех видов вооруженных сил, расходуя на разработку и производство новейших видов оружия и военной техники (самолетов, танков и бронетранспортеров, зенитно-ракетных комплексов, кораблей и др.) огромные средства.

Быстрыми темпами увеличиваются военные приготовления Великобритании. Ее военный бюджет возрос с 5,2 млрд. ф. ст. в 1975 г. до 18,6 млрд. ф. ст. в 1985 г. В 1982 г. правительство М. Тэтчер приняло решение о постепенной замене на четырех атомных подводных лодках баллистических ракет «Поларис А-3» американскими ракетами «Трайидент-2». Стоимость этой программы, рассчитанной на 15 лет, превысит 10 млрд. ф. ст.

Непрерывно растут военные затраты Франции: с 55,9 млрд. фр. в 1975 г. до 186,2 млрд. фр. в 1985 г. Значительные средства Франция направляет на усиление ракетно-ядерных сил. Резко активизировали военные приготовления и другие страны НАТО.

Характерная особенность современного этапа милитаристских приготовлений стран НАТО заключается в том, что они приняли долгосрочную и крупномасштабную программу наращивания военной мощи блока. Еще в мае 1978 г. на сессии совета НАТО под давлением США был взят курс на ежегодное увеличение всеми участниками блока военных расходов на 3% в постоянных ценах. США усиливают нажим на своих партнеров по блоку с целью заставить их еще быстрее наращивать военные приготовления, взять на себя большую долю военных затрат блока.

Общие прямые военные расходы стран — участниц НАТО увеличились (в текущих ценах, по среднегодовому валютному курсу 1980 г.) с 64,9 млрд. дол. в 1960 г. до 112,2 млрд. в 1970 г., 256,3 млрд. в 1980 г. и 469,1 млрд. дол. в 1985 г. В 1949—1985 гг. прямые военные расходы стран этого блока составили 5,1 трлн. дол., в том числе за последние десять лет — 2,9 трлн.¹

¹ Подсчитано по: Armaments and Disarmament SIPRI Yearbook, International Financial Statistics (за ряд лет).

Милитаристские приготовления достигли крупных размеров и в других капиталистических государствах, в частности в Японии. Ускоряются темпы ремилитаризации этой страны. Разработанный Управлением национальной обороны пятилетний план модернизации и оснащения вооруженных сил на 1983—1987 гг. обойдется японскому народу в 24 трлн. иен.

В орбиту гонки вооружений быстро втягиваются и десятки молодых, недавно получивших независимость государств. Конечно, в определенной своей части военные расходы этих стран связаны с необходимостью защиты национального суверенитета от посягательств империализма и его агентуры. Однако вооружаются и те развивающиеся страны, которые ищут таким путем решения своих конфликтов с соседями, оставшихся в наследство от колониализма, идут в фарватере империалистической военной политики, а также те, правящие круги которых видят в милитаризме средство господства над собственными народами. Отсюда — создание и усиление национальных вооруженных сил, их оснащение современными видами оружия и военной техники.

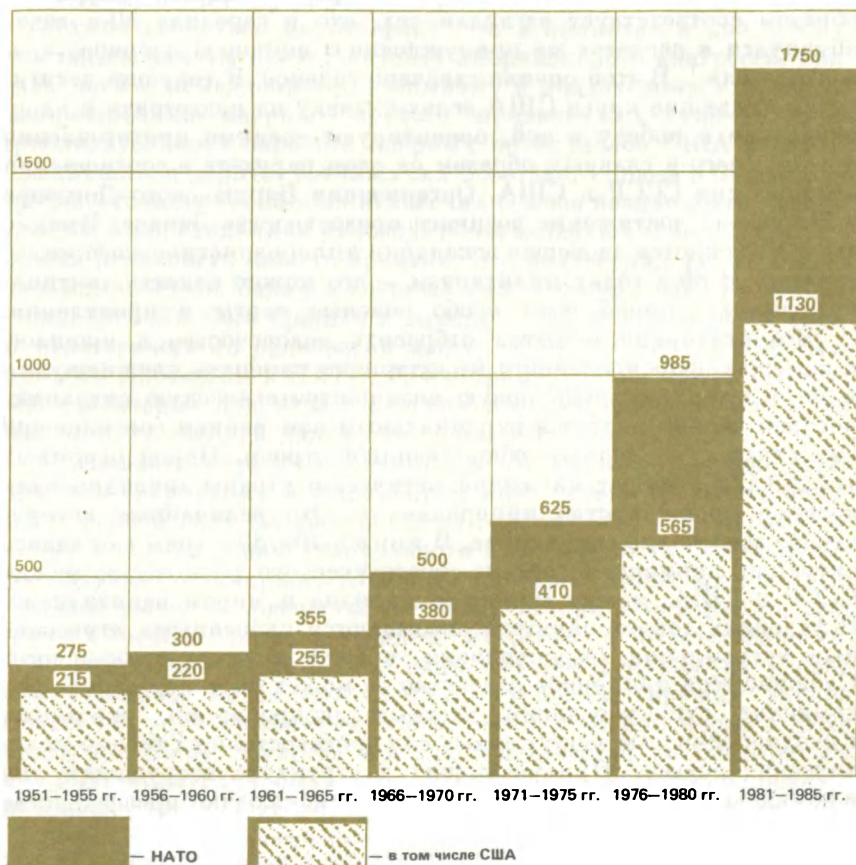
Резко возрос объем экспорта оружия капиталистическими странами. За 1973—1984 гг. они экспортировали оружие и военную технику на сумму 174 млрд. дол., в том числе США — 83 млрд., Франция — 27 млрд.¹, Англия — 16 млрд., ФРГ — 12 млрд., Италия — 9 млрд. дол.² Примерно половина общего объема капиталистического экспорта оружия приходится на США. Отменив установленные правительством Дж. Картера некоторые ограничения на продажу оружия, нынешняя американская администрация встала на путь расширения экспорта вооружения и военной техники. С 1973 по 1984 г. США поставили за рубеж около 1 тыс. военных самолетов, 1,8 тыс. танков, свыше 100 военных кораблей³. Преследуя свои корыстные военно-политические и экономические цели, империалистические страны непрерывно пополняют и обновляют «ассортимент» экспортных поставок военной техники — за рубеж идут новейшие системы оружия.

В последние годы основной поток оружия (не менее 60%) из ведущих стран НАТО направляется в развивающиеся страны, что отрицательно сказывается на социально-экономическом развитии молодых государств Азии, Африки и Латинской Америки, которые в подавляющем своем большинстве жизненно заинтересованы в сохранении мира, прекращении гонки вооружений. Но особенно крупные поставки вооружения осуществляются в страны с реак-

¹ Подсчитано по: Armaments and Disarmament SIPRI Yearbook, International Financial Statistics (за ряд лет).

² Подсчитано по: World Military Expenditures and Arms Transfers, ACDA Publication 123. Wash., 1985, p. 43.

³ Defense Daily, 1985, Vol. 172, September 18, p. 85.

ционными, репрессивными режимами, такие, как ЮАР, Чили, Южная Корея, Израиль, которые используются в качестве опорных пунктов империализма.

Ставка на военное превосходство

На рубеже 80-х годов в развитии милитаризма начался новый этап, отразивший сдвиги в империалистической политике, особенно в связи с приходом к власти нынешней администрации США. Характеризуя ее курс, американский журнал «Нэйшн» писал: «Как ядерный век, старая вера администрации Рейгана в то, что ей удастся сорвать цветок

победы на пепелищах ядерной войны... В сущности, многое из того, что администрация Рейгана говорит и делает, тревожным образом соответствует взглядам тех, кто в середине 50-х годов обманулся в расчетах на принуждение с помощью ядерного превосходства»¹. В этой оценке схвачено главное. В текущем десятилетии правящие круги США делают ставку на подготовку к ядерной войне и победу в ней, ориентируют военные приготовления прежде всего и главным образом на слом паритета в соотношении военных сил СССР и США, Организации Варшавского Договора и НАТО, на достижение военного превосходства Запада. Именно этим объясняется злоежаская эскалация империалистического милитаризма. В 80-х годах милитаризм — его можно назвать «антипаритетным» — приобретает особо опасные черты и проявления.

Это отчаянная попытка отбросить человечество в прошлое, с помощью форсированного милитаризма изменить сложившуюся в мире принципиально новую военно-стратегическую ситуацию, которая характеризуется кардинальным изменением соотношения сил стран с различным общественным строем. Ценой огромных усилий СССР и братские социалистические страны ликвидировали военное превосходство империализма. Это величайшее историческое завоевание социализма. В итоге в 70—80-е годы сложилась ситуация примерного военно-стратегического равновесия между СССР и США, между миром социализма и миром капитализма. В условиях такого паритета оказываются скованными агрессивные устремления империализма, прежде всего американского. Сложившееся примерное равенство не может быть поставлено под сомнение существованием частных диспропорций, связанных с неоднородностью вооруженных сил противостоящих военно-политических союзов. При различиях в структуре вооружений они в комплексе уравнивают друг друга, исключают превосходство той или другой стороны.

Существование примерного паритета в военно-стратегической области получило широчайшее международное признание.

Паритет в области стратегических вооружений был официально подтвержден в результате подписания Договора ОСВ-2, каждое положение и каждая цифра которого в ходе семилетних переговоров были самым тщательным образом выверены и согласованы высшими политическими и военными инстанциями Советского Союза и США, и в итоге было юридически зафиксировано равенство стратегических arsenалов двух стран.

Реалистические оценки на этот счет содержатся в документах Организации Объединенных Наций. В 1983 г. Генеральная Ассамблея ООН подтвердила, что СССР и США располагают одинаково-

¹ The Nation, 1983, April 9, p. 424.

вой ядерной мощью и, как представляется очевидным, между ними существует общий примерный паритет.

Можно сослаться на тот факт, что в принятой в мае 1983 г. резолюции палаты представителей американского конгресса, призывающей к немедленному, взаимному и поддающемуся проверке замораживанию ядерного оружия, признавалось существование приблизительного паритета ядерных потенциалов США и СССР. Сложившийся паритет военных сил Советского Союза и США, двух противостоящих военно-политических союзов неоднократно расценивался в выступлениях руководителей западных стран как объективная реальность нашего времени. Это подтвердил также анализ всех компонентов баланса военных сил, проведенный советскими специалистами. Они пришли к выводу о сохранении в целом военно-стратегического равновесия между СССР и США, между Варшавским Договором и НАТО. Такое примерное равенство военных сил характерно для стратегических ядерных вооружений, ядерных средств средней дальности и обычных вооружений¹.

Признавать паритет — значит трезво оценивать военно-стратегическую ситуацию в современном мире, демонстрировать понимание особой роли баланса военных сил, видеть в его сохранении основу международной стабильности и безопасности. Возникновение ситуации примерного равенства противостоящих военных сил означало выход человечества на новый исторический рубеж, требующий особой государственной мудрости и ответственности. Ведь равновесие военных сил оказалось достигнутым на уровне и в условиях, когда накопленного сторонами оружия вполне достаточно, чтобы уничтожить человеческую цивилизацию и даже жизнь на Земле. Никогда прежде человечество не оказывалось перед альтернативой: быть или не быть? Теперь требуются предельно взвешенная оценка новой международной ситуации и приспособление внешнеполитической стратегии к реальностям последних десятилетий XX в.

Сложившаяся ситуация примерного военного равновесия — не случайный эпизод, а устойчивый, долговременный итог исторического развития и как таковой таит в себе серьезные плюсы и решающие преимущества при ориентации на мирное сосуществование стран с различным социальным строем, на создание в международных отношениях климата взаимного доверия и сотрудничества. Как указывается в новой редакции Программы КПСС, Советское государство и его союзники последовательно добиваются, чтобы уровень этого равновесия неуклонно снижался, чтобы количество вооружений с обеих сторон сокращалось, а безопасность всех народов была бы обеспечена.

¹ См.: Откуда исходит угроза миру. М., 1985.

События 80-х годов показали, что США и их ближайшие спутники по НАТО избрали совсем другой путь. Прежние признания равенства военных сил были отброшены, забыты или объявлены ошибочными. И дело не в оттенках суждений и оценок западных деятелей, а в смене политического курса. Это был поворот не в риторике, а в политике, поскольку к власти в ряде западных стран пришли группировки, служащие интересам военно-промышленного комплекса. В предвыборной платформе республиканской партии, одобренной на съезде в Детройте в 1980 г., написано, что республиканцы связывают себя обязательством немедленно увеличить военные расходы, распределив их на критически необходимые программы вооружений, довести их до уровня, необходимого для достижения в конечном счете военного превосходства, которого требует американский народ. Ссылки на народные требования здесь, конечно, ни при чем, речь идет об открытых притязаниях правящих кругов США на военное превосходство.

В выступлениях президента Рейгана и других государственных деятелей США начала 80-х годов неизменно подчеркивалось, что внешняя политика страны основана на силе, что переговоры по ограничению вооружений американская сторона будет вести с позиции силы, что наращивание военной мощи будет приоритетным направлением в деятельности республиканской администрации. Преобладающей стала тема лидерства в военных приготовлениях. Милитаристский курс США в корне противоречит заверениям Вашингтона в связи с подписанием в 1979 г. Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений. «Каждая сторона, — гласило совместное советско-американское коммюнике, — заявила, что она не стремится и не будет стремиться к военному превосходству, поскольку это могло бы привести лишь к опасной нестабильности, порождая более высокий уровень вооружений и не содействуя безопасности ни одной из сторон». Этот курс противоречит и принятому в Хельсинки Заключительному акту совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, в котором провозглашена общая заинтересованность государств-участников «в усилиях, направленных на уменьшение военного противостояния и на содействие разоружению, которые призваны дополнить политическую разрядку в Европе и укрепить их безопасность».

Руководящие деятели США и других стран НАТО, пересмотрев прежние военно-политические взгляды и оценки, считают в принципе неприемлемым сохранение и упрочение ситуации примерного военного равенства с СССР и Организацией Варшавского Договора. Этот милитаристский курс открыто провозглашается и активно проводится в жизнь, он стал стержнем империалистической политики в современных условиях. Реальные намерения США обнажил их отрицательный ответ на советский план «звездного мира», на

предложения Советского Союза заморозить и сократить ядерные арсеналы, прекратить ядерные испытания. Тем самым получила подтверждение американская установка на превращение США в господствующую в военном отношении державу современного мира. Империализм не оставляет надежд на пересмотр военным путем итогов исторического развития в XX в., которые характеризуются прогрессирующим изменением соотношения сил на мировой арене далеко не в пользу капитализма.

Сама по себе установка на обеспечение военного превосходства над странами социализма не нова, империалистические силы проводили ее в жизнь на протяжении всего периода после второй мировой войны. Это были десятилетия активных военных приготовлений США и их союзников. Нельзя, однако, не видеть, что на рубеже 70-х и 80-х годов началось *скачкообразное* наращивание этих приготовлений; на подготовку к войне брошены невиданные в условиях мирного времени финансовые, материальные и людские ресурсы.

Ставка империалистических сил на слом военно-стратегического паритета и достижение военного превосходства над социализмом привела к *резкой интенсификации милитаристских процессов по всем направлениям* в США и других странах НАТО. Такая стратегическая установка империализма определила масштабность и долгосрочность военных программ, ориентированных на восстановление утраченного превосходства. Этот новый этап чреват негативными политическими и социально-экономическими последствиями.

Экономическое бремя Милитаризм всегда был прожорливым хищником. Милитаристские приготовления империализма требуют в современных условиях отвлечения на военные цели значительной части экономического потенциала многих капиталистических стран. В структуре государственно-монополистического капитализма сформировался крупный постоянно функционирующий сектор военной экономики, нацеленный на содержание и наращивание военной силы, подготовку и ведение агрессивных войн. Резко возросли масштабы военного производства, существенно изменилась его отраслевая структура, произошла коренная перестройка производственного аппарата на базе новой техники.

В наибольшей степени милитаризована экономика США. Их удельный вес в производстве военной продукции капиталистического мира значительно превосходит американскую долю в общем промышленном производстве капиталистических стран. На долю США приходится более $\frac{3}{4}$ общего объема выпуска авиаракетной

техники, примерно половина производства артиллерийско-стрелкового вооружения, свыше $\frac{2}{3}$ военного кораблестроения стран НАТО. На американских предприятиях, выпускающих военную продукцию, занято 2,6 млн. человек, т. е. больше, чем в остальных странах этого блока, вместе взятых. США создали такую военную экономику, которая обеспечивает выпуск в колоссальных размерах оружия и боевой техники не только для собственных вооруженных сил, но и для армий союзников по агрессивным военно-политическим блокам, а также для реакционных режимов. За два срока президентства Р. Рейгана доля валового национального продукта, отвлекаемая в США на военные цели, увеличится, по американским оценкам, в полтора раза. Примерно в такой же пропорции возрастет удельный вес военных расходов в федеральном бюджете.

В крупных масштабах производство военной продукции осуществляется и в других капиталистических государствах, особенно в западноевропейских странах НАТО и в Японии. Стали на путь создания и расширения военного производства некоторые развивающиеся страны, например Аргентина, Бразилия, АРЕ.

Непрерывно расширяющийся под влиянием милитаризма спектр военно-экономических приготовлений охватывает все сферы общественного воспроизводства. Однако ведущее место в выпуске военной продукции занимает обрабатывающая промышленность. По подсчетам американских экономистов, в начале 80-х годов над выполнением военных заказов работало свыше 10% всех занятых в обрабатывающей промышленности США¹. В самой обрабатывающей промышленности сформировалось ядро военной промышленности — такие наиболее милитаризованные и наукоемкие отрасли, как авиаракетная, атомная, радиоэлектронная, судостроение, производство бронетанковой техники, артиллерийско-стрелкового вооружения и боеприпасов. На долю этих отраслей приходится подавляющая часть выпускаемой военной продукции.

С появлением ракетно-ядерного и других видов современного оружия еще больше повысилась роль экономических факторов в наращивании военного потенциала. Сейчас для производства непрерывно совершенствующихся дорогостоящих средств ведения войны требуется намного больше затрат материальных и финансовых ресурсов, чем в прошлом. Производство сложных видов и систем оружия нуждается в специализированном и передовом в техническом отношении оборудовании, высококвалифицированных кадрах, а также в специальных видах сырья и материалов. В связи с усложнением вооружений наблюдается тенденция к усилению специализации и расширению кооперации в военной про-

¹ Monthly Labour Review, 1981, November, Vol. 33, No. 6, p. 18.

мышленности. Современные образцы вооружения являются сложнейшими системами, включающими множество узлов и агрегатов, разрабатываемых и производимых большим числом субподрядчиков и поставщиков из различных отраслей экономики. Усложняются функциональные связи в военном производстве, увеличивается его зависимость от общей промышленной и научно-технической базы. Гонка вооружений деформирует общее хозяйственное развитие; милитаризм, как ржавчина, разъедает экономику многих стран Запада.

Гонка вооружений развертывается по линии качественного совершенствования вооружений, что связано с широким использованием достижений научно-технического прогресса в военных целях. США в огромных масштабах ведут специальные научные исследования и разработки для модернизации существующих и создания новых систем и видов оружия. В США военными НИОКР непосредственно занято 20—30% всех ученых и инженеров. По официальным данным, за 1951—1984 гг. прямые расходы Пентагона на военные НИОКР составили примерно 257 млрд. дол., или около 10% всех расходов министерства обороны США за этот период. Эти расходы увеличились с 23,1 млрд. дол. в 1984 фин. г. до 27,8 млрд. дол. в 1985 фин. г. и достигнут 42,0 млрд. дол. в 1988 фин. г.

Погоня за военно-техническим превосходством, производство сложнейших в техническом отношении и все более дорогостоящих систем оружия ведет к серьезным экономическим издержкам. По сравнению с периодом второй мировой войны цены на вооружение возросли в десятки, а то и сотни раз. Каждое новое поколение оружия оказывается, как правило, намного более дорогостоящим, чем предыдущее. Одновременно с удорожанием военной техники наблюдается удлинение сроков разработки крупных систем оружия. Гигантские масштабы военно-технических программ, их безудержно растущая стоимость и долгосрочность усиливают бремя и инерционность гонки вооружений, расширяют и углубляют милитаризацию капиталистической экономики. Массовое привлечение ученых и инженеров в военную сферу сдерживает научно-технический прогресс в гражданских отраслях, что приводит к снижению темпов роста производительности труда и в конечном итоге замедлению экономического роста.

Для военного производства характерна высокая степень монополизации. В последние годы на долю 100 крупнейших поставщиков Пентагона приходилось ежегодно 65—70% общей стоимости первичных военных заказов США, в том числе на долю 25 наиболее крупных — около 50%, а на долю первых десяти — до 35%. Аналогичная картина наблюдается и в других империалистических странах. В каждой из таких стран, как Франция, Великобритания,

ФРГ и Италия, на долю 15—30 крупнейших фирм приходится подавляющая часть общего национального объема выпуска военной продукции. Крупнейшие военно-промышленные фирмы располагают огромным и разветвленным научно-техническим и производственным аппаратом, выпускают разнообразную продукцию военного назначения, аккумулируют и широко используют достижения науки и техники. Военно-промышленные фирмы рассматривают военное производство как весьма выгодную сферу приложения капитала и обогащения. Эти фирмы, особенно американские, используют форсирование гонки вооружений для увеличения прибылей, укрепления своих позиций. Западногерманский журнал «Шпигель» в номере от 21 января 1984 г. писал: «Американские производители вооружений наслаждаются в лучах рейгановского бума: со времен Вьетнамской войны им никогда не было так хорошо, как сейчас».

Апологеты милитаризма широко пропагандируют тезис о благотворном влиянии гонки вооружений на экономику. На Западе, особенно в первые послевоенные годы, широкое распространение получили взгляды, согласно которым военные расходы являются якобы эффективным средством стимулирования развития экономики и предотвращения кризисов. Многие буржуазные экономисты, придерживаясь кейнсианских концепций, рекламировали военные расходы как важнейшую форму государственного регулирования экономики. В действительности же военное производство становится для нее все более тяжелым балластом. Оно истощает внутренние ресурсы государств, ставших на путь милитаризма. Гонка вооружений превратилась в одну из серьезных причин роста экономических трудностей, обострения долгосрочных диспропорций в хозяйстве капиталистических государств. С этим вынуждены соглашаться сейчас и многие буржуазные исследователи.

Отвлекая огромные ресурсы на военные приготовления, гонка вооружений лишает возможности производительно использовать эти ресурсы, сужает базу для инвестиций в развитие гражданских отраслей экономики, тормозит социально-экономическое развитие многих государств. Действительные экономические издержки гонки вооружений состоят не только в отвлечении ценных ресурсов, но и в утраченных возможностях, т. е. в неполучении того экономического эффекта, который эти ресурсы могли бы дать при их рациональном, производительном использовании.

Отрицательное влияние военных приготовлений на экономику стало настолько очевидным, что участились выступления буржуазных экономистов с антимиитаристских позиций. Сотрудники Совета экономических приоритетов США, сопоставив основные экономические показатели 13 крупнейших промышленно развитых стран за 60—70-е годы, пришли к выводу, что в странах, расходуя-

щих на военные цели в среднем меньшую долю ВВП, экономика, как правило, развивалась более быстрыми темпами, объем капиталовложений был больше, а эффективность экономики выше. В докладе этой организации отмечается, что в США и Великобритании, где уровень милитаризации экономики особенно высок, в начале 80-х годов наблюдался наиболее глубокий экономический спад. Вместе с тем в Японии, Австрии и Канаде, где уровень расходов на военные цели ниже, положение в экономике было лучше. Результаты исследований Совета экономических приоритетов показывают, что по среднегодовым данным за 1960—1979 гг. среди 13 развитых капиталистических стран США занимали первое место по уровню милитаризации экономики, а по темпам реального роста валового внутреннего продукта (ВВП) в год (3,6%) были на одиннадцатом месте, по доле капиталовложений в ВВП (17,6%) — на тринадцатом, по росту производительности труда в обрабатывающей промышленности (2,6%) — на одиннадцатом, по уровню безработицы — на первом месте. Высокой степени милитаризации экономики США принадлежит важное место среди факторов, вызывающих снижение конкурентоспособности американских товаров на мировом и внутреннем рынках, падение удельного веса США в общем производстве и экспорте капиталистического мира.

Через механизм международных экономических связей негативные последствия гонки вооружений, ведущейся империалистическими государствами, так или иначе бьют по экономическим интересам всех стран мира. США и их партнеры стремятся через международные торгово-экономические, кредитно-финансовые, научно-технические, военно-экономические и иные связи переложить часть бремени военных затрат на другие государства, использовать их ресурсы, в особенности развивающихся стран, для финансирования своих растущих военных приготовлений. Милитаризация мирохозяйственных связей, происходящая под влиянием агрессивной политики империализма, наносит значительный урон экономическим интересам многих государств, препятствуя использованию в полной мере преимуществ международного разделения труда, усиливая глобальный экономический ущерб от гонки вооружений.

Негативные экономические последствия гонки вооружений становятся все более многообразными и сложными, их кумулятивный эффект непрерывно возрастает. Продолжающаяся гонка вооружений приходит во все большее противоречие с закономерностями и потребностями нормального экономического развития как отдельных стран, так и мира в целом. Интересы социально-экономического прогресса требуют обуздания гонки вооружений и выступающих за нее сил, переключения огромных людских, материальных и финансовых ресурсов, используемых ныне в военных целях, на мир-

ные, созидательные нужды, в целях развития добрососедства и сотрудничества между всеми странами мира, на ликвидацию голода, нищеты и неграмотности миллионов людей, в том числе и в США.

Бич для трудящихся Подсчитано, что за всю историю человечества имели место более 15 тыс. крупных войн и конфликтов. По мере совершенствования вооружений войны уносили все больше человеческих жизней. Если США развяжут мировую термоядерную войну, она закончится гибелью человечества. Но и в мирное время масштабы и особенности современного милитаризма таковы, что он влечет за собой страдания и гибель миллионов людей от голода, болезней и нищеты.

Милитаризм поглощает ресурсы, необходимые для решения острейших социальных проблем. В капиталистических странах велики потребности в капиталовложениях на социальные нужды. Беспрецедентные размеры отвлечения ресурсов на милитаристские цели в мирное время все больше вступают в противоречие с необходимостью финансирования социальных программ. Быстрый рост военных расходов США сопровождается сокращением ассигнований на социально-экономические нужды, причем не только в относительных, но и в абсолютных размерах. Например, в 1985 по сравнению с 1980 фин. г. ассигнования в реальном выражении сократились по бюджетным статьям: образование — на 30%, природные ресурсы — на 27, транспорт — на 8, программы регионального развития — на 48%. Тенденция дальнейшего сокращения расходов на социальные программы отчетливо проявляется во всех бюджетных посланиях администрации Рейгана. Сокращение расходов на социальные программы наблюдается и в других капиталистических странах. Например, в Великобритании с 1980 по 1984 фин. г. военные расходы в постоянных ценах выросли на 13,2%, в то время как за эти же годы государственные расходы на образование и науку сократились на 10,2%, на жилищное строительство — на 48, на дороги и транспорт — на 12,5%. В результате сокращения расходов на социальные программы больше всего страдают низкооплачиваемые слои населения.

Существующая система приоритетов в распределении бюджетных средств капиталистических государств оказывает пагубное влияние на решение острейших проблем здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения, жилищного строительства, благоустройства городов, инфраструктуры. По американским оценкам, в целом для реконструкции объектов инфраструктуры США нужно было бы затратить около 3 трлн. дол. Сопоставление даже отдельных военных и социальных программ позволяет судить о том, какой огромный эффект может быть достигнут в случае разору-

жения. На 100 млрд. дол., расходуемых на военные цели, можно было бы построить 300 тепловых электростанций, 300 нефтеперерабатывающих заводов, 1000 заводов химических удобрений, 200 заводов по производству искусственного каучука и 1600 сахарных заводов. Перечень таких примеров можно продолжить. Затраты Великобритании на одну атомную подводную лодку равняются расходам на строительство 4,5 тыс. школ.

Обогащая отдельные группы монополистической буржуазии, милитаризм ведет к усилению налогового бремени. Быстрорастущие милитаристские приготовления в капиталистических странах финансируются таким образом, что основная их тяжесть через налоги и другими путями перекладывается на плечи трудящихся. В последние годы американцы в виде федеральных и местных налогов выплачивали в среднем 37 центов с каждого доллара доходов. Налоговая политика капиталистических стран носит ярко выраженный классовый характер и способствует усилению эксплуатации трудящихся, которые несут основное бремя налогов.

Гонка вооружений и милитаризация экономики — одна из главных причин инфляции. Развитие инфляции происходит под воздействием различных факторов, особенно монополистической практики ценообразования. Инфляция стимулируется тем, что цены на военные товары в силу ряда конкретных причин, в том числе специфики системы военной контрактации и ценообразования, растут чрезвычайно быстро. Развитию инфляционных процессов способствует система дефицитного финансирования военных расходов и обусловленный ею рост государственного долга и дополнительной эмиссии платежных средств. Известный американский экономист Дж. Гэлбрейт пишет: «Военные расходы стали основной и самой очевидной причиной дефицита бюджета сейчас и в дальнейшем. И, что еще важнее, такого рода расходы администрация признает основной причиной сокращения расходов на улучшение положения бедняков. Расходы на нужды бедняков были заменены военными расходами»¹.

Апологеты милитаризма пытаются доказать, что гонка вооружений якобы способствует рассасыванию безработицы, а сокращение военных расходов, наоборот, увеличивает ее. Например, шеф Пентагона К. Уайнбергер в конгрессе в марте 1982 г. утверждал, что сокращение военного бюджета на 10 млрд. дол. в 1983 фин. г., на чем настаивали некоторые конгрессмены, приведет к потере 350 тыс. рабочих мест в стране².

Безработица в капиталистических странах достигла высокого уровня. Ее огромные масштабы объясняются глубинными проти-

¹ The New York Times, 1984, February 5.

² Defense Daily, 1982, March 5, Vol. 121, No. 5, p. 33.

воречиями капиталистического способа производства, изменением под влиянием научно-технического прогресса характера спроса на рабочую силу, развитием структурных кризисов и т. д. В то же время, как показывают проведенные в США и других капиталистических странах специальные исследования, гонка вооружений прямо или косвенно способствует росту массовой безработицы. Это объясняется тем, что при равных суммах капиталовложений в военных отраслях создается меньшее число рабочих мест, чем в гражданских. По данным, полученным от правительственных ведомств членом палаты представителей Л. Эспином, 1 млрд. дол., израсходованный Пентагоном, приводит к появлению примерно 48 тыс. рабочих мест, в то время как эквивалентная сумма, затраченная в сфере здравоохранения, — 76 тыс., а в системе образования — 100 тыс.

В условиях обострения таких глобальных проблем современности, как продовольственная, сырьевая, энергетическая, экологическая, для решения которых необходимы огромные средства и координация усилий в международном масштабе, во всем мире ширится понимание того, что даже при отсутствии открытого военного конфликта гонка вооружений пожирает колоссальные ресурсы и становится одной из главных преград на пути решения общечеловеческих социально-экономических задач. Из-за нехватки финансовых ресурсов 40% населения нашей планеты лишено медицинской помощи, 500 млн. человек страдает от недоедания, 800 млн. неграмотны. Человечество каждую минуту расходует на военные цели 1,3 млн. дол., в то время как от недостатка продуктов питания и вакцин ежеминутно умирает 30 детей.

Гонка вооружений в капиталистических странах приводит и к другим негативным социальным последствиям. Она сопровождается милитаризацией всей общественной жизни, усилением культа военной силы, ростом репрессий в отношении рабочего класса, демократических организаций. Военная сила используется внутри отдельных буржуазных государств в качестве важнейшего инструмента, на который опираются традиционные средства экономического и политического подчинения трудящихся интересам господствующих классов.

Используя средства массовой информации, свой огромный идеологический и пропагандистский аппарат, милитаристские круги ведут широкую психологическую обработку народов западных стран, культивируя антикоммунистические, шовинистические и расистские настроения. Насаждение культа военной силы, раздувание антисоветской истерии накладывают глубокий отпечаток на всю общественную жизнь в империалистических странах.

Противоречия капиталистического обобществления

Определяя экономические особенности империализма, В. И. Ленин подчеркивал, что на данной стадии капитализма некоторые его основные свойства превращаются в свою противоположность, что сложились и обнаружались черты переходной эпохи к более высокому укладу. «Капитализм в его империалистической стадии, — писал Ленин более 70 лет назад, — вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства, он втаскивает, так сказать, капиталистов, вопреки их воли и сознания, в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению»¹.

Ускоренное научно-технической революцией развитие производительных сил обусловило переход капиталистического производства на более высокий и качественно новый уровень обобществления. Это, в свою очередь, неизбежно влекло новое углубление основного противоречия капитализма — между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением. Главными формами его проявления, как известно, являются противоречия между трудом и капиталом, между безграничным стремлением капитала к расширению производства в погоне за прибылью и относительно узкими границами платежеспособного спроса трудящихся, диспропорциональность развития отдельных частей и сфер хозяйства, анархия капиталистической экономики.

Обобществление капиталистического производства — многогранный процесс. Он обнаруживается в таких явлениях, как превращение науки в непосредственную производительную силу, органическое соединение науки, техники и производства в единый комплекс; рост специализации и кооперирования производства, развитие вертикальной интеграции и взаимодополнения отраслей и сфер общественного производства, образование функциональных экономических комплексов (аграрно-промышленного, топливно-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 320—321.

энергетического и др.); более тесная взаимосвязь и взаимозависимость материального производства и непродовольственной сферы, а также новая роль, которую играют ныне в экономическом развитии образование, здравоохранение, «индустрия» туризма и отдыха, наконец, интернационализация капиталистического производства в мировом масштабе и развитие интеграции национальных хозяйств. Рост обобществления капиталистического производства усиливает объективную потребность в планомерном ведении хозяйства, диктует в конечном счете необходимость установления общественной собственности на средства производства.

Одной из закономерностей послевоенного развития мировой экономики стало ускорение процесса интернационализации общественного производства. Этому, несомненно, содействовало развертывание научно-технической революции, стимулирующей углубление международного разделения труда, рост взаимодополняемости национальных экономик, расширение международной специализации и кооперирования производства, развитие научно-технического, экономического обмена и общения между государствами. О повышении значимости мирохозяйственных связей свидетельствует опережающий рост международной торговли и вывоза капитала, которые развивались в послевоенный период (1946—1985 гг.) в среднем соответственно в 1,4 и 1,6 раза быстрее промышленного производства.

Обобществление производства протекало прежде всего в форме дальнейшей монополизации экономики, ее подчинения интересам финансового капитала. Господствующее положение в экономике развитых капиталистических стран заняли многоотраслевые комплексные монополистические объединения типа концерна, а в капиталистическом мировом хозяйстве доминируют международные монополии, прежде всего гигантские американские, японские, английские, западногерманские и прочие транснациональные корпорации. Капитализм приспосабливается к новому уровню обобществления производства также посредством всестороннего расширения экономических функций буржуазного государства. При этом воздействие буржуазного государства на капиталистическое хозяйство, как это предвидел В. И. Ленин, основывается на все более растущем влиянии и переплетении в единый механизм мощи монополий и финансового капитала с мощью буржуазного государства.

Буржуазное государство взяло на себя многие функции по развитию научно-технического прогресса, в частности по созданию и освоению крупных нововведений, выходящих за рамки возможностей отдельных частных фирм. Резко расширилась сфера общехозяйственного, в том числе так называемого антициклического, регулирования. В то же время, поскольку главной функцией

буржуазного государства остается создание экономических условий для извлечения максимальной прибыли монополиями, его вмешательство в экономику не только не снимает остроты основного противоречия капитализма, но, напротив, усугубляет его.

Усиливается действие основного противоречия в мирохозяйственной сфере. В последние десятилетия резко возросла неравномерность экономического развития основных центров капитализма, диспропорциональность отдельных регионов капиталистического мирового хозяйства. Серьезно обострились межимпериалистические противоречия. Об этом говорят и рост протекционизма, и многочисленные торговые и валютные войны в отношениях между развитыми капиталистическими странами.

Все более усугубляются противоречия между узкими возможностями международного государственно-монополистического регулирования и объективными потребностями развития современного производства, между интересами государственно-монополистических капитализмов трех центров и потребностями развития капиталистического мирового хозяйства в целом. Кризисные процессы в государственно-монополистическом регулировании экономики — наглядное тому подтверждение.

Наиболее яркое проявление основного противоречия — периодические циклические кризисы. Для того чтобы лучше понять особенности развития мировых капиталистических циклов в 70—80-е годы, рассмотрим хотя бы в самом сжатом виде некоторые проблемы послевоенного циклического движения экономики.

Общее и особенное в послевоенных циклах

В процессе длительного формирования и развития капиталистического хозяйства не наблюдалось ни одного мирового или национального экономического кризиса, ни одного периода, охватывающего несколько следующих друг за другом циклов, которые не были бы по-своему уникальны. Любой из таких кризисов и периодов непременно впитывает в себя все своеобразие текущей экономической и в известной мере социально-политической конъюнктуры в различных странах или группах капиталистических государств. В результате при характеристике каждого отдельного мирового экономического цикла со всей остротой встает двойного рода задача.

С одной стороны, возникает необходимость выявления того общего, что связывает данный этап с предшествующим. Только таким образом возможно реально определить его место и значение в единой цепи событий, ведущих к последовательному обострению «циклической болезни» капиталистического способа производства. С другой стороны, само это общее не может существовать

вне реальной жизни. Отсюда вытекает настоятельная потребность сравнительного анализа конкретно-исторических условий проявления противоречий капиталистического воспроизводства на каждом новом этапе мирового цикла.

К. Маркс отмечал, что буржуазные исследователи обычно трактуют каждый новый кризис как изолированное явление, впервые возникающее на социальном горизонте и поэтому объяснимое будто бы событиями, движениями и факторами, исключительно присущими — или такими, которые считаются исключительно присущими, — только данному периоду. Если бы ученые-физики пользовались таким же наивным методом, иронизировал К. Маркс, то «даже появление кометы каждый раз заставляло бы мир врасплох»¹.

Главный теоретический постулат буржуазной экономической теории и поныне заключается в том, что каждый очередной экономический кризис должен рассматриваться лишь как следствие текущих, конъюнктурных, может быть, порой и крайне тяжелых, но в конечном счете исправимых нарушений функционирования капиталистической экономики в сфере ее рыночных отношений. Так, Дж. К. Гэлбрейт, характеризуя причины экономического кризиса 1974—1975 гг., писал: «Спад был делом политики. Я склонен объяснять его в основном политикой дорогого кредита — становления высоких процентных ставок, чтобы ограничить банковский кредит и тем самым уменьшить инфляцию. Кроме того, наблюдались определенные последствия высоких цен на нефть»². Подобного же типа оценки, игнорирующие неразрывную связь между последними и всеми другими послевоенными экономическими кризисами, были характерны для большинства западных экономистов во время очередного циклического потрясения капиталистического хозяйства начала 80-х годов.

Буржуазная политекономия многократно провозглашала наступление эры бескризисного развития капиталистической экономики. Широкая пропагандистская кампания вокруг теорий, «обосновывающих» возможность бескризисного развития капитализма, обычно развертывалась в периоды циклических подъемов. Во время очередного кризиса буржуазные идеологи вновь возвращались к тезису, что текущий спад следует объяснять лишь случайными, органически не связанными между собой конъюнктурными «неполадками», главным образом непредвиденными рыночными факторами.

Рассматривая особенности некоторых послевоенных циклов, можно сравнить их с циклом, открытым «великой депрессией»

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 586.

² U. S. News and World Report, 1975, November 3, p. 41.

1929—1933 гг. Небывалая продолжительность последней подчеркнула парадоксальную на первый взгляд сторону проблемы.

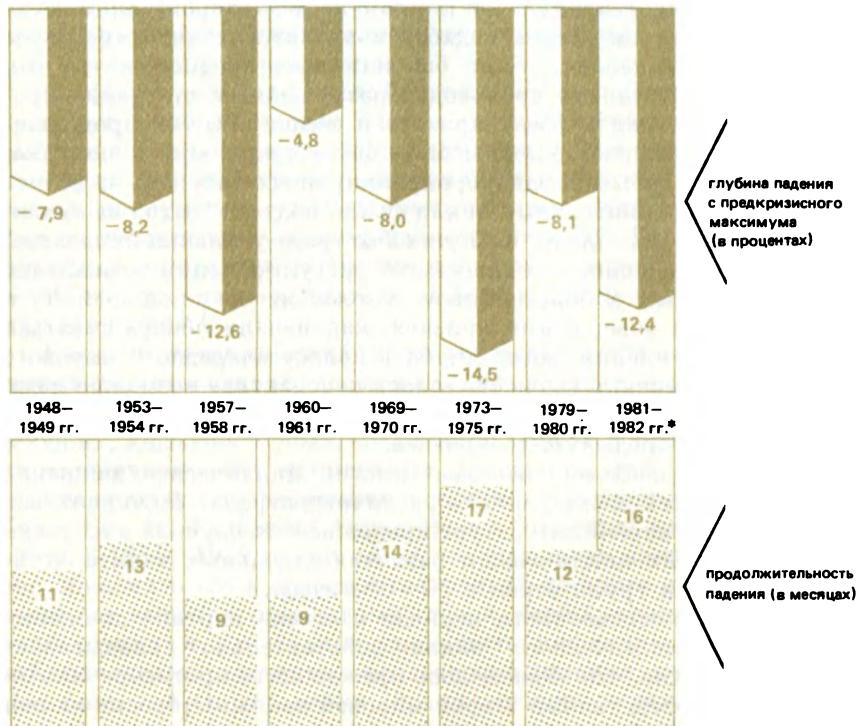
Так, при самом общем подходе к характеристике амплитуды циклических колебаний было бы логичным предположить, что, чем в большей степени происходит разрушение и стагнация производительных сил в фазах кризиса и депрессии, тем продолжительнее и устойчивее должны быть фазы оживления и подъема. Последующие события, однако, опрокинули все надежды на интенсивный и продолжительный циклический подъем. Выход из кризиса 1929—1933 гг. — даже на путях быстрого усиления тенденций государственно-монополистического регулирования — оказался крайне сложным и болезненным. К тому же не прошло и пяти лет с момента завершения кризиса, как начали обнаруживаться признаки вступления капитализма в полосу очередного мирового кризиса. Постепенно вырисовывалась перспектива возможно даже большего потрясения экономических основ мирового капитализма, чем во время предыдущего кризиса.

В первые послевоенные десятилетия циклическое движение капиталистической экономики в различных странах было довольно «пестрым». В нашей литературе продолжается научная дискуссия об особенностях циклического развития отдельных капиталистических стран и групп стран в 50—60-е годы.

В начале послевоенного периода итоговая картина движения мирового экономического цикла действительно складывалась довольно сложно, что объяснялось прежде всего противоречивыми итогами и последствиями второй мировой войны. Отбросив на ряд лет экономику большинства стран, она привела к нарушению «естественного» хода цикла. И все же единый мировой цикл не оказался ни «разорванным», ни полностью устраненным. В центре дальнейшего циклического развития капиталистической экономики по логике событий, естественно, находились Соединенные Штаты Америки, на территории которых в то время производилось почти $\frac{3}{5}$ промышленной продукции и свыше половины валового продукта всех капиталистических стран вместе взятых. В 1948—1949 гг. только США испытывали спад производства; в других странах еще не сложились условия для кризиса. Наблюдался своеобразный «американоцентризм» в формировании общих и специфических черт процесса становления и циклического развития мировой капиталистической экономики. Ведущая роль США сохранялась еще на протяжении длительного периода. Поэтому понятно и особое внимание к оценке кризисов перепроизводства в США и особенностей их развития.

В 50-е годы мировая капиталистическая экономика вступила на волне подъема. Но противоречия циклического развития продолжали действовать с непреодолимой силой. Вскоре США и вместе

КРИЗИСНОЕ ПАДЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В США

* Кризис 1979–1982 гг. был прерван промежуточным (ложным) оживлением в августе 1980–июле 1981 гг. Поэтому на рисунке показано падение производства до и после оживления.

с ними мировая экономическая система капитализма вновь столкнулись с серьезными кризисными потрясениями. Кризис начала 50-х годов стал неотъемлемой составной частью процесса формирования единого послевоенного цикла¹.

Циклический подъем середины 50-х годов был непродолжительным, но сравнительно интенсивным, что неизбежно подготовило предпосылки очередного кризиса. Первые признаки цикли-

¹ Он сопровождался одновременно падением объема производства промышленной продукции на годовом уровне в Канаде (в 1954 г. — на 2%), в Англии (в 1952 г. — на 3,5%), во Франции (в 1952 г. — на 7,5%), в Бельгии (в 1952 и 1953 гг. — соответственно на 4,5 и 1,5%) и т. д. В экономике большинства других индустриально развитых, а также развивающихся стран в то время наблюдалось лишь относительное сокращение совокупных показателей экономического роста.

ческого кризиса начали появляться в экономике североамериканского региона уже во второй половине 1957 г. Наибольшей глубины он достиг в 1958 г., когда объем промышленного производства неосоциалистического мира впервые за послевоенный период сократился в годовом выражении почти на 3%, а объем международной торговли — примерно на 2%. Кризис 1957—1958 гг. более или менее одновременно, хотя и с различной силой, охватил развитые капиталистические страны. Эпицентром по-прежнему оставались Соединенные Штаты. В сферу кризисного спада были втянуты почти все страны Западной Европы, Канада, Австралия, Новая Зеландия, ЮАР, а также сравнительно динамично развивавшаяся Япония. Характерной чертой этого кризиса стало также то, что страны сырьевой периферии капиталистического мирового хозяйства начали испытывать серьезные трудности еще в конце предшествующей фазы подъема, когда многие ведущие отрасли их экономики, особенно сырьевые, ориентированные в основном на вывоз продукции в индустриальные страны капитализма, попали в тяжелое положение.

В 60-е годы во многих промышленно развитых капиталистических государствах и в большинстве развивающихся стран более четко проявилось действие наметившейся ранее тенденции к ускорению экономического роста, что способствовало усилению неравномерности развития отдельных стран и регионов мировой капиталистической системы.

Бросавшаяся в глаза «рассогласованность» циклических явлений в различных капиталистических странах не могла не вызвать разноречивых оценок. В некоторых работах первых послевоенных десятилетий кризисы в различных странах и регионах капиталистического хозяйства рассматривались как разрозненные события локального порядка. Разноречивость оценок в нашей литературе до известной степени сохраняется и поныне.

Однако мировой капиталистический цикл никогда не представлял собой некой механической совокупности национальных циклов. Лишены оснований и суждения, согласно которым циклическое развитие в рамках национально обособленных хозяйств происходит лишь на основе внутренних факторов развития, вне их неразрывной связи с соответствующей системой международного разделения труда и мировым рынком. Мировое хозяйство по самой своей сути — явление качественно более сложного, более высокого порядка, чем национальные хозяйства. Поэтому непременным признаком наступления кризисной фазы для всей мировой капиталистической системы должно считаться существенное снижение по сравнению с фазой циклического подъема основных годовых показателей движения совокупного производства и международного товарооборота большинства капиталистических стран.

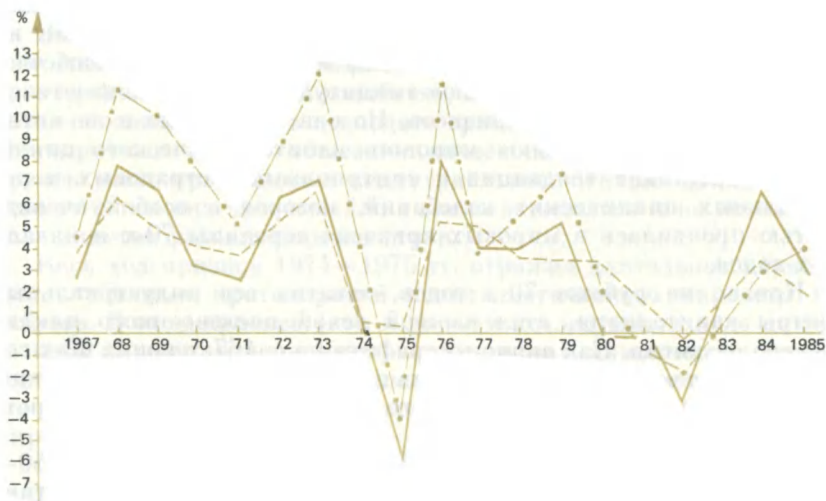
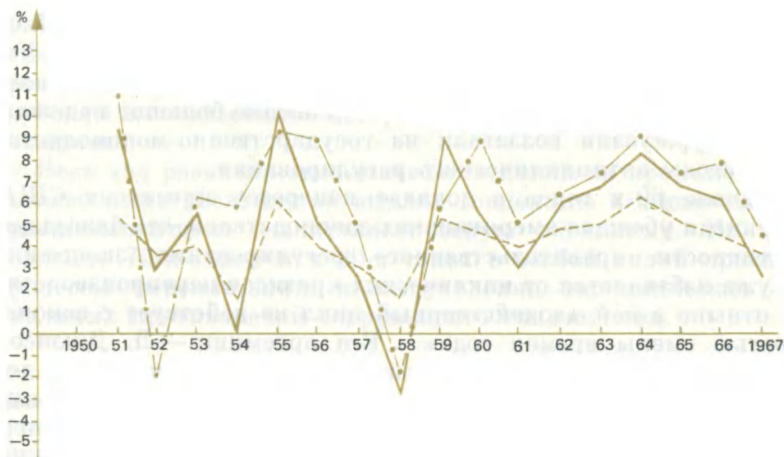
В сложном движении и переплетении производства в рамках национального и всего капиталистического мирового хозяйства выражаются взаимосвязи между национальными и мировыми циклами, их единство. В условиях обостряющейся неравномерности развития мировые экономические кризисы могут обнаруживаться одновременно (в различные месяцы, кварталы, а иногда даже и смежные годы). Это же относится и к фазе промышленного подъема. Ведь в столь широком и многогранном процессе непременно сохраняется существенная вероятность несовпадения циклического движения производства в отдельных секторах мирового капиталистического хозяйства.

Так, кризисные явления 60-х годов в масштабах всего капиталистического хозяйства из-за неравномерности их развития и переплетения общеэкономических кризисов перепроизводства в одних странах и промежуточных, частичных кризисов в других не всегда отчетливо различимы. Годовые итоги (в отличие от квартальных) в то время не показывали абсолютного снижения производства.

Очередной циклический подъем носил довольно интенсивный характер. Выделим «центральную часть» подъема — 1962—1966 гг. За этот период физический объем совокупной промышленной продукции индустриальных центров капитализма увеличился примерно на $\frac{2}{5}$, а валового внутреннего продукта — почти на $\frac{1}{3}$. Широкому внедрению достижений современной научно-технической революции в то время (в отличие от 70—80-х годов) в сравнительно меньшей степени препятствовали структурные противоречия. Существенное воздействие на формы циклического развития оказало и интенсивное расширение сферы услуг, которая играет особенно большую роль в экономике промышленно развитых капиталистических стран. Предприятия этой сферы предъявляли быстро возрастающий спрос на продукцию материального производства (так, по межотраслевым балансам, к началу 70-х годов американские фирмы, специализировавшиеся на оказании услуг, закупали продукцию материального производства на сумму примерно в 100 млрд. дол.). Обладая более низким органическим составом капитала, производство неведущих благ предъявляло сравнительно больший спрос на рабочую силу; вместе с тем меньшая доля вложений в оборудование в известной степени ограничивала масштабы кризисного перенакопления основного капитала в этой быстро расширявшейся сфере производства совокупного общественного продукта.

Стимулирующее влияние оказывал и ускорившийся процесс интернационализации производства. На протяжении первой половины 60-х годов реальный объем товарооборота на мировом рынке увеличился примерно в полтора раза. Значительно увеличился объем производства и во многих развивающихся странах: лишь

**ДИНАМИКА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА, МЕЖДУНАРОДНОГО
ТОВАРОБОРОТА И ВАЛОВОГО ВНУТРЕННЕГО ПРОДУКТА
ПОСЛЕВОЕННОГО КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА
(в процентах к предыдущему году)**

— промышленное производство
 - - - международный товарооборот (индекс физического объема экспорта)
 - - - валовой внутренний продукт

за первую половину десятилетия совокупный объем их промышленного производства возрос почти наполовину, а ВВП — почти на $\frac{1}{3}$. Все эти факторы не могли не оказать серьезного воздействия на движение мирового капиталистического цикла.

В этот период в странах Запада получили особенно широкое распространение концепции «бескризисного капитализма». Утверждалось, что действовавшие ранее предпосылки циклического движения уходят в прошлое. При этом особенно большие надежды идеологи буржуазии возлагали на государственно-монополистические методы антициклического регулирования.

В начале 60-х годов в докладе конгрессу президент США Дж. Кеннеди убеждал американских законодателей, что благодаря эффективности правительственного регулирования экономика США уже избавляется от циклических кризисов перепроизводства и что отныне в ней «хозяйственный цикл не действует с закономерностью смены времен года»¹. Его преемник — Л. Джонсон как раз перед началом нового кризиса писал в экономическом докладе конгрессу: «В 60-е годы мы приняли новую стратегию, направленную на предотвращение циклических пожаров, на поддержание процветания и пресечение спадов и серьезной инфляции еще до того, как они могли разразиться»². Обнаружившиеся вскоре новые кризисные потрясения внесли серьезные коррективы в подобные представления.

Подводя итоги сказанному, отметим, что одновременность циклических колебаний экономики капиталистических стран на протяжении первых послевоенных десятилетий немало способствовала некоторому «сглаживанию» амплитуды итоговых показателей мировых экономических кризисов. Но она не привела и не могла привести к «размыванию» мирового капиталистического цикла. Ей противостояла тенденция к синхронизации страновых и региональных циклических колебаний, которая с особой очевидностью проявилась в мировых кризисах середины 70-х и начала 80-х годов.

Кризис на рубеже 70-х годов, охватив все индустриальные центры капитализма, стал важной вехой послевоенного циклического развития. Как видно из графика на с. 167, с конца 60-х годов особенно четко вырисовывались циклические черты в движении валового продукта, промышленного производства и товарооборота капиталистического мира.

Кризисная фаза формировалась более синхронно, чем в 50—60-х годах. Первоначально кризис приобрел наиболее четкие очертания в США. Сокращение физического объема промышлен-

¹ Economic Report of the President. Transmitted to the Congress, January 1962. Wash., 1962, p. 17.

² Economic Report of the President... February 1969, p. 4.

ного производства (по месячным данным) достигло 8%. В 1970 г. ВВП страны в расчете на душу населения сократился по сравнению с 1969 г. на 1,4%. Затем кризис быстро распространился и на большинство других развитых капиталистических стран¹.

Кризис 1969—1970 гг. открыл новый цикл. Очередной циклический подъем оказался довольно интенсивным, но весьма кратковременным. В середине десятилетия он был прерван наиболее глубоким в послевоенной истории капитализма кризисом перепроизводства.

Весь ход развития экономического цикла на протяжении трех послевоенных десятилетий выявил тенденцию к нарастанию сил, «расшатывающих» капиталистическую экономику. Во второй половине 70-х годов и в 80-х годах с особой силой проявились процессы переплетения, взаимоусиления экономических и социальных противоречий современного капитализма.

**Новые черты
циклического развития:
70—80-е годы**

К нарастающим разрушительным явлениям современного этапа общего кризиса капитализма следует отнести учащение циклических кризисов и усиление их негативных последствий. Мировые кризисы 1974—1975 гг. и 1980—1982 гг. относятся к числу наиболее тяжелых и продолжительных кризисов перепроизводства за весь послевоенный период.

Эти кризисы в значительной мере способствовали формированию многих типичных черт современного этапа развития мирового капиталистического хозяйства, в том числе появлению весьма четко обозначившейся в последнее время тенденции к замедлению долгосрочных темпов общеэкономического роста. Тенденция эта прежде всего проявилась в индустриальных центрах капитализма. Вместе с тем она чрезвычайно тяжело отразилась и на экономике большинства развивающихся стран.

Весь ход кризиса 1974—1975 гг. отражал длительное нарастание глубинных противоречий капиталистического мирового хозяйства. В этом кризисе (как и во всем последующем ходе циклического движения экономики капитализма) циклические противоречия переплелись с острыми структурными противоречиями в энергетической и аграрно-сырьевой сферах капиталистического мирового хозяйства.

О масштабах и долгосрочных последствиях тенденции к замедлению темпов хозяйственного роста убедительно свидетельствуют следующие ориентировочные расчеты, основанные на междуна-

¹ В Японии кризисные явления охватили смежные кварталы двух различных календарных лет, и среднегодовые показатели японской экономики оставались в 1970 и 1971 гг. несколько выше уровня предшествующих лет.

родной статистике ООН (см. табл.). Совокупные темпы роста промышленности в 1974—1985 гг. в среднем оказались в три с лишним раза ниже, чем в 1961—1973 гг. Более чем вдвое снизились общие показатели темпов роста производства валовой продукции. Фактически не было ни одного капиталистического государства, на которое бы не распространилось в той или иной мере действие отмеченной тенденции. Особенно заметное падение темпов наблюдалось в большинстве стран Западной Европы.

Вместе с тем чрезвычайно неблагоприятной в последнее время стала внешнеэкономическая ситуация для основной массы развивающихся стран, на которые транснациональные монополии империалистических государств всеми возможными способами перекладывали бремя усиливающихся кризисных процессов. Темпы расширения промышленного производства в развивающихся государствах за те же годы снизились примерно в 4,5 раза. Непомерно возросла неокOLONиалистская дань, выплачиваемая ими иностранному монополистическому капиталу.

Нельзя, разумеется, полагать, что возникающая в последней четверти нынешнего столетия тенденция к замедлению темпов хозяйственного развития действует (или будет действовать) непрерывно и однолинейно, приведя в конечном счете к некоей «закупорке» производительных сил капиталистического общества. Современная научно-техническая революция вызвала к жизни ряд новых динамичных отраслей.

На движение капиталистического производства сильное воздействие оказали развязанная агрессивными кругами империализма гонка вооружений и милитаризация экономики ведущих капиталистических государств, последствия усиливающейся конкуренции транснациональных корпораций на мировом капиталистическом рынке.

Среднегодовые темпы роста промышленного производства и ВВП в мировом капиталистическом хозяйстве (%)

Регионы и страны	Промышленное производство		ВВП	
	1961— 1973 гг.	1974— 1985 гг.*	1961— 1973 гг.	1974— 1985 гг.*
Все капиталистические страны	6,0	1,8	4,9	2,4
США	5,0	2,0	3,8	2,2
Западная Европа	5,3	1,4	4,8	1,8
Япония	12,2	3,1	9,4	4,1
Развивающиеся страны	8,5	1,8	6,0	3,3

* Оценка.

Источники: U. N. Economic Survey, Statistical Yearbook, Monthly Bulletin of Statistics; OECD. Main Economic Indicators; UNCTAD. Trade and Development Report (за соответствующие годы).

Все эти (и многие иные) процессы, тесно взаимодействуя между собой, сыграли существенную роль в формировании конкретных особенностей нынешнего циклического движения капиталистической экономики. Кризис 1974—1975 гг. почти одновременно распространился на большинство стран несоциалистического мира и заметно отбросил назад их экономику. Послевоенная экономическая система капитализма не знала еще столь глубокого кризиса промышленного перепроизводства. Объем продукции промышленности в индустриальных центрах сократился в 1975 г. по сравнению с предкризисным 1973 г. более чем на 7%. Впервые за послевоенный период произошло падение физического объема совокупного промышленного производства развивающихся стран. Он соответственно снизился почти на 2%, а относительно 1974 г. — примерно на 4,5%. В те же годы впервые наблюдалось абсолютное падение производства валовой продукции на душу населения в масштабах всего капиталистического мирового хозяйства.

Кризис положил начало новым формам развития цикла — циклическое падение производства сопровождалось ускоряющимся ростом дороговизны. Отчетливо выявилась тенденция к росту внутренней неустойчивости капиталистической экономики.

В последовавших за кризисом фазах циклического оживления и подъема обнаружилось дальнейшее развитие ряда «болезненных» симптомов. «Недомогание экономики, — подчеркивал в конце 70-х годов журнал «Форчун», — проявилось в двух исключительно прискорбных симптомах: бешеной инфляции и испытывающей стагнацию производительности»¹. При этом, по мнению журнала, снижение производительности труда представляется еще более тревожным фактом, чем инфляция. Одна из главных причин этого — замедление инвестиционного процесса, прежде всего вложений в технически новые крупномасштабные проекты, — обусловлена общим ухудшением условий капиталистического воспроизводства. С тем же связана и переориентация в последние годы промышленных исследовательских расходов на краткосрочные цели, преимущественно на улучшение существующих продуктов и технологий².

Возросшая неустойчивость и вялость капиталистического накопления наиболее отчетливо проявляются в соединении кризисных и застойных явлений в его развитии с инфляцией — феноменом, получившем название «стагфляция». Но, признавая подобную ситуацию в хозяйственной жизни капитализма, буржуазные эксперты, по сути дела, отрицают, что стагфляция порождена

¹ Fortune, 1979, October 9, p. 84.

² В США, например, в фазе циклического подъема конца 70-х годов на эти цели шло почти $\frac{3}{5}$ всех расходов на промышленные научные исследования и опытно-конструкторские работы.

глубокими конфликтами и диспропорциями мирового капиталистического хозяйства.

Размах стагфляции обусловлен прежде всего огромными масштабами перенакопления основного капитала относительно достигнутого уровня потребления широких трудящихся масс. Это сказывается на условиях производства и реализации прибавочной стоимости, всех ее превращенных форм, в особенности прибыли¹. Перенакопление основного капитала и его обесценение, обнаруживающиеся в снижении нормы прибыли, оказывали депрессивное воздействие на экономику и ускоряли инфляцию.

Уже в ходе и в результате интенсивного накопления капитала во второй половине 60-х годов — при сохранении относительно высоких темпов повышения производительности труда — в ряде стран (США, Франция, Италия, Канада, Англия) с особой силой обнаружилось действие тенденции к росту капиталоемкости и издержек производства и соответствующему снижению нормы прибыли. Отчетливую картину динамики нормы прибыли дают расчеты, сделанные на базе официальной статистики США. В секторе нефинансовых корпораций среднегодовая норма прибыли до вычета налогов составляла в 1961—1970 гг. 9,1%, в 1970—1974 гг. — 7,6, а в 1974—1982 гг. — лишь 7,3%. Заметим особо, что понижение нормы прибыли началось задолго до того, как во всю силу развернулись энергетический и сырьевой кризисы.

Как показал К. Маркс, одним из пределов капиталистического способа производства является порождаемое развитием производительной силы труда понижение нормы прибыли, которое в известный момент самым резким образом приходит в столкновение с развитием производительных сил труда и потому постоянно преодолеваться посредством кризисов².

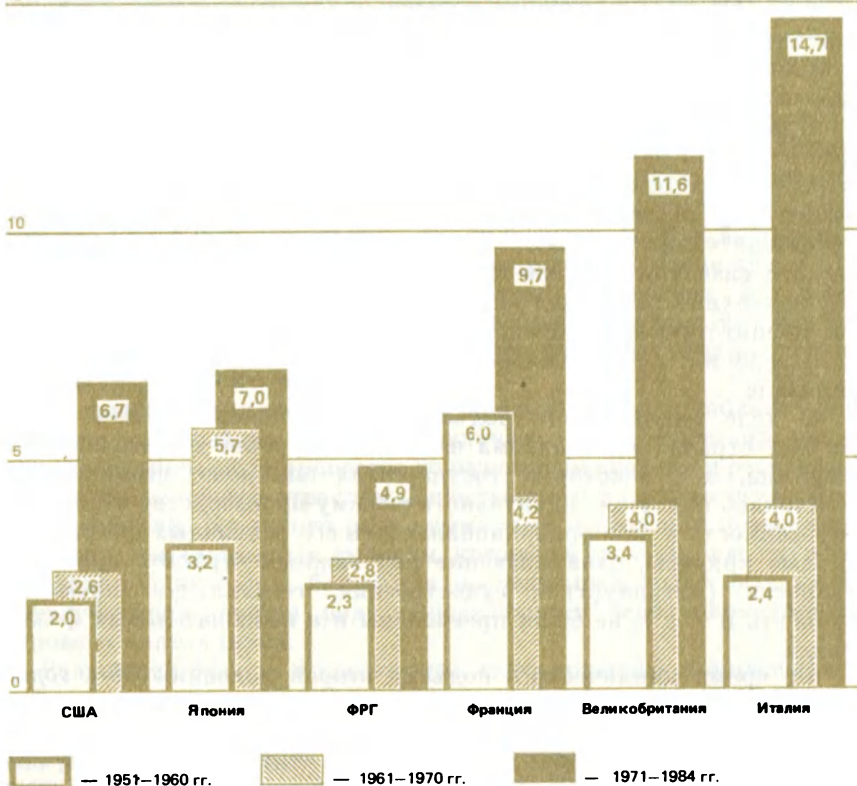
Понижительную тенденцию в движении нормы прибыли буржуазное государство на первых порах пыталось в какой-то степени смягчить введением всякого рода налоговых льгот и норм ускоренной амортизации. Однако подобная политика не может приостановить снижения капиталистической рентабельности, вызываемого глубинными изменениями в процессе воспроизводства капитала. Что касается монополий, то они стремились преодолеть такую тенденцию на путях повышения цен. Именно практика монопо-

¹ После выхода в свет III тома «Капитала» буржуазные экономисты упорно замалчивали учение К. Маркса о перенакоплении капитала, поскольку оно обнажает глубинные антагонизмы, внутренние присущие капиталистическим производственным отношениям. Тем знаменательнее вывод профессора Массачусетского технологического института, автора динамической модели американской экономики Дж. Форрестера, что в основе начавшегося длительного ухудшения экономического положения США лежит «избыток мощностей в секторе капитала» (The Futurist, 1979, October, p. 367).

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 283.

РОСТ СТОИМОСТИ ЖИЗНИ (среднегодовые темпы прироста цен на потребительские товары и услуги, в процентах)

15

листического ценообразования, ориентирующаяся на установление «желаемого» уровня прибыли, стала одним из главных факторов усиления инфляции в 70 — начале 80-х годов (см. диаграмму). Это вело, в свою очередь, к дальнейшему обострению противоречий капиталистического воспроизводства.

Под влиянием инфляции серьезные изменения претерпел механизм воспроизводства: повышение цен на элементы основного капитала замедлило процесс морального износа, который выступает во время кризиса как главное средство «принудительного» воздействия на ход обновления капитала. Это вызвало обесценение амортизационного фонда и тем самым привело к сокращению внутренних источников финансирования. Рост издержек производства, как следствие вздорожания сырья и особенно энергоносителей, обусловил повышение требований к прибыльности новых

капиталовложений, поскольку прежняя рентабельность вложений в технику и технологию оказалась недостаточной. Инфляция чрезвычайно усилила риск инвестиций. К этому нужно добавить, что природоохранные меры увеличивают капиталоемкость продукции, что влечет за собой (разумеется, при прочих равных условиях) снижение нормы прибыли.

Присущая капитализму скованность научно-технического прогресса узкими рамками прибыльности в конечном счете предопределила резкое ослабление инвестиционного процесса, а последнее в свою очередь стало важнейшим фактором снижения темпов роста производительности труда. Иначе говоря, замедление экономического развития вызвано не происходящим якобы торможением научно-технического прогресса, а капиталистическими отношениями, препятствующими внедрению крупномасштабных технических нововведений, нерентабельных или малорентабельных с позиций капитала ¹.

В ходе циклического подъема второй половины 70-х годов во всех странах капитализма на высоком уровне оставалась безработица, а в некоторых государствах она даже увеличилась. Усилились присущие капиталистическому производству несбалансированность и диспропорциональность его различных сфер. Частичные кризисы, охватывающие ряд важных отраслей промышленности (металлургию, судостроение, текстильную промышленность и т. д.), не были преодолены и в повышательных фазах цикла.

Во время циклического подъема второй половины 70-х годов в недрах капиталистической экономики неумолимо вызревали необходимые предпосылки наступления нового циклического потрясения. Уже в 1979 г. в экономике США стали обнаруживаться признаки очередного экономического кризиса. Вскоре кризис распространился на другие страны и регионы капиталистического мирового хозяйства, значительно усилив наметившуюся еще в начале 70-х годов тенденцию к нарастанию структурных диспропорций (в первую очередь между его индустриальной и аграрно-сырьевой сферами, между добывающими и обрабатывающими отраслями, между ведущими, традиционными и новыми,

¹ Анализируя нынешнюю ситуацию и подчеркивая, что «наука и техника обладают огромными потенциями для облегчения условий человеческого обитания и улучшения качества жизни большинства жителей планеты», эксперты Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по проблемам технического прогресса и экономической политики пришли к следующему заключению: «Если и существуют известные оправдания для ограничения развития науки и техники, то только такие, которые накладываются политическими, экономическими, социальными и моральными факторами, способными тормозить, препятствовать или парализовать как научные открытия, так и технические новшества» (Technical Change and Economic Policy. OECD, Paris, 1980, p. 93).

скачкообразно растущими наукоёмкими отраслями обрабатывающей промышленности, между материальным производством и сферой услуг, между экономикой центров империалистического соперничества и экономикой молодых национальных государств). Все это усилило мощь последовавшего кризисного взрыва противоречий в рамках всей мировой капиталистической системы.

Экономический кризис 1980—1982 гг. оказался самым продолжительным за последние полстолетия. Он знаменовал дальнейшее ухудшение условий расширенного воспроизводства не только в центрах капиталистического мирового хозяйства, но и в его бывшей колониальной периферии. Это подтверждается, в частности, статистическими показателями, приведенными в таблице на с. 176. Они позволяют охарактеризовать влияние последних мировых циклических кризисов, и в особенности кризиса начала 80-х годов, на ход экономического развития двух основных групп стран несоциалистического мира.

За совокупными показателями, приведенными в таблице, безусловно, скрываются большие различия в конкретном проявлении рассматриваемых процессов по различным странам и регионам, а также по основным отраслям общественного производства и сферы обращения. Но такого рода суммарные показатели позволяют подойти к немаловажным выводам, которые в свою очередь служат необходимой исходной базой для последующей более детальной и углубленной оценки ряда определяющих черт современного мирового капитализма.

Решающей сферой производства, генерирующей и определяющей основные направления движения нового цикла, неизменно остается промышленность развитых капиталистических государств. Именно ведущие ее отрасли (автомобильная промышленность, черная металлургия и др.) в начале 80-х годов вновь первыми вошли в орбиту кризисных потрясений.

Среднегодовые темпы промышленного роста капитализма в первые шесть лет нынешнего десятилетия оказались примерно в два раза ниже, чем в 1973—1979 гг., и были значительно ниже в сравнении с любым из предшествующих послевоенных периодов. Наивысший предкризисный уровень промышленного производства капиталистических стран, вместе взятых, достигнутый в 1979 г., был превзойден лишь в 1984 г., тогда как в предыдущем цикле подобный уровень был заметно превышен уже к 1976 г.

В условиях современной НТР быстро нарастает органически присущее капитализму отставание личного потребления от роста производства. Весьма примечательно, что к середине 80-х годов даже развитие новейших отраслей стало наталкиваться на узость платежеспособного спроса (сошлемся, например, на отчетливые признаки перепроизводства компьютеров, интегральных схем в США).

**Развитые капиталистические и развивающиеся страны:
некоторые экономические показатели
1974—1985 гг.***

Группы стран	Среднегодовые темпы (%)		Индексы (1979 г. = 100)						
	1974—1979 гг.	1980—1985 гг.	1980 г.	1981 г.	1982 г.	1983 г.	1984 г.	1985 г.	
Промышленное производство									
Развитые капиталистические	2,3	1,3	99	99,5	95,5	98,5	104,5	108	
Развивающиеся	4,4	—0,1	96,5	90,5	87,5	88,5	94	99	
Сельскохозяйственное производство									
Развитые капиталистические	2,3	1,2	99	103	104,5	106,6	106	107	
Развивающиеся	3,1	2,6	102	107	109	111,5	114	117,5	
Валовой внутренний продукт									
Развитые капиталистические	2,7	2,1	101	103,5	102,5	105	110	113	
Развивающиеся	5,2	1,5	103	104,5	104	104	107	110	
Экспорт									
Развитые капиталистические	4,9	3,6	104	106	105	107	117,5	124	
Развивающиеся	1,5	—1,9	91,5	86	80,5	83,5	90	89	
Импорт									
Развитые капиталистические	3,6	2,5	100	97	97	99	111	116	
Развивающиеся	7,9	1,3	103	108	109	107	107	108	

* Округленные оценки.

Рассчитано по: U. N. The Economic Survey, Statistical Yearbook, Monthly Bulletin of Statistics; OECD. Main Economic Indicators (за соответствующие годы).

В ходе цикла выявилась тесная связь между последствиями промышленного кризиса 1980—1982 гг. и чрезвычайно замедленной динамикой роста валового продукта, в частности, сельскохозяйственного производства и внешней торговли, особенно бывших колониальных регионов капиталистического хозяйства. Темпы роста их ВВП, сельскохозяйственного производства и международного товарооборота в первой половине 80-х годов были ниже, чем даже в крайне неблагоприятных для них условиях предыдущего мирового экономического цикла. Обращает на себя внимание также заметное усиление роли развивающихся стран в процессе переплетения циклических и структурных кризисов всей хозяйствен-

ной системы современного капитализма. К настоящему времени в этих странах производится около $\frac{1}{5}$ валовой продукции, в том числе преобладающая масса аграрно-сырьевых товаров, и свыше $\frac{1}{6}$ совокупной промышленной продукции несоциалистического мира.

Противоречия капиталистического воспроизводства в 70-е и 80-е годы проявляются прежде всего в образовании *длительного относительного перенакопления основного капитала*, что и вызывает его обесценение. Монополистический капитал столкнулся в результате этого со значительно сузившимися возможностями дальнейшего роста.

Относительное перенакопление капитала, как известно, всегда проявлялось прежде всего в ходе циклических кризисов и временно преодолевалось самим кризисным механизмом. Однако относительное перенакопление капитала 70-х и 80-х годов имеет более сложный и потому более длительный характер. Здесь к факторам циклического перенакопления капитала прибавились новые, связанные в конечном счете с интенсивной технической и структурной перестройкой всего производственного процесса.

Кризисные потрясения 70 — начала 80-х годов как бы подытожили развитие государственно-монополистического капитализма за предшествующую четверть века. Они со всей очевидностью обнаружили, что экономическое развитие, основанное на экстенсивном вовлечении в переработку все большей массы природных ресурсов, заходит в тупик. Вызвали столь острую тревогу западной общественности доклады Римского клуба начала 70-х годов, основанные на довольно примитивной экстраполяции тенденций промышленного развития 60-х годов, предсказывали неизбежность физического истощения природных ресурсов в ближайшем будущем. Хотя, как показывает прошедшее десятилетие, дело до этого вряд ли дойдет в обозримой перспективе, ресурсоемкий путь развития производства стал одной из основных причин обострения глобальных энергетической и сырьевой проблем. Подобные диспропорции по существу своему коренятся в природе капитализма и проявляются в кризисе всей системы международного разделения труда и ее обочочки — неравноправных экономических международных отношениях, навязанных империализмом развивающимся странам. Сложный комплекс этих противоречий нашел выражение в структурных кризисах недопроизводства — энергетическом, сырьевом, продовольственном. Эти кризисы буквально взорвали стоимостные пропорции воспроизводства капитала и стали решающим фактором резкого углубления мировых циклических кризисов 1974—1975 и 1980—1982 гг.

Стагфляционная форма циклических кризисов предопределила длительный подрыв личного потребления, главного компонента

рыночного спроса. Свертывание производства выбросило за ворота предприятий миллионы людей. Инфляционный рост цен на потребительские товары обесценивал номинальные доходы трудящихся. Так, в США у большинства рабочих в ходе кризисов значительно снизилась реальная заработная плата. Впервые за весь послевоенный период наряду с резким сокращением реального спроса на товары длительного пользования население капиталистических стран в условиях экономического спада стало урезать свои расходы на самые насущные нужды.

Используя безработицу и инфляцию, капиталу удалось увеличить степень эксплуатации рабочей силы и тем самым создать определенные условия для повышения нормы прибыли в последующих фазах цикла, когда уменьшилась недогрузка производственных мощностей. В большинстве развитых капиталистических государств возросла интенсивность труда, были урезаны социальные выплаты, снижены требования к правилам безопасности и т. д. Широкое распространение получили те формы эксплуатации рабочих, которые связаны с так называемыми нелегальными мастерскими, с неоформленным в трудовых договорах наймом рабочей силы и т. д. Однако эти же явления создают условия для усиления экономической и политической борьбы рабочего класса.

Новые формы циклического развития в немалой степени связаны с обострением противоречий капиталистического мирового хозяйства (более подробно эти вопросы рассматриваются в главах VII и VIII). Нарастание противоречий капиталистического мирового хозяйства с особой рельефностью выявилось в ходе циклического кризиса 1980—1982 гг. Темпы роста физического объема товарооборота на мировом рынке в 1979—1985 гг. снизились по сравнению с 1973—1979 гг. более чем в 2,5 раза (прежде всего за счет абсолютного сокращения экспорта аграрно-сырьевой продукции из развивающихся стран). Никогда прежде за послевоенный период совокупная динамика внешней торговли, а также и всех других основных сфер международных экономических отношений индустриальных центров капитализма и их аграрно-сырьевой периферии не была столь слабой, как в первой половине 80-х годов.

Сильнейшая зависимость национальных экономик от внешнего рынка — прямое следствие ускорившейся в 50—60-е годы интернационализации капиталистического хозяйства — стала в новых условиях последнего десятилетия важным самостоятельным источником их нестабильности. Дело в том, что внешнеэкономические связи играют ныне все более важную, а порой даже первостепенную роль в процессе расширенного воспроизводства. Однако, когда на передний план все сильнее выдвигаются интересы получения

транснациональными корпорациями максимальной прибыли, развитие этих связей исключает саму возможность гармоничного сочетания национальных и международных аспектов в развитии мирового капиталистического хозяйства.

Обострение глобальных проблем структурного порядка — энергетической, сырьевой, продовольственной и экологической — вызвало серьезное нарушение стоимостных пропорций международного обмена, углубило кризис всей системы международного капиталистического разделения труда. В ходе мирового кризиса 1980—1982 гг. резко обострились противоречия между империалистическими государствами и развивающимися странами, ведущими борьбу за экономическую независимость. Все это свидетельствует о том, что международные экономические отношения в 1980—1982 гг. испытали самое серьезное кризисное потрясение за весь послевоенный период.

Буржуазные экономисты нередко утверждают, что марксистский анализ циклов и кризисов «устарел»: современный капитализм якобы настолько трансформировался, что регулярное возникновение циклических кризисов представляется теперь маловероятным¹.

Между тем на протяжении последних десятилетий можно было наблюдать не только регулярное повторение циклических кризисов, но и отчетливую тенденцию к нарастанию их продолжительности и разрушительной силы. Вместе с тем в 70—80-х годах наглядно выявились признаки глубокого кризиса государственно-монополистического регулирования. Сегодня многим западным экономистам приходится признать, что кейнсианская политика «регулирования» конъюнктуры, получившая столь широкое распространение в капиталистических странах в послевоенные годы, способствовала возникновению дополнительных диспропорций в капиталистическом хозяйстве и нарастанию инфляционных процессов. Факты, характеризующие развитие современной капиталистической экономики, со всей убедительностью свидетельствуют о полной несостоятельности упований «критиков Маркса» на перевод современной капиталистической экономики на рельсы бескризисного развития.

¹ «Маркс предвидел, что капиталистическая экономика подвержена циклическим колебаниям, и предсказывал, что периодические кризисы будут становиться все более тяжелыми с течением времени... но капитализм трансформировался после «нового курса» и массированного... государственного вмешательства в экономику после второй мировой войны» (*Lazonick W. K. Marx and Modern Economics. Harvard Inst. of Ec. Res., Cambridge (Mass.), Discussion Paper No. 826, 1980, May, p. 3—4.*

Обратимся к вопросу о влиянии мировых экономических кризисов на темпы экономического роста трех центров империалистического соперничества (см. табл.).

Нетрудно видеть, что в Западной Европе эти темпы оказались значительно ниже, чем в США, а тем более в Японии, хотя и там они резко снизились. Особенно тяжело на западноевропейском центре отразились кризисные процессы начала текущего десятилетия, под воздействием которых среднегодовые показатели роста промышленного производства сократились до 0,6% в 1980—1985 гг. против 1,7% в 1974—1979 гг. и 5,9% в 1967—1973 гг. Падение было примерно вдвое более глубоким, чем в США, и втрое большим, чем в Японии. Со сдвигами подобного масштаба экономика капитализма уже давно не сталкивалась.

Вместе с тем в ходе циклического кризиса 1980—1982 гг. сложились условия, которые позволили развитым капиталистическим странам (особенно США, отчасти Японии и в меньшей

**Темпы роста промышленного производства и ВВП
трех центров современного капитализма**

Страны и группы стран	Среднегодовые темпы прироста (%)			Темпы роста (%)					
	1967— 1973 гг.	1974— 1979 гг.	1980— 1985 гг.	1980 г.	1981 г.	1982 г.	1983 г.	1984 г.	1985 г.

Промышленное производство

США	4,5	2,8	2,0	—3,7	2,7	—7,1	6,0	11,4	2,2
Япония	11,5	2,1	4,1	4,6	1,0	0,4	3,6	11,0	4,3
Западная Европа	5,9	1,7	0,7	0,0	—1,5	—1,6	1,0	3,1	3,5
ЕЭС	5,6	1,7	0,5	—0,8	—1,8	—1,6	0,6	2,7	3,7
ФРГ	6,5	1,3	0,4	0,0	—2,0	—2,1	1,0	3,1	5,0
Франция	6,5	2,0	0,2	0,0	—2,0	—1,0	1,0	2,0	—1,0
Великобритания	3,2	1,2	0,2	—6,5	—3,5	2,2	3,3	1,3	4,8
Италия	5,0	2,4	0,4	5,1	—2,1	—3,0	—3,2	3,4	2,1

Валовой внутренний продукт

США	3,4	2,6	1,9	—0,2	1,9	—2,5	3,5	6,5	2,2
Япония	9,5	3,6	4,1	4,9	3,9	2,8	3,1	5,8	4,6
Западная Европа	4,9	2,4	1,3	1,5	—0,1	0,6	1,4	2,2	2,4
ЕЭС	4,8	2,4	1,2	1,3	—0,2	0,5	1,2	2,0	2,3
ФРГ	5,0	2,4	1,2	1,8	—0,2	—0,6	1,2	2,3	2,4
Франция	5,6	3,1	1,1	1,1	0,5	1,8	0,7	1,3	1,2
Великобритания	3,4	1,4	1,0	—2,6	—1,4	1,5	3,4	1,8	3,2
Италия	5,0	2,6	1,5	3,9	0,2	—0,5	—0,4	2,6	2,3

Источники: Мировая экономика и международные отношения, 1986, № 3; Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Приложение к журналу «Мировая экономика и международные отношения». Обзор за 1985 г. и начало 1986 г.; U. N. Monthly Bulletin of Statistics; OECD. Main Economic Indicators (за 1986 г.).

степени странам Западной Европы) в существенной мере переложить тяжесть перестройки своих экономик на развивающиеся страны. Цены на сырье (в долларах) упали до самого низкого уровня за последнюю четверть века. Экспортная выручка развивающихся стран упала в ходе мирового кризиса начала 80-х годов в реальном выражении более чем на 20%. Резко возросла внешняя задолженность этих стран (почти на 500 млрд. дол. за 1980—1985 гг.). Долговые платежи составляли около четверти экспортной выручки. Усилился отток чистых прибылей, процентов и дивидендов, получаемых иностранным капиталом, прежде всего ТНК. В результате этого темпы прироста валового продукта развивающихся стран упали до самого низкого уровня за последние 40 лет (в среднем до 1,5% за 1980—1985 гг.). Движение цен топливно-сырьевых товаров стало важным фактором, способствующим снижению темпов инфляции в развитых капиталистических странах.

Кризисы 1974—1975 и 1980—1982 гг. с особой наглядностью выявили новую расстановку сил в империалистическом лагере. Важной чертой текущего развития стало, несомненно, новое усиление политического и экономического гегемонизма американского империализма в международных делах. Этому, кратко говоря, способствовали два обстоятельства.

Во-первых, в обстановке изменения сил на мировой арене в пользу социализма и тенденции к замедлению темпов экономического роста, учащения циклических кризисов реакционные силы империализма взяли опасный курс на конфронтацию с социалистическими странами и прямое наступление на собственный рабочий класс, на его социально-экономические завоевания. В роли ударного отряда этих сил выступил американский империализм, что неизбежно усиливало политический и экономический гегемонизм Вашингтона в капиталистическом мире.

Во-вторых, закономерный процесс снижения доли Соединенных Штатов в мировом капиталистическом производстве и мировой торговле, обнаруживавшийся от цикла к циклу, в 50—70-е годы означал лишь относительное, а не абсолютное ослабление их позиций в несоциалистическом мире. И в цикле 80-х годов США продолжают сохранять научно-техническое, экономическое и военно-политическое превосходство над другими капиталистическими странами.

США обладают по-прежнему самыми мощными позициями во внешнеэкономической сфере несоциалистического мира и значительными возможностями использовать в своих интересах экономические потенциалы других капиталистических стран. К этому следует добавить и то, что экономика США в большей мере, чем хозяйства других капиталистических государств, опирается на собственные природные ресурсы.

Экономические позиции США за рубежом в меньшей степени, чем у стран Западной Европы и Японии, связаны с внешней торговлей, ибо американский внутренний рынок поглощает около $\frac{9}{10}$ производимых в стране товаров и услуг. Особенно очевидно эти преимущества обнаружились в ходе мирового кризиса начала 80-х годов, который затронул США во многих отношениях слабее, чем другие центры империализма.

Сила США за пределами национальных границ обусловлена двумя факторами. Во-первых, огромной мощью американских транснациональных корпораций, в филиалах которых производится продукт, равный по сумме $\frac{1}{2}$ валового национального продукта США. Во-вторых, доллар продолжает оставаться главной валютой капиталистического мира, и это позволяет США воздействовать на международную валютно-финансовую систему в своих интересах.

С приходом республиканской администрации, с ее ставкой на силу не только в политике, но и в экономике США перешли в контрнаступление на позиции Западной Европы. Экономическая экспансия США (а также Японии) была одним из важных факторов, замедлявших преодоление циклического кризиса во многих странах Западной Европы в первой половине 80-х годов.

Это привело, однако, к новым экономическим осложнениям. Во-первых, оказалось, что США вынуждены считаться со своими империалистическими партнерами, что время их безраздельного господства в капиталистическом мире ушло в прошлое. Япония и страны Западной Европы (в первую очередь ФРГ) сегодня обладают сильными конкурентными позициями в ряде отраслей экономики. Производительность труда и качество продукции в этих отраслях нередко оказываются выше, чем в США. Во-вторых, ставка на высокий процент по кредитам (как средство привлечения иностранного капитала), на сверхсильный доллар (как платежное средство, в покупке которого заинтересованы прочие капиталистические страны) в таких условиях не могла обеспечить долгосрочный успех и избавить США от тяжелых последствий очередного спада.

Заметим, что все экономическое развитие в цикле первой половины 80-х годов приобрело в известном смысле парадоксальный характер. Экономический подъем 1983—1986 гг. в США, потянувший за собой в немалой степени экономику Японии, ФРГ и ряда других стран Западной Европы, сам в свою очередь был основан в определенной мере на «займах» со стороны этих стран. Ряд парадоксальных по внешнему проявлению процессов продемонстрировало хозяйственное развитие самих США. Казалось бы, что такие явления, как огромный — и к тому же растущий — торговый дефицит и повышение курса доллара (до 1985 г.), взаимо-

исключают друг друга. Столь же непривычно сочетание увеличивающегося дефицита федерального бюджета США при снижении темпов инфляции. Кажущаяся парадоксальность этих процессов с особой силой выявляет глубоко противоречивый характер расширения производства в экономическом цикле, открытом кризисом 1980—1982 гг. и вместе с тем демонстрирует внутренние ограничения, на которые наталкивается циклический подъем середины 80-х годов, оказавшийся весьма неустойчивым.

Уже в середине текущего десятилетия стала проявляться тенденция к новому падению темпов экономического роста в США, Японии и в ряде других стран капитализма. Это, по всей видимости, может свидетельствовать о том, что очередной циклический подъем начинается «выдыхаться» и капиталистическое мировое хозяйство приближается к новому циклическому кризису. В то же время обнаружили факторы, которые могут продлить и модифицировать ход цикла во второй половине 80-х годов. Это, во-первых, резкое снижение цен на нефть, а также на многие другие виды сырьевой продукции в середине десятилетия, что может существенно отразиться на перспективах накопления капитала в большинстве развитых капиталистических стран. Во-вторых, не исключена вероятность усиления циклического подъема в странах Западной Европы после практически нескольких лет кризиса и зстоя, что может поддержать дальнейшее расширение внешней торговли.

В общем, анализ циклических потрясений современного капитализма, их все более тесное переплетение со структурными кризисами позволяют считать всеохватывающие экономические спады середины 70-х и начала 80-х годов вполне закономерными. В них в той или иной форме отражается процесс углубления основного антагонизма буржуазного общества. Каждый из этих кризисов фактически завершал очередной хозяйственный цикл капитализма и готовил условия для последующего циклического движения экономики.

Разумеется, нельзя с научной достоверностью оценить, как станет протекать этот процесс в дальнейшем в сравнении с предыдущими циклами. Все будет зависеть от сочетания бесчисленного множества самых разнородных факторов, в том числе и от того, одновременно или разрозненно будут входить основные группы стран и отрасли их экономики в орбиту очередных циклических кризисов перепроизводства. Это будет зависеть во многом и от воздействия структурных кризисов и инфляции на динамику развития производства в основных циклообразующих отраслях капиталистического хозяйства. На ход формирования последующих циклов, безусловно, будут оказывать также возрастающее влияние социальные, классовые конфликты в странах капитала

и их бывшей колониальной периферии, тенденции развития в мировой политике конца XX в., сдвиги в соотношении сил между социализмом и капитализмом на международной арене и т. д.

При учете всех этих факторов, однако, несомненным является то, что *новые циклические потрясения капиталистической экономики неизбежны*. Современный капитализм, используя весь арсенал государственно-монополистического регулирования, не в состоянии предотвратить их. Реальная угроза еще более мощных циклических кризисов, чем в середине 70-х и начале 80-х годов, будет сохраняться и впредь. В любом случае быстро нарастающая на нынешнем этапе общего кризиса капитализма нестабильность его экономики все более расширяет объективные предпосылки вероятности подобных потрясений, тяжело отражающихся на жизненном уровне народов и чреватых поэтому серьезными социальными последствиями для капиталистического общественного строя.

Весь опыт экономического развития капитализма последних десятилетий убедительно подтверждает мысль К. Маркса о том, что конечной причиной всех действительных кризисов капитализма является «бедность и ограниченность потребления масс, противодействующая стремлению капиталистического производства развивать производительные силы таким образом, как если бы границей их развития была лишь абсолютная потребительная способность общества»¹. Среди важнейших последствий современных циклических спадов капиталистической экономики по-прежнему остается усиление эксплуатации трудящихся, ведущее в условиях кризисов к относительному, а иногда и абсолютному падению их реальных доходов.

Каждый из циклических кризисов, который капитализму предстоит пережить в конце нынешнего столетия, безусловно, внесет свой «вклад», свои неповторимые черты в дальнейшее углубление противоречий капиталистического мирового хозяйства. Своеобразие каждого из этих кризисов сегодня, разумеется, трудно предвидеть. И все же анализ факторов, вызвавших к жизни те новые черты циклического развития, которые отчетливо обнаружились в 70—80-х годах нашего столетия, свидетельствует о том, что многие из них носят длительный или необратимый характер. Это позволяет предположить, что по своему «циклическому рисунку» и по общим социально-экономическим последствиям кризисы конца столетия будут ближе к рассмотренным взрывам противоречий капиталистического воспроизводства в 70 — начале 80-х годов, чем, скажем, к первым послевоенным спадам.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 26.

**Формирование
трех центров**

Известна ленинская трактовка экономического раздела мира в связи с разделом прибыли между монополиями различных капиталистических стран¹. Прибыль притекает к монополиям из-за границы по различным каналам: от вывоза капитала, участия в международных объединениях, торговли товарами, услугами и лицензиями, от валютных операций и т. п. Закономерно, что все эти формы международных экономических отношений стали для монополий и империалистических держав сферами дележа и переделов.

Важнейшее звено такого раздела — *борьба между монополиями разных стран за контроль над самим процессом непосредственной эксплуатации рабочей силы за рубежом*. Борьба за усиление эксплуатации в международном масштабе, выжимание максимума прибыли из рабочей силы повсеместно — вот основа раздела и переделов сфер влияния и господства.

В условиях высокоразвитого государственно-монополистического капитализма арсенал средств закрепления и переделов сфер влияния существенно обогатился. Одной из форм соединения силы государства с силой монополий стала *межгосударственная интеграция национальных хозяйств*. Кроме того, возникли и получили мощное развитие транснациональные концерны. На первый взгляд эти пути интернационализации капитала развивались обособленно друг от друга, даже противоположно — один «в пик» другому. Но как показало послевоенное развитие, конечное назначение обоих одинаково: создать монополистическую интернациональную форму присвоения достижений научно-технической революции, наладить попирающую государственные границы систему массового производства и присвоения его результатов. Оба пути как бы подытожили весь ход интернационализации капитала на протяжении ряда столетий.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 370.

Как ни велики различия в исторических структурах мирового хозяйственного общения XV—XVIII вв., на протяжении которых основой международного разделения труда было мануфактурное производство, и первой половины XIX столетия, когда система международного разделения труда начала формироваться как адекватная база сбыта для крупной машинной индустрии, — эти этапы объединены в истории как вехи развития всемирного капиталистического рынка. Ибо основной, универсальной связью между всеми национальными хозяйствами оставался обмен товаров (международная торговля).

Исторический перелом наступил, когда с переходом к монополистическому капитализму основой, связывающей все страны в систему международного общения, стал вывоз капитала. Мировой капиталистический рынок как комплекс торговых взаимосвязей национальных хозяйств превратился на рубеже XIX—XX вв. в систему прямой производственной эксплуатации одних государств другими на основе вывоза капитала и утверждения международных монополий.

На протяжении XX в. произошли существенные сдвиги, характеризующиеся сменой господства мировых картелей господством транснациональных концернов. Указанные сдвиги требуют четкого определения. Это тем более необходимо, поскольку буржуазные экономисты и социологи вновь и вновь выдвигают набившее оскомину положение, что монополистический капитализм перестал быть капитализмом. Причем они обычно стараются обойти жгучие вопросы, связанные с реальными процессами революционного крушения этой некогда всемирной системы, ныне вынужденной приспосабливаться к неодолимому натиску социализма и всех антиимпериалистических сил.

Другие буржуазные теоретики пытаются из факта признания ими отпадения все новых стран от системы империалистического гнета набрать аргументы в пользу уже якобы совершившегося исчезновения империализма.

От первых можно услышать, что конфликты, развертывающиеся на международной арене современности, скрадывают тот факт, что «помимо империалистического контроля сложилась система мирового бизнеса» и что «этот центральный итог экономического развития на протяжении трех четвертей века будет иметь важное и, может быть, решающее влияние на оставшуюся четверть столетия»¹. От вторых можно услышать еще большие откровения. Их суть в том, что в своем развитии мировая экономика прошла три главных исторических фазы: 1) от феодализма к капитализму;

¹ The Future of Business: Global Issues in the 80th and 90th. Ed. by M. Wavv. N. Y., 1979, p. 23.

2) капитализм свободной конкуренции; 3) империализм. Ныне, мол, мировая экономика вступила в четвертую, постимпериалистическую фазу¹. И «беда» марксистов в том, что, по их мнению, стадия империализма еще не пройдена, тогда как на самом деле она позади.

Подобные рассуждения используются ради апологии современных международных монополий, затушевывания их эксплуататорской природы, наделения их способностью вывести буржуазное общество за рамки империализма. На деле же перед нами — образец софизма, намеренное раздувание одной из сторон современного капитализма, выпячивание одной из *форм* монополистического господства с целью сокрытия *сути* этого владычества. Как тут не вспомнить провидчески звучащую иронию В. И. Ленина: «Экономисты пишут горы книг, описывая отдельные проявления монополии и продолжая хором заявлять, что «марксизм опровергнут»².

Между тем всем ходом развития монополистического капитализма, в частности, международных монополий на протяжении примерно столетия подтверждается ленинский вывод о том, что в основе этой драматичной и конфликтной эволюции остается капиталистическая монополизация процесса общественного производства.

В прерывистой динамике развития экономического раздела подвластного капиталу мира монополиями разных стран все рельефнее прослеживались две характерные для XX в. тенденции. *Первая* состояла в перерастании поначалу рыночных соглашений, согласования коммерческих операций по сбыту продукции, характерных для международных картелей (в конце XIX — начале XX в.), во все более тесные взаимодействия на производственной арене при распределении сырьевых, энергетических, трудовых и финансовых ресурсов в рамках интернациональных трестов и консорциумов (в 20—30-е годы XX в.). *Вторая* выражала прогрессирующее усиление государственного вмешательства в капиталистические мирохозяйственные взаимоотношения.

Обе тенденции отнюдь не параллели, ибо, как отчетливо выяснилось после второй мировой войны, косвенные формы регулирования международных экономических связей посредством торговых, кредитных и валютных отношений взяло на себя главным образом империалистическое государство, а прямое воздействие на производство — преимущественно частная капиталистическая монополия.

В послевоенный период, когда складывалась высокоразвитая государственно-монополистическая экономика, переплетение и

¹ The New International Economy. Ed. by H. Makler, A. Martinelli & N. Smelser. Beverly Hills (Calif.), 1982, p. 5.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 315.

столкновение обеих тенденций прошло несколько этапов, неизбежно и неравномерно выделяя у тех или иных групп стран то одну, то другую характерную черту «наднационального» регулирования мирохозяйственных связей. Можно различить три основных этапа во взаимодействии империалистических государств и капиталистических монополий при постепенном формировании более или менее систематического государственно-монополистического регулирования интернациональных хозяйственных отношений капитала.

На первом этапе, обозначившемся на исходе второй мировой войны и продолжавшемся до конца 50-х годов, выявилось, что впервые в истории империалистического государство из посредника и финансиста при импорте, кредитора и гаранта при экспорте капиталов, товаров и услуг выросло в активного накопителя, распорядителя и распределителя импортируемых и экспортируемых ресурсов, в основное орудие внешнеэкономической экспансии.

Наиболее широко эти функции разрослись у государственной машины США. Вследствие скачкообразного действия закона неравномерности экономического и политического развития Соединенные Штаты оказались резко вытолкнуты вперед по потенциалу зарубежной экспансии. Но сразу обнаружилось и глубокое противоречие между накопленными ресурсами капитала и нестабильностью условий для заграничного инвестирования в мире, охваченном военной разрухой. Эта «брешь» была закрыта государством. Послевоенная администрация США в спешке разработала и навязала несоциалистическому миру программу государственно-организованной экспансии американского капитала. Открыто говорилось о североамериканских подпорках под расшатанный фундамент мирового капитализма, подводившихся при условии обеспечения гегемонии доллара. Сама эта экспансионистская стратегия североамериканского капитала, выраженная наиболее откровенно в «плане Маршалла» и «доктрине Трумэна», имела двудединую задачу: обеспечение контроля заокеанских монополий над экономикой как тогдашних метрополий, так и их колоний. Этой же цели была подчинена стратегия постепенного снижения имперских преференций, особенно по линии Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ), о привязке международных финансовых и валютных отношений к доллару США, ради чего еще в ходе войны были учреждены, основанные на американской денежной единице, Международный банк реконструкции и развития (МБРР) и Международный валютный фонд (МВФ).

Резкое усиление роли государства во внешнеэкономических отношениях привело к глубоким качественным сдвигам, а порой к прямому перерождению этой сферы, точнее, порождению новых,

явно суррогатных форм зарубежной экспансии. Ядром этих превращений стала мобилизация через государственный бюджет и распределение среди изблюбленных стран значительных средств (в десятки миллиардов долларов) под видом безвозмездной помощи или даров по «плану Маршалла» и другим американским программам.

Получатели заокеанской «помощи» очень быстро убедились в ее обременительном характере. Условием более или менее регулярного получения «помощи» было систематическое снабжение контрольной администрации США докладами об экономических и финансовых ресурсах одариваемой страны и угодная заокеанским контролерам политическая ориентация местной власти.

Отказ от получения заокеанских так называемых безвозвратных даров влек за собой потерю других «льгот» от США — прежде всего кредитов. В целом эти взаимосвязанные формы финансовой эксплуатации воплотились в 15—16 млрд. дол., перекачанных в Западную Европу на своеобразную реанимацию капиталистического накопления. Но что действительно оживилось, так это приток американского частного капитала, для которого все виды государственной «помощи» США стали своеобразным тараном при прорыве в западноевропейскую экономику. В растущем контроле частных инвесторов из-за океана над наиболее прибыльными звеньями хозяйства стран Западной Европы, в политической привязке этих государств к гегемонистскому курсу американского империализма, в наступлении на жизненные права трудящихся и национальный суверенитет народов заключалась печально известная «маршаллизация».

Проникновение в экономику капиталистических держав, сохранявших в первое послевоенное время колониальные империи, монополистический капитал США рассчитывал использовать в качестве плацдарма для прорыва в эти владения соперников. Однако ни в 40-е, ни в 50-е годы эту цепь монополиям США не удалось прорвать. Зато они не забывали наращивать капиталовложения в Латинской Америке, Канаде, Японии. В результате их активной инвестиционной экспансии к началу 50-х годов общая сумма прямых американских капиталовложений выросла почти до 12 млрд. дол., распределявшихся примерно поровну между промышленно развитыми капиталистическими и развивающимися странами.

Примерно к концу 40-х годов сложилась моноцентрическая структура мировой системы капиталистического хозяйства. Американоцентризм был призван реализовать экспансионистские планы империализма США о рах americana (мире по-американски). Эта гегемонистская система была увенчана осенью 1949 г. разовой (но не последней!) девальвацией валют более чем трех десятков капиталистических стран.

Но такое повсеместное закрепление достигнутого монополистическим капиталом США преобладания в несоциалистическом мире не могло прервать на сколь-нибудь длительный срок подспудного действия закона неравномерности экономического и политического развития стран при империализме.

Вот почему сначала подспудно, а затем все более явно складывалось (и сложилось!) новое соотношение сил между капиталистическими странами, проявился новый момент в неравномерности развития между США и Западной Европой.

Второй этап в неравномерном развитии по обе стороны Северной Атлантики длился примерно со второй половины 50-х до конца 60-х годов и выразился в конечном счете в замене моноцентрической структуры капиталистического мирового хозяйства дуоцентрической, при коей наряду с ростом США стремительно вырастал другой центр дележа мирохозяйственных сфер влияния — Западная Европа.

Разворот зарубежной экспансии американского капитала выражался в массовой скупке заокеанскими монополиями предприятий во всех регионах мирового капиталистического хозяйства, в оказании военной, технической и экономической «помощи» насажденным на разных континентах Соединенными Штатами реакционным режимам, в содержании за границей громадных вооруженных сил и баз. Все это, с одной стороны, вызывало чрезмерный спрос частного бизнеса и властей США на иностранную валюту, что ухудшало платежный баланс этой страны, а с другой — становилось все более массовым бегство иностранных дельцов и правительств от истощавшегося инфляцией бумажного доллара. И односторонняя ориентация международной торговли (как при ценообразовании, так и при расчетах) на американскую внутреннюю денежную единицу (она же мировая валюта) усиливала поиск многосторонней, взаимной ориентации в деловых связях между остальными, прежде всего западноевропейскими, странами. Благодаря быстрому росту страны Западной Европы вскоре могли использовать к своей выгоде неравномерность развития: в конце 50-х годов ими была введена частичная обратимость собственных валют, окрепла система их взаимных расчетов, поднялся удельный вес во всех мирохозяйственных операциях. Но главным их бастионом в успешном противоборстве с североамериканским гегемоном оказался созданный так называемый «Общий рынок» сначала шести, потом девяти, десяти, а ныне двенадцати западноевропейских государств.

С самого возникновения нового межгосударственного хозяйственного объединения отмечалось, что название «Общий рынок» не выражает всей масштабности и глубины охватываемых им или, вернее, ожидаемых от него функций. В действительности речь шла

не столько о торговом соглашении типа таможенного союза и не столько о дальнейшем разделении труда между нациями, сколько о подъеме процесса интернационализации производства и капитала до государственно-монополистического уровня — на высоту межгосударственной интеграции экономики ряда крупнейших и более мелких стран Западной Европы. И поскольку Европейское экономическое сообщество неизбежно приняло форму ограниченного блока объединившихся в нем государств против капиталистических держав, не принявших в ЕЭС участия, такая «малая Европа» сразу стала орудием передела сфер влияния — рынков, источников сырья, рабочей силы и капитала.

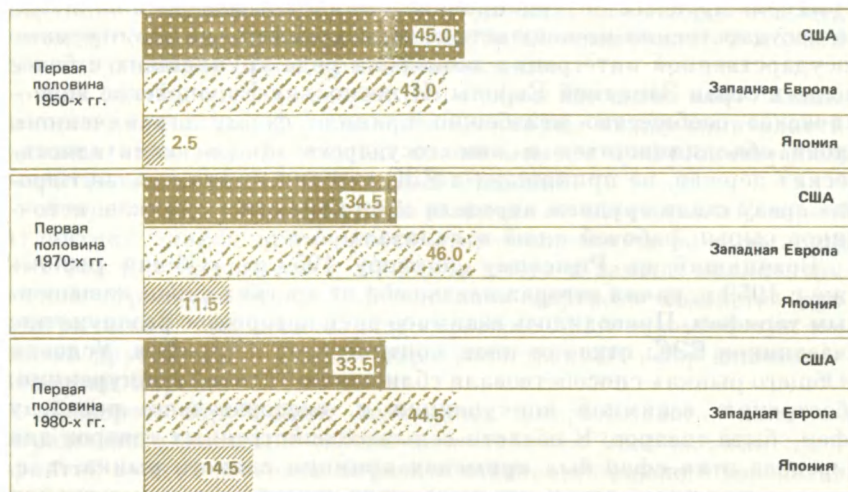
Возникший по Римскому договору 1957 г. «Общий рынок» уже с 1959 г. начал отгораживать себя от третьих стран повышенным тарифом. Проводилось взаимное внешнеторговое разоружение участников ЕЭС: отказ от квот, контингентов и тарифов. Условия «Общего рынка» способствовали сближению условий конкуренции, обострению взаимной конкуренции и, следовательно, переделу сфер сбыта товаров. В области сельскохозяйственных товаров для передела этих сфер был применен принцип единого рынка, т. е. установление цен сверху, что тоже стало инструментом вытеснения с рынка неконкурентоспособных хозяйств. В рамках ЕЭС началась значительная миграция рабочей силы. Наконец, соглашения между странами — членами Сообщества открыли простор межгосударственной миграции капиталов. Возрастающее воздействие на эти процессы оказывает создание европейской валютной системы и введение соответствующей валютной единицы (эку).

Европейское экономическое сообщество выросло в мощный противовес Соединенным Штатам Америки. По ряду ключевых экономических показателей ЕЭС даже превзошло США. Особенно заметно это превосходство выразилось в темпах роста производства, объеме и темпах расширения внешней торговли и заграничных капиталовложений, возникновении рынка «евровалют», противостоящего долларовому кредитному рынку, и т. п.

Хотя главными сферами соперничества между монополиями США и ЕЭС стали рынки самых различных товаров, в основную арену столкновений превращаются рынки капиталов, а борьба за перехват источников финансирования и кредитов выливается в настоящие инвестиционные войны. Главные соперники по обе стороны Северной Атлантики не сразу заметили вставшего из-за другого океана — Тихого — куда более динамичного соперника — Японию. Этот новый претендент на гегемонию в мирохозяйственных сферах стал формировать вокруг себя новую, тихоокеанскую зону влияния, куда вошли еще Австралия и Новая Зеландия.

Стихийное распределение сил международного империализма между тремя центрами, ставшее явным с конца 60-х годов, выра-

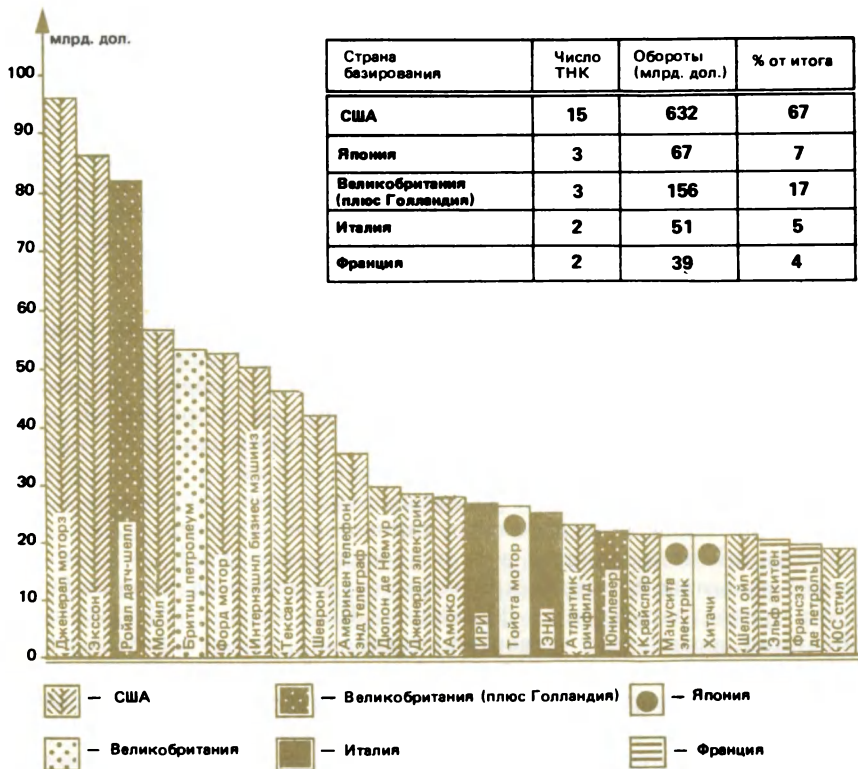
**ДОЛЯ ТРЕХ ЦЕНТРОВ ИМПЕРИАЛИЗМА В ПРОМЫШЛЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ
РАЗВИТЫХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН (в процентах)**

жало переход к *третьему* этапу мирохозяйственного соперничества в стане капитализма. Его глубинной основой, главным стратегическим и тактическим оружием, выражавшим новую форму взаимоотношений капиталов, перешагнувших через государственные границы, стала международная капиталистическая монополия нового типа — транснациональная корпорация (ТНК). Еще в период утверждения ТНК американская исследовательская фирма «Бизнес интернэшнл» выпустила специальный, ориентирующий дельцов доклад «Мировой рынок в 1985 году и планы корпораций». В этой книге о новоявленных ТНК говорилось следующее: «Основной принцип, по которому эти корпорации действуют, заключается в следующем: рассматривая весь мир как свой рынок, они организуют и размещают производство и осуществляют сбыт продукции, не обращая внимания на национальные политические границы настолько, насколько это позволяет место и время»¹. «Место» — капиталистическая часть планеты и «время» — момент обострения конкурентной борьбы за сферы приложения сил позволили ТНК вырасти в одну из важнейших сил, движущую мирохозяйственными процессами на современном этапе общего кризиса капитализма.

¹ 1985 Corporated/Planning Today for Tomorrow's World Market. N. Y., 1967, p. 22.

ОБОРОТЫ 25 КРУПНЕЙШИХ ТНК В 1985 г. (млрд. дол.)

Для образования системы господства современных транснациональных корпораций было необходимо взаимодействие двух глубинных факторов: развернувшейся за последнюю треть века научно-технической революции и высокоразвитой государственной-монополистической экономики.

Научно-техническая революция не может разворачиваться одновременно и равномерно во всех странах. Для освоения ее достижений капиталу потребовалась невиданная доселе подвижность, способность перекупать и перепродавать «на корню» плоды этого прогресса. И транснациональные корпорации сложились прежде всего как космополитические сгустки капиталов для насаждения плодов НТР и эксплуатации ее открытий.

Составители третьего доклада «Транснациональные корпорации в мировом развитии» в качестве главного факта отмечают прежде всего «рост взаимоперекрещивающихся капиталопотоков

между промышленно развитыми странами и рост глобализации производства, когда каждая производственная единица размещается там, где достигается наивысший эффект, с точки зрения общих затрат заинтересованных корпораций»¹.

В этих словах как раз и схвачена двойственная связь ТНК с научно-технической революцией, а именно: потенциально неограниченная мобильность обобществляемого в международном масштабе производства; территориальная ограниченность распространения ТНК преимущественно теми зонами, где внедряются результаты научно-технической революции.

Интернационализация и национальная база

Способность ТНК монополизировать и внедрять новшества НТР привела к бурному росту их зарубежной экспансии. Выявилась и тесная привязка ТНК к новой технологии, при которой круг их операций тяготеет к сфере наиболее развитого, современного промышленного производства. Около 95% прямых капиталовложений за границей осуществляется промышленно развитыми странами, входящими в Организацию экономического сотрудничества и развития, а 75% этих инвестиций направляется в те же государства ОЭСР. В промышленно развитых капиталистических государствах размещено более двух третей зарубежных филиалов США, около 70% филиалов Франции, свыше трех четвертей английских, четырех пятых западногерманских, канадских, бельгийских, голландских. Лишь с 80-х годов начала возрастать доля развивающихся государств в размещении филиалов ТНК. Вместе с тем международные монополии нового типа выступают в качестве главной силы неокOLONИализма, застрельщика глобальной экспансии империализма в освободившихся от колониального ига странах, стремятся удерживать в своих руках или присвоить природные богатства на территории развивающихся государств.

В. И. Ленин отмечал, что следует различать интернационально-объединенный финансовый капитал и империализм в целом, с одной стороны, и национально-обособленные финансовые капиталы, государственно оформленные империализмы — с другой². Несовпадение направлений и «географии» интересов отдельных капиталистических государств и действующих в их рамках монополистических объединений обнаружилось издавна. Однако мощным монополистическим союзам, шовинистически настроенным монополистам удавалось навязывать свои зарубежные интересы в качестве цели государственной внешней политики (в канун пер-

¹ U. N. Transnational Corporations in World Development. Third Survey. N. Y., 1983, p. 2.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 95.

вой мировой войны). Впоследствии по мере роста нестабильности политических режимов империалистической буржуазии самой приходилось искать компромиссы с целью обеспечения хотя бы негласной правительственной поддержки своих экспансионистских операций за рубежом (международная картельная практика 20—30-х годов).

Лишь в послевоенный период у многоотраслевых концернов создались объективные условия широкого отрыва массовых производств от национальных рынков, а у государств открылись многосторонние источники финансовой, налоговой, научно-технической поддержки этой зарубежной экспансии. Казалось, ключ к огосударствлению космополитических устремлений ТНК и сближению государственных систем регулирования экономики был найден. Но обнаружилось и непредвиденное: производственные мощности оторвались от массовых рынков за допустимые пределы. В конечном счете космополитическое расширение производственного потенциала ТНК не могло не ощутить на себе отрицательных результатов отрыва от наиболее емких и дифференцированных рынков, сформировавшихся для них в странах их происхождения и базирования.

У буржуазных экономистов и социологов это не может не вызывать беспокойства. Авторы исследования «Новая международная экономика» рассуждают по этому поводу: «Важное новое состоит в том, что внутренние структуры стран происхождения и стран приема ТНК расстраиваются. В обеих ситуациях нация теряет свою национальную целостность... Короче говоря, понятия национального и интернационального, местного и заграничного, внутреннего и внешнего, государственных границ... теряют свою ценность»¹. Соединение внутри- и межнациональных, межимпериалистических конфликтов неспроста пугает идеологов буржуазии своей неразрешимостью. Ведь если, с одной стороны, авангард космополитической финансовой олигархии стремится вывести наиболее передовые в техническом и финансовом обеспечении производства из-под зависимости от сложившихся национальных режимов, то, с другой стороны, влиятельные группы буржуазии пытаются привязать космополитические сгустки капиталов, хоть как-то «привить» их к национальной почве. На это противоречие было обращено внимание в Политическом докладе ЦК партии XXVII съезду КПСС: «Возник и быстро затягивается новый узел противоречий — между транснациональными корпорациями и национально-государственной формой политической организации общества»².

¹ The New International Economy, p. 43.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 15.

Родилось новое направление в политике и буржуазной науке. Оно нацелено на устранение «чрезмерного» отрыва космополитически ориентируемых производств от массовидного ядра сбыта их продуктов — рынков в странах базирования. Возникло новое понятие — «internalisation» (от англ. — внутренний), которому весьма трудно подыскать русский перевод, но смысл коего сводится как бы к «репатриации ТНК», замедлению действия сил интернационализации. И если буржуазные экономисты из развитых капиталистических стран ратуют за превращение международных рынков во внутренние рынки ТНК, то идеологи развивающихся государств надеются на более тесную привязку иностранных монополий к потребностям рынков именно этой группы государств.

Итог четверти века внешней экспансии ТНК показал, что этим плацдармам массового производства нигде не удастся найти столь надежных сфер сбыта, как массовые же рынки в странах максимального распространения НТР. В конечном счете сбыт продукции этих производственных гигантов опирается на наиболее развитые потребительские запросы населения индустриально развитых стран. Эти же потребительские способности, их гамма, иерархия и масштабы зависят в свою очередь от созидательных потенций рабочей силы, обученной сложному труду.

В конечном счете от *масштабов монополизации сложной рабочей силы, концентрации живого источника прибылей* — наемного труда — зависит истинная мощь современных монополий. Хотя наиболее бросающиеся в глаза критерии транснациональности не всегда совпадают с концентрацией массивов обученной рабочей силы на предприятиях, прежде всего страны происхождения ТНК. Так, по градации третьего доклада о ТНК, на начало 80-х годов иерархия последних, преимущественно по объему продаж и активам, выглядела следующим образом: «Экссон», «Ройал датч-Шелл», «Мобил», «Тексако», «Бритиш петролеум», «Стандард ойл оф Калифорния». Все это — нефтяные гиганты, но из этого же исследования видно, что уступавшие ряду из них по объему продаж и активам «Дженерал моторз», «Форд мотор», «Дженерал электрик», «ИБМ» превосходили «керосинщиков» по концентрации рабочих на своих предприятиях, нанимая соответственно 746 тыс., 427 тыс., 402 тыс. и 341 тыс. человек.

**Рабочий персонал
как объект борьбы
за сферы господства**

Серьезные сдвиги в производстве прибавочной стоимости в эпоху НТР произошли благодаря изменениям в самой рабочей силе, и поэтому борьба за ее монополизацию транснациональными корпорациями заняла ключевое место.

«Монополизируются обученные рабочие силы»¹, — писал В. И. Ленин о процессах начала XX в., когда основная масса трудящихся была не обучена, во всяком случае не имела среднего образования, т. е. была способна лишь к простому физическому труду. Научно-техническая революция потребовала перевода основной массы рабочей силы от исполнения простого труда к отдаче труда сложного, т. е. вооружения ее знаниями. А это и означало беспримерную выгодность НТР для монополий, ибо извлечению прибавочной стоимости наряду с физической энергией работника в большей мере, чем раньше, служила также умственная и нервная. «Механизм эксплуатации стал сложнее, изощреннее, — отмечается в новой редакции Программы КПСС. — Все больше прибыли выжимается из квалификации, интеллектуальных сил и нервной энергии работников»².

Как писал К. Маркс, «труд, который имеет значение более высокого, более сложного труда по сравнению со средним общественным трудом, есть проявление такой рабочей силы, образование которой требует более высоких издержек, производство которой стоит большего рабочего времени и которая имеет поэтому более высокую стоимость, чем простая рабочая сила»³. И далее: «Если стоимость этой силы выше, то и проявляется она зато в более высоком труде и овеществляется поэтому за равные промежутки времени в сравнительно более высоких стоимостях»⁴.

Возрастание расходов на преобразование простой рабочей силы в сложную перекрывалось с лихвой приростом прибавочной стоимости. Вот почему развертывание научно-технической революции можно измерять в том числе и темпами прироста и масштабами массового общего и специального образования. Картина эта, разумеется, крайне неравномерна. Например, в США с 1929 по 1959 г. средняя продолжительность обучения работников удвоилась, поднявшись до 10,7 года. Однако с 1950 по 1959 г. среднее количество времени обучения занятой рабочей силы возросло на 13,2%, а с 1959 по 1970 г. — лишь на 3,3%. Правда, прирост числа лет, затрачиваемых на учение, содержит в себе тенденцию к замедлению ввиду повышения интенсивности (эффективности) обучения. Но видна и другая причина падения притягательности образования — массовые увольнения дипломированных работников, поворот монополий к активному вытеснению труда техников новыми видами машин.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 320.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 130.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 208—209.

⁴ Там же, с. 209.

В западноевропейском центре империализма для повышения уровня образования рабочей силы был использован механизм интеграции — миграция трудящихся. В соответствии со статьями 48—53 Римского договора трудящимся из стран Европейского экономического сообщества разрешалось перемещаться по территории этого блока в поисках работы и пребывать в любой из стран, если они ее найдут. Это было выгодно капиталу: если в Италии уровень заработной платы значительно ниже, нежели в остальных странах ЕЭС, то массовый ввоз итальянских рабочих позволил ему добиться относительного понижения заработков для всех остальных. Уже в начале 60-х годов намечалось поэтапно перейти от приоритета при найме местной рабочей силы к равенству ее с «западноевропейской», а затем и к предпочтению иностранных искателей найма. По существу проектировалась нивелировка заработной платы по итальянскому уровню.

Но пролетариат ставил вопрос иначе: если у трудящихся-иммигрантов зарплата в своем отечестве ниже, то это не основание для их дискриминации в стране въезда. И совместная борьба пролетариев привела к победе интернационалистского требования равной оплаты за равный труд. Нивелировка в значительной мере прошла по высшему уровню.

Капитал снова пытался действовать в соответствии со своей корыстной логикой: если не удалось недоплачивать гражданам стран ЕЭС, то выгоднее ввозить искателей найма из стран, на граждан которых не распространены равные права с местными рабочими. С 1964 по 1973 г. правительства стран «Общего рынка» заключили ряд двусторонних конвенций со странами вне ЕЭС об импорте рабочей силы из последних для пополнения армии наемного труда людьми, лишенными тех прав и завоеваний, которых в общей трудной борьбе добились трудящиеся стран ЕЭС. Уже в 60-е годы армия трудящихся-мигрантов на две трети, а в 70-е годы — на три четверти состояла из граждан стран, не входящих в ЕЭС. В отдельные годы общая масса иностранных рабочих в «малой Европе» превышала 12 млн. человек.

Массовая иммиграция трудящихся извне ЕЭС в страны «Общего рынка» способствовала приближению к реализации одного из основных требований НТР к местной рабочей силе — получения, как минимум, среднего образования.

По сведениям ЮНЕСКО, ведущие страны монополистического капитала располагают в достаточном количестве обученной рабочей силой, хотя существует значительная неравномерность структур по ступеням образования как внутри каждой страны, так и от страны к стране. Трудноизмеримы и качественные различия в национальных системах образования.

Задача подготовки квалифицированной рабочей силы, соответствующей потребностям НТР, решается как составная часть транснациональной стратегии найма, планируемой в штаб-квартирах международных концернов. Согласно этой стратегии, контингенты занятых на предприятиях образуют строго иерархические по знаниям и умениям коллективы. При этом ТНК собирают сливки с искателей найма, привлекая искуснейших менеджеров, инженеров, высокообразованных и квалифицированных рабочих, техников и других специалистов на головные предприятия. В ходе постановки массового производства обнаруживается, что часть трудовых операций слишком проста, примитивна, трудоемка и требует неоправданно высокой оплаты. Вот эти-то операции и выносятся на заграничные предприятия, где имеются скопления менее обученной, а потому и более дешевой рабочей силы. Часть же операций требует столь высоких затрат простого (необученного) труда, что может быть вынесена за тридевять земель, за океаны — в развивающиеся страны.

Таким образом, *сферы влияния, на которые делится капиталистическая часть мира между транснациональными концернами, формируются не рядом с эксплуатацией собственных рабочих, а на базе этой эксплуатации.* И неудивительно, что при возрастании мобильности транснациональные корпорации не отрываются от главного источника своих прибылей — от наиболее обученной рабочей силы, индустриального пролетариата.

На эксплуатации этого цвета рабочей силы, оптимизацию отдачи ей прибавочного труда и нацелены все монополизированные ТНК рычаги интернационализации производства и обращения капитала. Капитализм довел обобществление до того, что трудящиеся классы целых наций стали непосредственным объектом интернационального дележа, составляя глубинную внутреннюю базу экономического раздела мира.

**Неравномерность
развития
и полицентризм
сегодня**

Сначала национальные, а затем все более интернациональные скопления рабочей силы, сгустки ее наиболее производительных контингентов составляют ядра господства транснациональных монополий. Вокруг этих ядер, по сути дела, и вращаются остальные сферы экономических взаимоотношений — международная миграция капитала, мировые переселенческие движения рабочей силы, всемирная торговля, межгосударственные расчеты и валютные связи. Конечно, движущей силой этого мирохозяйственного круговращения всегда был «самовозрастающий» капитал, но неизменным источником его возрастания остается живой труд, жизнепроявление рабочей силы.

Поскольку все стороны интернационализации хозяйственной жизни при капитализме осуществляются в рамках частной собственности, то складываются сферы соперничающих интересов, области влияния, зоны экономического и политического господства.

Экономический и политический раздел капиталистического мира остается основой взаимоотношений между комбинациями государственно-монополистических систем в отдельных странах и в их блоках, составляет подоплеку международного хозяйничанья капитала, его мирового хозяйства. «Мы видим здесь наглядно, как частные и государственные монополии переплетаются воедино в эпоху финансового капитала, как и те и другие на деле являются лишь отдельными звеньями империалистической борьбы между крупнейшими монополистами за дележ мира»¹. Но, раз начавшись с переходом к империализму, эта борьба за дележ мира развертывается в высшей степени неравномерно, в зависимости от соотношения сил.

Как указывал В. И. Ленин, «при капитализме *немыслимо* иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет *силы* участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д. А сила изменяется неодинаково у этих участников дележа, ибо *равномерного* развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может»². В. И. Ленину принадлежит заслуга открытия важнейшей закономерности империализма как международной системы — закона неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран.

В сфере международных экономических отношений своеобразными трамплинами для капиталистических монополий различных стран выступают их зарубежные капиталовложения.

Возрастание заграничных прямых инвестиций основных стран — экспортеров капитала также отличается неравномерностью. Так, прямые капиталовложения США увеличились за 1967—1978 гг. примерно втрое, но их доля в общем объеме зарубежных прямых инвестиций за тот же период снизилась с 50,4 до 45,2%. Такая же тенденция в эти годы была характерна и для Англии, Франции, Италии. Зато удельный вес заграничных капиталовложений увеличился у Японии, ФРГ и Канады, при одновременном росте их объема, в 17, 11 и 4 раза соответственно.

Неравномерность развития научно-технической революции предстает, между прочим, в виде несовпадения процессов формирования рабочей силы, адекватной требованиям НТР, в разных странах. Вот здесь-то и выявились три основных направления в освоении достижений научно-технической революции послевоен-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 370.

² Там же, с. 417.

ными центрами монополистического капитализма. Североамериканские монополии делали ставку на наиболее выгодный момент — научную организацию труда сложной, обученной к такой работе наемной рабочей силы, раньше других подошедшей к всеобщему среднему образованию. Японские концерны взяли курс на соединение обязательного девяти—двенадцатилетнего обучения с традиционной вышколенностью работников. Западноевропейские корпорации мобилизовали высокую степень специализированности и профессиональной квалификации, поощряемых у трудящихся в условиях интенсивной международной миграции, «интеграционного» разделения труда.

Глубинной основой неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран следует считать быстро меняющиеся различия в росте степени и масштабов эксплуатации рабочей силы. Роль общей базы для межимпериалистической конкуренции — эксплуатация рабочей силы в условиях НТР — весьма быстро проявилась в торговых сражениях на мировых рынках. Ведь до начала освоения результатов НТР монополисты разных стран рассчитывали повышать запас прочности во взаимной конкуренции, *понижая* уровень заработной платы или чаще всего *тормозя* ее рост. В послевоенный же период выяснилось, что конкурирующим центрам капитала присуща тенденция к сокращению национальных разрывов в заработных платах путем сближения западноевропейского и японского уровней с уровнем США.

К концу 60-х годов уровни реальной заработной платы в США, Франции, ФРГ, Англии, Италии и Японии соотносились как 100; 85; 60; 55; 40; 35. За 70-е годы заработная плата изменялась крайне неравным темпом: среднегодовой прирост составил в США 0,4%, Франции — 4,2, ФРГ — 2,9, Англии — 2, Японии — 3,8%.

На Западе иногда делают попытки изобразить навязанный капиталистам ход событий в условиях НТР в качестве результата доброй воли и даже заботы предпринимателей о работниках. Вот пример таких рассуждений: «Послевоенный опыт показывает, что в международной конкуренции удачливые фирмы не поддались соблазну понижения заработной платы и сопровождающей его деквалификации труда... и свидетельствуют скорее в пользу противоположной тенденции: в хозяйстве стран, где модернизация и перестройка промышленности были наиболее существенны (ФРГ, Япония), быстрый рост реальной заработной платы шел рука об руку с формированием человека и его активным включением в повышение качества продукции и технологии»¹. Здесь авторы выдают за действительность современного капитализма

¹ *Mistral J., Boyer R. Politiques économiques et sortie de crise. Du carré infernal à un nouveau New-Deal? — Futuribles, 1983, Octobre, No. 70, p. 40.*

несвойственные ему конечные тенденции НТР, подлинно реализуемые при правильной научно-технической политике лишь после социалистической революции.

Вопреки воле и стремлениям капиталистов результаты международной конкуренции косвенно выразились в тенденции национальных заработных плат к выравниванию по более высоким международным уровням. Эта тенденция прерывалась главным образом в кризисные 70-е и 80-е годы, когда повсеместно в капиталистических странах происходило падение реальной заработной платы рабочих и служащих. Рост масштабов и степени эксплуатации, скрываемый отставанием оплаты более сложного труда, стал основой для оживления все новых форм экономического роста и зарубежной экспансии.

Из того факта, что преобладающая доля заграничных капиталовложений трех центров империализма направляется в сами же промышленно развитые страны, вовсе не следует, что при формировании сфер влияния развивающимся странам не отводится сколько-нибудь важного места. Напротив, страны, освободившиеся из-под колониального ига, ныне обволакиваются неокOLONиальной зависимостью. Ключевую роль здесь играет наращивание иностранных капиталовложений.

Среднегодовой темп прироста иностранных прямых капиталовложений в бывшие метрополии поднялся с 11,7% в 1960—1970 гг. до 16,4% в 1981—1985 гг., а поступления таких же инвестиций в прежние колонии увеличились еще больше — с 7,5 до 18,3% в год. Именно посредством этих капиталовложений, займов, кредитов и скупки сырья монополии центров империализма контролируют львиную долю производства металлов и добычи минерального сырья капиталистического мира. Всего 10 компаний Северной Америки и Западной Европы осуществляют контроль над 70,9% мирового производства меди, 6 концернов — над 82% выплавки алюминия. В итоге в одни и те же сферы влияния транснациональных монополий США, Западной Европы и Японии в качестве источников прибылей попадают пролетарии бывших метрополий и прежних колоний, на себе чувствуя тяжелый груз самой изощренной индустриальной эксплуатации и неокOLONиалистского гнета.

На базе притяжения и отталкивания потоков капитала через границы сложились три главных центра по извлечению прибыли, возрастание объема заграничных прямых капиталовложений которых отражено в таблице на с. 203.

Как видно из данных таблицы, объемы прямых инвестиций трех центров росли крайне неравномерно: американские капиталовложения увеличились почти в 10 раз, западноевропейские — более чем в 15 раз, японские — в 265 раз, а общие — в 13 раз.

Объем зарубежных прямых капиталовложений трех центров империализма

Годы	США		Западная Европа		Япония		Всего (включая другие капиталистические страны)	
	млрд. дол.	%	млрд. дол.	%	млрд. дол.	%	млрд. дол.	%
1960	31,9	55,1	21,5	37,1	0,3	0,5	58,0	100
1973	101,3	48,9	84,8	41,0	10,3	5,0	207,0	100
1981	227,3	43,3	224,1	42,7	46,4	8,8	525,0	100
1985 ¹	312,2	40,8	332,8	43,5	79,6	10,4	765,0	100

¹ Оценка автора.

Источники: Мировая экономика и международные отношения, 1984, № 2, с. 24; Survey of Current Business, 1986, No. 8, p. 31; British Business, 1986, June, p. 459.

Соответственно изменились удельные веса трех «силовых» центров как экспортеров капитала. Между ними усиливается конкурентная борьба за рынки сбыта, сферы приложения капитала, источники сырья, за превосходство в решающих областях научно-технического прогресса.

Наличие трех центров международного империализма порождает современные формы проявления межимпериалистических противоречий. Во-первых, растущий отпор гегемонистскому курсу империализма США, столь притеснительному, что «ему сопротивляются даже те, кто в необходимости его убежден» ¹. Во-вторых, внутренние противоречия ЕЭС настолько глубоки, что его пресловутое единство проявляется лишь при сопротивлении американскому и японскому нажимам. Если ЕЭС уйдет во внутренние распри, то оно вообще не сможет противостоять двум другим мировым центрам империализма, заключает западногерманский ученый Х. Эглау книгу «Битва гигантов: Европа, США и Япония в экономическом противоборстве» ². В-третьих, обнаружилась перспектива еще более резкого нажима Японии на рынке США и ЕЭС. Эта перспектива вызывает порой даже попытки припугнуть Японию ответными мерами протекционизма, закрытием перед нею чужих рынков и т. п. Французский журнал «Фютюрибль» писал: «В конце концов раздувание международных диспропорций угрожает подорвать уровень организации в наиболее конкурентоспособной стране мира» ³. Во то же время в Западной Европе понимают, что угрозами дело не исправить. Напротив, «должно что-то случиться, чтобы на рубеже нынешнего и следующего столетий аме-

¹ Lacorne D. Quand l'Europe résiste aux Etats-Unis. — Projet, 1983, Avril, No. 174, p. 326.

² Eglau H. O. Kampf der Giganten. Europa, USA und Japan im Wirtschaftsweltstreit. Dusseldorf und Wien, 1982, S. 247.

³ Futuribles, 1983, Octobre, No. 70, p. 54.

риканцы и японцы не увидели в Европе нечто, подобное Греции наших дней, — воспоминание о великом прошлом»¹.

Отсюда и усиливающийся нажим на рабочий класс, стремление вовлечь его в международную конкуренцию в качестве заинтересованной стороны. Разумеется, рабочий класс многих стран не в проигрыше от оформившейся тенденции к международной нивелировке ставок заработной платы.

Не следует ожидать, что сокращение национальных разрывов в заработных платах будет отбивать у международных инвесторов охоту к заграничным капиталовложениям, скупкам иностранных предприятий, открытию филиалов за границей. Скорее тенденция к нивелировке в заработках побудит штаб-квартиры ТНК еще вожаденнее цепляться за исчезающие различия, еще отчаяннее и хитроумнее маневрировать ими.

**Мировой
капиталистический
рынок и
межимпериалистические
противоречия**

В результате роста мировой социалистической системы, политической и начавшейся экономической деколонизации бывших колониальных и зависимых стран резко сжалась сфера империалистического господства.

Но именно на такой базе закон неравномерности экономического и политического развития капитализма действует особенно остро, противоречиво и конвульсивно, создавая питательную среду для постоянных передвижек в балансе сил отдельных финансовых групп, буржуазных государств и их различных сочетаний.

Особенность современной ситуации заключается в том, что наряду с традиционным противостоянием империалистических государств и их коалиций над ними возникло и выдвинулось на первый план остроконфликтное соперничество между тремя основными центрами империализма.

Стремление Соединенных Штатов Америки сохранить гегемонию в капиталистическом мире встречает сопротивление в Западной Европе и в Японии.

С 60-х годов в сферу межимпериалистических отношений начали вторгаться факторы, повлекшие за собой постепенный поворот в соотношении конкурирующих сил современного капитализма в ущерб США. Более частое, чем в других странах, чередование кризисов перепроизводства, перепады темпов экономического роста, замедление роста производительности труда нанесли серьезный ущерб экономике Соединенных Штатов.

Удельный вес США в суммарном валовом внутреннем продукте развитых капиталистических стран снизился с 47% в 1950 г. до

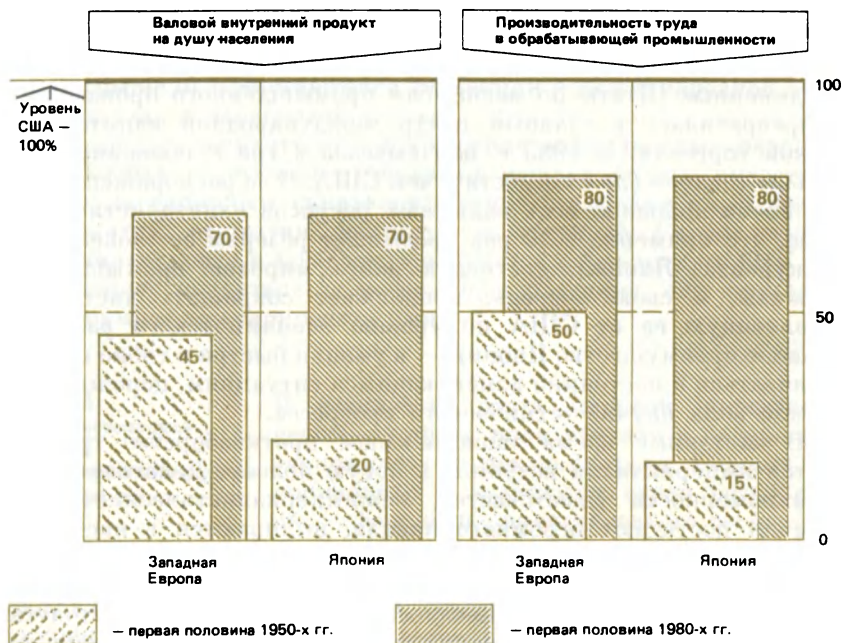
¹ Eglau H. O. Op. cit., S. 106.

37% в 1985 г., а в общем объеме их промышленной продукции за те же годы — с 51 до 37%. Если 30 лет назад валовой внутренний продукт десяти стран, входивших в 1985 г. в «Общий рынок», и Японии составлял меньше 80% американского уровня, то теперь он превысил 120% (в ценах 1975 г.). Западная Европа превзошла Соединенные Штаты по масштабам промышленного производства и превратилась в главный центр международной капиталистической торговли. В 1985 г. она вывезла в три с половиной раза больше товаров (по стоимости), чем США. В ее распоряжении сейчас почти половина всех валютных ресурсов капиталистического мира, что примерно в 10 раз превышает резервы ее заокеанского конкурента. Япония, достигнув ранга мировой промышленной державы, в свою очередь, продолжает сокращать дистанцию, отделяющую ее от США по уровню экономического развития. Главное преимущество Японии — в умении быстро и гибко приспосабливаться к постоянно изменяющимся ситуациям, порождаемым сменой волн научно-технического прогресса.

В настоящее время экономическое противоборство трех гигантов империализма вступило в новую полосу. Действие закона неравномерности ужесточается, межимпериалистические противоречия достигают огромного накала, выливаются в настоящие битвы за конкурентоспособность экспортируемых товаров и услуг, схватки за первенство в перспективных наукоемких промышленных секторах. Выше уже отмечалось, что на пороге нового столетия этот закон воплощается именно в скачкообразности научно-технической революции, ее порывистости и прерывистости, все ускоряющейся быстроте. Открытый доступ к последним достижениям науки и техники, вызванный интернационализацией научно-технической и экономической жизни, создал принципиально новую возможность взлета одних империалистических государств за счет других, предопределил подвижность межимпериалистических противоречий. На передовых форпостах научно-технической революции ведется настоящая необъявленная война за научно-техническое, а следовательно, и экономическое преобладание в капиталистическом мире. В этой войне, как правило, выигрывают страны, не отягощенные грузом устаревшего основного капитала.

В недавнем прошлом главным конкурентным оружием Японии служило приобретение и умелое использование иностранных патентов и лицензий, немедленное промышленное освоение чужих научно-технических изобретений и технологических процессов. Сейчас она круто изменила экономическую стратегию, сосредоточив свои усилия на наиболее перспективных магистралях научно-технического прогресса. На этих направлениях конкурентной гонки Япония уже добилась внушительных результатов. Она превратилась в экспортера передовой технологии, обеспечила себе

СБЛИЖЕНИЕ УРОВНЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ВЕДУЩИХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН (в процентах)

превосходство в микроэлектронике, далеко оторвалась в производстве роботов от США, не говоря уже о других капиталистических странах, лидирует в таких определяющих лицо будущей экономики отраслях, как новейшие электронно-вычислительные машины и интегральные схемы. Но это лишь старт на экономической дистанции, которую надеются выиграть японские правящие круги. В ее середине — увеличение расходов на исследования и разработки до 4% ВВП, что позволит Японии еще заметнее оторваться по технической вооруженности от Западной Европы и вплотную приблизиться к уровню США. А на финише — амбициозные планы превращения страны в лидера научно-технической революции, в капиталистическую державу номер один.

Изменение соотношения сил в треугольнике США — Западная Европа — Япония находит рельефное выражение и в такой важной сфере их экономического соперничества, как международная миграция капиталов. Сфера заграничного инвестирования в полном смысле слова стала «улицей с двусторонним движением»: она ведет теперь не только за пределы Соединенных Штатов, но и на

их собственную территорию, где иностранный капитал все активнее конкурирует с национальным.

В обозримом будущем Соединенным Штатам будет нелегко удержать лидирующие позиции в капиталистическом мире. Это подтверждают и прогнозы Организации экономического сотрудничества и развития, Гудзоновского института и других футурологических учреждений. По их предположениям, и в начале будущего столетия США останутся главной военно-политической державой. Но на экономической карте мира двухтысячного года им уже не отводится роль главенствующего центра мирового капиталистического хозяйства. Вероятным считается, что темпы развития экономики США останутся ниже общемировых, их глобальные позиции уже не будут исключительными. Иными словами, США заметно теряют образ, символизирующий «молодость, динамизм и удачу».

Усиливающаяся нивелировка трех центров империализма по уровню производительных сил, степени концентрации производства и капитала и составляет тот фон, на котором нарастает скачкообразность их экономического развития, порождая все новые взрывоопасные вспышки конкурентной борьбы промышленных и финансовых капиталов и капиталистических государств. Экономическая скачкообразность неизбежно переплетается с политической неравномерностью, подтачивая всю сложившуюся систему международных отношений капиталистического мира. На смену моноцентризму в экономике и политике приходит полицентризм при сохранении военной гегемонии американского империализма с его глобальной структурой ядерных баз и размещенных за границей войск.

Парадоксальность положения заключается в том, что укрепление японского и западноевропейского центров сопровождается перманентным политическим давлением США, опирающимся на прямую и косвенную военную зависимость своих партнеров. Все это вынуждает Западную Европу и Японию идти на компромиссы в ущерб своим национальным интересам и в то же время заставляет их искать пути более эффективного противоборства с американской экономической экспансией. Этот поиск особенно актуален сегодня, когда Вашингтон усиливает экономический и политический натиск на своих партнеров, оказывает на них давление по линии НАТО и других военно-политических союзов.

Кроме того, в борьбу империалистических гигантов рано или поздно вступят и другие силы. «Своеобразие межимпериалистических противоречий нынешнего периода и в том, — отмечалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, — что в ближайшие десятилетия может сложиться иная их конфигурация, заявят о себе новые капиталистические «центры силы». Это,

безусловно, приведет к дальнейшему увеличению массива противоречий, их более тесному взаимопереплетению и обострению»¹. Нельзя отрицать в перспективе вступления в мировое экономическое и политическое соперничество таких стран, как Австралия и Новая Зеландия, Бразилия и Канада.

Идет и формирование новых региональных экономических зон, в том числе в Тихоокеанском регионе и Латинской Америке. Япония усиливает нажим на страны Океании и Юго-Восточной Азии, западноевропейский субконтинент активизирует экономическую деятельность в Африке, США предпринимают все возможное для расширения своей неокOLONиальной орбиты в Латинской Америке, захвата и втягивания в нее хозяйственных потенциалов все новых латиноамериканских государств, удержания своей гегемонии в этом регионе.

В любом случае центробежная тенденция — к расщеплению, дроблению, делению капиталистического мира — будет все активнее противостоять его центростремительным силам. Она — источник стремления к новому переделу сфер экономического и политического влияния, попыток расставить все, говоря словами В. И. Ленина, «по капиталу», «по силе». Отсюда одна из причин нервозности правящей верхушки США, все еще стремящейся перекроить и перестроить мир по своему произволу.

Обострению межимпериалистических противоречий во многом способствует общая стратегия нынешней американской администрации, направленная на возврат тех мировых позиций, которые утрачены Соединенными Штатами в минувшие десятилетия. Резко повернув ядерное острие конфронтации против мировой социалистической системы, американская правящая элита пытается удержать союзников в рамках своего экономического и политического курса.

Дело, разумеется, не только в мессианских претензиях Вашингтона. Для таких замыслов сохраняется и известная объективная база. Несмотря на понижение удельного веса в мировом капиталистическом хозяйстве, США все еще остаются его крупнейшей экономической силой. Они удерживают ведущее место в производстве ряда видов новейшей техники и технологии, включая некоторые типы ЭВМ, персональные компьютеры, биоиндустрию и ее важнейшее ответвление — генную инженерию, осуществляют, а кое в чем и возглавляют перевод капиталистического хозяйства, систем управления и быта на новую технологическую базу.

Все это способствует поддержанию господства США на мировых рынках отдельных видов наукоемкой продукции, а также научно-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 16.

технических знаний. США по-прежнему выступают как крупнейший экспортер капитала и продовольствия и как фактический военный гегемон в системе империалистических государств.

Следовательно, относительное ослабление мировых позиций главного центра экономического соперничества протекает отнюдь не быстро и не прямолинейно. Оно сопровождается поворотами, зигзагами, попятными движениями. Так, после мирового кризиса 1974—1975 гг. доля США в валовом продукте, промышленном производстве и внешней торговле капиталистического мира несколько возросла. Аналогичные тенденции можно наблюдать и после кризиса 1980—1982 гг.

Такой процесс стимулировался рядом факторов. Прежде всего замедлился рост производства в Японии и Западной Европе. Усилившиеся катаклизмы в западноевропейском центре, который, в отличие от двух других, и сам достаточно разобщен на конкурирующие группировки и государства, застопорили процесс его консолидации, вызвали замедление темпов интеграционной активности. Вступление Англии в «Общий рынок» затормозило его продвижение не только к экономическому и валютному, но и к политическому союзу. В свою очередь, непомерно высокий уровень процентных ставок в США затруднил выход Западной Европы из экономического кризиса 1980—1982 гг., продлив его в ряде западноевропейских стран еще на несколько лет.

Вполне естественно, что в обстановке участвовавших мировых экономических кризисов борьба между основными империалистическими центрами и государствами приобрела невиданные ранее упорство и жестокость. Ведь в условиях общего перепроизводства каждый из конкурентов стремится, по выражению К. Маркса, отделаться возможно меньшими потерями, что и определило резкое усиление конфликтов между империалистическими государствами, чья экономическая дипломатия все более окрашивается в националистические тона.

Сильнее всех возрос националистический эгоизм американского империализма, который повел настоящее финансовое наступление даже на самых приближенных из его союзников. Никогда еще, пожалуй, процентные ставки не играли такой большой роли в качестве оружия межимпериалистического соперничества. На протяжении последних лет США сохраняли более высокий, чем в других странах, уровень процента. Лишь за два года — 1982 и 1983 — иностранные вклады в американские банки увеличились на три четверти, а к концу 1985 г. превысили 400 млрд. дол.

Важнейшим и неотъемлемым компонентом глобальной стратегии американского империализма, направленной на укрепление его плацдармов в системе трех центров государственно-монополистического капитализма, стала валютная политика. Но

конфликтный характер развития капиталистического мирового хозяйства усиливают и вспышки торговых войн. Не случайно вторжение японских товаров на рынок США американская печать именуется «экономическим Перл-Харбором». Широко разрекламированный принцип «либерализации» внешнеэкономических режимов оказался не более чем маскировкой механизма государственно-монополистического протекционизма в старых и новых формах.

Если обобщенно оценить процессы, происходящие в этой традиционной сфере межимпериалистических противоречий, то и сегодня в ней борется не свободная торговля с протекционизмом, а «один империализм против другого, одна монополия против другой, один финансовый капитал против другого»¹.

Таким образом, действительность современного империализма, диалектика его экономического и политического развития оказываются гораздо сложнее и противоречивее, чем это можно было бы предположить, исходя лишь из факта сохраняющегося лидерства США. В конечном итоге в провоцируемых США взлетах напряженности находят выражение и новые формы реализации межимпериалистических противоречий.

Международные формы проявления основного противоречия капитализма

Мировой рынок стал сферой углубления основного противоречия капитализма — между общественным характером производства, его международным обществением (интернационализацией), с одной стороны, и частной (хотя и транснациональной) формой присвоения его результатов — с другой. Двойкий итог обострения этого главного антагонизма капиталистической системы на мирохозяйственной арене выражается в следующем.

Во-первых, на мировой рынок выходят теперь гигантские концерны, вовлекающие в сети своего фирменного планирования десятки миллионов работников и покупателей. Конечно, это все та же неполная планомерность, но она претендует на континентальные и даже межконтинентальные рынки. «За последние полвека большинство ведущих корпораций США уже оказались подготовленными к методам планирования, — пишет буржуазный экономист Дж. Перкинз. — За последнюю четверть века фирмы Японии, Великобритании и всей Западной Европы также ввели многосложные управленческие структуры и разработали технику планирования. Масштаб, организация, сложность и планирование стали четырьмя взаимосвязанными характеристиками производства»².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 412.

² Perkins J. The World Economy in the Twentieth Century. Cambridge (Mass.), 1983, p. 105—106.

Диалектика капиталистического обобществления производства такова, что, раздвигая границы внутрифирменной плановости, оно сталкивает эту неполную плановость, исходящую от отдельных фирм, со стихией и анархией в масштабах всего капиталистического производства.

Во-вторых, и это приобретает решающее значение, планирующие гигантские корпорации, как величает их Дж. К. Гэлбрейт, не только имеют возможность выхода на мировой рынок, но, так сказать, приговорены к такому выходу. Ведь только на рынке и реализуется частное присвоение, лишь на гигантском международном рынке можно проверить попадание «планетарных» производственных планов ТНК в цель — максимум прибыли.

Выход частного хозяйничания не просто на внешнюю, но подлинно мировую арену резко усиливает действие стихийных рыночных сил, поднимает на новую ступень основное противоречие капитализма. Но буржуазные экономисты видят лишь одну сторону этого процесса, обвиняя в росте потрясений не капиталистическую собственность, а сам процесс международного обобществления производства — тенденцию к интернационализации производительных сил. Американский экономист Линкольн Гордон так и писал: «...Среди источников нестабильности международного порядка — рост взаимозависимости, вызванный развитием технологии, средств транспорта и связи, усиленным расширением международной торговли, финансов, денежных переводов и культурных обменов»¹. В этих словах отражается страх буржуазии перед ставшими неуправляемыми производительными силами.

Не меньшее беспокойство вызвало у буржуазных идеологов усиливающееся расхождение целей национальных государств и их транснациональных монополий на мировых рынках. Когда же наиболее проникательные из экономистов Запада угадывают, что это расхождение в тактике, что в конечном счете ТНК защищают интересы «своего» государства, то и это не избавляет их от боязни разоблачения сокровенных основ владычества международного империализма. «Из роста мощи и масштабов транснациональных корпораций возникло широко распространенное убеждение, что в их взаимоотношениях с национальными государствами они одерживают верх», — констатирует Дж. Инграм и затем не без основания раскрывает свои опасения: «Они бросают вызов национальному суверенитету. Они переступают национальные границы и стремятся интегрироваться в мировое хозяйство. Здесь заключена главная выгода для всех ТНК — их космополитический статус. Космополитизм есть удобный фиговый листок для прикрытия империализма. Ибо на деле ТНК есть несомненное

¹ *Gordon L. Growth Policy and International Order.* N. Y., San Francisco, 1979, p. 143.

орудие национального государства»¹. Все развитие событий на международной арене в период зарождения, становления и утверждения ТНК подтвердило опасения насчет неизбежного их превращения в инструмент наиболее шовинистических кругов империализма. «...Американские транснациональные сверхмонополии, — отмечалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, — как правило, активно выполняют роль проводников государственного гегемонизма, имперских вожделений правящих сил этой страны»².

За последние полвека рельефно проявились фундаментальные сдвиги в самом содержании капиталистического международного разделения труда. Ведь раньше под этой системой понималось сложившееся стихийно распределение производства между нациями, потоварная специализация страны. Будучи частным случаем общественного разделения труда, такая специализация толкала нации на мировые рынки в поисках покупателей и поставщиков. В наше время *международное разделение труда все чаще оказывается прикрытием внутрифирменного и по существу вне рыночного распределения ресурсов.*

Засилье горстки ТНК изменило границы и объем понятия «мировой рынок». Некогда под мировым рынком в практике предпринимательства понималась особая сфера реализации части совокупного общественного продукта, определяемая глубиной проникновения товаропроизводителей одной страны в экономику других стран. Ныне же сеть связей между внутренними и внешними рынками стала неизмеримо плотнее. Для штаб-квартиры ТНК не существует разделения рынков на национальные и заграничные, «свои» и «чужие». При таком «глобальном» подходе японские фирмы продают на американском внутреннем рынке больше автомобилей, чем все заводы «Форда» (свыше 2 млн. шт.). Японские автомобильные фирмы в 1980 г. заключили с компаниями ФРГ соглашение о разделе рынков Японии, Западной Европы и США.

Господство ТНК на мировых рынках выразилось не только в подчинении им значительной доли капиталистической международной торговли, но и сказалось на характере этой торговли и механизме формирования мировых товарных цен. Часто под международными торговыми сделками фигурирует не что иное, как внутрикорпорационный оборот ТНК. Закономерно, что и цены, по которым ведется эта специфическая внешняя торговля, прикрывают систему внутрифирменных денежных оборотов, т. е. являются внутрикорпорационными, расчетными. За последнюю четверть века было отмечено несколько всплесков «ценовых войн» между штаб-

¹ Ingram J. International Economics. N. Y., 1983, p. 415.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 15.

квартирами и филиалами ТНК. Все они, как правило, кончались победой штаб-квартир. Но рецидивы бунтов со стороны филиалов, требующих расчетов на основе цен мирового рынка, свидетельствуют о конечной неподвластности последнего так называемой монополистической плановости.

О преобладании стихийных сил мирового рынка над внутрифирменной плановостью ТНК свидетельствует волна нового международного разделения труда, подготовленного процессами накопления капитала на международной арене в 60—70-е годы. Об изменении в системе разделения труда между промышленно развитыми и освободившимися государствами буржуазные экономисты заговорили, имея в виду сооружение крупных промышленных предприятий в развивающихся странах, некоторый рост вывоза ими продукции обрабатывающей промышленности на рынки западных стран.

Новые гнезда индустрии, особенно сборочные предприятия, появились в ряде развивающихся стран (в Латинской Америке, Юго-Восточной Азии и т. д.). Отчасти они возникли как плод операций ТНК, а отчасти в результате накопления местного капитала. Рост экспорта из развивающихся государств на рынки Запада вызвал там меры по сокращению импорта.

Насаждавшийся как по цепной реакции «новый протекционизм» стран Запада стал с начала 70-х годов одним из заметных проявлений основного противоречия капиталистической системы в ее международных экономических отношениях.

В отличие от прежних форм протекционизма, выражавшегося в тарифных системах, «новый протекционизм» имеет в своем арсенале нетарифные рычаги «помощи» промышленности и «защиты» от роста безработицы. Так, в ФРГ субсидировалась занятость, во Франции государство взяло на себя финансирование 5—10% из издержек производства в сталелитейной, автомобильной, часовой, целлюлозно-бумажной отраслях. Эта активизация государств в поддержке частных фирм сказывается и непосредственно на конкурентной способности последних, и на усилении государственно-монополистического регулирования экономики в целом. «Международная торговля испытывает, таким образом, влияние государственной поддержки отраслей местной промышленности, которая в последние годы в возрастающей степени опирается на эту меру. Не говоря уже об искажении конкуренции, вытекающем из различий в положении фирм разных стран, эта помощь выступает главным проявлением возрастания роли государства в экономической жизни и расширении масштабов сделок»¹ — так жалуется Б. Баласса, сетуя на подмену частного

¹ Balassa B. The Newly Industrializing Countries in the World Economy. N. Y., Oxford, Toronto, 1981, p. 120.

бизнеса государством. Но именно подобные подстановки государства на место монополий и обратно осуществляются при системе государственно-монополистического капитализма. И «новый протекционизм» 70-х и 80-х годов есть лишь выражение неспособности частного бизнеса справиться с обострением экономических и социальных противоречий капитализма в международном масштабе.

Но и на другой стороне этой системы — на стороне государства — все более наглядно проявляется неэффективность какого бы то ни было регулирования экономики мирового капитализма. Весьма ярко это выразилось в коллективных мерах межгосударственно-монополистического регулирования процессов западноевропейской интеграции. Пока в 50—60-е годы речь шла об унификации арсеналов внешнеэкономической политики «шестерки» — отмене квот и контингентов, тарифов во взаимной торговле, процесс интеграции шел довольно быстро, выражая нетерпение монополий ЕЭС осуществить передел рынков сбыта, ресурсов рабочей силы и сфер приложения капитала.

Но как только дошло (в 70-е годы) до второго этапа интеграционных мероприятий в ЕЭС — межгосударственного согласования и регулирования внутривозрастной жизни каждого из участников «Общего рынка» — дело явно застопорилось. И не случайно. Ведь на повестке дня создателей «малой Европы» встали практически такие вопросы, как согласованный переход к единой промышленной политике, перевод на единую схему налогообложения предприятий, перестройка корпораций на модель «европейских акционерных обществ» и т. п. Подобные наднациональные меры затрагивали сокровенные проблемы резервов накопления и коммерческой тайны монополистических соперников. К тому же учащение кризисов и резкий рост инфляции требовали от каждого участника интеграционного процесса внутренних мер по преодолению трудностей.

Диалектика капиталистической межгосударственной интеграции такова, что, втягивая в себя все новых членов из бывших конкурентов, ЕЭС сужает поле своих монополистических выгод, точнее, делит их среди возрастающего числа участников. Отсюда стремление каждого из «сообщников» в одиночку воспользоваться из кризисов всякого рода. ЕЭС стало одним из главных очагов безработицы в мире частной инициативы. Если полтора десятка лет назад ЕЭС расшифровывали как «инфляционное сообщество», то ныне его справедливо называть «стагфляционным сообществом» и сообществом непрекращающихся торговых войн.

Своеобразной формой проявления антагонизма в сфере мирохозяйственных связей стали кризисы международного кредита и расчетно-валютных отношений. В основе хронического валютно-

финансового кризиса современного капитализма лежит постепенно подготовленный подспудными противоречиями развал Бреттон-Вудской системы международных расчетов. Хотя она функционировала в течение четверти века, ее здание было крайне непрочное. Ведь основу этой системы составляло приравнивание к золоту как мировым деньгам бумажного денежного знака одной страны — доллара США. Подверженный инфляционному давлению и влиянию растущего дефицита платежного баланса США, доллар безудержно терял свою покупательную силу и на внутреннем и на внешнем рынках. Его двойная девальвация (декабрь 1971 г. и март 1973 г.) прошла с явным запозданием. Еще раньше (в августе 1971 г.) была приостановлена его разменность на золото для иностранных правительств и центральных банков. В 1973 г. были введены плавающие валютные курсы, к которым вскоре присоединился и доллар США.

В первой половине 80-х годов резкие колебания валютных курсов, в особенности упорное повышение курса доллара, стали фактором обострения противоречий между главными странами капитализма.

Возрастание международной задолженности всегда сопровождало процесс капиталистической интернационализации производства, ибо связано с вывозом капитала. Заграничные долгосрочные активы могут быть истребованы инвесторами и переведены в другие страны. Поэтому их величина предстает как показатель долгосрочной задолженности одних стран другим. Размеры прямых капиталовложений за границей свидетельствуют о контроле инвесторов над экономикой стран — импортеров капитала.

Иное дело, когда растет краткосрочная, вроде более безобидная задолженность, иностранные вклады в банки и ценные бумаги. Но разбухание именно такой внешней задолженности чревато превращением даже крупнейших стран-кредиторов в страны-дебиторы. По оценкам экспертов, США в середине 1985 г. перешли этот рубеж и стали должником по общему балансу своих заграничных требований и обязательств.

Но уже не перспективой, а действительностью последнего десятилетия стало разбухание внешней задолженности развивающихся стран. Выплаты по долгу пожирают около четверти экспортной выручки развивающихся стран, и новые кредиты, которые им удастся заполучить, практически расходуются на погашение ранее взятых.

Вновь и вновь раздаются требования более глубокой реформы в сфере кредитно-финансовых отношений неосоциалистического мира. Вопросы сложившейся в этой сфере ситуации были предметом острых дискуссий 1984—1985 гг. на сессиях МБРР, МВФ, ЮНКТАД, ГАТТ, а также на созванной по инициативе движения

неприсоединения международной конференции «круглого стола» в Дели. На этих форумах обнаружилась несовместимость стремлений международных ростовщиков, с одной стороны, и должников — с другой.

Важнейшее проявление основного антагонизма капиталистического общества в мирохозяйственной сфере — гигантский разрыв в положении горстки промышленно развитых империалистических держав, с одной стороны, и недавно освободившихся от колониального ига государств — с другой (см. подробно гл. VIII). Неравномерность экономического и политического развития, свойственная капиталистическому мировому хозяйству, воспроизводит расширяющийся разрыв между бывшими метрополиями и прежними колониями. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии отмечалось: «В начале 80-х годов уровень доходов на душу населения в освободившихся странах в целом был в 11 раз ниже, чем в развитых капиталистических. На протяжении трех последних десятилетий разрыв этот не сокращается, а растет. И дело не только в сравнительной бедности. Речь идет о неграмотности и темноте, хроническом недоедании и голоде, ужасающей детской смертности, эпидемиях, поражающих сотни миллионов людей»¹. Эти проблемы привели к возникновению противоречий глобального масштаба. Разрешить их возможно лишь на основе конструктивного сотрудничества, взаимодействия государств и народов в масштабах всей планеты.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 17.

В сетях зависимости Северная Америка, Западная Европа, Япония — это еще не весь капитализм. Нельзя судить обо всей системе только по ее верхушке, по ее центру. Есть и периферия. Капитализм — это также Азия, Африка и Латинская Америка, это десятки стран, ранее бывших колониями и полуколониями империализма.

Те, кто рекламируют достоинства и успехи капитализма, стыдливо умалчивают о том, что к этой общественной системе следует приплюсовать и десятки нищих, отсталых стран. Это оставляют в тени, — невыгодно. Капитализм должен привлекать людей изобилием, потрясать их воображение динамизмом, техническими достижениями, цифрами национального дохода. А на трех «тропических континентах» сотни миллионов людей голодают — какое же тут изобилие, где динамизм и технический прогресс?

«Третий мир» — это изнанка капитализма, его теневая сторона. Он не годится для рекламной картинки, и его отодвигают в сторону, от него отмежевываются: это, мол, вообще и не капитализм. Но именно империализм несет ответственность за огромный и растущий разрыв в уровне экономического развития между индустриальными странами капитала и большинством освободившихся государств, за сохранение в них нищеты и отсталости. От этой исторической ответственности не уйти.

На свете живут сотни миллионов людей, на каждого из которых приходится в среднем меньше 80 дол. дохода в год. Столько, сколько стоит в Нью-Йорке пара дамских туфель. Рядом с потрясающими воображение техническими достижениями — микропроцессорами, волоконной оптикой, космической технологией, генной инженерией — голод, нищета, болезни сотен миллионов людей, не имеющих ни работы, ни приличного жилища. На одной и той же планете, в одну и ту же эпоху. «Такое положение — позор цивилизованного человечества! — отмечалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии. — Виновник его — империализм»¹.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 17.

Даже наиболее ярые апологеты капитализма, анализируя итоги его развития на исходе XX в., не могут игнорировать нынешнее положение и перспективы развивающихся стран. Свыше 800 млн. человек, или примерно 40% их населения, живут в условиях абсолютной бедности, не имея возможности удовлетворять самые элементарные жизненные потребности, и есть опасения, что численность таких бедняков в 2000 г. составит 1,2 млрд. От голода в «третьем мире» в 1980 г. умерло 50 млн. чел., в том числе 15 млн. детей. По данным ООН, в Азии, Африке и Латинской Америке 700—800 млн. взрослых людей совершенно неграмотны, 1,5 млрд. человек лишены медицинского обслуживания.

Полностью и частично безработных насчитывается от 400 до 500 млн. человек, т. е. от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ рабочей силы. Вместе с тем широко распространен дешевый детский труд. Так, в Азии работает свыше 38 млн. детей. Продовольственное положение ухудшается, прирост производства во многих странах «съедается», перекрывается ростом населения. Высокими темпами растет импорт зерна в развивающиеся страны: в начале 70-х годов — 30 млн. т в год, в 1978 г. — уже 80 млн. т, и если такая динамика сохранится, то в 1990 г. «третий мир» должен будет ввозить ежегодно 135 млн. т, а в 2000 г. — 226 млн. т на сумму 37 млрд. дол. Таких денег у большинства стран (а нуждаются в импорте зерновых прежде всего бедные страны) просто не будет.

О масштабах экономической отсталости бывших колоний и полуколоний убедительно говорят следующие цифры: на долю развивающихся стран приходится 25,6% мировой добычи руды, но всего 4,1% производства металлов; 31,2% добычи нефти и природного газа, но всего лишь 7,5% производства промышленно важной химической и нефтехимической продукции. Развивающиеся страны производят 8% всех лесопроductов в мире, но лишь 0,1% машин для обработки древесины. На их долю приходится 6,9% мирового производства сельскохозяйственных орудий (в том числе 40% составляет производство плугов), 6,6% ткацких машин, 8% изготовляемых в мире электромоторов. Доля развивающихся стран в расходах на научные исследования и разработки всего несоциалистического мира составляет лишь немногим более 4%. В международный экономический лексикон давно и прочно вошел короткий и емкий термин «гэп» (по-английски — разрыв, пропасть). Им обозначают отставание одного полюса мирового капитализма от другого. Насчитывается множество показателей, характеризующих «гэп», иллюстрирующих масштабы и параметры отсталости «третьего мира». Наиболее яркие приведены в таблице (с. 219).

Наряду с огромным разрывом между индустриально развитыми капиталистическими странами и развивающимися государствами существует еще дифференциация в самом «третьем мире». Доста-

Величина разрыва между средними показателями на душу населения развитых капиталистических и развивающихся стран (развивающиеся страны = 1) *

	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1985 г.
Валовой внутренний продукт	9,6	10,1	10,8	9,9	11,3
Промышленность	15,3	12,3	10,8	10,7	11,9
в т. ч. обрабатывающая	23,3	20,8	20,5	17,8	17,0
Сельское хозяйство	2,4	2,3	2,3	2,4	2,8
Личное потребление	9,4	9,6	11,0	11,9	12,5
Текущее государственное потребление	22,5	20,4	18,5	16,5	14,5
Валовые капиталовложения	14,8	14,2	15,2	9,8	10,5
Потребление энергии (по потреблению условного топлива)	27,1	18,2	18,1	15,1	15,5

* В ценах и по валютным курсам 1980 г.

Источники: U. N. Yearbook of National Accounts Statistics, 1981, Vol. II, N. Y., 1983; U. N. Statistical Yearbook, 1981, N. Y., 1983; U. N. Yearbook of Energy Statistics, N. Y., 1983; U. N. Monthly Bulletin of Statistics, N. Y., 1986, July.

точно сказать, что в 1984 г. всего 5 стран — Бразилия, Мексика, Аргентина, Индия и Южная Корея — дали 63,2% промышленного экспорта всех развивающихся стран в целом, а если к ним добавят такие азиатские страны и территории, как Сингапур, Гонконг и Тайвань, то получится 73% всего промышленного экспорта «третьего мира». Так проявляется неравномерность развития бывших колоний. На долю государств, где проживает 15% населения развивающихся стран, приходится 53% валового продукта, а на долю тех, где живет 59% населения, — всего 17% валового продукта. Если в целом в развивающихся странах темпы роста ВВП в 1981—1985 гг. равнялись 1,4%, то в Юго-Восточной Азии они достигли 3,6%. Это — цифры, говорящие о том, как легко ошибиться, если представлять себе все развивающиеся страны как нечто одинаковое. Сегодня дифференциация зашла уже так далеко, что при анализе целого ряда проблем данной группы стран бессмысленно трактовать их в «обобщенном», «суммарном» виде. По множеству важных показателей, прежде всего экономических, разница стала уже огромной, так что давно возник вопрос: существует ли вообще «третий мир», правомерно ли применять термин «развивающиеся страны», имея в виду государства Азии, Африки и Латинской Америки в целом?

Действительно, как можно сравнивать Индию и Чад? Или Бразилию и Уганду? Или Индонезию и Уругвай? Список таких «или» можно продолжить, благо что в мире насчитывается около 130 стран, называемых «развивающимися». Громадны их различия

в экономическом уровне, в степени общественно-политического развития, в культурно-цивилизационном плане. И все же есть нечто, объединяющее все эти разнородные страны, позволяющее им, несмотря на существенную разницу интересов и даже явные противоречия, выступать единым фронтом и в области мировой экономики («Группа-77», о которой речь будет идти ниже), и в сфере международной политики (движение неприсоединения). Это «нечто», разумеется, связано с тем, что в прошлом все эти страны были колониями или полуколониями империализма. Налицо, если можно так выразиться, общность исторических судеб. И все же дело не только и не столько в этом. Гораздо важнее, чем воспоминания об угнетении, которому все эти страны подвергались в колониальную эпоху, осознание объединяющих их реальных интересов. А такие интересы есть: ведь все развивающиеся страны, независимо от уровня их современного развития, ощущают, пусть и в неодинаковой мере, определенную «ущербность» перед лицом индустриального капиталистического мира, сознают свою слабость и уязвимость, свою зависимость от богатых центров капитализма.

В. И. Ленин писал, что «господство финансового капитала, как и капитала вообще, неустранимо *никакими* преобразованиями в области политической демократии; а самоопределение всецело и исключительно относится к этой области»¹. Применительно к условиям, в которых ныне находится подавляющее большинство освободившихся стран, это означает, что они, как часть мировой системы капиталистического хозяйства, остаются объектом эксплуатации со стороны международного монополистического капитала. На смену колониализму пришел неоколониализм. Система неравноправных международных экономических отношений была модернизирована, видоизменена, но суть ее сохранилась. Как и прежде, имеются «центр» и «периферия».

Приставка «нео» не должна вводить в заблуждение. *В своей сущности и новый тип взаимоотношений между «центром» и «периферией» характеризуется неравноправием* (уже не юридическим, а фактическим) *и эксплуатацией* (уже не открытой, а замаскированной).

Внешняя задолженность развивающихся стран превысила уже 1 трлн дол. Банки все менее охотно кредитуют развивающиеся страны. Журнал «Саут», занимающийся проблематикой «третьего мира», писал: «Не только снижается общий уровень новых займов... но все растущая доля новых кредитов используется для погашения прежних займов и уплаты процентов. Это означает, что чистый приток средств в третий мир снизился гораздо больше, чем сумма валовых поступлений»².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 254.

² South. The Third World Magazine, 1983, January, p. 65.

Монокультурная специализация, навязанная еще колонизаторами, привела к тому, что вся хозяйственная жизнь множества стран, все благосостояние их народов зависят от колебаний рыночных цен, от мировой конъюнктуры. А ведь известно, что цены на мировом рынке определяют, как правило, не страны «третьего мира»: нефть — это исключение, которому так и не суждено было стать правилом... Но и нефть оказалась палкой о двух концах, если брать весь развивающийся мир в целом. Ведь подавляющее большинство стран этого мира не производит нефть, а импортирует ее, и повышение мировых цен на нефть болезненно отразилось на их платежном балансе.

Ущерб экономике развивающихся стран наносят и другие процессы и тенденции, характеризующие сегодня мировую экономику, в частности проводимая развитыми странами капитализма политика уменьшения зависимости от источников сырья путем экономии топлива и создания альтернативных источников энергии, освоения материало- и энергосберегающей технологии, производства синтетических материалов. Тот факт, что все это — закономерный результат научно-технической революции, служит лишь слабым утешением для тех стран, единственная надежда которых на улучшение положения — увеличение экспорта сырья. Если же спрос на него падает, цены снижаются, откуда взять средства для создания промышленности, которая позволила бы вырваться из замкнутого круга?

Положение развивающихся стран ухудшается в результате еще двух важных факторов. Первый заключается в том, что их внутренний рынок промышленных товаров весьма узок ввиду отсутствия достаточного платежеспособного спроса. Если говорить о товарах потребительских, решающее значение имеет то, что основная масса населения живет в нищете и не может себе позволить покупать даже многие из необходимых для жизни продуктов. Если иметь в виду машины и оборудование, спрос часто недостаточен вследствие слабости экономики в целом. Многие современные предприятия работают не на полную мощность, их продукция не находит широкого спроса внутри страны, а на внешних рынках не может выдержать конкуренцию с изделиями, выпущенными в высокоразвитых странах.

Второе обстоятельство связано с тем, что промышленное развитие современного типа, на основе достижений научно-технической революции, не решает проблему занятости, не «рассасывает» сколько-нибудь заметно безработицу. Об этом будет сказано ниже, здесь отметим лишь, что все это, вместе взятое, — и своекорыстная политика иностранных монополий, беззастенчиво выкачивающих средства из развивающихся стран, и объективные результаты научно-технического прогресса — во многом объясняет то тяжелое

положение, в котором находится неокрепшая экономика освободившихся стран.

Стратегия монополий направлена на то, чтобы превратить развивающиеся страны (конечно, не все, а те, которые по объективным показателям пригодны для этого) в своего рода индустриально-сырьевые придатки капиталистических государств, в заготовительные цеха мирового капиталистического производства. В его рамках ключевые, технологически передовые звенья всего производственного механизма резервируются за «центром». Внедрившись, таким образом, в самую ткань экономики эксплуатируемых стран, империалистические монополии, прежде всего ТНК, рассчитывают органически включить эти страны в новую — но в принципе столь же неравноправную, как прежняя, — систему капиталистического международного разделения труда, опутать их цепями новой, технологической зависимости.

Следует подчеркнуть, что именно *ТНК стали ударной силой неокOLONиализма, главным орудием эксплуатации развивающихся стран*. Экспансия ТНК стала основной формой вывоза предпринимательского капитала в эти страны (до 90% прямых частных инвестиций). Создавая предприятия, предназначенные для производства продукции на экспорт, ТНК фактически ставят под свой контроль наиболее современные отрасли индустрии. ТНК рассредоточивают производство различных узлов готовых изделий между своими предприятиями: одни находятся у себя «на родине», другие — в развивающихся странах; в последних нет ни одного дочернего предприятия с полным, завершенным производственно-технологическим циклом.

В книге «Восток: рубеж 80-х годов» отмечается, что в случае конфликта национального государства с ТНК последняя прекращает поставку на свое дочернее предприятие необходимых узлов и оно вынуждено закрываться. Такая же участь может постигнуть дочернее предприятие, если по каким-либо причинам монополия сочтет невыгодным его деятельность или конкурент отобьет у нее рынок сбыта. По существу, освободившиеся страны остаются привязанными к ТНК даже в том случае, если последние строят предприятие и передают его по условиям контракта национальному государству. Ведь запчасти, ремонт и модернизация построенного предприятия остаются монополией заокеанского концерна. Так осуществляется на практике новый, технологический вид неокOLONиализма¹.

ТНК злоупотребляют патентами, зарегистрированными на их имя в развивающихся странах. При отсутствии в этих странах сколько-нибудь развернутой отечественной базы науки до 85% их

¹ См.: Восток: рубеж 80-х годов (Освободившиеся страны в современном мире). М., 1983, с. 38—39.

действующих патентных фондов принадлежит иностранцам. Из них в местном производстве применяется в лучшем случае лишь 5—10% запатентованных решений, тогда как остальная их масса используется либо для обеспечения продажи ввозимых ТНК товаров, либо для подавления монополиями конкуренции местной промышленности.

«Центр» в новых условиях нередко поощряет индустриализацию, но такого рода и в таком направлении, как ему выгодно. Может получиться так, что, чем более развитой в индустриальном плане станет страна, преодолевающая отсталость, тем более зависимой от высокоразвитых капиталистических государств она будет. Во всяком случае, к этому объективно направлена политика империализма. Получится ли это — другой вопрос.

Растет ли капитализм изнутри!

Здесь не может быть двух мнений: капитализм растет, не только подталкиваемый извне, но и поднимаясь *изнутри*. Он развивается и на местной, восточной, азиатской, африканской, почве. Во многих странах Азии и Африки переплелись элементы всех способов производства — от «азиатского» до капиталистического. Это — конгломерат самых различных общественных отношений. Современный капиталистический уклад хозяйства — лишь один из многих, и часто не самый важный.

Сегодняшняя фотография облика «третьего мира» лишь в весьма слабой степени отображала бы то, что можно в строгом смысле слова назвать капитализмом. И тем не менее потенциально это, как правило, капиталистические страны (если революция не прервет нынешний процесс их развития).

Товарное производство в эксплуататорском обществе, естественно, порождает в нашу эпоху капиталистические отношения. Капитализм развивался уже в недрах колониального общества, хотя в основном он был представлен иностранным предпринимательством и представлял в значительной мере чужеродное тело. Но все равно дело было уже сделано, был дан решающий, необратимый толчок развитию товарного производства и вовлечению отсталых стран в мировое хозяйство. Вопрос был лишь в том, в чьих руках будет находиться контроль над неизбежным процессом капиталистического развития: ведь возможностей выхода из сферы капитализма тогда еще вообще не было, еще не существовала мировая социалистическая система. Вопрос о выборе пути встал позже.

Термин «выбор пути» весьма условен. Колониализм сам «выбрал» социально-экономическую модель для эксплуатируемых им стран, не спросив согласия их народов. Эта модель — капитализм, возникший в колониальные времена и как бы оставленный в на-

следство освободившимся национальным государствам. Стихийное развитие социально-экономических отношений, начало становлению которых дал колониализм, — *это развитие капиталистическое*, это продолжение уже начавшихся процессов.

В какой мере привилегированные слои освободившихся стран являются адекватными представителями, носителями капиталистических отношений, обладают ли они гегемонией в обществе?

Частный капитал в отсталой стране, да еще в эпоху научно-технической революции, как правило, не в состоянии стать двигателем экономического роста, организовать ломку колониальной хозяйственной структуры, осуществить индустриализацию. Подсчитано, что сегодня размеры первоначального капитала, необходимого для создания предприятий группы «А», увеличились по сравнению с серединой XIX в. в 425 раз. Для создания металлургических заводов требуется в среднем в две тысячи раз больше первоначальных инвестиций, чем во времена индустриализации Англии и Франции.

Буржуазия большинства стран Азии и Африки не имеет опыта промышленного предпринимательства. С давних времен богатые люди там привыкли вкладывать средства, приобретая земли и недвижимость, в крайнем случае — в сферу торговли. В промышленной сфере конкурировать с иностранным капиталом в колониальные времена было невозможно, а после достижения независимости препятствиями стали, во-первых, как уже отмечалось, научно-техническая революция, небывало возросшая стоимость первоначальных инвестиций, а во-вторых — политическая нестабильность. Ведь всякое вложение капитала — это риск: Мало кто склонен вкладывать средства в промышленные предприятия, особенно если речь идет о тяжелой индустрии, в обстановке, когда эти средства окупятся нескоро, а что произойдет в стране завтра — неизвестно.

Французский ученый Морис Гернье писал: «В третьем мире нет предпринимателей в подлинном смысле этого слова. А если они имеются, то они либо обслуживают или имитируют промышленное производство Севера, либо заняты в третичном секторе, т. е. в коммерции или сфере финансов. В целом тропический или полутропический мир не содержит в себе элементов, составляющих основу индустриального развития — такого, каким отличался западный мир за последнее столетие...»¹

В этих словах есть преувеличение, но в целом буржуазные и буржуазно-бюрократические силы в большинстве африканских и азиатских стран не в состоянии самостоятельно строить капитализм на основе беспрепятственного роста частного предпринимательства, свободной игры рынка. Протектором частного сектора

¹ Guernier M. Tiers-monde: trois quarts du monde. P., 1980, pp. 26, 27.

выступает государственная власть, создающая благоприятные, а иногда искусственные, «тепличные» условия для частного предпринимательства, которое могло бы зачахнуть без ее энергичной поддержки. Местный капитализм — это не расправляющий плечи гигант, смело устремляющийся в битву за «место под солнцем», а весьма слабый, рахитичный, мало жизнеспособный организм, который может жить лишь за счет помощи со стороны иностранного капитала либо развиваться под эгидой государства.

В развивающихся странах, идущих по капиталистическому пути, государство (даже если буржуазия, как таковая, мало или вообще не представлена в его бюрократических органах) в принципе создает условия для утверждения капитализма как системы.

То, что капитализм в «третьем мире» развивается при несравненно большей, если не сказать решающей, роли государства по сравнению с тем, что было в «классическом» его варианте, — факт бесспорный.

И тем не менее это капитализм, пусть непривычный с виду, иногда даже карикатурный. Рынок есть рынок, товар есть товар, погоня за прибылью, стремление к обогащению свойственны и дельцам на Востоке. Презрев традиции, религию, древние морально-этические нормы, новоиспеченные бизнесмены занимаются предпринимательством, вкладывают капиталы туда, где они вернее всего дают прибыль. Постепенно, в том числе «под крылышком» государства, возникают все новые и новые компании и фирмы, стихия стяжательства охватывает людей, перед глазами которых — пример обогащения соседей, коллег, земляков. Мелкое производство, рыночные отношения стихийно рожают капитализм. Предоставив государству заниматься такими отраслями экономики, как, например, тяжелая индустрия, инфраструктура и т. д., местная, национальная буржуазия все активнее действует в сферах торговли, строительства, услуг. Распространяется торгашеский, спекулянтский дух, создается — по западному буржуазному образцу — «квазипотребительское общество». «Квази», потому что это «общество потребления» для ничтожной по численности элиты, дождавшейся до «сладкой жизни».

К чему ведет этот капитализм? Кое-где у него уже есть достаточный «стаж», он не везде так молод, как, скажем, в Тропической Африке. Латинская Америка дает некоторые поучительные примеры того, каковы результаты зависимого капиталистического развития.

Латиноамериканская модель

Огромный субконтинент неоднороден. Бразилия или Мексика далеко ушли вперед по сравнению с Эквадором или Парагваем. Общее, однако, — это то, что более полутора столетий государства Латинской Америки

живут в условиях формальной независимости. Избавившись от испанского (а Бразилия — от португальского) колониального владычества, латиноамериканские народы обрели государственный суверенитет. Но экономическая зависимость была всегда, не искоренена она и сейчас.

Разумеется, Латинская Америка сегодня не то, чем она была вчера. Ветры перемен второй половины двадцатого века во многом преобразили облик субконтинента. В большинстве стран национализирована добыча минерального сырья и топлива, быстро развивается обрабатывающая промышленность. При жизни одного поколения наиболее развитые страны субконтинента превратились из аграрно-сырьевых в индустриально-сырьевые страны. Многие специалисты уже считают возможным называть такие из них, как Мексика, Бразилия, Венесуэла, Аргентина, странами среднеразвитого капитализма.

Но этот безусловный прогресс, этот впечатляющий промышленный рост имеют свою оборотную сторону. Внешняя задолженность латиноамериканских государств в 1973 г. едва превышала 40 млрд. дол., а к 1983 г. превысила 340 млрд. дол. Одна только Мексика, казалось бы уверенно возносившаяся на волне «нефтяного бума», имеет более 80 млрд. дол. долгов. В Бразилии — этом «гиганте» Латинской Америки — рекордных размеров достиг дефицит платежного баланса. Это — тяжелые симптомы неблагополучия в экономике, и они связаны не только с экономическим кризисом капиталистического мира, развернувшимся в 1980—1982 гг.

Сам характер латиноамериканского капитализма, особенности его «позднего развития» определяют чрезвычайную хрупкость экономических структур стран субконтинента, уязвимость перед лицом иностранных монополий. Включившись в мировое капиталистическое хозяйство, эти страны в начале XX в. явственно ощутили свою зависимость от колебаний цен на вывозившиеся ими минеральные и сельскохозяйственные сырьевые товары. Еще в 30-е, а особенно в 40—50-е годы в качестве выхода из положения была взята на вооружение политика импортзамещающей индустриализации, стал широко проводиться курс на производство продуктов, традиционно ввозившихся из-за границы. Предполагалось, что это защитит экономику от пагубных последствий падения цен на экспортируемые товары и как результат — от нехватки средств на покупку промышленных изделий. Но этим надеждам не суждено было сбыться. Дав толчок возвышению и обогащению новых групп рвущихся к наживе дельцов, импортзамещающая индустриализация не ликвидировала зависимость от внешних факторов.

Основной, решающей, ударной силой международного финансового капитала выступают транснациональные корпорации, внедрение которых в экономику Латинской Америки приняло характер

мощного, лавинообразного наступления. ТНК вторгаются прежде всего в новейшие отрасли хозяйства — металлургию и металлообработку, транспортное машиностроение, химическую и нефтехимическую промышленность, производство синтетических материалов, электробытовой и электронной аппаратуры.

Технологическая зависимость национального предпринимательства от ТНК исключительно велика. Так, вокруг промышленного комплекса бразильского филиала знаменитой западногерманской фирмы «Фольксваген» на субподрядной основе действует около 4 тыс. средних и мелких предприятий, специализирующихся на производстве отдельных узлов или частей.

Взаимоотношения между тремя главными участниками процесса капиталистического развития в Латинской Америке — государством, частным национальным предпринимательством и ТНК — носят непростой характер. Если в целом верно, что государство все больше идет навстречу крупному национальному бизнесу, а последний, в свою очередь, все более крепкими нитями привязывается к ТНК, то это не означает, что уже образовался некий симбиоз, выгодное для всех сосуществование. И бюрократия госсектора, и местная промышленно-финансовая олигархия имеют серьезные, хотя и разнопорядковые, противоречия как друг с другом, так и с иностранными монополиями.

Вашингтон пытался найти опору для своего господства в лице военных хунт, надеясь, что военные диктатуры сумеют установить такой общественно-политический строй, который позволил бы иностранным монополиям в союзе с местной олигархией «делать свое дело», не опасаясь революционного, демократического движения. Однако события последних лет показали несостоятельность этого варианта преодоления структурного кризиса стран субконтинента. Во-первых, и сами военные оказались далеко не такими покладистыми партнерами империализма, как можно было предполагать, и во многих случаях шли на конфронтацию с силами империализма, хотя и не доводили ее до прямого конфликта (за исключением фолклендского кризиса). Во-вторых, что гораздо важнее, военно-диктаторские режимы оказались не в состоянии решить основные экономические и социальные проблемы, их неумелая и репрессивная политика привела к растущему возмущению самых широких слоев населения, включая и буржуазию, которая после того, как временно миновала «революционная угроза» и левые силы были ослаблены ударами военщины, стала тяготиться произволом военных властей, их неспособностью найти верный экономический курс. Эрозия военных режимов стала распространенным явлением в регионе. Принципиально изменилась политическая ситуация в Бразилии, где сделаны серьезные шаги по пути к установлению системы представительного правления; бесславно закон-

чилося существование военного режима в Аргентине; милитаристская клика сброшена в Боливии. Мало кто сомневается, что сочтено время кровавой фашистской диктатуры Пиночета в Чили.

Капитализм в регионе вполне очевидно показал свою способность обеспечить народам благосостояние и социальную справедливость. При всех успехах индустриального развития трудящиеся массы живут в тяжелых, нетерпимых условиях. Бразильский экономист Селсо Фуртадо писал: «В течение 60-х годов доход на душу населения в Бразилии вырос на одну треть, но плодами этого воспользовался лишь один человек из пяти; доход богатого меньшинства (5% населения) рос в три раза быстрее среднего»¹. Он же писал спустя девять лет, описывая ситуацию в Бразилии: «Прощает только спекуляция... Миллионы людей пополняют армию тех, кто не имеет постоянной работы»². Другой известный латиноамериканский экономист, аргентинец Рауль Пребиш, констатирует: «Большая часть плодов развития пошла на создание привилегированного общества потребления, тесно привязанного к транснациональным корпорациям. Впустую израсходован колоссальный потенциал... Тенденция к лишению широких масс населения возможности пользоваться плодами развития — это главное проявление социального неравенства системы»³.

Бедность и нужда громадных масс населения, потрясающее неравенство в распределении доходов, вопиющая социальная несправедливость — это на сегодняшний день неотъемлемая, органическая черта латиноамериканского капитализма. Того капитализма, который существует в наиболее развитом, продвинувшемся дальше других регионе «третьего мира». Того капитализма, который может гордиться построенными по последнему слову техники заводами и роскошными дворцами местных миллионеров. Латинская Америка, как считают многие, демонстрирует Азии и Африке их завтрашний день. Что и говорить — впечатляющая реклама! Соблазнятся ли ею народы двух других континентов «третьего мира»?

Нефтяные короли

Саудовская Аравия — королевство «кадиллаков». Безлюдные пустыни с верблюдными караванными тропами пересечены линиями нефтепроводов. Огнем и мечом создал свое государство Ибн Сауд, отец нынешнего короля, суровый воин, глава секты ваххабитов — ревнителей чистоты ислама. Очень мало современного было в этом королевстве, где вместо государственного бюджета была личная казна короля, где процветало рабство и на площади рубили головы непокорным.

¹ L'Unita, 1974, 6 luglio.

² South. The Third World Magazine, 1983, December, p. 35.

³ Ibid., September, p. 67.

Перемены принесла нефть. Королевский казначей, носивший золотые монеты в кожаном мешочке у пояса, стал распорядителем фантастических сумм. Каждый принц, каждый влиятельный шейх должен теперь иметь роскошный дворец и лимузин новейшей американской марки. «Кадиллаки», каждый стоимостью в несколько десятков тысяч долларов, заполнили города пустынной страны. Говорили, что шейхи меняют автомобили, как только в них наполняются пепельницы, и шутка была не так уж далека от правды. У некоторых автомашин бамперы и молдинги сделаны из чистого золота. Сын Ибн Сауда, став королем, велел сделать себе в самолете золотой трон.

Но все это считают нравственными издержками на фоне тех грандиозных изменений, которые принесла нефть мировой экономике, и того беспрецедентного шока, который охватил весь капиталистический мир в ходе «нефтяного кризиса» середины 70-х годов.

По запасам нефти на первом месте в мире с большим отрывом от остальных стран идет Саудовская Аравия — свыше четверти всех доказанных мировых запасов (для сравнения: на долю США приходится примерно 6%). Считается, что в недрах пустынного аравийского королевства скрыто более 23 млрд. т «черного золота». Затем идет Кувейт (12,4 млрд. т), Ирак (9,3 млрд. т), Иран (7,5 млрд. т), Объединенные Арабские Эмираты (свыше 5 млрд. т) и др. Крупными запасами нефти обладают у «третьем мире» также Ливия, Венесуэла, Нигерия, Индонезия.

В 1973—1974 гг. члены ОПЕК (созданной в 1960 г. Организации стран — экспортеров нефти) резко повысили цены на нефть. Миллиарды и миллиарды долларов лавиной хлынули в страны ОПЕК. Нефтедоллары стали вкладывать за рубежом, в развитые капиталистические страны. Заграничные активы Саудовской Аравии, составлявшие в 1974 г. 5,7 млрд. дол., спустя 7 лет достигли уже 100 млрд. дол., а доходы от них в 1980 г. равнялись 10 млрд. дол. Не намного отстал и Кувейт, доходы которого от инвестиций за рубежом в том же году составили 6 млрд. дол. Общий же объем инвестированных за рубежом в период 1974—1980 гг. излишков нефтедолларов стран — членов ОПЕК достиг около 350 млрд. дол.

Основная часть валютных резервов стран — членов ОПЕК размещается за границей в виде банковских депозитов и краткосрочных государственных ценных бумаг. В середине 70-х годов, когда на текущих счетах стран ОПЕК стали накапливаться многомиллиардные суммы, некоторые специалисты на Западе забили тревогу. Солидные журналы стали высчитывать, в каком именно году нефтяные шейхи скупят все основные компании и фирмы западного мира. Но все обернулось иначе — к выгоде для империализма. Процесс «рециклирования нефтедолларов» привел к тому,

что значительная доля колоссальных финансовых средств, полученных нефтеэкспортирующими странами от продажи своих природных богатств, вернулась на Запад и уютно разместилась в банках Уолл-стрита и Сити. Шейхи не стали скупать акции западных компаний — они предпочли депозиты и краткосрочные векселя. Это их вполне устраивает. Можно сказать, что таким образом возникли новые финансовые центры зависимого типа, которые сами осуществляют экспорт капитала, причем в первую очередь в страны развитого капитализма. Это — новое явление в мировой экономике. Появился новый отряд международной финансовой буржуазии; его феодальное происхождение не имеет решающего значения.

Али Наими стал в январе 1984 г. первым арабом-президентом нефтяной монополии АРАМКО. В 1982 г. АРАМКО израсходовала на подготовку кадров больше средств, чем составляет целый годовой бюджет ЮНЕСКО — одной из крупнейших специализированных организаций ООН. Из 64 тыс. служащих АРАМКО почти 34 тыс. человек уже составляют арабы-саудовцы, из них же на 55% состоит управленческий штат компании.

Итак, новый очаг капитализма возник в зоне Персидского залива. Каковы перспективы его развития и его влияние на развивающийся мир в целом? Прежде всего следует отметить, что за последние годы конъюнктура на мировом рынке нефти кардинально изменилась. Нефтяной бум закончился, добыча нефти в странах ОПЕК сократилась почти на две пятых, цены начали снижаться, доходы этих стран упали с 272 млрд. дол. в 1980 г. до 135 млрд. дол. в 1985 г. Впервые в истории ОПЕК у стран — членов этой организации появилось отрицательное сальдо платежного баланса, а их совокупный внешний долг превысил 100 млрд. дол. Если для такого нефтяного гиганта, как Саудовская Аравия, это не так уж страшно, то, например, в Нигерии, начавшей уже с 1978 г. стремительно падать в долговую пучину, ухудшение конъюнктуры вызвало серьезные экономические расстройства и стало одной из причин свержения гражданского режима в 1983 г.

Запасы нефти не безграничны, доходы от нее не вечны. Как сказал бывший представитель Алжира в ООН Беджауи, имея в виду нефтедобывающие страны, «если они, сея нефть, не соберут урожай в виде экономического развития, перед ними всего два, может быть, три десятилетия существования»¹. Даже в такой стране, как Саудовская Аравия, министр нефти и минеральных ресурсов Хишам Назер настроен не слишком оптимистически: «Нас, жителей Аравии, считают богатыми. Фактически это не так. Мы

¹ Цит. по: *Servan-Schreiber J.-J. Le Defi mondial*. P., 1980, p. 147.

продаем нефть, которая не возобновляется. И тогда что нам останется? Единственное богатство — это способность создавать»¹.

«Нефтяное чудо», как и все вообще чудеса, не может быть долгим. Мираж рассеивается, наступает отрезвление, и оказывается, что те из поднявшихся в период беспрецедентного «бума» стран, которые обладают умеренными запасами нефти и в то же время имеют большое население (Мексика, Нигерия, Алжир, Индонезия), не смогли за короткое время стать подлинно богатыми и преодолеть трудности, связанные с наследием колониального прошлого. Нефть много им дала, но в целом их проблемы сегодня являются, может быть, еще более серьезными, чем вчера.

Что же остается, из кого состоит «нефтяная элита» «третьего мира»? Саудовская Аравия, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Катар — страны с общим населением примерно 12 млн. человек. Капля в море, если сравнить их со многими сотнями миллионов жителей всего развивающегося мира. В этих малонаселенных государствах доход на душу населения самый высокий в мире: в ОАЭ — около 23 тыс. дол. в год, в Катаре — свыше 21 тыс. дол., в Кувейте — 17 тыс. дол., в Саудовской Аравии — более 12 тыс. дол. И жизненный уровень там таков, что остальные страны могут позавидовать: великолепно оборудованные школы, больницы, бесплатное медицинское обслуживание и образование, включая высшее; в случае надобности больных отправляют лечиться за границу за счет государства. Но... все это — удел лишь нескольких миллионов человек, а сотни миллионов людей в Азии, Африке, Латинской Америке прозябают в нищете, особенно рельефной именно на фоне благосостояния нескольких баснословно одаренных природой стран Аравийского полуострова.

**Там, где царит
голод и нищета**

В официальной статистике ООН есть термин «наименее развитые страны». К ним относятся страны, в которых ВВП на душу населения не превышает 125 дол., доля обрабатывающей промышленности в ВВП составляет менее 10%, а уровень грамотности населения — не выше 20%. Всего таких стран более 30, из них две трети — в Африке.

Как живут люди в наименее развитых странах? Одна из крупных стран этой группы — Бангладеш. Простые цифры статистики: годовой прирост населения — 2,08%; безработные — 33% всего самостоятельного населения; те, кто существует «ниже черты бедности», — 85% всего населения;

¹ Servan-Schreiber J.-J. De Defi mondial, p. 147.

неграмотность среди взрослых — 75%; среднее количество потребляемых в день калорий — 1926 (в США — 3570).

А Тропическая Африка? Согласно прогнозам Международного банка реконструкции и развития, среднегодовые темпы прироста валового национального продукта в 80-х годах в Африке будут колебаться от минус 1% до плюс 0,1%, а доход на душу населения, как ожидается, будет снижаться ежегодно минимум на 2%.

Число жителей, приходящихся на одного врача, составляло в конце 70-х годов: в Бурунди — 50 тыс., Буркина Фасо — 55 тыс., Малави — 42 тыс., Мали — 38 тыс., Нигере — 74 тыс., Чаде — 70 тыс., Руанде — 138 тыс.

Процент населения, имеющего доступ к нормальной питьевой воде: Буркина Фасо — 10%, Мали — 9, Центральноафриканская Республика — 16, Нигер — 27, Руанда — 35%.

Дневное потребление калорий в процентах к потребностям организма: Буркина Фасо — 70%, Малави — 90, Нигер — 91, Сьерра-Леоне — 93, Уганда — 91, Чад — 74%.

Подавляющее большинство людей, о которых повествуют все эти цифры, — крестьяне. Неграмотные, лечащиеся у знахарей, никогда не знавшие, что значит наесться досыта, ковыряющие землю жалкой мотыгой. Урожайность основных сельскохозяйственных культур в Африке — самая низкая в мире. Лишь треть потребностей населения континента в зерновых покрывается собственным производством. В начале 80-х годов производство продовольствия на душу населения сократилось на 1,4%.

Почти треть самодельного населения Африки — это частично безработные. В таких странах, как Мали, Нигер, Буркина Фасо, лишь от одного до двух процентов самодельного населения трудится по найму. Можно ли вообразить более отсталую социальную структуру в конце XX в.?

Особенность положения менее развитых стран состоит в том, что они вынуждены ввозить все — от продовольствия до машин, а средств в большинстве случаев взять неоткуда, так как особо ценных видов сырья у них, как правило, нет, промышленность до того слаба, что о выходе на мировой рынок не может быть и речи, и просто-напросто нечем расплачиваться за импортируемые товары. Получать кредиты? Но именно эти страны, ввиду их «бесперспективности», иностранные банки кредитуют с большой неохотой.

А те страны, которые имеют важное, котирующееся на мировом рынке сырье? Это тоже палка о двух концах. Вот, к примеру, ситуация с замбийской медью. Приведем весьма убедительное ее описание, принадлежащее перу известного французского публициста и общественного деятеля Серван-Шрейбера, написавшего книгу «Мировой вызов».

«Медь должна была принести необходимую иностранную валюту. Страна могла развиваться спокойно, гармонично... Но цена на медь по-прежнему устанавливается в 10 тыс. км от Лусаки. На лондонской бирже. Там «Лондон Металл эксчейндж», контролируя 10% рынка, фактически определяет цены на красный металл... Курс меди упал. С 1977 года цена — ниже издержек. Президент Каунда говорит: «До настоящего времени мировая индустрия эксплуатировала нас различными методами. Сейчас нас просто грабят. Происходит перманентный грабительский налет на наши богатства, а нас заставляют при этом присутствовать с поднятыми руками в ожидании чаевых. Если не будут приняты меры, мы погибнем! Мы отчаянно нуждаемся в том, чтобы импортировать продукты, машины, запчасти...» А ведь экспорт Замбии на 91% состоит из меди»¹.

Как диверсифицировать экономику, чтобы перестать зависеть только от вывоза сырья, как покончить с навязанной в свое время колонизаторами монокультурностью? Стереотипный ответ: создавать собственную промышленность. Но откуда взять на это средства, если условия торговли на мировом рынке ухудшаются, выручка за сырье падает и из этой уменьшающейся выручки надо еще оплачивать импорт продовольствия и нефтепродуктов, цены на которые поднялись? Даже если каким-то путем ухитриться построить несколько заводов, куда сбывать продукцию? В развитых странах — таможенные барьеры, да и по качеству товаров развивающихся стран трудно выдерживать конкуренцию, а внутренний рынок крайне узок. Даже если производить потребительские товары, то основная масса населения не имеет средств для их покупки, а привилегированные слои предпочитают покупать иностранные товары.

Но есть и еще одна головоломная проблема — это проблема занятости. В эпоху научно-технической революции индустрия является крайне капиталоемкой, но в очень малой степени трудоемкой. Современным предприятиям не нужно много рабочих. Создавать предприятия старого образца, с тем чтобы занять как можно больше людей? Но качество продукции, которая выйдет из ворот таких заводов и фабрик, будет настолько низким, а себестоимость настолько высокой, что о конкуренции с изделиями мирового класса не может быть и речи. Значит, волей-неволей надо строить предприятия в соответствии с современными научно-техническими стандартами, включая автоматизацию производства, но тогда занятость в промышленности заметно не вырастет. И остается проблема: каким образом трудоустроить массы людей, бегущих, спасаясь

¹ *Servan-Schreiber J.-J.* Op. cit., p. 162.

от голода, из деревни в город? И растут «городки лачуг» вокруг переполненных, уродливо разбухающих столиц, увеличиваются ряды обездоленных, люмпенов, пауперов...

**Двойное зло
«слаборазвитого
капитализма»**

В «третьем мире» есть своя промышленная элита. В число «новых индустриализирующихся стран», по данным ООН, входят наряду с Мексикой, Бразилией, Аргентиной и Индией также Сингапур, Южная Корея, Тайвань и Гонконг. Промышленные успехи этих государств и территорий в самом деле впечатляют. О латиноамериканских странах уже говорилось, об Индии речь пойдет дальше. Остановимся кратко на «индустриальной четверке» Юго-Восточной и Восточной Азии. Это — фавориты мирового капитала, предмет его гордости и рекламы. Они конкурируют уже с Японией в традиционно «японских» отраслях производства на экспорт, в том числе в сфере бытовой электроники и даже в судостроении.

Прежде всего отметим, что «четверка» уже в самом начале своего индустриального пути стала объектом приложения иностранного капитала в беспрецедентных масштабах и местные правящие круги создавали для нее самые благоприятные условия. Так, в Сингапуре с 1968 г. были отменены все налоги на доходы лиц, не являвшихся местными резидентами; возник мощный рынок азиатских долларов — его объем в 1968 г. составлял всего 30,5 млн. дол. США, а к началу 80-х годов достиг колоссальной суммы — свыше 100 млрд. дол. Образовался, таким образом, новый крупный финансовый центр мирового капитализма.

Этот центр вскормлен и впоен иностранным капиталом, причем к нему следует отнести и капитал, принадлежащий китайцам, проживающим вне пределов Китая (по некоторым оценкам, этот капитал еще в конце 60-х годов приближался к сумме 40 млрд. дол.). Что привлекает его в те государства и территории, о которых идет речь?

В первую очередь, наличие высококвалифицированной рабочей силы. Во-вторых, отсутствие серьезных демографических проблем (малочисленность населения), высокий уровень грамотности, что позволяет обеспечить управленческий персонал квалифицированными кадрами. В-третьих, отсутствие в большинстве из них развитого рабочего революционного движения.

Легко убедиться, что по всем этим параметрам Сингапур или Гонконг представляют собой уникальное явление в развивающемся мире, для которого в целом характерны как раз обратные явления — громадная масса населения, в подавляющей своей части неквалифицированного, малограмотного. Нет, азиатская «четверка» не может быть образцом, примером для «третьего мира». Это —

элита, особый случай. Точно так же как «нефтяные королевства» Аравийского полуострова, Гонконг, Сингапур, Тайвань, Южная Корея не прокладывают путь, которым могут двинуться остальные. Они не авангард, а просто-напросто то исключение, которое лишь подтверждает правило.

Другое дело — Индия. Великая страна, вторая в мире по населению, преобразилась буквально на глазах одного поколения. Прогресс Индии неоспорим. Мощно двинулось вперед промышленное развитие, страна имеет собственные машины и оборудование, развивается металлургия и энергетика, появились предприятия, оборудованные по последнему слову современной техники. Города заполнены автомобилями отечественного производства. Упразднены реакционные формы помещичьего землевладения, в основном достигнуто самообеспечение сельскохозяйственными продуктами. На внешний рынок растущим потоком идут индийские товары, страна экспортирует высококачественную индустриальную продукцию.

Капитализм, господствующий в Индии, — это не рахитичный и карикатурный, прозябающий под покровительством иностранных монополий капитализм большинства стран «третьего мира». Его можно назвать более массовым, органичным, даже, говоря условно, более «демократичным».

Но и теневые стороны индийского капитализма столь же огромны. Города переполнены безработными, нищими, что сразу же бросается в глаза и во многом омрачает картину экономического подъема. Да, подъем есть, но до процветания далеко. Особенно это относится, однако, даже не к городам, а к деревне, в которой живет большинство населения Индии.

«Зеленая революция» (технологический сдвиг в сельском хозяйстве, применение высокоурожайных сортов продовольственных культур) имела большое положительное значение для хозяйства, но в социальном плане привела к укреплению позиций буржуазно-помещичьих элементов. Семена, удобрения, инвентарь, электроэнергия, вода — все в первую очередь у богатых.

Посмотрим теперь, что представляет собой «африканский капитализм». Западная буржуазная пропаганда любит противопоставлять в Африке страны социалистической и капиталистической ориентации: «бедность» первых и «богатство» вторых, делая из этого недвусмысленные выводы: вот вам, дескать, результаты «социалистических экспериментов с обобществлением» и вот — плоды системы частного предпринимательства. Как обстоит дело в действительности?

Нельзя отрицать, что большинство стран социалистической ориентации в Африке и в самом деле весьма бедные. Но они и изначально были такими, еще при прежней системе. Например, Эфиопия, бедность которой подчеркивают западные авторы, при

феодално-монархическом режиме представляла собой одну из самых нищих стран в мире. Люди умирали от голода, неграмотность была чуть ли не поголовной, болезни нещадно косили народ. В такой стране никакое правительство за несколько лет не сможет обеспечить процветание. Но остается фактом, что помещичье землевладение ликвидировано, земля передана крестьянам, нет и в помине прежнего вопиющего социального неравенства, значительно улучшилось медицинское обслуживание, разворачивается кампания по ликвидации неграмотности. Конечно, доход на душу населения остается низким, люди живут бедно, но прогресс неоспорим, народ видит перспективу, сам участвует в строительстве новой жизни. А те страны, в которых правящие круги ведут развитие по капиталистическому пути и экономические достижения которых превозносятся на Западе — Кения, Марокко, Республика Кот-д'Ивуар (прежнее название — Берег Слоновой Кости), Сенегал и пр., при ближайшем рассмотрении оказываются отнюдь не такими уж богатыми и процветающими, хотя стартовый уровень их был значительно выше, чем в государствах с прогрессивными режимами.

В Марокко, по данным на конец 70-х годов, на долю 8% населения приходилось 45% валового национального дохода. Более половины детей школьного возраста не имели возможности учиться. Лучшими землями владеют племенные вожди и городские крупные дельцы, скупившие земельные участки.

Витриной африканского капитализма еще недавно была Нигерия — гигант Африки. Страна с 94-миллионным населением, занимающая первое место в Африке по объему и темпам роста ВВП, добыче нефти, размерам внешнеторгового оборота, объему инвестиций, вошла в первую десятку развивающихся стран по величине ВВП (примерно 30 млрд. дол. в год). Экономические достижения Нигерии — результат нефтяного бума — были предметом зависти многих стран «черного континента». Понадобилось немного времени, чтобы за фасадом нигерийского благополучия обнаружилась достаточно неприглядная картина. Американский журналист констатирует: «Почти 80% промышленного производства в Нигерии — это отрасли, выпускающие потребительские товары. На первом месте идет производство напитков, затем следует текстиль, нефтепродукты, пищевые продукты. В общем объеме ВВП Нигерии промышленное производство составляет менее 10%... крупные инвестиции были сделаны в строительство предприятий по сборке автомашин и производство электротоваров; эти предприятия в ряде случаев на 90% зависят от импортных компонентов»¹. Накануне военного переворота 1983 г. дефицит нигерийского бюджета дости-

¹ International Herald Tribune, 1983, December 17—18, p. 13.

гал 8,2 млрд. дол., внешняя задолженность составила 14 млрд. дол.

А что представляла собой нигерийская «демократия», которой так умилялись на Западе, которую превозносили как образец и пример для всей Африки? Приведем слова бывшего главы государства генерала Бухари: «Простой нигериец... был поработен кучкой людей, главный интерес которых заключался не только в том, чтобы увековечить свою власть любой ценой, но и разделить между собой богатства страны в то время, как рядовые граждане все больше погрязали в нищете». Последние президентские выборы (изображавшиеся на Западе как «триумф величайшей африканской демократии») были, по словам генерала Бухари, «навязаны народу при помощи скандального использования методов политического гангстеризма и широкого подкупа за деньги, награбленные политиками посредством раздутых контрактов, взяток и других форм коррупции»¹.

Пожалуй, больше всего похвал расточалось апологетами капитализма в адрес Кот-д'Ивуара. Правящая верхушка этой страны совершенно открыто и без всякого камуфляжа декларировала свое намерение вести страну по капиталистическому пути. Вряд ли какой-нибудь другой руководитель африканского государства мог произнести такие слова, какие произнес президент страны Уфуэ-Буаьи: «Мы не получили в наследство финансовую буржуазию. Мы заново создали буржуазию, состоящую из ответственных деятелей, которые осваивают богатства земли и приобретают собственность благодаря личным усилиям»².

Одобренные столь ясной и привлекательной программой, равно как и политической стабильностью государства, иностранные капиталисты стали вкладывать крупные средства в экономику Кот-д'Ивуар. С большой энергией взялся за дело местный класс буржуазии, расходовавший большую часть своих прибылей на приобретение дорогих автомашин, драгоценностей, предметов роскоши и т. п.

Однако уже в конце 70-х и начале 80-х годов вывоз прибылей стал превышать приток нового капитала. Между тем по традиции капиталовложения финансировались в основном за счет иностранных кредитов. Постепенно финансовое положение страны стало ухудшаться, темпы экономического роста снизились. Как писала французская «Монд», частные иностранные капиталы отвернулись от Кот-д'Ивуара, в 1978 г. они составили лишь 1% всех капиталовложений. Условия предоставления кредитов ужесточились. Росла внешняя задолженность, увеличились выплаты в счет ее погашения. Резко выросла роль внешнего рынка как основного источ-

¹ International Herald Tribune, 1984, January 5, p. 5.

² Le Monde, 1976, 30 Avril, p. 7.

ника получения платежных средств, но падение цен на экспортируемые товары снизило поступление валюты. В то же время росли экстравагантные расходы правящей верхушки. В Ямускро, деревню, в которой родился Уфуэ-Буаьи и которую он превратил в свою резиденцию (с 1983 г. — столица Кот-д'Ивуара), мрамор доставлялся из Италии самолетами. И это в стране, где распределение доходов в середине 70-х годов было таково: на долю 40% населения приходилось менее 20% общих доходов, а на долю 20% — почти 52%.

Сейчас об «экономическом чуде» Кот-д'Ивуара говорят уже глухо и мало. «Витрина капитализма» в Западной Африке, как выяснилось, не такая уж блестящая и заманчивая, как ее стремились изобразить сторонники развития системы частного предпринимательства в Африке.

И наконец, остановимся еще на одной стране, демонстрирующей наиболее характерные черты «слаборазвитого капитализма». Речь идет о Заире. Эта страна получила 800 млн. дол. американской экономической и военной помощи. И несмотря на финансовые «вливания», на широкую и постоянную политическую поддержку, Запад при всем желании не может гордиться своим фаворитом.

Вначале казалось, что дела в Заире идут не так уж плохо. Первый тревожный сигнал прозвучал в 1974 г., когда резко упали мировые цены на медь — ниже ее себестоимости, в то время как поднялись цены на нефть и зерно. Но это было лишь начало. Как отмечал крупный специалист по проблемам Заира американский профессор Кроуфорд Янг на страницах журнала «Форин афферс», «углубляющийся кризис связан с самой природой политической системы и с растущим неравенством, порождаемым ее действием». Перечисляя причины «заирской болезни», Кроуфорд Янг выделил прежде всего (хотя это еще далеко не самое важное) колоссальную стоимость содержания непомерно разбухшего государственного аппарата: в 1975 г. на это шло 44,3% ВВП, в 1976 г. — уже 56,3%. Гораздо важнее потрясающая, все пронизывающая коррупция; о ней лучше всех сказал сам Мобуту в своей речи в ноябре 1977 г.: «В нашей стране все продается и все покупается... Использование индивидом его законных прав связано с уплатой невидимого дохода, который открыто прикармливают. Прием у чиновника, устройство детей в школу, получение свидетельства об образовании, доступ к медицинскому обслуживанию, место в самолете, лицензия на импорт, диплом — все подчинено этому налогу, невидимому, но известному всем»¹.

¹ Young C. Zaire: The Unending Crisis. — Foreign Affairs, 1978, Vol. 57, No. 1, p. 172.

В 1976 г. доходы от продажи кофе составили 80 млн. заиров, но должно было быть, по подсчетам Янга, 272 млн. заиров. Разница «исчезла» в результате мошеннических сделок, совершенных фирмами, связанными с крупными фигурами из окружения президента. «Важнее всего, — отмечал Янг, — массовая пауперизация, принявшая устрашающие размеры... Такова же картина в сельском хозяйстве... если к официальным налогам, установленным местными властями и достигающим 15—20% дохода от продажи продукции, прибавить фактический налог, скрытый в фискальном обложении экспорта, искусственно заниженные правительством цены и «невидимый налог», то получается, что по крайней мере 50% жалких доходов крестьянина изымаются у него... Сельскохозяйственная продукция, дававшая треть ВВП в конце 50-х годов, к 1975 г. давала лишь 18%. Уровень жизни населения в Заире — один из самых низких в мире, а инфляционный рост цен составляет 60—80% в год».

«Страна разложена коррупцией и контрабандой, — пишет о Заире Серван-Шрейбер. — Кофе посредством мошеннических операций вывозится через все границы. По меньшей мере 60% продукции алмазов вывозится из провинции Кассаи незаконным путем. Единица местной валюты по официальному курсу приравнена к 43,5 бельг. франка, а фактически покупается за 10 франков»¹.

Впрочем, коррупция свойственна многим развивающимся странам, в которых получили распространение буржуазные общественные отношения. Дорвавшись до власти, местная элита ориентируется не на производственные, а на потребительские образцы капиталистического мира. Действует сила «демонстрационного эффекта». Нувориши «третьего мира» как бы стремятся ни в чем не отстать как от прежней колонизаторской верхушки, так и от богачей Запада. Виллы и дворцы, роскошные автомобили и прочие атрибуты «сладкой жизни» — вот предмет их мечтаний и забот. Это относится как к частным предпринимателям, так и к высокопоставленным чиновникам, занятым в администрации и в государственном секторе экономики, служащем им кормушкой, т. е. к так называемой бюрократической буржуазии, расплодившейся в неимоверном количестве.

По существу, происходит или уже произошло сращивание обеих привилегированных групп — частных дельцов и обуржуазивающихся бюрократов, причем именно последние представляют собой решающую силу. Если на Западе процесс установления экономической, а затем и политической власти буржуазии шел через мануфактуру и торговлю к фабрично-заводской промышленности

¹ *Servan-Schreiber J.-J.* Op. cit., p. 233.

и финансам, а затем — посредством системы буржуазного парламентаризма — к господству в парламенте и правительстве, то в развивающихся странах дело обстоит иначе. Политическая власть дает экономическое могущество. «Индустрия власти» приносит влияние и богатство. Администраторы и менеджеры, партийные боссы, руководители предприятий госсектора обогащаются как благодаря неслыханно крупным окладам, так и путем беззастенчивой коррупции. Маклеры орудуют в госсекторе в качестве снабженцев и сбытовиков, наживаются на контрактах с иностранными фирмами, на спекуляции и контрабанде. Рядом с ними ведут свои весьма прибыльные дела торговцы-оптовики, руководители государственных промышленных и торговых компаний, владельцы частных строительных и транспортных контор, дельцы, занимающиеся операциями с недвижимостью. Именно такого сорта люди, а не фабриканты и заводчики определяют лицо «слаборазвитого капитализма». Это — частновладельческая торгово-финансовая, маклерская, спекулятивная и неоконпрадорская буржуазия, иногда именуемая также «паразитической буржуазией», плюс разбогатевшая бюрократия, часто также не брезгающая и доходным частным бизнесом. Связанные между собой социальными, а зачастую и семейными узами представители всех этих категорий элиты и являются движущей силой уродливого капиталистического развития в «третьем мире».

Бюрократическая буржуазия сочетает в себе худшие черты всех эксплуататорских классов, известных в истории. Хищная и наглая, презирающая простой народ, не думающая о национальных интересах, предпочитающая те сферы бизнеса, которые связаны с минимумом риска, но приносят максимум прибыли, буржуазно-бюрократическая прослойка является главной виновницей невиданной по масштабам коррупции, о которой бесконечно говорят и пишут. Вот типичный пример, взятый из недавнего прошлого нигерийской буржуазной «демократии»: «Делец должен был дать взятку, чтобы быть представленным крупному правительственному чиновнику, заплатить другому при заключении контракта, «сунуть в лапу» еще раз, чтобы ему вовремя оплатили товар или услуги, а потом еще раз, чтобы полученные в местной валюте деньги перевести в иностранную валюту. Так, бизнесмен переводил в доллары 100 тыс. найр, полученные таким образом 135 тыс. дол. вывозил за границу, покупал по «плавающей рыночной цене» 100 тыс. найр — это обходилось ему в 30 тыс. дол., возвращался в Нигерию и «зарабатывал» таким путем 75 тыс. дол., за вычетом того, что он должен был заплатить всем, кто ему помогал»¹.

¹ International Herald Tribune, 1984, January 23, p. 1.

Капитализм, внедряясь в развивающиеся страны, приносит туда свои худшие черты. Он не способен обеспечить людей работой, постоянно углубляет пропасть между богатыми и бедными. Накладываясь на нищету и отсталость — наследие колониальной эпохи, на деформированную вследствие зависимого развития структуру экономики, пороки капитализма углубляют старые диспропорции и противоречия, порождают и обостряют новые антагонизмы в обществе. Получается поистине двойное зло: в «слаборазвитом капитализме» переплетаются пороки как унаследованные от колониально-феодалного прошлого, так и привнесенные разлагающим влиянием буржуазного Запада.

**Прогресс достигим
лишь в борьбе**

Неспособность капитализма обеспечить решение тяжелых проблем освободившихся стран становится все более очевидной. Это понимают многие реально мыслящие люди и в самом «третьем мире», и за его пределами. Известный французский исследователь Африки Рене Дюмон писал: для того чтобы выбраться из состояния зависимости и слаборазвитости, «необходимо поставить под сомнение целиком всю модель западного развития, общества потребления, преобладание городского и промышленного типа развития...»¹.

Все большее число людей осознает, что для большинства освободившихся стран подражание пути, пройденному индустриальными капиталистическими державами, воспроизводство буржуазной модели развития — дело нереальное и нежелательное. Нереальное, ибо в этих странах, особенно в перенаселенных и бедных ресурсами, лишенных источников первоначального капиталистического накопления, практически невозможно в обозримые исторические сроки создать на пути капитализма современное индустриально развитое общество. Нежелательное, ибо такой вариант развития в отсталом обществе неизбежно приводит к углублению уже существующего разделения его на численно ничтожную привилегированную элиту и обездоленное большинство, к насаждению чуждых, противоречащих национальным традициям культурно-социальных образцов.

Немало народов Азии и Африки встают на иной путь. Появление стран социалистической ориентации — одно из наиболее значительных, поистине исторических явлений современной эпохи. Несмотря на огромные трудности, идет процесс созидания нового общества в Эфиопии и Народной Демократической Республике Йемен, Мозамбике и Анголе. Избранный этими странами путь социалистической ориентации отвечает подлинным интересам и це-

¹ Dumont R., Mottin M.-F. L'Afrique Etranglée. P., 1980, p. 242.

лям народных масс, отражает их стремление к справедливому общественному строю, совпадает с магистральным направлением развития человечества. Надежной опорой этих стран, их верным и испытанным союзником выступают Советский Союз, вся мировая система социализма.

Но пока что некапиталистический путь развития не стал столбовой дорогой для освободившихся стран, взятых в целом. Большинство из них идет по капиталистическому пути. Но это не означает, что в рамках капиталистической системы хозяйства для них отрезан путь к прогрессу, к успехам в борьбе против зависимости от империализма.

Уже тот факт, что навсегда ушла в прошлое колониальная система империализма, почти полностью исчезли колонии, международный капитал лишился возможности бесконтрольно и беспрепятственно распоряжаться судьбой народов и эксплуатировать их наиболее легким и удобным для себя образом, означает огромный прогрессивный сдвиг в истории человечества. А за этим последовали и другие перемены. За годы независимости многие из них добились заметных успехов в хозяйственном и культурном строительстве, в упрочении национальной государственности. Освободившиеся страны взяли в собственные руки свои природные богатства, национализировали иностранную собственность в ключевых отраслях хозяйства.

Вслед за возникновением движения неприсоединения, выражающего антиимпериалистическую в своей принципиальной сущности солидарность освободившихся стран, стал развиваться процесс их сотрудничества в экономической области. На I Конференции ЮНКТАД в Женеве в 1964 г. была создана «Группа 77» — ядро движения экономической солидарности и координации усилий государств «третьего мира». Ее образование отражало назревшую историческую потребность, и можно согласиться с американским ученым Хансеном, который писал: «Если бы не было «Группы 77», то зарождающаяся международная политическая система предложила бы создать ее»¹. Речь идет о перестройке международных экономических отношений, в ходе которой могут быть осуществлены требования развивающихся стран об установлении нового международного экономического порядка (НМЭП).

Призыв к установлению НМЭП прозвучал на IV Конференции глав неприсоединившихся государств в Алжире в 1973 г., где вопросы экономики впервые заняли центральное место в деятельности движения неприсоединения. Освободившиеся страны добиваются стабилизации цен на сырье, сокращения своей внешней задолженности, увеличения экономической помощи, особенно наименее раз-

¹ Hansen R. D. Beyond the North-South Stalemate. N. Y., 1979, p. 108.

витым странам, и облегчения ее условий, создания благоприятных условий для экспорта своих промышленных изделий в индустриальные страны, предоставления им тарифных преференций, облегчения передачи технологии и т. д. Советский Союз, неизменно выступающий в защиту развивающихся стран, поддерживает многие их требования.

В основу концепции НМЭП положены три главные идеи, отражающие необходимость: а) политического регулирования мирохозяйственных связей на межгосударственном уровне, б) создания механизма перераспределения мирового общественного продукта в пользу развивающихся стран, в) демократизации всей системы международных экономических отношений. Поскольку большинство правительств развивающихся стран по своей классовой природе и ввиду интересов доминирующих социальных сил не стремится к революционным преобразованиям, к сокрушению империализма, постольку устранение несправедливых отношений мыслится в рамках капитализма. С другой стороны, поскольку эти же правительства не настроены на то, чтобы заняться коренными переменами внутри своих стран и, в частности, добиваться ликвидации социального неравенства, вопрос о внешнем субсидировании развития не увязан с проблемой радикальных внутренних реформ в самих развивающихся странах. Эти два обстоятельства, видимо, уменьшают реальность достижения целей, выдвинутых в программе НМЭП.

Бессмысленно, однако, сетовать по этому поводу, так как оба отмеченных момента отражают другую реальность, существующую сегодня, а именно тот факт, что во главе большинства государств «третьего мира» находятся силы буржуазного или пробуржуазного типа. Было бы нелогично ожидать от них серьезных шагов, направленных как против мирового капитализма, так и против собственных, ими же установленных и поощряемых социально-экономических систем, органичной частью которых является присущее всем капиталистическим системам вообще социальное неравенство.

По этой причине было бы неверно видеть в программе НМЭП боевую антиимпериалистическую направленность, но неправильно было бы и отрицать заложенные в ней прогрессивные потенции, пусть и реформистского, а не революционного характера. Не случайно эта программа оказалась даже в ее нынешнем виде неприемлемой для империалистических кругов, которые делают все, чтобы утопить ее в бесконечных «раундах» переговоров по частным вопросам, отказываясь пойти на существенные шаги навстречу справедливым требованиям развивающихся стран.

И тем не менее нельзя полагать, что все остается без изменений в экономических взаимоотношениях между двумя «подразделе-

ДОЛЯ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН В ВАЛОВОМ ВНУТРЕННЕМ ПРОДУКТЕ И ПРОМЫШЛЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ НЕСОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО МИРА (в процентах)

ниями» мирового капиталистического хозяйства. Машина неоколониалистской эксплуатации развивающихся стран явно «буксует». Добиться беспрепятственного, «гладкого и гармоничного» (с точки зрения империализма) включения экономики освободившихся стран в мировое капиталистическое хозяйство не удалось. То тут, то там возникают трещины, появляются новые очаги напряженности во взаимоотношениях с развивающимися странами, вспыхивают конфликты, в том числе и с наиболее капиталистически ориентированными из них, образуются новые узлы противоречий, обостряется конкуренция. Можно уже говорить о *начавшемся кризисе системы неоколониализма*.

Несмотря на огромные трудности, экономика «третьего мира» во многом сегодня уже не та, что была еще недавно. ВВП в развивающихся странах в 1950—1985 гг. вырос более чем в 5,4 раза. Доля этих стран в общем импорте готовых изделий всеми индустриально развитыми странами капиталистического мира повысилась с 1970 по 1984 г. с 4,7 до 12,7%.

Растущая независимость освободившихся стран наглядно проявляется в политике, в сфере международных отношений. Пример Индии говорит о возникновении таких, казалось бы, внутренне противоречивых явлений, когда государство, идущее по капиталистическому пути, занимает прогрессивные, антиимпериалисти-

ческие позиции в международных делах, проводит экономическую политику, ущемляющую интересы иностранных монополий.

Понять это можно лишь с учетом ряда факторов. Прежде всего, следует проводить различие между органической, структурной зависимостью развивающихся стран от международного финансового капитала, с одной стороны, и их способностью принимать самостоятельные политические и экономические решения по конкретным вопросам — с другой. Далее, необходимо учитывать изменившееся соотношение сил в мире. Наличие мировой системы социализма, ее растущая позитивная роль в международных делах позволяют освободившимся странам разной ориентации успешно противостоять империализму по многим направлениям. Наконец, важнейшим фактором антиимпериалистической позиции государства выступает борьба масс.

Процессы, происходящие в развивающихся странах, имеют крайне сложный, внутренне противоречивый характер. Установленные в большинстве из них капиталистические отношения, подобно тяжелой гире, тянут их вниз, способствуют закреплению их неравноправного, «периферийного», зависимого положения. Однако национальные интересы, объективно несовместимые с сохранением намертво стягивающего их жесткого обруча буржуазных производственных отношений, все же пробиваются сплошь и рядом, дают о себе знать, несмотря на мощное противодействие империализма; эти интересы не могут не учитывать даже прокапиталистические правящие круги.

Социалистическая система своим существованием решительно изменяет положение дел в современном мире. Ныне развивающиеся страны в борьбе с империализмом не одиноки. Глубинная общность интересов связывает их с социалистическими государствами. Борьба развивающихся стран за свои права и интересы объективно смыкается с общей антиимпериалистической борьбой народов за свободу, мир и социальный прогресс. Именно это вселяет надежды на то, что освободившиеся страны смогут успешно противостоять империалистическим эксплуататорам, а в конечном счете пойти по пути поиска новых решений, направленных на радикальное обновление всей их общественной жизни.

Такой поиск уже идет, и идет плодотворно. Речь идет о попытке развиваться «в обход» капитализма, спрямить путь исторического развития, выйти на рубежи, дающие возможность подхода к строительству социализма. «Широкие перспективы общественного прогресса открывает некапиталистический путь развития, *путь социалистической ориентации*, избранный рядом освободившихся стран, — подчеркивается в Программе КПСС. — Их опыт подтверждает, что в современных условиях, при существующем в мире соотношении сил расширились возможности ранее поработанных

народов отвергнуть капитализм, строить свое будущее без эксплуататоров, в интересах трудящихся»¹.

В. И. Ленин выдвинул концепцию, жизненность и правота которой оказались подтвержденными в наши дни, — концепцию перехода отсталых стран к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. В. И. Ленин первым понял, что в современную эпоху, когда появилась возможность образования социалистических государств, для колоний и полукolonий уже нет фатальной неизбежности проходить все фазы развития капитализма.

Для реализации этой возможности главным и необходимым условием является помощь и поддержка стран победившего социализма. Но и при этом неизбежно прохождение особого исторического отрезка, возможно весьма длительного, в течение которого и будут создаваться предпосылки для строительства социализма как такового. Ведь речь идет о странах, в которых развились еще не все необходимые внутренние условия, позволяющие непосредственно перейти к преобразованиям социалистического характера. Нет еще соответствующей материальной базы в виде развитой экономики современного типа, нет достаточно многочисленного, классово сознательного пролетариата. Но уже сделан принципиальный шаг — отвергнут капитализм как путь, не обеспечивающий ликвидацию отсталости и зависимости, провозглашен выбор в пользу социализма. Пути и методы решения общедемократических задач сознательно ориентированы на победу социализма, на ограничение элементов, порождающих капиталистические отношения. Появляется возможность подвести по каналам национально-освободительной борьбы к антикапиталистическим процессам крестьянские, полупролетарские, мелкобуржуазные массы, а также те слои пролетариата, которые еще не выработали классового сознания.

Основные черты некапиталистического пути развития — это, во-первых, изменение классового характера власти, передвижка ее стержня влево. На руководящих позициях в странах с революционно-демократическими режимами нет ни помещиков, ни крупной и средней буржуазии.

Во-вторых, это активная антиимпериалистическая внешняя политика, курс на союз с силами мирового социализма.

В-третьих, это ликвидация засилья иностранных монополий и переход важнейших отраслей экономики в руки национального государства; сужаются или даже перекрываются каналы империалистической эксплуатации.

В-четвертых, определяющая экономическая роль государствен-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 135—136.

ного сектора, национализация крупных частных предприятий, ограничение возможностей буржуазного развития.

В-пятых, привлечение широчайших народных масс к участию в управлении государством, всеми общественными и хозяйственными делами, развитие самодеятельности масс, их мобилизация при руководящей роли авангардной партии, распространяющей и пропагандирующей социалистическую, антибуржуазную идеологию. «Преодолевая сопротивление внутренней и внешней реакции, — говорится в Программе КПСС, — правящие революционно-демократические партии проводят курс на ликвидацию господства империалистических монополий, племенной знати, феодалов и реакционной буржуазии, на укрепление государственного сектора в экономике, поощрение кооперативного движения в деревне, повышение роли трудящихся масс в экономической и политической жизни»¹.

Где эти основные направления выдерживаются, где сломан прежний, буржуазный по духу государственный аппарат, унаследованный от колонизаторов, где мелкобуржуазные, националистические элементы уступают позиции представителям тенденции научного социализма, где создана партия трудящихся и народ осознает себя хозяином страны, там заложена основа продвижения через переходный период к стадии построения социализма. Там в новом государственном аппарате служат выходцы из народа; развивается самодеятельность масс, создается система низовых народных комитетов, местных органов власти; разворачивается деятельность по политической воспитанию народа на основе идеологии научного социализма. На примере стран социалистической ориентации четко прослеживается основная тенденция современного общественного развития человечества.

Безусловно, социалистическую ориентацию развивающихся стран следует рассматривать как элемент мирового революционного процесса, как его продолжение и углубление, переход на качественно новый уровень всего процесса борьбы за национальное и социальное освобождение, против зависимости от империализма. Западные буржуазные политики и пропагандисты утверждают, что революционные преобразования в «третьем мире» инспирируются Советским Союзом. Если верить им, Кремль разжигает революционные настроения, осуществляет «подрывную деятельность» на трех континентах, подталкивает левые силы к борьбе против правительств и тем самым дестабилизирует обстановку, создает новые конфликты и «горячие точки».

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 136.

Жизнь убедительно доказывает фальшь подобных утверждений. Кто, например, может поверить, что народ Никарагуа поднялся против деспотического режима Сомосы по наущению «агентов Москвы», что восстание сальвадорских патриотов или усиливающаяся борьба угнетенных масс населения Южной Африки против бесчеловечной системы апартеида — результат «козней СССР»? Революции не экспортируются, они вызревают изнутри, когда гнет и насилие, эксплуатация и несправедливость становятся уже невыносимыми для масс. Если не созрела революционная ситуация, никакие внешние силы не поднимут людей на борьбу, не заставят их бросить вызов властям с их вооруженной до зубов армией и, презирая смерть, выйти на улицы, взяться за оружие во имя свободы.

Доведенное до отчаяния гнетом португальских колонизаторов население Анголы и Мозамбика не нуждалось в том, чтобы Москва толкнула его на борьбу за независимость. Это относится и к революционным движениям, направленным против отживших, обреченных историей феодальных режимов (Эфиопия, Йеменская Арабская Республика, Афганистан) и коррумпированных империалистических диктатур (Иран, Судан). А то, что наиболее радикальные, последовательные революционные силы берут на вооружение передовые идеи нашей эпохи, провозглашают ориентацию на социализм, свидетельствует лишь о том, что марксизм-ленинизм самым ходом истории выдвигается как универсальная, имеющая ценность и для Запада, и для Востока, теория и практика перехода к новым, справедливым формам общественного устройства.

**Новое в расстановке
социальных сил**

Формы классовых столкновений могут быть, как указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, различными: то явными, то скрытыми¹. Смена явных форм скрытыми порождает обычно волну иллюзий относительно затухания классовых конфликтов. В свою очередь, эти иллюзии широко используются буржуазией для очередного провозглашения наступления «новой эпохи» социального мира. Подобное происходило не один раз, но суровая реальность социальных отношений неизменно опрокидывала «воздушные замки» классового примирения.

Смена форм классовой борьбы происходит под влиянием множества факторов. Решающую роль среди них играет степень социальной напряженности, которая определяется разрывом между развитием производительных сил и производственных отношений, темпами и направлением сдвигов в социальной структуре общества, интенсивностью эксплуатации рабочей силы, состоянием экономики, стратегией господствующего класса, организованностью и зрелостью классового сознания наемных трудящихся, их боевым духом. Свое воздействие на смену форм борьбы оказывают сложившиеся традиции решения классовых конфликтов, расстановка политических сил в каждой конкретной стране, положение в соседних странах, общая международная обстановка и т. д.

Многообразие факторов, влияющих на формы классовой борьбы, порождает большие различия в ситуации, которая складывается в разных частях капиталистического мира. Тем не менее в странах с одинаковым уровнем развития для состояния классовой борьбы характерны и некоторые общие черты, отражающие глубинные тенденции, что позволяет анализировать стадии и формы этой борьбы в едином контексте.

Обратившись к промышленно развитым странам, можно констатировать, что за четыре послевоенных десятилетия формы классовых столкновений менялись в них неоднократно и, за неко-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 424.

торым исключением, в главных чертах синхронно. В основе этого лежали процессы, происходившие в экономическом базисе и нашедшие выражение в перестройке социальной структуры общества, а также в особенностях послевоенного экономического развития.

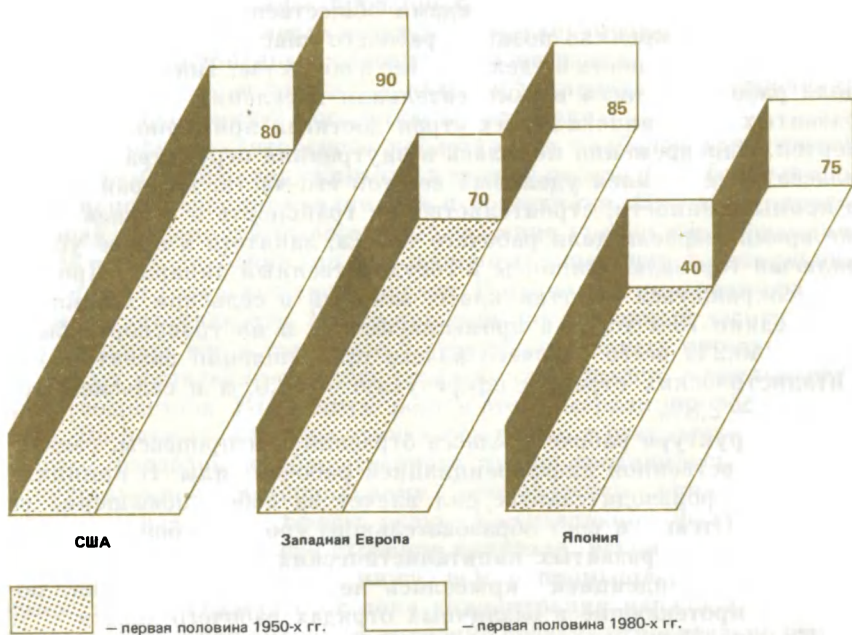
В перестройке социальной структуры в послевоенные десятилетия можно выделить два основных этапа. *Первый* наступил в 50-х годах и завершился в различных странах к концу 60-х — первой половине 70-х годов, *второй* начался во второй половине 70-х и продолжается до сих пор.

Уже на первом этапе соотношение между различными социальными группами, а также внутренняя структура самих этих групп подверглись значительным изменениям. Городское население существенно выросло главным образом за счет массовых выбросов рабочей силы из сельскохозяйственного производства, вступившего в эти годы в стадию быстрой индустриализации. Большинство новых горожан стали наемными рабочими. В результате удельный вес рабочего класса в обществе увеличился, а роль крестьянства существенно уменьшилась.

Важным новым элементом расстановки социальных сил в городе стали в эти годы изменения, обусловленные углубившимся разделением труда и быстрым возрастанием роли сопутствующей индустриальному производству нематериальной сферы (сбор и обработка производственной и коммерческой информации, научные и технологические разработки, производственные и индивидуальные услуги). В состав рабочего класса влились новые массовые отряды наемных работников, занятых вне материального производства как физическим, так и умственным трудом.

Внешне данный процесс нашел также выражение в опережающем росте численности служащих, к которым буржуазная статистика обычно причисляет лиц, занятых нефизическим трудом и получающих твердо зафиксированный оклад. На протяжении всего рассматриваемого периода темпы роста служащих увеличивались во всех промышленно развитых капиталистических странах, обгоняя темпы роста наемных работников, относимых к рабочим в узком смысле слова.

Дело, однако, не сводилось к количественным сдвигам. Служащие даже на ранних этапах развития капитализма, когда их численность была весьма невелика, не представляли собой социально однородной массы. За объединяющими их признаками (наемный и притом преимущественно нефизический труд и фиксированное месячное жалование) скрывались существенные различия в материальном положении и социальном статусе. В дальнейшем социальная дистанция между отдельными отрядами служащих постоянно росла. Уже в начале XX в. она начала приобретать классовый характер. В 50—70-е годы дифференциация служащих

привела почти к повсеместному распаду этой группы как социального целого. Высшие служащие стали неотъемлемой частью господствующего класса — буржуазии, наиболее массовая часть рядовых служащих влилась в состав рабочего класса, средние служащие образовали специфическую группу в составе городских средних слоев.

Аналогичную трансформацию пережила и такая специфическая категория, как интеллигенция, значительная часть которой одновременно имеет статус служащих. Общие признаки, объединяющие эту группу, являются не формально-юридическими, а сущностными: они основаны на общности характера труда и образовательного уровня. Поэтому ее распад по классовому признаку был не столь абсолютным, как в предыдущем случае. Тем не менее в рассматриваемые годы классовая дифференциация интеллигенции распространилась на большинство ее профессиональных групп. При этом наиболее массовые категории представителей интеллектуальных профессий перестали существенно отличаться от основной части наемных рабочих.

То, что в состав рабочего класса влились большие группы работников наемного труда, высокообразованных и наиболее тесно связанных с современными видами общественного производства, существенно укрепило позиции рабочего класса. Еще больше выросли его численность и удельный вес в обществе. Так, к 70-м годам доля рабочего класса в самостоятельном населении промышленно развитых капиталистических стран достигла примерно трех четвертей. Одновременно менялась и внутренняя структура рабочего класса. Уменьшился удельный вес той его части, которая занята в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи. В то же время выросла доля рабочего класса, занятого в сфере услуг, включая торговлю, финансы и государственный аппарат. Продолжал сокращаться рабочий класс, занятый в сельском хозяйстве. В середине 70-х годов в промышленности и на транспорте было занято 45,2% всего рабочего класса промышленно развитых капиталистических стран, в сфере услуг — 52,0, а в сельском хозяйстве — 2,8%.

На структуре рабочего класса отразились и процессы, связанные с качественной дифференциацией рабочей силы. В принципе развитие производительных сил влечет за собой повышение ее качества. Отсюда и рост образовательного уровня рабочих во всех индустриально развитых капиталистических странах. Однако за этой общей тенденцией скрывались неоднородные явления, поразному протекавшие в различных отраслях рабочего класса.

Качественные изменения в промышленном пролетариате были обусловлены двойственной природой преобразований в промышленности. С одной стороны, продолжалось внедрение средств механизации, в результате чего вытеснялись, а частично даже исчезали многочисленные профессии высокой квалификации, основанные на ремесленном мастерстве и навыках. Следствием этого было снижение уровня профессиональной подготовки и значительное увеличение группы рабочих средней квалификации, занятых чаще всего на конвейерном производстве. С другой стороны, росли и развивались новые отрасли промышленности, опирающиеся на более передовую технологию и использование элементов автоматизации. Это порождало потребность в квалифицированных рабочих нового типа: обслуживающем персонале при технике высокой сложности. И хотя такого рода обслуживание не всегда связано с повышением творческого содержания труда и нередко сводится к монотонному надзору, его осуществление в условиях повышенной ответственности за технологический процесс потребовало высокого уровня как общей, так и специальной подготовки.

Оба процесса, накладываясь друг на друга, смазывали общую картину. При этом в странах, в основном прошедших стадию механизации, обобщенные показатели ясно свидетельствовали об устой-

чивом росте квалифицированных групп, некотором снижении удельного веса рабочих средней квалификации и заметном уменьшении доли неквалифицированных рабочих. Там, где отдельные отрасли промышленности интенсивно механизировались, удельный вес квалифицированных рабочих все еще падал, рабочих средней квалификации — возрастал, а неквалифицированных — проявлял нечетко выраженную тенденцию к понижению.

Для торгово-контторского пролетариата наиболее характерной была замена типа квалификации в связи с переходом к более широкому использованию механизмов и оргтехники. При этом определяющей тенденцией было общее снижение уровня квалификации.

Не столь глубокие, но тем не менее существенные изменения претерпели городские средние слои. Внешне они проявили сравнительно устойчивую. На протяжении последующих десятилетий их удельный вес в социальной структуре главных промышленно развитых капиталистических стран не сокращался, а численность даже возрастала. Решающую роль в этом сыграли два обстоятельства. Во-первых, как уже отмечалось выше, в результате углубившегося разделения общественного труда увеличилось значение сопутствующей материальному производству нематериальной сферы, в частности сферы услуг. На начальной фазе развития размеры и органическое строение капитала, используемого в этой сфере, были значительно ниже, чем в промышленности. То же самое можно сказать о степени концентрации капитала и производства. Подобная ситуация временно создала относительно благоприятные условия для мелкого бизнеса, которые интенсивно использовались на протяжении 50—70-х годов.

Во-вторых, городские средние слои пополнились за счет групп, выделившихся в результате дифференциации служащих и интеллигенции и образовавших категорию, получившую наименование «новые средние слои». Эта категория объединила наемных работников квалифицированного умственного труда, занятых информационной, управленческой и аналогичной деятельностью и размещающихся в социальном отношении между рабочим классом и буржуазией. Поскольку рост новых средних слоев был интенсивнее, чем внедрение в сферу услуг мелкого бизнеса, в наиболее развитых капиталистических странах соотношение в городских средних слоях между традиционной мелкой буржуазией и новыми средними слоями изменилось. Если раньше мелкие предприниматели составляли ядро городских средних слоев, определяя их облик, то теперь эта роль перешла к новым средним слоям, оттеснившим традиционную мелкую буржуазию.

Отмеченные выше сдвиги в социальной структуре промышленности развитых капиталистических стран реализовались в виде потоков самостоятельного населения, которое покидало одни структур-

ные подразделения, пыталось интегрироваться в другие и меняло при этом не только место жительства и тип занятий, но и прежний социальный статус.

Основная часть населения, вытесненного из сельскохозяйственного производства, как уже отмечалось выше, пополнила ряды городского рабочего класса. Поскольку в его структуре наиболее интенсивно росла численность конторско-торговых работников, занятых по преимуществу в сфере услуг, часть потока выходцев из села была поглощена именно им. В отряде промышленных рабочих за счет выходцев из села наиболее интенсивно пополнялись категории мало- и полуквалифицированных работников, поскольку бывшие сельские жители не обладали необходимой профессиональной подготовкой.

Менее многочисленная, хотя подчас весьма значительная часть самостоятельного населения, вытесненного из сельскохозяйственного производства, укоренилась в городском мелком бизнесе, особенно в той его сфере, где в результате структурных перемен возникли новые возможности (в отраслях, занятых производственным и индивидуальным обслуживанием, в индустрии туризма и т. д.).

Вымывание той части традиционного мелкого бизнеса, которая не сумела приспособиться к изменившимся производственным потребностям и была вытеснена из прежней сферы деятельности, способствовало росту рабочего класса. Выходцы из этой группы пополняли в первую очередь новые отряды промышленного пролетариата, занятые преимущественно умственным трудом и имеющие статус служащих, ряды квалифицированных и высококвалифицированных категорий работников.

Большинство процессов, о которых шла речь выше, продолжало набирать силу и на следующем этапе — со второй половины 70-х годов. Тем не менее в развитии социальной структуры наметились также тенденции, едва просматривавшиеся ранее. Появление этих тенденций было обусловлено двумя главными обстоятельствами: устойчивым снижением темпов роста общественного производства во всем капиталистическом мире и значительно ускорившейся технологической перестройкой промышленности на базе новейших достижений научно-технической революции.

В связи с завершением структурных преобразований в сельском хозяйстве миграция рабочей силы из деревни резко сократилась и перестала играть сколько-нибудь серьезную роль в формировании социальных групп городского населения. Напротив, структурная перестройка в промышленной сфере получила новые сильные импульсы. Внедрение современной технологии в производственные процессы внесло существенные коррективы в отраслевую структуру. Многие из отраслей, считавшихся до последнего времени ключевыми, попали в категорию «неперспективных».

В этой связи под ударом оказались занятые в них отряды промышленных рабочих.

Коренное изменение технологических процессов в этих, как и некоторых других, отраслях привело к исчезновению ряда видов труда, которые считались ранее определяющими. За несколько лет исчезли (или находятся на пути к исчезновению) десятки и даже сотни профессий, связанных с традиционными формами обработки исходного сырья и полуфабрикатов, сборки готовых изделий, контроля за их качеством, транспортировки и т. д. В условиях падения темпов промышленного производства это в ряде случаев привело к уменьшению численности данного отряда рабочего класса.

Экстенсивное развитие занятости в нематериальной сфере, характерное для предыдущего этапа, замедлилось в результате автоматизации ряда важных видов деятельности (в банковской и конторской сфере, в области информатики и связи, в складском деле и т. д.). Продолжал меняться характер этой деятельности: работа с бумагами во все большей степени уступала место машинной обработке информации, требующей иной квалификации и иных навыков. В целом рост рядов рабочего класса за счет занятых в нематериальной сфере преимущественно нефизическим трудом продолжался, однако медленнее, чем на предыдущем этапе.

Требования к качеству рабочей силы повышались. В связи с этим вытеснение малоквалифицированной рабочей силы обычного типа и расширение применения квалифицированного труда происходило более интенсивно, чем ранее. В то же время в результате упрощения ряда технологических процессов возникли новые сферы деятельности, не требующие высокой профессиональной подготовки. Это привело, в частности, к расширению области применения надомного труда низкой квалификации.

Обобщая сказанное выше, можно констатировать, что *рабочий класс в развитых капиталистических странах и на новом этапе является самой массовой и активной как в социальном, так и в политическом отношении общественной силой, основным революционным классом современной эпохи.* Однако его внутренняя структура еще больше усложнилась, изменилось соотношение между его элементами. Городские средние слои продолжали развиваться в том же направлении, что и в предыдущие годы. Но в связи с углубившейся автоматизацией умственного труда рост новых средних слоев происходил на этом этапе не так интенсивно, как прежде.

Общество массовой безработицы

До начала 70-х годов, несмотря на существенную перестройку производства и соответствующей ему социальной структуры, резервная промышленная армия в развитых капиталистических странах практически не воз-

растала, а в отдельных случаях оставалась минимальной. Основная часть работоспособного населения, вытесненная из одной производственной сферы, в конечном итоге оказывалась — на лучших или худших условиях — вновь включенной в производственный процесс. Более того, в некоторых наиболее развитых в промышленном отношении капиталистических странах возникла временная нехватка рабочей силы, которая особенно проявилась в тех сферах деятельности, в которых преобладал тяжелый или непрестижный физический труд. Одним из следствий этого явилось массовое использование в ФРГ, Франции, Швейцарии и других высоко-развитых странах рабочих-иммигрантов из Южной Европы, Северной Африки и т. д.

Подобная ситуация в сфере занятости, нетипичная для капиталистического общества, объяснялась несколькими главными причинами.

Во-первых, в те годы технологическая база перестраивалась на основе достижений научно-технической революции медленно, поскольку капитал не был заинтересован во всеобъемлющем обновлении. Внедрение технологических процессов и техники, обладающих повышенной трудосберегающей способностью, затронуло лишь отдельные отрасли и сферы производства. Поэтому численность работников, вытесненных из ключевых отраслей промышленности, была не столь велика.

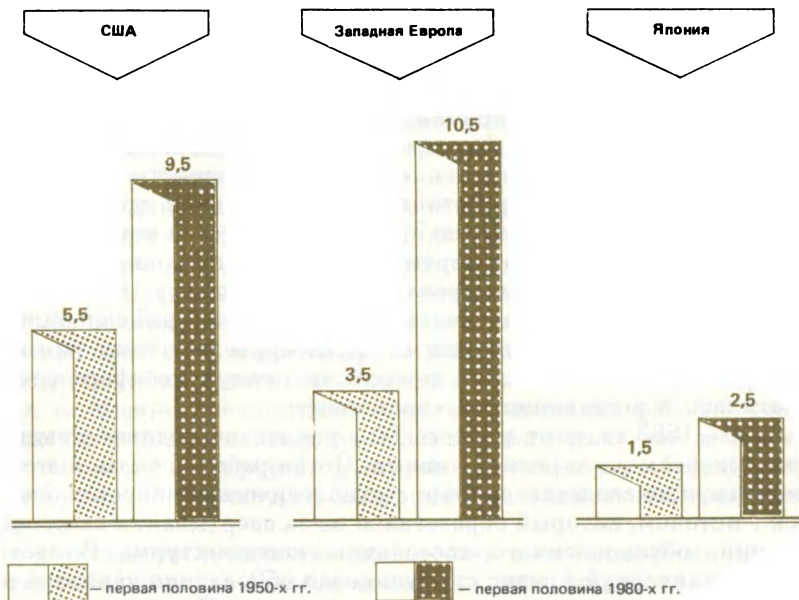
Во-вторых, в тот период наблюдались сравнительно высокие для капитализма темпы прироста производства, а циклические кризисы были относительно слабо выражены. Экономическая экспансия породила дополнительную потребность в рабочей силе.

В-третьих, углубление общественного разделения труда, вызванное развитием производительных сил, резко увеличило объективную потребность в росте нематериальной сферы, включающей образование, здравоохранение, производственные и индивидуальные услуги и т. д. Эта сфера на первых порах развивалась экстенсивно, что, естественно, привело к увеличению числа рабочих мест. В результате нематериальное производство (так называемая третичная сфера) стало резервуаром, который абсорбировал рабочую силу, выталкиваемую из сельского хозяйства или высвобождавшуюся в промышленном производстве.

Однако ко второй половине 70-х годов ситуация радикально изменилась. Частичная нехватка рабочей силы уступила место ее растущему избытку. Проблема занятости, возникшая в эти годы, не просто обострилась. Произошло нечто большее. Она приобрела такое значение, что многие другие пороки современного капитализма как бы оказались в тени надвигающейся угрозы основам существования трудящегося человека.

В ряде стран уровень безработицы значительно превысил 10%

ДОЛЯ БЕЗРАБОТНЫХ В САМОДЕЯТЕЛЬНОМ НАСЕЛЕНИИ (в процентах)

всего самодельного населения. В первой половине 1986 г. в странах Европейского экономического сообщества насчитывалось более 16 млн. безработных, в том числе в Великобритании — примерно 3,3 млн., в ФРГ — 2,2 млн., в Италии — около 3 млн., во Франции — 2,5 млн. В Соединенных Штатах, где доля безработных по ряду причин и раньше была выше, чем в Западной Европе, уровень безработицы поднялся с 4—6 млн. человек в 60-е — начале 70-х годов до 9—12 млн. человек в начале 80-х годов, а затем, несколько уменьшившись, продолжал колебаться в пределах 8—9 млн. человек.

Применительно к каждой отдельной стране можно назвать свои причины, обусловившие ситуацию в области занятости. Однако, поскольку со второй половины 70-х годов ее характеризует единая тенденция, есть все основания считать, что в основе нового положения на рынках труда лежит некий общий фактор. И детальный анализ подтверждает это. Нынешняя ситуация обусловлена воздействием того самого фактора, который ставил во главу угла К. Маркс, определяя причины относительного перенаселения как закона капиталистического накопления. На протяжении истории капитализма он неоднократно порождает массовые выбросы работоспособного самодельного населения из производственного

процесса. Этот фактор — уменьшение переменной части капитала, ставшее возможным в результате быстрого развития производительных сил, или, иными словами, экономии затрат на рабочую силу в результате перевода производства на новую технологическую базу.

Первоначально в числе причин, вызвавших возникновение массовой безработицы, этот фактор занимал подчиненное место. Однако к концу 70-х годов именно он стал определять основную динамику занятости и безработицы. В значительной степени это было вызвано тем, что изменение структуры капитала в результате дальнейшего сокращения его переменной части в широких масштабах распространилось на непродовольственную сферу, в которой ныне сконцентрирована значительная часть наемной рабочей силы. Прогрессирующая экономия живого труда привела к тому, что из резервуара, поглощавшего ряд лет рабочую силу, эта сфера сама превратилась в поставщика ее «излишков».

В 1980—1983 гг. этот процесс был усилен очередным циклическим кризисом и его последствиями. Поток рабочей силы, вытесняемой из производства в ходе технологической перестройки, слился с потоком, который образовался из-за свертывания выпуска продукции, обусловленного состоянием конъюнктуры. В свою очередь циклический кризис стимулировал обновление капитала и дальнейшее уменьшение его переменной части. Поэтому и после окончания этого кризиса безработица в главных капиталистических странах (за небольшим исключением) не только не сократилась, но продолжала расти, хотя и несколько медленнее, чем в разгар кризиса.

Судя по наметившимся тенденциям, новая волна сокращения относительной потребности в живом труде находится еще в самом начале. Новейшая трудосберегающая техника продолжает совершенствоваться: ее эффективность повышается, объем выпуска возрастает, а относительная стоимость падает. В то же время ситуация на мировых рынках стимулирует ориентацию капитала на энергичное внедрение все более экономной, и прежде всего трудосберегающей, технологии.

Согласно подсчетам, в случае если бы сейчас во всех отраслях экономики были в полной мере использованы в принципе доступные механизмы, приборы и технологические решения, то при неизменном объеме производства численность рабочих мест сократилась бы, в зависимости от сферы приложения труда, от 10 до 40%. С учетом постоянного совершенствования техники масштабы сокращения потребности в рабочей силе были бы значительно больше. Разумеется, такое одновременное внедрение новой технологии и техники практически невозможно. Однако развитие идет в этом направлении.

Чтобы в какой-то мере компенсировать высвобождение рабочей силы и не допустить дальнейшего роста безработицы, экономика развитого капитализма, согласно оценкам, должна расти, в зависимости от специфики той или иной страны, на 3—5% в год. Для рассасывания уже имеющейся безработицы потребовался бы значительно больший рост. Однако даже наиболее оптимистически настроенные западные эксперты не предсказывают на ближайшие годы таких темпов роста.

К середине 80-х годов были в значительной мере исчерпаны возможности, позволявшие так или иначе маскировать масштабы сокращения используемого живого труда в производстве. Резко уменьшились, в частности, занятость на двух работах и занятость лиц пенсионного возраста. Напротив, существенно возросла неполная занятость. С рынка труда ушла часть женщин, для которых продажа рабочей силы не была основным источником заработка, и т. д. Можно предположить, что выталкивание рабочей силы из общественного производства будет продолжаться вне зависимости от изменения текущих факторов, вызывающих безработицу, — состояния конъюнктуры, миграции капитала и демографических процессов.

Изменяется и качественный состав вытесняемой из производства рабочей силы. Прежде основную часть безработных составляли люди старших возрастов, ограниченной трудоспособности, низкой или полностью устаревшей квалификации, не способные или не желающие переучиваться. Сравнительно велик был удельный вес деклассированных элементов. Нынешняя безработица распространилась на рабочую силу совсем иного типа. Это, с одной стороны, молодежь с высоким уровнем образования, не получившая возможности включиться в производственный процесс после окончания учебы, а с другой — полуквалифицированные и квалифицированные рабочие массовых профессий, надобность в которых быстро сокращается. Среди лишившихся работы велико число лиц, имеющих профессии простого и сложного нефизического труда. Все они, в отличие от безработных старого типа, характеризуются развитой структурой потребностей, высоким уровнем социальных ожиданий и общественной активности.

Если раньше пребывание без работы было чаще всего временным и краткосрочным, то в 80-е годы безработица приняла устойчивые формы со всеми моральными и социальными издержками.

Разумеется, последствия любого объективного процесса могут быть ослаблены или трансформированы в результате воздействия общественных сил. Это полностью относится к кризису занятости, поразившему развитые капиталистические страны. Тем не менее меры по преодолению кризиса не дали заметного эффекта. Это объясняется тремя главными причинами.

Во-первых, массовая безработица до определенных пределов устраивает правящий класс, ибо дает ему в руки важный дополнительный рычаг давления на наемную рабочую силу, ее профессиональные и политические организации. Поэтому партии, отражающие интересы буржуазии, не хотят делать ничего такого, что могло бы восстановить ситуацию, существовавшую на рынках труда стран развитого капитализма с конца 50-х годов по первую половину 70-х годов. Серьезные опасения в связи с положением в области занятости возникают лишь тогда, когда ситуация начинает угрожать социальной и политической стабильности.

Во-вторых, ориентация на свободные рыночные механизмы, характерная для нынешних умонастроений правящего класса, питает иллюзорные расчеты на то, что положение с занятостью урегулируется автоматически, в ходе восстановления «нормальных» социально-экономических пропорций, которые-де были нарушены в результате многолетнего вмешательства в экономику со стороны государства.

В-третьих, экономическая стратегия, проводимая консервативно ориентированными буржуазными политическими силами, задающими ныне тон в значительной части промышленно развитых капиталистических стран, неизбежно влечет за собой сокращение занятости, которое, в конечном счете, во много раз перекрывает возможные последствия отдельных мер, рассчитанных на сохранение или создание новых рабочих мест.

Очевидно, что инициатива, предусматривающая эффективное решение проблем занятости в интересах всего общества, может исходить в этих условиях только от рабочего класса.

Стратегия социального реванша

Расстановка социальных сил, сложившаяся в 50-х — начале 70-х годов, благоприятствовала успешным действиям рабочего класса, других отрядов наемных работников в борьбе за улучшение своего материального положения, социальные и политические права. Этому способствовали и возрастание массы населения, вовлеченного в сферу наемного труда, и расширение границ рабочего класса, и общий подъем образовательного уровня.

Разумеется, существовали также факторы, препятствовавшие реализации явных форм классовой борьбы. Неоднозначные последствия имело, например, интенсивное пополнение рабочего класса за счет крестьянства. Бывшие крестьяне, втянутые в систему наемного труда, постепенно формировали свое классовое сознание. Но этот процесс происходил медленно потому, что приобретение статуса рабочего было связано для многих из них с улучшением общих условий жизни (нормированный рабочий день, страхование

по болезни, оплачиваемый отпуск и т. д.). Все эти завоевания, являвшиеся плодом многолетней упорной борьбы, доставались новым рабочим как бы без дополнительных усилий и воспринимались как выражение «доброй воли» хозяев.

Сложности приспособления к новым условиям жизни и труда порождали у значительной части выходцев из деревни более или менее осознанное недовольство. Однако оно нередко не связывалось с положением непосредственно на предприятии, а в тех случаях, когда накладывалось на распространенные среди сельских жителей промышленно развитых капиталистических стран традиционалистско-консервативные взгляды, способствовало зарождению настроений консервативного активизма, атакующего существующую буржуазную систему права.

Пополнение рабочего класса новыми отрядами в целом способствовало усилению его активности. Но вместе с тем, восприняв пролетарские методы борьбы (участвуя в забастовочном движении, вступая в профсоюзы), многие представители этих отрядов сохраняли груз прежних ценностных ориентаций. В лучшем случае им была свойственна склонность к социал-реформистским формам поведения, в худшем — к консервативным вариантам решения общественных проблем.

В целом в промышленно развитых капиталистических странах для значительной части рабочего класса оставалось характерным тред-юнионистское сознание, не ставящее перед собой задачу революционного преобразования капиталистического общества. Однако в том, что касалось борьбы за свои повседневные нужды, рабочий класс зоны развитого капитализма проявил в 50-е — начале 70-х годов большую настойчивость и упорство.

Результативности этой борьбы способствовали и некоторые другие обстоятельства. Экономический рост, который, несмотря на циклические колебания, происходил в эти годы в большинстве промышленно развитых капиталистических стран, обеспечивал резервы, открывавшие для правящего класса дополнительные возможности социально-экономического маневра. Успешным действиям рабочего класса способствовало и положение на рынках труда: характерная для данного периода нехватка рабочей силы, о которой шла речь выше, давала наемным работникам дополнительную возможность оказывать давление на капитал.

Эти десятилетия характеризовались хотя и скромным, но все же постоянным улучшением материального положения трудящегося населения. В большинстве промышленно развитых капиталистических стран росла реальная заработная плата. Была создана и расширена система пенсионного обеспечения по старости, страхования от безработицы, по болезни, инвалидности и т. д. Упрочились и политические позиции трудящихся, окрепло влияние представляющих его интересы политических партий.

Все это, в свою очередь, укрепляло веру рабочего класса в свои силы, подымало его боевой дух, побуждало к наступательным действиям. В сложившихся условиях классовое противостояние в большинстве случаев реализовалось в наиболее явной форме. Достаточно напомнить в этой связи о майских событиях 1968 г. во Франции, о «жаркой осени» 1969 г. в Италии, об успешной борьбе судостроителей Верхнего Клайда в Англии (1971—1972 гг.), о поражении, нанесенном английскими шахтерами правительству консерваторов в 1974 г., и т. д.

Именно в эти годы существенно укрепили свои позиции массовые профессиональные союзы. Для их развития были характерны следующие особенности.

Во-первых, изменилась структура членского состава в связи с изменениями состава наемных работников, в том числе рабочего класса. В частности, наметился рост профессиональной организованности женщин, а также представителей новых отрядов рабочего класса, состоящих из лиц умственного труда, занятых в новейших отраслях материального производства и в нематериальной сфере.

Во-вторых, усилились тенденции к объединению, что в ряде случаев позволило проводить параллельные, а иногда и согласованные действия профсоюзов и профессиональных объединений различной идеологической и политической ориентации. Хотя эта тенденция проявлялась не повсеместно, с разной степенью интенсивности и знала не только позитивное, но и попятное движение, степень солидарности профессиональных организаций возросла.

В-третьих, профсоюзное движение в еще большей степени, чем прежде, стало ориентироваться на цели, достижение которых возможно только на общенациональном и даже на межнациональном уровне. Это в свою очередь усилило тенденцию к политизации профсоюзных требований, а следовательно, форм и методов борьбы.

В целом возможности профсоюзов в зоне развитого капитализма значительно возросли. Это проявилось и в усилении их влияния в отдельных странах, и в восстановлении профсоюзного движения там, где оно было запрещено и загнано в подполье (Греция, Португалия, Испания), и в создании организаций, объединяющих профсоюзы различных направлений.

Широкий размах приобрело в эти годы забастовочное движение. При этом результативность забастовок повышалась даже быстрее, чем их массовость. В ходе забастовочных боев расширился круг и характер требований, выдвигаемых пролетариатом. Выдвигалась цель добиться от предпринимателей не просто лучших условий купли-продажи рабочей силы (уровень заработной платы, продолжительность рабочего дня, условия охраны труда на производстве), но и более широких уступок, связанных с развитием рабочего как личности и правами производственного коллектива (условия быта

вне производства, преодоление нетворческого характера трудовой деятельности, право самостоятельного решения коллективом социально-бытовых проблем, осуществление контроля над производственной и финансовой деятельностью администрации и т. д.). Требования более широкого плана предъявлялись к государственным и муниципальным органам (обеспечение занятости, совершенствование системы профессиональной подготовки, решение жилищной проблемы, улучшение здравоохранения, транспорта и т. д.).

Существенно новым элементом явилось выравнивание по наиболее высокому достигнутому уровню как потребностей, так и конкретных требований рабочего класса. То, что на протяжении многих десятилетий составляло содержание борьбы пролетарского авангарда и наиболее близких к нему рабочих отрядов, стало содержанием требований основной массы рабочих.

Оборотной, негативной стороной завоеваний рабочего класса в эти годы было распространение среди части трудящихся иллюзорного представления, будто проблемы социальной справедливости могут быть решены при сохранении капитализма, в результате договоренности между различными социальными группами.

Благодаря энергичным действиям рабочего класса, ему удалось во время циклического кризиса 1974—1975 гг., несмотря на остроту ситуации, в целом сохранить завоеванный уровень не только номинальной, но и реальной заработной платы. Доходы трудящихся при этом все же снизились в результате уменьшения числа занятых в семье, сокращения сверхурочных работ и ряда дополнительных выплат. Однако это снижение было не таким большим, как в прошлом.

Тем не менее уже в это время появились первые тревожные симптомы того, что в обостряющихся классовых боях буржуазия больше не ограничивается обороной, а пытается — и чем дальше, тем более энергично — перейти в наступление. Об этом, в частности, свидетельствовало падение в эти годы реальной заработной платы в Соединенных Штатах и Великобритании.

К концу 70-х годов стало очевидно, что политика капитала во все большей степени определяется его *стремлением взять социальный реванш* если не за все, то, во всяком случае, за основные поражения, которые он потерпел в предыдущие годы.

Это стремление было подкреплено рядом объективных обстоятельств. В 70-е годы в предвидении новых классовых схваток международному капиталу удалось сплотить свои силы. Еще больше возросла его интернационализация, следовательно, и способность к маневрированию. Укрепились политические позиции крупного капитала в отдельных промышленно развитых странах, что нашло выражение в переходе в ряде стран власти в руки политиче-

ских партий, защищающих интересы наиболее реакционных фракций буржуазии. Сдвиги такого рода затруднили для рабочего класса использование политических институтов, которые стали менее чувствительными к нажиму снизу и с большей активностью откликались на пожелания крупного капитала. Непосредственным результатом этих сдвигов стало то, что в ряде стран участились попытки использовать законодательный и административный аппарат в качестве средства давления на профсоюзы, ограничения наиболее эффективных и острых форм борьбы рабочего класса и т. д.

Для упрочения своих позиций при осуществлении политики социального реванша капитал использовал и негативные изменения в международной обстановке. Администрация США многими своими действиями показала, что в ее агрессивном курсе важную роль играют также соображения внутривнутриполитического порядка, в том числе расчет на то, что в условиях обострения международной обстановки легче оказывать давление на неимущие слои населения под предлогом обеспечения национальной безопасности. Еще большее значение имели соображения подобного рода для правящих кругов государств Западной Европы, когда принимались решения о поддержке линии США на обострение военно-политической конфронтации с Советским Союзом и наращивание гонки вооружений.

Как особо благоприятный шанс для наступления на социально-экономические позиции, завоеванные рабочим классом, капитал рассматривал ситуацию с занятостью. Наличие «избытка» рабочей силы на рынках труда всегда ослабляло позиции рабочих и укрепляло положение нанимателей. В условиях, возникших со второй половины 70-х годов, для которых характерно не просто наличие большой резервной промышленной армии, но и ее постоянное увеличение, преимущества капиталистов оказались особенно большими.

В пользу политики социального реванша действовала и объективная экономическая ситуация. Созданная в предыдущие десятилетия в результате упорной борьбы рабочего класса социальная инфраструктура была рассчитана на устойчивый экономический рост. Ее финансирование исходило из предпосылки, в соответствии с которой объем отчислений в фонды этой инфраструктуры будет постоянно расти, в то время как расходы останутся умеренными.

Однако с конца 70-х годов ситуация в этой области существенно изменилась. Накопления в фондах, финансировавших социальную инфраструктуру, образовавшиеся за годы экономического роста, стали постоянно уменьшаться, в то время как потребность в затратах росла. Особенно остро сложилось положение с пособиями по безработице. Содержание миллионов безработных в условиях, когда

численность работающих, а следовательно и отчисления в фонд выплаты пособий, сокращается, съело все запасы. К 1984 г. в большинстве промышленно развитых капиталистических стран запасы фондов по выплате пособий по безработице истощились. Выплаты производятся сейчас главным образом за счет дотаций из государственных бюджетов.

Примерно такова же ситуация с пенсиями по возрасту. В связи с увеличением продолжительности жизни число пенсионеров в последние десятилетия значительно возросло. Занятость же, как мы говорили, сокращалась, а значит, уменьшалась и численность лиц, умножающих национальный доход. Кроме того, ухудшилась демографическая структура, что привело к общему уменьшению численности наиболее работоспособных поколений. Сумма средств, выплачиваемых в качестве пенсий, возросла, а поступления в пенсионные фонды сократились. После исчерпания накоплений, имевшихся в пенсионных фондах, выплата пенсий по старости стала обеспечиваться во многих странах также за счет государственных дотаций, увеличивая государственный долг.

Очевидно, что буржуазное государство не может допустить краха системы социального обеспечения, поскольку он повлек бы за собой непредсказуемые политические последствия. В то же время оно не проявляет готовности субсидировать эту систему, еще больше увеличивая бюджетные дефициты.

Проблему можно было бы в значительной мере решить, сократив военные расходы, достигшие астрономических размеров. Однако делать это добровольно правящий класс не намерен. Отсюда попытки проведения им политики ограничения социальных расходов.

С начала 80-х годов в большинстве промышленно развитых капиталистических стран условия предоставления социальной помощи нуждающимся группам населения постоянно ухудшаются: урезается срок предоставления пособий по безработице, ужесточаются условия выплаты пособий, сокращается круг лиц, которым выделяется социальная помощь. От наступления капитала в этой области в ряде стран пострадали система образования и профессиональной подготовки, служба медицинской помощи, муниципальное жилищное строительство и т. д.

Масштабы осуществления политики социального реванша, как и характер предпринимаемых мер, варьируются от страны к стране. При этом действует старое правило: чем сильнее сопротивление такой политике, тем осторожнее она осуществляется и тем меньший ущерб наносит нуждающемуся населению.

Важным объектом социального реванша капитала стала реальная заработная плата. С начала 80-х годов тенденция к ее падению прослеживалась уже не только в США и Англии, но и в большинст-

ве стран развитого капитализма. Продолжали падать реальные доходы рабочих семей в связи с уменьшением числа работающих.

В политической области правящий класс сделал еще более откровенную ставку на использование жестких методов управления обществом. «Используется весь арсенал накопленных капитализмом средств,— отмечается в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии.— Подвергаются травле и экономическому шантажу профсоюзы. Вводятся антирабочие законы. Преследуются левые, любые прогрессивные силы. Нормой стал постоянный контроль, а точнее сказать, слежка за состоянием умов и поведением людей»¹.

Весьма значительным оказался психологический ущерб, понесенный трудящимся населением. Существование без работы стало образом жизни значительной части общества, что раскололо трудящихся на две части: имеющих и не имеющих работу. Возникшая на этой базе невольная конкуренция между ними способствовала ослаблению позиций и тех и других в противостоянии классу капиталистов.

Для работающей части населения давление огромной резервной промышленной армии означало ослабление позиций на рынках труда. Для неимеющих работу материальные тяготы усугубляются глубокими моральными потрясениями, чреватými потерей веры в свои силы и самоуважения, потерей социальных связей. Особенно сильно такие потрясения сказываются на молодежи, для значительной части которой участие в общественном производстве было закрыто с самого начала.

Взяв на вооружение стратегию социального реванша, буржуазия рассчитывала, что ей удастся вынудить рабочий класс, всех трудящихся сдать без сопротивления социально-экономические и политические позиции, завоеванные в предыдущее десятилетие. Однако последующее развитие событий показало, что такие расчеты основаны на полном игнорировании реалий классовой борьбы.

Впереди новые рубежи Ситуация, возникшая во второй половине 70-х годов и нашедшая дальнейшее развитие в 80-е годы, внесла существенные коррективы как в общую социально-психологическую атмосферу, так и в сознание отдельных общественных групп.

Под влиянием потрясений, которым подвергся экономический базис, и последствий этих потрясений для условий существования трудящегося населения отчасти распался искусственно созданный в предыдущие годы образ «социального государства», госу-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 14.

дарства «всеобщего благосостояния», способного и готового обеспечить высокий, постоянно повышающийся уровень жизни всем своим гражданам. В свою очередь, усложнившаяся экономическая ситуация, вызвав обострение конкуренции и стимулировав борьбу за распределение национального «пирога», показала всю несостоятельность идей «социального партнерства», усиленно насаждавшихся в предшествующие десятилетия.

Поскольку для предыдущих лет наиболее характерной была политика, ориентированная на широкое государственное вмешательство в экономику и общественную жизнь, именно эта политика и подверглась дискредитации в первую очередь. Вместе с ней оказались дискредитированными и те политические силы, которые ее осуществляли, — чаще всего леволиберальные и социал-демократические, но иногда и центристские буржуазно-реформистские партии.

В значительной мере было подорвано распространившееся в предыдущие годы представление об относительной прочности социальных позиций отдельных индивидов и групп. Усилилось чувство неуверенности, которое стало неотъемлемой составной частью психологического состояния широких масс населения во всей зоне развитого капитализма.

Естественно, что в различных социальных группах сдвиги в сознании происходили по-разному.

Наиболее зрелая в классовом отношении часть рабочих восприняла неурядицы в экономике капитализма и обострение классовых противоречий как закономерный результат развития капитализма, неизбежное выражение его антагонизмов. Значительной части рабочего класса это было знакомо по прежним временам. Психологически подготовленный к новому этапу классовой борьбы, авангард пролетариата встретил его сплоченными рядами, во всеоружии. Для части рабочих, попавших под влияние иллюзий, навешенных предшествующим ходом событий, возникновение новой ситуации послужило толчком к переходу на более последовательные классовые позиции, к постепенному включению в борьбу с капиталом в тех формах, которые соответствуют сложившейся ныне обстановке.

В то же время немало рабочих, разочаровавшись в мифах, которые определяли их сознание в предыдущие годы, потеряли ориентацию. Их недовольство растущей нестабильностью своего положения, неэффективностью бюрократизированного государственного аппарата, возрастающей сложностью обыденной жизни реализовалось либо в виде возрастающего отчуждения от политики, либо в виде большей склонности к консервативной критике либерально-реформистской политики справа — за «чрезмерное» использование государственных механизмов для перераспределения

социального продукта, за «слишком большое» внимание системе социального обеспечения, за высокие налоги на прибыли, которые якобы ослабили готовность капитала к инвестициям, и т. д. Подобные настроения нашли распространение среди как традиционных, так и новых отрядов рабочего класса.

Мелкая буржуазия восприняла обострение кризисных процессов однозначно — как свидетельство неправильности курса на усиление общественных функций государства и политики перераспределения национального дохода в пользу неимущих. Отсюда поддержка этой социальной группой взглядов, исходящих из необходимости возврата к старой социально-экономической модели, основанной на ничем не ограниченной игре экономических сил и свободной конкуренции.

Реакция новых средних слоев на обострившийся экономический и социальный кризис выразилась в основном в иной форме. С одной стороны, широкую популярность получили поиски новых, более эффективных методов управления хозяйством и обществом. С другой стороны, распространилась крайне пессимистическая оценка перспектив развития, нашедшая оформление в виде тезиса о «кризисе цивилизации», о необходимости принципиально новой модели индустриального развития, отличной от капитализма и социализма.

Усилился процесс маргинализации сознания. Естественно, что в первую очередь он затронул безработных. Для части из них долгое пребывание вне производственного процесса завершилось скатыванием в ряды люмпен-пролетариата. Особенно оно было характерным для групп молодежи со сравнительно невысоким уровнем образования, для которых пребывание без работы оказалось единственно доступной формой существования с момента вступления в трудовой возраст.

Если классифицировать массовые слои безработных по степени маргинализации, то можно выделить три основные группы.

Первую из них составляют лица, недавно потерявшие работу и твердо ориентированные на повторное включение в производственный процесс, — пусть на менее благоприятных условиях. Для представителей этой группы характерно сохранение прежних ценностей и установок. Потеря работы воспринимается ими как результат стечения обстоятельств или следствие собственных недостатков и ошибок. Доминирующее психологическое состояние таких людей — растерянность, которая, по мере удлинения сроков пребывания без работы, ведет к потере самоуважения и депрессии.

Для второй группы, испытавшей тяготы более длительного пребывания без работы, характерно своеобразное переплетение ценностей и установок, отражающих прежний социальный статус,

с некоторыми чертами сознания отверженных. Состояние растерянности и депрессии нередко сменяется у них обостренным чувством обособленности, отчужденности от пренебрегшего ими общества. Трудовые мотивации и мораль сохраняются, однако дополняются глубокой враждебностью не только к системе, но и к общественным институтам в целом. Границы между этими двумя группами обычно размыты и подвижны. Для промышленных рабочих с опытом организованной борьбы, активно участвующих в деятельности политических организаций и обладающих сформировавшимся классовым сознанием, настроения растерянности и депрессии свойственны гораздо меньше, чем для служащих. В свою очередь, формирование враждебного отношения к общественному строю и общественным институтам происходит у потерявших работу служащих медленнее и неопределеннее, чем у промышленных рабочих.

Третья группа объединяет людей с высоким уровнем образования и развитой системой социальных потребностей, утративших свой общественный статус, но не ставших обычными опустившимися люмпенами. К этой группе примыкают многие из тех работников сложного умственного труда, которые, не будучи полностью вытеснены из общественного производства, не сумели реализовать свои социальные ожидания. У этих людей ослабление трудовой морали трансформируется в протест против «репрессивного общества», принуждающего их к бездуховному труду, враждебность к общественным институтам — в мечту о новой социальной модели, потеря личной перспективы — в отрицание значения и возможностей человеческого прогресса.

Одним из самых опасных последствий дезориентации общественного сознания ряда социальных групп стало распространение консервативных взглядов. В наибольшей степени оно характерно для мелкобуржуазных кругов, а также для социальных групп, теряющих свой прежний социальный статус и попадающих на дно общества. Но консервативные настроения затронули и некоторые части рабочего класса. Это относится прежде всего к тем его отрядам, которые и в прошлом были мало связаны с организованным рабочим движением, а также к тем, которые не прошли еще всего пути, ведущего к интеграции с основной частью рабочего класса. Однако в некоторых странах склонность к восприятию консервативных идей проявили и отдельные группы промышленных рабочих.

Среди наиболее опасных форм консервативного сдвига — заметное оживление национализма и шовинизма. Внутри страны его острее оказалось направленным против иностранных рабочих. До тех пор, пока в странах — импортерах рабочей силы ощущалась ее нехватка, враждебность к иностранцам, копившаяся

в обывательской среде, сдерживалась сознанием того, что без их трудового вклада хозяйственный механизм не сможет функционировать. Изменение ситуации на рынках труда в результате кризиса занятости в значительной мере сняло эти барьеры. Более того, с ростом безработицы иностранцы стали восприниматься прежде всего как конкуренты в борьбе за рабочее место.

Подъем националистических настроений не ограничился внутренней сферой. Ухудшение условий существования значительных категорий населения, растущая неуверенность в будущем нашли выражение в росте враждебности к объектам, которые воспринимались как внешняя причина экономических трудностей и потрясений. Эти настроения реализовались в первую очередь в виде своеобразного возрождения пренебрежительно-озлобленного отношения к народам развивающихся стран, на которые, в немалой степени под воздействием идеологического манипулирования, взваливалась ответственность за учащение и углубление экономических кризисов, рост инфляции, кризис занятости и т. д. Именно с этих позиций трактовались и повышение цен на энергетическое и некоторое другое минеральное сырье, и возрастающая конкуренция на мировых рынках товаров, выпускаемых в так называемых новых индустриальных странах Юго-Восточной Азии, и вывоз в эти страны капиталов из метрополий и т. п.

На такой основе возникли ростки своеобразного неоимперского сознания, устремленного на частичную реставрацию старых отношений между метрополиями и бывшими колониями как предпосылку и условие оздоровления экономической и социальной ситуации в развитых капиталистических странах. Из аналогичных источников питается и враждебность к тем государствам и народам, позиция которых препятствует стремлению бывших империалистических метрополий восстановить свои прежние сферы влияния, в первую очередь к странам социалистического содружества.

Эти настроения в значительной мере сдерживаются противодействующей тенденцией — растущим осознанием опасности перерастания локальных военных конфликтов в глобальную конфронтацию с применением самых современных средств массового уничтожения, а следовательно, возможности уничтожения человеческой цивилизации. Аналогичное сдерживающее воздействие оказывает мощный подъем антивоенного движения в промышленно развитых капиталистических странах. Тем не менее возрождение неоимперского сознания, наиболее ярко выраженное в концепции американского «неоглобализма», остается важным фактором, влияющим на современные формы общественного сознания.

Разумеется, в разных странах масштабы и глубина таких явлений различны. Особенно заметны они в Соединенных Штатах Америки. Влияние консервативных (в том числе крайне правых)

сил на рабочих там сильнее, чем где-либо в капиталистическом мире. Среди части американских рабочих широко распространены и национализм, и ксенофобия, и склонность к поддержке политики «неоглобализма» и т. п.

В основе этого лежит ряд причин. Среди них и лидерство США в капиталистическом мире, которое обеспечивает их населению более высокий уровень жизни, чем в большинстве других стран, и опасение многих занятых в военном производстве потерять источник заработка в случае сокращения государственных расходов на вооружения. Негативное воздействие на сознание и политическое поведение американских рабочих оказывает массированная пропагандистская обработка населения, тем более, что в ней активно участвует и реакционная верхушка ряда влиятельных профсоюзов.

Изменения произошли и в требованиях рабочего класса, оказавшихся в центре борьбы социальных сил. Требования, связанные с повышением качества жизни и выдвинувшиеся на передний план в предыдущие десятилетия, особенно в 70-е годы, уступили место традиционным, касающимся первичных условий продажи рабочей силы: размеров заработной платы, продолжительности рабочего дня, состояния производственной среды и т. д. Перед лицом политики социального реванша за эти условия приходится вновь бороться, напрягая все силы.

Особое значение в связи со сложившейся обстановкой приобрела проблема занятости, от решения которой в значительной мере зависит будущее огромных отрядов рабочего класса. Неэффективность мер по обеспечению занятости, осуществляемых правящими кругами буржуазии, сделала жизненно важными разработку и реализацию альтернативных программ, способных решить эту проблему в интересах основной массы трудящегося населения.

Обобщая мнения и предложения, высказываемые в этой связи в рабочем движении стран развитого капитализма, можно выделить две группы таких программ. Одна из них направлена на решение преимущественно текущих задач, а другая имеет в виду преобразования глубинного типа.

Первая группа предусматривает более справедливое, с точки зрения основной массы трудящегося населения, распределение имеющегося объема труда. В конкретной форме оно означает сохранение объема занятости путем сокращения продолжительности рабочей недели, ликвидации (или, по меньшей мере, резкого уменьшения) сверхурочных работ при обеспечении прежних размеров заработной платы, удлинения оплачиваемого отпуска, увеличения продолжительности общего и профессионального обучения, снижения пенсионного возраста и т. д.

В некоторых странах эти программы уже стали непосредствен-

ным объектом социально-экономической и политической борьбы. Отдельные требования, которые в них содержатся, либо реализуются, либо намечаются к реализации в ближайшие годы. Активно обсуждаются меры, которые необходимы для того, чтобы осуществление этих программ стало возможным. Так, перенос порога вступления в трудоспособный возраст путем увеличения продолжительности обучения молодежи предполагает в качестве предпосылки коренное совершенствование общеобразовательной системы и системы профессиональной подготовки, состояние которых в большинстве стран развитого капитализма признается неудовлетворительным.

Однако практически ни в одной из промышленно развитых капиталистических стран, включая и те, в которых проблема занятости приобрела предельно острую форму, в комплексе эти программы не осуществлены. Борьба за них, несомненно, встретит решительное сопротивление капитала.

Не менее важно и то, что, как показывают расчеты, даже при полном осуществлении комплекса программ равновесие между спросом на рабочую силу и ее предложением установить не удастся. Во-первых, при продолжении нынешних тенденций ликвидация рабочих мест будет проходить быстрее, чем их сохранение и создание в результате более равномерного распределения имеющегося количества труда. Во-вторых, процесс вымывания рабочей силы происходит неравномерно: уничтожаются одни профессии, виды деятельности и даже отрасли, а возникают другие, предполагающие иные виды и качество труда, следовательно, и другую рабочую силу. Таким образом, острота проблемы может быть лишь немного смягчена.

Предполагается поэтому, что первая группа альтернативных программ должна быть дополнена второй, которая имеет в виду создание новых сфер приложения труда — по преимуществу в секторах культуры, образования, спорта, в области охраны окружающей среды и т. д.

Реализация таких программ должна повлечь за собой расширение общественного сектора занятости. Для этого в руках государственных органов должны быть аккумулированы крупные средства, а инвестиции переориентированы на общественно необходимые трудоемкие сферы деятельности, а также на переподготовку рабочей силы для использования в этих сферах. Источником таких средств обычно называют, во-первых, дополнительную прибыль предпринимателей, получаемую в результате перевода производства на новую технологическую базу и подлежащую изъятию через эффективно действующую дифференцированную систему налогообложения, и, во-вторых, экономию на военных и других непроизводительных расходах.

Ориентация на программы, которые рассчитаны на перспективу, естественно, не снимает необходимости решения конкретных практических проблем, которые выдвинула реальность середины 80-х годов. Прежде всего задача заключается в том, чтобы в условиях осложнившейся обстановки на рынках труда отбить наступление капитала на жизненный уровень работающей части населения. При этом приходится считаться с рядом процессов, связанных с технологической перестройкой. Сдвиги в отраслевой структуре производства меняют удельный вес различных профессий. Это может привести к ослаблению позиций профессиональных союзов. В свою очередь, тенденция к территориальному рассредоточению производства, в частности путем перевода его в новые регионы, для которых характерна общественная атмосфера, идеологически и политически враждебная рабочему движению, а также расширение надомного труда, о чем уже шла речь выше, могут создать дополнительные трудности для организации трудящихся на коллективные действия против усиления эксплуатации. В этой связи речь идет о поиске форм и методов объединения этих групп населения. Исключительное значение приобретает также организация сотрудничества работающих и неработающих трудящихся.

Революционное крыло рабочего движения рассматривает ситуацию, создавшуюся в зоне развитого капитализма, как результат накопления противоречий капиталистического способа производства. Оценивая нынешнее состояние капиталистической экономики как глубокий, преимущественно структурный кризис, оно исходит из того, что для преодоления этого кризиса недостаточны паллиативные, «косметические» меры.

В экономической области оно всемерно поддерживает программы, которые могут обеспечить перестройку производственного процесса на новой технологической базе без ущерба для массовых категорий трудящегося населения и открыть трудящимся доступ к возможным плодам такой перестройки.

В социальной области представители революционного течения в рабочем движении добиваются дальнейшего укрепления и расширения социальной инфраструктуры, рассматривая ее как защитный вал, противостоящий попыткам капитала решить свои экономические проблемы за счет трудящихся.

В политической области делается упор на демократизацию институтов власти. Дополнительным стимулом к этому служит понимание опасности того, что при высокой степени обострения кризиса как в экономической, так и в социально-политической сферах буржуазно-парламентская надстройка может либо переродиться в систему прямого подавления демократических сил, либо оказаться сметенной другой политической надстройкой, уже не обладающей формальными признаками парламентского режима.

С точки зрения перспектив обстановка, сложившаяся в странах развитого капитализма, открывает новые возможности для укрепления и расширения влияния рабочего движения, левых, демократических сил. Однако на этом пути им предстоит, как считают многие прогрессивные ученые и общественные деятели на Западе, прежде всего коммунисты, решить ряд серьезных задач. Одна из них — завоевание на свою сторону быстро растущих новых отрядов рабочего класса, по традиции еще связанных политически с так называемыми умеренными партиями. Другая — активное содействие преодолению значительной частью рабочего класса растерянности и дезориентации, вызванных экономическими трудностями, кризисом занятости и распадом прежних представлений о путях развития общества. Третья — выработка политики рабочих партий в отношении массовой категории дееспособного и политически активного населения, вытесненного из производственного процесса. Эта политика должна предусматривать эффективное представительство ее интересов, ибо в противном случае она может оказаться объектом манипуляций со стороны либо левацких, либо праворадикалистских сил.

Обострение социальной напряженности с конца 70-х годов и переход правящих кругов буржуазии в контрнаступление, имеющее целью осуществление социального реванша, вынудили отдельные отряды рабочего класса отступить. Отсюда определенный спад забастовочного движения, наметившийся в первой половине 80-х годов в некоторых промышленно развитых капиталистических странах. Однако он знаменовал собой лишь эпизод в ходе классовых боев. Уже к середине десятилетия стала проявляться и иная тенденция — к нарастанию классовой конфронтации, в том числе в ее наиболее активных формах. Свидетельством этого явились стачка западногерманских металлистов, выступивших с требованием введения 35-часовой рабочей недели, и беспрецедентная по своему размаху, длительности и упорству забастовка английских шахтеров. Огромные масштабы приобрело антивоенное движение, важнейшую роль в котором играют рабочий класс и его организации. Активизировались и другие формы общественного протеста.

Еще раз с огромной силой проявился глубокий смысл методологического подхода к проблемам классовой борьбы, предложенного В. И. Лениным. «Но раз общая почва есть налицо, — писал он, имея в виду разразившийся аграрный и промышленный кризис, — то отсюда еще нельзя сделать вывода, будет ли депрессия некоторое время задерживать массовую борьбу рабочих вообще или на известной стадии событий та же депрессия толкнет на политическую борьбу новые массы и свежие силы. Для решения такого вопроса может быть только один путь: внимательно следить за биением пульса всей политической жизни в стране и в особен-

ности за состоянием движения и настроения широких пролетарских масс»¹.

Очевидно, что рабочее движение в промышленно развитых капиталистических странах находится сейчас на важном этапе. У рабочего класса есть все возможности не просто отразить очередное наступление крестоносцев социального реванша, но и нанести им решительное поражение. Важнейшая предпосылка этого — сплочение сил, способных противостоять их походу. «Коренные интересы пролетариата, — подчеркивается в Программе Коммунистической партии Советского Союза, — делают все более настоятельной необходимостью достижение единства рабочего движения, солидарных действий всех его отрядов»².

Коммунистическое движение перед новыми реальностями В авангарде сил социального прогресса в современную эпоху идет *коммунистическое движение*. Коммунистические партии действуют в 95 странах и насчитывают в общей сложности более 80 млн. человек. Но главное не числовые показатели, а то, что коммунистическое движение — это влиятельнейшая идейная и политическая сила нашего времени. Коммунисты возглавляют гигантскую созидательную работу по строительству нового общества в капиталистических странах. Они в первых рядах борцов за жизненные интересы и права трудящихся в капиталистических странах. В развивающихся странах коммунисты — наиболее последовательные борцы против неокOLONиализма и реакции, за упрочение независимости, национальное возрождение, за выбор наиболее прогрессивного пути развития.

Картина современного мирового коммунистического движения сложна и многообразна. Компартии разных стран решают различные конкретные задачи. Положение самих партий тоже неодинаково. Некоторые из них завоевали прочные позиции, накопили большой политический опыт, обладают зрелыми кадрами, короче, стали значительной силой. Достижения других не столь заметны. Третьи еще должны обрести свое место в политической жизни своих стран. Наконец, во многих развивающихся странах только еще стоит задача создания марксистско-ленинских партий. Коммунистическое движение представляет собой сложный международный организм, на функционировании и развитии которого отражаются как достижения, так и противоречия мирового революционного процесса, неоднородность социального состава участвующих в нем сил.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 282.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 133.

На каждом этапе развития оно встречается с новыми проблемами и новыми трудностями. В современный переломный период они особенно велики и выражаются во многих странах капитала в падении численности коммунистов, потере голосов на выборах и депутатских мест в парламентах. В ряде же стран дело дошло даже до расколов партий.

Вокруг оценки состояния коммунистического движения, его достижений и перспектив разворачивается острая идеологическая борьба. Буржуазные идеологи стремятся принизить роль коммунистов в борьбе за мир и социальный прогресс. Они утверждают, что марксистско-ленинские партии переживают «застой и упадок». При этом отсутствие фактов и аргументов, подтверждающих столь категоричные выводы, возмещается ссылками на ренегатов типа Ж. Эленштейна, который утверждает, будто коммунистическое движение «находится в необратимом регрессе», что «болезнь смертельна»¹. «Специалист» по проблемам коммунизма С. Салливен пишет, что эти некогда влиятельные партии «переживают упадок», «выдохлись в идеологическом плане», оттеснены «на бесплодную обочину политической жизни»².

Однако нынешние трудности коммунистического движения — это отнюдь не кризис. Их причины в другом. Как было отмечено на XXVII съезде КПСС, коммунистическое движение столкнулось со многими новыми реальностями, задачами и проблемами. На него влияют международные условия работы коммунистов, научно-техническая революция, происходящая существенная перестройка социальной структуры буржуазного общества, в том числе и структуры рабочего класса. Сложные проблемы встают перед коммунистами в развивающихся странах. Положение усложняется и тем, что компартии остаются главным объектом идейного и политического давления со стороны монополистической буржуазии, ее идеологического и пропагандистского аппарата.

В коммунистических партиях идет нелегкий процесс творческого осмысления новых реальностей, вытекающих из них программных и политических задач. Словом, движение вступило в качественно новый этап, что породило, конечно, определенные трудности. Но вместе с тем — и это главное — решение встающих проблем открывает перед коммунистами новые возможности в борьбе за политическое влияние в массах, за свое идейно-политическое и организационное укрепление.

Новые возможности вытекают прежде всего из активного участия коммунистических партий в борьбе за предотвращение ядерной войны. Угроза уничтожения человечества заставляет

¹ The New York Times, 1986, February 3.

² Newsweek, 1986, March 10, p. 34.

по-новому оценить весь смысл деятельности авангарда революционного рабочего класса. Борьба за мир, которая всегда рассматривалась марксистами как важнейшая демократическая задача, становится ныне императивным требованием. От ее позитивного решения зависят сами предпосылки социального прогресса, реализация коммунистических целей. Это значит, что борьба за мир становится для коммунистов самостоятельной стратегической задачей, которая имеет несомненный приоритет по сравнению с другими. Все больше растет понимание того, что историческая миссия рабочего класса в ядерный век обретает как бы второе измерение: не только революционное преобразование общества, но и его сохранение. На XXVI съезде Компартии Канады в этой связи отмечалось: «В нынешней напряженной международной обстановке наша партия, равно как и все коммунисты, видит свою задачу не только в том, чтобы покончить с эксплуатацией и угнетением, но также — **в первую очередь** — в том, чтобы спасти человеческую цивилизацию от ядерной войны. Это дает новое измерение исторической миссии рабочего класса»¹.

Коммунистические партии поддерживают мирные инициативы Советского Союза и других социалистических стран, выступают против гонки вооружений, за разоружение и перевод экономики на мирные рельсы, за тесную увязку борьбы за мир с борьбой за ближайшие, перспективные и конечные цели рабочего движения.

Практика общественного развития выдвинула перед компартиями задачу огромной исторической важности — *соединить рабочее движение с массовым антивоенным движением*, рожденным невиданным порывом человечества к самосохранению. Антивоенные движения широчайших народных масс на всех континентах, как отмечено в Программе КПСС, «стали долговременным и влиятельным фактором общественной жизни»². В них находит свое выражение массовый — сознательный и стихийный — протест против милитаризма, против угрозы войны, которую несет в себе современный капитализм.

Антивоенные движения существовали и раньше, но никогда они не приобретали столь мощного размаха и таких специфических черт, как в настоящее время. Они отличаются беспрецедентной массовостью, широтой социального спектра участников. Поток включающихся в борьбу за мир продолжает нарастать. Движения стали такой реальной силой, с которой не могут не считаться даже те, кто заинтересован в нагнетании напряженности, в гонке вооружений. В антивоенных движениях участвуют представители всех классов и социальных слоев: рабочие и служа-

¹ XXVI съезд Коммунистической партии Канады. М., 1986, с. 17—18.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 137.

щие, средние слои города и деревни, священнослужители и генералы в отставке, даже некоторые группы буржуазии. Активную роль в них играют женщины и молодежь. Отличительная черта современной борьбы против ядерной угрозы — возникновение организаций различных профессий, прежде всего ученых, врачей, активизация духовенства, представляющего различные религиозные течения. В движениях участвуют представители самых различных политических партий, приверженцы самых разнообразных взглядов. Коммунисты, социал-демократы, либералы, атеисты и верующие — всех их объединяет готовность воспрепятствовать развязыванию войны.

Проходят годы, меняется обстановка, меняются формы протеста, но антивоенное движение не затухает. Время от времени наблюдаются спады, накапливается «усталость» в отдельных конкретных движениях, но в совокупности они являют картину неукротимого роста, в котором выражаются глубинные потребности современного общественного развития и самая существенная среди них — потребность в выживании человеческого рода. Об этом свидетельствуют факты быстрого распространения антивоенных движений. В 1970 г. движение «Гринпис» состояло всего из 12 человек, которые бросили вызов американской военщине, выйдя в океан на утлой лодочке в районе Алеутских островов, где предполагалось провести взрыв атомной бомбы. К концу 70-х годов в движении участвовало уже 100 тыс. человек в десяти странах мира, а в 1985 г. оно насчитывало более миллиона человек в 15 странах, где движение имеет свои представительства и конторы, 150 освобожденных работников и значительные финансовые ресурсы. Столь же стремителен рост и другого движения — за безъядерный статус городов. Оно началось с инициатив общественности отдельных муниципалитетов. В настоящее время в одной только Японии насчитывается 550 безъядерных городов, в Испании — 350, в Бельгии — 281, в Англии — 150, в Ирландии — 117, в США — 80, в Канаде — 64, в Италии — 53 города. В сущности, это движение превратилось в самостоятельную политическую силу, которая проводит свои конференции, предъявляет свои требования к органам власти.

Антивоенные движения характеризуются исключительным многообразием форм протеста: демонстрации и походы, сбор подписей под воззваниями и посылка писем в правительственные органы, пикетирование военных объектов, блокирование подъездных путей к местам, отведенным под размещение ракет средней дальности, объявление целых муниципалитетов безъядерными зонами, угроза гражданского неповиновения. Неисчерпаема инициатива, рождаемая движением масс; она не иссякает и стимулирует все более разнообразные формы борьбы против ядерной угрозы.

Коммунисты стремятся к активному участию в антивоенных движениях, вовлечению в них рабочего класса. С этой целью они раскрывают связь борьбы за мир с борьбой за социальные и демократические права трудящихся. Выдвигаются лозунги: «За право на труд, за мир и международную безопасность» (Компартия Австрии), «За новую политику, мир без атомного оружия и работу для всех» (Германская компартия), «Мир и рабочие места стоят в одном ряду» (Компартия Канады).

Буржуазная пропаганда распространяет домыслы, будто коммунисты стремятся к гегемонии в антивоенных движениях, к их подчинению своим классовым целям, хотя бы трансформировать борьбу за мир в борьбу за социализм, используя гуманистические устремления ее участников для осуществления собственных революционных замыслов. По словам идеологов антикоммунизма, компартии намерены «возродить известную коминтерновскую стратегию народного фронта»¹.

Намерения коммунистов иные, так как они исходят из новых реальностей. Политическую стратегию, выработанную в прошлом, невозможно механически перенести на такое уникальное явление современности, каким является антивоенное движение. Оно отличается беспрецедентной идейно-политической и организационной неоднородностью, включает как революционные, так и неревolutionционные силы, общим знаменателем для которых служит только одно — стремление сохранить мир на земле. Коммунисты придерживаются не линии народного фронта, а линии на создание широкой и гибкой системы союзов, соглашений, совместных действий, конструктивного диалога при уважении самостоятельности и самобытности самых разнообразных антивоенных движений. Столь широкое и противоречивое взаимодействие различных общественно-политических сил строится на принципах равноправия и консенсуса при отсутствии партии-лидера. В политической резолюции XI съезда Компартии Греции отмечалось: «Сила движения сторонников мира — в его широте и единстве. Поэтому защита мира требует преодоления тенденций поставить движение под контроль тех или иных партий...»²

Многие участники антивоенного движения придерживаются немарксистских и даже анимарксистских воззрений. В большинстве случаев они видят мир иначе, чем марксисты. У них иные представления об общественном развитии. Но они искренне, активно выступают за мир. И в этом смысле они идут в одном направлении с марксистами, с партиями рабочего класса. Коммунисты не только не посягают на организационную и политическую само-

¹ Encounter, 1985, July — August, p. 76.

² XI съезд Коммунистической партии Греции. М., 1983, с. 129.

стоятельность антивоенных организаций, но и, ведя идейную полемику, проявляют терпимость к инакомыслящим, к их неординарным взглядам и верованиям, рассматривают их как равноправных партнеров. «Конечно,— говорилось на VII съезде Социалистической единой партии Западного Берлина,— различные взгляды порождают и разные позиции. Однако полное равноправие всех участников движения, интенсивные дискуссии и взаимная готовность к компромиссам, согласие придерживаться консенсуса создают возможности для ведения единой борьбы»¹.

Вместе с тем коммунисты занимают в антивоенных движениях активную идеологическую позицию, ведут мировоззренческий диалог со своими партнерами. Ведь нельзя забывать, что в рамках противоречивого единства и взаимодействия общественных сил, выступающих за мир, разворачивается напряженная идейно-политическая борьба за программные цели, за принципы и направленность движения, социальная база которого так неоднородна. Среди участников наряду с прогрессивными людьми немало и таких, которые придерживаются консервативных взглядов, а некоторые находятся в плену идеологии и предрассудков антикоммунизма, планомерно насаждаемых гигантским и разветвленным идеологическим аппаратом буржуазного государства. Искренне выступая за мир, они часто не представляют себе действительного источника военной угрозы, оказываются под влиянием идеологических мифов буржуазной пропаганды об агрессивности коммунизма. Проведение коммунистами классовой интернационалистской линии сплачивает наиболее последовательных борцов за мир, нейтрализует присосавшиеся к нему проимпериалистические элементы.

Опираясь на научную теорию, коммунисты конкретно раскрывают механизм зарождения и развития милитаристских тенденций в недрах империализма, показывают возможность альтернативного развития экономики капиталистических стран. Так, Компартия Бельгии предлагает концепцию «экономики мира», т. е. программы мер, направленных на мирное развитие капиталистической экономики, оттеснения милитаризма, на установление нового международного экономического порядка. Выдвинуты и другие содержательные идеи, нацеленные на создание социально-политической базы стратегии мира: «блок перемен» (Компартия Австрии), «коалиция мира и разума», «партнерство по безопасности» (Германская компартия), «концепция неядерного правительства» (Компартия Японии).

Возьмут ли верх в многочисленных потоках антивоенного движения консервативные или даже антикоммунистические тен-

¹ VII съезд Социалистической единой партии Западного Берлина. М., 1985, с. 23.

денции, раскалывающие или ослабляющие движение, или возбуждает наиболее прогрессивная, антиимпериалистическая, интернационалистская линия — это зависит от активности передового класса эпохи, от его авангарда, опирающегося на научно обоснованную программу борьбы, на традиции пролетарской солидарности, так необходимые для сплочения всех потоков и течений антивоенного движения. Поэтому-то так важна деятельность коммунистов в антивоенных движениях, четкое определение своего места в них. Активно участвуя в борьбе за мир, коммунисты способствуют поддержанию стабильности антивоенных движений, обеспечению преемственности их развития, боевитости, они передают им богатый политический опыт, накопленный рабочим движением.

Широкие возможности роста влияния открывают перед компартиями и изменения в социальной базе коммунистического движения, пополнение рабочего класса новыми слоями работников преимущественно нефизического труда: новыми рабочими, связанными с передовыми технологиями, служащими, работниками сферы обслуживания.

Буржуазные идеологи утверждают, будто бы в связи с изменениями социальной структуры капиталистического общества, вызванными технологическим прогрессом, коммунистические партии «висят в воздухе»¹. «Головокружительный темп технологических перемен на Западе, — пишет С. Салливен, — все больше лишает марксизм человеческого материала, от которого тот зависит коренным образом, — многочисленного сознательного промышленного пролетариата»².

Эти утверждения опровергаются практикой. Как уже отмечалось, в результате происходящих изменений численность и роль рабочего класса как общественной силы, его потенциальные возможности увеличиваются, а следовательно, расширяется и база влияния коммунистических партий. Конечно, реализация этих возможностей не такое простое дело. Необходимо, с одной стороны, нащупать пути к новым слоям рабочего класса, связанным с центром и нервом хозяйственной системы современного капитализма, опирающейся на передовые технологии. И в то же время необходимо найти такую альтернативу буржуазной политике «технологического рационализма», которая защищала бы интересы слоев рабочего класса, традиционно выступающих главной опорой коммунистов.

Новые слои рабочих, как уже подчеркивалось, не имеют опыта революционной борьбы, революционных традиций. В их среде бытуют различного рода антикоммунистические предрассудки,

¹ The New York Times, 1986, February 3.

² Newsweek, 1986, March 10, p. 32.

мешающие осознать свои революционные возможности. Им недостает не только политической, но и профессиональной организованности. Все это сказывается на общем состоянии рабочего движения, приводит к определенным издержкам в его развитии. Уровень классового сознания известной части рабочего класса снижается, усиливается влияние реформистских идей и настроений, особенно среди тех слоев трудящихся, которые не прошли школу классовой борьбы. На первый взгляд может показаться, что рабочее движение постепенно теряет силу. Однако нельзя не видеть, что в его недрах накапливается новый горячий материал для социальных боев на более высоком уровне, на базе новых требований, отвечающих достигнутому уровню производительных сил, культуры, науки и тех социальных ожиданий, которые связаны с этим уровнем.

Рабочее движение развивается по законам диалектики — не равномерно, а скачками. Говоря об изменениях в рабочем движении, Ленин писал, что они «происходили иногда бесшумно, накопление сил пролетариатом совершалось за сценой, незаметно, вызывая нередко разочарование интеллигентов в прочности и жизненности массового движения. Затем наступал перелом, и все революционное движение как бы сразу поднималось на новую, высшую ступень. Перед пролетариатом и его передовым отрядом, социал-демократией, вставали *практически* новые задачи, для разрешения этих задач словно из земли вырастали новые силы, которых никто не подозревал еще накануне перелома»¹. Нечто подобное происходит сегодня в странах капиталистического мира. Обострение противоречий между трудом и капиталом, усиление эксплуатации трудящихся — это тот вечный двигатель капитализма, который служит источником классовой борьбы. Он выводит рабочее движение на более высокую ступень, что открывает новые возможности и перед коммунистическими партиями, создает условия для усиления их политического и идейного влияния.

Компартии уже сделали серьезные шаги в направлении к новым слоям рабочего класса. В документах компартий подчеркивается все значение работы с теми отрядами трудящихся, которые заняты в новых производствах и технологиях. Так, в резолюции XXV съезда Французской компартии подчеркивается: «Предприятия, находящиеся на острие технического прогресса, будут объектом особого внимания»². Однако путь к новым слоям нелегок. В иерархии требований, выражающих их интересы, на первый план выступают такие, которые связаны с активной ролью работников в системе общественных отношений, с деятельностью, приносящей

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 294.

² XXV съезд Французской коммунистической партии. М., 1985, с. 168.

творческое удовлетворение, со стремлением к всестороннему развитию, к демократическим свободам, свободе творчества, культурной самостоятельности, отказу от потребительства, созданию условий для самовыражения личности. В своей деятельности компартии стремятся увязать эти новые требования с защитой интересов других слоев рабочего класса, теснимых научно-технической революцией. Они решительно борются и с «новой бедностью», с попытками монополий расколоть трудящихся, противопоставить работающих безработным, обеспеченных беднякам. Как подчеркивается в программных требованиях Германской компартии, нужно добиваться социальной справедливости и обеспеченности, достойных условий жизни для всех, а не общества «двух третей», превращающего людей в изгоев; солидарности и обеспеченности вместо похлебки для безработных и гетто бедноты¹.

Однако работа коммунистов по «спайке» различных сегментов рабочего класса — «традиционных», «новых», работников сферы услуг, служащих, «маргиналов», иностранных рабочих — еще далеко не закончена. Идет выработка такой синтетической платформы требований, которая воедино связала бы интересы и чаяния всех слоев современного рабочего класса. Добиться успеха в этом деле — значит предложить убедительную альтернативу консервативному курсу технологической перестройки экономики, проводимому правыми кругами монополистической буржуазии. Принципиально альтернатива капитализму, предлагаемая коммунистами, — это социализм. Но на пути к конечной цели возникла острая необходимость отбить наступление буржуазной реакции, пытающейся укрепить капитализм, вывести его на новый виток технологического прогресса, монополизировать плоды НТП в ущерб интересам рабочего класса и всего общества. «Нужна, — подчеркнул VIII съезд Германской компартии, — альтернативная экономическая и социальная политика, которая отвечала бы интересам трудящихся, их заинтересованности в мире, социальной обеспеченности и чистой окружающей среде».

Коммунисты разоблачают насаждаемые правыми силами фалястические представления, будто технологическая революция неотвратимо приводит к росту безработицы и ухудшению условий жизни трудящихся. В тезисах к XVII съезду Итальянской коммунистической партии отмечается, что коммунисты «отвергают положения, согласно которым современное индустриальное общество должно обязательно сосуществовать на этапах обновления технологии с массовой безработицей, декартификацией трудящихся и усилением авторитарного характера трудовой дисциплины»².

¹ Unsere Zeit, 1986, 4 Octobre.

² L'Unità, 1985, 15 dicembre.

Рабочий класс, демократические силы способны противостоять «консервативной волне» и еще в рамках капиталистического общества направить технологическую революцию в иное русло, отвечающее интересам трудящихся, поднимающее авторитет и влияние рабочего движения, коммунистических и социал-демократических партий. В программных документах компартий капиталистических стран уже даны наброски целого ряда требований, направленных на переход от консервативного к демократическому типу социально-экономического развития капиталистического общества под влиянием научно-технического прогресса. В связи с глубокими изменениями структуры рабочей силы выдвигается требование о создании общегосударственной системы переквалификации работников производства. В ответ на сокращение занятости вносится предложение о сокращении рабочего дня и рабочей недели при сохранении уровня заработной платы, предлагается совершенствование системы социальных амортизаторов (социальное страхование, пособия по безработице и т. п.), облегчающих тяжелые для рабочего класса последствия технологической перестройки. Намечаются и более далеко идущие требования, включая перестройку структуры капиталовложений, их переориентацию в сферу социальной инфраструктуры, духовного производства, создание там новых обширных плацдармов занятости. Понятно, что реализация этих последних требований связана с политической борьбой за усиление влияния рабочего класса, за демократический контроль над процессами развития технологической революции, за расширение системы самоуправления трудящихся на производстве и в других сферах общественной жизни.

Предлагаемые альтернативные решения, не посягая на устои капиталистического строя, облегчают бремя технологической революции для рабочего класса, создают благоприятные возможности для реализации далеко идущих программ демократических преобразований, способных открыть социалистическую перспективу.

Оценивая деятельность коммунистов по сплочению рабочего класса и разработке конкретных программ, учитывающих интересы всех его слоев, можно сделать вывод о несостоятельности прогнозов относительно потери компартиями корней в своей социальной базе. Происходит разветвление корневой системы коммунистических партий в неоднородной среде революционного класса, структура которого видоизменяется и дифференцируется.

Рост политического авторитета компартий в странах капитала во многом зависит от расширяющихся возможностей их взаимодействия с коммунистическими партиями социалистических стран. Удельный вес влияния компартий в политической жизни никогда не обуславливался только национальными позициями, он зависел во многом от политической мощи коммунистического

движения как интернациональной силы. А эта мощь находится в прямой зависимости от завоеваний реального социализма. Ныне, когда целая группа социалистических стран решает задачи перехода на рельсы интенсивной экономики, когда советское общество вступило на путь, ведущий к новому качественному состоянию, открывающему более высокую стадию его зрелости, в глазах широкой общественности стран капитала растет убедительность программ социалистических преобразований, выдвинутых в документах коммунистических партий этих стран. По-новому свежо звучат слова вождя Компартии Германии Эрнста Тельмана: «Победоносное шествие социализма в Советском Союзе — это наш самый сильный аргумент».

Подчеркивая глубинную связь прогресса реального социализма с продвижением вперед компартий стран капитала, председатель Германской компартии Герберт Мис заявил: «Чем лучше мы сумеем разъяснить, что социализм — это общественный строй мира и одновременно тот общественный строй, который может решить и действительно решает основные проблемы человеческого существования, перед которыми пасует капитализм, тем быстрее будет расти притягательная сила социалистических идей, тем быстрее будет распространяться знание того, что нашей стране нужна социалистическая альтернатива, тем более благоприятными будут становиться для нас условия борьбы. Пропаганда успехов реального социализма будет существенно способствовать более быстрому продвижению нашей партии вперед и на современном этапе»¹.

Вывод один: трудности, переживаемые коммунистическим движением, — это трудности роста, восхождения на качественно новую, более высокую ступень развития.

Огромное значение для роста коммунистического движения имеет его *интернациональная сплоченность*. На начальных стадиях его развития международное единство осуществлялось в рамках всемирной организации — Коммунистического Интернационала. Эта форма, которая также не оставалась неизменной, развивалась, отвечая объективным потребностям движения, осваивавшего исторический опыт ленинизма. На нынешней стадии во взаимоотношениях между партиями сложились и действуют демократические нормы, сформулированные в документах международных совещаний коммунистов: независимость и равноправие партий, их самостоятельность, невмешательство во внутренние дела друг друга. Эти нормы отвечают многообразию условий и опыта борьбы партий, объективным различиям их места в мировом освободительном движении, их стремлению завоевать политическое влияние в своей стране. Вместе с тем коммунисты связаны узами интер-

¹ Unsere Zeit, 1985, 31 Octobre.

национальной солидарности. Принцип пролетарского интернационализма включает в себя и революционную солидарность, и признание полной самостоятельности и равноправия каждой партии.

В последние годы диалектическая концепция единства международного коммунистического движения получила дальнейшее развитие. Многообразие и противоречивость современного мира, естественно, отражаются на позициях и формах деятельности партий, что расширяет возможности движения, позволяет лучше учитывать национальную специфику и конкретно-историческую обстановку, интересы различных социальных групп и слоев населения в каждой стране. В силу многообразия, дифференцированности конкретных задач и неоднозначности опыта партий интернациональное единство коммунистического движения не может быть неким застывшим тождеством. Это динамичная система взглядов и позиций, различающихся по конкретным вопросам, но связанных общностью коренных принципов теории и политики научного коммунизма. «Мы считаем,— говорится в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии,— что многообразие нашего движения — не синоним разобщенности. Точно так же, как единство не имеет ничего общего с единообразием, с иерархией, с вмешательством одних партий в дела других, со стремлением какой-нибудь партии к монополии на истину. Коммунистическое движение может и должно быть сильно своей классовой солидарностью, равноправным сотрудничеством всех братских партий в борьбе за общие цели»¹.

Неоднородность международного коммунистического движения, неоднозначность решаемых задач порождают порой разногласия и противоречия между ними. В конечном счете они решаются практикой общественного развития. Важное значение в достижении сплочения имеют обмен опытом, идеями, терпеливые товарищеские обсуждения возникающих проблем.

Потребность в укреплении интернациональной солидарности коммунистов становится все более острой. Это вызвано необходимостью объединения усилий в борьбе за мир, сохранение жизни на земле, нарастающими процессами интернационализации всех сторон жизни человечества, потребностью дать эффективный ответ на деятельность транснациональных корпораций. Это вызвано и обострением глобальных проблем современности, решение которых толкает к координации действий авангардных сил социального прогресса.

Интернациональное сплочение коммунистов особенно важно сегодня, когда оно служит одной из главных предпосылок более

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 73—74.

широкой интернациональной солидарности. Об этом говорил в приветствии XXVII съезду КПСС Генеральный секретарь Португальской компартии А. Куньял: «Укрепление единства международного коммунистического движения — решающий фактор сотрудничества и единения сил мира, демократии, социального прогресса, национальной независимости и социализма»¹.

В. И. Ленин отмечал, что коммунисты не должны вариться в собственном соку². Ленинская мысль особенно актуальна в связи с расширением состава оппозиционных капитализму сил. Коммунисты ищут формы сотрудничества с ними, выступают с инициативами, которые позволяют осуществлять совместную деятельность. Компартии выдвигают платформы и лозунги, отражающие многоплановые интересы демократических слоев, включая общечеловеческое стремление сберечь цивилизацию, улучшить условия существования, сохранить природную среду, поднять уровень и качество жизни. Взаимоотношения коммунистов с многочисленными демократическими движениями и организациями уже не укладываются в обычное понятие союзов, представляя собой более широкое взаимодействие общественных сил. Компартиями выдвигаются идеи «конвергенции левых сил», «нового единства трудящихся», «воссоединения левых сил», «образования нового большинства народа». На международном, региональном и национальном уровнях идет временами трудно, через противоречия, процесс укрепления сотрудничества коммунистов с социал-демократическими, социалистическими, революционно-демократическими партиями, массовыми демократическими движениями и организациями. Отнюдь не легко, но неудержимо складывается такое диалектическое единство многообразия, «которое охватывает всю живую ткань реального социалистического мира, рабочего и коммунистического, национально-освободительного движения, всех движений против реакции и агрессии, за мир и прогресс»³.

Непременное условие выполнения коммунистическим движением авангардной роли в мировом революционном процессе — творческое развитие коллективными усилиями братских партий марксистско-ленинской теории. Она исследует сущность и функционирование социальных законов и, как всякая наука, едина, не делится по национальному и региональному признакам. Но процесс развития теории в условиях современной многообразной действительности не может происходить иначе, как через сопоставление не во всем совпадающих взглядов, точек зрения, отражающих различия национального опыта коммунистических партий.

¹ Приветствия XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 229.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 143.

³ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1985, с. 362.

Марксистско-ленинское учение обогащается также в процессе диалога с другими общественно-политическими движениями, которые в своем самобытном опыте высвечивают, конденсируют те или иные стороны сложной и противоречивой действительности современного мира.

Образно говоря, теория марксизма-ленинизма подобна стволу могучего дерева, которое питается разветвленной корневой системой, вбирающей в себя богатство всемирного опыта во всем его многообразии. Густая крона дерева как бы представляет творческое применение принципов великого учения к специфическим условиям разных стран и регионов. По сути дела, образ этот иллюстрирует ленинское положение о том, что марксистская теория *«вырастает из совокупности революционного опыта и революционной мысли всех стран света»*¹.

Спекулируя на стремлении левых и демократических сил к широкому единству, противники коммунизма уверяют, будто компартии стоят перед «мучительной дилеммой»: либо подтвердить свое традиционное марксистско-ленинское кредо, рискуя превратиться в стоящие вне общества секты, или же «продвинуться в направлении к социал-демократическому центру, рискуя потерять свои цель и самобытность». Если даже и «удастся создать крупную коалицию, которая будет стоять левее позиции европейских социал-демократических партий», то в этом случае «марксистская доктрина, возможно, будет оттеснена на второй план и забыта в такой коалиции разношерстных сил»². Такую безрадостную картину состояния компартий капиталистических стран рисуют идеологи антикоммунизма. Велико их желание похоронить коммунистическое движение, но эта цель недостижима.

Проникновение в глубинные тенденции современного политического развития опровергает подобные пессимистические прогнозы буржуазных идеологов. Коммунистические партии — закономерный результат развития рабочего движения. Они представляют сознание и волю передового класса эпохи. Они — единственная политическая сила, которая выдвигает конструктивную альтернативу эксплуататорскому строю. Они представляют движение, имеющее глубочайшие корни в общественном развитии, выражающее самые насущные интересы народных масс. В этом — источник неистребимости коммунистического движения, залог укрепления его позиций как авангарда сил социального прогресса.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 11.

² Newsweek, 1986, March 10, p. 32.

Партии и власть

Анализируя современный капитализм, XXVII съезд КПСС подчеркнул, что ситуация в странах этой системы обостряется, чревата социальными взрывами и политической дестабилизацией. Развитие капитализма в 80-е годы подтверждает точность и глубину этого теоретического вывода. Появляются признаки, свидетельствующие о том, что буржуазия сталкивается с новыми трудностями в деле поддержания своей политической власти в обществе. Но проявления этого процесса не всегда лежат на поверхности. Нередко они бывают замаскированы внешним динамизмом политической жизни капиталистических государств. Их нелегко разглядеть сквозь калейдоскоп шумных событий, в виде которого она предстает, заслоняя глубинное броским, второстепенным. Политическая жизнь и не может выглядеть иначе. Ее бурный характер — это отражение хаотической социально-экономической жизнедеятельности капиталистического организма. Неизбежно возникающие в таких условиях конфликты и кризисные ситуации отражаются в политической сфере разногласиями, борьбой.

Да и сами правящие классы сознательно добавляют «политической суматохи». Буржуазия — величайший мастер удержания и использования власти. Если на протяжении вот уже нескольких веков она сохраняет власть над обществом, то это объясняется не только теми или иными экономическими, социальными и прочими факторами, но и — эта сторона часто упускается из виду — накопленным ею богатейшим арсеналом методов, приемов, средств властвования. Среди этих приемов и те самые «эффектные и бессодержательные дуэли», о которых говорил еще В. И. Ленин, вообще всяческая шумиха в политической жизни. Цель ясна — создать у недовольных слоев общества впечатление, что что-то делается и, стало быть, положение может улучшиться.

Для того чтобы разобраться в столь глубинном вопросе, как *степень устойчивости политической власти буржуазии*, надо прежде всего определить, чем эта устойчивость может быть измере-

на. Какие явления из калейдоскопа событий следует выделить и рассматривать как критерии для измерения?

Один из критериев — это характер политических сил, возглавляющих буржуазное государство, тенденции их смены у власти. В последние десятилетия три основные силы управляют им, чередуясь в той или иной последовательности и находясь у власти либо в относительно «чистом виде», либо в различных сочетаниях одна с другой. Это правые и крайне правые, центристские и левые. Конечно, такое деление весьма условно, да нередко его еще сознательно запутывают в ходе политической борьбы. Так, буржуазная пропаганда не без умысла зачисляет в левые, наряду с коммунистами, всех, кто, по ее мнению, находится левее «центра».

Определяя их в самых общих чертах, можно сказать, что правым — представителям наиболее реакционной части буржуазии — свойственны наибольшая жестокость и максимализм в отстаивании ее интересов — будь то во внутренних или внешних делах. Если, скажем, речь идет о социально-экономических проблемах, то правые возлагают наибольшее бремя издержек на трудящихся и минимальное — на буржуазию. Во внешней политике правые пытаются не только сохранить позиции капитализма, но и отвоевать утраченное, причем в самой агрессивной и воинственной форме. Да и вообще стремление воссоздать прошлое соотношение сил, когда эта общественная система была сильнее, имела больше веса в мире, — это их цель. Они нередко и действуют так, как будто прошлое вернулось, т. е. явно переоценивают возможности капитализма и явно недооценивают противостоящие ему силы. Естественно, что такой подход предполагает особый упор на «силовую» политику во всех видах. Он выражен в милитаристском курсе во внешних делах и в усилении репрессивных мер — во внутренних.

Центристские силы (сюда можно отнести умеренные, реформистские буржуазные течения; в вопросах практической политики к ним близок правый фланг социал-демократии) представляют ту часть господствующего класса, которая понимает и принимает необходимость более гибких приемов поддержания своей власти. Эти силы отдают себе отчет в том, что капитализм не может продлить свое существование, не адаптируясь к меняющимся условиям существования, не маневрируя и не прибегая к компромиссам. Умеренным в большей мере присущ реализм при оценке современного соотношения сил как на мировой арене, так и внутри капиталистических стран. Собственно, этот учет и является исходным пунктом их политической стратегии.

Во внутренних и внешних делах они, соответственно, пользуются весьма широким диапазоном средств, методов, тактических приемов. Кроме того, следует учитывать, что в рамках столь широ-

кого направления, как центристское, неизбежно существуют течения и партии, тяготеющие к разным вариантам политики — либо более сходным с правым курсом, либо, наоборот, довольно удаленным от него.

Левыми в капиталистических странах обычно называют партии, движения, представляющие интересы рабочего класса, трудящихся вообще. Но представлять эти интересы можно с качественно разной степенью полноты и последовательности, да и преследуя качественно разную цель — либо революционную, либо социал-реформистскую. Поэтому ставить на одну доску такие принципиально разные силы, как, скажем, социал-демократов и коммунистов, неправомерно.

Для изучения проблемы устойчивости власти буржуазии судьбы социал-реформистских, а тем более коммунистических партий имеют большое значение. Усиление левых, рост их поддержки населением может говорить о том, что в обществе растет критическое отношение к буржуазным партиям, даже к капитализму в целом (социал-реформистские партии, не стремясь к его разрушению, тем не менее нередко декларируют неприятие этой общественной системы, и этим декларациям люди подчас верят, из-за них поддерживают эти партии).

Однако рассматривать проблему политического господства буржуазии, пользуясь критерием ситуации в партийной сфере, надо с осмотрительностью. Нельзя забывать о том, что переход власти от одной политической партии к другой может быть и просто маневром господствующего класса, свидетельствующим, конечно, о каких-то его трудностях, но не обязательно означаящим ослабление политических позиций буржуазии в целом. Вспомним ленинское высказывание о чередовании буржуазией двух тактик господства — такое чередование оформляется через смену партий.

Но вместе с тем очевидно и другое. Если когда-то замена партий, политических сил у власти была сравнительно нетрудной и полностью контролируемой игрой буржуазии, то теперь, в эпоху всеобщего кризиса капитализма, при резко осложнившихся условиях существования, ослаблении позиций господствующего класса, чередование сил приобретает нередко более серьезный смысл. А подчас и вообще выходит за те пределы, в которых господствующий класс хотел бы его удержать. Иначе и быть не может в условиях, когда соотношение сил в обществе меняется не в его пользу и другие классы и слои тоже произносят — и все более весомо — свое слово на политической арене.

Поэтому можно с основанием рассматривать приход к власти и уход от нее тех или иных сил в буржуазном государстве уже не всегда и не обязательно как мизансцены дешевого политического спектакля, но нередко и как события, которые свидетельствуют

о степени стабильности капитализма, об устойчивости господства буржуазии. А сама смена сил, находящихся у власти, в таких условиях, естественно, становится известным индикатором ситуации.

Опыт последних десятилетий показывает, в частности, что пребывание у власти партий, представляющих центристскую часть правящего класса, в основном служит признаком относительно «спокойного» доминирования буржуазии.

Во-первых, потому, что это говорит о доверии значительной части общества к преобразовательным возможностям капитализма, к реформизму. Во-вторых, это означает, что фланговые силы, в частности левые, более или менее отеснены с авансены. В-третьих, центристский курс — это вообще наиболее безопасный и, стало быть, оптимальный способ властвования в условиях, когда резко наступать на трудящихся становится для буржуазии делом все более нелегким (конечно, когда в силу тех или иных обстоятельств это можно делать, то делают без колебаний).

С другой стороны, появление во главе страны правых и крайне правых — часто сигнал штормовой погоды для капитализма. Это — показатель того, что буржуазии приходится хвататься за небезопасные в условиях нынешнего соотношения сил жесткие средства обеспечения своих интересов. Многие случаи появления в последние времена реакционных правительств в капиталистическом лагере укладываются в эту характеристику.

Конечно, тут можно возразить, что коль скоро правые нередко приходят к власти посредством выборов, голосами рядовых избирателей, то вряд ли верно расценивать их победы как симптом затруднений буржуазии, скорее можно трактовать как признак упрочения, ибо правые — это наиболее откровенные защитники ее интересов. Нет, одно другому не противоречит. Просто теми или иными ухищрениями правым удастся увлечь за собой часть масс, побудить их голосовать за себя. Тем более что все это происходит в сложные времена, когда многие люди поддаются настроениям тревоги, отчаяния и ведут себя политически нелогично, мечутся. В этих условиях реакция может иногда повести за собой значительную часть масс. Самый памятный и трагический эпизод такого рода — это, разумеется, 1933 г. в Германии, когда голосами рядовых избирателей к власти пришел Гитлер. Или другой пример, когда 70% населения США одобрили чудовищную акцию американской военщины — оккупацию маленькой, беззащитной Гренады. Или вспомним разгул шовинистических страстей в Англии, когда армада кораблей двинулась воевать с Аргентиной.

Наконец, когда у власти оказываются партии, представляющие левый фланг, — это уже может означать кризис для буржуазии. Может потому, что, повторим, далеко не все левые стоят на анти-

капиталистических позициях, даже если провозглашают их. Некоторые, когда доходит до практических дел, оказываются самыми близкими «политическими родственниками» буржуазных реформистов и, соответственно, приемлемы для господствующего класса. Но бывают случаи, когда верх берут такие партии, которым буржуазия явно не желала успеха и победа которых означает для нее несомненную неудачу. Правда, сразу оговоримся: от такой неудачи до действительной утраты господствующих позиций в стране — дистанция большого размера. Буржуазия и в этом случае сохраняет в своих руках огромную реальную власть, прежде всего экономическую, бездну средств воздействия на общественность, давления на правительство. Она пускает в ход все приемы борьбы — от пропагандистских кампаний и экономического саботажа до переворотов — и, как показывает практика, способна брать политический реванш. Но при всем том победа левых сил часто знаменует высвобождение большей части общества из-под политико-идеологического контроля буржуазии. И даже если это высвобождение не закрепляется соразмерными общественными преобразованиями, все равно оно остается свидетельством ослабления господства капиталистического класса.

Исходя из такого представления о смысле политических сдвигов проследим, какие тенденции они выявляют в панораме капиталистической действительности.

Время буржуазного реформизма

«Раньше было лучше». В последние годы эта фраза стала лейтмотивом высказываний буржуазных политиков и ученых. Редкая книга на политическую тему на Западе не содержит прямую или косвенную констатацию, что раньше — в 50-е — начале 70-х годов — жизнь выглядела спокойнее, а проблемы казались более управляемыми.

Действительно, еще в недавнем прошлом правящие классы империалистических государств чувствовали себя в общем и целом увереннее, по крайней мере, если говорить о внутренних проблемах капитализма. Конечно, уверенность — в данном случае понятие сугубо относительное. Классовая борьба, вообще социальная напряженность никогда и никуда не исчезали. Экономические осложнения тоже. И это, естественно, приводило к обострениям в сфере политической. Но все же если взять упомянутый период, то заметно, что в экономическом плане это была более или менее благополучная для капитализма пора. Во всяком случае, на фоне того, что бывало в предшествующие времена или что происходило в самое последнее время.

Не только экономическая сторона существования капитализма казалась относительно стабильной. В буржуазных кругах ощущал-

ся в целом некоторый прилив надежд на лучшее будущее. Этому содействовала прежде всего научно-техническая революция, начавшаяся в послевоенные годы. Буржуазные идеологи убеждали, что беспрецедентный прогресс в науке и технике принесет капитализму такие гигантские новые материальные ресурсы, что с их помощью он ликвидирует или серьезно ослабит социальную напряженность и тем самым радикально укрепит свои позиции. Цементировать капитализм предполагалось некоторым увеличением социальных расходов, что, как считалось, будет достаточно для успокоения трудящихся и создания «классового мира».

И по сей час остаются памятники этой эйфории. Мы имеем в виду грандиозные наукообразные иллюзии прекрасного грядущего, которые буржуазные теоретики создавали в те годы, — «индустриальное общество» Раймона Арона и «новое индустриальное общество» Джона Гэлбрейта, «постиндустриальное общество» Бертрана де Жувенеля, Дэниэла Белла и Германа Кана, «общество кибернетической революции» Роберта Тиборда и «технотронное общество» Збигнева Бжезинского. В этих построениях одно было общее: уверенность в том, что завтрашний день капитализма будет свободен от внутренней напряженности ценой разного рода модификаций.

На Западе зачитывались этими научными грезами, и настроение поднималось, пробуждался социальный оптимизм. А как оглушительно, в унисон с этими надеждами звонила во все колокола массовая пропаганда! С каким рвением даже «независимая пресса» стремилась уверить массы в том, что их ждет лучшая жизнь. Пробуждением надежды на будущее стремились парализовать недовольство людей настоящим — избитый прием пропагандистской «отвлекающей терапии».

Вся эта шумиха не могла, естественно, не иметь какого-то резонанса в массах. Часть трудящихся она сбивала с толку, заразила оптимистическими иллюзиями.

Таким образом, известная экономическая устойчивость плюс искусственная атмосфера социального оптимизма привели к тому, что и политически буржуазия на какое-то время ощутила более твердую почву под ногами. Это выразилось в *росте влияния, выдвижении на первый план центристских сил во многих странах капитализма.*

Партии, представляющие центристские или близкие к ним силы, оказались тогда у руля власти во многих странах. В Англии лейбористы правили с 1964 по 1970 г. В ФРГ с 1966 г. в правительство вошли социал-демократы (вместе с ХДС/ХСС образовав так называемую большую коалицию), а затем стали основной правящей партией. В Соединенных Штатах с 1960 по 1968 г. в Белом доме были демократы. В Канаде либеральная партия возглав-

ляла страну почти все время, исключая 1957—1963 гг. Сильные политические позиции занимало правое крыло социал-демократии. На рубеже 60—70-х годов 15 социал-демократических партий находились у власти или входили в правительственные коалиции вместе с буржуазными партиями.

Не менее красноречиво подчеркивал возросшее влияние умеренно-центристских сил тот факт, что к их позициям передвинулись многие правые, консервативные партии. Примером служат прежде всего Соединенные Штаты, где уже в 50-х годах начала сдвигаться на умеренные позиции правящая республиканская партия (переход к курсу «нового республиканизма» при Эйзенхауэре). Вновь вернувшись в 1968 г. в Белый дом, республиканцы продолжили дрейф в том же направлении. Тенденции к смещению на более умеренные позиции проявлялись в правящей, и тоже всегда считавшейся преимущественно консервативной, либерально-демократической партии Японии. Правительства, стоявшие у руля власти в 50-е и 60-е годы (кабинеты Киси, Икэда, Сато), придерживались умеренной ориентации в практической деятельности, какими бы традиционными лозунгами они ни прикрывались. Об аналогичной эволюции правого западногерманского блока ХДС/ХСС свидетельствовал уже упоминавшийся факт блокирования с социал-демократами. Английские консерваторы, подобно республиканцам в США, также меняли традиционную ориентацию. Стоит сопоставить жестко правый подход ко всем проблемам кабинета У. Черчилля (1951—1955 гг.) с линией последующих кабинетов Г. Макмиллана, А. Дугласа-Хьюма, Э. Хита, чтобы заметить сдвиг. Курс Э. Хита нынешний горячий приверженец политики М. Тэтчер английский публицист К. Джозеф даже определил как «полусоциалистический»¹. Добавим еще, что и в Италии христианско-демократическая партия сменила правый курс на более маневренный (при правительствах А. Фанфани и А. Моро).

Наконец, то, как вел себя капитализм на международной арене, служило еще одним проявлением и подтверждением возрастающей роли центристских течений и идей. Мы имеем в виду такую тенденцию, как поворот, хотя в значительной степени и вынужденный, от «холодной войны» к разрядке, появившуюся, окрепшую и достигшую пика как раз в 60-е — начале 70-х годов. Конечно, неверно связывать генезис этого поворота только с изменением внутривнутриполитического пейзажа капиталистических государств. На сдвиг к разрядке повлиял широкий круг обстоятельств, прежде всего такое ключевое, как изменение мирового соотношения сил. Важнейшую роль сыграло дальнейшее укрепление военной мощи СССР и других стран социализма, растущий нажим на

¹ The Observer, 1975, May 18, p. 10.

империалистические правительства миролюбивой общественности да и многое иное. Но свое место среди причин заняло и усиление влияния умеренных течений, их идеологии. Они являются силой, понимающей бесперспективность жестких вариантов отношений с СССР. Не потому, конечно, что испытывают к социализму иные чувства, чем правые. Просто у них больше политической трезвости, понимания реальностей. Они, в частности, осознают, что предпочтительно упрочивать капиталистический строй посредством расширения социального маневрирования. А таковое требует больших материальных затрат и, стало быть, затрудняет переброску средств на военные цели, необходимых для конфронтации.

Усилением центристских течений панорама капиталистической действительности, конечно, не исчерпывалась. Правый фланг ослабел, но не исчез. Отчасти он «перекрасился» в новые, менее резкие политические цвета, отчасти сохранился и действовал в прежнем виде. Об этом свидетельствовало положение в Испании и в Португалии, где фашизм долгое время держался у власти, в Греции, где господствовала военная диктатура. Да и в США в эти годы правое крыло упорно пыталось прорваться к власти (борьба кандидата республиканцев Б. Голдуотера за президентское кресло в 1964 г.).

Активную, наступательную борьбу вели на политической арене и силы, защищавшие интересы трудящихся. Вот несколько примеров, это подтверждающих.

В Италии коммунисты, которые с 1947 г. были вытеснены христианско-демократической партией из правительства, весь этот период усиливали свои позиции. Причем настолько, что уже с 60-х годов изоляция коммунистов стала одной из центральных задач, ради которой христианские демократы затевали различные комбинации и «ходы» (например, создание «левоцентристских» кабинетов, в которых участвовали социалисты). Во Франции — тоже нарастание натиска слева. Уже в 1965 г. единый кандидат социалистов и коммунистов Ф. Миттеран на президентских выборах набрал почти половину голосов, лишь чуть-чуть проиграв Ш. де Голлю, вокруг которого сплотились все буржуазные силы. А в Соединенных Штатах классовая борьба трудящихся дала толчок сильнейшему за все послевоенное время подъему массового демократического движения, породила волну радикализации политических настроений, приведшую к появлению «новых левых».

И все же, несмотря на возрастание потенциала левых сил, многие представители правящих классов были убеждены в начале 70-х годов, что капитализм идет вверх. Если бы только они знали, какой недолгий срок отпущен их иллюзиям!

Мифы остаются мифами Чем масштабнее заблуждение, тем сильнее последующее разочарование. Такая закономерная судьба и постигла тех, кто уверовал в повысившуюся жизнеспособность капитализма и уверял в том других. Многие смешались в «капиталистическом доме» начиная с середины 70-х годов. И прежде всего рухнули предпосылки, которые порождали радужные расчеты буржуазных идеологов. Тем самым историческое развитие напомнило капиталистической системе, что никаких перемен к лучшему в ее судьбе нет.

В 1974 г. по мировому капитализму ударил сильнейший за послевоенное время экономический кризис, а после него наступила тяжелая полоса хозяйственных расстройств, многие из которых длятся до сей поры. Кризис и последовавшие за ним осложнения были не только чрезвычайно болезненны сами по себе. Была выбита материальная основа из-под проектов социально-политического цементирования буржуазной системы. Ведь цементирование предполагало постоянный экономический рост как источник необходимых ресурсов для этой цели.

Экономические провалы имели еще одно последствие. Рухнула та уверенность в возможности управлять собственной социально-экономической судьбой, которая постепенно укреплялась в буржуазных кругах под воздействием полосы более или менее благополучного положения в экономике. В этих кругах благополучие отнесли отнюдь не на счет преходящего сочетания обстоятельств, явившегося его действительной причиной, а объясняли эффективностью регулирующей деятельности государства. 60-е, первая половина 70-х годов — пик веры буржуазии в то, что она наконец оседлала строптивого «экономического коня» и, соответственно, может управлять социально-политическими судьбами своего строя. И резкое ослабление этого оптимизма тоже стало важным элементом общей кризисной ситуации.

Но не одни только экономические осложнения наносили удары по капитализму. Научно-техническая революция тоже внесла свой вклад в возросшие трудности. Отнюдь не палочкой-выручалочкой оказалась она для капитализма. Это особенно проявилось в условиях, когда сокращалось производство и бушевала инфляция. Иллюзия, что научно-техническая революция поможет капитализму, прибавит ему мощи, убавит проблем, явно потускнела.

На фоне нахлынувших экономических и социальных бедствий лозунг «государства всеобщего благосостояния», с помощью которого буржуазия пыталась в какой-то мере повысить престиж капитализма в глазах масс, уже не мог внушить никакого доверия. И начиная со второй половины 70-х годов шумиха вокруг «государства всеобщего благосостояния» затихает, и если сейчас можно

встретить упоминание о нем, то редко и преимущественно в скептической тональности. Сошлемся в качестве примера на недавно вышедшую в Англии работу Р. Мишры «Кризис государства всеобщего благосостояния. Социальная мысль и социальные изменения», где автор приходит к выводу, что «сегодня невозможно связно и убедительно защищать концепцию благосостояния». В аналогичном духе написана и книга Т. и Д. Уилсонов «Политическая экономия государства всеобщего благосостояния».

Нужно ли говорить, что все эти перемены не могли не оказать электризирующего воздействия на «низы» буржуазного общества. Если в «верхах» реакцией были растерянность, обострившаяся борьба и столкновения различных течений и партий, то в «низах» вновь нарастали разочарования, настроения недовольства и протесты. Иначе и быть не могло, если принять во внимание, что издержки всех крушений и неудач ложились, как всегда, на трудящихся. Ведь именно они прежде всего страдали от экономического кризиса, осложнений, следовавших за ним, от отрицательных социальных последствий научно-технической революции.

События на международной арене тоже не добавляли господствующему классу уверенности в своих силах. 60-е годы были временем осознания мировой буржуазией — точнее, значительной ее частью — того факта, что капитализм уже не может силой перестроить мир на свой вкус и лад. Из осознания родился поворот к разрядке международной напряженности. Но этот поворот, если смотреть на него с точки зрения мотивов тех, кто его поддерживал в правящих классах, носил сложный характер. Не все приняли сторону разрядки чистосердечно, без задних мыслей. Были очевидные расчеты использовать ее для подрывных действий против социалистических стран. Кое-кто даже истолковывал ее как индульгенцию для империалистического разбоя «на периферии» международной арены. Все это было оформлено теоретически — концепциями «ограниченной», «реалистической», «селективной» разрядки. Антиразрядочные силы развернули упорную, масштабную борьбу против снижения уровня международной напряженности, вели дело к конфронтации по всем линиям. Монополистическая буржуазия, особенно в США, бросила на эти цели огромные средства. Слишком зависимая от США западноевропейская буржуазия также пошла против национальных интересов своих стран, не сумела или не захотела реалистически оценить обстановку (похмелье наступило после) и присоединилась к американскому антиразрядочному походу. Правые силы перешли в наступление на широком фронте.

Потрясения, переживаемые капитализмом в 70-е годы, не могли не вызвать серьезных последствий в политической сфере. Усилилась активность трудящихся и представляющих их партий, обострилась борьба по внутренним и внешним проблемам в правящих классах, начались сдвиги в расстановке сил. Общая картина последствий дала возможность судить о способности буржуазии в современных условиях удерживать общество под своим политическим контролем, о прочности этого контроля. Чтобы составить представление об этом, сравним происходившее с политическими последствиями прежних потрясений сходного масштаба, скажем, «великой депрессии» 30-х годов.

Тогда во многих странах резко усилился антикапиталистический фланг сил, произошла радикализация политических настроений масс. Этот процесс получил многообразные и широкие проявления. В одних случаях — усиление стачечной борьбы, выдвижение бастующими более широких требований (США, Канада). В других — развертывание массовых движений социально-политического протеста (Англия, Франция). Мировое коммунистическое движение существенно возросло и увеличило свои ряды во многих странах капитализма. Все это, вместе взятое, несомненно, означало политическое ослабление буржуазии. Были страны, где буржуазии даже пришлось схватиться за крайнее, отчаянное средство спасения своего господства — призвать на помощь фашизм — это самое уродливое порождение капитализма. Так произошло в Италии, Германии, затем в Испании.

Но буржуазия в общем и целом оказалась в состоянии найти новые ресурсы сохранения политической власти. В США, Англии, Франции, в ряде других стран произошел поворот к реформизму, который был осуществлен правящими классами под давлением обстоятельств. И хотя нельзя сводить его происхождение только к экономическим событиям 30-х годов, но все же несомненно, что они дали мощный толчок. Скажем, такой центральный аспект реформистской политики, как наращивание государственно-монополистического регулирования в экономико-социальной области, самым непосредственным образом связан с теми бедственными последствиями построенной на минимальном регулировании системы свободного предпринимательства, которые выявились в 30-е годы.

Посмотрим теперь, каким выглядел на этом фоне политический резонанс социально-экономических потрясений в 70-е годы и в начале 80-х годов.

Конечно, дело не дошло до прихода к власти фашистов ни в одной стране развитого капитализма. Ибо чудовище фашизма настолько скомпрометировало себя в глазах широчайших слоев населения, что гальванизировать его — дело крайне сложное и опасное.

Хотя надо сказать, что на периферии капитализма установление фашистских режимов продолжает служить американским интересам, поскольку они являются марионетками империалистической метрополии.

Если продолжить политическую характеристику периода, правомерно привлечь внимание к такому явлению, как рост национального эгоизма, шовинизма и расизма. Наиболее реакционная часть правящих классов не прекращает попыток держать фашизм в качестве «запасного оружия». Неонацисты в ФРГ, неофашисты в Италии, неофалангисты в Испании, фашистский «национальный фронт» в Англии и, наконец, связывающий воедино многие из национальных отрядов фашизма «черный интернационал» — за всеми ними чувствуется поддерживающая рука крупного капитала.

В общем, то, что буржуазия на этот раз не прибегла к фашизму, еще не дает основания для вывода о более устойчивом положении капитализма сравнительно с 30-ми годами.

Масштабным выглядел всегда зловеющий для капитализма сдвиг влево. Заметной чертой современного политического ландшафта стало усиление партий и течений «левее центра». Сошлемся лишь на один факт: в четырех западноевропейских странах к власти пришли левые партии — во Франции, Испании, Греции, Португалии. Во Франции в правительство в течение некоторого времени входили и коммунисты. Давно уже капиталистическая Европа не была ареной столь массированного и успешного наступления левых. Конечно, не все из них, получив власть, вели себя как подлинные представители трудящихся. Но сам их приход к власти продемонстрировал тенденцию к большему высвобождению масс из-под власти буржуазных партий, правой буржуазной идеологии.

Выявился еще один факт, отличающий нынешнюю ситуацию от ситуации 30-х годов: определенное падение влияния буржуазного реформизма, ослабление представляющих его партий и течений. Действительно, на протяжении последнего времени практически во всех ключевых странах развитого капитализма буржуазно-реформистские партии теряли позиции и сейчас мало где остались у власти. Это — редкостная ситуация для последних десятилетий. Но она закономерна. Экономические и социальные проблемы усложнились как раз в тот период, когда на авансцене располагались в основном центристские силы, вооруженные реформистской идеологией и соответствующим инструментарием политики. Эти силы и партии понесли политическую расплату. Доверие к ним ослабло и «вверху» и «внизу» общества, но по разным, конечно, причинам. Господствующие классы были разочарованы тем, что эти силы не сумели обеспечить социально-экономического упрочения капитализма, хотя надежды в этом плане на них возлагались, а трудящиеся увидели несостоятельность лозунгов «всеобще-

го благосостояния». Но вместе с тем это лишь частично объясняет нынешние трудные времена буржуазного реформизма. Точнее говоря, объясняет причины ослабления позиций партий, выступающих под его знаменами, но не дает ключа к пониманию того, почему ослабление затянулось. Последнее связано с тем, что реформистский фланг буржуазии на этот раз оказался не в состоянии выдвинуть новых идей, способных увлечь массы и вдохнуть оптимизм в правящие классы. Везде реформисты сейчас ищут «новые ответы» взамен негодных старых и не находят их. Так произошло во Франции, где не сработали социал-реформистские рецепты социалистов, а ничего перспективного взамен их партия не смогла выдвинуть и пошла назад от своих установок. Так происходит сейчас в США, где демократы никак не могут обновить свою реформистскую («либеральную», по американской терминологии) платформу и остаются «идейно разоруженными» перед лицом консерваторов, безвольно дрейфуя вправо.

Но победы правых — в перспективе не очень-то неблагоприятный для буржуазии симптом. Буржуазный реформизм воплощает способность буржуазии к адаптации в социально-политической сфере. И то, что эта способность, как следует из происходящего, ослабевает, уступает место реакции по всем направлениям, дополнительно подтверждается процессом поправления многих реформистских течений, развивающимся сейчас в капиталистических странах. Это создает для буржуазии новые трудности в поддержании политического влияния в обществе. Ведь преобразовательные начинания в ловких руках буржуазии нередко разряжали «социальные снаряды» и добавок вселяли в трудящихся веру в возможность улучшений, гасящую порывы к борьбе.

На Западе надеются на то, что придумать какой-то новый спасительный курс для выхода из нынешних осложнений — только дело времени. Времени ли? Ведь новую политику, которая смогла бы заменить или хотя бы усовершенствовать обанкротившееся на этот раз регулирование, которая смогла бы обеспечить «классовый мир» после провала «государства всеобщего благосостояния», — эту новую политику целая армия теоретиков ищет в капиталистических странах уже с середины прошлого десятилетия. Используются новые концепции вроде «информационного общества», но не видно, чтобы они вооружали политику конкретными целями и перспективой.

Но вывод о растущих трудностях, с которыми сталкивается буржуазия в поддержании своего политического влияния, станет лишь тогда убедителен, когда будет проанализирован *современный сдвиг вправо в расстановке политических сил целого ряда государств*. Правоконсервативный фланг, откровенно защищающий интересы монополистического капитала, одержал ряд побед на вы-

борах в ключевых странах империализма. Не означает ли это, что политическое и идеологическое влияние правящих классов на массы возросло?

Сдвиг вправо — сложное явление. И уяснение его характера позволяет прийти к заключению, что однозначным доказательством возрастания симпатий к буржуазии он служить не может. Иное дело, что внутри ее многих национальных отрядов проявилась тенденция к большей поддержке правоконсервативных сил. Помимо упомянутого разочарования в центристско-реформистской политике это объяснялось еще одной важной причиной — той тревогой за настоящее и будущее капитализма, которая в 70-е годы потеснила прежние иллюзии. Как свидетельствует исторический опыт, кризисные ситуации нередко пробуждают у значительной части правящих классов страх, даже иррациональный порыв перейти в наступление на саму действительность средствами жесткой политики, политики подавления. И тут, конечно, оказалась притягательной репутация правых и консервативных партий.

Иначе, разумеется, выглядели причины, побудившие многих рядовых избирателей идти за правоконсервативными силами и партиями.

Отчасти подействовала «сила отталкивания» от тех же умеренно-реформистских партий и деятелей. Возник слой своеобразных «политически непристроенных» избирателей, прежде ориентировавшихся на умеренных и реформистов и теперь не знавших, за кем пойти. Они вовсе не обязательно должны были повернуться вправо. Логичнее было бы ожидать их поворота влево. Многие из них действительно сдвинулись именно в таком направлении. Но часть пошла в правый лагерь.

Почему? Тут мы подходим к еще одной причине оживления правых — их пропаганде, одурманивающей сознание людей в интересах господствующего класса. Было бы наивным полагать, что консервативный фланг одерживал победы, широко оповещая о своих реакционных взглядах и целях, открыто провозглашая намерение взять социальный реванш у трудящихся. Нет, не так открыто и нагло вели они избирательные кампании. Они вооружились рядом демагогических положений и лозунгов, рассчитанных на симпатии широкой публики. Так, они изображали себя борцами с бюрократией, требовали сокращения и удешевления государственного аппарата, что вызывало позитивный резонанс среди общественности. Они рядились в одежды поборников демократии, причем выполняли эту операцию специфически — выступали (якобы в интересах той же демократии) за сокращение вмешательства государственной власти в экономико-социальную сферу. Такое дерегулирование правым нужно для того, чтобы ослабить ту частичную защиту интересов масс, которую буржуазное государство вынуждено осу-

ществлять. Но об этом правые помалкивают. Дерегулирование они аргументируют иным — заботой о демократических свободах: мол, государственная власть так командует и распоряжается, что подавляет волю общества и индивидуумов, постепенно превращается в «государство-полисмена».

Правые сделали особый акцент на требованиях бороться с преступностью, положить конец падению общественной нравственности. Это сейчас лозунг любой партии. Но у правых он звучит категоричнее. Дело в том, что буржуазия неплохо научилась маскировать классовый диктат под борьбу с нарушениями законов в интересах народа и национальной безопасности. Скольким раз она настраивала общество против боевых выступлений эксплуатируемых, изображая такие нарушения законом, терроризмом. Некоторые другие партии, опасаясь, как бы кампании против преступности как раз не были использованы в репрессивных целях, ведут их в таких рамках, чтобы они строго отвечали декларируемой цели. Правые же свободны от подобных сдерживающих моментов, чем и пользуются, создавая себе образ наиболее решительных поборников нравственного оздоровления общества, хотя именно они чаще всего прибегают к терроризму и репрессиям, грубейшим нарушениям прав человека, подавлению всякого инакомыслия.

Составной частью линии правящих сил «на поправление» явился воинствующий антисоветизм, доведенный до истерии, создание такого образа социализма, который не выступал бы в качестве привлекательной альтернативы в глазах общественного мнения. Отсюда форсированное накачивание стереотипов: агрессивности СССР — вовне, антидемократичности — внутри. А если к этому добавить нагнетание оголтелого национализма и шовинизма в США, то можно себе представить психологическую обстановку, в которой правые двигались к власти. Основной силой, которая тащила правых наверх, был милитаризм, предвкушавший миллиардные прибыли от гонки вооружений.

Наконец, есть и политико-психологическая причина притока избирателей к консерваторам. Правые в особой мере склонны к демагогии, широкообещающим обещаниям. «Разносить» политических противников, обещать быстро и радикально улучшить положение масс — их традиционный стиль. Такая манера вести политическую борьбу оказалась выигрышной именно в последние годы, когда в капиталистическом обществе широко распространились настроения отчаяния. «Индексы социального оптимизма», опросы людей относительно их веры в будущее показали рекордное для послевоенных лет падение уверенности в завтрашнем дне. Многие люди просто инстинктивно пошли за теми, кто обещал больше и кричал об этом громче других.

Еще один фактор, который упоминается в связи с нынешними

судьбами консервативного фланга, — поведение средних слоев. Буржуазные социологи нередко утверждают, что правые перешли в эффективное наступление потому, что их поддерживают растущие средние слои общества, которым якобы присуща консервативная ориентация. При этом в средние слои некоторые социологи произвольно зачисляют половину населения развитых капиталистических стран и к тому же прогнозируют их дальнейшее возрастание, т. е. перспективу вечного или, во всяком случае, очень длительного господства правых.

На самом деле для подобных пророчеств нет оснований. Прежде всего, средние слои (мелкая буржуазия, некоторые иные прослойки) в действительности не столь обширны. Вдобавок у них нет и желания ориентироваться только «направо». Лишь по ряду позиций средние слои близки к консерваторам. Они за ограничение расходов на вспомоществование бедным (соответствующие программы средние слои оплачивают налогами, но получателями льгот обычно не являются). Но те же средние слои — за дальнейшее развертывание таких направлений социальной политики, как пенсионное обеспечение, медицинское страхование. И уж конечно, у средних слоев нет причин солидаризироваться с жестким внешнеполитическим курсом правых. (Иное дело, что правым нередко удается привлекать на свою сторону многих представителей средних слоев, пользуясь неустойчивостью их политической ориентации.)

Подытоживая, мы приходим к выводу, что устойчиво увеличившейся опоры в широких слоях общества у правого фланга не появилось. Рост числа голосующих за его представителей на выборах объясняется иными причинами, многие из которых коренятся в конечном счете в субъективной сфере и политических заблуждениях.

Этому не противоречит тот факт, что консервативные правительства стоят у руля власти в ряде стран на протяжении нескольких лет и пока не утратили позиций, а в некоторых случаях закрепили их (консерваторы в Англии на выборах 1983 г.; республиканцы в США в 1984 г.). Здесь тоже есть свое объяснение.

Напомним, что вскоре после прихода к власти правых в ряде стран началось ослабление их позиций. Промежуточные выборы 1986 г. подтвердили, что избиратели отворачиваются от республиканцев. В Англии большинство политических специалистов было в 1981 г. убеждено, что кабинет Тэтчер просуществует только до ближайших выборов. В ФРГ правящий правый блок почти немедленно после прихода к власти в 1982 г. стал терпеть поражения в серии местных («земельных») выборов, что продолжается и сейчас.

Все это было естественным и определялось политикой правых правящих партий, ее отрицательными результатами в экономике и на международной арене. Но затем произошло изменение обста-

повки, из которого правые смогли извлечь политическую пользу. С 1983 г. в ряде капиталистических стран началось циклическое оживление экономики. Причем оно затронуло прежде и сильнее всего Соединенные Штаты. Весь «общекapиталистический» консервативный фланг использовал это в своих интересах. И политические дивиденды оказались значительными. Ведь начиная с середины 70-х годов в капиталистической экономике не было ни одного «нормального» года, и задача наладить ее вследствие этого закрепилась в общественном сознании как абсолютно главнейшая, как, соответственно, основной критерий для оценки деятельности государственной власти. И поскольку немалое число людей поверило, что изменение экономической ситуации — дело рук консерваторов, постольку последние и нажили политический капитал. Отсюда и жизнеспособность правых правительств. Однако назвать ее устойчивой нельзя хотя бы потому, что сугубо неустойчив тот фактор, который лежит в ее основе.

Еще одно обстоятельство говорит в пользу того, что электоральные успехи правых, т. е. успехи на выборах, нельзя считать вотумом доверия капитализму со стороны рядовых людей. Буржуазные социологи сейчас много пишут о том, что в капиталистическом обществе распространилось разочарование в способности государственной власти — кто бы ее ни возглавлял, реформисты или консерваторы, — справиться с умножающимися трудностями. Это в какой-то мере тоже содействовало победам правоконсервативных партий хотя бы потому, что отталкивало людей от умеренно-реформистских сил, которые делают особый акцент на ответственности государственной власти за все происходящее в обществе. Но поскольку это так, постольку усиление правых свидетельствует о падении веры среди масс в эффективность политической системы капитализма, а не наоборот.

Как же выглядит в целом политический ландшафт капитализма? Преобладающая структура политического спектра 60-х — начала 70-х годов, характеризовавшаяся сильными позициями центристских сил, разрушена. Эту структуру, выглядевшую как известное упрочение власти буржуазии, заменила иная, доминирующая черта которой — *поляризация*. Такая структура не сулит правящим классам ничего хорошего. Она говорит об острой напряженности в обществе, о том, что нестабильность капитализма углубляется.

**Силы,
которым крепнуть**

Чем дольше существует общественная система капитализма, чем больше обнажает она свою эксплуататорскую, антигуманную сущность, тем более значительную часть общества отбрасывает в лагерь своих противников.

Но процесс роста и укрепления демократических сил развивается неравномерно. Затормозить его, по возможности обратить вспять — это для правящих классов задача задач. Пытаясь решить ее, они не останавливаются ни перед чем. В ход идут любые средства противодействия — от изобретательного политического маневрирования до грубого насилия. И разумеется, далеко не всегда это остается безрезультатным. История любой капиталистической страны — это не только панорама достижений борцов против эксплуататорского строя, но и цепь их поражений. Укрепление новых общественных сил является лишь постепенно складывающимся итогом их постоянного сражения с буржуазией, а не доминирующей тенденцией в каждый исторический момент в каждой стране.

Авангардным отрядом этих сил являются коммунисты. Их борьба как за ближайшие, так и перспективные цели рабочего класса, за коренные интересы всех трудящихся наиболее последовательна. Коммунисты выступают в качестве подлинных выразителей и наиболее стойких защитников национальных интересов своих стран. Это объясняет их успехи, постоянное пребывание на авансцене политической жизни капиталистических стран, несмотря на то что буржуазия, конечно, особо рьяно стремится ослабить их влияние.

Огромн и все время увеличивается пласт сил и движений, так или иначе проявляющих недовольство капиталистическими порядками, порождаемыми этой системой, социальным неравенством, антидемократизмом, угнетением, агрессивными тенденциями во внешней политике. Конечно, эти силы и движения не стоят, в отличие от коммунистов, на осознанных антикапиталистических позициях. Они не выдвигают требований ликвидации этой системы, не разрабатывают теорий альтернативного общественного устройства. У них на прицеле лишь те или иные уродства капитализма. Нередко они декларируют стремление «исправить», «улучшить» капиталистические порядки.

Но помимо субъективных устремлений есть и объективный смысл у этой гигантской волны протестующих, требующих, осуждающих организаций, течений, групп, движений. Температура социальной напряженности в мире капитализма растет, острое недовольство охватывает все более широкие слои населения — вот в чем заключается этот смысл. Капитализм все более проявляет качество социальной нестабильности.

Рост активности масс связан и с увеличивающимся антивоенным движением, которое во многих странах является своеобразным катализатором других кампаний протеста. Происходит сближение целей тех и других, укрепляется их взаимодействие, как стихийное, так и организованное. Все чаще борьба за мир переплетает-

ется с борьбой за экологическую безопасность, занятость, повышение жизненного уровня. Сейчас миллионы людей труда принимают участие в массовых манифестациях под лозунгами: «Работы и мира!», «Новые рабочие места вместо новых бомб и ракет!» В США в выступлениях за замораживание ядерных арсеналов участвуют профсоюзные организации, негритянские движения, религиозные и экологические группы. В Западной Европе, Австралии, Японии, Новой Зеландии массовые акции протеста развертываются как против гонки вооружений, так и за одновременное расширение социальных программ.

Для сегодняшней действительности капитализма характерен, как отмечается в новой редакции Программы КПСС, подъем массовых демократических движений. В их рядах оказываются люди самых различных общественных групп и профессий — интеллигенция, служащие, фермерство, представители городской мелкой буржуазии, национальных меньшинств, женских организаций, молодежи, студенчества. И не только широта «социального охвата» характерна для этих движений. Вторая их существенная черта — деятельность вне рамок буржуазных партий, поиск собственных средств, способов и методов достижения тех или иных целей. А это означает, что демократические движения выражают собой еще и кризис политической власти буржуазии, неспособность ее политических организаций удерживать под своим контролем и направить в нужное правящему классу русло демократический протест. Пусть этот протест еще не вызрел идейно до противостояния капитализму как таковому. Пусть буржуазии удастся — и это происходит нередко (способностей и возможностей ее в этом смысле нельзя недооценивать) — так или иначе ослабить, подорвать или нейтрализовать многие из этих движений. Все это не меняет основного факта: сегодня класс капиталистов встречается со все большими трудностями в жизненно важной для себя сфере политического господства в обществе.

К вопросу о критерии Не существует более надежного способа измерить тонус политической системы капитализма, как уловив доминирующие изменения в области буржуазной демократии. При этом следует четко различать демократические институты и буржуазную демократию как целое. Первые могут быть встроены в любую демократическую систему. Они не изобретены буржуазией, хотя именно буржуазные революции впервые в истории классового общества проложили для них дорогу. Это — результат многовековой борьбы народных масс за свои права, и, как известно, даже многое из того, что принято называть буржуазными свободами, отвоевывалось сначала «третьим сословием» у феодалов, а затем пролетариатом у буржуазии в длительных и ожесточенных классовых битвах.

С чем сравнивать нынешнюю ситуацию? Ведь история капитализма в XIX и особенно в XX в. изобилует резкими поворотами в общественной жизни, кризисами, войнами, революционными взрывами, поэтому уровень демократии не только изменялся, но, можно сказать, «метался» от нулевой отметки к его возможному в рамках капитализма пределу. Добавим, что, в силу различия экономических условий, исторических традиций, соотношения классовых сил, зрелости массовых демократических движений, относительной мощи капитала, политической культуры населения и многих других факторов, буржуазная демократия принимала самый разнообразный вид. Она, как известно, и сегодня может существовать в форме республики или конституционной монархии, если иметь в виду форму правления; находить развернутое юридическое обоснование в так называемом правовом государстве или, напротив, опираться в основном на политические обычаи и традиции; сочетаться с парламентским либо президентским способом организации власти.

Но при всех различиях буржуазной демократии в отдельных странах мы можем выделить ее наиболее развитую и обобщенную модель, отвечающую как современной политической теории, так и

практике самой передовой в экономическом отношении группы капиталистических государств. Конечно, имеется в виду не предвоенный период, а 60-е годы. Благодаря высокой экономической конъюнктуре теоретики капитализма в ту пору имели некоторые основания порассуждать о стабилизации своей системы и эффективности буржуазной демократии. Тогда были придуманы и научные, если можно так выразиться, образы этой стабилизации. Ими стали применительно к социально-экономической стороне дела понятия «общество потребления» и «государство всеобщего благосостояния», а применительно к политической проблематике — понятие «плюралистическая демократия». Вот от этих условных точек мы и будем вести отсчет, чтобы оценить приобретения и потери буржуазной демократии.

Главный демократический принцип — институт народовластия. Разумеется, само это понятие в отношении буржуазной государственности должно применяться в ограниченном смысле. Подлинное народовластие при капитализме невозможно, поскольку все рычаги экономического господства сохраняются за одним из общественных классов, к тому же немногочисленным. Но даже в рамках политического господства буржуазии возможно более или менее широкое участие других классов и социальных слоев, их политических организаций в государственных делах.

Итак, расширилось или, напротив, сузилось участие народных масс в управлении буржуазными государствами за последние годы? Попытаемся ответить на этот вопрос, проследив происшедшие изменения (там, где они есть) по всем параметрам демократического процесса.

Начнем с того, что составляет его истоки, — с *формирования органов власти*. Оно, можно сказать, сохранилось в основном в прежнем виде. Рабочий класс, прогрессивный лагерь в целом в капиталистических государствах зорко стоял на страже одного из важнейших своих завоеваний — всеобщего избирательного права. А правящий класс в условиях относительно высокой экономической конъюнктуры и политической стабильности не испытывал особой нужды покушаться на принцип республиканского легитимизма (законности). Правда, сохранились некоторые средневековые архаизмы, вроде ограничения избирательных прав женщин в Швейцарской конфедерации. С другой стороны, ликвидация фашистских режимов в Испании, Португалии и Греции восстановила буржуазно-демократические режимы в этих странах. Таким образом, баланс в целом можно считать позитивным с той оговоркой, что речь идет в данном случае лишь о группе экономически развитых стран капитализма.

Следующий показатель, заслуживающий нашего внимания, — это *степень участия избирателей в выборах*. Разумеется, абсен-

теизм (уклонение от исполнения гражданских обязанностей) не может рассматриваться как однозначный индикатор отрицательного отношения к власти — существует немало других причин, предопределяющих пассивное, равнодушное отношение части населения к исходу политической борьбы. Но главенствующей его причиной, безусловно, является неверие в возможность путем личного голосования что-либо изменить в развитии политической жизни. С этой точки зрения вполне можно считать оправданным мнение, что абсентеизм — это форма протеста против существующих политических реалий.

Так, в Великобритании приняли участие в парламентских выборах: в 1950 г. — 84% зарегистрированных избирателей, в 1959 г. — 78,7, в 1970 г. — 72, в 1979 г. — 76, в 1983 г. — 72,7%. Во Франции уклонились от голосования на парламентских выборах в 1951 г. 19,8% избирателей, в 1958 г. — 22,9, в 1973 г. — 18,8, в 1981 г. — 28,5%.

Лидирующее положение по части абсентеизма занимают Соединенные Штаты Америки. Причем если в других капиталистических странах наблюдаются колебания в ту и другую сторону в зависимости от политической конъюнктуры, то здесь — почти безупречная арифметическая регрессия. Не пожелали воспользоваться правом голоса на президентских выборах в 1960 г. 37% избирателей, в 1964 г. — 38, в 1968 г. — 40, в 1972 г. — 44,6, в 1976 г. — 45,7, в 1980 г. — 47,5%. Поскольку почти половина граждан, имеющих право голоса, уклоняется от изъявления своей воли, а оставшаяся половина, естественно, делится между кандидатами республиканской и демократической партий, главу американской администрации избирают немногим больше четвертой части избирательного корпуса. Любопытна и такая деталь. От выборов к выборам остается без больших изменений число не участвовавших в голосовании из-за болезни, занятости и других безобидных причин, зато растет число тех, кто отказался избирать, поскольку им не нравится ни один кандидат.

Отсюда, конечно, не следует, что такая тенденция будет продолжаться до бесконечности, ибо в капиталистическом обществе есть более или менее устойчивая, политически активная часть населения, регулярно принимающая участие в голосовании. Вполне вероятно и некоторые всплески повышенного интереса к исходу выборов, связанных с обострением той или иной проблемы для национального общественного мнения. Но в целом надо признать в качестве очевидного факта рост абсентеизма, т. е. в конечном счете падение интереса граждан к функционированию политической власти в том виде, в каком она существует сейчас. Это явление давало о себе знать в Западной Европе и начало проникать даже в Японию, в которой до сих пор оно меньше было известно.

Следующий момент, который должен нас заинтересовать, — это *результаты избирательного процесса*. Единственным критерием, который может служить здесь показателем подъема или, напротив, спада демократии, служит успех либо неудача левых сил в завоевании депутатских мест в парламенте и, соответственно, в формировании правительства. В первую очередь речь идет о положении коммунистических и рабочих партий, но это касается и социалистических, социал-демократических партий. Хотя последние отнюдь не посягают на устои капитализма, а в некоторых случаях даже не отваживаются и на декларируемые в их программах реформы, нельзя забывать, что их избирательный корпус в основном составляют различные отряды рабочего класса, мелкой бжуазии, интеллигенции, то есть в широком смысле слова народные массы.

Если оставить в стороне арифметические подсчеты, мало что дающие в подобных обстоятельствах, то нетрудно прийти к заключению, что соотношение левых и правых было более или менее устойчивым за последние два десятилетия. Скажем, в ФРГ социал-демократы уступили роль правящей партии христианским демократам, в Англии лейбористы отдали Уайтхолл консерваторам, зато в Испании, Греции, Швеции, Финляндии и ряде других европейских стран к власти пришли социалисты.

На основании этих наблюдений можно было бы прийти к выводу, что буржуазная демократия продолжает благоденствовать, и если даже не может перешагнуть какие-то четкие границы прогресса (например, перейти от формального равноправия к фактическому равенству), то она, по крайней мере, обеспечивает достаточно хорошие условия для свободного политического соревнования всех классов и социальных групп, то есть отвечает представлению о себе как о «плюралистической демократии». Именно такой вывод делают и пытаются распространить апологетически настроенные западные теоретики. С их уст не сходит хвала буржуазной демократии как некой мыслимой вершине, абсолютно достижимому идеалу общественного устройства.

Между тем вся особенность нынешней ситуации заключается как раз в том, что *более или менее благополучное, нормальное функционирование политического механизма на поверхности общественной жизни сопровождается прямо противоположными процессами в ее глубине*. Тут поневоле напрашивается сравнение с туберкулезными больными: румянец на щеках является в данном случае признаком не здоровья, а прогрессирующей болезни.

Что же это за процессы, которые, взаимодействуя, переплетаясь друг с другом, с неуклонностью ведут к деградации буржуазной демократии?

О неокорпоративизме В первую очередь укажем на явление, получившее в 70-е годы название *неокорпоративизма*. С помощью приставки «нео» подчеркивается отличие этого явления от общественно-политического строя нацистской Германии, Италии и других фашистских государств, который традиционно трактовался как корпоративистский.

При обилии различных определений неокорпоративизма большинство западных исследователей сходится на том, что основным признаком его является такая организация политической жизни, при которой парламент, правительство и другие органы власти лишь оформляют компромисс, достигаемый неофициально между тремя «суперкорпорациями» — государством, капиталом, трудом. При этом речь идет не об обычном лоббизме по американскому образу, а о всеобъемлющем и постоянно действующем механизме, который переносит реальный политический процесс «со сцены за кулисы», т. е. лишает его демократического содержания, выводит из-под надзора прессы и даже из сферы противоборства политических партий.

Характерно, что вокруг понятия неокорпоративизма разгорелась дискуссия среди западных политологов, часть которых объявила это явление вполне совместимым с демократией, а другая, напротив, забила тревогу. Первые утверждают, что неокорпоративизм полностью соответствует принципу плюрализма, свободной игры политических сил, и даже способствует более полному раскрытию заложенных в нем возможностей, поскольку устраняет излишнюю зарегулированность процесса принятия решений на основе консенсуса различных секторов общества. Другие, напротив, доказывают, что, позволяя действовать в обход конституционной политической системы, неокорпоративизм подрывает основы демократического порядка и является не чем иным, как новым вариантом авторитаризма. Американский профессор Ф. Шмиттер, например, приходит к выводу, что неокорпоративизм отличается в худшую сторону по сравнению с плюрализмом по всем параметрам: возможностям выражения интересов различных социальных групп, степени реального учета этих интересов в политике и экономике, контроля общества за принятием решений и т. д.¹

Справедливо обращая внимание на антидемократический характер неокорпоративизма, теоретики либерального направления, однако, ограничиваются его формально-правовой критикой. Между тем главная его опасность заключается в попытке монополистической

¹ Schmitter Ph. Democratic Theory and Neo-corporatist Practice. Florence, 1983. p. 22.

буржуазии ликвидировать завоевания рабочего движения, лишить его всякого влияния на ход экономического и политического развития. Дело не только и не столько в том, что неокорпоративизм равнозначен узаконению беззакония, возведению политической сделки в ранг нормы. Дело прежде всего в том, что сама механика организации власти по типу рыночных отношений исключает возможность и необходимость формирования народной воли. Судьба «сверхкорпорации — труд» нередко отдается на откуп профбоссам, к тому же интегрируемым в правящий слой. А в итоге даже то ограниченное и во многом формальное соревнование интересов, которое имеет место в рамках буржуазной демократии, заменяется сговором классовых элит.

Надо видеть еще один аспект этой проблемы. Корпоративизм вообще не представляет и не может представлять собой какого-то особого типа общественных отношений, некоего «третьего пути» между капитализмом и социализмом, как тщатся доказать некоторые западные теоретики. Это всего лишь одна из форм экономической и политической организации на почве современного, государственно-монополистического капитализма. Причем, как показал исторический опыт, форма неустойчивая, промежуточная, появление которой служит одним из предвестников очередного наступления реакции. Ведь сама потребность перенести реальную власть «за кулисы», укрыть принятие решений от всеобщего обозрения появляется у господствующего класса только тогда, когда соотношение сил в открытой политической борьбе начинает складываться не в его пользу.

Уместно вспомнить, что «корпоративистская» стадия в нацистской теории и практике общественного развития довоенной Германии плавно перешла в фашистскую диктатуру. Причем как раз в результате откровенного сговора между «сверхкорпорациями»: капиталом — в лице монополистических группировок Круппа, Стинеса, Пффердменгеса и др., государством — в лице Гинденбурга и прочих деятелей пришедшей в упадок Веймарской республики, «трудом» — в лице Гитлера и его клики, сумевшей посредством националистических лозунгов отравить сознание части трудящихся, особенно мелкобуржуазной массы.

Разумеется, история чаще всего избегает прямых повторов, и сейчас еще нет оснований считать тенденцию корпоративизации преобладающей. Нельзя ставить и знак равенства между старым, довоенным и новым корпоративизмом, который пока не выходит за рамки буржуазной демократии. Но сам факт возникновения неокорпоративистских методов в политической жизни капиталистических стран, безусловно, заслуживает внимания.

Следующий крупный вопрос — это *изменения, претерпеваемые буржуазной демократией под воздействием достижений научно-технической революции*. Разумеется, речь идет о строго определенной области последней. НТР охватывает практически все сферы материального производства и в значительной мере духовную сферу. Прямо или косвенно она способствует преобразованию всех сторон общественной жизни, причем некоторые аспекты ее воздействия пока еще невозможно предвидеть — с ними придется иметь дело грядущим поколениям. Но есть сфера науки и техники, которая уже сейчас существенно влияет на политический процесс. Это — развитие коммуникаций и информатики, опирающееся на электронику или компьютерную технику. Изобретение микропроцессоров и печатных схем послужило исходной базой для появления целого потока нововведений в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте, в связи, в быту, в народном образовании, медицине, канцелярском деле и т. д. Соединение вычислительных машин с автоматикой привело к распространению если не думающих, то самоуправляющихся машин.

Футурологи не замедлили провозгласить, что мир вступает в новую эру — эру информатики или телематики, которая сама по себе, без каких-либо социальных катаклизмов, преобразит облик современного общества и создаст на земном шаре новый Эдем. Разумеется, это не более как еще одна иллюзия, новейшая техноидиллия, то есть расчет на то, что с помощью технического прогресса можно излечить язвы капитализма и таким образом снять потребность в социальной революции.

Не абсолютизируя роль информатики, марксисты по достоинству оценивают связанные с ней огромные возможности, причем как в позитивном, так и в негативном плане. Действительно, если в прошлом одним из главных объективных препятствий для развития демократии было крайне замедленное распространение информации, то теперь любые сведения о положении внутри страны и международных событиях становятся молниеносно доступны для всех. Радио и телевидение позволяют сделать гласными любые политические процедуры, а с внедрением обратной связи, что, по мнению специалистов, станет реальностью в ближайшие два-три десятилетия, люди смогут, не покидая своих жилищ, непосредственно участвовать в различного рода встречах, совещаниях, дискуссиях. В свое время Руссо ратовал за небольшие по размеру государства, дающие возможность всем гражданам лично, а не только через своих представителей участвовать в принятии решений. Современная коммуникативная техника в принципе позволяет решить и эту проблему. Не надо обладать большой фантазией, чтобы допустить возможность проведения с помощью телевиде-

ния молниеносных социологических опросов и референдумов как в масштабе отдельных групп, так и в рамках крупных государств.

А с другой стороны, те же самые технические средства могут быть использованы для манипуляции общественным мнением, отчуждения народных масс от участия в политике, что сейчас и делается на Западе с достаточно высокой степенью эффективности. С помощью средств массовой информации можно не только информировать, но и дезинформировать, создавать искаженное представление о действительности, подтасовывать и извращать факты, возбуждать националистические страсти. Миниатюрные слуховые и оптические приборы дают такие возможности подслушивания и подсматривания, какие и не снились соглядатаям прошедших времен. Но самые совершенные электронные вычислительные машины не исключают возможности фальсифицировать данные и результаты подсчетов — достаточно применить соответствующую методику.

В каком же направлении шло дело, что преобладало — использование даров НТР во благо или во зло, в интересах развития демократии или надругательства над нею? Нужно признать, что прева-лировало последнее. Объективно оценивая состояние политической жизни в странах капитала, нельзя не прийти к выводу, что одной из основных тенденций последнего времени являлось *усиление контроля над мыслями*.

Американский публицист Дж. Рейнз пишет в этой связи: то, чему надлежит быть частным делом, становится достоянием властей, а то, что должно быть предметом общественного интереса, погружается в атмосферу своекорыстной приватности и секретности. Это извращение в корне подрывает саму идею гражданственности и превращает членов общества в «пассивных обитателей системы», в «объекты бюрократических манипуляций»¹.

По словам Рейнза, бюрократическая форма социальной организации, враждебная духу личной независимости, получила техническое оснащение в виде современных электронно-вычислительных устройств. «Компьютизированное общество», подчиненное негуманным началам выгоды и эффективности, становится «прозрачным» для административной власти, «просматривается» по всем направлениям. Современные американцы — своего рода «узники досье», обитатели «прочесанной социальной среды, в которой невозможно жить, не оставляя следов». Причем существовать во все более «прозрачном» обществе, быть запертым в «темнице досье» — значит находиться в поле обозрения, не будучи уверенным, что тебя наблюдают не с помощью кривых зеркал. Наше личное пространство, писал Рейнз, это нечто вроде колониальной территории

¹ Raines J. C. Attack on Privacy. Valley Forge, 1974, p. 11.

в распоряжении внешней системы социальных внушений и подачек¹.

А вот свидетельство члена Верховного суда США У. Дугласа, который, выступая с особым мнением против санкционирования подслушивания телефонных разговоров, предупреждал: «Агрессивные нарушения неприкосновенности частной жизни со стороны правительства возрастают в геометрической прогрессии, ускользая от сколько-нибудь эффективного судебного или законодательного контроля... Так постепенно возникает общество совершенно нового образца — общество, в котором правительство по собственному произволу может вторгаться в укромные уголки человеческой жизни»².

Приведем некоторые факты. Полицейский аппарат всех штатов США располагает автоматической информационной системой, подключенной к центральной системе ФБР. Последнее имеет возможность собирать, хранить и в нужный момент извлекать компрометирующие данные о гражданах в неограниченном количестве. По свидетельству американского социолога Ф. Петраса, одно только местное отделение ФБР в Вашингтоне составило более 500 тыс. досье на группы и отдельных лиц, вызвавших прямое или «смутное» подозрение у блюстителей порядка»³.

Разумеется, досье нужно полиции и власти не для того, чтобы посылать поздравительные открытки в связи с юбилейными датами американских граждан. Всякого рода документальные материалы, собранные путем подслушивания, подсматривания и доносов, эффективно используются в борьбе против инакомыслия. Сама же «диктатура досье» реализуется с помощью любых мер, в том числе путем прямого насилия.

При общем контроле, которому подвергаются все американцы, особенно бдительное наблюдение устанавливается за теми общественными слоями, которые по разным причинам ущемляются. По словам профессора Нью-Йоркского университета Р. Пайеса, «в каждой нации есть победители и потерпевшие. Потерпевшие в Америке — негры, латиноамериканцы, индейцы, бедняки, лишенные образования белые и другие, запертые в городских гетто или рассеянные в отсталых сельских местностях»⁴.

¹ *Raines J. C. Attack on Privacy*, p. 11. К злостным нарушениям «внутренней территории личности» Рейнс относит и близкий к тюремному контроль над подлинными и мнимыми душевно больными, и навешивание ярлыков в результате практики определения так называемого коэффициента интеллектуальности, и унижение человеческого достоинства получателей государственных пособий, обязанных информировать власти о каждом своем шаге.

² Цит. по: *Severn B. The Right to Privacy*. N. Y., 1973, p. 37—38.

³ *Petrus J. F. La repression dans les pays capitalistes avancés*. — *Le Monde diplomatique*, 1978, Août, p. 3.

⁴ *Civil Rights and Liberties in the 1970's*. Ed. by R. M. Pious. N. Y., 1973, p. 3.

Не вдаваясь в подробности этой обширной и острой проблемы, напомним лишь о длительном массовом походе в Вашингтон индейцев США, предпринятом для защиты своих прав. Они говорили, что нынешние условия жизни коренного населения Центральной и Южной Америки идентичны условиям жизни в этих регионах в XIX в. Процесс уничтожения и разрушения ведется с помощью денег, современных видов оружия, миссионеров, широкой стерилизации, так называемых программ развития, организованной подготовки террористов и провокаторов в ЦРУ и ФБР.

Другой пример попыток установить контроль над мыслями — пресловутый запрет на профессии в ФРГ. В соответствии с законом, принятым в январе 1972 г. (официальное его наименование — «Постановление о радикальных элементах»), власти получили право контролировать доступ граждан ФРГ к тем или иным должностям на государственной службе с учетом их «отношения к конституции». Причем преследованиям наряду с чиновниками государственного аппарата подверглись также учителя, юристы, инженеры, преподаватели университетов и т. д.

Любопытно, как оценивают этот закон западногерманские знатоки права. По словам юриста Вермера Холфорта, закона, который давал бы такие возможности для контроля над инакомыслящими, не было даже в распоряжении гестапо в 1933 г.¹ А председатель СДПГ В. Брандт заявил: «Существует опасность, что ФРГ может стать страной, в которой отец не доверяет сыну, сосед подозревает соседа, органы государства ведут слежку за гражданами»².

В результате приведения в действие «Постановления о радикальных элементах» несколько миллионов людей были подвергнуты проверке с точки зрения их умонастроений. Дело дошло до того, что поводом для увольнения с государственной службы в тех землях, где у власти находились ХДС/ХСС, явилась поддержка программы находившейся в то время у власти социал-демократической партии. Основаниями для преследования признаются также выступления против распространения ядерного оружия и присутствия иностранных войск на территории ФРГ, несогласие с действующей организацией школьного образования и т. д. Все это неизменно сопровождается напыщенными разглагольствованиями об интересах свободы и национальной безопасности.

Своеобразное направление приняли антидемократические тенденции в Англии. Здесь они приобрели прежде всего антипрофсоюзный и расистский характер. При прямой поддержке полицейских властей расширяет масштабы своей деятельности «Нацио-

¹ Der Spiegel, 1976, Nr. 30, 19 Juli, S. 30.

² Stern, 1978, Heft Nr. 31, 27 Juli, S. 52.

нальный фронт» — союз расистов, провозгласивший своим лозунгом «Англия для англичан».

Приводя многочисленные примеры нарушения прав человека и гражданских свобод во Франции, М. Машино спрашивает: можно ли сказать, что в стране существует тоталитарная система? Отвечая на этот вопрос отрицательно, он, однако, продолжает: «Но существует система, которая в зависимости от конъюнктуры проявляет или не проявляет терпимость, разрешает или запрещает, предоставляет или конфискует. Иначе говоря, наши свободы — во власти системы. Ведь она от своих царских щедрот не столько даровала нам свободы, сколько предоставляла их во временное пользование»¹.

Другой французский публицист, Л. Матрасо, комментируя закон о свободе печати, пишет: «Закон сформулирован в таких выражениях, что всему могущему даже отдаленно показаться иностранным грозит изъятие из обращения. Например, ничто не мешает министру внутренних дел запретить ввоз во Францию сочинений Шекспира или изъять из обращения Библию. Таким образом, создается опасная система, и если у власти окажется фашистский режим, ему не придется вносить большие изменения в законы, чтобы полностью ликвидировать свободу»².

А ведь речь идет о капиталистических странах с наиболее устойчивыми демократическими традициями, за которыми стоят столетия борьбы за гражданские права, развернутая структура специальных институтов по защите демократии. Не приходится говорить, что во многих развивающихся странах, находящихся в орбите империализма, ситуация значительно хуже. Можно сказать, что «папа Док» и его потомки в Гаити, Стресснер в Парагвае, Пиночет в Чили и другие тираны, находясь под покровительством «величайшей демократии мира», как любят именовать США буржуазные идеологи и пропагандисты, ухитрились намного «опередить» мрачные прогнозы Дж. Оруэлла, сделанные им в романе «1984», и ввести в своих странах самые реакционные, тиранические режимы.

Когда народ Никарагуа вышвырнул сомосовских насильников и под руководством Сандинистского фронта встал на путь социальных преобразований, Вашингтон поднял вселенский шум о якобы попираемой в стране демократии и начал, по сути дела, необъявленную войну против Никарагуа с помощью контрреволюционных банд. Этот факт в длинной цепи других дает основание для важного теоретического наблюдения: практика современного империализма добавила к имевшимся в его арсенале методам поправления демократических принципов еще один, который можно назвать

¹ *Maschino M. T. Des libertés menacées? — Le Monde diplomatique, 1976, Avril, p. 11.*

² *Ibidem.*

интервенционистским. Соответствующую этому принципу политике сами ее «изобретатели» и проводники окрестили «неоглобализмом». Экспорт контрреволюции приобретает характер обычной практики во внешней политике США.

Разумеется, и в прошлом неоднократно бывали случаи, когда реакционные режимы прибегали к прямому военному вмешательству, чтобы восстановить в других странах павшее под ударом революции господство родственных классовых сил. В начале XIX в. вся монархическая Европа сплотилась в «Священном союзе», чтобы вернуть во Францию Бурбонов. В 1871 г. Бисмарк и Тьер заключили сделку, чтобы сообща раздавить Парижскую коммуну. В 1918—1920 гг. 14 империалистических государств объединились, чтобы уничтожить молодую Советскую республику.

И тем не менее антидемократический интервенционизм в наше время имеет специфические черты, позволяющие считать его новым явлением. Во-первых, речь теперь идет не только о «разовых» карательных операциях против революционных и демократических движений в других странах, но также о постоянном вмешательстве с целью поддержки или реставрации реакционных или консервативных режимов. В результате расследования деятельности ЦРУ в конце 70-х годов обнаружилось, что эта шпионская организация всеми средствами препятствовала участию в правительстве Италии коммунистической партии. Бывший директор ЦРУ У. Колби признал, что после поражения христианско-демократической партии в 1953 г. была предпринята «самая дорогостоящая политическая акция ЦРУ в западной стране»¹. В Италию были направлены целые армии мнимых журналистов, студентов, артистов и других замаскированных эмиссаров американской разведки, чтобы поддержать павший духом правящий класс и дискредитировать политический авангард трудящихся. Не жалели денег, финансируя и ХДП, и центристов, и антикоммунистическое руководство некоторых профсоюзов, подкупая печать, политических деятелей и т. д. И если в развитой капиталистической стране, являющейся союзницей США по НАТО, американский империализм вынужден был все-таки соблюдать какой-то декорум, то уже без всяких церемоний он навязывает, если, конечно, удастся, удобные ему порядки в развивающихся странах. К длинному перечню его преступлений против народов в самое последнее время добавились оккупация Гренады, необъявленная война против Никарагуа, вооруженное нападение на Ливию, подготовка, вооружение и забрасывание бандитских формирований в Афганистан, экономический и политический шантаж ПНР, поддержка расистского режима в ЮАР и многое другое.

¹ L'Europeo, 1978, 2 giugno, p. 41.

Пожалуй, один из самых серьезных признаков вырождения буржуазной демократии состоит в следующем: система, которая во многих странах сохраняется лишь благодаря постоянному иностранному вмешательству, не может считаться жизнеспособной в долгосрочном плане. Причем это относится не только к тем странам, где капитал оказывается больше не в состоянии поддерживать свое господство методами буржуазной демократии без помощи извне, но и к самому «охранительному центру» современного капитализма — США. Выполнение жандармских функций само по себе сопряжено с деформацией демократических институтов в государстве, которое взяло на себя подобную миссию. Любопытное признание этого содержится в статье американского советолога А. Мейера. «Во имя антикоммунизма,— пишет он,— американская демократия в известной мере разрушает самое себя. Всемирный антикоммунистический поход, продолжающийся последние 30 лет, может оказаться для США тем же, чем была Сицилийская экспедиция для Афин или гибель Великой Армады для Испании»¹. А ведь это предостережение высказывалось за несколько лет до того, как президент Рейган счел необходимым идеологически оформить традиционную политику американских ястребов и официально протрубить антикоммунистический «крестовый поход».

Здесь мы перешли уже к другому фактору, оказывающему огромное влияние на судьбы буржуазной демократии в конце XX в., — к *мировой политике*.

Демократия и милитаризм

При всех негативных тенденциях, проявляющихся в политической системе капиталистических стран, наступлению реакции противостоит сильное рабочее и демократическое движение, способное отстоять гражданские права и воспрепятствовать установлению тоталитарных диктатур. Намного острее стоит сегодня вопрос о войне и мире. Развязанная империализмом гонка вооружений подвела человечество к опасной черте, когда ему угрожает гибель в ядерном пожаре.

Пагубная власть военно-промышленного комплекса США проявилась в чудовищном по масштабам нагнетании милитаризма. Монополии, специализирующиеся на производстве и торговле оружием, озабочены прежде всего извлечением из военного бизнеса сверхприбылей. Но понятно, что карусель вооружений раскручивают не только ради непосредственной наживы. Определяющую

¹ The Soviet Union: The Seventies and Beyond. Ed. by B. W. Eissenstat. Lexington (Mass.), Toronto, L., 1975, p. 325.

роль здесь играет ставка правящего империалистического слоя на политику силы, его стремление любой ценой сохранить за США доминирующие позиции в капиталистическом мире, помешать процессу социальных перемен. Поэтому понятие военно-промышленного комплекса следует дополнить словом «политического». Политика империалистических кругов, готовых пожертвовать судьбами целых народов, усиливает опасность того, что оружие массового уничтожения может начать свою дьявольскую работу.

Провозглашение «крестового похода» против коммунизма стало кульминацией политического безрассудства американского капитала, обнаружив его готовность драться за сохранение своих позиций до последнего жителя земли. Крестовые походы, как известно, уже в XI в. были делом опасным и бесперспективным для тех, кто их начинал. Всякому ясно, чем грозит подобное предприятие в мире, напичканном ядерным оружием, где установился примерный паритет военной мощи двух основных военно-политических союзов государств, а на каждого жителя земли накоплено четыре с лишним тонны взрывчатки.

Провозвестников крестовых походов отличает нетерпимость ко всякому инакомыслию. В самом деле, общеизвестно, что идеологи буржуазной демократии выдают за главное ее преимущество плюрализм, т. е. множественность центров политической власти и свободное соперничество между ними. Как же вяжется с этим отказ признать правомерность существования на мировой арене государств с различными социально-экономическими системами, объявление Советского Союза «империей зла»? Выходит, для США приемлем лишь такой плюрализм, который контролируется правящей элитой этой страны. Проводимая США политика диктата, дискриминации неугодных США стран дезорганизует международные отношения, препятствует их нормальному развитию.

Особый разгул милитаризм приобрел в 80-е годы. Ежегодные военные расходы США превысили 300 млрд. дол. Возросли ассигнования на военные цели и большинства других стран НАТО. Размещением американских «Першингов» и крылатых ракет в Западной Европе был дан новый толчок гонке вооружений. И после женевской встречи М. С. Горбачева и Р. Рейгана военно-промышленный комплекс США, его лоббисты в конгрессе и в администрации упорно сопротивляются реализации достигнутых договоренностей, продолжают осуществлять программу милитаризации космоса.

Именно с ядерным оружием в наибольшей степени связано саморазрушение буржуазной демократии. Обладание им дало правящему монополистическому слою средство поддержания своего господства, какого никогда не было в распоряжении прежних эксплуататорских классов. Само собой разумеется, что речь

не идет о возможности применения атомных бомб против бастующих рабочих или демонстрации сторонников мира — для этих целей используются достаточно эффективно испытанные средства — полицейская дубинка или пожарный брандспойт, слезоточивый газ. Речь о другом. Подобно тому как США пытались в первые послевоенные годы шантажировать ядерной угрозой Советский Союз, империализм теперь фактически шантажирует ею народы капиталистических стран. Используя гигантский пропагандистский аппарат, населению методически внушают, будто «социалистический Восток» намерен силой оружия завоевать «капиталистический Запад» и ради этого не остановится перед развязыванием мирового термоядерного побоища. Гнусная ложь, это понятно, но она влияет на малоинформированного западного обывателя. На такой основе раздувается милитаристский психоз, всякого несогласного объявляют вражеским агентом, подавляют прогрессивные движения.

Лозунги и реальность: Наконец рассмотрим еще один фундаментальный фактор, методически подрывающий основополагающие принципы буржуазного демократизма, — *социально-экономический*. Лучше всего сделать это, отталкиваясь от поразительного идеологического феномена последних десятилетий. Мы имеем в виду пересмотр традиционных лозунгов, лежащих в основе всего буржуазного политического и правового сознания. Со времен Великой французской революции его альфой и омегой считались свобода и равенство. Теперь предпринимается попытка дискредитировать и «отсечь» равенство, противопоставив его свободе. Хотя с такой попыткой выступает пока консервативное направление буржуазной мысли, это нельзя расценить иначе как историческую смену вех.

Прежде чем перейти к рассмотрению причин, вызвавших к жизни подобный идеологический феномен, напомним вкратце о содержании буржуазного этапа развития идей равенства и свободы. От какого наследия отказываются неоконсерваторы и другие теоретики, противопоставляющие эти две великие ценности, что они намерены перечеркнуть?

К. Марксом и Ф. Энгельсом дана глубокая характеристика переворота, который ознаменовала буржуазная революция. Смысл его, если иметь в виду социальную сторону, заключается в том, что в качестве устоев нового общественного порядка провозглашались следующие два принципа: во-первых, свобода личности, подразумевающая главным образом неограниченное право частного предпринимательства и частной собственности; во-вторых, равенство всех перед законом, предполагающее прежде всего возможность

неограниченного обмена между товаропроизводителями, включая куплю-продажу рабочей силы. Принципы свободы и равенства, как подчеркивали классики марксизма-ленинизма, вытекают из самой природы капиталистического способа производства, без них он просто не может существовать. И с такой же закономерностью эти принципы принимают в условиях капитализма ограниченный, во многом формальный вид. Можно сказать, что свобода личности распределяется в буржуазном обществе на неравной основе, а равенство достается далеко не свободно. То и другое существует в той мере, в какой нужно, чтобы строй мог успешно функционировать.

Основоположники марксистско-ленинской теории подчеркивали, что буржуазная революция разорвала феодальные путы, сдерживавшие развитие производительных сил, и ознаменовала гигантский прогресс всей системы общественных отношений. Но ее классовая ограниченность, сохранение частной собственности и эксплуатации человека человеком в качестве фундамента общественного строя обусловили лицемерный характер буржуазной демократии. «Буржуазной демократии,— писал В. И. Ленин,— по самой природе ее, свойственна абстрактная или формальная постановка вопроса о равенстве вообще, в том числе о равенстве национальном. Под видом равенства человеческой личности вообще буржуазная демократия провозглашает формальное или юридическое равенство собственника и пролетария, эксплуататора и эксплуатируемого, вводя тем в величайший обман угнетенные классы. Идея равенства, сама являющаяся отражением отношений товарного производства, превращается буржуазией в орудие борьбы против уничтожения классов, под предлогом будто бы абсолютного равенства человеческих личностей. Действительный смысл требования равенства состоит лишь в требовании уничтожения классов»¹.

За последние двести лет буржуазная наука и пропаганда весьма существенно обогатили арсенал доводов в защиту и обоснование господства капитала. Относительно некоторых сфер общественного устройства, особенно экономических феноменов, эти доводы приобрели настолько хитроумный вид, что совсем не просто бывает обнаружить истину. Но применительно к интересующей нас теме буржуазная идеология была до сих пор до крайности бесплодна на новые аргументы. Обращаясь к несуществующему в действительности абстрактному человеку, она заупынно твердила, что он равен в правах и обязанностях всем своим согражданам, сознательно игнорируя материальные условия жизни, разни-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 162.

цу в имущественном положении людей, то есть в конечном счете провозглашая равенство между эксплуататорами и эксплуатируемыми, между сытыми и голодными.

Само собой разумеется, что такая пропаганда далеко не всегда достигала и достигает своих целей, ибо трудящиеся на себе ощущают истинную цену буржуазной свободы и буржуазного равенства. Пожалуй, наиболее ярко и сильно смысл того и другого раскрыт в следующих характеристиках. По словам Герберта Уэллса, буржуазное равенство означает, что деньги одного не хуже денег другого. Буржуазная свобода, заметил Анатоль Франс, состоит в том, что миллионер и нищий одинаково вольны ночевать под мостом Сены.

Пропагандистский штамп, который длительное время помогал вводить трудящихся в обман, становится все менее эффективным в век всеобщего политического просвещения. Это обстоятельство, бесспорно, дало импульс к настойчивым поискам новых концепций и аргументов, способных служить задачам идеологического воздействия на массы, и если не устранить вообще, то по крайней мере смягчить остроту недовольства, вызываемого различными проявлениями социального неравенства.

Но при всем ее значении не эта, сугубо функциональная, причина играет главную роль в начинающемся пересмотре традиционно-буржуазного толкования идей равенства и свободы, точнее, их соотношения. Есть причины более серьезные.

Первая из них заключается в том, что на протяжении длительного времени после второй мировой войны у сторонников капитализма сохранялось твердое убеждение, даже вера в то, что связанный с научно-технической революцией подъем экономической мощи капиталистических стран сможет автоматически сгладить наиболее опасные в социальном отношении пороки капиталистической структуры хозяйства. Делался расчет на то, что рост квалификации труда приведет к резкому сокращению разницы в доходах различных слоев населения и в результате едва ли не все общество уравнивается в рамках некоего «среднего класса». А чтобы эта идиллическая картина ничем не нарушалась, футурологи попросту игнорировали большой вопрос: как сочетать «революцию доходов» с сохранением частной собственности?

Действительный ход событий опроверг эти расчеты. Конечно, благодаря научно-технической революции появились некоторые элементы выравнивания доходов «средних слоев» населения по сравнению с ранними стадиями капиталистического развития. Весьма возможно, правы социологи, которые с помощью цифр доказывают, что ныне высококвалифицированный рабочий Смит живет примерно так же, как лавочник Адамс, что тот и другой приблизились по жизненному стандарту к преподавателю колледжа Джон-

су. Но все это никоим образом не может отменить того факта, что продолжает расти разница между узким верхушечным слоем и большинством людей со средним или низким достатком. Сегодня и наиболее крупные западные экономисты признают, что разрыв между массой людей, занятых в сфере наемного труда, и крупными капиталистами, теми, кто прямо или косвенно участвует в дележе прибылей, не только не обнаруживает тенденции к сокращению, а, напротив, возрастает.

К тому же буржуазная пропаганда, используя относительно высокий уровень жизни основной массы населения в развитых капиталистических странах в качестве своей козырной карты, предпочитает умалчивать, что такое благосостояние в значительной мере достигается путем неокOLONиального грабежа экономически слабо развитых стран, сочетается с нищетой и голодом на периферии империализма. Между тем неравенство, связанное с господством капитала, не может быть измерено без учета отношений между развивающимися странами и развитыми капиталистическими государствами.

То же в полной мере относится и к проблеме неравенства между нациями и этническими группами, живущими под одним государственным флагом. Казалось бы, развитые капиталистические страны с их нынешним богатством могли бы ликвидировать экономическую почву для межнациональных конфликтов. В этом направлении, к стати, усердно ориентировали правящий класс изобретатели различных концепций социальной инженерии. А на деле — наоборот. Причем не только в такой стране, как США, где дискриминация негров и различных национальных меньшинств является постоянной чертой общественного уклада, но и в тех капиталистических государствах, в которых до недавнего времени национальное и этническое неравенство мало давало о себе знать, — в Англии, Бельгии, Канаде, Испании.

Таким образом, во всех основных областях жизни капиталистического мира происходит дальнейшее нарастание неравенства. Даже в наиболее развитых капиталистических странах велико число людей, не имеющих крова, работы, не получающих медицинской помощи, дискриминируются национальные меньшинства, нарушаются права женщин.

Другая причина наметившегося поворота в толковании лозунгов демократии заключена в том, что благодаря социализму на практике доказана реальность осуществления фактического равенства как в социальных, так и в национальных отношениях. Введение общественной собственности на средства производства, осуществление социалистических принципов труда и распределения означали гигантские шаги в преодолении неравенства. На протяжении всей истории строительства нового общества в Совет-

ском Союзе и в других социалистических странах развертывался, по существу, непрерывный процесс расширения и обогащения социального, экономического, политического равенства. Он продолжает развиваться и сегодня.

Реальность равенства в условиях социализма явилась, пожалуй, главной причиной, вынудившей буржуазных теоретиков (по крайней мере наиболее серьезных и честных из них) отказаться от отождествления капитализма с равенством. Если такое отождествление можно было бы еще пропагандировать, когда на земле существовал только капитализм и человечество не знало иного опыта, то теперь, при наличии социализма, в достаточной степени показавшего свои возможности, подобная пропаганда равнозначна распространению заведомой лжи.

В политической теории существенное значение имеют не только признание фактов, но и выводы, которые отсюда делаются. Если свидетельства несовместимости капитализма и равенства побудили представителей прогрессивного крыла западной социологии сделать шаг навстречу социализму, то консервативное направление решило иначе: раз равенству не по пути с капитализмом, тем хуже для равенства! При этом, однако, не просто отреклось от идеи, занимавшей в течение двух веков почетное место в арсенале буржуазного мировоззрения. Вовсе нет. Вынужденные расстаться с лозунгом равенства (значит, лишиться связанных с ним огромных пропагандистских выгод), апологеты капитализма постарались сделать все, чтобы его дискредитировать.

Вот почему драматическая метаморфоза в трактовке «вечных» идеалов демократии не свелась к провозглашению их несовместимости. Главный ее смысл состоял в том, чтобы развенчать идею равенства, объявить ее противоречащей прогрессу общества и интересам личности. Другими словами, провести виртуозную идеологическую операцию, после которой все социальные слои (вот парадокс!) расстались бы с требованием равенства не только без всякого сожаления, но даже с воодушевлением.

Капитализм — свобода — прогресс, социализм — равенство — стагнация — такова формула неоконсерваторов, которая начинает усваиваться и некоторыми другими направлениями буржуазной социологии. Спекуляция на тезисе, будто экономическая эффективность является функцией свободы и, как таковая, связана с капиталистическим способом производства, держится на одном факте — на том, что капиталистическая система сохраняет пока за собой экономически наиболее развитые страны мира. Однако известно, что и до буржуазных революций Англия, Франция, Германия и другие западноевропейские государства составляли авангардный с точки зрения технической и гуманитарной цивилизации район мира. Здесь было совершено наибольшее количество

открытий, сосредоточены самые передовые для своего времени предприятия.

Нет сомнения, что капитализм как более передовой по сравнению с феодализмом способ производства значительно ускорил развитие производительных сил. Но смешно делать отсюда вывод, будто высокая экономическая эффективность связана только с капитализмом. Человечество переживает ныне такой момент своей истории, когда социализм еще не раскрыл всех заложенных в нем возможностей, а капитализм уже исчерпал свои основные ресурсы.

Все это вовсе не означает отрицания такого стимула развития производства, повышения производительности труда, каким служит принцип конкуренции и частное предпринимательство вообще. Тяга к личной наживе, к обогащению была и пока остается побудительной причиной высокой трудовой активности, поскольку люди на протяжении тысячелетий воспитывались в условиях общества, законом которого была борьба за существование. Но в том-то и дело, что новый общественный строй способен порождать мощные новые стимулы деятельности. При этом социализм не отменяет поощрения, а придает ему иную форму. Новое общество признает необходимость сохранения различий в индивидуальных доходах и потреблении, ставя их в зависимость от количества и качества трудового вклада каждого, что отвечает требованиям социальной справедливости на первой, низшей стадии коммунистической формации. Место конкуренции занимают товарищеское соревнование, забота об общем подъеме, от которого в решающей степени зависит и личное благосостояние. Нет оснований сомневаться, что социализм способен принести более высокие результаты, решить в конечном счете генеральную задачу, сформулированную В. И. Лениным: обеспечить более высокую по сравнению с капитализмом производительность общественного труда. Это вопрос времени. XXVII съезд КПСС высказался на этот счет достаточно ясно, выдвинув задачи ускорения социально-экономического развития на основе научно-технического прогресса, совершенствования всех сторон жизни социалистического общества.

Стоит обратить внимание еще на один момент. Объявляя равенство источником низкой экономической эффективности, неоконсерваторы игнорируют тот очевидный факт, что и в капиталистическом способе производства при всей ограниченности рамок его приложения оно сыграло (и, естественно, продолжает играть) чрезвычайно важную стимулирующую роль. Во всяком случае, бесспорно, что авангардное положение Западной Европы в индустриальном развитии достигнуто прежде всего благодаря освобождению крестьян от крепостной зависимости, ликвидации сословий, уравниванию на рынке частных товаропроизводителей.

Равенство людей перед законом, так же как и свобода личности (частной инициативы), явилось тем хлыстом, посредством которого буржуазная революция подстегнула западноевропейскую экономику. При всем формальном и ограниченном характере этих принципов при капитализме они были и остаются условием экономического и всякого иного прогресса вплоть до той поры, когда социалистическая революция придает им новый, *не ограниченный и не формальный вид*. Иначе говоря, ополчаясь на равенство, неоконсерваторы в известной мере поднимают руку на то, что составляет один из устоев капитализма.

Как бы то ни было, важен факт, что идеологи неоконсерватизма считают *возможным*, и не только возможным, но и *выгодным* выступать с открытым забралом против равенства и демократии. Это новое явление в буржуазной политической мысли ярко свидетельствует о глубине идейно-политического кризиса капитализма: *буржуазия теперь не только ограничивает равноправие в общественной практике, что было ей свойственно во все времена, но и отрывается от последних остатков демократического содержания своей собственной программы.*

Перед тем как перейти к подведению итогов, надо сделать небольшое отступление. Читатель обратил внимание, что, поставив задачу оценить состояние и перспективы буржуазной демократии, мы вынуждены были затрагивать самые различные проблемы — от НТР до мировой политики. На первый взгляд могло показаться, что они не имеют прямого отношения к предмету. На деле же эти факторы оказывают столь серьезное и притом возрастающее влияние на политическую систему капиталистических стран, что без их учета невозможно понять направление и характер происходящих в ней изменений. Ограничиться традиционным юридическим анализом буржуазной демократии (хотя сам по себе он крайне важен) значило бы упустить из виду ведущую тенденцию современного развития: интернационализацию хозяйственной и всей общественной жизни человечества в условиях одновременного развертывания двух великих революций — социалистической и научно-технической.

Возвращаясь к существу дела, попытаемся теперь интегрировать все сказанное выше и выстроить цепочку причинно-следственных связей.

1. За последние десятилетия особенно отчетливо обнаружались признаки деформации буржуазной демократии.

а) Поскольку господство монополистического капитала не обладает больше запасом прочности, способным обезопасить его от превратностей открытой политической борьбы, буржуазия склонна прибегать к неокорпоративистским методам властвования; тем самым готовится почва для установления в чрезвычайных

обстоятельствах реакционных диктатур. «На политическую арену все активнее выходит неофашизм»¹.

б) Правящий класс интенсивно использует достижения научно-технической революции для укрепления своего господства путем манипуляции общественным мнением, отчуждения трудящихся от реального участия в управлении.

в) Формируется международный механизм противодействия прогрессивным движениям, в котором центральная роль отводится военной мощи американского империализма (антидемократический интервенционизм — «неоглобализм» — государственный терроризм).

г) Империалистическая реакция наступает на демократические завоевания трудящихся, шантажируя общество военной угрозой и нагнетая антикоммунистическую истерию.

д) Экономические процессы, ведущие к углублению социального и национального неравенства, находят отражение в отказе от лозунга равенства, выдвинутого буржуазной революцией.

2. Наблюдаемые признаки упадка буржуазной демократии не означают снижения ценности демократических институтов, которые сами по себе были и остаются важным завоеванием народных масс. Революционное рабочее движение, прогрессивный лагерь в широком смысле обладают сейчас возможностями сорвать наступление реакции и не допустить нарастания негативных тенденций в политической жизни стран капитала. Не только не снимается с повестки дня, но приобретает еще большее значение ленинский тезис о борьбе за демократию как предпосылке борьбы за социализм.

Вместе с тем условия этой борьбы в наше время существенно осложнились в результате действия указанных выше факторов, и победа в ней требует повышения политической сознательности, организованности, сплоченности, активности сторонников демократии и социального прогресса.

Ход и исход противоборства вокруг вопросов демократии в большей мере будет определяться развитием событий на международной арене. Само собой разумеется, что смягчение международной напряженности, реальные шаги по пути ограничения гонки вооружений и разоружения создали бы благоприятные условия для защиты демократических принципов и учреждений от посягательств реакционных сил. С другой стороны, позитивные изменения в мировой политике во многом зависят от способности прогрессивных сил отстоять демократические институты и с их помощью принудить империалистические государства отказаться от политики милитаризма и агрессии, вернуться к политике разрядки, как наиболее ответственной политике в ядерный век.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 131.

**Реализм нового
политического
мышления**

Один из трагических парадоксов ядерно-космической эры состоит в том, что человечество, обретя колоссальную власть над силами природы, оказалось перед лицом угрозы глобального уничтожения. Этот парадокс определяет диалектику развития цивилизации в эпоху научно-технической революции.

Современная наука в состоянии открыть перед людьми невиданные, поистине фантастические перспективы прогресса и в то же время может вложить в руки политических авантюристов такое оружие, которое, будь оно пущено в ход, приведет к истреблению всего живого на Земле. Таково кричащее противоречие, с которым пришло человечество к порогу XXI века.

Каким образом в конечном счете мир распорядится этими достижениями человеческого разума? Будут ли они использованы на благо людей или обращены против самого человечества?

Казалось бы, человеческий разум должен дать однозначный ответ: выбор в пользу созидания, в пользу упрочения безопасности. В подходе к этой дилемме, однако, с особой рельефностью выявились принципиальные различия двух систем — социалистической и капиталистической. Решения XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза убедительно продемонстрировали неразрывность социализма и мира, историческую миссию СССР как знаменосца сил, призванных избавить человечество от ядерной катастрофы.

XXVII съезд КПСС выдвинул *новую политическую концепцию справедливого и безопасного мира*, в которой в неразрывном единстве слиты теория и практика, политика и мораль, национальные и общечеловеческие интересы.

Сформулированные на XXVII съезде КПСС принципиальные Основы всеобъемлющей системы международной безопасности — это конкретизация того нового политического мышления, с кото-

рым Советский Союз предлагает всем своим партнерам на международной арене вступить в XXI век. Основы указывают кратчайший и надежный, действительно политический — в высоком смысле этого слова — путь решения кардинальных проблем мира: предотвращения термоядерной войны, разоружения, обеспечения равной безопасности всех государств. Основы четко определяют и предпосылки, и направления сотрудничества государств в деле решения и других ключевых общечеловеческих проблем: ликвидации нищеты, болезней, голода и неграмотности, установления нового международного экономического порядка, освоения космического пространства и т. п. Основы — это программа, поистине глобальная как по географическому охвату, так и по спектру затрагиваемых проблем. Она в обобщенном виде и в то же время весьма точно учитывает коренные интересы всех государств и народов — больших и малых, ядерных и неядерных, развитых и развивающихся.

Выдвинутая XXVII съездом КПСС концепция всеобъемлющей всеобщей безопасности зиждется на трезвой, реальной оценке состояния международных отношений, действующих в них факторов, на анализе соотношения тенденций различной исторической глубины и силы. Современные международные отношения характеризуются растущей многомерностью и взаимовлиянием состояния дел на различных уровнях: политическом, военном, экономическом, научно-техническом, культурном и т. п. Принципиальное различие пролегает между двумя социально-экономическими системами, взаимодействие которых характеризуется диалектическим единством борьбы и сотрудничества.

При всей противоречивости и конфликтности современной системы международных отношений, взаимодействия между социалистическими и капиталистическими государствами, между основными центрами капитализма, между капиталистическими и развивающимися государствами идет процесс формирования целостного, взаимозависимого мира, выдвигающего в качестве задачи задач решение проблем безопасности на всех уровнях и во всех сферах международных отношений.

Выдвинутая XXVII съездом КПСС концепция всеобъемлющей всеобщей безопасности вызвала острые политические дискуссии, выявила четкий водораздел между теми, кто мыслит силовыми категориями доядерной эпохи, ставя свои узкоэгоистические интересы выше интересов мирового сообщества, и теми, кто порывает с замшелыми догмами, отождествляет свои национальные интересы с общечеловеческими.

В этих развертывающихся дискуссиях социализм выступает как выразитель передовой общественно-политической мысли, как носитель гуманистических идеалов всего человечества. Отвергая традиционалистский взгляд на обеспечение безопасности,

социализм выступает вместе с теми, кто требует нового, реалистического, ответственного подхода к мировым делам в ядерно-космическую эру.

Существуют два сценария международной безопасности к 2000 г., отражающие, по существу, доядерное и новое политическое мышление.

При ответе на вопрос, что делать, традиционалисты, культивирующие силу, и прежде всего в ее военном виде, предлагают военно-техническое решение — наращивание вооружений, подготовку к различным вариантам ядерной и обычной войн. И в Древнем Риме, и на последующих этапах исторического развития формула «хочешь мира, готовься к войне» явно не срабатывала. В нынешних же, ракетно-ядерных условиях ее применение самоубийственно. Для тех, кто мыслит по-новому, нет сомнений в том, что характер нынешнего оружия не оставляет ни у одного государства надежды защитить себя только военно-техническими средствами. Обеспечение безопасности рассматривается ими как задача, решать которую можно и нужно *политическими средствами*.

Что касается параметров безопасности, традиционалисты ограничивают ее военными и политическими рамками. Те, кто мыслит неортодоксальными категориями, считают, что безопасность не может быть обеспечена усилиями только в военной и политической сферах международных отношений. За ее пределами не могут оставаться экономическая и гуманитарная области. Иными словами, *безопасность должна иметь всеобъемлющий характер*. Она должна представлять единую систему, распространяющуюся на все без исключения сферы международных отношений. Нельзя строить безопасность изолированно — только в военной, только в политической, только в экономической или только в гуманитарной области. Вырвать один компонент из этого комплекса — значит обречь на провал всю систему.

Наконец, при ответе на вопрос, как делать, традиционалисты руководствуются эгоцентричным подходом, ставят интересы национальной безопасности выше интересов международной безопасности, стремятся обеспечить свою безопасность за счет безопасности других народов. Новое политическое мышление отвергает такой подход. Оно исходит из того, что высшая мудрость не в том, чтобы заботиться исключительно о себе, а тем более в ущерб другой стороне; надо, чтобы все чувствовали себя в равной безопасности. *Безопасность, если брать международные отношения в целом, может быть только всеобщей*. А если говорить об отношениях между СССР и США как исторически сложившихся политических и военных полюсах двух систем — только *взаимной*.

Реализм и ответственность за судьбы народов диктуют выбор не в пользу традиционалистского, а в пользу нового внешнеполитического мышления.

В нынешнем взаимозависимом и взаимосвязанном мире, в котором живет человечество со всеми его проблемами и противоречиями, первый ядерный удар, если кто-то все же решится его нанести, стал бы актом самоубийства, оказался бы последним. Радиоактивная смерть и «ядерная зима» не знают границ ни государственных, ни географических, ни идеологических. Угроза уничтожения уравнивала государства и общественные системы, неразрывно связала их общей судьбой, сделала выживание главной задачей наших дней. Выживание неотделимо от безопасности, с которой испокон веков государства и народы справедливо связывают существование надежных внешних условий для своего свободного, независимого и мирного развития.

В ядерно-космическую эру нельзя до бесконечности строить безопасность только на страхе перед возмездием. Непомерно высока цена дальнейшего следования доктринам «сдерживания через устрашение», которыми США пытаются обосновать упорное продолжение ядерных испытаний, отказ от соглашений ОСВ-1 и ОСВ-2, подрыв Договора по ПРО. Распространение гонки вооружений на космос явилось бы серьезным, вполне возможно, непреодолимым препятствием на пути к безъядерному миру, сделало бы еще тоньше перегородку между миром и войной, поставило бы под постоянную угрозу безопасность всех и каждого.

К тому же появление новых средств ведения войны угрожает передать принятие политических решений компьютерам, системам искусственного интеллекта. В результате человечество окажется пленником техники, которая, как недавно трагически напомнили катастрофа «Челленджера» и авария на АЭС в Чернобыле, может давать сбои.

Отказ от ставки на силу, и прежде всего в ее вооруженном виде, как средства обеспечения безопасности диктуется не только разрушительной мощью современного оружия. Пожалуй, не менее важен и ряд других политических и экономических факторов, действующих в направлении прекращения гонки вооружений. Например, велика опасность случайного возникновения ядерной войны в кризисной ситуации, когда любые, в том числе случайные, несанкционированные, акции военного характера другой стороны воспринимаются с повышенной подозрительностью, когда происходит эскалация напряженности. В таких условиях может возникнуть своего рода резонанс военно-политического взаимодействия сторон, чреватый их втягиванием в войну вопреки изначальным намерениям. В нынешних условиях глобальной взаимозависимости между государствами безопасность не может быть обеспече-

на даже путем урегулирования всех военных и политических проблем. Угроза насилия проистекает также из-за нерешенности экономических и гуманитарных вопросов.

Потому единственно разумный сценарий мирного будущего человечества — это всеобъемлющая и всеобщая, основанная на доверии безопасность, равная для всех.

Конечно, создание такой системы не устранил автоматически все имеющиеся сложности и противоречия в международных отношениях. Диалектика их всегда складывалась и будет складываться из сочетания противоборства и сотрудничества. Но система всеобъемлющей и всеобщей безопасности создает условия для того, чтобы в этом диалектическом взаимодействии доминировало сотрудничество, позволяющее решать мирным, невоенным путем любые возникающие проблемы, а противоборство не носило непримиримого характера. Тем самым было бы обеспечено выживание человечества в ядерную эру.

**Новая
постановка вопроса
о безопасности**

Поиски путей международной безопасности предпринимались и ранее. Широко известна концепция коллективной безопасности. Система всеобъемлющей, всеобщей безопасности — это качественно новое понятие, которое не просто вбирает в себя и конкретизирует, а, главное, развивает применительно к ядерно-космическим условиям нашего времени идеи коллективной безопасности. Это новая, высшая ступень философии мировой политики, характеризующаяся приматом общечеловеческих интересов.

Во-первых, задача коллективной безопасности не выходила прежде за рамки ликвидации существующих или потенциальных военных очагов в отдельных регионах. Устав ООН, в котором содержатся и принципы, и механизм функционирования коллективной безопасности, предусматривает лишь отдельные действия в отношении угрозы нарушения мира и актов агрессии. Под эти действия не подпадают и ограничение вооружений, и предотвращение глобальных угроз, создаваемых нерешенностью социальных и экономических проблем. Сейчас на повестке дня безопасность в глобальном, общепланетарном масштабе, исключающая не только применение силы, но и угрозу ее применения во всех районах земного шара и на всех сценах мировой политики.

Во-вторых, коллективная безопасность создавалась одной группой государств против другой — потенциальных агрессоров. Нынешняя безопасность направлена не против какого-либо государства, а против общей угрозы для всего человечества — ядерного оружия.

В-третьих, коллективная безопасность признавала как неиз-

бежность военные конфликты и потому делала акцент на пресечении агрессии. Новая концепция безопасности исходит из неприятия ни ядерных, ни обычных войн. Наряду с созданием материальных и правовых преград применению насилия она придает исключительно важное значение мерам профилактического, превентивного характера.

Концепция всеобъемлющей системы безопасности содержит в себе предпосылки материализации жизненно важного для судеб человечества вывода, который состоит в том, что в ядерно-космическую эру у всех без исключения государств и народов, у человечества в целом имеется единственный не связанный с риском самоубийства путь — путь отказа от силовых методов решения международных вопросов, их урегулирования исключительно политическими средствами.

Таким образом, в соответствии с новой концепцией безопасности речь идет о строительстве позитивного мира, если пользоваться терминологией, распространенной среди политологов.

Концепция всеобъемлющей и всеобщей безопасности содержит следующие отличительные черты.

Комплексный подход. Новая концепция безопасности требует перестройки всех сфер международного общения таким образом, чтобы исключить из них методы войны, насилия и диктата. Главным компонентом системы всеобъемлющей безопасности стали бы невоенные средства решения всех международных вопросов. Именно в этом ключ и к понижению на основе взаимоприемлемых договоренностей уровня военного противостояния государств, и к решению глобальных проблем, и к урегулированию региональных конфликтов, и к искоренению терроризма, и к налаживанию сотрудничества между государствами в гуманитарной области. Если раньше безопасность в основном сводилась только к военным и политическим областям, то теперь она связывается с перестройкой взаимодействия государств и в других сферах — экономической, гуманитарной. В этом еще одно проявление должного учета взаимозависимости современного мира.

Динамизм. Новая концепция безопасности не представляет собой статичную модель. Напротив, создание всеобъемлющей системы безопасности — это постоянно развивающийся процесс международного взаимодействия, процесс, характеризующийся постепенным, поэтапным переходом от более простых форм взаимодействия государств к более сложным. Суть этого процесса состоит в том, что по мере его развития меняется и климат, и субстанция международных отношений. В нем действует вполне определенная закономерность — чем глубже развивается этот процесс, тем больше становится характер и объем обязательств государств.

Реализм. Эта концепция имеет целью не «осчастливить» чело-

вечество навязанной ему утопической схемой, а воплотить в жизнь коренные интересы всех государств и народов — больших, средних и малых, ядерных и неядерных, развитых и развивающихся. Она вырастает из международной практики и не имеет маркировки «сделано в какой-то определенной стране». В ней в концентрированном виде представлены взгляды на проблемы войны и мира в ядерно-космический век трезвомыслящих сил всех стран, независимо от их политических и идеологических ориентаций. Это — сплав идей многочисленных антивоенных, антиядерных общественных движений, «делийской шестерки», «комиссии Пальме» и предложений социалистических стран о безъядерном, безопасном мире.

Она не подменяет существующие международные документы и механизмы, которые были созданы в доядерную эпоху, а, напротив, имеет целью укрепить их с учетом новых условий, а также опыта сотрудничества государств в этих условиях. Разрядка 70-х годов вызвала к жизни целый ряд документов и механизмов, которые лишь упрочили систему отношений между государствами.

В результате принятия концепции всеобщей и всеобъемлющей безопасности никто не проиграет, а в выигрыше окажется все мировое сообщество, действующие договоры и механизмы, призванные способствовать развитию отношений мира и сотрудничества.

Гуманизм, высокая нравственность. Забота о выживании человеческого рода, т. е. забота о человеке как абсолютной ценности, о надежном обеспечении для него первейшего права — права на жизнь, ставится во главу угла. Во имя этого *мирное сосуществование должно стать высшим универсальным принципом* — принципом, имеющим приоритет перед классовыми, идеологическими, национальными и иными соображениями, универсальной нормой международной жизни. Это означает отказ от войны как средства разрешения споров, включая исторический спор между социализмом и капитализмом, так как сложились объективные условия, в которых противоборство между двумя общественными системами может протекать только и исключительно в форме мирного соревнования и мирного соперничества. Это означает и такой международный порядок, при котором господствовала бы не военная сила, а добрососедство и сотрудничество, происходил широкий обмен достижениями науки и техники, ценностями культуры на пользу всех народов. Этим порядком были бы охвачены отношения всех без исключения государств. В результате расчистились бы горизонты сотрудничества в интересах науки и техники, развития производства, решения масштабных задач созидания между высокоразвитыми государствами, к какой бы социальной системе они ни принадлежали. Страны, вставшие на путь самостоятельного

развития, были бы ограждены от посягательств извне, что облегчило бы их движение по пути национального и социального подъема. Открылись бы благоприятные возможности для решения коллективными усилиями всех государств глобальных проблем. Назрела необходимость в налаживании сотрудничества в общемировом масштабе, тесного конструктивного взаимодействия большинства стран. Это тоже категорическое требование времени, в которое мы живем. Мирное сосуществование, позитивный мир, всеобъемлющая система безопасности отвечают объективным интересам всех стран, всех народов.

Демократизм. В условиях всеобщей и всеобъемлющей безопасности не будет места ни избранному ядерному клубу, ни военнокосмическому вассалитету. Произойдет демократизация процесса принятия решений по проблемам войны и мира. Атом и космос — общее достояние человечества — будут служить общему благу.

При решении вопроса о создании системы международной безопасности в полной мере необходимо учитывать *критическое значение фактора времени*. Темпы развития военной технологии настолько высоки, что они, как показали события конца 70-х и в 80-е годы, значительно опережают процесс ведения переговоров по ограничению и сокращению вооружений. С учетом этого опыта обстановка, сложившаяся к середине 80-х годов, потребовала новых смелых и радикальных подходов к разоружению и сокращению вооружений. Медлить больше нельзя, иначе появятся настолько изощренные системы вооружений, что договориться о контроле над ними будет вообще невозможно. К тому же появление новых систем оружия массового уничтожения неуклонно сокращает время, сужает возможности для принятия в случае кризиса политических решений по вопросам войны и мира.

В этих условиях вполне резонно требование общественных сил — гонка мира вместо гонки вооружений.

Новым содержанием наполняется *военная безопасность*. Она должна быть основана на принципах отказа ядерных держав от войны друг против друга или против третьих государств — как ядерной, так и обычной, недопущения гонки вооружений в космосе, прекращения всех испытаний ядерного оружия и полной его ликвидации к концу этого столетия, запрета и уничтожения химического оружия, отказа от создания других средств массового истребления. Военная безопасность, далее, должна включать в себя строго контролируемое снижение уровня военных потенциалов государств до пределов разумной достаточности, роспуск военных группировок, а как ступень к этому — отказ от их расширения и образования новых, пропорциональное и соразмерное сокращение военных бюджетов.

Краеугольный вопрос военной безопасности — *вопрос о при-*

мерном стратегическом равновесии между СССР и США, Организацией Варшавского Договора и НАТО. Объективная оценка военно-политических реальностей свидетельствует, что такое равновесие служит военно-политическому сдерживанию, а тем самым поддержанию мира.

Центральная роль в нем принадлежит балансу стратегических ядерных вооружений. Однако весьма важную роль играет и баланс сил общего назначения, обычных вооружений.

Паритет с США по стратегическим носителям ядерного оружия был достигнут Советским Союзом к началу 70-х годов, несмотря на все усилия Соединенных Штатов Америки сохранить свое ядерное превосходство. В последующие годы Советский Союз неоднократно демонстрировал способность поддерживать достигнутое равновесие, не давая Соединенным Штатам достичь сколь угодно значительного преимущества в военном или политическом отношении, какие бы для этого ими ни использовались пути и средства. Ничего не смогли дать и огромные усилия, затраченные милитаристскими силами США в 80-е годы. Они лишь повысили международную напряженность, рельефнее обозначили тенденции к снижению стратегической стабильности.

Нынешний уровень баланса ядерных потенциалов сторон стал непомерно высок. Обеспечиваемая им равная опасность для каждой из сторон не может вечно оставаться основой мира на планете.

Сохранение такого положения оказывает негативное воздействие на морально-психологическую обстановку в мире. С одной стороны, оно вызывает страх миллионов людей перед ядерной войной — своеобразную глобальную стрессовую ситуацию, которая неизбежно будет усиливаться с продолжением гонки вооружений.

С другой стороны, существует и иной психологический эффект, связанный с ядерным оружием, который отмечен в докладе Независимой комиссии по вопросам разоружения и безопасности («комиссия Пальме»), — недооценка опасности ядерной войны, благодушие по поводу нынешней обстановки. «Эта тенденция особенно заметна среди многих военных, дипломатов, ученых и политических деятелей, которые в силу своей профессии повседневно занимаются проблемами, связанными с ядерной опасностью. Ни один человек не может планировать варианты применения ядерного оружия, сознавая в полной мере те последствия, к которым эти планы могут привести. Человеческий ум, защищающий покой человека, дает картину ядерной войны неполную или в искаженном виде... Тот же психологический механизм может привести тех, кто рассматривает ядерную войну в качестве возможного инструмента национальной политики, к значительной недооценке,

даже для самих себя, потенциальных последствий запланированных действий в чрезвычайных ситуациях»¹.

Как отмечает австрийский философ Г. Андерс в своей книге «Атомная угроза», существует вполне определенная тенденция «перекрыть страх перед атомной угрозой другими страхами... приветствуемая определенными политическими и военными кругами». В результате «абсолютная угроза, которую представляет собой атомное оружие, становится... относительной, по крайней мере одной из возможных среди других угроз», и возникает новая угроза: «угроза, которая заключается в забвении угрозы»².

Накапливание и качественное совершенствование ядерного оружия повышает гипотетическую возможность разоружающего удара по противнику. Дополнение наступательных средств противоракетными и космическими вооружениями способствовало бы укреплению иллюзий наиболее реакционных сил в безнаказанности тех или иных видов агрессии и тем самым еще более повысило бы угрозу ядерной войны.

По существу, аморальность сложившейся ситуации состоит в том, что жизнь человечества становится все в большей мере заложником ядерного уничтожения. Изобретенные для оправдания и увековечивания такого положения доктрины «сдерживания» или «устрашения» вот уже на протяжении нескольких десятилетий используются для оправдания навязывания миру безостановочной гонки ядерных и иных вооружений. По извращенной логике этих доктрин получается, что, чем больше оружия, чем реальнее и чудовищнее угроза его применения, тем прочнее безопасность.

Положение дел, однако, согласно исследованиям ряда крупных советских, американских и западноевропейских ученых таково, что если при современном уровне ядерных потенциалов одна из сторон все же решилась бы нанести первый ядерный удар, то он был бы для нее самоубийственным в силу глобальных последствий ядерных взрывов, даже и без ответного удара другой стороны. Иными словами, наращивание вооружений оборачивается «нулевой безопасностью», тотальным самоуничтожением.

К развертыванию гонки вооружений по все более широкому спектру направлений, как убедительно показали советские и многие зарубежные ученые, ведет рейгановская программа так называемой «стратегической оборонной инициативы» (СОИ).

«...Главный вред СОИ в том, — подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев в Заявлении по советскому теле-

¹ Безопасность для всех. Программа разоружения. Доклад Независимой комиссии по вопросам разоружения под председательством Улофа Пальме. М., 1982, с. 77.

² Цит. по: Вопросы литературы, 1986, № 10, с. 156.

видению 18 августа 1986 г., — что она подрывает перспективы переговоров, расширяет зону недоверия. В этом вся проблема. Она не менее политическая, чем военная»¹.

Представляется, что по своим военно-стратегическим и политическим последствиям развертывание ударных космических вооружений может иметь для международных отношений конца XX — начала XXI в. не меньшее значение, чем накопление ядерного оружия для предшествующих послевоенных десятилетий. Речь идет в первую очередь о создании широкомасштабной противоракетной системы. Основу такой системы призваны составить космические эшелоны, в основном с использованием оружия направленной передачи энергии — лазерного и пучкового. Рекламируя проекты глобальной противоракетной системы, их сторонники тщатся доказать, что с военной точки зрения в результате создания такой системы Америке будет гарантировано выживание. Однако, вопреки таким утверждениям, широкомасштабная противоракетная система с космическими эшелонами отнюдь не совершит поворота от «сдерживания через устрашение» к полной защите от стратегических наступательных вооружений.

Как убедительно доказывают советские и многие зарубежные ученые, в ядерной войне эффективных оборонительных средств нет и создание их практически невозможно. В реальности попытка создания так называемого «оборонительного оружия» против стратегических ядерных сил другой стороны неизбежно выльется в появление еще одного элемента, усиливающего американский потенциал «первого удара». Не случайно практические действия администрации США сосредоточены сейчас на форсированном развитии именно этого потенциала. Такое «оборонительное оружие» почти ничего не может дать стране, подвергшейся внезапному массированному нападению, поскольку оно явно не способно защитить подавляющее большинство населения. Использование противоракетного оружия больше всего подходит именно для нападающей стороны, стремящейся уменьшить мощность ответного удара. Однако полностью предотвратить этот ответный удар оно тоже не может. Даже с сугубо военной точки зрения ценность СОИ весьма сомнительна.

Широкомасштабная противоракетная система, как отмечается в специальном докладе Комитета советских ученых в защиту мира, против ядерной угрозы, по меньшей мере усложнит задачу сдерживания, сделает ее более неопределенной, так как повысится зависимость выживания и ограничения ущерба в ядерной войне от нанесения именно первого удара, с тем чтобы прикрываться

¹ Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева по советскому телевидению 18 августа 1986 года. М., 1986, с. 13.

с помощью эшелонированной противоракетной системы от ответного удара подвергшейся нападению страны¹.

Все это дает основание считать развертывание широкомасштабной противоракетной системы в совокупности с развитием таких систем, как «МХ», «Трайидент-2» (Д-5), «Першинг-2», «Навстар» и др., еще одним очень крупным и опасным шагом в направлении создания Соединенными Штатами потенциала первого удара.

Американское противоракетное оружие может рассматриваться как одно из средств обеспечения первого удара и потому, что американская сторона отказывается принять обязательство по неприменению ядерного оружия первой.

В рамках программы СОИ около 50% всех ассигнований ориентировано на создание различных информационных средств: разведки, целеуказания, навигации, связи, управления, в том числе с использованием систем искусственного интеллекта. Эти средства, по замыслам Пентагона, могут быть еще до конца нынешнего столетия использованы и для других военных задач, в том числе в «конфликтах малой интенсивности», даже если собственно программа СОИ в ее изначальном замысле не переживет рейгановскую администрацию. Тем самым программа «звездных войн» помимо создания космических ударных средств придает дополнительный импульс гонке ядерных и обычных вооружений наземного, морского и воздушного базирования. Это обстоятельство также необходимо во всей полноте принимать во внимание.

Вот почему программа «звездных войн» предстает как символ обструкции дела мира, как концентрированное выражение милитаристских замыслов, нежелания снять ядерную угрозу, нависшую над человечеством, как воплощение близорукого узкоэгоистического подхода к проблеме международной безопасности.

Расчеты на то, чтобы обеспечить с помощью СОИ существенное в политическом и тем более в военном отношении превосходство, иллюзорны, они являются опасным заблуждением. Многие правые и консервативные политические деятели США, а также Западной Европы и Японии во все большей мере рассматривают программу СОИ в первую очередь как средство навязывания СССР разорительной гонки вооружений в новой, максимально дорогостоящей форме с целью подрыва советской экономики. Их надежды — тоже иллюзорные — связаны с тем, что советскую сторону удастся спровоцировать на реализацию аналогичной программы.

В то же время в США ширится противодействие этой программе. Растет число политических и общественных деятелей, ученых,

¹ См.: Широкомасштабная противоракетная система и международная безопасность. Доклад Комитета советских ученых в защиту мира, против ядерной угрозы. М., 1986.

активно выступающих против создания широкомасштабной противоракетной системы с космическими эшелонами и за запрещение противоспутникового оружия¹. Американские ученые, в частности, подчеркивают, что Советский Союз может сравнительно легко нейтрализовать любую эшелонированную противоракетную систему за счет широкого набора уже имеющихся и потенциальных средств противодействия, причем значительно более дешевых, чем космическая система ПРО. Тысячи американских, западноевропейских и японских ученых и инженеров заявили о своем принципиальном отказе участвовать в программе СОИ, несмотря на самые щедрые посулы рейгановской администрации, военно-промышленных корпораций.

Широкий набор средств противодействия космическим эшелонам широкомасштабной ПРО — как активных, так и пассивных — проанализирован в серии исследований Комитета советских ученых в защиту мира, против ядерной угрозы. В числе этих средств — «космические мины», наземные лазеры большой мощности, различные препятствия, создаваемые на траектории движения боевых станций, средства радиоэлектронной борьбы и др. Причем эффективная сеть средств противодействия может быть значительно дешевле самих космических средств ПРО. Советский Союз, как заявляет его руководство, при всех условиях будет способен обеспечить мощный потенциал ответного удара возмездия. Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев неоднократно отмечал, что в случае отказа американской стороны предоставить гонку вооружений в космосе «наш ответ будет эффективным, менее дорогостоящим и может быть осуществлен в более короткие сроки»², причем необязательно в космосе. И этот ответ обесценит программу «звездных войн».

Объявленный советским руководством кардинально иной курс в случае развертывания Соединенными Штатами гонки вооружений в космосе, имеет принципиальное оборонное, экономическое и международно-политическое значение. Такой курс позволяет оптимально обеспечивать ресурсами все направления строительства Вооруженных Сил СССР в соответствии с подлинными интересами безопасности Советского Союза и его союзников. Он лишний раз демонстрирует тщетность надежд на «экономическое изматывание» СССР.

¹ В результате острых дебатов в 1986 г. в конгрессе США по бюджету на 1987 фин. г. ассигнования на программу СОИ были урезаны по сравнению с запросом администрации примерно на 30% и были вторично (как и в предыдущем году) закрыты ассигнования на испытания противоспутниковой системы (воздушного запуска с использованием истребителя «Ф-15» и ракеты «СРЭМ-Альтаир») по реальным мишеням в космосе.

² Советско-американская встреча на высшем уровне. Женева, 19—21 ноября 1985 года. М., 1985, с. 40.

Нет сомнения в том, что в результате новых, причем усложняющихся туров гонки вооружений военно-стратегическое равновесие будет сохраняться, но одновременно его устойчивость будет неизбежно снижаться и может в конце концов достигнуть такого предела, когда даже паритет перестанет быть фактором военно-политического сдерживания.

Новое политическое мышление выдвигает на передний план *вопрос о сведении потенциалов государств до пределов разумной достаточности*. Речь идет о том, чтобы у каждой из сторон имелись такие вооруженные силы, которые могли бы осуществить лишь оборонительные действия по защите своей территории и территории членов своего союза и не имели бы возможности угрожать вторжением на территорию противоположной стороны. Последовательная и полная реализация принципа разумной достаточности предполагает полную и повсеместную ликвидацию ядерного оружия. Однако на пути к этой цели придется пройти несколько этапов, на которых ядерное оружие будет сохраняться в арсеналах сторон. На каком-то промежутке времени противостоящие друг другу стороны обладали бы лишь таким минимальным ядерным потенциалом, который был бы достаточен лишь для ответного удара возмездия с неприемлемым ущербом для агрессора. Разумеется, ядерные силы противостоящих сторон, обеспечивающие такой потенциал минимального сдерживания, сами должны быть достаточно неуязвимыми и надежно управляемыми. По мере реализации принципа разумной достаточности как применительно к ядерным, так и к обычным вооружениям средства и процедуры контроля за соблюдением соответствующих договоренностей будут совершенствоваться.

Средства контроля, режим соответствующих договоренностей должны быть таковы, чтобы любое замаскированное и внезапное нарушение договоренностей относительно потолков ядерных вооружений, определяющих потенциал минимального сдерживания, не приводило бы к качественному изменению ситуации в пользу нарушившей договоренности стороны.

Все большее значение для оценки действительных намерений военно-политических группировок, как и отдельных государств, приобретает *вопрос о военных доктринах и концепциях*. Заняться им необходимо для того, чтобы снять накапливавшиеся годами взаимную подозрительность и недоверие, обстоятельно разобраться с озабоченностями друг друга и по этому вопросу. Такие категории, как военное превосходство, расчет на победу в ядерной войне, глобальная гегемония, изжили себя и превратились в смертельно опасные для всего человечества химеры. В интересах безопасности военные концепции и доктрины военных союзов должны базироваться на оборонительных началах. Это означает принятие обя-

зательства — никогда, ни при каких обстоятельствах не начинать военных действий против какого-либо государства, за исключением отражения агрессии, что предполагает также поддержание равновесия военных сил на возможно более низком уровне, сокращение военных потенциалов до пределов достаточности, необходимых для обороны.

Об оборонительном характере своего союза, например, заявляют и государства — участники Варшавского Договора и страны — члены НАТО. Из этого следует, что не должно быть препятствий для взаимных значительных сокращений вооруженных сил и обычных вооружений в Европе.

Значительно обогащается и содержание *политической безопасности*. Ее исходная база — безусловное уважение в международной практике права каждого народа суверенно избирать пути и формы своего развития.

Особое значение приобретает вопрос об исключении из международных отношений любых видов конфликтного и кризисного решения спорных вопросов. В практическом плане речь идет о ликвидации уже существующих и предотвращении новых конфликтных и кризисных ситуаций на региональном и глобальном уровнях.

Для урегулирования того или иного конфликта или кризиса мирными средствами при полном и справедливом учете законных интересов всех сторон необходимо иметь политическую основу урегулирования, не ущемляющую эти интересы. Необходим также адекватный механизм переговоров, который давал бы возможность выхода на конструктивный диалог применительно к каждому конкретному случаю. Возможны два подхода к урегулированию конфликтных и кризисных ситуаций: радикальный, т. е. немедленное пресечение опасного развития ситуации, и поэтапный, частичный, не во всем сразу обеспеченный, но все же достаточно эффективный для постепенной дэскалации конфликтов и кризисов.

Важно не только устранить существующие кризисы, но и сделать все для предотвращения возникновения новых очагов военной опасности. Для этого необходимо дополнение всеобъемлющей системы безопасности соответствующей системой международного правопорядка, которая обеспечивала бы соблюдение общепризнанных принципов цивилизованного поведения государств на международной арене, таких, как неприменение силы, невмешательство во внутренние дела, мирное урегулирование споров, уважение суверенитета. Нужны и меры профилактического порядка.

В рамках ООН существует необходимый механизм урегулирования споров. Совет Безопасности наделен чрезвычайно широкими полномочиями, которые, в соответствии с Уставом Организации, позволяют эффективно гарантировать международную безо-

пасность, поддерживать, а в случае необходимости и восстанавливать мир в любом районе земного шара.

Разумеется, государствам, участвующим в конфликтах и кризисах, необходимо обеспечить свободный и добровольный выбор в каждом конкретном случае процедуры урегулирования или профилактических мер.

Государства — постоянные члены Совета Безопасности должны объективно смотреть на причины и внутренние пружины конфликтных и кризисных ситуаций, выслушивать и учитывать интересы всех вовлеченных сторон. Процесс урегулирования и профилактики следовало бы в первую очередь направить на нахождение баланса интересов всех сторон, на устранение тех факторов, которые могли бы вызвать применение силы или угрозу ее применения.

Что касается нынешних кризисных ситуаций, то в ООН и на других международных форумах определены политические платформы для справедливого урегулирования почти всех из них. Существуют либо могут быть созданы подходящие переговорные механизмы.

Реализация этого потенциала будет способствовать прежде всего изменению политики государств, приведению ее в соответствие с требованиями философии безопасного мира. Это означает использование исключительно мирных политических средств решения вопросов, осознание того, что неразрешимых проблем не существует. Для того чтобы освободить мир от очагов агрессии и вооруженных конфликтов, необходимо прежде всего покончить с вмешательством во внутренние дела Никарагуа и других стран Центральной Америки, с необъявленной войной против Афганистана, с агрессией против арабских государств, предоставить арабскому народу Палестины возможность создать собственное государство, положить конец незаконной оккупации Намибии расистским режимом ЮАР, деятельности американских и юаровских наемщиков в Анголе и Мозамбике.

В то же время на повестке дня формирования политической безопасности разработка принципиально новых акций — комплекса мер, нацеленных на укрепление доверия между государствами, на создание действенных гарантий от нападения на них извне, неприкосновенности их границ. Большое значение имеет выработка эффективных методов предотвращения международного терроризма, включая безопасность пользования международными наземными, воздушными, морскими коммуникациями.

Таким образом, и в политической сфере концепция создания всеобъемлющей системы безопасности наполнена новым материальным содержанием, способствующим формированию необходимой базы для совместных усилий государств.

Попытки поставить прогресс в области военной безопасности

в зависимость от состояния дел в политической сфере безопасности и наоборот создают ложную дилемму. Не приходится сомневаться, что в принципе одно невозможно без другого. Однако из этого можно сделать два противоположных вывода. Один, к которому стремятся подвести милитаристские круги, сводится к тому, что имеет место замкнутый круг, из которого нельзя вырваться. В результате мировое сообщество оказывается как бы обреченным на бездействие и в одной, и в другой областях. Другой вывод, который делают сторонники нового политического мышления, состоит в необходимости практических действий одновременно по всем маршрутам, ведущим к безопасному миру, — и в военной области путем реализации мер разоружения, и в политической — посредством ликвидации уже существующих и предотвращения новых конфликтов. Очевидно, что прогресс на одном направлении способствовал бы движению на другом, взаимодополняя и подкрепляя друг друга, открывая развязки то там, то здесь и в целом создавая предпосылки для укрепления доверия, возрождения разрядки международной напряженности как необходимого этапа на пути к всеобъемлющей безопасности.

Всеобъемлющая система международной безопасности должна, кроме того, основываться на общепризнанных принципах взаимодействия государств в *экономической области*. Например, важную роль сыграло бы установление нового мирового экономического порядка, гарантирующего равную *экономическую безопасность всех государств* и обеспечивающего устойчивое, предсказуемое развитие мирохозяйственных связей.

«Большинство стран земного шара, — подчеркивается в исследовании ООН о взаимосвязи между разоружением и международной безопасностью, — рассматривают установление нового международного экономического порядка как составную часть укрепления международной безопасности. Для них значительный прогресс в направлении все большего равенства, включая сокращение и в конечном итоге устранение разрыва между развивающимися и развитыми странами, является частью процесса укрепления безопасности»¹. Безопасность неотделима и от совместных решений глобальных проблем, с которыми связаны судьбы цивилизации.

Основами безопасности в экономической сфере должны стать исключение из международной практики всех сфер дискриминации, отказ от политики экономических блокад и санкций. Важнейшей ее основой призван быть также совместный поиск путей справедливого урегулирования проблемы задолженности.

Прекращение растраты материальных и интеллектуальных ресурсов на создание оружия массового уничтожения открывает

¹ U. N. General Assembly. Thirty-Sixth Session. A/36/597. 1981, November 19, p. 25.

наиболее реальную перспективу для высвобождения средств с целью оказания помощи развивающимся странам. В целом разработка принципов использования этих средств на благо мирового сообщества, прежде всего развивающихся стран, неизбежно должна стать одной из основ всеобъемлющей безопасности.

Наконец, безопасность в экономической области призвана создать условия для рационального использования ресурсов планеты как общечеловеческого достояния для решения глобальных проблем, затрагивающих самые основы существования цивилизации. Для этого требуется объединение усилий, сложение национальных возможностей в международных масштабах, отлаживание эффективных международных процедур и механизмов. Одной из основ безопасности в экономической сфере могло бы стать международное сотрудничество в исследовании и мирном использовании космического пространства, разработка с этой целью материально насыщенной программы совместных действий государств в этой области. Ее реализация позволила бы человечеству войти в XXI в. не с самоубийственным арсеналом оружия «звездных войн», а с надежной материальной, правовой и организационной базой «звездного мира».

Новое в условиях ядерно-космической эры — не только экономическое, но и *гуманитарное измерение безопасности*. Сама концепция всеобъемлющей безопасности нацелена на выполнение наиболее гуманных задач, которые стоят перед человечеством, — предотвращение войны, обеспечение первейшего естественного права человека жить в условиях мира и свободы. Но едва ли кто-либо возьмется отрицать наличие здесь и обратной связи. Очевидно, что от решения острых проблем в гуманитарной области прямо и непосредственно зависит налаживание подлинно цивилизованных, корректных норм международного общения и сотрудничества. Мир не будет прочным до тех пор, пока силы империалистической реакции грубо попирают права человека и основные свободы, в том числе права целых народов. Взрывоопасное положение, сохраняющееся долгие годы на Ближнем Востоке, где израильские оккупанты превратили в беженцев арабский народ Палестины, на юге Африки, где не прекращается разгул расистского террора, — убедительное подтверждение этого.

Общепризнано, что войны рождаются в умах людей; и именно в сознании человека, в его психологии необходимо создать глубокое отвращение к агрессии, внедрить понимание преступности и недопустимости любых доктрин и действий, исходящих из возможности развязывания цепной реакции ядерных ударов. А разве можно говорить о надежной безопасности, не избавившись от стереотипного рассмотрения государств в качестве потенциальных противников. «Образы врага» создают ту морально-психологи-

ческую атмосферу, которая делает невозможным элементарное доверие в международных организациях. Диапазон действий в гуманитарной сфере безопасности весьма широк — это и повышение уровня общей объективной информированности, взаимного ознакомления народов с жизнью друг друга, и искоренение всех форм дискриминации, и защита прав человека, и углубление сотрудничества в области культуры, искусства, науки, образования и медицины.

Задачей первоочередной важности становится категорическое запрещение пропаганды войны, ненависти и насилия, отказ от стереотипов мышления категориями врага в отношении других стран и народов.

Через безопасность во всех четырех сферах межгосударственных отношений создаются взаимно перекрещивающиеся системы гарантий — прямых и косвенных, материальных и духовных. Получается как бы единый сплав гарантий, цементирующий всю систему в целом.

С точки зрения классических теорий международных отношений под *прямыми гарантиями* имеются в виду ограничение вооружений и разоружение, предотвращение и урегулирование международных конфликтов; под *косвенными* — состояние отношений в экономической и гуманитарной областях. В нынешних условиях такое деление хотя и сохраняется, прежде всего с точки зрения приоритетности решения существующих проблем, но имеет все более условный характер, поскольку причиной глобального конфликта может стать неурегулированность не только в военнополитической, но и в любой другой сфере международных отношений.

В практическом отношении на передний план выдвигается *вопрос о формировании материальных и морально-психологических гарантий безопасности*. Под *материальными гарантиями* понимаются акции, которые носят реально ощутимый физический характер с точки зрения предотвращения военной угрозы, а под *морально-психологическими, или духовными гарантиями безопасности*, — соответствующая система ценностных ориентаций. Мероприятия материального характера в политической, военной, экономической и гуманитарной областях оказывают благотворное воздействие на международный климат, равно как и способствуют устранению подозрительности, развитию взаимопонимания.

В то же время *создание климата доверия* в отношениях между государствами — *самостоятельный и крупный вопрос*. Тут требуются и крупномасштабные меры, скажем обязательства по неприменению первыми ядерного оружия, и специфические действия, такие, как распространение правдивой информации, отказ

от претензий на великодержавие, пропаганды расизма, шовинизма и национальной исключительности, от проповеди насилия, раздувания военного психоза, от превращения неизбежной идеологической борьбы в психологическую войну. Для процесса нормализации международной обстановки было бы благотворным такое положение, когда государства различных политических и идеологических ориентаций могли бы сотрудничать в защиту идей мира, взаимопонимания и доверия, в осуждение пропаганды войны, агрессии, национальной вражды и расизма. Задача первостепенной важности в ядерно-космическую эру — овладеть наукой и искусством вести себя на международной арене сдержанно и осмотрительно, жить цивилизованно, т. е. в условиях корректного международного общения и сотрудничества.

Определенное значение в создании благоприятной политической атмосферы играют и меры укрепления доверия в военной области — как уведомительного, так и ограничительного свойства.

Международный климат не просто создает тот или иной фон для формирования и претворения в жизнь системы межгосударственных гарантий. В известном смысле он сам служит условием всеобщей безопасности. *Общественные силы, народные массы, партии, движения, организации, выступающие за предотвращение ядерной войны, за упрочение устоев всеобщего мира, представляют собой в современных условиях важнейшую социальную гарантию мира и безопасности.* Роль общественных сил в последние годы заметно возросла и в рассматриваемой перспективе может еще более увеличиться.

Расширение социальной базы безопасности способствует в свою очередь развитию в различных социальных структурах и соответствующей системы ценностных ориентаций в духовной сфере. Формирование морально-психологических гарантий имеет тем большее значение, что общественное сознание в ряде стран Запада широко и интенсивно подвергается обработке в духе воспитания вражды и недоверия органами массовой информации, выполняющими социальный заказ военно-промышленного комплекса.

Реальности ядерно-космической эры предполагают осознание того, что психология, проникнутая национальным эгоизмом, противопоставлением одних народов другим, идеей борьбы «всех против всех» и построенная на концепциях допустимости войн в качестве орудия политики, окончательно изжила себя. Психологически такое стереотипное мышление нагнетает атмосферу страха и недоверия среди населения, препятствуя взаимопониманию между народами. Разрушение подобных стереотипов является непременным условием создания нового мышления, которое не должно основываться на искусственно разжигаемых эмоциях и предрассудках.

В этой связи встает вопрос о новой общественной психологии — *психологии мира и доверия*.

Психология нового мышления, указывает видный советский ученый-психолог, член-корреспондент АМН СССР М. Д. Вартанян, должна развиваться на основе творческих продуктивных идей. По своему характеру новое мышление должно быть креативным, а не реактивным. Под реактивным принято понимать мышление, основанное на принципе ответа (реакции) одной стороны на действия другой. Реактивный характер мышления создает замкнутый круг в конфронтации сторон, является недостаточно продуктивным и малоперспективным для достижения прогресса в прекращении гонки вооружений. В противоположность этому креативное (созидательное, творческое) мышление основано на глобальных по масштабам и позитивных по своему характеру идеях¹.

Примером практического подхода к формированию такой психологии является Декларация ООН о воспитании народов в духе мира, фактически единодушно одобренная по инициативе Польской Народной Республики на 33-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1978 г. (воздержались лишь США и Израиль). Она указывает конкретные пути формирования духовных гарантий безопасности и служит основой для деятельности в этом направлении международных организаций, и в частности ЮНЕСКО.

Заботясь о создании гарантий безопасности в материальной сфере, необходимо, таким образом, одновременно действовать и на морально-психологическом направлении гарантирования безопасности, создавать такую политическую психологию, которая делала бы невозможным произрастание милитаристских, шовинистических идей, культивировала бы идеи сотрудничества между народами.

Системообразующая роль разоружения В процессе формирования системы гарантий системообразующую роль играет разоружение. Именно на этом пути создаются материальные, физические преграды войне. Разоружение уменьшило бы и в конечном счете ликвидировало бы материальную базу ведения войны — к такому выводу пришли эксперты ООН в исследовании о взаимосвязи между разоружением и международной безопасностью.

Важнейшее значение имеют *радикальные меры*, ведущие к ликвидации ядерного, химического и другого оружия массового уничтожения.

Разоружение предполагает и *частичные меры*. Под ними подразумеваются как меры, регулирующие ограничение, сокраще-

¹ См.: Правда, 1986, 6 декабря.

ние или уничтожение отдельных систем и видов оружия повсеместно, так и меры, касающиеся сдерживания и прекращения гонки вооружений в определенных регионах мира. Частичные меры включают и такие, которые хотя и не ведут к фактическому сокращению вооруженных сил или вооружений, но ограничивают сферу развертывания гонки вооружений по новым направлениям и притормаживают эту гонку, укрепляют стратегическую стабильность, уменьшают опасность войны.

Установка на достижение безопасности через конкретные меры разоружения ориентирует не на обман или попытки переиграть партнера, а на достижение взаимоприемлемых договоренностей на честной и справедливой основе. Она включает в себя в необходимых случаях и уступки другой стороне, которые в действительности представляют собой уступки разуму в условиях, когда накоплен потенциал сверхуничтожения, превышающий все разумные пределы.

Трудности процесса ограничения вооружений и разоружения связаны не столько с технической стороной переговоров (сложность предмета переговоров, асимметрия географического и международного положения участников переговоров, асинхронность в развитии систем оружия и договаривающихся сторон, недоверие и подозрительность и т. п.), сколько с субъективным фактором — политикой участвующих в нем государств.

Для одних, Советского Союза и его союзников, разоружение — краеугольный принцип их внешней политики, практическая задача, решения которой они последовательно добиваются. Отсюда деловитость и конкретность их подхода.

Как и вся действующая стратегия мира и мирного сосуществования, подход социалистических стран к разоружению свободен от иллюзий и умозрительных схем. Он глубоко обоснован в научном отношении: правильное отражение насущных потребностей мирового развития и проведение реально осуществимых мер.

Подход других, и прежде всего США, к ограничению вооружений в значительной мере определяется тем, какая фракция господствующего класса — воинственно-агрессивная или умеренно реалистическая — держит в руках рычаги государственного управления. Милитаристски настроенная часть правящих кругов использует переговоры по разоружению обычно как ширму для курса на наращивание вооружений и практически блокирует достижение договоренностей. Представители же относительно умеренного крыла правящего класса проявляют готовность к сдерживанию темпов и масштабов гонки вооружений, сокращению накопленных арсеналов оружия. Но и в этом случае они подчас пытаются использовать переговоры по разоружению для навязывания своей воли и получения односторонних преимуществ, прибегают и к ис-

кусственному увязыванию вопросов разоружения с далекими от них проблемами.

Обеспечение решительного продвижения вперед на переговорах по ограничению вооружений и разоружению, их результативности является сегодня первоочередной задачей в борьбе за поворот от усиления конфронтации, сползания к войне в сторону формирования системы безопасного, безъядерного мира.

Благодаря настойчивым усилиям Советского Союза, стран социалистического содружества, поддержке их со стороны всех миролюбивых сил в 60—70-е годы было заключено 9 многосторонних и 16 двусторонних конвенций, договоров и соглашений по сдерживанию гонки вооружений, которые имеют немаловажное значение и для 80—90-х годов.

Существующая система договоров и соглашений в определенной мере уменьшает опасность войны. Она сдерживает распространение ядерного оружия. Эту роль выполняют, например, Договор об Антарктике (1959 г.), Договор о нераспространении ядерного оружия (1968 г.) и договоры, запрещающие размещение ядерного оружия в космосе (1967 г.) и на дне морей и океанов (1971 г.). Конвенция о физической защите ядерного материала (1980 г.). Система договоров и соглашений накладывает ограничения и на количественное наращивание ядерных вооружений. Это соглашения по ограничению стратегических вооружений (1972, 1974, 1979 гг.), Договор о частичном запрещении ядерных испытаний (1963 г.). Создана также система мер, предупреждающих случайное возникновение войны. Установлены определенные ограничения в отношении применения некоторых видов обычных вооружений. Меры реального разоружения предусмотрены Конвенцией о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического и токсинного оружия и об их уничтожении (1975 г.), подписанной в Вене в 1979 г. Договором ОСВ-2.

Подписанная СССР и другими государствами в Женеве 18 мая 1977 г. бессрочная Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду направлена не только на предотвращение появления новых видов оружия массового уничтожения, но и на недопущение распространения гонки вооружений на новые сферы.

В первой половине 80-х годов процесс ограничения вооружений и разоружения застопорился. Причина тому — политика правых и консервативных сил в США. Декларируя на словах готовность добиться снижения уровней вооружений, американская администрация на деле выступила против достижения договоренностей по ограничению вооружений, попирая уже достигнутые соглашения, уклоняясь от решения вопросов по существу.

Однако такой курс администрации Рейгана встречает активное

сопротивление со стороны самых разнообразных по своему социальному и политическому составу сил, в том числе в самих США. Последовательная, конструктивная и гибкая политика Советского Союза и его союзников, воздействие различных общественных и политических сил в капиталистических странах привели к тому, что администрация США оказалась вынужденной пойти на новые комплексные переговоры с СССР, начавшиеся 12 марта 1985 г.

Крупным политическим событием международной жизни стала встреча Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с президентом США Р. Рейганом в Женеве 19—21 ноября 1985 г. Она положила начало диалогу с целью добиться перемен к лучшему в советско-американских отношениях, определяющей сферой которых является безопасность, а ее ядром — проблема предотвращения милитаризации космоса и сокращения ядерных вооружений в их органической связи.

Широчайший резонанс на всей планете вызвало Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева от 15 января 1986 г., в котором сформулирована советская программа безопасности через разоружение. Главное в этой программе — предложения о полной ликвидации ядерного оружия во всем мире. Действуя поэтапно и последовательно, можно было бы осуществить и завершить процесс освобождения Земли от ядерного оружия до начала следующего столетия. Мир без ядерного оружия отнюдь не призван стать каким-либо подобием неустойчивой системы международных отношений, существовавшей до наступления ядерного века. Международная система, в первую очередь характер военной-политических отношений в ней, должна быть перестроена таким образом, чтобы стратегическая стабильность была максимальной, чтобы ни одна из сторон не обладала возможностью для нападения с использованием обычных сил и средств, для проведения широкомасштабных наступательных операций, нанесения «глубоких ударов» и т. п. Именно на это ориентирован выдвинутый XXVII съездом КПСС принцип доведения военных потенциалов сторон до уровней разумной достаточности.

В соответствии с этим строится и советская военная доктрина. Ее направленность однозначно оборонительная. В военной сфере СССР и впредь намерен поступать так, чтобы ни у кого не возникало оснований для страхов, пусть даже воображаемых, за свою безопасность.

Политическая воля советского народа, его стремление к миру с новой силой прозвучали с трибуны XXVII съезда КПСС. Развитие событий после съезда убедительно подтверждает, что советская программа всеобъемлющей безопасности через разоружение — это платформа практических действий, краеугольным камнем которой является единство слова и дела.

В ходе советско-американской встречи на высшем уровне в Рейкьявике 11—12 октября 1986 г. Советский Союз положил на стол переговоров целостный пакет крупных предложений по ядерному разоружению, основанный на объявленной 15 января 1986 г. советской программе ликвидации ядерного оружия.

Первое предложение в рамках этого пакета относилось к стратегическим наступательным вооружениям. Советская сторона предложила вдвое сократить все без исключения вооружения данного класса, имеющиеся у Советского Союза и США, в течение пяти лет, а затем в последующий период аналогичной длительности полностью ликвидировать стратегические вооружения обеих сторон.

Второе советское предложение касалось ракет средней дальности. Советской стороной было предложено полностью ликвидировать советские и американские ракеты средней дальности в Европе и незамедлительно приступить к переговорам по ракетам с дальностью меньше тысячи километров, число которых было предложено сразу же заморозить.

Третий вопрос, входивший составной частью в пакет советских предложений, связан с бессрочным советско-американским Договором об ограничении систем ПРО и запрещением ядерных испытаний. Советская сторона предложила упрочить режим этого договора и начать полномасштабные переговоры о полном запрещении ядерных испытаний.

Выдвигая такой пакет предложений, советское руководство исходило из того, что при радикальном сокращении ядерных потенциалов сторонам логично и необходимо исключить любую возможность создания оружия нового типа, обеспечивающего в той или иной мере военное превосходство (или даже создающего иллюзию такового), нарушающего стратегическую стабильность.

В результате острых споров произошло сближение позиций сторон по двум из трех направлений. Логика переговоров на высшем уровне привела стороны к определению конкретных сроков ликвидации стратегических наступательных вооружений. Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев и президент США Р. Рейган пришли к согласию, что такие вооружения Советского Союза и Соединенных Штатов могут и должны быть полностью ликвидированы к 1996 г.

Была достигнута договоренность и о полной ликвидации американских и советских ракет средней дальности в Европе, и о радикальном сокращении ракет этого класса в Азии. Как отмечал М. С. Горбачев, Советский Союз придает этим договоренностям между СССР и США принципиальное значение¹. Они показали, что ядерное разоружение возможно.

¹ См.: Советско-американская встреча на высшем уровне, Рейкьявик, 11—12 октября 1986 г. М., 1986, с. 54.

К сожалению, американская сторона сорвала столь крупное соглашение, к которому впервые в советско-американских отношениях удалось подойти так близко. Администрация Рейгана фактически отказалась пойти на укрепление режима Договора по ПРО, от принятия мер по предотвращению гонки вооружений в космосе.

Разъясняя позицию Советского Союза по данному вопросу, М. С. Горбачев подверг развернутому анализу и конкретной критике рейгановскую программу «стратегической оборонной инициативы», приверженность к которой данной администрации не позволила в Рейкьявике достичь беспрецедентного прогресса в решении проблемы ядерного разоружения. Он, в частности, отметил, что вокруг программы СОИ создано множество мифов, чтобы поднять ее авторитет. Один из них тот, что Советский Союз страшно боится этой программы; другой — что именно СОИ привела советскую сторону на встречу на высшем уровне в Женеве, а затем в Рейкьявике; третий — что СОИ — это единственное спасение США от советской угрозы; четвертый — что СОИ обеспечит США большой технологический отрыв от СССР и других стран, и т. д. и т. п. Все, что приписывается СОИ, выглядит весьма сомнительным, и делается это для того, чтобы «в привлекательной упаковке сбыть этот подозрительный и опасный товар»¹. Ясно одно: продолжение программы СОИ втянет мир в новый этап гонки вооружений и дестабилизирует стратегическую обстановку.

В целом советско-американская встреча на высшем уровне в Рейкьявике при всем драматизме хода переговоров и их итогов, может быть, впервые за многие десятилетия так далеко продвинула СССР и США в поисках путей к ядерному разоружению. В итоге этой встречи обе стороны поднялись на более высокую ступень, в том числе в анализе структуры, в определении целей и рамок взаимных договоренностей по ядерному разоружению.

События после Рейкьявика показали, что политические и предпринимательские круги в США и в ряде других капиталистических стран, связанные с милитаризмом, с прибылями от гонки вооружений, явно напуганы, они предпринимают яростные усилия для того, чтобы помешать наметившемуся решению проблем разоружения. Вокруг результатов встречи в Рейкьявике развернулась острая политическая борьба.

Серьезным ударом по структуре фундаментальных договоренностей в области ограничения стратегических вооружений явилось решение администрации Рейгана в ноябре 1986 г. о выходе за пределы, установленные Договором ОСВ-2, суммарного лимита

¹ Советско-американская встреча на высшем уровне, Рейкьявик, 11—12 октября 1986 г., с. 56.

в 1320 единиц для числа носителей ядерного оружия с разделяющимися боеголовками. Имеется в виду дополнительное введение в боевой состав 131-го тяжелого бомбардировщика, оснащенного для крылатых ракет большой дальности без демонтажа в порядке компенсации какого-либо равноценного носителя ядерного оружия. В Заявлении Советского правительства от 1 декабря 1986 г. указывается, что решение Вашингтона нарастить стратегические средства, перечеркнуть Договор ОСВ-2 «чревато серьезными последствиями для международной безопасности»¹.

Учитывая огромную общечеловеческую важность вопроса, необходимость сохранить ограничитель гонки стратегических вооружений, СССР, однако, не считал возможным считать себя свободным от обязательств по соглашению ОСВ-1 и Договору ОСВ-2 и пока воздерживается от выхода из накладываемых этими договоренностями ограничений. Тем самым вновь был продемонстрирован ответственный подход СССР к мировым делам, уверенность Советского Союза в своих силах. Это решение было встречено с одобрением в широких политических и общественных кругах во всем мире. Среди умеренных политических деятелей США и других ведущих капиталистических государств оно было воспринято как дополнительный импульс к тому, чтобы США последовали примеру СССР.

Как справедливо признают многие трезвомыслящие наблюдатели, в том числе в самих США, следуя отжившей формуле доядерного мышления — «чем больше оружия, тем лучше для безопасности страны», Вашингтон неизбежно усложняет себе жизнь. Подлинная безопасность мира, в том числе и Соединенных Штатов, не в маниакальном накопителстве средств уничтожения.

Осознавая высокую ответственность перед миром, Советский Союз выступил с новой крупной инициативой, изложенной в Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева от 28 февраля 1987 г. Советское руководство приняло решение выделить проблему ракет средней дальности из блока вопросов, рассматриваемых на переговорах по ядерным и космическим вооружениям в Женеве, и предложило безотлагательно заключить отдельное соглашение о ликвидации советских и американских ракет этого класса в Европе и о резком их сокращении — до 100 боеголовок у СССР в их азиатской части и у США — на их национальной территории. Как только будет подписано такое соглашение, СССР выведет из ГДР и ЧССР, по согласованию с правительствами этих стран, оперативно-тактические ракеты повышенной дальности, размещенные там в качестве ответных

¹ Правда, 1986, 2 декабря.

мер на развертывание «першингов-2» и крылатых ракет в Западной Европе. Это был бы реальный шаг к полному освобождению Европы от ядерных вооружений.

Другой вопрос, выдвинутый Советским Союзом на авансцену мировой политики, — ядерные испытания.

Введенный Советским Союзом в одностороннем порядке мораторий на ядерные взрывы, будучи действием, а не только предложением, на деле доказал серьезность и искренность советской программы ядерного разоружения, призывов к новой политике — политике реализма, мира и сотрудничества. В то же время мораторий со всей ясностью показал, кто есть кто в мировой политике, где главный источник опасного отставания политического мышления от требований современной эпохи. За время действия советского моратория США провели 22 официально объявленных и 4 необъявленных испытания ядерного оружия. Эти испытания, как правило, приурочивались к очередным заявлениям СССР о продлении моратория или к новым мирным инициативам нашей страны.

В этих условиях Советский Союз не мог до бесконечности проявлять свою сдержанность, ибо такое положение чревато нанесением серьезного ущерба безопасности СССР и его союзников. В Заявлении Советского правительства от 18 декабря 1986 г. определен комплекс мер, которые собирается принять СССР, исходя из складывающейся обстановки. Настало время незамедлительно приступить к полномасштабным переговорам о полном запрещении ядерных испытаний на любом форуме и в любом составе, разумеется с участием США. В процессе таких переговоров можно было бы договариваться и о поэтапном решении этой задачи, имея в виду ратификацию советско-американских договоров 1974 и 1976 гг. и введение промежуточных ограничений на количество и мощность ядерных взрывов.

Цель Советского Союза не просто в том, чтобы привести в движение механизм переговоров о запрещении испытаний ядерного оружия, но и в том, чтобы добиться от него скорейшей практической отдачи.

Хотя СССР был вынужден возобновить в 1987 г. ядерные испытания, он готов в любое время вернуться к мораторию, если США примут решение о прекращении своих ядерных испытаний.

Социалистические страны — союзники по Варшавскому Договору — предложили программу конкретных мер по сокращению вооруженных сил и обычных вооружений в Европе от Атлантики до Урала, по повышению стратегической стабильности в отношениях Организации Варшавского Договора и НАТО. И в этой области с предельной конкретностью обозначена решимость добиться

реального продвижения к более низким и менее опасным уровням военного противостояния.

Новые предложения внесены Советским Союзом с целью ликвидации такого варварского средства массового уничтожения, как химическое оружие. По мнению объективных наблюдателей, они позволяют в самые короткие сроки — до одного года — подписать конвенцию о запрещении химического оружия и ликвидации его запасов, а также промышленной базы его производства при самом строгом и надежном контроле.

На Стокгольмской конференции (17 января 1984 г. — 9 сентября 1986 г.) социалистические страны конструктивно сотрудничали с другими ее участниками, много сделали для нахождения развязок по таким ключевым вопросам, как неприменение силы, уведомление о военных учениях и передвижении войск, обмен ежегодными планами военной деятельности, приглашение наблюдателей и т. п. В первую очередь благодаря усилиям социалистических стран Стокгольмская конференция стала важным этапом на пути общеевропейского процесса, еще одним подтверждением, что при наличии доброй воли и конструктивного сотрудничества могут быть найдены решения комплексных, сложных, ответственных вопросов.

Договоренности по мерам доверия, содержащиеся в итоговом документе Стокгольмской конференции, ведут к снижению опасности внезапного нападения, повышают определенность и устойчивость военно-политической обстановки.

Реализация мер доверия, принятых на Стокгольмской конференции, будет способствовать повышению устойчивости военно-стратегического равновесия в отношениях Организации Варшавского Договора и НАТО, в том числе СССР и США, на уровне сил общего назначения и обычных вооружений. Ввиду существующей взаимосвязи между ядерными и обычными вооружениями это вносит свой вклад и в повышение стабильности на уровне стратегических ядерных сил. Так что в целом меры доверия, принятые на Стокгольмской конференции, ведут к снижению опасности возникновения войны — как ядерной, так и обычной.

Важное место в международном развитии принадлежит Азиатско-Тихоокеанскому региону. Программа включения этого региона в общий процесс создания всеобъемлющей системы международной безопасности изложена в речи Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева во Владивостоке 28 июля 1986 г.

Выступая против распространения и наращивания ядерного оружия в Азии и на Тихом океане, СССР обязался не увеличивать в азиатской части страны ядерные ракеты средней дальности.

СССР поддерживает объявление южной части Тихого океана безъядерной зоной и призывает все ядерные державы в одностороннем или многостороннем порядке гарантировать ее статус.

Серьезным вкладом в дело международной безопасности была бы реализация предложения КНДР о создании безъядерной зоны на Корейском полуострове. Заслуженное внимание привлекла к себе идея создания такой зоны в Юго-Восточной Азии.

Советский Союз предлагает начать переговоры о сокращении активности на Тихом океане военных флотов, в первую очередь кораблей, оснащенных ядерным оружием. Укреплению стабильности помогло бы ограничение соперничества в сфере противолодочного оружия, в частности договоренность о том, чтобы воздерживаться от противолодочной деятельности в определенных зонах Тихого океана. Ограничение соперничества в области противолодочной борьбы в этом, а также в других районах Мирового океана могло бы стать важной мерой, укрепляющей стратегическую стабильность.

Принятие обеими сторонами мер по ограничению и сокращению противолодочной активности, как это предлагает Советский Союз, было бы особенно важным в условиях радикального сокращения стратегических ядерных вооружений сторон, включающего в себя и значительное уменьшение численности подводных лодок с баллистическими ракетами, оснащенными ядерными боеголовками (ПЛАРБ). Отсутствие ограничений на противолодочную деятельность сторон в условиях сокращения численности ПЛАРБ может значительно усилить опасения относительно выживаемости стратегических подводных лодок, тем самым снижая устойчивость военно-стратегического равновесия.

СССР придает большое значение радикальному сокращению вооруженных сил и обычных вооружений в Азии до пределов разумной достаточности. Для начала Советский Союз готов обсудить с КНР конкретные шаги, направленные на соразмерное снижение уровня сухопутных сил.

Наша страна считает, что давно пришло время перевести в практическую плоскость обсуждение мер доверия и неприменения силы в регионе. Начать можно с более простых, например с мер по безопасности морских коммуникаций в Тихом океане, а также по предотвращению международного терроризма.

Выступая за укрепление военно-политической стабильности в районе Индийского океана, Советский Союз выдвинул комплекс предложений, которые были изложены в речи Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева перед парламентариями Индии 27 ноября 1986 г. СССР выразил готовность начать в любое время с США и другими неприбрежными государствами, имеющими в Индийском океане боевые корабли на постоянной основе, переговоры о существенном сокращении здесь численности и деятельности военно-морских сил.

Наша страна предлагает провести переговоры с США и заин-

тересованными азиатскими странами о мерах доверия в военной области применительно к Азии и прилегающим акваториям Индийского и Тихого океанов. В частности, имеется в виду уведомление о перебросках и маневрах сухопутных (амфибийных), военно-морских и военно-воздушных сил этих стран.

Советский Союз готов участвовать в многосторонних переговорах всех государств, пользующихся водами Индийского океана, с целью выработки гарантий безопасности морских коммуникаций, включая Персидский залив, Ормузский и Малаккский проливы, а также гарантий суверенитета прибрежных стран над их природными ресурсами; в выработке многостороннего соглашения о безопасности воздушных коммуникаций над Индийским океаном. Наша страна готова также принять участие в разработке и стать участником международной конвенции о борьбе с терроризмом на морских и воздушных коммуникациях.

Советский Союз проявил инициативу по развитию сотрудничества со всеми заинтересованными государствами в том, что касается создания международного режима безопасного развития ядерной энергетики. Эти предложения дополнили советскую стратегию обеспечения ядерной безопасности, стержневым звеном которой является концепция безъядерного мира.

Неотъемлемыми новыми элементами советской программы достижения безопасного мира через разоружение являются две сопутствующие меры. Одна из них — *всеобъемлющая строжайшая проверка, составляющая важнейший компонент процесса разоружения*. При этом материализуется требование нового политического мышления о том, что разоружение без контроля невозможно, но и контроль без разоружения не имеет смысла.

Другая мера, которая должна сопутствовать всем шагам по действительному разоружению, — *высвобождение средств на мирные созидательные нужды, в том числе на оказание помощи развивающимся странам в целях преодоления стоящих перед ними проблем*. Военным программам в ядерной, космической и химической областях Советский Союз противопоставляет мирные.

Важно подчеркнуть, что действия Советского Союза, его линия в вопросах разоружения получили, по существу, признание и поддержку в решениях Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран, состоявшейся в сентябре 1986 г. в Хараре, в заявлениях «делийской шестерки» — постоянно действующего форума руководителей стран четырех континентов — Аргентины, Греции, Индии, Мексики, Танзании, Швеции. Значительно возросла активность миролюбивых сил. Усилились требования достичь практических результатов на переговорах со стороны политических, в том числе официальных кругов в развитых капиталистических государствах, озабоченных серьезностью обстановки.

**Строительство
безопасного мира —
дело всех стран
и народов**

Возведение здания всеобъемлющей системы международной безопасности не удел избранных. В создании и функционировании системы безопасности должны участвовать

не только крупные в военном отношении страны, но и все государства. Каждое государство в отдельности несет свою долю ответственности. От каждого требуется цивилизованное поведение, вклад в общие усилия.

Возрастает значение ООН как регулирующего механизма системы безопасности. Организация Объединенных Наций уже немало сделала для формирования и мышления, и образа действий, соответствующих ядерно-космической эре, для преодоления крайне опасных представлений о допустимости войн и вооруженных конфликтов. Декларации об укреплении международной безопасности и другие декларации и резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, решения ее первой и второй специальных сессий по разоружению, подготовленные ООН исследования по различным аспектам международной безопасности, наряду с конструктивными предложениями неприсоединившихся государств, Делийской декларацией и другими предложениями шести государств четырех континентов, а также «комиссии Пальме» играли и продолжают играть положительную роль в борьбе за смягчение напряженности и оздоровление международных отношений. Вместе с тем нынешняя международная обстановка требует новых энергичных усилий государств и народов, принятия конкретных мер во всех сферах международных отношений для построения действительно позитивного мира, покоящегося не просто на отсутствии войн, но и на надежной, всеобъемлющей системе международной безопасности.

ООН призвана не только сыграть роль в формировании такой системы безопасного, безъядерного мира, но и стать ее важнейшим гарантом.

Для Советского Союза создание всеобъемлющей системы международной безопасности, как это определено XXVII съездом КПСС, — конкретизация выдвинутой Лениным в первые дни Советской власти идеи справедливого и демократического мира применительно к ядерно-космическим условиям наших дней.

Анализ политической философии и конкретного содержания концепции всеобъемлющей безопасности неопровержимо свидетельствует о том, что она имеет свои истоки в ленинских основах внешней политики Советского государства. Выдвижение этой концепции продолжает ленинскую традицию обращения советского государства к общественному мнению, правительствам всего мира с крупномасштабными предложениями принципиального характера, указывающими реальную альтернативу гибельному курсу, на который толкают международное сообщество агрессивные импе-

риалистические круги. Ленинский Декрет о мире наметил реальные пути выхода из империалистической войны, прекращения бессмысленного кровопролития, создания справедливого демократического мира. Пронизывающая все содержание этого документа идея мирного сосуществования, неизменно отстаивавшаяся Советским Союзом на протяжении всей его истории, теперь получает новый импульс, обретает еще более динамичные, конкретные и насыщенные формы применительно к современному этапу международного развития с прицелом на обозримую перспективу. Руководствуясь сформулированными в докладе М. С. Горбачева на XXVII съезде КПСС Основами всеобъемлющей системы международной безопасности, можно добиться, чтобы мирное сосуществование стало высшим универсальным принципом межгосударственных отношений.

Складывается новая теория международных отношений, теория международной безопасности в условиях целостного взаимосвязанного мира. Новая философия безопасности — это не только достижения теоретической мысли. Они неразрывно связаны с политической практикой, целиком ориентированы на конкретные действия. Иными словами, речь идет не о «чистой теории», а о том, чтобы новое политическое мышление служило руководством для принятия конкретных решений, преодоления накопившихся в международных отношениях проблем, выхода из тупиков, в которые загнала их империалистическая политика силы, в конечном счете для коренной перестройки международных отношений, стиля и поведения государств в соответствии с целями создания безопасного, надежного и справедливого мира. Концепцию всеобъемлющей безопасности для всех роднит с ленинским стилем ведения международных дел политическая трезвость, взвешенный, реалистический подход. Как отмечал Г. В. Чичерин, «политический реализм, опирающийся на определенные фундаментальные принципы, вытекающие из самой нашей оценки положения вещей, — вот наша политика, которую завещал нам Ленин и осуществление которой мы будем продолжать»¹. Именно политический реализм позволил Советскому Союзу добиться многих положительных результатов на путях разрядки международной напряженности, которая доказала, что самые сложные вопросы безопасности, в том числе в военной области, поддаются решению в современном мире, что элементы ответственности могут играть существенную роль в действиях дальновидных государственных деятелей Запада.

Добиваясь в настоящее время возрождения процесса разрядки, Советский Союз отнюдь не ставит вопрос просто о возврате к тому,

¹ Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, с. 287.

что было достигнуто в предыдущем десятилетии. Концепция всеобъемлющей безопасности нацеливает на гораздо большее. Она рассматривает разрядку как необходимый, но всего лишь переходный этап в процессе коренной перестройки международных отношений на качественно новых началах, обеспечивающих гарантированную безопасность для каждого государства в отдельности и всех вместе.

Вопрос о создании всеобъемлющей системы международной безопасности был вынесен Советским Союзом и группой социалистических стран в 1986 г. на рассмотрение 41-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. По их мнению, ООН должна выработать фундаментальный документ, который раскрывал бы основные принципы создания всеобъемлющей системы международной безопасности и служил бы ориентиром в практической деятельности Организации по обеспечению этой системы материальными, политико-правовыми и морально-психологическими гарантиями.

Эта инициатива знаменовала новый уровень сотрудничества стран социализма, впервые совместно выступивших в ООН с предложением такой важности. Она вновь подчеркнула, что именно содружество социалистических государств обладает наибольшим динамизмом и новаторством в мировой политике, выступает генератором нового политического мышления и соответствующей ему международной практики. В ООН братские страны действовали сплоченно и слаженно, делом доказывая свою готовность сотрудничать со всеми другими государствами в интересах всеобъемлющей безопасности для всех.

Предложение социалистических стран стало исходной точкой и определило основные направления развернувшейся на 41-й сессии Генеральной Ассамблеи широкой дискуссии, проходившей под знаком поиска путей к безопасному миру.

Какой бы вопрос политической, экономической или гуманитарной сферы международной жизни ни затрагивался на форуме ООН в 1986 г., он неизменно рассматривался не только сам по себе, но как часть решения общей задачи обеспечения более безопасного мира. Активно проходило и обсуждение на сессии совместного предложения социалистических стран. В ходе дискуссии по нему в Первом (политическом) комитете Ассамблеи приняло участие более 60 представителей государств всех континентов, самых различных политических ориентаций и уровней развития.

В ходе обмена мнениями выявилась глубокая заинтересованность большинства стран в коллективном поиске маршрутов на карте дорог к безопасности для всех. Расчет социалистических стран — инициаторов постановки этого вопроса на то, чтобы вызвать в ООН демократическую дискуссию по существу пробле-

мы безопасности, мобилизовать на поиски ее решения коллективный разум членов мирового сообщества, полностью себя оправдал уже на 41-й сессии Генеральной Ассамблеи.

В кругах ООН обратили внимание на искреннее стремление социалистических стран обеспечить как можно более широкое участие всех государств в дискуссии, гласность и открытость при постановке и обсуждении проблем. На деле была продемонстрирована и готовность учесть конкретные соображения других участников дискуссии, руководствуясь единственным критерием расширения взаимопонимания и упрочения безопасности. Так, социалистические страны уже в начале сессии дали согласие на то, чтобы добавить в название их инициативы слово «мир», как это было предложено делегацией Великобритании. Возможно, конечно, что кое-кто из британских дипломатов рассчитывал самым фактом поправки поставить соавторов инициативы в затруднительное положение. Но такого рода расчет мог строиться только без учета нового мышления, которое предполагает не конфронтацию, а взаимодействие. Включение слова «мир» только еще полнее раскрывает миролюбивую суть инициативы социалистических стран — создание всеобъемлющей системы международного мира и безопасности.

Новую, свежую струю внесла совместная инициатива социалистических стран и в форму проведения дискуссии в ООН. Под ее воздействием заметно отодвинулась на задний план конфронтационная риторика, уступив место деловому обсуждению непростых вопросов современной мировой политики.

Все это расценено в кругах ООН как еще одно наглядное проявление нового стиля ведения международных дел, единства слова и дела при осуществлении политики, отвечающей новому политическому мышлению.

В фокусе внимания оказалась суть предлагаемой социалистическими странами системы всеобъемлющей безопасности — устранить не только насилие, но и его угрозу из всех без исключения сфер отношений между государствами. В нынешних условиях, отмечалось в письме министров иностранных дел БССР, НРБ, ВНР, ГДР, МНР, ПНР, СРР, СССР, УССР генеральному секретарю ООН с просьбой рассмотреть на сессии Генеральной Ассамблеи их совместное предложение, ни одно государство, каким бы могущественным оно ни было, не может рассчитывать защитить себя только военно-техническими средствами. Нужно проникнуться сознанием того, что надежная безопасность всех стран и народов, мирные условия их развития и прогресс могут быть обеспечены только политическими средствами, совместными усилиями всех государств — больших и малых, развитых и развивающихся, независимо от их политического и социального строя.

Это принципиальное положение звучало лейтмотивом на протяжении всей работы Генеральной Ассамблеи.

Как новая и важная особенность предложенного социалистическими странами подхода воспринята выдвинутая ими идея о том, что проблема безопасности не сводится только к военной сфере. По существу, в одобренном ООН решении прямо признается, что задача носит всеобъемлющий характер — затрагивает взаимосвязанные области разоружения и урегулирования кризисов и конфликтов, экономического развития и сотрудничества, поощрения и защиты прав человека и основных свобод. По предложению социалистических стран ООН ясно и решительно призвала государства сосредоточить усилия на обеспечении безопасности на равной основе для всех государств и во всех сферах международных отношений.

Тем самым выбита почва из-под утверждений противников разоружения на Западе о том, что СССР и его союзники пытаются якобы навязать концепцию ликвидации ядерного и другого оружия, игнорируя при этом сложность и взаимосвязанность всех других проблем современного мира. Ассамблея, по существу, поддержала точку зрения, согласно которой усилия по достижению безопасности должны предприниматься сразу по всем направлениям, а не блокироваться бесплодными спорами о том, что раньше — разоружение или доверие.

Каждый шаг в направлении создания всеобъемлющей системы безопасности и безъядерного мира подводил бы к устранению аморального равновесия ядерного страха, навязанного и цинично восхваляемого сейчас милитаристами в США и НАТО в качестве чуть ли не единственного фактора сдерживания войны. В новой системе безопасности не осталось бы места для подготовки «звездных войн» и политики неоглобализма. Возрастет значение широких общественных сил, многомиллионных масс.

Вполне понятно поэтому, что инициатива социалистических стран встретила заинтересованную поддержку большинства неприсоединившихся государств, приветствовавших ее направленность на демократизацию международных отношений.

Вместе с тем вновь выявился и дефицит нового политического мышления со стороны целого ряда правительств влиятельных стран капиталистического мира, и прежде всего администрации США.

Несмотря на очевидный факт, что совместная инициатива социалистических стран не направлена против какого-либо государства или группы государств, имеет своей задачей свободное выражение и сопоставление взглядов с целью выявления и расширения областей согласия в общих интересах, делегации США и некоторых союзных им государств встретили в штыки это предложение. Отчетливо видна была при этом привычная «логика»

конфронтации, согласно которой плохо все, что бы ни исходило от «другого лагеря».

Для оправдания этой позиции ими был вытасчен тезис, будто предлагаемая всеобъемлющая система подрывала бы Устав ООН как основополагающий документ, на котором зиждется нынешняя структура международных отношений. Но за этим нетрудно разглядеть лишь слепой страх перемен. Так, западные государства, обладающие ядерным оружием, почти не скрывая, опасаются за свой статус великих держав в случае, если им пришлось бы отказаться от такого оружия. Это одно из объяснений того, что Франция вместе с США подала голос против совместной инициативы социалистических государств, а Великобритания, хотя и воздержалась при голосовании, буквально до последнего момента заявляла о своих возражениях.

Контрастом этому недалёковидному и своекорыстному подходу, по оценке наблюдателей, стала поддержка решения ООН о всеобъемлющей системе международного мира и безопасности еще одной великой державой, обладающей ядерным оружием, — социалистическим Китаем.

Если же говорить об Уставе ООН, то, как это и отражено в резолюции Генеральной Ассамблеи, всеобъемлющая система безопасности означает прежде всего осуществление практических мер, идущих в русле целей и принципов ООН. Ведь реализовать сегодня благородные задачи, поставленные в Уставе ООН, в важных решениях этой Организации, — это и значит устранить ядерную угрозу, исключить силу и диктат из отношений государств, не на словах, а на деле добиваться повсеместного уважения прав человека.

Главная цель, провозглашенная при создании ООН, — «избавить грядущие поколения от бедствий войны» — полностью совпадает с направленностью усилий по созданию всеобъемлющей системы международной безопасности.

В предложении социалистических стран впервые в комплексной и обобщенной форме перед государствами выдвинута историческая задача — возвыситься над разногласиями и узкими интересами, начать действовать в качестве партнеров в защите и развитии цивилизации. Для этого требуется поистине революционная перестройка политического сознания, решительный разрыв со стереотипными категориями, выражающими враждебность в отношении других стран и народов. Необходима выработка общеприемлемого политического языка, на котором можно было бы договариваться эффективно по самым сложным вопросам и который раз и навсегда заменил бы язык пушек.

Первым важным вкладом в это большое и сложное дело и стал тот широкий политический диалог по вопросам создания всеобъем-

лющей системы международного мира и безопасности, который по инициативе социалистических стран состоялся на сессии ООН. Понятно, однако, что задачи такого масштаба и значения не решить одним махом, на одном форуме, усилиями одной или двух групп государств. Требуется настойчивая, кропотливая и целеустремленная работа. Не приходится рассчитывать на легкий успех в чрезвычайно сложных областях, связанных с перестройкой политического мышления и психологии, сложившихся представлений о силе как основе безопасности. Но поиску точек соприкосновения и сближения позиций всех государств, преодолению предубеждений и стереотипов просто нет разумной альтернативы.

Полная же реализация предложений о всеобъемлющей безопасности позволила бы добиться того, чтобы все страны во всех районах мира вне зависимости от того, являются ли они социалистическими или капиталистическими, развитыми или развивающимися, большими или малыми, перестали бы чувствовать себя в опасности. Угроза их безопасности попросту перестала бы существовать. И «равновесие страха» уступило бы место единственно гуманному равновесию — равновесию разума, доверия и доброй воли.

Социалистические страны выдвигают, таким образом, манифест нового политического мышления. Его цель — поднять нашу цивилизацию на качественно новую ступень своего развития. Метод ее достижения — создавать лучшее будущее усилиями всех и в интересах всех. Разумеется, новое мышление — это не одноразовая корректировка позиции, а *методология ведения международных дел*. Именно поэтому социалистические страны не считают предлагаемые ими основы безопасности чем-то застывшим и неизменным. Новое политическое мышление несовместимо с канонами и мифотворчеством. А непогрешимость любой, пусть даже самой полной и совершенной схемы — это миф. Предложение социалистических стран — это ориентир в сложном лабиринте мировых дел, пользование которым предполагает реалистическую оценку дел в каждом конкретном случае.

Примером нового политического мышления и образа действий государств с различным общественно-политическим строем является сотрудничество СССР и Индии, новый импульс которому дал визит Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева в Индию 25—28 ноября 1986 г.

Руководители двух государств, преисполненные решимости содействовать утверждению понимания мира как высшей общечеловеческой ценности, подписали неординарный документ — Делийскую декларацию о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира. Генеральный секретарь ЦК КПСС и премьер-министр Индии, выражая волю более миллиарда человек, обратились в ней ко всем государствам земного шара с при-

званием сделать все необходимое в интересах ядерного разоружения, мира без войн и насилия.

В Делийской декларации сформулированы принципы мира качественно нового свойства и гарантированной прочности — мира, свободного от насилия в ядерном и любом другом виде. Это не умозрительная схема, а платформа конкретных действий всех государств, проникнутая заботой о будущем человечества, каждой конкретной личности, для которых приоритетное значение имеют общепланетарные ценности.

Делийская декларация выходит на уровень международной законности, признания высшей ценности человеческой жизни, создания гарантированного развития личности, обращения материального и интеллектуального потенциала на службу решения глобальных проблем. Стратегической триаде ядерных вооружений она противопоставляет триаду разума: человек — человечность — человечество.

Декларация призывает к полному уничтожению ядерных арсеналов до конца текущего столетия, недопущению милитаризации космоса, полному запрещению испытаний ядерного оружия, запрещению химического оружия и уничтожению его запасов, к снижению уровней обычных вооружений и вооруженных сил. Пока же ядерное оружие не ликвидировано, Советский Союз и Индия предлагают незамедлительно заключить международную конвенцию, запрещающую применение или угрозу применения ядерного оружия, что явилось бы крупным конкретным шагом на пути к полному ядерному разоружению.

Факты свидетельствуют: две великие державы не только декларируют принципы безъядерного мира, свободного от насилия, но уже осуществляют их в конкретной практике международных отношений. Провозглашенная 15 января 1986 г. советская программа поэтапной ликвидации до конца века всех ядерных вооружений и других средств массового уничтожения, концепция создания всеобъемлющей системы международного мира и безопасности, комплекс других мирных инициатив — все это созвучно линии «делийской шестерки», вере Индии в силу здравого смысла, в возможность обеспечить мир и прогресс для нынешнего и будущих поколений.

Подкрепленная авторитетом высших политических руководителей двух великих государств, Делийская декларация повсеместно воспринимается как прообраз будущего безопасного, безъядерного мира, покоящегося на прочной системе всеобъемлющей, равной для всех безопасности.

Разумеется, ни в коей мере нельзя преуменьшать опасность, исходящую от милитаризма. Но столь же ошибочно недооценивать существующий на нашей планете потенциал разума и здраво-

го смысла, на основе которого в международных отношениях формируется мощная коалиция мира, не знающая ни географических, ни идеологических границ. Это говорит о том, что новая концепция безопасности может и должна быть введена в ткань международной жизни, стать созидательной преобразующей материальной силой. Новый век разума должен прийти на смену конфронтации и отчужденности, и на этот раз, в отличие от прошлого, он должен стать достоянием всей нашей планеты. В этом — категорический императив ядерно-космической эры, взаимозависимого мира, в котором живет человечество.

**Противоречивый,
но взаимосвязанный
мир**

Отличительной особенностью нашего времени является, с одной стороны, предельно обостренное проявление тенденций и противоречий *социального раскола* мира на противоборствующие системы: отживающий капитализм и находящийся в процессе становления, развивающийся социализм, а с другой — нарастание тенденции к *взаимозависимости, целостности, единству* рода человеческого. Прогресс человечества как целого коренится в самом фундаменте современной цивилизации. Он связан с некоторыми универсальными, глобальными закономерностями развития производства, коммуникаций, науки и техники, средств информации.

Реальная диалектика современной цивилизации — через борьбу противоречивостей к формированию противоречивого, но взаимосвязанного, во многом целостного мира — глубоко проанализирована в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии. Результаты этого анализа оформились в *фундаментальную научную концепцию*, на основе которой строятся как новые мировоззренческие принципы, новое видение мира и новое политическое мышление, так и конкретные внешнеполитические акции, включающие стратегию ядерного разоружения, совместное решение общечеловеческих проблем глобального характера и масштаба, в том числе комплекс взаимодействий, относящихся к среде обитания человека, и т. п.

Поэтому сегодня возникает беспрецедентная ситуация — перспективы и исторические преимущества той или иной мировой общественной системы не только в сфере экономики, но и в экологической, а также культурной области, в мировоззрении и нравственности, в ценностно-гуманистических аспектах определяются во многом ее способностью или неспособностью *решать общечеловеческие, глобальные проблемы цивилизации*. Система ценностей капитализма, его концепции гуманизма, как показывает исторический опыт, уже не только не являются универсальными, но и оказываются тормозом для решения общечеловеческих проб-

лем. Это порождает многочисленные общедемократические движения в капиталистических странах, имеющие *альтернативный* по отношению к капитализму характер.

Напротив, все более утверждающаяся и развивающаяся система социализма несет с собой новые гуманистические ценности, в центре которых неизменно стоит человек, его интересы и заботы, общественный прогресс во имя всестороннего развития личности. И это реальная возможность, открытая всему человечеству, пример, устремленный в будущее. Гуманизм социализма оказывается поэтому общечеловеческим идеалом, тогда как капитализм выполняет деструктивную функцию как в отношении общественной жизни, так и в отношении к природе, разрушая ее, делая непригодной для существования человека. Миссия социализма — остановить этот деструктивный процесс и направить его в созидательную, жизнеутверждающую сторону. Однако он *еще не может* сделать это сам по себе как в силу ограниченности материальных ресурсов, так и в силу глобальности проблем, подлежащих решению. Поэтому мирное сосуществование и международное сотрудничество государств с различным общественным строем оказываются проявлением реального гуманизма в сегодняшнем противоречивом, но и взаимозависимом мире.

Перед лицом глобальных проблем

Чтобы отчетливее представить масштабы и характер новых проблем, с которыми столкнулось человечество, обратимся к некоторым цифрам и фактам. Они показывают не только тяжесть этих общечеловеческих проблем, но и вину капитализма перед современной цивилизацией, так как именно он породил и продолжает углублять кризисность этих проблем.

Проблемы войны и мира. Известно, что за период после второй мировой войны общие прямые расходы на гонку вооружений превысили 6 трлн. долларов. Ежегодные военные расходы составляют около триллиона долларов. Если учитывать современные темпы наращивания гонки вооружений, то общие расходы на военные цели в мире будут удваиваться по крайней мере каждые 15 лет.

Сумм, которые тратятся в мире на вооружение, хватило бы на обеспечение всех развивающихся стран необходимыми продуктами питания и медицинской помощью. Если каждый день в мире на вооружение расходуется более 2 млрд. дол., то бюджет Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в середине 80-х годов составлял: на борьбу с малярией — 29 млн. дол., на решение проблем водоснабжения и санитарии — 45 млн. дол.

Военная промышленность империалистических стран ежегодно использует такое количество дефицитных природных материалов,

которое могло бы удовлетворить текущие потребности всех развивающихся стран.

Гонка вооружений «съедает» значительную часть мировых природных и человеческих ресурсов, которые могли бы быть направлены на благо мирового сообщества, на решение таких глобальных проблем, как обеспечение продовольствием, развитие новых энергетических источников, искоренение болезней, сохранение природной среды и др.

Энергетика и экология. Экономический рост, определяющий уровни и структуру энергопотребления, привел к тому, что производство всех видов первичной энергии значительно возрастает. По прогнозам, к 2000 г. мировое энергопотребление составит величину порядка 20 млрд. т условного топлива, к 2025 г. оно возрастет до 30—38 млрд. т и стабилизируется к концу XXI в. на уровне примерно 80 млрд. т условного топлива. Характерной тенденцией развития мировой энергетики является снижение доли органического топлива и соответственно рост практически неисчерпаемых энергетических ресурсов.

Возобновляемые ресурсы (гидроэнергия, солнечная энергия и т. п.), по оценкам специалистов, смогут обеспечить не более $\frac{1}{5}$ мирового потребления энергии. Преобладающая его часть будет обеспечиваться ядерной энергией. Предполагается, что к 2000 г. в мировой структуре топливного баланса доля ядерного топлива может составить 45, а к 2020 г. — 60%.

В предстоящей перспективе быстрыми темпами будет расти потребление энергии в развивающихся странах. К 2000 г. около $\frac{1}{3}$ мировой потребности в энергии будет приходиться на эту группу стран; к 2025 г. этот показатель может составить 50%.

Развитие современной энергетики связано со значительными и многосторонними воздействиями на окружающую среду как локального, так и глобального масштаба. Строительство крупных ГЭС нарушает гидрологический режим, ведет к изъятию из хозяйственного пользования обширных земельных массивов. Остро стоит проблема экологической безопасности, ликвидации радиоактивных отходов АЭС; эксплуатация крупных ТЭС связана со значительными выбросами в окружающую среду твердых, жидких и газообразных загрязнителей и др. Глобальное воздействие энергетики на окружающую среду связывается с влиянием на климат планеты.

Ресурсы и среда. По данным мировой статистики, из всего количества минерального сырья, извлеченного из недр земного шара с начала XX в. и до 80-х годов, свыше 40% добытого угля, почти 55% железной руды, 73% добычи нефти и свыше 78% природного газа приходится всего на 20 лет (1961—1980 гг.). Аналогичная тенденция характерна и для других полезных ископаемых.

Если предположить, что достигнутый к началу 80-х годов уровень добычи важнейших видов минерального сырья до 2000 г. останется неизменным, то при таком допущении суммарная мировая добыча за период с 1981 по 2000 г. составила бы: угля — около 74 млрд. т, нефти — 58 млрд. т, газа — 30 трлн. м³, железной руды — 18 млрд. т. Очевидно, что уровень мировой добычи сырья не может оставаться неизменным, он будет увеличиваться. Исходя из выполненных в различных странах расчетов и прогнозов, суммарная мировая добыча сырья за последний двадцатилетний период XX в. примерно в 1,2—2 раза превысит добычу за предшествующее десятилетие (1960—1980 гг.), а добыча природного газа, бокситов, никеля, молибдена, других полезных ископаемых превзойдет суммарную добычу их из недр за период с 1901 по 1980 г.

Сложившаяся ситуация ставит, с одной стороны, вопрос о потенциальных возможностях ресурсного обеспечения человечества, об исчерпании резервов плодородных почв, истощении источников пресной питьевой воды, сокращении других природных ресурсов, а также о деградации естественных экосистем, связанных с расширением давления на них в процессе человеческой производственной деятельности, а с другой стороны, вопрос об уровне развития науки и техники, о социально-экономическом прогрессе, обеспечивающих рост добычи сырья и других полезных ископаемых.

По оценкам экономистов, в последние десятилетия XX в. государства планеты должны выделять на природоохранные мероприятия 3—5% валового национального продукта, или не менее 150 млрд. дол. в год. Только в США, по официальным данным, чтобы не допустить дальнейшего ухудшения качества окружающей среды, в 80-е годы необходимо расходовать не менее 75 млрд. дол. ежегодно. Между тем огромные материальные ресурсы человечества отвлекаются по вине империалистического военно-промышленного комплекса на гонку вооружений. В США они превышают 300 млрд. дол. в год.

Продовольственная проблема и биосфера. Обеспечение продовольствием постоянно растущего населения планеты представляет одну из важнейших глобальных проблем. В последнее время в ряде регионов земного шара эта проблема необычайно обострилась. Голод во многих развивающихся странах в 80-е годы обусловлен не природными процессами, а социально-политическими факторами, являясь концентрированным итогом развития в условиях длительной колониальной и неоколониальной эксплуатации.

По существующим оценкам, $\frac{2}{3}$ мирового населения проживает в странах, где наблюдается постоянная нехватка продуктов питания. При этом ожидается, что к 2000 г. на одного жителя Земли будет приходиться лишь около 0,2 га обрабатываемых земель (для сравнения: в 1950 г. эта цифра составляла 0,5 га).

Рост мировых запасов продовольствия обеспечивается, с одной стороны, расширением обрабатываемой площади, а с другой — увеличением производства продукции на существующей площади. Примерно до 50-х годов основным путем увеличения производства сельскохозяйственной продукции являлось расширение площади пашни. В последующий период все более существенное внимание уделялось росту урожайности. К середине 80-х годов 90% ежегодного прироста мирового производства продовольствия обеспечивалось за счет интенсификации земледелия. Однако при этом часто возникает чрезмерная нагрузка на природный потенциал сельского хозяйства, препятствующая его естественному восстановлению. Проблема состоит в том, чтобы преодолеть негативные социально-экологические последствия интенсификации сельскохозяйственного производства, обеспечив рациональное сочетание интенсивных и экстенсивных методов продовольственного обеспечения мирового населения.

Проблемы демографии. Наметившаяся во второй половине 60-х годов тенденция к постепенному замедлению среднегодовых темпов роста населения (до 1,7% в 1980—1985 гг. и предположительно до 1,5% в 1995—2000 гг.) не означает, однако, смягчения остроты мировой демографической ситуации в ближайшие десятилетия, ибо оказывается недостаточной для уменьшения абсолютного прироста. Более того, абсолютный прирост мирового населения будет продолжаться и, согласно прогнозам ООН, к 2000 г. на Земле будет проживать около 6,1 млрд. человек.

Основная сложность мировой демографической ситуации и ее связи с глобальными проблемами современности заключаются в том, что свыше $\frac{4}{5}$ прироста мирового населения приходится на освободившиеся от колониализма или полуколониальной зависимости развивающиеся страны, где находится свыше $\frac{9}{10}$ общемирового количества голодающих, неграмотных, безработных, где существенно ухудшается социально-экологическое положение. По расчетам ООН, в 2000 г. в развивающихся странах будет проживать до 4,85 млрд. человек, или 80% жителей планеты. В результате столь быстрого роста населения стран Азии, Африки и Латинской Америки, ускоренного процесса урбанизации, значительного увеличения промышленного производства сюда все более перемещается эпицентр таких тревожных мировых проблем, как продовольственная, сырьевая, энергетическая и др. Это в полной мере относится и к экологической проблеме, острота которой усиливается.

Угроза природе и человеку. Ежегодно в атмосферу выбрасывается примерно 145 млн. т двуокиси серы, 250 млн. т пыли и 70 млрд. м³ газа, около 1 млн. т соединений свинца, десятки тысяч тонн фтористых и хлористых соединений. По имеющимся прог-

нозам, в первой четверти ХХI в. выбросы окислов азота могут превысить 150 млн. т в год, окиси углерода — 500 млн. т. В качестве загрязнителей воздуха идентифицировано более ста различных веществ. Многие из них токсичны, некоторые — канцерогенны. Воздействуя в течение длительного времени на организм человека даже в незначительных концентрациях, они понижают его сопротивляемость инфекциям, обостряют сердечно-сосудистые и другие заболевания.

Подавляющее большинство экономически развитых стран сталкивается с серьезными водоресурсными проблемами, которые заключаются не в количественной нехватке воды, а в дефиците чистых пресных вод. Ежегодно в водоемы попадает около 32 км^3 неочищенных промышленных сточных вод. В ближайшем будущем потребности воды для разных целей будут увеличиваться.

В 80-е годы почти 80% всей воды используется в сельском хозяйстве. Эффективность использования ирригационной воды не слишком велика: из каждых 3 м^3 воды только $1,3 \text{ м}^3$ потребляется растениями, т. е. 57% ирригационной воды теряется.

Сильно загрязняется Мировой океан — в него ежегодно сбрасывается до 10 млн. т нефти и нефтепродуктов.

Усиливается тенденция к ухудшению мировых земельных ресурсов. Деградируются традиционные сельскохозяйственные территории, их объемы сокращаются за счет роста темпов урбанизации, уменьшаются масштабы лесных массивов. Эта тенденция особенно характерна для развивающихся стран — площадь тропических лесов уменьшается со скоростью 0,8% в год. Ежегодно в результате заготовки древесины и расчистки под пашню уничтожается до 200 тыс. км^2 лесов во влажных тропиках. Современные темпы уничтожения лесов оцениваются в 7,3 млн. га в год, или 14 га в минуту.

Уже сегодня количество факторов, отрицательно влияющих на среду обитания и жизнедеятельность человека, увеличилось до опасных пределов, угрожающих его будущему. По данным ВОЗ, число токсичных химических веществ, используемых в мире, уже равно 600 тыс., и к ним ежегодно добавляется еще около 3 тыс. В условиях расширяющейся урбанизации человек вдыхает загрязненный воздух, подвергается воздействию разнообразных химических веществ и соединений. Многие исследователи связывают резкое увеличение раковых заболеваний с возросшим загрязнением окружающей среды; рост респираторных нарушений в организме тесно коррелируется с зонами повышенного загрязнения воздуха, среды обитания человека.

Некоторые итоги. Таким образом, генезис и развитие системы глобальных проблем, внося новые элементы в основные процессы цивилизации, определяют и особенности современной со-

циально-экологической ситуации. Эти особенности выражаются в общей форме в обострении противоречий в рамках взаимоотношений общества и природы, приобретающих глобальный характер и масштабы. Во-первых, мировая термоядерная катастрофа ставит под угрозу не только реальность позитивного развития человечества, но и само существование природы в ее исторически сложившихся формах. Во-вторых, масштабы человеческой деятельности, в самом широком смысле приобретая планетарный характер, охватывают биосферу в целом и распространяются на область космического пространства, усиливая деградационные изменения среды обитания. В-третьих, естественноисторические противоречия между производительными возможностями биосферы и ростом общественных потребностей становятся столь велики, что для их преодоления требуется целенаправленная ориентация все более значительной части научно-технического потенциала человечества. В-четвертых, социально-экологические идеи, теории и концепции, являясь составной частью материальной и духовной культуры современной цивилизации, оказывают ныне воздействие на большинство сторон деятельности общества.

Острота мировой социально-экологической ситуации резко ставит вопрос о путях преодоления противоречий в рамках взаимоотношений общества и природы. По мнению экспертов ООН, сокращение общих военных расходов на 20% создало бы объективные условия для позитивного разрешения всей системы глобальных проблем. Именно разоружение, прекращение и запрещение ядерных испытаний, как составная часть практической реализации концепции безъядерного мира, лежит в основе создания объективных предпосылок для преодоления деградационных изменений естественной среды обитания человека, рационализации природопользования и улучшения качественных характеристик исторически сложившихся природных связей и отношений.

Неизбежное зло!

Остроту глобальных проблем, необходимость их решения признают во всех частях мира, в том числе и в наиболее развитых капиталистических странах. Однако прежде всего именно здесь, в сфере глобальных проблем, со всей остротой и обнаруживается несостоятельность капитализма как общественной системы, ограниченность его возможностей. Причем с течением времени становится все более очевидным: капитализм не только не способен эффективно содействовать их общему решению, хотя он многого достиг в технико-экономической сфере, но, напротив, своим существованием усугубляет их, придает им драматический, а в некоторых случаях, можно сказать, и катастрофический характер.

Отрицать сегодня наличие и обострение глобальных проблем попросту невозможно. Исполнительный директор программы ООН по проблемам окружающей среды (ЮНЕП) М. Толба, подводя в 1983 г. итог проведенного этой организацией так называемого экологического десятилетия, отметил, например, следующие тревожные последствия неконтролируемой человеческой деятельности для окружающей среды:

непрерывное увеличение концентрации углекислого газа в атмосфере;

«кислотные дожди», возникающие в результате перемещений в воздухе на большие расстояния сульфатов и нитратов, образующихся вследствие сжигания ископаемого горючего;

постепенное истощение озонового слоя из-за нарастающих выбросов в атмосферу различных химических соединений;

рост количества твердых частиц в воздухе, могущих приводить к неблагоприятным климатическим изменениям;

загрязнение морей и океанов нефтью, угрожающее их флоре и фауне;

исчезновение лесов, а также многих видов или популяций животных на огромных территориях развивающихся стран;

наступление пустынь, угрожающее жизни 600—700 млн. человек;

сокращение запасов пресной воды, доступной для использования;

эрозия значительных площадей плодородной земли во многих районах земного шара и т. д.

В буржуазной печати то и дело появляются тревожные заголовки о возможности исчезновения лесов в Западной и Центральной Африке или Латинской Америке, о появлении ядовитых облаков над японскими островами, об угрозе существованию знаменитого Венского леса; об умирании Средиземного моря, о гибели тысяч озер в Канаде от «кислотных дождей», идущих из США... Такого рода сообщений можно было бы привести многие сотни, если не тысячи.

Вопиющим преступлением против человечества является *политика экоцида* империализма США, проявляющаяся как в прямых враждебных (военных и пр.) воздействиях на окружающую среду ряда стран, так и в игнорировании монополиями экологических последствий производства, о чем приводятся многочисленные свидетельства ученых и публицистов Запада¹.

Естественно поэтому, что к глобальным проблемам обращаются сегодня теоретики разных направлений. Глобальные проблемы становятся полем острого столкновения марксистских и немарк-

¹ См.: Экоцид в политике американского империализма. М., 1985.

систских взглядов. И это касается прежде всего вопроса о характере и происхождении глобальных проблем. Главное, что объединяет все существующие на Западе немарксистские подходы к этому вопросу, — отрицание (или преуменьшение) социально-классового характера глобальных проблем, попытка оторвать их от капиталистического строя как такового. Подобный взгляд обосновывается, как правило, именно тем, что эти проблемы носят общечеловеческий характер. Из этой совершенно правильной констатации делается в корне неправильный вывод о том, будто в обострении глобальных проблем в равной мере повинны обе существующие общественные системы. «Экологический кризис, — пишет, например, западногерманский экономист и социолог Вильфрид Хайдт, — высшая точка общего кризиса цивилизации, корни которого — в структурах обеих систем»¹. Конечная цель подобных «выводов» — снять с капиталистического общественного строя ответственность за обострение глобальных проблем в нашу эпоху.

В марксистской литературе эти аргументы уже были подвергнуты достаточно детальному анализу. Исходный пункт позиции марксистов состоит в том, что происхождение глобальных проблем не носит однозначного характера. Они порождаются как природно-естественными, так и социальными причинами. Марксисты выделяют три основные группы глобальных проблем, происхождение, характер и формы решения которых связаны:

1) с отношениями между основными социальными общностями современного человечества (социально-экономическими системами и входящими в них государствами). Эти проблемы условно можно назвать интерсоциальными (сюда относятся проблемы мира, социального развития и экономического роста, преодоление отсталости и т. д.);

2) с отношениями, возникающими в системе «человек — общество» (проблемы научно-технического прогресса, образования и культуры, роста народонаселения, здравоохранения, развития человека и его будущего);

3) с отношениями, возникающими в системе «общество — природа» (проблемы ресурсов, энергетики, продовольствия, окружающей среды).

Иными словами, глобальные проблемы — результат развития человечества: результат, с одной стороны, эволюции отношений между человеком и природой, а с другой — общественного развития, поступательного движения общества в целом.

Наиболее давними по своему происхождению являются проблемы, возникающие в отношениях между человеком и природой.

¹ Die Grünen: Personen — Projekte — Programme. Stuttgart-Degerloch, 1980, S. 83.

Они развиваются на протяжении всей истории человечества. По мере социального и научно-технического прогресса человек из слабого существа, живущего за счет даров природы (поначалу случайных), превратился в великана, который все более умело подчиняет природу своей воле, берет у нее необходимые для жизни блага. Однако прогресс этот имеет и обратную, негативную сторону. Освоение человеком природы сопровождается многочисленными конфликтами, вызывает к жизни противоречия, грозящие весьма серьезными, а подчас и непредвиденными последствиями. Эти противоречия на определенной стадии общественного развития и вызывают к жизни глобальные проблемы.

Очевидно, что подобные проблемы могут возникать и возникают при любом общественном строе. Это — побочный продукт развития производительных сил, которое происходит как при капитализме, так и при социализме. Такой констатацией и ограничивается наука в странах Запада.

Однако сказать это — значит выделить только одну сторону вопроса. Ибо противоречия в системе отношений общества с природой не единственный источник возникновения глобальных проблем. Другой его источник — система собственно социальных отношений, т. е. отношений, складывающихся внутри самого общества. Напомним мысль, сформулированную впервые К. Марксом и Ф. Энгельсом: «...производство жизни — как собственной, посредством труда, так и чужой, посредством рождения — появляется сразу в качестве двоякого отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а с другой — в качестве общественного отношения, общественного в том смысле, что имеется в виду сотрудничество многих индивидов, безразлично при каких условиях, каким образом и для какой цели»¹.

Иными словами, глобальные проблемы возникают как в отношениях человека с природой, так и в отношениях между людьми, между классами и социальными группами. Все они тесно связаны друг с другом. «...До тех пор, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друга друга»². Отсюда следуют два вывода.

С одной стороны, к числу глобальных проблем относятся и становятся наиболее острыми такие, которые порождаются самим ходом общественного прогресса, которые отражают именно достигнутую ступень социального развития общества, диалектику этого процесса (проблема войны и мира, проблема слаборазвитости и т. д.). Причем они возникают на базе не вообще социальных отношений, а социальных отношений именно эксплуататорского

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 28.

² Там же, с. 16.

общества. Это, если говорить о наших днях, исключительное «достояние» капиталистической системы. Что же касается социализма, то он, в силу своей социальной сущности, не только не порождает таких проблем, но, напротив, способствует их разрешению в общемировом масштабе.

Другая сторона дела в том, что каждое из противоречий, возникающих в системе отношений человека с природой, невозможно рассматривать в отрыве от социальной среды. Взгляды общества на эти проблемы, его политика, направленная на их решение, — все это обуславливается социальной основой каждого данного общества. Это касается и глобальных проблем, выражающих отношения человека с природой. Капитализм и социализм предлагают совершенно разные социальные подходы к ним, разные пути их социального решения. Любая попытка уйти от социальной основы развития и путей разрешения глобальных проблем лишена какого бы то ни было основания.

Сказанное убедительно подтверждается практикой, действительным подходом двух общественных систем к оценке характера и путей разрешения глобальных проблем.

**«Глобальная»
апологетика
капитализма**

Рассмотрим теперь вопрос о том, как страны с различным социальным строем представляют себе пути дальнейшего решения глобальных проблем. В капиталистическом мире существуют следующие основные позиции по этому вопросу.

Одна группа авторов пропагандирует оптимистическую точку зрения, в соответствии с которой капитализм путем самосовершенствования способен чуть ли не полностью разрешить глобальные проблемы, лишить их катастрофического, опасного для будущего человечества характера. Подобная точка зрения выражена, например, в изданной во Франции работе «Семь дверей в будущее» Жан-Поль Пигасса¹. Однако излагаемая им позиция полностью противоречит всему реальному ходу развития капиталистического общества, фактам повседневной жизни.

Другая позиция, противоположная первой, это — позиция, так сказать, мертвящего пессимизма, сторонники которой пропагандируют безвыходность положения, убеждают в обреченности человечества, якобы неспособного справиться с глобальными проблемами. Некоторые из авторов называют даже предельные сроки существования человечества — примерно в пределах 300 лет².

Этот пессимизм полностью игнорирует плодотворный опыт

¹ Pigasse J.-P. Les sept portes du futur. P., 1981.

² Benoit E. Progress and Survival: An Essay of the Future of Mankind. N. Y., 1980.

социалистических стран, по существу переносит безысходность положения капитализма на судьбы человечества в целом. Обреченность капитализма, которая становится все более очевидной, идентифицируется этими авторами с судьбами человечества. На деле, однако, знака равенства между одним и другим быть просто не может. Капитализм действительно обречен историей. Что же касается человечества, как такового, то оно обладает достаточным жизненным потенциалом, разумом и возможностями для решения глобальных проблем.

Еще одна группа западных авторов предлагает в качестве пути к решению глобальных проблем старую, давно уже известную теорию конвергенции. Им кажется, что, объединив те или иные черты двух противоположных систем, можно найти выход из кризисного для капитализма положения. Подобная позиция демонстрирует поиски буржуазной идеологией новых, более гибких форм утверждения незыблемости и вечности капиталистического строя. Допускается возможность создания гибрида двух общественных систем. Однако, учитывая реальные законы их развития, можно с уверенностью сказать: речь идет об утопии, смысл которой — все та же апология капиталистического и отрицание социалистического будущего человечества.

Социал-демократические идеологи предлагают свою перспективу разумного, гуманного, экологически здорового будущего, которое примирит человека и природу. Суть их взглядов выражена в такой концепции развития экономики и техники, осуществление которой якобы и создаст более справедливое, гуманное общество. При этом не скрывается, что присущая капитализму политическая система должна сохраняться¹. И хотя авторы этой и других подобных концепций характеризуют их как концепции «эко-социализма», на деле о социализме здесь нет и речи. Как нет речи и о серьезном подходе к решению проблемы в целом.

Одна из позиций, характерная, в частности, для ряда последних докладов Римскому клубу², состоит в том, что их авторы призывают найти путь к решению глобальных проблем через совершенствование самого человека. «Пути и способы нашего земного спасения, — писал ныне покойный руководитель клуба А. Печчеи, — следует искать внутри, а не вне человека»³. Вопрос же о социаль-

¹ *Strasser J., Traube K. Die Zukunft des Fortschritts. Bonn, 1981, S. 229—230, 243.*

² Римский клуб — международная неправительственная организация, созданная в 1968 г. в Риме по инициативе группы западных ученых. Главная форма ее деятельности — организация крупномасштабных исследований по широкому кругу вопросов, прежде всего в социально-экономической области.

³ *Peccei A. 100 pages pour l'avenir: Réflexions du Président du Club de Rome. P., 1981, p. 119.*

ном будущем человечества этими авторами по существу обходится.

И наконец, еще одна (также, впрочем, не очень многочисленная) группа западных исследователей доказывает, что для решения глобальных проблем необходимо активное сотрудничество государств, принадлежащих к различным общественным системам. Правда, говоря о сотрудничестве, большинство из этих авторов опять-таки приходят в конце концов к прямой или косвенной апологетике капитализма. Идеология «всемирной солидарности», отмечает в этой связи Ф. Брайар, является, в том числе и для Римского клуба, «оправданием определенного политического выбора, истинную природу которого члены клуба пытаются скрыть»¹.

Разумеется, надо видеть и позитивные стороны в попытках ряда немарксистских идеологов решить глобальные проблемы, особенно на путях международного сотрудничества. Тем не менее в целом научная и социальная позиция этих исследований не позволяет развить на этой основе эффективных социально-политических действий. Однако, хотя и в ограниченных формах, они приводят к ряду прогрессивных движений на Западе.

Новые формы движения общественной Возникает феномен, являющийся, видимо, своего рода приметой 70—80-х годов нашего века. Глобальные проблемы сегодня превратились в объект острых политических столкновений, конфронтации между массой населения и правящими силами, предпринимательскими кругами ведущих стран Запада.

Характер этой борьбы зависит от того, какой класс или социальная группа в ней участвует. Так, для рабочего класса, и прежде всего его авангарда — коммунистов, выступления за решение глобальных проблем являются одним из главных направлений классовой борьбы, охватывающей все три ее основные сферы — экономическую, политическую и теоретическую (идеологическую).

В плане *экономическом* борьба против военной угрозы, за прекращение гонки вооружений означает одновременно борьбу против безработицы, за повышение уровня жизни трудящихся. Выступления рабочих в защиту окружающей среды — это, по существу, борьба за улучшение условий их труда, их жизни и воспитания подрастающего поколения.

Поскольку же рабочий класс по глобальным проблемам, и особенно таким, как война и мир, непосредственно сталкивается с политикой буржуазных правительств, его выступления неизбежно приобретают *политический* характер.

¹ Braillard Ph. L'imposture du Club de Rome. P., 1982, p. 107.

Очевидно, что рабочий класс и прежде всего компартии, ведя борьбу за решение глобальных проблем, вынуждены значительно активизировать свою *теоретическую* деятельность. И речь идет не только об опровержении далеких от реальной действительности концепций буржуазной науки, но и о выработке собственной концепции, собственной политики рабочего класса по этим проблемам.

Для широких слоев трудящихся (включая и рабочий класс) борьба по глобальным проблемам — это важнейшее направление антимонополистической борьбы, поскольку их обострение — результат деятельности капиталистических монополий. Пожалуй, именно здесь интересы подавляющего большинства нации непосредственно и все более ощутимо сталкиваются с интересами господствующей группы монополистических объединений.

Наконец, для широких слоев населения развивающихся стран, да и для населения многих капиталистических государств, борьба по глобальным проблемам является одним из важнейших направлений антиимпериалистических действий. Это — защита суверенитета соответствующих стран, противодействие махинациям транснациональных компаний, эксплуатирующих ресурсы многих стран.

Важная особенность этой борьбы состоит в том, что многие ее участники субъективно далеко не всегда осознают ее смысл. Они зачастую выступают лишь против внешних проявлений капиталистического господства, против наиболее одиозных его последствий. Однако объективно эти выступления имеют глубоко социальный характер и способствуют осознанию необходимости борьбы против самих основ господства монополистического капитала. Такая двойственность этой борьбы осложняет ее, но вместе с тем придает ей массовый характер.

Поначалу выступления общественности по глобальным проблемам носили на Западе во многом стихийный характер. Они не имели каких-то определенных организационных рамок. Однако с середины 70-х годов положение стало меняться. Во многих случаях возникали организации, в том числе и политические партии, которые посвятили себя борьбе за решение тех или иных глобальных проблем. Такого рода партии образовывались, прежде всего, в связи с экологическими проблемами. Подобные организации существуют сейчас во всех основных капиталистических странах. Во многих случаях они действуют достаточно активно, добились определенных позиций в парламентах своих государств, а также в местных органах власти (например, «зеленые» в ФРГ).

На рубеже 70—80-х годов возникли и антивоенные организации, которые, как правило, являются не политическими партиями, а различного рода коалициями, объединениями представителей различных сил и организаций, выступающих за предотвраще-

ние войны, прежде всего ядерной. Однако их политическое влияние в ряде случаев сильнее влияния экологических группировок. Заметно также, что антивоенные движения приобретают постепенно все более широкий политический характер, тогда как различные организации в защиту окружающей среды во многих случаях сохраняют еще характер местный или узконациональный. Впрочем, и в среде этих последних происходит известный процесс политизации, что связано с постепенным осознанием того факта, что в рамках существующей системы решить проблемы, волнующие участников этих организаций, невозможно.

Становится все более очевидно: общественное движение, направленное на решение глобальных проблем, отчетливо приобретает характер протеста против основ капиталистического строя.

Монополии «решают» проблемы... Массовые выступления общественности по глобальным проблемам вынуждают правящие круги капиталистических стран принимать некоторые меры для их решения. Так, во всех капиталистических странах существуют специальные бюджеты расходов на природоохранные мероприятия. Определенные, иногда весьма значительные средства вкладывают частные фирмы. В странах, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития, за 1956—1979 гг. принято 86 законов, касающихся защиты природы. На протяжении 70-х годов в таких странах, как США, Япония, Франция, затраты на природоохранные цели увеличились в 1,7—2 раза, при этом в ряде случаев достигаются определенные положительные результаты. Подчеркнем, однако, что они не соразмерны с реальными масштабами загрязнения природной среды и материальными возможностями для борьбы с ним.

Меры, принимаемые монополистическим капиталом для решения ряда глобальных проблем (энергетическая, экологическая и др.), осуществляются прежде всего по той причине, что нерешенность этих проблем наносит ущерб интересам самих монополий. Решающим здесь, отмечает западногерманский ученый Э. Гертнер, является то, что обострение этих проблем стало «отрицательно сказываться на процессе самовозрастания стоимости капитала»¹.

При этом отметим, что характер и объем принимаемых монополиями мер не наносят ущерба высоким прибылям компаний или же сводят этот ущерб до минимума, перекрывая его дополнительным давлением на рабочий класс. «Монополистическая буржуазия и ее идеологи,— продолжает Э. Гертнер,— решают задачу, как в дальнейшем обеспечить эксплуатацию человека

¹ Гертнер Э. Рабочий класс и экология. М., 1981, с. 113—114.

человеком и при этом нейтрализовать угрозу дальнейшему существованию эксплуататорской системы, исходящую от разрушенной природы»¹.

Вообще стремление решать глобальные проблемы, впрочем, как и другие, за счет трудящихся — господствующая на Западе тенденция. В свое время председатель «Общего рынка» С. Мансхольт, посетовав в подготовленном им документе на последствия загрязнения окружающей среды, сделал вывод: незагрязняющая система производства и создание экономики, использующей вторичное сырье, выразится «в отчетливом снижении материального благополучия в расчете на душу населения и в ограничении свободного пользования благами»². Эта тенденция политики монополий уже осознана рабочим классом, профсоюзами, левыми политическими партиями и вызывает соответствующий отпор.

Меры, направленные на частичное смягчение глобальных проблем, стимулируются давлением общественных сил. Подчас эти меры носят, можно сказать, показной характер, создают лишь видимость заботы о решении проблем. В некоторых случаях принимаются меры, предохраняющие данный район (или данную страну), но не учитывают интересы соседних районов (стран). Так, под давлением общественности многие монополистические компании в США стали воздвигать высокие дымоотводы, добиваясь, чтобы отходы производства уходили высоко в воздух. Уровень загрязнения среды в соответствующих районах уменьшился, зато соседние районы, куда воздушные потоки перебрасывают отходы производства, оказываются жертвами этого метода. В Скандинавских странах ведется кампания против загрязнения воздуха отходами заводов ФРГ, а в Канаде проводятся выступления в защиту «канадского воздуха» от американской промышленности.

Наконец, важный фактор, заставляющий монополистический капитал принимать определенные меры по решению тех или иных глобальных проблем, — это давление международного сообщества, в частности решения, неоднократно принимавшиеся ООН по вопросам защиты природы, охраны окружающей среды, атмосферного воздуха и т. д. Но во многих случаях крупные капиталистические государства, не считая для себя возможным открыто выступать против этих решений и рекомендаций, на деле саботируют их выполнение.

Все чаще случается, что транснациональные компании переводят экологически наиболее вредные производства в развивающиеся государства, чем наносят большой ущерб их народам. Развитые страны стремятся решать сырьевую и энергетическую

¹ Гертнер Э. Рабочий класс и экология, с. 139.

² L'Humanite, 1972, 5 Avril.

проблемы за счет ограбления других народов. Результатом подобного «разрешения» глобальных проблем является их дальнейшее обострение, усиление их негативного воздействия на жизнь десятков стран и народов.

В целом можно полностью согласиться с выводом состоявшегося в Берлине летом 1983 г. симпозиума на тему «Глобальные проблемы современности и рабочий класс», участники которого отмечали, что «империализм стремится найти такие решения глобальных проблем, которые облегчили бы его собственные внутренние кризисные процессы за счет сил социального прогресса, в том числе за счет социалистических и развивающихся стран, рабочего класса. Речь идет о части общей стратегии империалистических сил современности»¹.

Симптом истощения возможностей Глобальные проблемы еще яснее продемонстрировали опасность капитализма для всего человеческого общества. Относительно быстрое (а для многих неожиданное) обострение этих проблем отразило новую ступень общего обострения основных противоречий современного общественного развития, рассматриваемого как целое.

Во-первых, это обострение является результатом достигнутой новой, более высокой ступени развития научно-технических знаний человечества, новой стадии овладения секретами природы, которое не компенсировано необходимыми природоохранными мероприятиями.

Во-вторых, обострение глобальных проблем есть также результат неизбежного при капитализме конфликта между бурным развитием науки и техники и социальными условиями жизни общества. Часто научно-технические возможности капитализма теоретически позволяют ему решить (хотя бы частично) некоторые из проблем, относящихся к числу глобальных. Но с социальной точки зрения возможности такого рода постоянно ограничиваются.

Согласно имеющимся оценкам, сегодняшний уровень научно-технического развития человечества в принципе позволяет удовлетворить его основные потребности в продовольствии, жилье и здравоохранении уже в первые десятилетия следующего столетия. Тем не менее буржуазная наука по-прежнему считает, что решение этих проблем для западного общества — дело отдаленного будущего.

Уровень решения глобальных проблем отражает процесс углубления общего кризиса капитализма, который не способен решить встающие вопросы традиционными капиталистическими методами.

¹ IPW Berichte, 1983, No 8, SS. 15, 16.

Проводившаяся империализмом в 60—70-е годы политика приспособления к существующей обстановке путем использования методов государственно-монополистического регулирования экономики, социального маневрирования в отношении трудящихся и неоколониалистских ухищрений применительно к развивающимся странам зашла в тупик. Империализм ищет выхода в применении силы или угрозе ее применения, в конфронтации как по отношению к социализму, к развивающимся странам, так и по отношению к рабочему классу своих стран и его союзникам. Отсюда гонка вооружений со всеми ее последствиями, включая (как об этом убедительно говорит пример «рейганомики» в США) угрозу окружающей среде и дальнейшее уменьшение возможностей для маневра в решении других глобальных проблем.

В этих условиях глобальные проблемы выступают как катализатор дальнейшего и всестороннего обострения присущих буржуазной цивилизации антагонизмов. Трагический характер, который приобретают некоторые из этих проблем, свидетельствует о поистине катастрофическом масштабе нынешних противоречий между частными интересами предпринимателей и интересами широких слоев трудящихся, между развитием буржуазной экономики и его все более многочисленными неблагоприятными последствиями. В конечном счете — между потребностями развития человека и предельной антигуманностью, отчужденностью стимулов и целей капиталистического общества.

В той или иной форме все это признается и западными авторами. Так, американский сенатор Д. Мойнихен, ссылаясь, в частности, на обострение проблемы окружающей среды, приходит к выводу: проблемы повышения качества жизни и «создания счастливого общества» остаются нерешенными и перспектив их решения не видно¹. Американский экономист Р. Хейлбронер относит опасности, связанные с истощением сырьевой базы и загрязнением среды, к числу трудностей, порождаемых самим экономическим механизмом капиталистической системы. Более того, он полагает, что процесс ликвидации этой системы будет зависеть от темпов истощения природных ресурсов и загрязнения окружающей среды².

За период существования капитализма как общественной системы накопилось огромное количество свидетельств его исторической обреченности. Однако и в этом плане углубление и обострение глобальных проблем в известной мере создало новую ситуацию.

В самом деле, до сих пор свидетельства того, что капитализм изживает себя, наиболее ярко проявлялись главным образом

¹ The American Prospect Insights into Our Next 100 Years (1976—2076). Boston, 1977, p. 106.

² Heilbroner R. L. Business Civilization in Decline. N. Y., 1976.

в национальных рамках той или другой страны, реже — в региональном и тем более (если не говорить о мировых войнах и мировых экономических кризисах) в планетарных масштабах. В 70-е годы появилось новое, крупномасштабное свидетельство ограниченности возможностей капитализма, свидетельство того, что он изживает себя как общественный строй. Это — обострение глобальных проблем.

Неспособность капитализма в целом, одновременно во всех странах, где он существует, справиться с этими проблемами, беспомощность перед лицом этих проблем стали для многих, в том числе и представителей науки, убедительным доказательством того, что кризис капитализма — это отнюдь не «выдумка марксистов», как они привыкли о том говорить. Изучая работы многих западных специалистов, посвященные глобальным проблемам, можно заметить, что именно через их призму они все чаще говорят о необходимости нового, более высокого и более гуманного общественного строя, называя его то «постиндустриальным», то «информационным», а то и «научным» обществом будущего. Например, сотрудник университета в Западном Берлине Йозеф Хубер в своей книге «Кто должен все это изменить», проанализировав положение дел с решением глобальных проблем на Западе, приходит к выводу: альтернативой нынешнему положению дел является социализм¹. Осуществления «кардинальных экономических и социальных перемен» как условия разрешения противоречий современной цивилизации требует и американский ученый Л. Браун².

Анализируя главные закономерности функционирования капиталистической системы, Ф. Энгельс пришел к следующему знаменательному выводу: «...Возникает необходимость *защитить* произведенные буржуазным капиталистическим обществом продукты и производительные силы от губительного, разрушительного действия самого этого капиталистического общественного строя, отняв руководство общественным производством и распределением у господствующего класса капиталистов, ставшего неспособным к этому, и передав его массе производителей, — а это и есть социалистическая революция»³.

Справедливость этого вывода подкрепляется ныне новыми аргументами, еще более значимыми для судеб человеческой цивилизации, и прежде всего самым фактом углубления противоречий между экономическими, научно-техническими и духовными возможностями разрешения многих глобальных проблем и неспособностью капитализма воспользоваться ими. Обострение глобальных

¹ Huber J. Wer soll das olles ändern: Die Alternativen der Alternativewegung. Berlin, 1981, S. 121—134.

² Brown L. Building a Sustainable Society. N. Y., 1981, p. 8.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 623.

проблем с гораздо большей, чем когда-либо, силой вскрывает ограниченность капиталистического строя, которая становится все более очевидной по мере социального и научно-технического прогресса общества и тем самым выступает как новый, весьма убедительный аргумент в пользу замены капитализма социализмом.

С другой же стороны, достижения социалистического мира, его продвижение вперед по пути решения глобальных проблем демонстрируют: новый общественный строй действительно олицетворяет будущее человечества. Эти достижения выступают как убедительное доказательство плодотворности социалистического пути развития, социалистических методов решения проблем, возникающих в ходе научно-технического и социального прогресса.

**Социалистическая
альтернатива
и международное
сотрудничество**

Ф. Энгельс писал: «Только общество, способное установить гармоническое сочетание своих производительных сил по единому общему плану, может... устранить нынешнее отравление воздуха, воды и почвы...»¹ Практика реального социализма полностью подтверждает этот прогноз.

Преимущества социализма вытекают и из целей, которые ставит перед собой новое общество. Стремясь создать условия для свободного и всестороннего развития человека как самоцели истории, оно считает одной из основных задач преодоление опасных, угрожающих существованию человечества тенденций.

Плановая система социалистического хозяйствования создает необходимые условия для разработки и осуществления комплексного подхода к решению проблем народонаселения, продовольствия, энергетики, сырья, экологии и т. д., для выработки такой стратегии развития, которая не только не приводила бы к негативным, а тем более катастрофическим последствиям, но, напротив, гарантировала бы создание все более благоприятных условий для всестороннего развития личности.

Советское государство с момента своего возникновения, в частности в последнее десятилетие и в особенности в период после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, проводит последовательную экологическую политику, суть которой заключается в том, чтобы свести до минимума неблагоприятные последствия научно-технической революции в экологическом плане и добиться максимума в ее положительном воздействии на природную среду. Для социалистического пути в решении проблемы охраны окружающей среды характерно увязывание воедино технико-экономических и технологических, социально-политических и гуманистических

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 307—308.

аспектов и сторон проблемы, поскольку исходным пунктом и высшей целью социализма служат интересы общества в целом, интересы человека труда — его благосостояние, его свободное и всестороннее развитие. Это и создает реальную основу для успешного разрешения имеющихся при социализме экологических проблем.

В постановлении Верховного Совета СССР «О соблюдении требований законодательства об охране природы и рациональном использовании природных ресурсов» от 3 июля 1985 г. указывается: «При решении проблем развития народного хозяйства исходить из приоритета охраны здоровья настоящего и будущих поколений советских людей, создания наилучших условий для их жизни, нацелить на это на научно-технический прогресс, обеспечить переход на ресурсосберегающие технологии, наиболее полно и бережно использовать природные богатства, полученные из них сырье, материалы и продукцию»¹. Последовательная реализация этой задачи — программа действий на будущее. И хотя уже многое сделано, экологическая ситуация в стране и ведущаяся практическая и научно-техническая работа, к сожалению, еще далеко не соответствуют поставленной цели.

В материалах XXVII съезда КПСС, в принятых им новой редакции Программы КПСС и Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1985—1990 годы и на период до 2000 года экологической проблеме, охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов уделяется большое внимание. Решение этих вопросов — составная часть ускорения социально-экономического развития нашей страны по пути к коммунизму. При этом речь идет не только о технологической стороне дела, но и о повышении действенности государственного контроля за состоянием природной среды и источниками загрязнения, о расширении форм и методов участия в этой работе общественных организаций и населения, об экологическом образовании и воспитании советских людей.

Социалистическая политика в области образования, воспитания и культуры снимает преграды на пути приобщения подавляющей массы населения к участию в обсуждении и решении всех общественных и государственных дел, включая активное сознательное участие трудящихся в борьбе за продвижение к коммунистическому идеалу отношений человека и природы.

Было бы, конечно, ошибкой полагать, что социалистические общественные отношения и преимущества нового строя автоматически обеспечивают реализацию всех этих возможностей. На этом пути существует ряд препятствий как объективного, так и субъективного порядка, которые преодолеваются по мере развития социализма как мировой системы.

¹ Правда, 1985, 4 июля.

Однако социалистическая альтернатива в глобальном масштабе — это вопрос перспектив. А глобальные проблемы обостряются уже сегодня; они, особенно проблема войны, уже сейчас угрожают человечеству. Выход из положения марксисты видят в широком развитии международного сотрудничества. Как подчеркивалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии: «Решать общечеловеческие, глобальные проблемы силами одного государства или группы государств нельзя. Здесь необходимо сотрудничество в общемировом масштабе, тесное конструктивное взаимодействие большинства стран. Сотрудничество на основе полного равноправия, уважения суверенитета каждого. На основе добросовестного выполнения принятых обязательств, норм международного права. Таково категорическое требование времени, в которое мы живем»¹. Борьба за утверждение такого курса в международной жизни, за ответственный подход к соблюдению ее новых норм, несмотря на нынешние трудности, — это одна из важных задач современности.

Тем не менее, учитывая узкоэгоистический, ограниченный подход капиталистической части мира к вопросам международного сотрудничества, очевидно, что в современных условиях взаимодействие стран, принадлежащих к различным общественным системам, еще не способно обеспечить условия для подлинного решения глобальных проблем в общемировом масштабе.

Вот характерный пример. В середине 70-х годов между СССР и США было заключено 11 межгосударственных соглашений о совместных разработках в области мирного использования атомной энергии, исследования Мирового океана и космоса, охраны окружающей среды и т. д. Только в природоохранной сфере разрабатывался 41 совместный проект в рамках 11 проблем. Однако потом, под всевозможными вымышленными предлогами, американская сторона начала резко свертывать все эти программы, отказалась от возобновления ряда соглашений и т. д. Все это вполне соответствует той стратегии конфронтации со всем человечеством, к которой США обратились на рубеже 70-х и 80-х годов.

Позитивным международным примером решения глобальных проблем является в этих условиях сотрудничество социалистических государств. Непрерывно развиваясь (разумеется, не без противоречий и трудностей), мир социализма не словами, а конкретными делами доказывает реальность предлагаемых им форм решения глобальных проблем на путях развития международного сотрудничества. Об этом свидетельствует, в частности, деятельность СЭВ по координации деятельности в урегулировании

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 19.

таких глобальных проблем, как энергетическая, экологическая и др. Одновременно Советское государство развивает сотрудничество в решении этих проблем со всеми странами.

Обострение глобальных проблем вызывает необходимость разработки соответствующей долгосрочной стратегии их решения. В этой связи возрастает роль международных правительственных организаций, входящих в систему ООН (ЮНЕП, ЮНЕСКО и др.). Подготовка международной природоохранной стратегии до 2000 г. и на последующий период является важнейшим элементом объединения усилий мирового сообщества на государственном уровне в решении глобальной экологической проблемы.

Широким влиянием пользуются многочисленные антивоенные организации и движения на национальном, региональном и глобальном уровнях, объединенные во всемирное движение за мир. В это движение активно включаются экологи, призывающие объединить усилия в борьбе за сохранение природы и мира во всем мире. Именно взаимосвязь проблем мира и сохранения природы объединяет в единый фронт различные общественные движения, многочисленные международные неправительственные организации. Деятельность в области охраны природы, рационального природопользования и улучшения естественной среды обитания человека, рассматриваемая в широком социальном контексте, в рамках современных политических реалий, является важным элементом объединения сил мирового социализма, международного рабочего и коммунистического движения, народов освободившихся государств, массовых демократических движений.

В современных условиях возрастает необходимость мыслить и действовать по-новому. Человечество вступило в новый этап своего развития. Речь идет уже не столько о росте его материальной и научно-технической базы, сколько о необходимости формирования ценностных и гуманистических устремлений, ибо разум и гуманность выступают в качестве тех «вечных истин», которые лежат в основе жизни человеческого рода. Необходимы новые социальные, научные, нравственные и экологические концепции, которые должны определяться новыми условиями существования человечества сегодня и в будущем. И эти новые условия во многом связаны с возникновением и развитием всей системы глобальных проблем, выявлением диалектики проблем войны, мира и охраны природы.

В своих действиях и мышлении человечество должно исходить из единой стратегии решения глобальных проблем, которая опиралась бы на идеи интернациональной общности человечества. Эта единая стратегия должна быть проникнута гуманизмом, идеалами социального прогресса и международного сотрудничества, активизацией усилий всего человечества в решении проблем мира,

разоружения, всей системы глобальных проблем настоящего и будущего.

Человечество может и должно создать и претворить в жизнь единую глобальную стратегию мирового развития. Ее реализация предполагает решение двух основополагающих проблем — проблемы мира и сохранения природы, разрешение которых находится в диалектической взаимосвязи. И в этом смысле необходимость «экологического мышления» является составной частью более общей тенденции — «глобализации мышления», когда реалии действительности интерпретируются в контексте их взаимосвязи с проблемами планетарного характера, затрагивающими в той или иной мере систему отношения «общество — природа».

В своем движении прогностическая мысль стремится построить модель реальной перспективы человечества. Очевидно, что в прогнозах тенденций общественного развития эффективнее исходить из диалектической взаимосвязи и взаимозависимости всех составляющих этих процессов. Иными словами, необходимо оценивать не только трудности и опасности развития, но и фиксировать позитивные тенденции, дающие основания для реального оптимизма, исходящего из реализации идеалов социального прогресса в условиях общества, которое есть «законченное сущностное единство человека с природой, подлинное воскресение природы»¹.

Стоящие перед человечеством глобальные проблемы выступают в наши дни как один из все более и более весомых аргументов против капитализма, в пользу социализма и коммунизма, в пользу полного социального освобождения всего человечества. Вместе с тем классовый подход не противоречит здесь общечеловеческому, так как цели рабочего класса *совпадают* с целями всего человечества. Здесь не может быть никакого сектантства, никаких противопоставлений! Путь к этому идеалу сложен и тернист. Но человечество должно пройти его, преодолев злую и неразумную, антигуманную силу, которая работает против него.

М. С. Горбачев в беседе с группой деятелей мировой культуры — участников «Иссык-Кульского форума» отмечал приоритетность общечеловеческих ценностей над всеми другими², и эта мысль создает концептуальную основу совместных действий в борьбе за мир, за решение всех проблем глобального характера. Она является сердцевиной нового политического мышления, встречающего поддержку у всех прогрессивных людей планеты. Убедительное подтверждение этому — международный форум «За безъядерный мир, за выживание человечества» (Москва, февраль 1987 г.), на котором широко обсуждались пути и методы решения глобальных проблем.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 118.

² См.: Коммунист, 1986, № 16, с. 12.

Идеалы и цели

Люди, живущие в конце XX в., прежде всего обеспокоены судьбой мира. Ядерное оружие слишком разрушительно, накопленное его количество вопиюще бессмысленно, перспектива самоуничтожения слишком реальна, чтобы не отдавать себе отчета в том, что устранение угрозы войны — важнейший вопрос современности.

Однако человечество, может быть, не в полной мере осознает угрозу уничтожения культуры, духовных ценностей, морали, созданных за тысячелетия истории цивилизации. Эта угроза исходит прежде всего от так называемой «массовой культуры», рожденной в США и объединенной с гигантской силой средств массовой информации.

Низведение человеческой личности до существа лишь производящего и потребляющего материальные ценности, уничтожение национальных культур, замена их универсальным духовным одичанием — такова объективная цель «массовой культуры» — идеологического оружия буржуазного общества потребления.

Один из институтов общественного мнения в США провел не так давно опрос нью-йоркских школьников в возрасте 12—14 лет на тему «Что такое счастье» с просьбой дать его определение двумя-тремя словами. Среди множества ответов на первом месте оказалось слово «деньги», на втором — «цветной телевизор». Все остальные определения были в процентном отношении малочисленны.

Несмотря на то что опрос проводился среди подростков, результаты его в большой степени можно распространить на все возрастные категории американского (читай — капиталистического) общества. Утверждать это можно, не только исходя из убеждения в справедливости поговорки «устаи младенца глаголет истина», но и из того, что ответ «деньги и телевизор» представляет собой своего рода модификацию стародавнего «хлеба и зрелищ».

На нынешнем этапе развития производства материальных благ («хлеб» — «деньги») и средств массовой информации («зре-

лице» — «телевизор») их влияние на духовные стороны жизни современного буржуазного общества достигло такого уровня, который позволяет судить не только о качестве «хлеба» и «зрелищ», но и о качестве самого общества, для которого они предназначаются и которое их потребляет.

Нравственная основа любого общества в значительной степени определяется его идеалами, той целью, которую оно ставит перед собой и которая осознается членами общества как индивидуальная цель. Речь идет о том понятии, которое люди издавна называли «смыслом жизни».

Вот уже более двух столетий идеологи капитализма убеждают обывателя в аксиоматической справедливости формулы, ставящей счастье в зависимость от богатства. Цель жизни в приобретательстве; свобода — в свободе предпринимательства; равенство — в «равенстве шансов».

Нехитрый постулат «счастье — в богатстве» в общем-то мало отличается от того определения «счастья» (а в нем, естественно, заключено определение и цели, смысла жизни), которое давали ученики нью-йоркских школ.

Буржуазная формула смысла жизни, как бы идеологи капитализма ни облагораживали ее эвфемизмами, при сведении ее к простейшим элементам звучит приблизительно так: «Человек с двумя холодильниками вдвое счастливее и уважаемей человека с одним холодильником».

Идеологами буржуазии было предпринято немало попыток выработать идею, которая могла бы сделать определение смысла существования человека при капиталистическом строе более привлекательным, «облагородить» его. В последние десятилетия изобретались различные «лозунги-цели», такие, как «справедливый курс», «новые рубежи», «великое общество», «народный капитализм» и т. п. Но все они были конъюнктурно-пропагандистского свойства и очень быстро канули в Лету, как уходят в небытие проворовавшиеся буржуазные политики. Тем самым в какой уже раз подтверждалась истина, что идеологам мира наживы не дано обрести благородной идеи, которая могла бы оправдать капиталистический образ жизни, привнести в него высокий смысл, вдохновить народы на его поддержку. Такой идеи просто не существует.

И хотя каждый политический лидер Соединенных Штатов, особенно ступающий на дорожку марафонского бега к Белому дому, старательно ищет привлекательные лозунги, которые могли бы увлечь избирателей, обычно такие лозунги оказываются несостоятельными и забываются сразу же после окончания избирательной кампании.

Может быть, только республиканская администрация 80-х годов не пыталась изобретать и провозглашать «новые идеалы», зная

по опыту своих предшественников, что это не сулит ничего хорошего. Наоборот, республиканцы объявили целью своей администрации возвращение назад, к «чистому» капитализму, «не загрязненному» социальными реформами, с полной свободой открыто империалистической морали как вне страны, так и внутри нее.

К последней трети XX столетия развитые капиталистические страны, прежде всего США, накопили такое количество материальных богатств, что в соответствии с буржуазной формулой смысла жизни, увязывающей его напрямую с накопительством, должны были представлять собой если не обретенный идеал, то, во всяком случае, нечто близкое к нему. Но именно тогда, начиная с середины 60-х годов, формула, о которой идет речь, была особенно остроумно поколеблена.

Среди событий, которым капитализм в значительной мере обязан этим, главным, несомненно, была грязная война американского империализма против Вьетнама и моральные, психологические последствия, связанные с ней. Эта самая долгая, жестокая и несправедливая война в истории США с особой наглядностью продемонстрировала античеловеческую духовную сущность «самого богатого» (а значит, и «самого счастливого», «справедливого») общества.

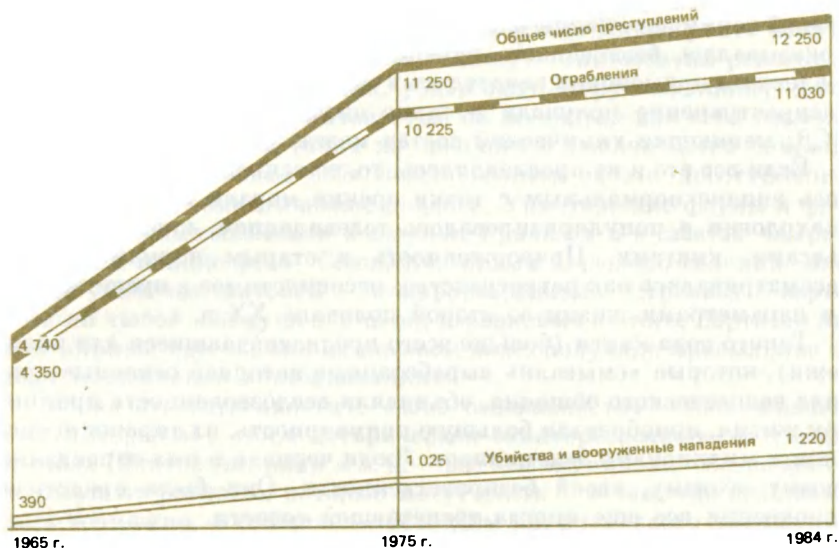
Она с особой очевидностью выставила на всеобщее обозрение такие пороки капитализма, как человеконенавистничество, жестокость, расизм, имперское мышление, отсутствие идеалов, обман правительством народа, готовность буржуазии идти на любое нарушение своих собственных законов, ею же самой проповедуемых норм морали, если речь идет о получении или спасении сверхприбылей, уничтожении коммунистического инакомыслия.

Война привела к невиданному в Америке, да и во всем буржуазном мире, подъему общедемократического движения протеста (особенно молодежи), которое начиналось как движение против войны во Вьетнаме, но затем приняло характер протеста против принципов самого общества, его идеалов.

Для многих оказалось шоком, что так называемые «all-American boys» («всеамериканские», т. е. «стопроцентно американские парни») в солдатской форме способны совершать точно такие же преступления, которые совершали гитлеровцы во время второй мировой войны, американское военное и гражданское командование способно отдавать преступные приказы, подобные тем, за которые судили гитлеровских военных преступников.

Преступления американской военщины во Вьетнаме сопровождались волной насилия, ростом преступности в Соединенных Штатах. Больших масштабов достиг государственный террор против инакомыслящих, против участников движения антивоенного протеста, борьбы за гражданские права (расправа над Мартином

РОСТ ПРЕСТУПНОСТИ В США (число преступлений, тыс.)

Лютером Кингом, членами организаций «Черные пантеры», «Братья Соледад», расстрел студентов в Кенте и т. п.). Именно в период войны во Вьетнаме и после нее поднялась волна международного терроризма. Социальная и моральная атмосфера, возникшая в США, а также в других капиталистических странах, в период войны во Вьетнаме породила многие отвратительные явления, которые оказались долговечнее, чем сама война.

В США расцветала атмосфера бытовой вседозволенности, которая была привнесена в страну во многом благодаря «эффекту бумеранга», под влиянием грязной войны. Но вседозволенность культивировали и специально. Она была не только отражением войны, но должна была в какой-то мере и «оправдывать» те преступления, которые американские солдаты совершали за тысячи километров от американских границ.

Именно в то время, в середине и конце 60-х годов, появилось в Америке огромное количество литературы, в которой авторы призывали человека освобождаться от «чувства вины» за что бы то ни было, проповедовали «избавление» от чувства ответственности за воспитание своих детей, предавали анафеме «устаревшие»

нормы морали, воспитывали сверхэгоизм личности, не связанной никакими обязательствами перед людьми, и т. п. «Научные» статьи в журналах доказывали необходимость порнографии (в том числе как свидетельства демократизма общества), проституции (в том числе и как способ повышения семейного бюджета, когда проституцией занимаются один или оба супруга по взаимному согласию). Доказывалась безвредность наркотиков, инструкции об их изготовлении и применении печатались в самых популярных журналах. Распространение получали и такие опаснейшие наркотики, как ЛСД, меняющие химический состав мозга.

Если все это и не прославлялось, то, во всяком случае, объявлялось вполне нормальным с точки зрения морали и человеческой психологии и популяризировалось телевидением, кинофильмами, пьесами, книгами. Приверженность к старым нормам морали рассматривалась как ретроградство, несовместимое с нравственными параметрами жизни во второй половине XX в.

Такого рода книги (больше всего предназначавшиеся для молодежи), которые «смывали» выработанные историей основные правила человеческого общения, объявляли вседозволенность принципом жизни, приобретали большую популярность, их тиражи исчислялись миллионами экземпляров. Люди черпали в них оправдание своему эгоизму, своей безнравственности. Они были средством успокоения все еще иногда трепетавшей совести.

Именно в начале 70-х годов появилась и разрослась до гигантских размеров детская порнография — одно из самых страшных преступлений капитализма против человечества. Это многомиллиардный бизнес, в который ныне вовлекается ежегодно 300—400 тыс. детей в возрасте от 3 до 12 лет (детей похищают или «арендуют» и покупают у родителей). Их держат в нем 2—3 года, затем выбрасывают в проституцию, наркоманию, преступность (в проституции, по американским данным, в стране ежегодно занято до 1,5 млн. подростков). Другими словами, речь идет не только о духовном растлении детей, но и об их физическом калечении. Этот бизнес к середине 80-х годов не только не уменьшился, но, наоборот, приобрел пугающие размеры, трудно предсказуемые по своим последствиям.

Идет насильственная ломка человеческой психологии. Незаконное узаконивается. Зло объявляется добром, а добро — нравственным ретроградством.

После печально знаменитой жесточайшей, варварской, так называемой «рождественской» (декабрь 1972 г.) бомбардировки американскими «Б-52» жилых кварталов Ханоя в печати появилась беседа со штурманом одного из сбитых самолетов. По образованию он был учителем литературы (окончил университет в Хьюстоне, знал русскую классику, читал Достоевского). Он признавал, что

бомбардировка Ханоя, во время которой было уничтожено несколько детских садов, больницы, тысячи жилых зданий, — это преступление. Но не его преступление, а тех, кто отдал приказ бомбить. Он же — лишь исполнитель приказа, он выполнял свой долг. На вопрос, смог ли бы он выполнить приказ, если бы ему вменили в обязанность взять топор и на конкретной улице Ханоя убить какую-нибудь «конкретную» старую женщину? — он ответил решительно: «Нет, не смог бы». Итак, убить одну старую женщину, даже получив на это приказ начальства, он не считал для себя возможным, а убить тысячи таких же женщин и тысячи детей бомбами смог и не чувствовал себя ответственным за это преступление.

В ход шли семантические подлоги. Уничтожение фауны и флоры во Вьетнаме называли в военных приказах и в газетах «выравниванием ландшафта». Сожжение целых деревень, селений, массовые убийства жителей — «умиротворением». Стрельба с вертолета по любой движущейся цели, независимо от того, партизан это или мирный крестьянин на рисовом поле, получило приемлемое на слух обозначение «стабилизация».

«Зона ответственности», «зона безопасности», «зона жизненных интересов», «зона исторической заинтересованности» Соединенных Штатов Америки и т. д. — все эти эвфемизмы обозначали и обозначают регионы, которые могут стать — а там, где это оказалось возможно, и ставшие — объектом американского вмешательства, интервенции, оккупации.

Этот опыт был в дальнейшем продолжен, использован и развит весьма активно. Достаточно упомянуть хотя бы так называемую «стратегическую оборонную инициативу» — название, которое прикрывает истинную цель программы «звездных войн».

В инструкции, которая с ведома Белого дома была в 1983 г. составлена ЦРУ для американских наемников, засылаемых в Никарагуа, террористические акты против лидеров никарагуанской революции именовались «нейтрализацией».

Если вдуматься в глубинный смысл политических и военных терминов, применяемых для заведомого обмана, иногда в них можно обнаружить взрывной запал саморазоблачения, о котором не подразумевали, видимо, их авторы. Например, эвфемизм «зона ответственности США», означающий «право» США на вмешательство и даже интервенцию в определенные районы мира. Одной из таких «зон ответственности» является Центральная Америка. Однако если иметь в виду крайнюю нищету и отсталость, в которой живут народы этого региона, близко прилегающего к Соединенным Штатам Америки, то термин «зона ответственности» звучит крайне двусмысленно.

В Никарагуа, скажем, в которой Соединенные Штаты Америки в течение нескольких десятилетий поддерживали фашистский

террористический режим семейства Сомосы, поставленного к власти американской морской пехотой, 70% населения не умело читать и писать (до победы революции в июле 1979 г., которая решила проблему неграмотности в первые же годы). В Сальвадоре, Гватемале, Гондурасе сейчас еще больший процент неграмотных. В этих же странах до сих пор царствуют нищета, голод, эпидемии, отсутствует элементарная медицинская помощь.

Такая же ситуация была на Кубе до того, как в 1959 г. там победила революция. 45 лет фашистского режима в Никарагуа, диктаторские режимы в Сальвадоре, Гондурасе, Гватемале, Парагвае, Чили, нищета народов, грабеж природных богатств этих стран американскими монополиями — ответственность за все это лежит прежде всего на американском империализме. Именно его «историческая заинтересованность» состояла в том, чтобы народы этих стран не избрали иного пути развития. Иначе — вооруженная оккупация, как это было в Гренаде, или фашистский переворот, организованный агентами ЦРУ, как это было в Чили. Во всех этих случаях термин «зона ответственности США» очень точно отвечает своему *буквальному* смыслу.

Тотальная пропаганда Полуиронический афоризм «Небольшая победоносная война всегда полезна для хозяйства» когда-то был придуман американскими острословами. Теперь же он считается чуть ли не экономическим законом. И задача буржуазной пропаганды состоит в том, чтобы он не воспринимался обывателем как шокирующий парадокс, а звучал обыденно и привычно, как совет заниматься спортом для укрепления здоровья.

Вот пример. Во время предвыборных дебатов в 1976 г. Джимми Картер бросил своему оппоненту, тогдашнему президенту США республиканцу Джеральду Форду, обвинение в том, что при нем, Форде, безработица значительно увеличилась, в то время как при президенте-демократе Линдоне Джонсоне ее уровень был гораздо ниже. И Форд, оправдываясь, ответил, что Джонсону было гораздо легче — в то время шла война во Вьетнаме!

Удивительно не то, что эта фраза была произнесена. Удивительно, что этот аргумент в Америке не вызвал возмущения или даже стыда. Ни одна из буржуазных газет, насколько нам известно, не обратила внимания на эту фразу. Не появилось ни одной статьи, в которой рассматривался бы вопрос о том, насколько уродлива суть общества, где война или подготовка к ней расценивается как один из способов решения экономических проблем, в том числе безработицы.

Благодаря усилиям пропаганды немалое число людей, живущих в развитых капиталистических странах, где военные расходы

составляют большую часть бюджета, убеждены в их необходимости для «здоровья» экономики. Хотя именно военные расходы съедают огромную долю национального дохода, которую можно было бы использовать для решения многих проблем, связанных с нищетой и безработицей.

На состоявшуюся в Нью-Йорке в 1981 г. специальную сессию Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению прибыла большая делегация японских сторонников мира. Среди них были и те, кто пережил трагедию Хиросимы и Нагасаки. Печать и кинокадры свидетельствуют, как поражены были японцы, как ужаснулись они, увидев в Нью-Йорке, в районе Южного Бронкса, картину, напоминавшую им в миниатюре результат атомной бомбардировки. Они поразились и другому — тому, что в отличие от Хиросимы и Нагасаки 1945-го в развалинах Южного Бронкса 1981-го *жили люди*. Жили и живут, потому что им больше негде обитать. Негде в колоссальном Нью-Йорке, одном из богатейших городов мира!

Над Южным Бронксом не разрывалась атомная бомба, но пещерная жизнь там, безусловно, связана с бомбами нейтронными, крылатыми ракетами, с ракетами «МХ», с «Першингами», с программой милитаризации космоса и со многим другим, на что Соединенные Штаты Америки тратят миллиарды долларов.

Насилие вообще изображается как неизбежное зло, заложенное в человеческих генах, от которого нет избавления. Западные социологи начали убеждать своих читателей в том, что «мыслить — значит господствовать, властвовать, принуждать». Вывод напрашивается сам собой: человеческое существование — это неизбежность насилия, агрессии, войн.

Из этих, казалось бы, «чисто биологических» теорий прямая дорога к желательным политическим выводам о том, что «мир — это продукт силы», «сильному дозволено все» и т. д. Если раньше факты политического терроризма, интервенций, вмешательства пытались хоть как-то скрывать, оправдывать благовидными предложениями, ибо они по старым нормам нравственности считались «аморальными», то теперь, с появлением «оправдывающих» их теорий, надобность в сокрытии отпала. Политическая аморальность вводится в закон, в доблесть, а следование политике силы ныне выдают за дело глубоко патриотическое.

Немало способствует этому давняя традиция (воспитанная еще ковбойским Голливудом и усиленная телевидением) отношений «хорошего» и «плохого» парня. «Хорошему» дозволено все для победы над «плохим»: и подлог, и мошенничество, и убийство. Никого не нужно убеждать в допустимости этого, необходимо лишь одно — чтобы в сознание были внедрены образы («имиджи») хорошего парня и плохого, чтобы аудитория знала точно, кто «хороший», а кто «плохой».

Вот почему столь назойливо американская пропаганда и средства массовых коммуникаций США делят мир на «хороший» и «плохой», «свободный» и «несвободный», «демократический» и «тотальный». Вот почему так усиленно внедряется в сознание людей, что американец, Америка — это символы «добра», «справедливости», «демократии», «прогресса», «счастья», одним словом, всего, что должно убедить мир, что Америке «все дозволено». И насилие, которое она совершает, — это насилие над «красными», над «марксистами», над «чиканос», над «латинос» и прочими «террористами». Такое насилие не только позволительно, но и естественно, ибо оно совершается во имя победы «хорошего парня над плохим». Это доступно пониманию рядового американца. Ему даже нравится эта простота. Он не любит полутеней. Главное — не сомневаться в своей «правоте». (Примером может служить бомбардировка американскими самолетами Ливии. Беспрецедентный акт государственного терроризма со стороны Вашингтона вызвал рост популярности президента США среди американских обывателей.)

Взгляд на насилие как на естественное явление жизни укрепляется в сознании американца телевидением, которое рядом с рекламой детских игрушек или уютного дома с лужайкой показывает без паузы американский линкор «Нью-Джерси», бьющий из своих орудий по жилым кварталам Бейрута, стирающий с лица земли горные селения Ливана. И то и другое обыватель видит за завтраком или вечером, сидя перед телевизором с банкой пива в руках. Насилие вводится в быт, делается таким же привычным, традиционным, общепринятым и популярным, как бейсбол или яблочный пирог.

Обработка человеческого сознания средствами пропаганды и «массовой культуры» с целью развития самых низменных инстинктов, лишение народов правдивой информации и, наоборот, распространение массовой дезинформации является грубейшим нарушением прав человека, калечащим его душу, сознание, лишаящим его человеческого достоинства, превращающим в дрессированное существо, лишенное способности принимать самостоятельные социальные-политические и нравственные решения.

Американский ученый Р. Джервис в книге «Логика имиджей в международных отношениях» утверждает, что международная политика помимо экономических и военных факторов включает фактор морально-психологический, основанный на пропагандистски созданном «имидже» той или иной страны. Поэтому международные конфликты, по его мнению, оказываются прежде всего столкновением «имиджей».

Если путем долгого и старательного обмана средствами массовой информации, при помощи телевизионных шоу, кинофиль-

мов и прочих средств эмоционального воздействия вокруг крохотной Гренады создается «имидж» страны, являющейся «арсеналом для международного терроризма» и «коммунистических революций» в бассейне Карибского моря, то оккупация этого острова американскими войсками воспринимается обывателем, замороженным страхом, как победа американской демократии над «темными силами коммунизма».

Без воспитанного с детских лет утробного страха перед самим словом «коммунизм», без культивируемой в течение десятилетий ненависти ко всему, что не желает подчиняться американским законам и американским взглядам на жизнь, не могло бы существовать этой поддержки обывателями преступных акций американского правительства.

Если американский ученый, специалист по средствам массовой информации Герберт Шиллер выделяет пять основных (так сказать, постоянно действующих) мифов, которые создает или пытается создать буржуазная пропаганда (миф об индивидуализме и личном выборе, миф о беспристрастности, миф о неизменной природе человека, миф об отсутствии социальных конфликтов и миф о плюрализме средств массовой информации¹), то, по нашему убеждению, к ним следует добавить как минимум еще один постоянно действующий, «основополагающий» миф — о «военной угрозе» коммунизма вообще и Советского Союза в частности. Этот «шестой миф», кстати говоря, приносит военно-промышленному комплексу огромные (не мифические, а вполне реальные) сверхприбыли.

В поддержку этого мнения можно привести хотя бы следующую цитату: «Вся истерическая, вся бесконечная и сложная нетерпимость наших дней зиждется на главной лжи — лжи о России. Это была ложь, что они (русские. — *Авт.*) предпочитают не советское правительство, а то, что им наперебой предлагали западные генералы. Это была ложь, что они собирались вторгнуться в мирную Европу. Это была ложь, что Советская Россия не предлагала мира с почетом и гарантиями... Вся эта ложь, вся огромная машина антирусской пропаганды пущены в ход против народов мира только для того, чтобы легче было блокировать Советскую Россию».

Несведущий читатель может подумать, что эти слова написаны сегодня человеком, выступающим против антисоветской истерии, настолько современно они звучат. Однако цитата эта взята из американского журнала «Нью Рипаблик» из номера от 28 января 1920 г. и принадлежит перу в то время молодого, а впоследствии весьма известного консервативного американского журналиста Уолтера Липпмана. Миф и истерию по поводу того, что Советская

¹ Schiller H. I. The Mind Managers. Boston, 1973, pp. 8, 11, 16, 19.

Россия стремится «завоевать мир», органы буржуазной пропаганды начали раздувать еще тогда, когда наша страна была экономически слаба, когда ее терзали иностранные интервенты, белогвардейцы, мучили голод и разруха.

С тех пор мощности буржуазных антисоветских, антикоммунистических средств массовой информации возросли в гигантских масштабах. Обработка человеческого мозга происходит сегодня по методу «ковровой пропаганды» (заимствуем этот термин из американского военного лексикона времен вьетнамской войны, когда было введено понятие «коврового», то есть сплошного, всеподавляющего бомбометания), чтобы ни одна извилина мозга не оставалась невыпрямленной в нужном направлении, чтобы не осталось ни одного закоулка человеческой души, не отравленного ядом страха и ненависти.

Инструмент тотальной духовной власти — средства массовой информации — не просто следят за умонастроением людей, но формируют их, лишают человека способности воспринимать мир самостоятельно. В младенчестве человек видит все вокруг себя перевернутым. И это, по-видимому, нормально. Но ненормально и опасно, если человека до самой смерти заставляют видеть мир не таким, каков он есть на самом деле.

Мифотворчество о «военной угрозе» Советского Союза и коммунизма может существовать, конечно, только при нулевом уровне знания реалий социалистического общества. В крупнейшей стране капиталистического мира, в которой средства массовой информации развиты больше, чем во всех других странах, о Советском Союзе, о его жизни не знают почти ничего.

Как-то Институт общественного мнения Джорджа Гэллапа в Принстоне провел опрос студентов американских колледжей на тему, что они знают о Советском Союзе. Вот данные этих исследований.

- 14% американских студентов не могут назвать двух любых советских городов.

- 8% студентов не знают, какой город является столицей СССР.

- 68% полагают, что квартирная плата в СССР составляет от 20 до 80% зарплаты каждого человека.

- 51% студентов не могут ответить, в каком году совершилась Октябрьская революция.

И вот уже совсем потрясающие данные.

- 16% студентов высших учебных заведений США не знают, на чьей стороне воевал СССР во второй мировой войне.

- 9% считают, что Советский Союз воевал на стороне гитлеровской Германии против Соединенных Штатов.

Преградить путь распространению правды о социализме, в

том числе о его культуре и искусстве, — одна из главных задач буржуазной пропаганды. Существующий вакуум знаний, низкий культурный уровень позволяют ей вести обработку масс в духе антисоветизма и антикоммунизма.

В известной Вестминстерской школе в Лондоне, одном из самых аристократических и дорогих частных учебных заведений, из стен которого вышло 9 премьер-министров Англии, 14 архиепископов, большое количество министров, послов и т. д., учащиеся смогли назвать лишь одного из известных советских писателей — М. Горького. В Западной Германии практически никто из студентов университетов в Бонне и Мюнстере не знает ни одного советского писателя, не видел ни одного советского фильма, не смог рассказать ни об одном событии из жизни нашей страны за последние годы. Многие иностранные журналисты (вовсе не обязательно друзья Советского Союза) отмечают, что обыкновенный советский человек знает о жизни, культуре, литературе США неизмеримо больше, чем рядовой американец знает о Советском Союзе.

Эти и многие другие факты не случайны. Так, если за период после второй мировой войны в СССР издано более 18 тысяч наименований книг американских, французских, английских и западногерманских авторов, то книг русских и советских авторов в этих четырех странах выпущено всего лишь около 3 тысяч наименований (а тиражи их вообще несравнимы).

...Однажды по американскому телевидению показывали интервью с человеком, который стоит у кнопки.

Его спросили, знает ли он, на какие города нацелены его ракеты? Нет, не знает. Знает только, что это русские города. Что он вообще знает о русских городах? Очень мало. Не хочется ли ему узнать больше? Он не хочет знать больше. Ему не рекомендовано узнавать больше. Почему? Чем больше он будет о них знать, тем труднее ему будет нажать кнопку.

Общий взгляд на мир. Расплывчатость представлений о жизни других людей. Подальше от конкретики. Идеологи войны хорошо знают, что баллистическими ракетами или бомбами с высоты нескольких тысяч метров из ночного неба гораздо легче бить по детским садам, чем расстреливать детей в упор.

Сегодняшнее воспитание шовинизма и человеконенавистничества идет параллельно с насильственным лишением будущих убийц знаний о людях, которых им предстоит уничтожить, о городах, которые им предстоит стереть с лица земли.

Научить американцев считать окружающий мир населенным безликим врагом, «недочеловеками», которых Америка обязана «научить жить», убедить, что страны социализма — смертельные враги США, — одно из основных направлений воспитания человека в капиталистическом обществе, в чем огромную роль играет

массовая культура. Оно отражает опасный процесс развития буржуазного образа мышления, содержит немало элементов мышления фашистского типа.

Психология страха

Пожалуй, из всех эмоций, присущих человеку в современной буржуазной цивилизации, самой распространенной, доминирующей эмоцией является чувство страха. Страх заболеть. Страх потерять работу. Страх разориться. Страх, что тебя обгонит конкурент. Наконец, страх перед войной, но не естественный человеческий страх перед возможной военной катастрофой, а страх, вызванный почти семидесятилетней пропагандистской кампанией, в которой главной ложью является ложь о «советской военной угрозе», о том, что Советы вот-вот нападут на беззащитную Америку. Несуразно? Глупо? Но действует достаточно эффективно, ибо средний американец не получает, да и не стремится получить информацию, кроме той, которую вдалбливает в его сознание американская пропаганда.

Насильственная инъекция страха даже одному человеку — дело преступное. Насильственная инъекция страха целому народу, многим народам — дело в миллионы раз более преступное и опасное для жизни планеты.

Гитлеровская пропаганда в свое время эксплуатировала самые низменные человеческие инстинкты. Спекуляция на животном чувстве страха, вызванного заведомой ложью, — это гитлеровский прием обмана народа.

Бывший начальник бюро по военно-политическим делам Государственного департамента Лесли Гелб писал в газете «Нью-Йорк таймс»: «Одна из причин такой паники — близкая к истерии атмосфера, вызванная военным потенциалом и глобальными планами Советского Союза, миф о которых был создан представителями правого крыла при содействии раздувавших их средств массовой информации. Много лет правое крыло в лице таких организаций, как «Комитет по существующей опасности» и «Американский консервативный совет безопасности», все громче било в барабаны по поводу роста советской мощи и ослабления американского потенциала. Президенты Джеральд Форд и Картер ответили на это увеличением военных расходов. Но правое крыло не было удовлетворено. Оно начало «священную войну». Оно потребовало полного согласия со своей позицией, угрожая, что в ином случае «разделается с вами на следующих выборах». А у него есть деньги и люди, чтобы такая угроза звучала вполне реально. Политическое влияние этого правого крыла и высказанные им опасения находили широкое освещение в печати. Дело дошло до того, что умеренные политические деятели и должностные лица либо не

дают себе труда высказать свое мнение, либо боятся выдвинуть более уравновешенное мнение из страха, что их заклеят как апологетов Москвы. Я не хочу сказать, что господствует такая же атмосфера, как во времена Маккарти, но нападки правого крыла придали именно такой характер существующему климату».

Эти слова были написаны еще до того, как к власти пришла нынешняя администрация США, ознаменовавшая значительное усиление позиций того самого правого крыла, о котором писал Гелб.

Если вывести породу крыс, которые будут вдвое больше обыкновенных, то это будут просто большие крысы. Если вывести породу крыс, в десять раз больше обыкновенных, то это будут очень большие, даже гигантские, но все-таки крысы. Но если вывести крысу размерами в тысячу раз больше обыкновенной, то это будет уже не крыса, а никому доселе неизвестное чудовище, действия и поведение которого трудно предсказать и которое может угрожать людям и природе огромными разрушениями и несчастьями. То же можно сказать и о военно-промышленном комплексе США, который сегодня является угрозой не только для жизни самих американцев, но и всего человечества.

Система буржуазных средств массовой информации, работающих на ВПК, гигантски разрослась с тех пор, как Уолтер Липпман напечатал свою статью в «Нью Рипаблик».

Как атомную энергию можно употребить для блага человечества, а можно и для массового уничтожения людей, так и разрушительный потенциал средств массовой информации может принести человечеству горе, непоправимый вред, если попадает в руки своекорыстных манипуляторов человеческим сознанием, лишаящих народы памяти и знаний.

Информационный взрыв в буржуазных странах все больше и больше принимает форму смертоносного гриба. Действие капиталистических средств массовой информации в конце XX в. можно сравнить со своего рода «чистым» оружием (американский термин для нейтронной бомбы, уничтожающей человека, но оставляющей нетронутыми материальные ценности). В данном случае «чистое» оружие пропаганды не приносит физического вреда человеку, но калечит, деформирует его душу, совесть, сознание.

Этой обработке сознания служат и наемники от литературы и искусства. Ф. М. Достоевский, как известно, считал, что когда человечество позовут на страшный суд, то ему, человечеству, в свое оправдание достаточно будет представить одну-единственную великую книгу под названием «Дон Кихот» Сервантеса, и все простится, все грехи будут отпущены.

Великий русский писатель оправдывал человечество не тем, что оно выдумало порох, придумало подтяжки, изобрело велосипед, удобные панталоны и зонтики от дождя, хотя все это нужно, а

способностью человека любить, делать добро, мечтать о справедливости и бороться за нее, смеяться и плакать, делить радости и горести людей, быть наивным и доверчивым. Одним словом, речь идет о нравственности, о совести, о культуре, искусстве, литературе, о высших проявлениях человеческого духа.

Но если на том суде, о котором писал Достоевский, будут не только защитники, но и обвинители, а они (уж если вообразить себе такую ситуацию, так сказать гипотетическую) должны быть, то они, к несчастью, смогут представить высшему суду невообразимое количество печатных страниц, магнитофонной, видео- и киноплёнки, которые будут свидетельствовать о том, что людьми созданы не только такие книги, как «Дон Кихот», но и огромная индустрия сознательного растления человеческих душ, распространения (в том числе и средствами искусства и литературы) лжи, страха, человеконенавистничества.

Использование культуры против человечества, использование такого инструмента, как искусство, для разжигания ненависти, белого листа бумаги, экрана кино и телевидения, сцены театра для продажи страха, пропаганды вооружений и войны — это все преступление перед человечеством. Средства, идущие на создание такого рода произведений, надо относить на статьи военных бюджетов. Такие кинофильмы, передачи и книги надо считать стратегическими средствами разрушения человеческой нравственности.

Если уж говорить об опасности, об угрозе уничтожения человечества, то рядом с угрозой войны и гонки вооружений нужно было бы водрузить на пьедестал позора, бессмысленности и эти средства отравления человеческой совести.

Спасти окружающую среду — лозунг верный и актуальный. Но не менее актуален лозунг: спасти человеческую душу от вселенской, всеобъемлющей лжи буржуазных средств массовой пропаганды и массовой культуры.

Упоминавшийся нами Герберт Шиллер пишет: «Испытывающий ограничения в возможности применения силы, американский империализм начал разрабатывать и создавать дополнительные, если не альтернативные, стратегию и методику для защиты своих шатающихся и все более оказывающихся под угрозой глобальных позиций. Все большее значение в этом процессе придается идеологической сфере.

Техника пропаганды, манипулирования и культурного проникновения становится все более важной и более *умышленной* в арсенале американского империализма. Эта техника становится более эффективной в результате применения сложного коммуникационного оборудования, созданного в ходе осуществления космических программ, ориентированных на военные цели...»¹

¹ Schiller H. I. Communication and Cultural Domination. N. Y., 1976, p. 2—3.

Американский империализм пытается навязать миру — не только странам развивающимся, но и развитым капиталистическим странам — свои формы, методы, общую структуру и, главное, продукцию средств массовой информации и культурных коммуникаций. Мощь и разветвленность массовых коммуникаций является базой этой политики культурного и информационного империализма. И борьба с американской системой коммуникаций для сохранения независимости, собственного взгляда на жизнь и национальной культуры — для многих государств капиталистического мира дело далеко не простое. Отказ (даже если его можно осуществить) от пользования западной (и прежде всего американской) системой информации, уже внедрившейся в ежедневный быт, немедленно вызывает информационный и зрелищный голод. А заменить эту систему во многих развивающихся да и развитых капиталистических странах нечем. На этом и строится политика культурного империализма, который еще называют «информационным и электронным империализмом».

Говорят, что «дипломатия канонерок» теперь сдана в архив, но зато процветающим бизнесом сегодня стала «дипломатия средств массовой информации». На наш взгляд, дипломатия канонерок, конечно, не «сдана в архив», это показал хотя бы линкор «Нью-Джерси» около ливанских берегов, расстрелявший многие сотни мирных жителей, уж не говоря об оккупации Гренады и бандитском нападении на Ливию. Что же касается «дипломатии средств массовой информации», то она действительно заняла в последние годы одно из ведущих мест в комплексе средств, используемых международным империализмом вообще и американским империализмом прежде всего.

Америка опутала мир сетью своих радиостанций, контрактами на поставку телеграфной и телевизионной информации, печатных изданий, распространения кино- и телевизионных программ и т. п. Этот поток идеологически направленной продукции предназначен не только для развивающихся, но и для многих развитых капиталистических стран.

Практически в Азии, Африке и Латинской Америке нет страны, где не действовали бы культурные и информационные центры Запада. США имеют такие центры в 125 странах мира. Густая сеть их находится в руках Британского совета (Англия), Института Гёте (ФРГ) и аналогичных учреждений других западных государств, созданных специально для насаждения в «третьем мире» буржуазной идеологии и культуры, пропаганды антикоммунизма. Бюджеты этих учреждений измеряются сотнями миллионов долларов. В Западной Европе до трети демонстрируемых по телевидению программ изготовлено в Соединенных Штатах. По под-

счетах, проведенным недавно журналом «Форин афферс», в Канаде, например, 85% распространяемых журналов — иностранного происхождения, 83% издаваемых книг написаны иностранными авторами, 71% издательств контролируется иностранцами, 96% фильмов, демонстрируемых в канадских кинотеатрах, равно как и телевизионные передачи, пьесы и т. д., иностранного происхождения. Даже в такой стране, как Франция, 70% демонстрируемых художественных кинофильмов — иностранные, в первую очередь американские. А в Швеции 75% музыкальных произведений, исполняемых публично, импортированы из США.

Именно с помощью антидемократической, бездуховной «массовой культуры» правящие силы США и осуществляют свою глобальную духовную экспансию, тот «культурный империализм», против которого начинают протестовать французы и англичане, итальянцы и испанцы, народы развивающихся стран. «Антикультура» американского образца душит национальную культуру других народов, уродует народную нравственность. И хотя в чем-то, к примеру в музыке, в песне, американская «массовая культура» опирается порой на народные, скажем, африканские фольклорные традиции, в целом по своей сути она антинациональна, антинародна, противостоит демократическим традициям в культуре любой страны, включая и сами Соединенные Штаты Америки.

Вряд ли кто-нибудь будет спорить о плодотворности взаимодействия культур. Но культур, а не антикультур, культур, а не бескультурья.

Каждый народ смотрит на мир своими глазами. И каждый народ внес в сокровищницу мировой культуры свою лепту. Еще в начале 50-х годов Илья Эренбург писал: «Можно ли представить себе Сервантеса, родившегося где-нибудь, кроме Испании? Можно ли вообразить не французского Мольера? Можно ли оторвать Льва Толстого от русского характера и русской истории? Как нельзя на эсперанто написать «Гамлета» или «Божественную комедию», нельзя, изменяя французскую, английскую, итальянскую культуру некоей конъюнктурной «западной культурой», создать что-либо поднимающееся над уровнем «Ридерз дайджест» и голливудской продукции».

Соединенные Штаты Америки дали миру замечательных писателей и композиторов. За много десятилетий в Голливуде созданы в том числе и прекрасные фильмы. Но Европу захлестывают не выдающиеся достижения американской культуры, а кинофильм «Рэмбо» об американском «суперпатриоте», уничтожающем своих коммунистических врагов, чтиво, которое предлагает «Ридерз дайджест», издающийся на многих языках мира, конвульсивная наркотическая какофония. Впрочем, то же самое захлестывает и

американскую аудиторию, воспитанную для восприятия именно «массовой культуры».

Засилье американской «культурной продукции» в западных странах все чаще стало вызывать протесты общественности. Но общая картина остается пока неизменной. Культурные связи даже между капиталистическими странами, не говоря уже об их политике в «третьем мире», чаще всего используются для идеологической экспансии, вмешательства в духовную жизнь других народов.

По данным ЮНЕСКО, в мире ежегодно издается свыше 770 тыс. названий книг и брошюр, общий тираж которых составляет 16 млрд. экземпляров. При этом следует заметить, что в США на 1 млн жителей число изданных книг составляет около 330, в западноевропейских странах — более 330, тогда как в развивающихся странах — лишь 53. Из всех книг, издаваемых в западноевропейских странах, лишь 16% реализуется на своих книжных рынках, а остальные экспортируются в другие страны.

Происходит дальнейшая концентрация издания и торговли книгами в руках крупных, многонациональных концернов. На исходе 70-х и в начале 80-х годов третья часть вновь создаваемых в США мелких издательств прекращала свою деятельность в среднем через 3 года, 6 издательств из 10 выбывали из строя в течение 5 лет и более 80% — в течение 10 лет.

В последние годы финансовое положение частных предпринимателей в издательском бизнесе США становится все более нестабильным. По высказываниям американских издателей, в ближайшие годы едва ли можно рассчитывать на изменение ситуации. Именно поэтому они начали призывать к объединению и координации усилий государственного и частного секторов в продвижении и распространении американских книг за рубежом, активно выдвигая при этом тезис о книге как о важнейшем средстве идеологического влияния в мире.

Герберт Шиллер отмечает связь информационного и культурно-империализма с законами и правилами внутреннего американского рынка. «Полувековое развитие и совершенствование методики сбыта продукции (маркетинг) на внутренних рынках теперь открыто используется на международной арене. Рыночная методика, созданная и доведенная до совершенства для продажи потребительских товаров промышленности, в настоящее время применяется также для продажи в глобальном масштабе идей, вкусов, взглядов и верований. Фактически на современной стадии развития капитализма производство того, что капитализм любит называть «информацией», превратилось в одну из ведущих и необходимых составных частей всей системы. Сообщения, как письменные, так и визуальные, жизненный стиль, информационная техника, несущие на себе клеймо «сделано в США», широко распространяются

за рубежом и, что не менее важно, имитируются во всем мире. Сегодня многонациональные корпорации являются глобальными организаторами мировой экономики, а информация и коммуникация стали жизненно важными компонентами в системе управления и контроля. Необходимо отметить, что понятие «коммуникация» включает в себя намного больше, чем сообщения и признанные системы связи, по которым эти сообщения передаются. Коммуникация определяет социальные реалии и поэтому влияет на организацию труда, характер технологии, учебные программы системы образования и использование «свободного» времени, т. е. по сути дела на все основные социальные параметры образа жизни».

Другими словами, речь идет о безудержной, агрессивной рекламе американского образа жизни.

Власть рекламы

Реклама занимает огромное место в потребительском обществе, причем не только в рыночных отношениях. В большой степени она влияет на развитие всей буржуазной цивилизации и культуры вообще, особенно американской.

Ведущий историк американской культуры Дэниэл Бурстин называет рекламу «определяющим течением в потоке американской цивилизации», «цементирующим составом в фундаменте Нового Света»...

Реклама не только внушает человеку мысль о необходимости что-то купить, приобрести. Она не только помогает производителям сбывать товар, но она еще и помогает распространению иллюзорного взгляда на жизнь. Это своеобразный опиум, создающий его потребителям причудливый мир, далекий от реальностей.

В Нью-Йорке есть телевизионная программа, которая в рождественский праздник показывает на экране рождественскую елку. Просто елку, украшенную игрушками. Она предназначена для бездомных, которые могут «насладиться» праздником, стоя, например, у витрины магазина, где выставлен телевизор. В этом — символ: замена жизни ее изображением. С таким же успехом можно нищему показывать на экране пачку денег, голодному — дымящееся жаркое, а безработному — незанятое рабочее место.

Наблюдая за жизнью богатых знаменитостей — кинозвезд, рекламирующих преимущества того или иного товара, миллионеров, певцов, спортсменов, пользующихся этими товарами, — самый последний обитатель Гарлема зачастую преисполняется надежды, что и он мог бы добиться этого, если бы подвернулся для него счастливый случай. Даже простое сознание того факта, что перед тобой рекламируют тот же кофе, который покупают люди «там, наверху», те же сигареты, те же галстуки, укрепляет

иллюзию и надежду, что в один прекрасный день, когда ты вдруг разбогатеешь, и ты сможешь стать частью их общества...

Эта иллюзия должна компенсировать огромному количеству людей неудовлетворенность своей жизнью или просто бедственное существование, которое они ведут. Человек, всю жизнь проводящий в иллюзорной надежде, что и с ним может произойти нечто удивительное, способное круто изменить его жизнь,— одно из типичных созданий капиталистического образа жизни.

Иллюзия «шанса» стопроцентно эгоцентрична и по сути своей должна уничтожать всякое желание к объединению с другими в борьбе за изменение условий существования.

Воспитание эгоизма, вражды ко всем, кто тебя окружает и кто может вдруг использовать шанс, который в другом случае достался бы тебе,— одна из «несущих конструкций» в психологической структуре капиталистического общества.

И не случайно одно из важнейших направлений антикоммунистической пропаганды связано с запугиванием буржуазного обывателя тем, что при социализме он не может рассчитывать на «выигрышный билет» в жизни, не сможет стать богатым, не сможет выделиться.

Реклама, распространяемая через радио, телевидение и кинематограф, приобретает немалую силу, превращаясь в мощное идеологическое оружие.

Она навязывает зрителю потребительский идеал, к которому надо стремиться, мечту, которую надо иметь, книги, которые надо читать, манеру поведения, стиль одежды, оформления жилья, общения со знакомыми, родственниками, соседями, стиль реакций на то или иное сообщение, то или иное событие. Идет гигантская стереотипизация всех сторон жизни обывателя, в том числе стереотипизация образа мышления. Насаждается конформизм.

А поскольку уровень восприятия, скажем, американского телезрителя в среднем равен уровню восприятия, который имеет подросток 12—14 лет (согласно исследованиям, проведенным американскими телевизионными компаниями в конце 70-х годов), то такая стереотипизация проходит достаточно легко и эффективно.

Пожалуй, ни в одной стране мира не встретишь такого количества стереотипных, уже отработанных реакций на типичные ситуации, как в США. Это реакции и словесные, и мимические, и психологические.

Происходит не только внешняя стандартизация человека, но и обработка под шаблон его чувств, его мышления, его политических взглядов.

Сила рекламы, как идеологического оружия, возросла не только потому, что в распространении ее теперь принимает участие такое мощное средство массовых коммуникаций, как телевидение, но и

потому, что реклама, используя возможности телевидения, уже давно из деловой и информационной, какой была в начале своего существования, превратилась в фактор, который должен не только информировать, но и вызывать соответствующие эмоции. То есть из сферы чисто пропагандистской она перешла в сферу, имеющую отношение к искусству. Слово это употребляется здесь намеренно без кавычек, ибо искусство рекламы достигло в некоторых буржуазных странах действительно высокого уровня. Иногда ролик продолжительностью в одну минуту, пускаемый по телевидению для рекламы пива, сделан куда с большим мастерством и выдумкой, чем иной кинобоевик.

Реклама превратилась в короткий художественный кинофильм, в спектакль, в молниеносное ударное шоу со всеми элементами, присущими этому виду искусства, — сюжетом, завязкой, развязкой, коротким диалогом, запоминающейся мелодией. Такие рекламные шоу создают специалисты своего дела, отличные режиссеры, композиторы, в них часто участвуют известные актеры и актрисы. Техника и качество съемок в некоторых из них безурочны.

Как концентрированное выражение психологии потребительского общества, новая *шоубразная* реклама повлияла и на многие стороны реальной жизни. Рекламное шоу стало неотъемлемой частью практически всех сторон существования потребительского общества — не только торговли, но и пропаганды, и искусства, и, конечно, политики. Политическое рекламное шоу, создание политического «имиджа» стали во второй половине XX в., особенно начиная с семидесятых годов, таким же обыкновенным и привычным делом, как реклама любого другого товара.

Споры о том, этично или не этично рекламировать политическое деятели так, как рекламируют пиво или кусок мыла, закончились довольно быстро.

Надо заметить, однако, что в системе торговли мылом (возьмем уж этот образ, поскольку он предложен буржуазными специалистами по политической рекламе) имеются свои достаточно жесткие правила, установленные законом. Если такие стандарты (например, безвредность для человека) нарушены, товар может быть запрещен к продаже. Есть законы, касающиеся и рекламы: продавец не имеет права рекламировать кольцо как золотое, если оно сделано из меди. За такое мошенничество он может быть оштрафован или даже лишиться бизнеса.

При рекламе политического деятеля никаких законов такого рода не существует. Более того, большинство избирателей заранее знают, что их будет обманывать и один кандидат, и другой. Рекламируемые качества кандидата — и человеческие и деловые — почти всегда не соответствуют действительности, а предвыборные

обещания не накладывают на него в будущем никаких обязательств.

Выборы для большей части населения превращают просто в увлекательную шумную игру, в политическое шоу, выстроенное по всем законам театрального рекламного зрелища. И грим, который постоянно носят на лице люди, могущие оказаться в поле зрения телекамеры в неожиданный для себя момент (скажем, кандидаты на все выборные посты от сенаторов и конгрессменов до президента страны), является как бы символом всей системы жизни. Ибо от того, как выглядит кандидат на телевизионном экране, как держится, как отглажен у него костюм, какова прическа, зависит во многом исход выборов.

Тенденцию использования политикой жанра шоу-бизнеса подметил еще в 1960 г. американский писатель и публицист, представитель «нового журнализма» Норман Мейлер (не беря, впрочем, на себя роль предсказателя). Вот что писал он тогда о кандидате в президенты Джоне Кеннеди: «Он понял, что самый важный, единственно динамичный вид культуры, способный поразить воображение и изменить американцев,— это экран. В самом центре американской жизни образовался вакуум: не было кинозвезды, наделенной достаточным умом, мужеством и силой, чтобы стать лидером нации. Не было и лидера, который пошел бы на вызов, на этически авантюрный резонанс кинозвезды. И Кеннеди выдвинул свою кандидатуру. Он стал кинозвездой в облике президента...»

Мейлер точно уловил (как, впрочем, и сам Джон Кеннеди) великую власть шоу-бизнеса над Америкой. Однако вряд ли даже Мейлер допускал мысль, что через 20 лет Америка изберет президентом не политика, изображающего кинозвезду, а киногогеря, занимающегося политикой. Политика полностью слилась с шоу-бизнесом. Шоу абсолютизировано.

Чуть позже об этом писал Гор Видал: «Кто может стать руководителем нашей страны? С ростом «цен на политику» и сотворением «имиджа» становится очевидно, что им может быть или очень богатый человек, или тот, кто может привлечь на свою сторону капитал. А среди них победит тот, кто покорит телезрителя...»

В известной работе американского философа Берроуза Данэма «Мыслители и казначеи», изданной у нас в 1960 г., рассказывается о том, как взаимоотношения между «казначеем» (властью) и «мыслителем» (философией, политикой, идеологией) влияли на «плательщика налогов» (народные массы). «Мыслитель», щедро оплачиваемый «казначеем», разрабатывал теории, которые должны были доказывать «плательщику налогов», что он *обязан* отдавать деньги властям (мы не рассматриваем те случаи, когда «мыслитель» становится на сторону «плательщика налогов»).

Характерно, что в 50-е годы нынешнего века Данэм выбрал для обозначения функций одного из героев своей ассоциативной истории слово *«мыслитель»*. Очевидно, он хотел подчеркнуть особое значение *аргумента, довода* в его работе на «казначей».

На наш взгляд, если бы книга эта писалась в 70-е годы или в настоящее время, на исходе столетия, американскому философу следовало бы (с большим основанием) назвать своего героя *шоумэном*. Ибо *зрелище, представление, шоу* занимают ныне главное место в методике обработки сознания масс.

«Массовая культура» «Массовая культура» служит интересам монополий. Основу ее составляет рекламное шоу, пропагандирующее при помощи средств эмоционального воздействия (сфера «искусства») убеждения, взгляды, мировоззрение буржуазного общества.

Однако это вовсе не означает, что в век «рокового» сочетания сферы культуры с новейшими средствами доставки информации и зрелищ «прекращает» свое существование идеология (что утверждают некоторые западные социологи, выдвигающие теорию конвергенции общественных систем под влиянием «массовой культуры»). Просто «казначей» подталкивает «мыслителя» к поиску новых, наиболее эффективных и современных форм работы. И «мыслитель» все чаще надевает на себя костюм шоумена. Более того, сам «казначей» научился быть участником шоу, научился создавать свой «имидж», поддерживать и развивать его.

Но разве «казначей» и работающий на него «мыслитель», научившись петь, жонглировать шариками, скакать на ковбойской лошади, перестали делать свое главное дело?

Идеология не только не «отмерла», наоборот, накал идеологической битвы за умы людей повысился, принял глобальные масштабы.

Будто предвидя подобную ситуацию, В. И. Ленин писал: «...В политике не так важно, *кто* отстаивает непосредственно известные взгляды. Важно то, *кому* *выгодны* эти взгляды...»¹

Американский историк и публицист Кристофер Лэш считает, что современный американец живет в технотронном мире образов, создаваемых фотокамерой, телевидением и кинематографом. Он не доверяет чувству реальности до тех пор, пока камера не воспроизведет ее образы². Действительно, американец начинает верить в реальности жизни тогда, когда они появляются на экране.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 61.

² Lasch Ch. The Culture of Narcissism. American Life in an Age of Diminishing Expectations. N. Y., 1978, pp. 47, 48.

«Создание иллюзий, которые заменяют наш опыт, стало основным бизнесом в Америке,— пишет американский ученый Дэниэл Бурстин,— и самым почетным, самым необходимым, самым respectable¹. И добавляет, что Америка — это мир псевдособытий и квазиинформаций, в котором нет правды или лжи, а есть просто некая вероятность правды.

Для создания такого рода нужных «казначеев» иллюзий, мифов эффектное шоу с участием знаменитости гораздо больше подходит, чем доклад или статья «мыслителя». Шоу и раньше занимало большое место в политике и идеологии, но организация его всегда была дорогостоящим мероприятием, к тому же не обладавшим возможностью охватить значительное число людей (в этом смысле тираж газетной статьи был несравненно выше). С внедрением же в быт телевидения этот недостаток зрелищной пропаганды, зрелищной политики и идеологии исчез.

При использовании произведений культуры для манипулирования человеческим сознанием происходит процесс, который Бертольт Брехт назвал «переплавкой духовных ценностей в товары».

Примером такой «переплавки» можно считать нововведение в книжной торговле, появившееся в США в начале 80-х годов: торговля книгами без автора, торговля «чтивом». Такая торговля представляет собой следующее. В магазине — не обязательно книжном, а большей частью промтоварном или гастрономическом, чаще же всего в «супермаркете», где торгуют всем, от зубной щетки до энциклопедии, создается специальный «книжный отдел», где навалом лежат отпечатанные на дешевой бумаге книги без обложек и без названий. На ящиках лишь обозначено крупными буквами: «Секс», «Шпионы», «Гангстеры», «Мистика», «Инопланетяне», «Война», «Ужасы» и т. п. Эти книги читатель покупает на вес, как гвозди, или по числу страниц. Анонимный духовный хлам освобождает автора от ответственности художника, превращает его в обыкновенного производителя товара. По сути, это низведение духовной пищи до категории гораздо более низкой, чем, скажем, огурец или кочан капусты. Там покупатель может по крайней мере отличить на глаз гнилую капусту от хорошей, а за продажу недоброкачественных пищевых продуктов, он уверен, продавец несет ответственность. Здесь же — никаких гарантий и никакой ответственности.

Вот другой пример. В конце 70-х годов на американском телевидении появилось выражение «дешевое шоу» (*cheap show*). «Де-

¹ Boorstin D. J. The Image or What Happened to the American Dream. N. Y., 1962, p. 5.

шевизна» здесь имелась в виду не столько финансовая, сколько творческая — вызывающе низкое качество предлагаемого телезрителям зрелища.

Термин этот появился не сам по себе. Он обозначил целое направление низкопробных, нарочито глупых, вульгарных и примитивных телевизионных программ, которые, как оказалось, пользовались у зрителя большей популярностью, чем те программы, которые отличала хоть какая-то глубина содержания и хотя бы некоторый уровень художественности. Речь идет не о посредственных программах, кинофильмах, театральных постановках — их поток был всегда обильным. Но такие произведения до сих пор считались неудачными, посредственными и т. п. Теперь же «дешевые шоу» создают подчас высокие профессионалы и сознательно делают их вызывающе бездарными. Это не эпатирование публики, ибо программы, в которых открыто царствует обыкновенная глупость, пользуются популярностью. Авторы «дешевых шоу» никого не эпатируют. Просто телевидение пытается удовлетворить вкусы духовно и интеллектуально неразвитого зрителя. Это и не «кич», ибо «кичу» свойственно подражание искусству, хоть и подражание с крайней мерой безвкусицы. Что же касается «дешевого шоу», то там нет никаких попыток подражать. Это нечто совсем иное, «самостоятельное», присущее американской культуре 80-х годов.

Как в политике создается общественное мнение путем сознательного распространения лжи, клеветы, страха и т. д., а затем это мнение объявляется «волеизъявлением» народа, так и в искусстве продюсеры распространяют в массах эрзац-искусство, приучают к нему читателя, зрителя, сознательно воспитывают у него заведомо низкий вкус, а затем утверждают, что именно такое искусство популярно, именно оно нужно массам, именно его «требует народ». А раз так, то нет никаких оснований стыдиться этого суррогата искусства, наоборот, его нужно популяризировать и выжимать из него как можно больше профита — как идеологического, так и денежного.

Коммерция все больше и больше размывает границы между «высоким» и «дешевым» искусством. Высокая культура все более подчиняется коммерции, и в этот процесс пытаются вовлечь и то демократическое, прогрессивное искусство, которое имеется в буржуазном обществе.

Для того чтобы оправдать «переплавку» духовных ценностей в низкопробный некачественный товар, придумана система защиты «массовой культуры». Один из теоретиков этой системы Г. Ганс пишет: «Я прихожу к выводу, что вся критика популярной (т. е. массовой) культуры абсолютно беспочвенна. Популярная культура не наносит ущерба ни высокой культуре, ни людям, которые ее

предпочитают, ни обществу в целом»¹. И для того, чтобы уничтожить противопоставление «высокой» и «массовой» культур, Ганс вводит в оборот новый термин — «вкусовая культура» (т. е. культура, уровень которой определяется вкусом потребителя).

Культура в истинном смысле слова — а достижения ее конечно же имеются и в капиталистическом обществе — все более удаляется от народа, все меньше и меньше оказывает влияние на духовное развитие общества.

Аргумент, состоящий в том, что каждый человек, живущий в капиталистическом обществе, имеет возможность, если захочет, испытать из источника истинной культуры (библиотеки, концертные залы, музеи, картинные галереи), является аргументом лукавым и неточным, ибо, при всем великолепии музея «Метрополитэн», при всем мастерстве некоторых выдающихся творцов в литературе и искусстве Запада, их влияние на духовное воспитание народа не только не расширяется, но, наоборот, крайне уменьшается. Сами они все более становятся похожими не на верхушки могучих айсбергов, а на утлые кораблики, лишь по воле случая удерживающиеся на поверхности океана духовного невежества, самодовольства, неприязнательности, бурно и широко торжествующих свою победу над высшими достижениями человеческого духа, последние вершины которого грозят вот-вот скрыться под мыльной пеной коммерческого искусства.

Произошла в общем-то парадоксальная вещь. При всем том, что во многих капиталистических странах грамотность населения в конце XX в. практически стала стопроцентной, истинные достижения культуры (прежде всего литературы) недоступны массам в большей степени, чем это было в те времена (скажем, в начале и середине прошлого века), когда простой люд был лишен Пушкина, Толстого, Байрона, Бальзака, Гюго, Диккенса из-за того, что просто не знал алфавита.

Сейчас его лишают истинной культуры иным способом: забрасывая его массой низкопробного чтива, окружая низкопробными зрелищами, не требующими размышлений, подавляющими сознание, растлевающими душу, служащими только одной конечной цели — наживе.

Культура для элиты и суррогат ее для масс — вот позиция философов, живущих в антагонистическом обществе. Однако в последние годы подобное противопоставление утрачивает свой смысл. «Массовая культура» все больше поглощает прочие явления буржуазной культуры, целиком охватывает структуру буржуазного общества, включая «истеблишмент». Культура не как поле

¹ Gans H. J. Popular Culture and High Culture. An Analysis and Evaluation of Taste. N. Y., 1974, p. 51.

духовного развития человека, а как средство манипулирования общественным сознанием все больше берется на вооружение буржуазными идеологами. Тенденция к созданию уцененной культуры (причем в равной степени и для масс и для элиты) — феномен чисто буржуазный, низводящий культурные потребности людей лишь к дешевому потребительскому развлечению, а художника — к положению «еще одного бизнесмена, делающего свои деньги».

Театр, кинематограф, книга служат крупному бизнесу способом умножения капитала, становятся дочерними предприятиями известных промышленных и финансовых компаний. Показательно, что многими голливудскими киностудиями, например, владеют и распоряжаются ныне крупнейшие нефтяные компании, компании, занимающиеся организацией похоронного дела, строительством автомобильных гаражей, наконец, просто мафия.

Настоящие большие художники, крупные события в литературе и искусстве появляются в капиталистическом обществе, как правило, *не благодаря, а вопреки ему*, в осознанной или неосознанной борьбе с ним.

В современных развитых капиталистических государствах, безусловно, существует культура демократическая, элементы культуры социалистической. Они сильны и в развивающихся странах. Но сегодня с особой отчетливостью видно, какие огромные усилия прилагают идеологи и руководители западного общества, чтобы не только сохранить господство буржуазной культуры, но и распространить его как можно более широко, насаждать как можно более активно.

Взаимосвязь «массовой культуры» и средств массовой информации, этих могучих рычагов манипуляции сознанием масс, подчинена совершенно определенным социальным целям. Не случайно «массовая культура» неразрывно связана с рынком, рекламой, формирует «духовные» потребности рынка культуры и рекламирует его товары. Даже подлинное искусство она доводит до масс, искажая, опошляя, примитивизируя его. «Масскультура» рассчитана на пассивное потребление культуры, на социальную, общественную пассивность людей, но одновременно она и формирует эту пассивность.

До предела развить в душах людей потребительские инстинкты, перевести сознание народов на мещанские, обывательские рельсы, выхолостить по возможности социально-политическую активность массового сознания, увести людей от передовых социальных идеалов — такова стратегическая задача «масскультуры». Она атакует человека, «расчеловечивая» его, утверждая в качестве нормы вседозволенность. За долгие тысячелетия человечество проделало мучительно трудный путь к человеку, а американская «массовая культура» стремится повернуть его назад. Люди тысяче-

летиями строили культуру, утверждали в качестве норм общения совесть, правду, добро, справедливость, сострадание, стыд, любовь к человеку. И вот сегодня эти вечные ценности втоптываются в грязь с сатанинской ненавистью.

«Массовая культура» паразитирует на таких сторонах человеческой души, как эгоизм, внутреннее бескультурье, невежество, о котором еще К. Маркс говорил, что оно способно принести немало трагедий. Используя потребности людей в отдыхе, развлечениях, «массовая культура» ориентируется при этом не на духовные, а бездуховные начала, на различного рода человеческие слабости — на примитивизм и неразбуженность человеческой души, на неумение или нежелание воспринимать подлинную культуру, на стандартизацию человеческих чувств и человеческого мышления, на мещанское отношение к жизни и миру, на безгражданственность, аполитизм и общественное равнодушие. Она не только паразитирует на всем этом, но и углубляет, укореняет, закрепляет именно эти черты.

Буржуазная культура развитых стран капиталистического мира имеет ярко выраженные глобальные притязания, служит оружием идеологической и культурной экспансии, насаждения стереотипов, ценностей и символов, выгодных господствующему классу.

**Стремительность
и парадоксальность
перемен**

Отличительные особенности буржуазного общества в уходящем столетии, если их охарактеризовать предельно кратко, — глубина, стремительность, кажущаяся парадоксальность экономических, социальных, политических перемен. Каждый внимательный наблюдатель отметит неувлимо быстрые переходы капиталистического мира из состояния относительной стабильности к резкой социальной неустойчивости, мгновенные перепады политических настроений, неожиданные, трудно поддающиеся объяснению перемены в общественном сознании. Историческое время начало исчисляться не столетиями, а десятилетиями, каждое из которых представляет собой своеобразную микроэпоху.

Как полагают некоторые ученые, возраст человечества составляет примерно 600 000 лет. Если представить себе историю в виде марафонской дистанции в 60 км, как это сделал швейцарский философ Эйхельберг, то только на 58—59-м км бега можно найти достаточно сложные орудия производства и признаки культуры, на последнем километре появляется земледелие, за 200 м до финиша возникают дороги, мощенные плитами, и римские укрепления, за 100 м — средневековые города, за 10 м до финиша — керосиновые лампы и только на последних 5 м дистанции «бегун» вступает в мир электрического света, неоновых ламп, автомобилей, самолетов, фотокамер и телевизоров. Но из этих 5 м современная научно-техническая революция занимает совсем ничтожный отрезок пути.

Все ускоряющаяся быстрота исторического потока нередко смещает представления, вызывает искажение памяти, порождает иллюзорное восприятие, казалось бы, давно ушедшего, а в действительности совсем недавнего прошлого. Не случайно 50—60-е годы кажутся многим буржуазным экономистам и социологам полосой экономических успехов капитализма, его социальной стабильности, своего рода консенсусом между трудом и капиталом.

Например, по мнению американского социолога К. Нормана, современная экономическая ситуация стала причиной настоящей ностальгии, подлинной тоски по первым десятилетиям послевоенной эпохи, когда мировая капиталистическая экономика росла темпами, обеспечивающими высокий спрос на товары и услуги, что создавало в свою очередь миллионы новых рабочих мест¹.

Но резкие срывы капитализм переживал не только в середине 70-х и первой половине 80-х годов, когда его поразили одновременно циклические и структурные кризисы, массовая безработица, инфляция, снижение темпов роста. Они настигали буржуазное общество и в период его так называемого процветания и выражались в революционных волнениях и общенациональных катаклизмах, перераставших в цепную реакцию массового возмущения против объединенного аппарата власти монополий и капиталистического государства. Ее причина — неприятие капитализма как системы, отказ от буржуазного образа жизни, традиционных ценностей и эксплуататорской морали, которые овладевали сознанием левого студенчества, прогрессивной интеллигенции, не говоря уже о передовых отрядах пролетариата, и воплощались в политических кризисах, возникавших внезапно и бурно, казалось бы, по незначительным поводам и мотивам. Они — свидетельство политической нестабильности капитализма даже во времена его относительно устойчивого экономического роста, неглубоких циклических кризисов, к тому же локализованных главным образом в границах США, Канады и некоторых других стран, высокого личного, производственного и государственного спроса, обеспечивающего развитие производства. «...Когда есть налицо объективные условия глубокого политического кризиса, — писал В. И. Ленин, — то самые мелкие и наиболее, казалось бы, удаленные от настоящего очага революции конфликты могут иметь самое серьезное значение, как повод, как переполняющая чашу капля...»² Именно в это время особое значение приобрела мысль Ф. Энгельса, подтвержденная В. И. Лениным, что «ложное в формально-экономическом смысле может быть истиной в всемирно-историческом смысле»³.

Уже экономическая катастрофа 1929—1933 гг. и последовавшая за ней необычно затяжная депрессия выявили глубокое несоответствие между производительными силами и производственными отношениями монополистического капитализма, властно потребовали мощного вторжения государства в экономику и социальные

¹ *Norman C. The God That Limp: Science and Technology in the Eighties.* N. Y., L., Norton, 1981, p. 141.

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 280.

³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 184; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 120.

отношения капиталистического строя. Но тогда государственное вмешательство ограничилось всего лишь отдельными странами, в первую очередь США, а в остальных — вылилось в частичные, временные, легко обратимые меры.

Революционная теория доказала, а историческая практика подтвердила, что общественные преобразования, назревшие в результате развития производительных сил, происходят далеко не автоматически. В антагонистических обществах они невозможны без социальных конфликтов, классовых битв, мировоззренческих революций. В первое послевоенное время экономические сбои дополнялись все возрастающей социальной напряженностью. Всплеск антикапиталистической активности масс, нарастающие успехи национально-освободительных движений вынудили правящие классы пойти не только на серьезные экономические преобразования, но и на удовлетворение многих важных требований трудящихся капиталистических стран и народов колониальной и зависимой периферии. Поступательное движение капиталистического общества выразилось в перерастании монополистического капитализма в государственно-монополистический, в национализации индустриальных и финансовых комплексов, в спазматическом расширении регулирования экономики государством, в перераспределении через бюджет огромных масс прибавочной стоимости для поддержания расширенного капиталистического воспроизводства, в антикризисных программах, в создании системы социального страхования и других уступках рабочему классу, в переключении империалистической политики с политического на экономический колониализм.

Послевоенные годы особенно ярко продемонстрировали правильность предвидения В. И. Ленина о том, что «старый капитализм отжил»¹, а буржуазное общество вступило в принципиально новую стадию.

Тектонические сдвиги В 80-е годы буржуазное общество вновь оказалось перед крупнейшими революционными изменениями в производительных силах. В своем зигзагообразном движении научно-технический прогресс достиг той грани, за которой начинается его новый скачок.

На Западе существует огромное количество характеристик, прогнозов и описаний нового научно-технического взрыва. Среди них преобладают такие определения, как вторая либо третья промышленная революция, структурная перестройка, реиндустриализация, иначе — сброс материально и морально устаревшей инфра-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 342.

структуры, техники, огромной массы рабочей силы и замена их новой технологией и трудящимися, способными ею овладеть. Известный американский социолог, директор центра политических исследований А. Этциони считает, что главная проблема США — структурная перестройка экономики. «На нас давит, — пишет он, — индустриальная машина — современная американская экономика, созданная руками нескольких поколений»¹. По мнению американского экономиста М. Беста, необходимо создать специальные институты, которые занялись бы грандиозным преобразованием структуры производства и потребления².

Необходимость структурной перестройки, конечно в совершенно противоположном социально-экономическом ракурсе, признают и марксистские теоретики капиталистических стран. «Мы не выступаем против реиндустриализации... — заявляет член ЦК Коммунистической партии США Джил Грин. — Мы выступаем лишь против намерения возложить бремя по реиндустриализации на рабочих и американский народ в целом. Мы рассматриваем реиндустриализацию лишь как один из аспектов более широкого плана необходимого национального обновления»³.

Не меньшей популярностью пользуются сейчас на Западе и экскурсии в историю, причудливо сочетающиеся с рейдами в будущее, сравнение каскада прошлых и современных научно-технических открытий. «Эра электроники, — пишет К. Норман, — возвестила приход второй промышленной революции, социальные последствия которой превзойдут последствия первой промышленной революции»⁴. Новый рывок в развитии производительных сил французский экономист М. Альбер называет третьей, микроэлектронной революцией. Перед нами Европа, пишет он, — колыбель двух индустриальных революций, связанных с изобретением парового двигателя и электричества, которую обошли в третьей — микроэлектронной — Америка и Япония⁵. Он же рассматривает происходящие изменения как исторический разлом, одну из самых глубоких трансформаций, каких не наблюдалось с эпохи Возрождения.

В этом спектре противоречивых суждений, характеристик и предсказаний, несомненно, содержатся интересные мысли, меткие наблюдения, заставляющие задуматься аргументы. Но боль-

¹ *Etzioni A.* Reindustrialization of America. — *Science*, 1980, August 22, Vol. 209, No. 4459, p. 863.

² *Best M. N.* The Political Economy of Socially Irrational Products. — *Cambridge Journal of Economics*, 1982. Vol. 6, No. 1, p. 64.

³ *Green G.* Reindustrialization? — *Political Affairs*, 1980, Vol. 59, No. 10, p. 29.

⁴ *Norman C.* The New Industrial Revolution: Now Microelectronics May Change the Workplace. — *Futurist*, 1981, Vol. 15, No. 1, p. 30.

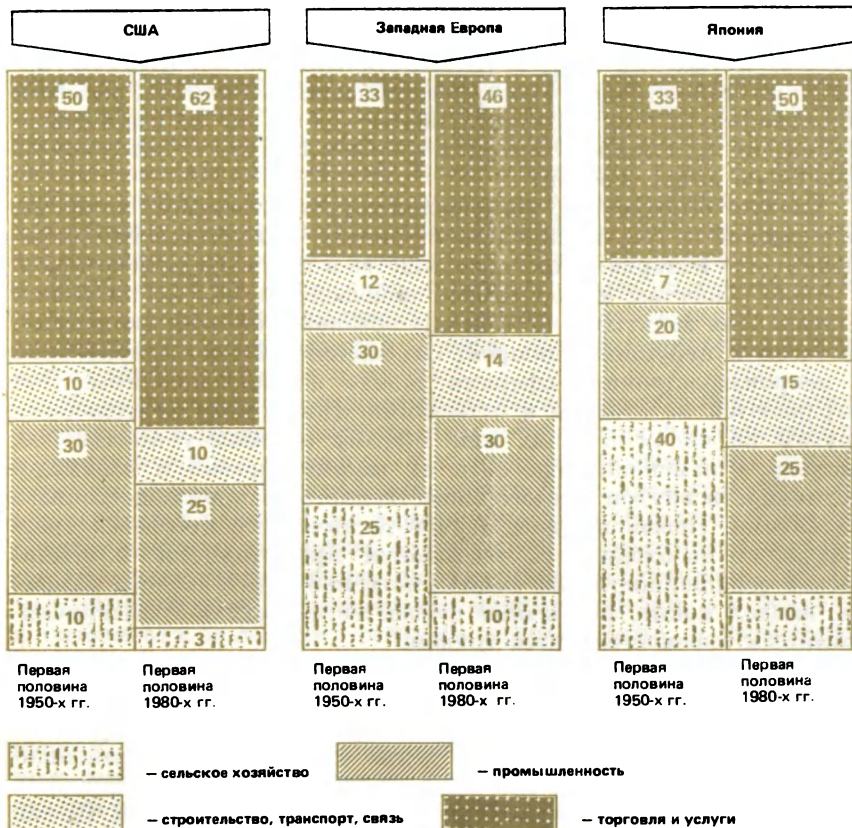
⁵ *Albert M.* Le nouveau plein-emploi. P., 1982, p. 33.

шинство определений, принадлежащих перу буржуазных экономистов и социологов, несвободны от существенных методологических пороков — технологического детерминизма, его гиперболизации, стремления придать связи между возникающими новыми производительными силами и невероятно сложным общественным организмом почти геометрическую завершенность. Создается впечатление, что технологические законы действуют, как механические автоматы, программирующие, подобно пико-процессорам, общественное развитие.

В работах западных экономистов и социологов трудно найти и обоснованный теоретический анализ кардинальных, а если выразиться образно, *тектонических сдвигов в содержании национального богатства*, во всей совокупности производительных сил, на которые опирается любая система производственных отношений, а через многовариантную, опосредствованную связь — и соответствующие ей различные социальные и политические структуры. Снискавшие на Западе большую популярность во второй половине 60-х — начале 70-х годов теории «постиндустриального общества» во всех их вариантах — от охранительно конформистских до умеренно либеральных — также не сумели не только решить, но и более или менее полно поставить эту проблему. Констатация опережающего роста непроизводственной сферы и сектора услуг (отмеченного и глубоко проанализированного международной марксистской мыслью еще задолго до провозвестников «постиндустриализма»); картины плавного — без скачков и даже промышленных революций, не говоря уже о социальных, — выполнения Запада, в первую очередь США, в общество «интеллектуальной технологии», воинствующая защита государственно-монополистического капитализма, попытка перенести его модель в грядущее тысячелетие, разумеется в закамуфлированном виде, — таковы основные положения теоретиков «постиндустриального строя». Вряд ли есть необходимость подробно доказывать, что эти положения — не действенная теория, а паллиатив, не прорыв в будущую цивилизацию, а, напротив, попытка вмонтировать ее блоки в здание существующего капиталистического строя.

Между тем в содержании общественного богатства капиталистических стран то стремительно, то прерывисто и замедленно, но все же четко проявляет себя тенденция к неуклонному возвышению непроизводственной сферы по сравнению с производственной, нематериального производства — с материальным. Все послевоенные годы в развитых капиталистических государствах доля занятых в сельском хозяйстве, добывающей промышленности, а в последнее время и в обрабатывающей индустрии в экономически активном и занятом населении постоянно снижалась.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ САМОДЕЯТЕЛЬНОГО НАСЕЛЕНИЯ ПО ОТРАСЛЯМ (в процентах)

Особенно резко занятость сократилась в обрабатывающей промышленности, в этой, как недавно казалось, заповедной зоне материального производства. По прогнозам буржуазных исследователей, к концу века в обрабатывающих отраслях в результате массового применения микропроцессоров и другой техники останется не более 20% занятых от числа работающих здесь в наши дни.

Разительный контраст с материальным производством по темпам развития представляет собой непроизводственная сфера, занятость в которой росла поистине лавинообразно. Доля лиц наемного труда в сфере услуг к 1980 г. поднялась в США до 70,7%, в Японии — до 58,8, в ФРГ — до 49,8, во Франции — до 58, в Великобритании — до 58,9, в Италии — до 47,7, в Канаде — до 67,2%.

Конечно, «микропроцессорный смерч» обрушится и на сферу

услуг и крайне затруднит выполнение ею роли резервуара излишней рабочей силы, которую она играла на протяжении десятилетий. Но этот процесс охватит обычный, «рутинный», нетворческий умственный труд. Интеллектуальное же производство немислимо без постоянного совершенствования интеллекта, развития образования, науки, культуры. Роботы, как бы они ни были совершенны, не в состоянии заменить творческий труд — способность, присущую лишь человеку.

Следует оговориться, что перелив трудовых ресурсов из производственной сферы в непроизводственную — свидетельство сокращения доли материального производства в хозяйстве, а не его роли в жизни общества. Материальное производство, как бы ни уменьшалась доля занятых в нем, всегда останется остоном экономики, ее базой и нерушимой опорой. Отношения между материальной и непроизводственной сферами далеко не прямолинейны. Они выражаются не столько в оттеснении одного вида деятельности другим по числу занятых или другому подобному показателю, сколько в изменении способов их взаимодействия и взаимодополняемости внутри единого общественного воспроизводственного механизма. Новый прыжок научно-технического прогресса предопределил необходимость повышения эффективности и технической оснащенности уже самой умственной деятельности человека, вызвал новые, необычные формы ее сочетания с материализованным, овеществленным трудом.

Возникают все новые корпорации исследования и развития, научные фонды, «фабрики умов», растет объем их продаж и инвестиций. На рынок все активнее вторгаются такие товары, как технические проекты, пакеты и целые библиотеки информационных данных, программы для ЭВМ, научные гипотезы, социально-экономические рекомендации, футурологические прогнозы. Преобразовались университеты, превратившиеся из недоходных учреждений, существовавших на пожертвования и дотации, в высокоприбыльные организации. Многие из них не только поставляют капиталу высокообразованную рабочую силу, но и работают практически на тех же принципах, что и промышленные корпорации, выполняя заказы монополий и военных ведомств.

В капиталистических странах появляется совершенно особый тип производства и обслуживания — экономика психологического эффекта. Продается вроде бы не столько сам товар, сколько порождаемые им ощущения, желания, причуды. Простую зубную пасту всемогущая реклама наделяет чрезмерными тонизирующими свойствами, марки автомобилей ассоциируются с престижем и местом на иерархической лестнице и т. д. «Отныне пассажир Т. W. А. (авиакомпания «Транс-уорлд эйрлайнс». — Авт.) может выбрать реактивный лайнер с французской кухней, музыкой

и журналами, кинофильмами и мини-юбками стюардесс, — едко подметил О. Тоффлер. — Он может выбрать воздушное путешествие на древнеримский манер, тогда стюардессы будут одеты в туники. Он может остановить свой выбор на «фешенебельном особняке на крыше манхэттенского небоскреба». Или же он может отдать предпочтение полету в стиле «доброй старой Англии» со стюардессами, именуемыми «служаночками», и всей обстановкой, напоминающей английский кабачок. Яснее ясного, что Т. В. А. продает уже не просто услуги по транспортировке, как таковые, но также и тщательно продуманную психологическую упаковку»¹. «Есть что-то морально отвратительное в том, — продолжает американский социолог, — что одна категория людей стремится удовлетворить свои психологические прихоти, гоняясь за все новыми диковинными удовольствиями, тогда как большинство человечества терпит лишения и голод»².

На наших глазах наращивают темпы и масштабы информатика и телематика. Бурное развитие отраслей по хранению, переработке и экономическому освоению накопленных человеческих знаний стало на Западе причиной настоящего бума предсказаний о зарождении так называемого информационного общества. В нем, по предположениям некоторых футурологов, компьютерная технология объединит информацию, поступающую со спутников, сообщения, передаваемые радиоволнами, медным кабелем, а в будущем и оптическим волокном, личными компьютерами, в глобальную систему связи между всеми общественными сегментами.

Сторонники «технологического оптимизма», прежде всего сторонники либерально-реформистских «постиндустриальных» концепций, рисуют «информационное общество» в мягких, пастельных, почти элегических тонах. В их представлении оно — своеобразный инкубатор талантов из всех классов, слоев и групп, просвещенный и гуманный строй, управляемый «ученой аристократией точных знаний», чье кредо — безукоризненная объективность информации, высокая эффективность экономических рекомендаций, идеологическая индифферентность и социальная нейтральность политических решений.

Вопреки им марксисты считают, что становление «информационного общества», если раскрытие его возможностей вообще осуществимо при капитализме, неизбежно сопровождается настоящим физическим и моральным разрушением огромных масс выброшенных из производства трудящихся, захватом средств информатики новыми капиталистическими собственниками — владельцами банков информации, которые стремятся использовать новую тех-

¹ Toffler A. Future Shock. N. Y., 1970, p. 199.

² Ibid., p. 208.

нику для усиления своей экономической и политической власти, почти неограниченного тотального контроля над общественным, трудовым поведением людей и даже их бытом.

Присвоение человека Перемены происходят не только в национальном богатстве. Они все глубже проникают в формы собственности, методы эксплуатации, роль государства, состав классов, общественных слоев и групп. Но не исключено, что наметившиеся закономерности могут застыть, заморозиться, на долгое время прерваться. Нельзя забывать, что законы при капитализме есть тенденции, которые осуществляются путем своего неосуществления¹. Но попробуем все же, хотя бы в первом приближении, очертить их возможный контур.

В принципе господство техники, перенимающей человеческие свойства, меняет весь облик экономики, взаимоотношения между орудиями труда и человеком, его роль в общественном производстве. Человек, перефразируя К. Маркса, перестает быть главным агентом производственного процесса, а становится рядом с ним, выступает как его контролер и регулировщик, обогащая интеллектуальное, а вместе с ним и материальное производство².

Трудно представить себе, что капитализм устоит перед новым натиском разрушительного творчества научно-технической революции. Как писал К. Маркс, «пар, электричество и сельфактор были несравненно более опасными революционерами, чем даже граждане Барбес, Распайль и Бланки»³. Но если капитализму все же удастся приспособиться на время к зарождающейся новой цивилизации, то и сам он серьезно изменится, воспримет, возможно, черты особого рода неокорпоративистского общества, где сплетутся, обретут корпоративную форму и будут противостоять трудящимся массам как единая сила капитал, государство и всевозможные организации, возглавляемые правящими классами. Это будет еще более развитая форма государственно-монополистического капитализма. На этом этапе капитал не просто безвозмездно присваивает достижения «чужой» науки, как он присваивает чужой труд⁴, а овладевает ими как самым прибыльным объектом капиталовложений, стремится извлечь максимальную прибыль из использования умственного труда.

Присвоение трудящегося как всеобщей производительной силы — типичный способ эксплуатации для интеллектуального и духовного производства, когда властвующие классы устанавлива-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 70.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 213.

³ Там же, т. 12, с. 3.

⁴ См. там же, т. 23, с. 398.

ют господство над мыслями, творческими и аналитическими способностями, интуицией и талантом человека. Эта форма эксплуатации в нераскрытом, зачаточном состоянии существовала еще на ранних его этапах. Капиталист вместе с физическими усилиями присваивал и умственные способности рабочих. Но умственный труд занимал тогда ничтожную долю в неоплаченных трудовых, физиологических затратах, его эксплуатация обычно не пересекала границ прибавочного времени, почти не вторгалась в личную творческую жизнь. Сейчас, не говоря уже о будущем, овладение *всеми творческими возможностями личности*, ее умением выдвигать и генерировать идеи — одна из самых важных целей капитала, постоянно расширяющийся ареал его экспансии и притязаний.

Управляющие государственными и частными предприятиями, объединениями, учреждениями, менеджеры высших рангов, владельцы адвокатских контор эксплуатируют огромные массы служащих, клерков, низший управленческий персонал. Магнаты средств информации и кинопромышленности извлекают огромные доходы из постоянного умственного напряжения работников печати, телевидения и радио, которых они часто лишают даже права подписи и имени. Владельцы издательств и театров, уже давно перестроив их по образцу и подобию капиталистических предприятий, превращают даже способность человека к самовыражению в средство самовозрастания капитала.

Особенно показателны в этом отношении наука и образование — ведущие отрасли интеллектуального и духовного производства. К. Маркс давно отметил чудовищную диспропорцию между затраченным рабочим временем и его продуктом в науке — активной, творческой, всеобщей производительной силой человечества¹. Высокая оплата научного труда в буржуазном обществе отнюдь не компенсирует умственных усилий рядовых ученых, которые они тратят на усвоение, анализ и обобщение огромного потока информации, трансформирующейся в их головах в абстракции, рекомендации, проекты. Очень тяжело положение школьного учителя, согласно К. Марксу, производительного работника, который изнурует себя на работе для обогащения предпринимателя².

Присвоение всеобщей производительной силы человека переплетается с *отчуждением* — явлением, проанализированным еще Гегелем и материалистически развитым Марксом. Оно означает отторжение деятельности человека от него самого, перевоплощение ее в независимую и враждебную ему силу. Она уже не подвластна его воле, не подчиняется ему, господствует над ним, приводит к совершенно неожиданным и непредвиденным результатам, при-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 213.

² См. там же, т. 23, с. 517.

обретает свою самостоятельную, иногда разрушительную логику. В товар превращается все — научные открытия, вдохновенные прозрения, литературные и художественные шедевры...

В отличие от собственности на средства производства присвоение интеллектуальных способностей человека, когда капитал освоил изощренные технические, социальные и психологические методы манипуляции личностью, отнюдь не предполагает зримых, тем более юридических форм собственности. Но какой бы необычный вид она ни принимала, ее социальная природа и назначение остаются прежними — обеспечение экономического и политического господства капитала и буржуазного государства.

Всепронизывающий контроль капитала над трудящимися массами через многоступенчатую систему подчиненных ему организаций уже прорисовывается в ряде капиталистических стран. Более того, он уже становится как своеобразным «научным стереотипом», так и клише обыденного сознания, проникшим на страницы массовых изданий и многих социологических работ. Один из многочисленных примеров — книга У. Дж. Скотта и Д. К. Харта «Америка во власти организаций», которая представляет собой причудливый конгломерат из обрывков марксистских положений, идей «техноструктуры» Дж. К. Гэлбрейта, резкой критики капиталистических организаций и подавленности перед их экономической и политической мощью. Скотт и Харт называют крупные организации в США доминирующей социально-экономической реальностью, консолидируя в рамках этих организаций экономическую и политическую власть, считают их управленческими системами, в которых используются универсальные методы контроля над поведением людей. «Новые принципы и методы управления, — пишут они, — настолько проникли во все сферы жизни американского общества, что практически те, кто контролируют организации, контролируют в целом и страну...»¹ По мнению социологов, господство организаций ведет к окостенению американского общества, к замораживанию прогрессивных тенденций в его развитии, к постепенному изживанию демократии. Стоящие во главе них менеджеры склонны к консервативным решениям, видят в них наиболее эффективный путь достижения поставленных целей, используют престиж организаций как щит, за которым они укрываются от контроля общественности. Они безразличны к морали, равнодушны к нравственным критериям, находятся во власти эмпирики, утилитарности, операционалистской этики.

Америка, управляемая организациями, — прямой путь к тоталитаризму, который Скотт и Харт не сводят к диктаторским режимам, а понимают более широко — как подчинение человеческого

¹ Scott W. G., Hart D. K. *Organizational America*. Boston, 1979, p. 272.

поведения нормам технологически развитых организационных систем. Но, разумеется, вопреки утверждениям социологов, так называемый технологический императив совсем не исключает ни все усиливающегося государственного пресса, ни психологического давления правящих классов, слоев и элит, умело сочетающих, если использовать термин утопического критика капитализма Г. Маркузе, «репрессивную терпимость» с открытым политическим насилием и произволом.

Но уже сейчас американские организации, по мнению Скотта и Харта, — синоним социальной иерархии. На верхних ступенях иерархической лестницы утверждается управленческая элита, на средних — техническое ядро: ученые, инженеры, профессионалы, ответственные за функционирование технических систем, на самых нижних — рядовые члены организаций. Выход из положения Скотт и Харт видят в тесном союзе рядовых граждан и профессионалов, в их совместной борьбе за преобразование Америки и ее организаций. Ссылаясь на Маркса, который, как они думают, отождествлял способность к руководству обществом с умением управлять производством, лидерство в этом союзе социологи отводят профессионалам, в их интерпретации — новому пролетариату развитого технологического общества.

Главный изъян книги — в социальной безадресности организаций, в их отрыве от капитала и его конкретного воплощения — частных и государственных капиталистических корпораций. Он вытекает из приверженности авторов к теории организованного капитализма. В то же время Скотт и Харт если и не осознают, то улавливают новые явления в экономической и общественной жизни, особенно в классовой структуре современного капиталистического строя.

Научно-технический прогресс в его капиталистической форме осваивает сейчас новый социальный континент. Этот континент — наука, культура, свободное творчество. Всесторонне образованного интеллигента он превращает в частичного работника, в парцелированный талант, узкого профессионала, действующего в своей тесной обособленной ячейке, расщепляет интеллигенцию. Одна ее часть вливается в господствующий класс, другая — образует пролетариат умственного труда или опускается на дно, отбрасывается на обочину общества. Уже сейчас в структуре эксплуататорского класса можно найти не одну монополистическую буржуазию, но и государственную бюрократию, технократическую элиту, научный истеблишмент, высших управляющих всеми разновидностями корпораций — от традиционно-промышленных до научных и специфических институтов по управлению общественным мнением.

Разнообразен и состав угнетаемого класса. В него входит про-

мысленный, инженерно-технический, торговый, конторский, административный, интеллектуальный пролетариат, пролетарии культуры и искусства, обеспечивающие самовозрастание капитала. В этой многоцветной социальной палитре особое значение приобретает интеллектуальный пролетариат, занятый выполнением заданий, идущих сверху, и принятием узкоспециализированных решений. Резко меняется и характер образования. Для элиты капитализм стремится предоставить возможность приобщаться к высшим знаниям, низам он предлагает усеченное, урезанное, «ампутированное» образование.

В будущем эти процессы, вероятно, найдут свое дальнейшее развитие. На вершине социальной пирамиды окажутся монополистические и бюрократические магнаты, внизу — задавленные и бесправные пролетарии умственного труда. В целом вырисовывается картина специфической разновидности бюрократического строя, описанного еще К. Марксом. «Бюрократия,— писал он,— есть круг, из которого никто не может выскочить. Ее иерархия есть *иерархия знания*. Верхи полагаются на низшие круги во всем, что касается знания частных дел; низшие же круги доверяют верхам во всем, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение»¹.

Прусское чиновничество на заре капитализма, о котором писал К. Маркс, и новую, капиталистическую администрацию разделяет целая историческая эпоха. Но огромные различия в уровне образования, характере деятельности, методах и приемах руководства не исключают преемственности, определяемой общностью положения, своеобразием места, занимаемого бюрократией на общественной лестнице этого строя. Ревностно защищая интересы капитала и пронизывая буржуазное общество снизу доверху — от промышленной и исследовательской корпорации до правительственного аппарата, современная бюрократия в еще большей степени склонна маскироваться под среднюю динамичную группу обладателей точных знаний, готова присвоить себе роль независимых мыслителей, классовых арбитров, которые только одни и могут выразить общие цели государства, строя, нации.

Свои особые эгоистические интересы, например стремление к управлению и власти, а через них и к собственности, бюрократия облекает в тогу классового безразличия, всеобщей, абстрактной национальной воли, которую противопоставляет как притязаниям своих конкурентов из рядов традиционной буржуазии, так и социальным требованиям трудящихся. «Всеобщий интерес»,— писал К. Маркс,— может устоять, как «особый интерес», против особого интереса лишь до тех пор, пока особое, противопоставляя

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 271—272.

себя всеобщему, выступает в качестве «всеобщего». Бюрократия должна, таким образом, защищать *мнимую* всеобщность особого интереса, корпоративный дух...»¹

Шквал противоречивых оценок Полная реорганизация и перестройка старой технологической базы, ломка сложившихся, привычных экономических и социальных структур не могут выразиться в капиталистическом обществе иначе как в углублении общего кризиса капитализма. Он является импульсом и катализатором мировоззренческого кризиса — всеобщего брожения умов, блуждания человеческой мысли, крушения старого и рождения нового образа мира. Шквал противоречивых оценок, суждений, предсказаний прокатился по западному обществу.

Как правило, неоконсервативные защитники существующего буржуазного общества определяют свою позицию прагматизмом, конъюнктурой, тактикой, а не социально-экономической стратегией. В этом секрет острой критики неоконсерваторами некоторых форм государственно-монополистического капитализма, стремления перекроить его по старому образцу. Они аргументируют свою теорию и практику, как это было подробно проанализировано в предшествующих главах, учитывая суровые реальности буржуазного общества: падение темпов роста производительности труда, снижение конкурентоспособности товаров, сокращение сбережений и инвестиций, уменьшающийся спрос, необходимость приостановить инфляционные волны и даже засилье государственной бюрократии.

Эти очевидные факты совершенно по-разному отпечатываются в общественном сознании, вызывают несовместимые реакции, эмоции, настроения. Происходит объективное и субъективное искажение сознания, подмена подлинных причин неизлечимых болезней капиталистической экономики всевозможными версиями, судорожными попытками исправить положение. У неоконсерваторов они выплеснулись в растущее недовольство государственным сектором, налогами на прибыль, расходами на социальное обеспечение, затратами на охрану окружающей среды, поддержкой занятости, пособиями по безработице, индикативным планированием, всевозможными формами правительственного контроля. «То, что происходит сегодня, — пишет лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Тобин, — является согласованной кампанией, использующей общественное недовольство инфляцией для сокращения относительных размеров государственного сектора и для изменения перераспределения доходов, осуществляемого при помощи

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 270.

государственных налогов и трансфертных платежей»¹. Так родилась неоконсервативная идея демонтировать государственный сектор, открыть простор силам конкуренции.

Неоконсерватизм глубоко внедрился в общественное сознание, заразил своими настроениями среднюю и мелкую буржуазию, сумел проникнуть в ряды интеллигенции, просочиться в рабочее движение, приглушить массовый антикапиталистический протест. Разгадка причин этого успеха — в неприязни средней и мелкой буржуазии, некоторых реакционных профсоюзов, отдельных слоев рабочего класса к массовой экспансии капиталистического государства в экономику и социальные отношения. Средний и мелкий бизнес испытывает страх перед окончательным слиянием государства и монополий, завершением их союза, превращением его, прибегая к образному выражению Дж. Лондона, в «железную пядь», сминающую и растаптывающую немонополизированные предприятия. Те же опасения обуревают интеллигенцию, предчувствующую, что ей предстоит встать вровень с интеллектуальным и административным пролетариатом на службе капитала и государства. Рабочее движение наращивает сопротивление усилению всемогущества капиталистического государства, так как активное государственное вмешательство в коллективно-договорные отношения не сопровождается равноценным вторжением в антирабочие действия капитала.

За всеми этими реакциями — предчувствие, временами бессознательное, опасности вползания капитализма в особую неокорпоративистскую полосу, обрекающую западное общество на всеобщую бюрократизацию со всеильным бюрократом-государством во главе. Это ощущение усиливается, нарастает. Оно стимулировало временный успех неоконсерватизма, спекулирующего на лозунгах «экономической и индивидуальной свободы». Но оно же спланирует, вовлекает в борьбу против консерваторов радикальных социологов и экономистов, левых кейнсианцев и социал-демократов, сторонников альтернативного движения, которые предлагают свои, во многом утопические, решения преодоления структурного и экологического кризисов. Но в их работах нередко встречаются и правильные диагнозы, намечаются в самых общих или, наоборот, слишком конкретизированных чертах социальные последствия научно-технического прогресса.

Американский радикальный экономист М. Кастеллс пишет о необходимости полной трансформации или реорганизации производства, распределения, управления, существующих социальных организаций и институтов, объявляет детонатором кризиса США,

¹ *Tobin J. Stabilization Policy Ten Years After.* — *Brookings Papers on Economic Activity*, 1980, No. 1, p. 57.

которые благодаря своим мирохозяйственным связям распространили его на всю капиталистическую систему¹.

Необычен, спорен, но интересен анализ экономической политики М. Тэтчер, а по существу всего неоконсерватизма, проведенный английским левым экономистом Д. Гаррисоном. Он называет эту политику экспериментом, конечные результаты которого пока не ясны. Но уже сейчас английский экономист расценивает его как «луддизм верхнего класса», «кейнсианство наоборот», а именно управление спросом для создания массовой безработицы, стремление правительства преднамеренно спровоцировать кризисную ситуацию, раз кризисы при капитализме являются формой развития производительных сил. Правительство М. Тэтчер, по заключению Д. Гаррисона, предложило радикальную и довольно простую систему мер. Они в жесткой дефляционной политике, в создании такой экономической обстановки, в которой устоять смогли бы лишь фирмы, способные поднять производительность и конкурентоспособность.

Движущая сила английской разновидности неоконсерватизма — страх, вынуждающий менеджмент совершенствовать организацию труда и интенсифицировать производство; единственный положительный результат — некоторое повышение производительности труда, достигнутое за счет его интенсификации и краха неэффективных фирм. Но интенсификация обратима, а страх непостоянен.

В невообразимой сумятице взглядов и мнений особое место занимает «социологический пессимизм» и альтернативное движение. Границы между ними расплывчаты, мировоззренческие различия неопределенны, состав участников мозаичен и аморфен. В их среде, как утверждает участник альтернативного движения В. Шляффке, могут найти кусок своей духовной родины романтики и утописты, прогрессисты и реакционеры, догматики и либералы, защитники природы и животных, апостолы здоровья, сепаратисты, студенческие организации, антагонисты бюрократии, противники атомных электростанций, присоединяющиеся к призыву о бескомпромиссном сопротивлении всякому применению атомной энергии².

Естественный страх перед слиянием «Большого бизнеса», «Большого государства» и «Большой науки» порождает почти невероятные мировоззренческие комбинации, соприкосновение взглядов людей противоположных политических ориентаций,

¹ Castells M. The Economic Crisis and the American Society. Princeton., 1980, p. 8.

² Schlawfke W. Abseits: Die Alternativen. — Irrweg oder neue Weltkultur. Köln, 1979, S. 29—30.

которые вместе отвергают вмешательство в свою жизнь больших общественных институтов, требуют локального самоуправления, понятных для народа политических акций, противопоставляют современному разделению труда цехового ремесленника — творца, выдвигают абстрактные проекты всеобщего равенства и братства, ищут выход в так называемом «экологическом и постиндустриальном социализме». Но страх трансформируется в видения фантастического мира, где все его элементы — от производительных сил до массового сознания — неумолимо стягиваются к единому силовому полю, в эпицентре которого смертоубийственный катаклизм. По словам известного персоналиста и неонархиста Дени де Ружмона, о нем не расскажут даже одинокие пережившие его очевидцы. Аудитории не будет. История прервется, а вместе с ней настанет конец и рассказам о человеческой цивилизации¹. С Дени де Ружмоном перекликается профессор теологии из Гейдельберга Г. Альтер, который, повторяя М. Хайдеггера и Э. Фромма, пишет о неосознанной некрофилии технической цивилизации и управляемой разрушительной силе, заложенной в современной технике².

Апокалипсические чувства, ожидание конца мира, которыми в воспаленном сознании социологических пессимистов подменяется смена цивилизаций, выплескиваются в самых разных настроениях — в мечтах о возвращении к идеализированному средневековью, в попытках укрыться в непроницаемой изоляции самообеспечивающихся коммун. Французский социолог Э. Морэн в выступлении, опубликованном в книге «Миф о развитии», расценивает будущее как расцвет или катастрофу человечества. Но между этими полюсами, предсказывает он, находится полоса всепланетного средневековья, которое началось уже сейчас. В нем жесткий порядок, диктуемый неумолимыми аппаратами, сочетается с несоизмерительным беспорядком, растворяющим человеческую цивилизацию³. Д. Мур в статье «Спасут ли роботы демократию?» пишет, что «человечество придет к новой форме античной рабовладельческой республики, где роль рабов будут исполнять роботы. Таким образом, колесо истории прекратит свое вечное вращение...»⁴.

Сохраняет свою популярность и идея коммун, своеобразных микромиров в социально-экономическом космосе, ячеек и ниш в буржуазном обществе. В них пытаются укрыться представители всех слоев, разочаровавшиеся в индустриально-капиталистическом

¹ Denis de Rougemont. L'avenir est notre affaire. P., 1977.

² Alther J. Verdrängung der Verte. — In: Die tägliche Revolution: Möglichkeiten des alternativen Lebens in unserem Alltag. Frankfurt-am-Mein, 1978, S. 41—52.

³ Le mythe du développement. P., 1977, pp. 259, 260.

⁴ Moore D. T. Will Robots Save Democracy? — Futurist, 1981, Vol. 15, No. 4, p. 19.

гиганте, и сберечь себя там от его бешеных ритмов, конфликтов, невыносимой социальной напряженности.

«Социологический пессимизм» и альтернативное движение слишком разнообразны и противоречивы, чтобы их описывать однозначно. Одни их ветви откровенно реакционны, другие — при всех их добрых намерениях — утопичны, нереальны. Это симптом не силы, а отчаяния. Марксизм отмечает утопии уходящих классов, ищущих спасения в консервации существующего строя либо в отступлении к изжившим себя способам производства. Он стремится помочь обрести реальную почву фантазиям, смутно, бессознательно выражающим неимоверную трудность приближения общества к коренным прогрессивным преобразованиям, критически анализирует сложные пути становления новых отрядов рабочего класса, способного в эпоху НТР принять на свои плечи выполнение революционной исторической миссии.

Несомненна заслуга левого крыла альтернативного движения в активной борьбе за мир, за спасение человечества от ядерной смерти планеты, в многочисленных мирных гражданских инициативах, в резкой критике капитализма. Среди других его главных целей — утверждение в общественном мнении необходимости отказа от агрессии против природы — основы человеческой жизни, создание своеобразных антикапиталистических локальных ассоциаций, исключающих эксплуатацию человека человеком, поиск новых путей удовлетворения материальных и духовных потребностей человечества. Эти цели гуманны, совпадают в некоторых чертах с демократической проекцией будущего, которую поддерживают и коммунисты. Но у коммунистов они не самоцель, а путь перехода к передовому общественному строю, та необходимая, по определению В. И. Ленина, грань, «где последовательная демократия, с одной стороны, *превращается* в социализм, а с другой стороны... *требует* социализма»¹.

В своих программах структурной перестройки коммунисты отмечают планы и практику ее осуществления за счет трудящихся масс. Они выступают против снижения налогов на корпорации, социальных выплат и услуг, сокращения реальной заработной платы, свертывания программ охраны окружающей среды, защиты здоровья и безопасности рабочих, за санкции к компаниям, продолжающим загрязнять воздух, воду и землю, вплоть до конфискации их собственности. Важные требования программ — проведение реиндустриализации за счет прибылей корпораций, национализация энергетических отраслей, участие трудящихся в определении политики капиталовложений, ликвидация трущоб, расширение торговли с социалистическими странами. Их лейтмотив — осуществление реиндустриализации за счет военных расходов.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 78.

Из всех характеристик научно-технической революции марксисты выделяют прежде всего ее социальные аспекты. В капиталистическом обществе микроэлектроника содействует усилению отчуждения работника от объекта труда, его изоляции от своих товарищей по классу. Власть капитала нарастает. Контроль над трудящимися становится всеобъемлющим, стремится подавить их способность к сопротивлению. «Новейшие средства информатики и оргтехники, — пишет итальянский марксист Дж. Б. Джераче, — предоставляют предпринимателям такие возможности контроля над процессом труда, какие раньше им даже и не снились»¹. Доступность, быстрота, с какой информация передается и обрабатывается с помощью ЭВМ, — мощное оружие в руках ее владельцев для укрепления своего господства в экономике и обществе.

Трудные маршруты революции

Революционная теория не плод кабинетных раздумий. Она обобщение практики, проектор стратегии и тактики пролетариата, их компас и ориентир. Сила, мощь, жизнестойкость марксистско-ленинской теории — в творчестве, непрекращающемся обновлении, в необыкновенной чуткости слуха ко всем новым явлениям и процессам. Ее непримиримый враг — догматизм, застойность мысли, как образно выразился Ф. Энгельс, превращение науки в «высушенный гербарий»², механический перенос правильных в свое время решений в новую, изменившуюся историческую обстановку. Эта особенность марксизма-ленинизма налагает огромную ответственность на коллективную международную марксистско-ленинскую мысль в эпоху, когда переменам подвергается все — общественное богатство, производительные силы и производственные отношения, формы и методы классовой борьбы, ее стимулы, движущие силы. «Сумму всех этих изменений во всех их разветвлениях, — писал В. И. Ленин, — не могли бы охватить в капиталистическом мировом хозяйстве и 70 Марксов. Самое большее, что открыты *законы* этих изменений, показана в главном и в основном *объективная* логика этих изменений и их исторического развития...»³

На рубеже веков неузнаваемо изменились общественные потребности трудящихся. Теперь это не только стремление к высокой заработной плате, а и потребность в творчестве, достижении удовлетворенности своим трудом, самоутверждение в производственной и интеллектуальной деятельности. Но труд на капиталистических

¹ Gerace G. B. Informatica e tecnologie associate. — La Critica Marxista, 1982, а. 20, No. 5, p. 14.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 572.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 345.

предприятиях, как правило, монотонен и сер, подчинен беспощадному технологическому режиму, бесконечной погоне за прибылями. Этот труд — прямая противоположность творчеству, действие, отчужденное от человека.

Не только на заводах, но и в офисах, деловых конторах и банках, научных учреждениях люди — не властелины техники, а ее покорные слуги, «детали» производственного механизма, знаки на общественной перфокарте. Микропроцессоры и мини-роботы в капиталистическом обществе не избавляют рабочих от обесчеловечивания труда. Более того, они усиливают его. Сведение функций к нажатию кнопок еще больше, чем конвейер, несет в себе угрозу деградации личности, ее отупения и распада.

Произошли изменения и в психофизическом состоянии людей. Экологический кризис, угроза термоядерной войны, созданные капитализмом мегаполисы — гигантские городские индустриальные комплексы приводят к стрессам, психическим заболеваниям, лишают пролетариев возможности нормально восстанавливать свою рабочую силу. Если раньше преградой для восстановления способности к труду являлась *нищета рабочего класса*, то сейчас ею стала *сама капиталистическая цивилизация*, совмещающая относительно высокий уровень жизни и изобилие товаров с сокращающимися, подобно шагреновой коже, естественными ресурсами человеческой жизни.

Двойной гнет — эксплуатации и отчуждения, систематическое подавление личности, профессиональных и человеческих способностей, невозможность контролировать производственный процесс и удовлетворять новые потребности — настоящая, хотя, быть может, и не всегда осознанная причина экономической борьбы рабочего класса за увеличение доли в фонде потребления, за повышение заработной платы. Но это не примитивный экономизм начала века, а новая реакция на современные методы дегуманизации труда.

На пороге XXI в. с новой силой подтвердилось предвидение К. Маркса, что «с развитием капиталистического производства все *услуги превращаются в наемный труд*, а все люди, оказывающие их, превращаются в *наемных рабочих*...»¹. Уже одно их численное преобладание объективно превращает пролетариев нематериального производства в огромную социальную силу.

Объективные тенденции в развитии современного капитализма расширяют массовую социальную базу антикапиталистического движения. Революционная активность его участников стимулируется и нарастающей угрозой гибели человеческой цивилизации от ядерного катаклизма и экологического истощения плане-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 49, с. 97.

ты. Все это повышает роль коммунистических партий, создает перспективу вовлечения подавляющего большинства населения в коалицию, перед которой не устоят ни монополистический капитал, ни государственная бюрократия, ни научный мандаринат, ни магнаты, контролирующие средства массовой информации и сеть коммуникаций. *Сейчас освобождение пролетариата есть не только освобождение человечества, но и его спасение.*

Однако новые возможности революционного процесса не устраняют его трудностей. Одна из самых сложных проблем международного рабочего движения — расхождение между объективными и субъективными предпосылками социалистической революции. Оно состоит, в частности, в том, что сознание значительной части трудящихся Запада, на которых самой историей возложена миссия покончить с эксплуатацией человека человеком, создать новый общественный строй, подчас отстает от объективных процессов, развивающихся в недрах буржуазного общества. Капитализм в своем движении перешагнул барьер, за которым начинается его собственное отрицание, объективное опровержение основ капиталистической экономики, системы эксплуатации, буржуазного образа жизни, иерархии его ценностей и приоритетов. *Зарождающаяся цивилизация — антипод капитализма, его противник и антагонист.*

Но было бы грубой ошибкой недооценивать военную мощь империализма, его агрессивность, накопленный опыт социального лавирования, космополитическую солидарность буржуазии в борьбе против социализма и освободительных движений, усиливающую решимость сообща тушить революционные пожары, вспыхивающие в разных частях планеты, совместно преодолевать трудности в капиталистической экономике. В переживаемую нами эпоху стал четко вырисовываться «общий, лежащий в основе экономического капиталистического союза, союз империалистов всех стран, союз, естественный и неизбежный для защиты капитала, не знающего отечества...»¹.

Научно-технический прогресс на Западе не только материализуется в открытиях, поражающих воображение, но используется и для мощной атаки на революционно настроенные массы и на человеческую личность, для попражнения самих основ ее свободы и сознательного выбора своей судьбы. Социологи государственных организаций и полуофициальных исследовательских корпораций с помощью новейшего аппарата математического анализа и электронно-вычислительных машин совершенствуют технику пропаганды и манипулирования массами, изучают мотивы их общественного поведения, используют тончайшие психотехнические мето-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 328.

ды управления их вкусами, наклонностями, политическими и даже физиологическими потребностями. Они используют в своих интересах и глубокие изменения в структуре рабочего класса, прежде всего рост интеллектуального слоя пролетариата. Цель этих усилий — противопоставить одни отряды рабочего класса другим, столкнуть их несовпадающие интересы, взгляды, стимулы жизни и труда.

Превращение значительной части населения в пролетариев умственного труда содержит в себе как положительный эффект, так и издержки антикапиталистической борьбы. Представители этого слоя пролетариев за небольшим исключением не осознают пока своего объективного классового положения, не знают своих подлинных союзников и врагов, мечутся между полюсами возмущения и депрессии, протеста и безнадёжности, между мечтой о революционных катаклизмах и страхом перед трудностями создания нового общественного строя. Становление новых отрядов пролетариата неизбежно сопровождается явлениями деклассирования, затрагивающими те слои капиталистического общества, которые выбрасываются за его борт компьютеризацией умственного и физического труда.

Сложные противоречивые процессы происходят и в традиционных отрядах рабочего класса. Часть их, особенно в США, под влиянием реакционных профсоюзов проделала обратный путь от «класса для себя» к «классу в себе». В общих чертах это выразилось в политическом равнодушии, в уходе в замкнутый мир экономических и личных интересов, в ослаблении национальной и международной солидарности с трудящимися других стран. Отдельные слои промышленного пролетариата примирились с гонкой вооружений, реакционным внутренним и внешним курсом американской администрации.

Но правый перекося отсталых слоев рабочего класса западного общества нестабилен, неустойчив, преходящ. Его исток — националистическая истерия, которая обрекает рабочее движение на разобщенность, размагниченность, слабость. Оно, если бы эти тенденции развились, потеряло бы не только наступательность, но и сопротивляемость, стало бы жертвой произвола капитала и государственной бюрократии.

Осознание этой опасности, помноженной на страшную угрозу термоядерной смерти, развеет гипноз шовинизма, выведет в конечном счете из социального анабиоза пораженные им слои трудящихся, возродит их общественную активность. Процесс возрождения антикапиталистических настроений уже заметен. Набирают силу старые и возникают новые антивоенные движения, которые все более сливаются с борьбой против империализма.

Революционный процесс намного усложнился. Но сложность

не означает слабости. Перед революцией — в мирных и немирных формах — открываются новые широкие горизонты. Неоценима роль реального социализма в мировом революционном процессе. Он — опора всех освободительных движений, щит, ограждающий мир от термоядерной катастрофы, практическая лаборатория поисков путей к бесклассовому обществу, к новой, коммунистической цивилизации.

С Великой Октябрьской социалистической революции начался новый отсчет исторического времени. В СССР — первооткрывателе социализма — впервые стали осуществляться идеалы лучших умов человечества. Советская демократия народа и для народа, вовлечение трудящихся в управление государством, народным хозяйством и обществом привлекали внимание передовой мировой общественности. Особый интерес к социалистической революции объяснялся еще и тем, что она произошла в России, соединившей в себе чрезвычайное многообразие крайностей, противоречий, начиная с антагонизмов передовых капиталистических государств и кончая спецификой социальных отношений колониальной и зависимой периферии. Все это усилило международный резонанс Октябрьской революции.

Разгром германского фашизма и японского милитаризма, образование мировой социалистической системы еще больше усилили воздействие социализма на мировой революционный процесс. Без поддержки социализма невозможно представить себе победу национально-освободительных революций, распад колониальной системы, социальные завоевания международного рабочего движения, коренное изменение в соотношении сил прогресса и реакции на политической карте мира.

Социализму в Советском Союзе пришлось отстаивать себя в смертельных войнах, развиваться в кольце экономической блокады, в тисках капиталистического окружения. Защищая революцию, социализм был вынужден прибегать к оружию, создавать мощную оборонную промышленность, отрывая для этой цели средства, предназначенные для развития гармоничного свободного общества.

Социализм и в мирные периоды всегда испытывал на себе давление капиталистического окружения. Именно в этом — одна из важных причин многих наших недостатков и трудностей. Разумеется, марксисты не отрицают противоречий самого социализма, хотя, в отличие от капитализма, они носят неантагонистический характер. Но, как и любой социальный организм, социализм развивается в борьбе нового со старым, созидательных и негативных тенденций, смелости и консерватизма, новаторства и бюрократизма. Противоречия и их преодоление, «перерыв постепенности» — пружина всякого движения природы и общества.

Совершенно очевидна непримиримая противоположность сущности преобразования технической базы социалистического производства и капиталистической реиндустриализации. Цель социалистической реорганизации производительных сил — подъем производства в интересах трудящихся, постепенное освобождение человека от рутины производственного процесса, монотонного труда. Автоматизация производства, компьютеры, роботы, гибкая технология, позволяющая быстро и легко переориентировать промышленность на изготовление новых видов продукции, не ведут к безработице, усилению социальной дифференциации, не заслоняют человеческого фактора, интересов трудящихся.

Выдвинутая на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС стратегия ускорения социально-экономического развития нацелена на качественное преобразование всех сторон жизни советского общества. Прежде всего предстоит коренное обновление материально-технической базы на основе достижений научно-технической революции. Но курс на ускорение, как было подчеркнуто в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, «не сводится к преобразованиям в экономической области. Он предусматривает проведение активной социальной политики, последовательное утверждение принципа социалистической справедливости»¹. Успех в решении намеченных задач в первую очередь зависит от активизации человеческого фактора, от демократизма социалистического строя, на необходимость всестороннего развития которого указал январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС.

Цель коммунистического строительства, как подчеркнуто в Программе КПСС, — все более широкое раскрытие неисчерпаемого творческого потенциала личности.

По мере приближения к коммунизму, вероятно, будет меняться характер соревнования двух противоположных социально-экономических систем. Объектом его будут уже не только и не столько показатели экономического развития, а показатели развития самого человека. При этом четче проявятся все преимущества социализма перед капитализмом. Он еще более наглядно, чем сейчас, покажет, что капитализм подменяет подлинное богатство мнимым, универсальности людей противопоставляет универсальность вещей, превращающихся из слуг человека в его повелителей.

Твердое, планомерное, неуклонное движение социализма к коммунистическому обществу несомненно умножит силу примера нового общественного строя, превратит его в магнит, притягивающий антикапиталистические силы. Но, само собой разумеется, возрастающее влияние социализма не снимает трудностей и противоречий современного революционного процесса.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 21.

Рост революционного сознания пролетариата не происходит автоматически. Он подготавливается марксистско-ленинской теорией, целенаправленной деятельностью коммунистических партий, которые призваны вносить революционное сознание в массы, готовить политическую армию революции — маневренную, гибкую, умело учитывающую любой нюанс социальной ситуации и в то же время последовательную, убежденную, способную не подменять тактическим расчетом основополагающие мировоззренческие марксистско-ленинские принципы.

Эта задача и облегчается и затрудняется в период мировоззренческого кризиса, охватившего западное общество. Глубокое разочарование в концепциях, практических рекомендациях и футурологических проектах буржуазных социологов и экономистов возродило на Западе интерес к марксизму. К нему потянулись представители самых разных теоретических направлений, старых и новых научных и псевдонаучных школ. Разрушительные последствия неоконсервативной внутренней и внешней политики усилили стремление найти в учении Маркса ответы на вопросы о настоящем и будущем человечества.

Интерес к Марксу многогранен, диалектичен, противоречив. Поскольку он растет и со стороны непролетарских слоев, это таит в себе опасность серьезных искривлений марксистско-ленинской теории, ее догматических и ревизионистских искажений. Но несомненно и другое — массовое распространение марксизма, как бы его ни выхолащивали и ни искажали, помогает формированию массовой революционной идеологии.

Общество, где главное богатство — всесторонне развитая, образованная, освоившая и развивающая достижения культуры личность, равноценно коммунизму, как его представляли себе К. Маркс и Ф. Энгельс. «Чем иным является богатство, — спрашивал создатель «Капитала», — как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится остаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»¹.

Абсолютное движение становления человека — непрерывное развитие личности, ее творческое обогащение, постоянное самообновление. Развитие личности бесконечно, как бесконечно самоосо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 476.

вершенствование коммунистического строя. В мировом коммунистическом обществе царство свободы, как писал К. Маркс, окажется «по ту сторону сферы собственно материального производства»¹, перестанет диктоваться внешней целесообразностью, превратится в неудержимую внутреннюю потребность. Произойдет не просто полное освобождение личности, но и ликвидация всех разновидностей отчуждения, включая противостояние техники и природы, которое остается и в зрелом социалистическом обществе. В коммунистическом обществе обретет реальность идея К. Маркса о том, что человек является сущностью всех социальных образований, которые выступают как его *действительная* всеобщность².

Идеал коммунизма — не разобщенность личности и общества, характерная для капитализма, а их взаимодополняемость и неразрывность. «...Лишь тогда, когда человек познаёт и организует свои «собственные силы» как *общественные* силы и потому не станет больше отделять от себя общественную силу в виде *политической* силы,— лишь тогда свершится человеческая эмансипация»³.

Одна из важных целей коммунистического общества — сокращение рабочего и расширение свободного времени для всестороннего развития личности. Но в отличие от «социологических пессимистов» и участников альтернативного движения, марксизм не отрывает производственную деятельность от свободного времени, не допускает возможности его расточительства, бесполезной растраты, иррациональной пагубной бездеятельности. К. Маркс считал свободное время, т. е. время, необходимое для развития человеческой личности, величайшей производительной силой. «С точки зрения непосредственного процесса производства,— писал он,— сбережение рабочего времени можно рассматривать как производство *основного капитала*, причем этим основным капиталом является сам человек»⁴. Свободное время — пространство для возвышенной деятельности, стимул для раскрытия всех способностей человека, его интеллектуального и духовного роста. Обновленная личность возвращается в производство, которое для формирующегося человека становится школой дисциплины, а для сложившегося — представляет собой применение знаний, экспериментальную науку⁵.

Таковы в самом сжатом и общем изложении некоторые черты будущей коммунистической цивилизации. Разумеется, теорети-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 387.

² См. там же, т. 1, с. 264.

³ Там же, с. 406.

⁴ Там же, т. 46, ч. II, с. 221.

⁵ См. там же.

ческие абстракции могут дать лишь приблизительное представление об обществе будущего. Только практика, историческое творчество трудящихся позволяют заполнить на марксистской теоретической карте коммунистической цивилизации белые пятна. Ясно одно: коммунизм ничего общего не имеет с иллюзорными представлениями о «тысячелетнем царстве» на земле. Он — живое, развивающееся общество со своими противоречиями и проблемами, которые будут преодолеваются в ходе его исторического движения.

Но путь к коммунистической цивилизации, как уже неоднократно говорилось, — не медленное, постепенное вползание капитализма в новое общество, а все усиливающаяся революционная напряженность, захват орбитой революции все большей численности исторически действенной массы¹, пролетарская солидарность, осознание всеми отрядами пролетариата своего объективного классового положения, их укрепляющаяся воля вырвать из рук капитала политическую власть.

На Западе можно слышать мнение, что угроза атомной войны исключает возможность революционного классового противоборства. Напротив, она ее усиливает. Борьба пролетариата против применения атомного оружия, за мирное сосуществование — один из важнейших резервов революционного процесса. В атмосфере борьбы трудящиеся быстрее освобождаются от националистического гипноза, легче вырываются из сетей буржуазных манипуляций, четче понимают также и свои классовые интересы, яснее различают своего истинного, а не мнимого врага. В век термоядерной энергии, микроэлектроники, информационного взрыва формы революций могут меняться. Неизменным остается одно — творческий метод марксистско-ленинской теории и практики. Революции были, есть и остаются локомотивами истории, двигателями общественного прогресса.

Революционные преобразования необходимы не только для слома единого механизма власти капиталистического государства, транснационального капитала, международного военно-промышленного комплекса. Они преобразуют и сознание самого пролетариата, очищая и обновляя его. «...Революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть *господствующий класс*, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — но и потому, что *свергающий класс* только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества»². К. Маркс требовал готовить пролетариат к решительному походу против политической и экономической власти

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 90; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 189.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 70.

буржуазии, побуждать его путем постоянной агитации занять враждебную позицию по отношению к господствующим классам. «В противном случае,— отмечал он,— рабочий класс останется игрушкой в их руках...»¹ В. И. Ленин также подчеркивал, что «пролетариат... не лишен недостатков и слабостей капиталистического общества»², и он преодолевает их в борьбе за социализм.

Пролетарская революция — это подлинная, а не выдуманная диалектика действия, критика критики, осознание и исправление собственных ошибок. Пролетарские революции, писал К. Маркс, «постоянно критикуют сами себя, то и дело останавливаются в своем движении, возвращаются к тому, что кажется уже выполненным, чтобы еще раз начать это сызнова, с беспощадной основательностью высмеивают половинчатость, слабые стороны и негодность своих первых попыток, сваливают своего противника с ног как бы только для того, чтобы тот из земли впитал свежие силы и снова встал во весь рост против них еще более могущественный, чем прежде, все снова и снова отступают перед неопределенной громадностью своих собственных целей, пока не создается положение, отрезающее всякий путь к отступлению...»³.

В наше время экономических и других кризисов, смертельной опасности термоядерной войны пути движения вперед становятся все более определенными для большинства людей. Выбор, поставленный самой историей перед пролетариатом и народами мира,— порабощение и возможная гибель человечества или его спасение и вступление в подлинно гуманное коммунистическое общество. В грядущем столетии надежды людей все больше будут связываться с решимостью пролетариата не допустить уродливого использования капитализмом достижений человеческой цивилизации. Понимание своей ответственности, которое рано или поздно преодолеет имеющиеся пока у многих рабочих заблуждения и предубеждения, навязанные превратные представления о мире и его будущем, поможет пролетариату полностью осознать свою объективную историческую миссию, разбудит в нем неисчерпаемые силы, укрепит его волю освободить себя и все человечество.

Коммунистическая партия Советского Союза исходит из того, что «главное направление борьбы в современных условиях — создание достойных, подлинно человеческих материальных и духовных условий жизни для всех народов, обеспечение обитаемости нашей планеты, рачительное отношение к ее богатствам. И прежде всего к главному богатству — самому человеку, его возмож-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 283.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 197.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 123.

ностям»¹. В конечном счете борьба за человека — решающая сфера соревнования социализма с капиталистической системой.

На исходе текущего столетия жизнь убедительно показывает, что новая цивилизация не совмещается с капитализмом, противостоит ему, стремится вырваться из его оков. Не в марксистских традициях предсказывать точные сроки и конкретные формы крушения капитализма, рисовать в деталях картину будущего. Это сделает практика новых поколений, которым предстоит завершить возведение мирового коммунистического сообщества.

¹ Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 26.

Предметный указатель

Абсентеизм — 309—310

Антивоенные движения — 17, 140, 270, 277—281, 306—307, 329, 336, 349, 361, 383—384, 392, 396, 448

Антикоммунизм, антисоветизм, борьба с ними — 144—145, 158, 281, 303, 320—322, 329, 413

Банки — 74, 85—91, 114, 209, 215, 220
— транснациональные (ТНБ) — 74—75, 91—95

Безопасность международная — 7, 149, 330—337, 343—350, 361—369

Безработица — 14, 21, 41, 43, 46, 51, 67, 69, 107, 155, 157—158, 174, 178, 218, 221, 231—232, 255—260, 264, 265, 268—269, 283, 400, 423, 437

Буржуазия — 9, 14, 21, 23, 28, 34, 72, 98, 99, 106, 107, 137, 139, 140, 195, 225, 227, 239—240, 266, 274, 298, 396, 448—449

— и государство (политическая власть) — 10, 27, 34, 35, 53, 72, 107, 140, 158, 225, 239—240, 289—307, 328

— монополистическая — 8, 16, 24, 31, 137, 139, 157, 312—313, 384—385, 434

Бюджет — 115—121, 123, 124, 144, 152, 156, 183, 189, 236, 265, 424

Валовой национальный (внутренний) продукт (ВНП, ВВП) — 76, 83, 115, 120, 152, 155, 163, 168, 169, 176, 180, 204—205, 206, 209, 219, 231—233, 236, 239, 244—245, 373

Валютно-финансовый кризис — 15, 42, 44, 209, 214—215

Варшавский Договор — см. Организация Варшавского Договора

Внешняя политика КПСС и Советского государства — 48, 330—333

— ленинские принципы советской В. п. — 361—362

— борьба за мир, устранение опасности войны — 24, 98, 330—334, 354—357, 393

— предложения и инициативы СССР по прекращению гонки вооружений и предотвращению войны — 150—151, 330—331, 352—360, 363—366

— поддержка освободительной борьбы народов и укрепление сотрудничества с освободившимися странами

- Азии, Африки и Латинской Америки — 242, 243, 246—248
- развитие отношений с капиталистическими государствами — 97, 149
- Внешняя торговля** — 37, 53, 80—81, 84, 94, 160, 165, 166, 176, 178, 186, 191, 212—214, 221
- Военно-промышленный комплекс (ВПК)** — 16, 20, 38, 108, 138, 140, 150, 321, 403, 407
- Военно-стратегический паритет** — см. Паритет военно-стратегический
- Война** — 136, 141, 151, 156
- ракетно-ядерная В. — угроза для человечества — 148, 156, 330, 333, 338—340
 - вторая мировая В. (1939—1945 гг.) — 10, 13, 16, 51, 108, 151, 163
- Вооружение, гонка вооружений** — 7, 11, 15—16, 51, 98, 139, 141, 153, 154, 155, 157, 158, 307, 329, 337, 342, 343, 348, 351, 371, 372, 387, 408
- курс США и НАТО на форсирование гонки вооружений, на подрыв военно-стратегического равновесия в мире — 16, 18—20, 137—148, 150, 333, 341, 352, 355—356
 - контроль над вооружениями — 149, 343, 360
 - и соглашения об ограничении гонки вооружений — 148, 150, 333, 352
- Вывоз капитала** — 36, 78—79, 80, 91—95, 100, 160, 186, 189, 191, 192—194, 200, 202—203, 215, 230, 237
- Гегемонизм** — 21, 97, 181—184, 189, 203—204, 207, 212
- Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ)** — 188, 215
- Глобальные проблемы** — 24, 28, 44, 73, 157, 158, 172, 179, 216, 346, 368, 370—393
- и международное сотрудничество — 24, 216, 337, 347, 382, 391—393
 - и общественные движения — 382—384
 - и социальные отношения — 158, 378—380, 386—390
- Государственно-монополистический капитализм** — 12, 13, 31, 32, 37, 41, 47, 106—109, 140, 151, 160, 161, 177, 185, 214—215, 423, 424, 426, 436
- Государственно-монополистическое регулирование экономики** — 11, 13, 14, 15, 36, 38, 45—46, 78, 102, 107, 123—134, 160, 161, 163, 172, 179, 184, 187—189, 214, 299, 387, 424
- его формы — 46, 107—109, 121—130, 132—134, 168
 - и государственная собственность — 109—113, 131—132
- Государственный бюджет** — см. Бюджет
- Государственный долг** — 30, 120—121, 157
- «Группа 77»** — 220, 242
- Движение неприсоединения** — 220, 242—243, 360, 361
- «Делийская шестерка»** — 336, 360, 361, 368
- Демократия буржуазная** — 12, 13, 22, 27, 40, 108, 117, 220, 273, 308—329
- основные политические силы — 290—296, 299—307
 - и реформизм — 299—301
- Дефицит платежного баланса** — см. Платежный баланс
- Диверсификация производства** — 75—76

Долговой кризис — 15, 215—216, 220, 226

Европейская безопасность — см. Безопасность международная

Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) — 92, 190—191, 198, 203, 205, 209, 214

Забастовочное движение — 262—263, 274

Заработная плата — 43, 107, 125, 198—201, 204, 262

— номинальная — 263, 440

— реальная — 43, 201, 261, 263, 265, 439

Закон неравномерности экономического и политического развития капитализма в эпоху империализма — 32, 188—192, 200—210, 216

«Звездные войны» — см. Немилитаризации космоса проблема

Идеологическая борьба — 24, 276, 403—406, 421

См. также Антикоммунизм, антисоветизм; Пропаганда буржуазная; Психологическая война

Интеграция — 79—80, 160, 185, 192, 198, 214

— экономическая — 190—191, 198, 209, 214

См. также Европейское экономическое сообщество (ЕЭС)

— военная — 137

Интернационализация производства и капитала — 74, 78, 84, 85, 92, 108, 130—131, 160, 165, 178, 185, 196, 199—200, 211, 215

Интернационализм пролетарский — 198, 280—281, 285—288

Инфляция — 30, 43, 46, 118, 123, 125, 131, 157, 162, 168, 173—174, 183, 190, 214, 270, 423, 435

См. также Стагфляция

«Информационный империализм» — 72, 409—412

Капиталистическое мировое хозяйство — 21, 30, 35, 45, 47, 123, 160, 161, 165—166, 169, 174—175, 178, 179, 183, 184—216, 234

Классовая борьба — 14, 22, 29, 34, 42, 74, 104, 137, 198, 249, 260—262, 271—272, 293, 382—383, 424

Колониальная система, ее крушение — 5, 11, 12, 29, 31, 217, 220, 222—224, 242

См. также Неоколониализм

«Комиссия Пальме» — 336, 338—339, 361

Конкуренция — 36, 47, 53, 56, 79, 84, 155, 191, 201—210

— монополистическая — 34, 74, 75—76, 81—82, 86, 100, 191

Консерватизм в буржуазном обществе — 22, 27, 43, 131, 269—271, 280, 301, 302—305, 322, 326, 328, 435—437

— и национализм — 269—271, 300, 303, 317—318, 443

— в политике — 302—305

— в экономике — 130—134, 302—303

— и политика социального реванша — 134, 263—266, 274, 302

Концентрация производства и капитала — 36, 43—44, 75, 77—78, 85, 107

Космическое оружие — см. Немилитаризации космоса проблема

Космос, его использование в мирных целях — 331, 337, 347

- Кредит** — 86—87, 88—89, 122—124, 133, 162
— международный — 91—95, 189, 191, 237
- Кризисы и циклы экономические** — 11, 21, 35, 41, 42, 46, 47, 79, 84, 107, 119, 161—169, 171—184, 209, 226, 423, 437
- Культура буржуазная** — 394—421
— и кризис морали — 23, 394—402
- «Массовая культура»** — 8, 23, 394, 408—411, 416—421
См. также Культура буржуазная
- Массовые демократические, антимонополистические движения** — 22, 29, 78, 103—104, 299, 306—307, 371, 396, 441—442
- Межимпериалистические противоречия** — 12, 13, 21, 26, 29, 99, 160, 203—210
- Международное капиталистическое разделение труда** — 36, 47, 83, 84, 177, 186, 212, 213, 222
- Международные монополии** — см. Монополии — транснациональные
- Международный банк реконструкции и развития (МБРР)** — 188, 215
- Международный валютный фонд (МВФ)** — 188, 215
- «Международный терроризм»** — см. Терроризм — международный
- Милитаризм** — 17, 18, 20, 38, 135—158, 280, 320—322, 329, 355, 368
— и экономика — 44—45, 139, 151—156, 280
- Мир, борьба за мир** — 17, 19, 276—277
См. также Антивоенные движения; Внешняя политика КПСС и Советского государства — борьба за мир, устранение опасности войны
- Мирное сосуществование государств с различным общественным строем** — 149, 336, 337, 362, 367—368, 371
- Мировая социалистическая система** — 11—12, 21, 31, 41, 108, 116, 245, 390—391, 444
- Мировое капиталистическое хозяйство** — см. Капиталистическое мировое хозяйство
- Мировой революционный процесс** — 8, 186, 247—248, 287, 444
См. также Рабочее и коммунистическое движение; Национально-освободительные движения
- Мировой капиталистический рынок** — 165, 186, 212—214
- Монополии** — 9, 20, 34, 40, 46, 51, 53, 72—80, 82, 105, 106, 113, 114, 128, 153, 160, 172, 177, 185, 187, 188, 196, 197, 200, 222, 321, 384—385, 416
— и государство — см. Государственно-монополистический капитализм
— и международные банки — 74—75, 78—79, 91—94
См. также Банки — транснациональные
— и мелкий (средний) бизнес — 77—78, 252—254, 268, 436
— в развивающихся странах — 20—21, 221—223, 226—227
— транснациональные (ТНК) — 21, 36, 74—75, 185—186, 192—199, 204, 210—213, 222, 226—227, 385, 412
— и экологическая проблема — 384—386
- Мораторий на ядерные взрывы** — 357
См. также Оружие массового уничтожения — борьба за прекращение испытаний ядерного оружия
- Налоги** — 115—122, 124, 157

НАТО — 18, 141, 144—146, 149, 152, 207, 319, 321, 338, 344, 357, 358, 365
См. также Вооружение, гонка вооружений — курс США и НАТО на форсирование гонки вооружений, на подрыв военно-стратегического равновесия в мире

Научно-техническая революция — 20, 22, 23, 34, 38—39, 42, 43, 47, 49—54, 66—73, 77, 78, 108, 137, 140, 159, 193, 194, 196, 197, 198—202, 205, 276, 297, 314, 330, 389, 422, 424, 425, 430, 439, 445

— основные направления и этапы — 20, 44, 52—54, 66, 200—206

— и роботы — 54, 57—59, 62

— и роль ЭВМ — 52, 54—62, 71, 87, 91, 428, 440

— социальные аспекты — 43, 47—48, 66—73, 256, 314—316, 324—329, 440
См. также Научно-технический прогресс

Научно-технический прогресс — 5, 14, 25, 37, 39, 44, 49—54, 72—73, 153, 160, 174, 175, 205, 217, 326—327, 386, 389, 390, 433, 436, 442

См. также Научно-техническая революция

Национально-освободительные движения — 29, 31, 32, 99, 137, 246—248, 424, 444

Национальное богатство — 109—111, 426, 430

Национальный доход — 115, 217, 401

Немилитаризации космоса проблема — 16, 18, 65, 143—144, 150, 333, 339—342, 353, 355, 368

«Неоглобализм» — 21, 270—271, 319, 329, 365

Неоколониализм — 12, 14—15, 39, 47, 99, 170, 202, 222, 244, 325, 424

Неокорпоративизм — 312—313, 328—329, 430

Неофашизм — см. Фашизм

Неравномерность экономического и политического развития капиталистических стран — см. Закон неравномерности экономического и политического развития капитализма в эпоху империализма

Новое политическое мышление — 6, 7, 17, 19, 330—334, 349—350, 357, 362, 366—369, 370, 393

Новый международный экономический порядок — 242—243, 331, 346

Обобществление производства при капитализме — 41, 71, 83, 104, 159, 210—211

Образ жизни капиталистический — 8, 19, 23, 41, 394—400, 412—416

Общий кризис капитализма — 5, 9, 15, 18, 19, 21, 26—33, 38, 44, 46—47, 72, 106, 184, 192, 386, 435

«Общий рынок» — см. Европейское экономическое сообщество

ОПЕК — 100, 229—231

Организация Объединенных Наций (ООН) — 102, 148, 170, 231, 334, 344—346, 350, 361, 363, 364—367, 377, 385, 392

Организация Варшавского Договора — 148, 149, 150, 338, 344, 357, 358

Оружие массового уничтожения, борьба за его запрещение — 8, 17, 150, 333, 334, 339, 346, 351—354, 358, 363—369

— борьба за прекращение испытаний ядерного оружия — 354, 357, 368, 376

— борьба за создание зон, свободных от ядерного и химического оружия — 358—359

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) — 194

- Освободившиеся страны** — 8, 12, 14, 15, 21, 26, 47, 146, 155, 166, 170, 176, 179, 181, 194, 202, 215—216, 217—248
- О. с. социалистической ориентации — 235—236, 241—242, 245—248
 - в мировой экономике — 218—221, 229, 231—234, 236, 244, 245, 373, 374
 - в международных отношениях — 47, 244
 - и внешняя задолженность — 15, 215, 220, 226, 237
- См. также Долговой кризис
- Основное противоречие капитализма** — 33, 41, 42, 150, 159
- и формы его проявления — 42, 159, 210—216
- Охрана окружающей среды** — 360, 373, 384, 389—391, 392, 439
- См. также Экологическая проблема
- Паритет военно-стратегический** — 16, 98, 148—151, 337—338, 343
- Продовольственный кризис** — 24, 218, 225, 373—374
- Платежный баланс** — 190, 226, 230
- Производительность труда** — 21, 39, 41, 49, 67, 69, 104, 182, 204, 435, 437
- Производительные силы при капитализме** — 5, 9, 11, 33, 37, 38, 44, 50, 77, 83, 104, 114, 140, 170, 282, 323, 379, 388, 423—426, 431, 437, 438, 445, 447
- Производственные отношения капиталистические** — 9, 28, 38, 41, 83, 84, 114, 245, 423, 426
- Производство общественное капиталистическое** — 29, 33—34, 38—39, 41, 42, 52, 68, 79, 80, 81, 83, 103, 105, 106, 114, 119, 126, 158, 159, 160, 167, 172, 177, 187, 210, 223, 252, 258, 268
- материальное — 35, 44, 49—54, 67, 69, 80, 160, 166, 167, 170, 175, 252, 253, 427, 428
 - нематериальное — 36, 54, 67—69, 80, 255, 256, 258, 426, 427, 428, 431
 - военное — 108, 137—139, 144, 151—154
 - его рост — 37, 38, 175
- См. также Экономический рост
- его эффективность — 41, 78, 326—327
- Пролетариат** — 21, 32, 104, 108, 245, 252, 254, 433, 434, 436, 441, 443, 446
- его структура — 250—253, 433—434
 - сельскохозяйственный — 245, 254
 - торгово-конторский — 253, 434
- См. также Рабочий класс
- Пропаганда буржуазная** — 144, 271, 279, 280, 290, 294, 323—326, 400—406, 408
- Противоречия капитализма** — 15, 19, 24, 26, 32, 34, 36, 46—47, 214, 387
- Профсоюзы** — 44, 50, 98, 99, 103, 125, 260—262, 264, 273, 385
- Психологическая война** — 11, 349
- Рабочее и коммунистическое движение** — 29, 31, 40, 98, 103, 134, 137, 273—288, 291, 299, 329, 442, 444
- и его альтернативные экономические программы — 271—273, 425, 439
 - и борьба за мир — 276—281
 - и сотрудничество левых сил — 277—279, 286—288
- Рабочий класс** — 39, 40, 43, 87, 104, 108, 198, 255, 281—285, 291, 309, 382—384, 386, 424, 439, 443
- и крестьянство — 260—261
 - при социализме — 444, 445
- Развивающиеся страны** — см. Освободившиеся страны

- Разоружение** — 156—157, 350—360, 376
- Разрядка международной напряженности** — 97, 295—296, 298, 329, 336, 346, 362—363
- Реакция империалистическая** — 13, 17, 22, 31, 247, 329
- Революция социальная** — 32, 51, 448—450
- социалистическая — 9—10, 28, 31, 328, 388, 444, 448—450
 - буржуазно-демократическая — 15, 322—323, 328
- Соревнование двух мировых общественных систем** — 23, 31, 34, 39, 40, 42, 48, 51, 75, 96, 97, 105, 184, 331, 336, 370—371, 445, 450
- и основное противоречие эпохи — 41—42
- Социализм** — 10—11, 16, 21, 23—24, 25, 28, 29, 31, 32, 34, 53, 107—108, 138, 148, 151, 181, 184, 242, 285, 325—326, 331—332, 371, 388, 444—445
- его преимущества — 327, 371, 389—390
 - и мировой революционный процесс — 444
- См. также Мировая социалистическая система
- Социальная структура буржуазного общества** — 250—255, 433—434
- Социальное маневрирование** — 11, 13, 14, 15, 296, 387
- Средства массовой информации** — 8, 23, 40, 103, 144, 157, 158, 349, 394—395, 400—406, 407, 409, 413, 420
- Средства производства** — 31, 40, 107, 432
- Стагфляция** — 123, 131, 171—172, 177, 214
- «Стратегическая оборонная инициатива» (СОИ)** — см. Немилитаризации космоса проблема
- Структурный кризис** — 21, 42, 46, 123, 158, 169, 174, 183, 273, 423, 425, 436
- Суверенитет государственный** — 102, 189, 211, 345
- Сырьевой кризис** — 41, 161, 172, 385—386
- Терроризм** — 9, 303, 403
- международный — 397, 403
 - государственный — 329, 396, 409
- Транснациональные корпорации** — см. Монополии — транснациональные
- Уровень жизни при капитализме** — 12, 13, 387, 441
- Фашизм** — 12, 13, 22, 92, 299—300, 313, 329, 444
- Финансовая олигархия** — 31, 42, 95, 96, 109, 195
- Финансовый капитал** — 74—75, 77, 85, 91, 96—101, 160, 194, 200, 210, 244
- Финансово-монополистические группы** — 77, 91, 95
- Химическое оружие** — см. Оружие массового уничтожения, борьба за его запрещение
- Централизация капитала** — 74, 75
- Центры империалистического соперничества** — 180—183, 188—192, 200—210
- Цивилизация** — 5, 6, 16, 18, 23, 24, 25, 28, 330, 346, 366, 367, 370, 371, 378, 388, 394, 422, 426, 438
- буржуазная Ц. — 5, 8, 23, 430, 441
 - коммунистическая Ц. — 7—8, 442, 446—448, 450

Экологическая проблема — 134, 372—380, 384, 390, 393, 436, 441

См. также Глобальные проблемы;
Охрана окружающей среды

Экономический рост — 15, 21, 34, 44, 45, 153, 169, 183, 202, 224, 259, 261, 372, 423

См. также Производство — его рост

Экспорт капитала — см. Вывоз капитала

Энергетический кризис — 385—386

Ядерное оружие — см. Оружие массового уничтожения, борьба за его запрещение

НОВЫЕ РЕАЛЬНОСТИ И БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА (вместо введения)	5
Глава I. В ЛАБИРИНТАХ ОБЩЕГО КРИЗИСА	26
Век социального перелома.— Резервы капитализма.— Полоса дестабилизации.	
Глава II. ОТ ПАРОВОЙ МАШИНЫ ДО КОМПЬЮТЕРА: НАУКА, ТЕХНИКА, ЧЕЛОВЕК	49
Капитализм и научно-технический прогресс.— Наука и техника сегодня и завтра.— Некоторые социальные проблемы на новом этапе НТР.	
Глава III. ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ И ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ СЕГОДНЯ	74
Современная монополия: общий облик.— От национальных — к транснациональным монополиям и банкам.— ТНК: основные формы деятельности.— ТНК и капиталистическая экономика.— Паутина банковского контроля в век «электронных платежей».— Транснациональные банки.— Финансовый капитал на международной арене.— ТНК все активнее вторгаются в политику.— Против засилья ТНК.	
Глава IV. СОВРЕМЕННЫЙ ЛЕВИАФАН: ГОСУДАРСТВО И ЭКОНОМИКА	106
Немного истории.— «Смешанная экономика»: в каких дозах? — Расходы, налоги, дефициты и долги.— Цели и методы регулирования.— Извивы государственного вмешательства в экономику.— Капиталистическое планирование.— Правые консерваторы: что нового в экономической политике?	
Глава V. МОЛОХ МИЛИТАРИЗМА	135
Милитаризм — надежда на выживание.— Горы оружия.— Ставка на военное превосходство.— Экономическое бремя.— Бич для трудящихся.	
Глава VI. ТРЯСИНА КРИЗИСОВ	159
Противоречия капиталистического обобществления.— Общее и особенное в послевоенных циклах.— Новые черты циклического развития: 70—80-е годы.— Кризисы и неравномерность развития.	
Глава VII. КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО: ПЕРЕДЕЛ СФЕР ВЛИЯНИЯ	185
Формирование трех центров.— Интернационализация и национальная база.— Рабочий персонал как объект борьбы за сферы господства.— Неравномерность развития и полицентризм сегодня.— Мировой капиталистический рынок и межимпериалистические противоречия.— Международные формы проявления основного противоречия капитализма.	

Глава VIII. «ТРЕТИЙ МИР»: БЕДНОСТЬ И ПРОГРЕСС	217
В сетях зависимости.— Растет ли капитализм изнутри? — Латиноамериканская модель.— Нефтяные короли.— Там, где царит голод и нищета.— Двойное зло «слаборазвитого капитализма».— Прогресс достигим лишь в борьбе.	
Глава IX. ВОЛНЫ КЛАССОВОЙ КОНФРОНТАЦИИ	249
Новое в расстановке социальных сил.— Общество массовой безработицы.— Стратегия социального реванша.— Впереди новые рубежи.— Коммунистическое движение перед новыми реальностями.	
Глава X. ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ: ВЛЕВО ИЛИ ВПРАВО?	289
Партии и власть.— Время буржуазного реформизма.— Мифы остаются мифами.— Поляризация политических сил.— Силы, которым крепнуть.	
Глава XI. СУДЬБЫ БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ	308
К вопросу о критерии.— О неокорпоративизме.— Научно-техническая революция и контроль над мыслями.— Демократия и милитаризм.— Лозунги и реальность: о свободе и равенстве.	
Глава XII. МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЯДЕРНО-КОСМИЧЕСКУЮ ЭРУ	330
Реализм нового политического мышления.— Новая постановка вопроса о безопасности.— Системообразующая роль разоружения.— Строительство безопасного мира — дело всех стран и народов.	
Глава XIII. КАПИТАЛИЗМ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	370
Противоречивый, но взаимозависимый мир.— Перед лицом глобальных проблем.— Неизбежное зло? — «Глобальная» апологетика капитализма.— Новые формы движения общественности.— Монополии «решают» проблемы...— Симптом истощения возможностей.— Социалистическая альтернатива и международное сотрудничество.	
Глава XIV. КУЛЬТУРА, МОРАЛЬ — ПРЕДЕЛЫ ПАДЕНИЯ	394
Идеалы и цели.— Тотальная пропаганда.— Психология страха.— Информационный империализм.— Власть рекламы.— «Массовая культура».	
Глава XV. НА ИСТОРИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ. НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ	422
Стремительность и парадоксальность перемен.— Тектонические сдвиги.— Присвоение человека.— Шквал противоречивых оценок.— Трудные маршруты революции.	
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	451

К20

Капитализм на исходе столетия / Науч. ред. А. Н. Яковлева. — М.: Политиздат, 1987. — 462 с., табл., диагр.

К 0604040000—147
079(02)—87

ББК 62.2(08)

© ПОЛИТИЗДАТ, 1987 г.

КАПИТАЛИЗМ на исходе столетия

Редакторы *А. В. Горбатова, В. Т. Пискунов*
Младший редактор *О. В. Попова*
Художественный редактор *А. А. Пчелкин*
Художник *А. А. Солнышков*
Технические редакторы *М. И. Егорова, Г. М. Короткова*

ИБ № 5400

Сдано в набор 15.12.86. Подписано в печать 05.03.87. А00041. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать офсетная. Усл. печ. л.
26,97. Усл. кр.-отт. 47,43. Уч.-изд. л. 30,34. Тираж 100 тыс. экз. Заказ 1114. Цена 2 р. 30 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473,
Краснопролетарская, 16.

Буржуазное общество на пороге столетия

Новая волна НТР

Диктат транснациональных монополий

Ядерный век — новое мышление

Стратегия социального реванша

Коммунистическое движение перед новыми
реальностями

„Третий мир“ в сетях зависимости

92

92

Общество массовой безработицы
Глобальные проблемы: необходимость международного
сотрудничества
Истоки неоконсерватизма

Новое в расстановке социальных сил
Буржуазная демократия как она есть
Межимпериалистические противоречия не утихают
„Массовая культура” — духовная и нравственная
деградация

- I. В лабиринтах общего кризиса
- II. От паровой машины
до компьютера: наука, техника,
человек
- III. Транснациональные корпорации
и финансовый капитал сегодня
- IV. Современный левиафан: государство
и экономика
- V. Молох милитаризма
- VI. Трясина кризисов
- VII. Капиталистическое мировое
хозяйство: передел сфер влияния
- VIII. „Третий мир”: бедность
и прогресс
- IX. Волны классовой конфронтации
- X. Политический корабль:
влево или вправо?
- XI. Судьбы буржуазной демократии
- XII. Международная безопасность
в ядерно-космическую эру
- XIII. Капитализм против человечества
- XIV. Культура, мораль — пределы падения
- XV. На историческом повороте. Настоящее
и будущее цивилизации

КАПИТАЛИЗМ

на исходе
столетия

